

ШКУРО
Андрей Григорьевич
1887–1947

ШКУРО

Владимир Рынкевич

ПОД ЗНАКОМ ВОЛКА

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТРЕЛЬ
«Транзиткнига»
МОСКВА
2006

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 95

Оформление
В. И. Харламова

Рынкевич, В. П.
Р 95 Шкуро : Под знаком волка : роман / Владимир Рынкевич. — М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. — 537, [7] с.: ил. — (Белое движение).

ISBN 5-17-036148-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-13727-9 (ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 5-9578-3804-7 (ООО «Транзиткнига»)

О одном из самых известных деятелей Белого движения, легендарном «степном волке», генерал-лейтенанте А. Г. Шкуро (1886—1947) рассказывает новый роман современного писателя В. Рынкевича.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 10.01.2006.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная».

Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 28,56. Тираж 4000 экз. Заказ 745.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ISBN 5-17-036148-3
(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13727-9
(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 5-9578-3804-7
(ООО «Транзиткнига»)

ISBN 985-13-7490-3
(ООО «Харвест»)

© В. П. Рынкевич, 2006

© ООО «Издательство Астрель», 2006

ISBN 5-17-036148-3

9 785170 361489

Владимир Рынкевич

ПОД ЗНАКОМ ВОЛКА

РОМАН

*И не раскаялись они в убийствах
своих, ни в чародействах своих,
ни в блудодеянии своем,
ни в воровстве своем.*

Откр. 9.21.

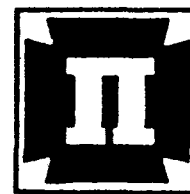
*Еще до сих пор казацкие роды
считаются родством
с чеченскими, и любовь к свободе,
праздности, грабежу и войне
составляет главные черты их
характера.*

Л. Толстой. Казаки

КИСЛОВОДСКИЙ ЗАГОВОР

I

Пасха в том восемнадцатом выпала такая поздняя, что многие не дождались Светлого Воскресенья, а уцелевшие теряли надежды на Спасителя, медлившего с приходом на эту погрязшую в крови и грехе землю. Но сразу наступило лето, а с ним что-то затеплилось в измученных сердцах. В парке и на бульваре, под старыми липами и тополями появились робкие гуляющие: переодетые офицеры, узнаваемые по пиджакам с чужого плеча и выправке, новые большевистские начальники в помятых гимнастерках и армейских сапогах, не то угрожавшим, не то испуганным выражением на лицах; местные жители, радующиеся солнцу и тишине, покорно ожидающие новых обысков, арестов, расстрелов. Только не знали, кто именно будет обыскивать, арестовывать и расстреливать; офицеры Добровольческой армии, воюющей где-то за Екатеринодаром, или матросы в белой летней форме, бесчинствующие в Ставрополе и, по слухам, собирающиеся нагрянуть в Кисловодск.

Он не выдерживал добровольного заточения в тайной квартире, выходил прогуляться и... как ни старался, каких усилий ни прилагал, чтобы выглядеть обычным небритым стариком в заношенной куртке мастерового, почти каждый раз его кто-то узнавал. Одна из первых встреч хоть и оказалась безопасной, но была совершенно ненужной, нелепой, возвратив его в бесшабашное юношеское прошлое: в парке подошел один из тех давно забытых, с кем когда-то, будучи семнадцатилетним мальчишкой, поступал в Николаевское кавалерийское училище. Тогда Мишка Стахеев, остановившийся перед ним интеллигент в светлом костюме, в очках, еще не носил очки, но при нормальном росте и сложении выглядел маменькиным сынком, робким и хилым.

II

В переменчивое лето девятьсот пятого Миша Стахеев, перечитав сохраняемые отцом-литератором подшивки газет и специальных приложений, заполненных донесениями с полей Русско-японской войны, твердо решил стать офицером-кавалеристом, тем более что он с детства хорошо ездил верхом, предаваясь этому занятию летом на даче в Малаховке, тем более что он писал стихи и перечитал о войнах Наполеона все, что нашел.

Отец к этому решению сына отнесся критически, но покорно внес так называемый реверс — 600 рублей на покупку в будущем лошади, и отвез Мишу в Петербург, в училище.

Робко Миша вошел в зал, где шумели юнкера и бродили еще не освоившиеся и не переодетые в форму новички. К нему подошли трое старших юнкеров — всем не меньше чем лет по двадцать. Они сразу обозвали его «сугубым», «хвостатым», «пернатым», употребляли и еще какие-то оскорбительные прозвища. Самый длинный с гнусно издевательским выражением на маленьком лице спросил:

— Как намереваетесь жить, хвостатый? По традициям или по уставу?

Тогда-то и появился рядом еще один новичок в сапогах и военной гимнастерке. Маленький, белобрысый, с большими светлыми глазами, полными звериной настороженности.

— Вот еще один зверь, — впопад сказал другой старший юнкер. — А вы как собираетесь жить, щеночек?

— По традициям, — угрюмо ответил новичок и повернулся к Мише: — И ты по традициям.

Миша согласился.

— Как ваше заглавьице? — спросил старший юнкер новичка.

— Андрей Шкура! — громко, с каким-то странным вызовом ответил тот, пристально глядя прямо в глаза юнкеру.

Старшие захохотали.

— Вот это зверь нам попался, — обрадованно отметил длинный. — Надо с ним особенно заняться: хвост укоротить, шкуру почистить, в человеческий вид привести.

Тем временем в зале наблюдалась странная суета. Старшие, разогнав новичков, собрав небольшие группы у стены, по углам, подавали им команды, и те все эти команды выполняли: «прыгали лягушками», приседали неумоимо, обливаясь потом, «являлись» перед старшими с «докладом», вновь и вновь повторяя это «явление». Одного несчастного заставили построить пирамиду из пяти табуреток, влезть наверх и кружиться.

— Что они делают? — с наивным удивлением спросил Миша.

— Цукают хвостатых, — объяснил старший юнкер, хмурый и более молчаливый, чем его приятели.

— Вы хвостатые и вас надо цукать по традиции, — объяснил другой. — Мы, старшие, — корнеты. Те, кто не сдал экзамены и остался на второй год, становятся офицером, а то и генералом. Вот господин Юркин, — он указал на длинного, — генерал. К нему надо обращаться «ваше превосходительство». Явитесь к нему сугубый Шкура. Явитесь к генералу.

— Не вижу здесь никакого генерала, — ответил новичок и даже артистично огляделся.

Старшие опешили:

— Что-о?

— Господа! Со Шкуры надо содрать шкуру. Взялись! — кричал длинный.

Он одним резким шагом приблизился к новичку, протянул к нему руки, его приятели оказались рядом, и... через мгновение длинный скрючившись лежал на полу, хмурый согнулся в три погибели, держась за низ живота и стоная, а третий отскочил назад. Новичок длинного ударил «под дых», как говорили в Малаховке, другого — сапогом между ног. Третий возмущенно кричал:

— Господа! Бунт! Хвостатый ударил генерала! Остановите его.

В этот момент новичок, кружащийся на «пирамиде», не удержал равновесия и с грохотом упал на паркет.

— Я тебе не хвостатый, а кубанский казак, — размеренно говорил новичок, злобно перекусив рот, сжав кулаки, намереваясь нанести удар третьему юнкеру. Тот отступал, заслоняя руками лицо и выкрикивая:

— Сказали бы сразу, что вы казак, господин Шкура. С казаками у нас по-другому. Вы будете в казачьей сотне. Господа! Защитите же меня от него.

Некоторые юнкера пытались было остановить молодого казака. Но тот злобно и бесстрашно пригрозил:

— Кто тронет — насмерть задую! Зубами горло перегрызу.

И оскалил белые крепкие зубы с острыми волчьими клыками.

Всего несколько дней хватило Стахееву, чтобы понять нелепость своей мечты стать русским Мюратом. Учиться в знаменитом Николаевском кавалерийском означало забыть не только стихи и схемы наполеоновских сражений, но и забыть самого себя, превратиться в «хвостатого», беспрекословно подчиняться любому издевательскому требованию старших, «являться» к местным «генералам», делать по тысяче приседаний... Михаил

подал докладную об отчислении. Прощаясь с Андреем, спросил, почему тот сразу не предупредил юнкеров, что он казак.

— Чтобы знали, кто перед ними стоит, — ответил Андрей, — чтобы моя фамилия понравилась.

Начитанный Миша понял его: Андрей не вышел ростом. Фамилия неблагозвучная — вот и приходится самоутверждаться в бешеных смелых схватках. Стахеев почувствовал в душе, но вслух сказал другое: выразил восхищение храбростью и силой.

— А ты, москвич, почему сдрейфил? Цука испугался? Держался бы так, чтобы тебя боялись.

— Не люблю драться.

— Хо! В офицеры же хотел. Война и есть драка. Особенно для кавалериста.

— Значит, это не для меня. Жить здесь я не могу. Это не училище, а цукалище. Если перейти от традиции на устав — совсем замучают.

— Что ж. Тогда, Миша, прощай, — проговорил Андрей разочарованно и даже пропел с иронической печалью:

Ты прощай, прощай, мила-ая,
Прощай радость, жизнь моя-а...

Песни кубанские Андрей любил до самой своей страшной смерти.

III

Они узнали друг друга, потому что была еще одна встреча на Великой войне. В конце 1914-го в правительственных газетах появилось сообщение:

«Утверждается пожалование Командующим армией за отличие в делах против неприятеля Георгиевского оружия подьесаулу Хоперского полка Кубанского казачьего войска Андрею Шкуре за то, что 5 и 6 ноября 1914 года у деревни Сямошицы, подвергая свою жизнь явной опасности, он установил и все время поддерживал постоянную связь между 21-й и другими пехотными ди-

визиями, а с 7-го по 10-е — между 21-й и 1-й Донской казачьими дивизиями».

В некоторых газетах появились фотографии симпатичного, напряженно вглядывающегося в объектив казачьего офицера. Корреспондент московского журнала «Объединение» Стахеев выпросил командировку на Юго-Западный фронт, в 9-ю армию под Радой, где геройствовал Шкура. Михаил уже будучи белобилетником встретился с подьесаулом. Тот был одет в очень длинную казачью шинель — люди маленького роста, вероятно, специально носят длинные одежды. Встретились дружески, но старый приятель смотрел с презрительным высокомерием на все, что не относилось к войне, к боям, к его кубанцам. Сказал, что задумал создать казачий партизанский отряд, такой, какие были в 1812 году. По некоторым его высказываниям можно было понять, что на войне, где можно быть лучше других, он нашел свое место, а там, дома, в мирной жизни что-то было не так. Стахееву запомнилась кривая нерадостная улыбка.

Теперь, в Кисловодске, узнав Стахеева, Андрей мгновенно зажал ладонью рот и предостерегающе завертел головой. Однако корреспонденту, видно, уж очень хотелось подыскать материал для своего неведомого журнала, а может, и просто поговорить, — он осторожно кивнул в сторону пустынной узкой дорожки, ведущей к густому кустарнику, первым свернул туда и медленно пошел, оглядываясь. Андрей Григорьевич, подумав, осторожно направился за ним.

— Моя фамилия Григорьев, — сказал он Михаилу. — Мастеровой из Екатеринодара. Большевики меня ищут. А ты, видно, их не боишься. Сам небось покраснел?

— Я никакую власть не люблю, но стараюсь как-то жить при всякой. Пишу. Сейчас такое время, о котором надо писать. Всего несколько дней как из Москвы. Большевицкий министр просвещения Луначарский ко мне расположен и командировал сюда, чтобы я писал корреспонденции в журнал, которого еще нет. А дела такие, что, наверное, и не будет.

— Дела такие, что я вот полковник... Да, полковник, а прячусь, как старая крыса, — войсковой старшина умолчал, что сам присвоил себе следующий чин. А кто проверит? Где те архивы с послужными списками?

— Уже полковник?

— Да. В Персии получил. Тебе, говоришь, всякая власть не по сердцу, а на меня большевистская нацелилась. Поймают — и конец. На своей земле на кубанской от них прячусь. А кто они эти питерские и московские бронштейны, рабиновичи. Мы их раньше и не знали, а теперь в Новороссийске сидит Абрам Израилевич Рубин¹ и будто уже и Екатеринодар под ним. Кубано-Черноморская республика². Продали пол-России немцам, а что осталось между собой поделили. Нам, кубанцам, надо свою землю от немцев защищать, а мы прячемся.

— С офицерами, с корниловцами хотел идти?

— И на этих офицеров я тоже... Я за народ, за простых казаков, за крестьян... И за рабочих. И за восьмичасовой рабочий день, и за Учредительное собрание. Даже советскую власть можно принять, но только без большевиков.

Вышли на липовую аллею, присели на свободную скамейку в тени. Редкие гуляющие не обращали на них внимания.

— Ну и ну-у... — Стахеев, удивленно покачивая головой, иронически усмехался, такой невежественной программе казачьего офицера. — Ты бы еще сказал, что за большевиков, но против коммунистов.

— А ты чего усмехаешься? — обозлился Шкуро, не выносящий насмешек над собой. — Наслушался в Питере речей всяких Лениных и Троцких и очень умным стал? Я ихние пункты изучать не буду — они Россию немцам продали, армию развалили, страну разорили.

— Ты же видел, Андрей, что само все разваливалось и в конце концов развалилось. Да и казаки твои с фронта бежали вместе с другими солдатами и радовались, что кончилось это позорное массовое убийство. Офицеры,

конечно, без работы, но что ж ты молодой здоровый мужчина не найдешь себе дела в новой России? Или уже нашел? Казаков на бунт поднимать.

— Казаки не бунтуют. Они свое защищают. Зачем коммунисты обыски устраивают в станицах? Зачем оружие отбирают?

— А зачем крестьянину оружие?

— Мы не крестьяне.

— Вот! В этом все и дело. Царская власть задурила вам голову, что вы особый народ, земли навалом, никаких помещиков, свои атаманы — вот и стали вы холуями, царя нет, а холуи остались. Раньше рубили кого царь-батюшка прикажет — японцев, немцев, своих бунтовщиков, — а ныне что? Теперь вы, казачьи офицеры, с пути их сбиваете, поднимаете на выступления против советской власти. Как в Кавказской было зимой? Знаешь? Несколько офицеров тайно сговорились между собой поднять казаков, и те по привычке послушались. Некоторые — поумнее — не полезли, а остальные пошли под пулеметы, под огонь бронепоезда. Известно, кто их поднимал: есаул Бабаев, подъясаул Елисеев³... О них писали в газетах. Пусть офицеры захотели бороться против советской власти: может, и правда боялись расправы, но казаки-то за что полезли под пули? За то, чтобы старый казачий полк не трогала советская власть, решившая вместо него сформировать новый, в который вошли бы и иногородние, и пришлые, и солдаты. А из-за офицерской провокации получилось, что теперь казаки будут воевать против иногородних, вместо того чтобы служить и сообща защищать Россию.

— Ты, Миша, наслушался, начитался, сам пишешь — нечего мне с тобой разговорчики вести. Давно тебя знаю, а то бы...

— Зарубил бы, Андрей?

— Народу здесь много.

— Ну, отвел бы куда-нибудь в горы. Это же великие места, святые для русской литературы. Совсем рядом Пятигорск, где убили Лермонтова. За горами Терек, места, где служил Лев Толстой и написал «Казаки». По-

мнится, он писал о нашем нынешнем прибежище: «Воздух Кисловодска располагает к любви, здесь бывают развязки всех романов»...

— А мой роман здесь начнется, — прервал Шкуро, стараясь успокоиться.

— Лучше уже роман, чем прятаться от большевиков. С чего у тебя с ними началось? — запоздало поинтересовался собеседник.

— Еще с фронта, при Керенском. Мой партизанский отряд в шестьсот сабель стоял в Кишиневе, а тут как раз пришел приказ номер один. К той поре солдаты совсем разложились, пьяные, навищенные болтаются по городу, оскорбляют офицеров. А у нас-то такого не может быть. Казак едва родился — уже в армии и дисциплину знает. И вот сижу я как-то со своим адъютантом в ресторане, и входят эти... пехотинцы. Конечно, честь мне не отдают, кроют матом аж на улице слышно. Я подошел и спокойно попросил этих защитников вести себя пристойно. А их как понесло. Кричат: «Контры! Каратели!» Я предупредил, что вызову эскадрон. А они — на улицу и там — митинговать. Собрали народ, кричат: «Задушим казаков — контрреволюционеров!» Я с револьвером в руке вышел на улицу, предупредил, что буду стрелять, если нападут на меня. Какой-то их заправила объявил, что никто, мол, меня не тронет, но я должен явиться в комендатуру для разбора дела. Я согласился идти в комендатуру, но снова предупредил, что каждый, кто ко мне приблизится, будет застрелен. Так и шел, окруженный орущей дикой толпой. Вдруг слышу конский топот по булыжной мостовой! Полным карьером вылетел из-за поворота весь мой отряд — шестьсот сабель. Толпа замерла, а я повернулся к этой сволочи, что сопровождала меня в комендатуру, и скомандовал: «Построиться, мерзавцы!» Мгновенно построились и по стойке «смирно». Я дал приказ казакам оцепить этот строй и сказал речь: «Вы забыли дисциплину. Родине нужны воины, а вы превратились в разнузданную банду. Я могу сейчас же здесь перепороть зачинщиков — я их вижу, — но не буду. Разойди-

тесь по своим частям и служите России». Вот после этого случая на меня нажаловались и в Питер, и самому Керенскому, и вся большевистская сволочь нацелилась на меня и на моих казаков. В Кишиневе оставаться было нельзя, и я решил направиться с отрядом в Персию. Документы мне в штабе оформили, вокзал мои казаки захватили. По моему приказу был сформирован экстренный поезд, и мы поехали. Всю дорогу большевики пытались остановить. Особенно в Харцизске пришлось сцепиться. Как раз по-ихнему было Первое мая. Флагов на станции до черта: красные, черные, желтые украинские, голубые еврейские толпы. Нас останавливают и требуют выдачи всех офицеров для революционного суда над ними. Я послал своего самого горластого вахмистра Назаренко. Тот перед ними выступил: «Вы говорите, что боретесь за свободу, а какая же это свобода? Мы не хотим носить ваших красных тряпок, а вы хотите принудить нас к этому. Мы иначе понимаем свободу. Казаки давно свободны!» Толпа разъярилась, кричали: «Бей их! Круши!» Назаренко по моему знаку скомандовал: «Казаки, к пулеметам!» Дали очередь над головами, и куда делись «революционеры». Друг друга давили, убегая. Доехали мы до Кубани, на Кавказской я распустил своих по домам на двухнедельный отпуск, а после отпуска мы собрались и двинулись в Персию...

Персия... И Стенька Разин гулял там и бил басурман. И Андрей долго еще рассказывал о своих персидских делах: о том, как бил турок, порол революционных матросов, едва спасся от расстрела солдатами-большевиками, как был ранен этими же революционерами-бандитами, лишь чудом избежав смерти.

Ранение было тяжелым. До сих пор от воспоминаний от той ночи перед Рождеством веяло могильным холодом. Пуля шла точно в сердце, но он был в черкеске, и пуля, ударившись в костяные газыри, изменила направление, вышла под мышкой и еще пробила, не задев кость, левую руку, проделав, таким образом, в теле четыре отверстия. По новому большевистскому календарю

это произошло в начале января, страшного могильно-холодного месяца.

Пока Шкуро выздоравливал, развалился персидский фронт, и кубанские казаки потянулись по домам — поверили большевикам, будто и на Кубань уже пришла советская власть.

Большевики его не забывали — хотели добить. С помощью верных казаков он в персидской одежде добрался морем до Петровска. Там кубанцев пытались привлечь к борьбе против большевиков, наступавших на Петровск. Казаки отказались и эшеломом через Чечню двинулись в свои края. Об этой поездке Шкуро вспоминал с горькой ненавистью:

— Видел я, как твоя советская власть, Миша, установила там мир и порядок. Чеченцы репили уничтожить все русское население. Жгли села и станицы, рубили русских людей повсюду. Наш эшелон шел не цветущими садами — весна началась, а через груды развалин и кучи пепла. Стаи голодных собак вместо людей. Гниющие на солнце трупы с отрубленными головами. Чеченцы и по нашему поезду открывали огонь, иной раз казачью цепь вперед выпускали. А проехали Чечню — твои комиссары тут как тут. Требуют выдачи офицеров. Она и есть советская власть для этого — чтобы офицеров всех извести, а не мир и порядок устанавливать.

— И что ж ты теперь надумал? Восстание поднять? Убегать?

— Сижу думаю, — ответил Шкуро уклончиво.

Не сообщать же красному журналисту, как он с Козловым и Мельниковым конфисковали у одного хитрого офицера казенные деньги — 10 тысяч. Поначалу хватит для организации отряда.

Рассказал Михаилу, как уходил от совдеповцев в станице Баталпапинской:

— Только поднялись на гору, а на нас патруль — шестеро конных. Мы открыли огонь, возница наш прибавил, ну и ушли к Кисловодску.

Рассказ был прерван неожиданно, потому что какой нормальный мужчина не замолчит в восхищении при

виде молодой женщины, вернее — барышни. Она проходила по аллее независимой походкой, ни на кого не глядя. Лет двадцати двух, но лицом — гимназистка. Нечто бело-розовое. Главное впечатление от всего ее облика — чистота, свежесть, вера в правильность всего сущего. И еще осталась доля девичьего смущения, тщательно скрываемого и сжатыми губками, и ровной прямой походкой, и подчеркнутым безразличием к окружающему миру.

— Да-а... — вздохнул Андрей. — Очи лазоревые... ножки для балета. Надо бы с ней познакомиться.

— Мне не до баб — в подвале с женой прячусь. Вот ты и занимайся. Беги за ней. Твоя-то в Москве? Так действуй. Чего сидишь?

— Неудобно так на аллее. Где-нибудь еще встречу. Город-то небольшой.

— Поторопись, Миша. Я предупредил: мой роман здесь начнется. Хоть и бороду приклею, а посажу ее на короткий чембур⁴.

IV

Не узнавали, когда он гримировался, наклеивал бороду, подкрашивал усы. В пасмурный ветренный день вышел без грима, надеясь, что гуляющих не будет и никто не станет вглядываться. Навстречу шел человек в темном костюме, угрюмый, плохо подстриженный с настороженным взглядом. Резко остановился, поравнявшись, поздоровался, назвав по фамилии и добавил:

— Я вас помню по Юго-Западному фронту.

Приближающийся дождь разогнал гуляющих, аллея опустела, и незнакомец говорил открыто. Тем не менее Шкуро ответил ему осторожно:

— Здесь я Григорьев.

— А я здесь Яшин. То есть полковник Слащов Яков Александрович⁵.

Направлен лично к вам Донским гражданским Советом.

— Не знаю такого.

— Поговорим вечером. Приходите часам к девяти. — Подгорная, восемь. У меня там хорошая конспирация. Жenu я поселил отдельно.

На встречу Шкуро взял своих офицеров Мельникова и Макеева, Слащов ждал на крыльце домика, в котором жил некий работник большевистского Совета, ненавидящий большевиков. В угловой комнате на столике были приготовлены бутылки с иностранными этикетками, огурцы, вареное мясо...

— Французский коньяк, — объяснил Слащов. — Немцы прислали в Новочеркасск Краснову⁶, а он поделился.

Хозяин расположил к себе уважительным отношением к ним, скрывающимся от красных казакам, и к французскому коньяку, который он разливал осторожно, чтобы ни капли не пропало. Правильно понимал жизнь: сначала выпить как следует, а о деле — потом. И разговор получился хороший.

Слащов назвал Краснова, Сидорина, Богаевского, Иванова, еще некоторых генералов, которые находятся в Новочеркасске и призывают Кубанское казачество поднять восстание против большевиков.

— Не люблю, когда надо мной много начальства, — сказал Андрей. — Да и в глаза я их не видал.

— Я тоже на этот Донской Совет... — и Слащов выругался. — Сами здесь все организуем. Прогоним большевиков, установим власть, какую надо. Шкура — войсковой, казачий атаман.

— Я все хотел тебе сказать, Яша... Понимаешь, отец решил фамилию изменить. Подал в Раду документ еще осенью. Не Шкуро, а Шкуранский.

— Пусть так, — сказал Слащов. — Ты, Андрей, командир отряда — атаман. Я у тебя начальник штаба. Имею право — Николаевскую закончил.

Уходили от Слащова довольные, веселые. Хотелось петь. Затянуть бы «Как при лужку при лужке...» Да нельзя ночью. Какие-нибудь патрули объявятся.

— А знаешь, атаман, почему Слащов этих генералов не любит? — спросил Мельников.

— Ну?

— Потому что Академию Генерального штаба он-то закончил, но по второму разряду — без права службы офицером Генштаба. Пил много.

— Мне такой сойдет.

V

В середине мая, на Фоминой неделе, произошла самая неожиданная встреча, вначале заставившая готовиться к смерти, а затем если и не обрадоваться, то сильно удивляться. Без грима, но в куртке мастерового Шкуро вышел в парк. Расслабляло солнце, довольные погодой гуляющие, с непонятной радостью подбежал Стахеев.

— Знаешь, Андрей...

— Я — Григорьев, — холодно перебил Шкуро.

— Знаете, господин Григорьев, я ее встретил.

— Кого?

— Ту барышню в лиловом. У нее еще было лиловое открытое платье и такая прическа. — Он показал руками.

— Прическу помню. Чего, однако, ты так зарадовался?

— Сейчас иду к ней. Пригласила. Вечером — занята. Она работает у генерала Рузского в Пятигорске. Ты же знаешь, что там живут на пенсии генералы Рузский⁷ и Радко-Дмитриев? В Кисловодск по важным делам приехала.

— Я-то знаю, да они-то уже не генералы, а старичье.

— Да Бог с ними! А вот Лена. Она сама москвичка, бежала с родными в Ставрополь от голода, а экономка генерала пригласила ее сюда — помогать ей. Раньше ее знала. Вечером они будут какой-то банкет обслуживать.

— Вот я ее вечером и встречу, и тогда поглядим, чья эта барышня, — беззлобно поддел Шкуро собеседника.

Смешно вспоминать, но он действительно встретил Елену Аркадьевну вечером, но сначала...

Навстречу, заняв почти всю ширину аллеи, шла группа военных в черкесках и с оружием. Не табельные шаш-

ки, а у каждого особенная — дареные, наградные или трофейные; на поясах — револьверы, у некоторых маузеры в деревянных кобурах. Андрей отступил к деревьям, в тень, однако был замечен, он и сам узнал обратившего на него внимание наблюдательного типа. Был когда-то в сотне — фельдшер Гуменный. Шкуро, пожалуй, на фронте никого и не встречал хуже Гуменного. Значит, хана. Тот заметил и сразу же подозвал одного из сопровождающих, который, выслушав приказ, и поспешил к замеченному Андрею. Подойдя грубовато спросил:

— Вы полковник Шкуро?

— А ежели я, то что?

— Вас просят подойти, — произнес человек с револьвером за пазухой и потянулся к торчащей рукояти.

— Если просят, надо уважить. Так ведь у людей? — ответил Шкуро, шныряя взглядом по сторонам, выискивая хоть какую-то тропинку к спасению.

Неужели суждено погибнуть тебе, казак, под майским солнышком? А если Гуменного ногой между ног, у этого из-за пазухи вытащить наган.

Гуменный будто для того и остановился, а вся группа начальников в черкесках прошла вперед.

— Узнаете меня, господин Шкура? — спросил Гуменный. — Я ваш бывший сотенный фельдшер Гуменный.

— Что-то не припоминаю.

— Может быть, вспомните, как формировали партизанский отряд в Полесье? Я пришел к вам проситься, а вы изволили тогда ответить: «Мне в отряде сволочи не надо».

Группа остановилась шагах в десяти, смотря на них. Если что не так — в момент изрешетят, а то порубят.

— Вас хочет видеть главнокомандующий революционными войсками Северного Кавказа товарищ Автономов⁸. Подойдем, — я вас представлю.

Шаг навстречу сделал невысокий блондин — по росту вровень. И возрасту помоложе лет на пять. К черкеске, видно, не привык — неловким движением поправил ворот. Подал руку. Сказал уважительно:

— Я много слышал о вашей смелой работе на фронте, господин полковник. Рад познакомиться с вами. Сам я был сотником Двадцать восьмого казачьего полка. Хотел бы побеседовать с вами по душам. Я приехал из Екатеринодара бронепоездом. Он стоит на станции. Не откажите сказать ваш адрес, мой адъютант зайдет за вами сегодня часов в восемь вечера. Вы придете с ним ко мне в бронепоезд, и там мы поговорим. Было бы желательно, чтобы вы пригласили с собою кого-либо из старших офицеров по вашему выбору, но таких, которые понимают сложившуюся на Кубани, и вообще в России, обстановку.

— Спасибо за приглашение, Алексей Иванович. Я приду с офицерами. А мой адрес... Подгорная, восемь.

VI

Слащов как будто не возмущился, не обиделся, что Шкуро назвал его адрес. Сказал, что если бы захотели, то давно бы выследили. На встречу решено было взять с собой еще и полковника Датиева, приехавшего вместе со Слащовым.

Труднее оказалось объясниться с Татьяной. Она упала на кровать в слезах, причитала, заживо хоронила: «Миленький ты мой, Андрюша!.. На то они и вызывают тебя с офицерами, чтобы сразу всех вас прикончить... В Сибирь бы надо нам бежать или за границу...» Бесплезно было объяснять ей, что если бы хотели расстрелять, то не стали бы хитрить — они здесь власть. Татьяна ничего не желала понимать: плакала, обнимала, целовала. Она его любила! А он?

Вся Пашковская, пригородная станица Екатеринодара, шепталась, что женился Андрей на больших деньгах. Конечно, за такого удалого казака, хоть и ростом не вышел, любая красавица казачка пошла бы, а Татьяна Сергеевна Потапова, дочь директора народных училищ Ставропольской губернии, не самая красивая женщина в Екатеринодаре и окрестностях. А деньги бабушка ей оставила действительно большие. И за границу в свадеб-

ное путешествие съездили, и на Всемирной выставке в Бельгии побывали, и даже строительством потом занялся по иностранным проектам — три дома построил, — но дальше не пошло. Другая у него в жизни задача. А любовь... Для мужчины любви с самой распрекрасной бабой надолго не хватает. Недаром сказано: медовый месяц. А она его любит до сих пор и отпустить на смерть не хочет.

Конечно, арестовывать их не собирались. В восемь часов на Подгорную явился адъютант Автономова — бывший писарь из казаков. Пошел на станцию. Бронепоезд стоял у самого перрона, на котором несли службу часовые в папахах с красными лентами. На перроне заметил — глазам сладко — группу женщин в разноцветных нарядных платьях. На площадку салон-вагона вышел Гуменный и, оскалившись неприятной улыбкой, объявил:

— Товарищи! Главкомандующий товарищ Автономов приглашает вас к себе на скромный казачий обед.

— Может, нам не ходить? — повернулся Шкуро к Слащову. — Мы же не товарищи.

— И вас, господа офицеры, просим.

Все трое были в штатских костюмах. Женщины, услышав слово «офицеры», оживленно засуетились, оглядывались, улыбались. Андрей Григорьевич удивился — угадал: в салон-вагон поднималась та самая барышня, Лена, о которой твердил Стахеев. Она лишь мельком глянула на незнакомцев и, приняв независимый вид, поднялась в вагон. На ней было легкое белое платье.

Гуменный встретил Андрея и сопровождающих, пожал руку каждому, объяснил, что женщины — «местные сестры милосердия», и рассаживаться надо так, чтобы у каждой был кавалер.

Скатерти и не видно — заставлена бутылками с иностранными этикетками, без этикеток с известной прозрачной жидкостью, закусками рыбными и мясными, хрустальными бокалами и фарфоровыми тарелками и даже вазами с цветами. Во главе стола — Автономов, рядом с ним — Гуменный и адъютант, далее парами

с женщинами его красные командиры. Андрею хозяин указал место рядом с Гуменным. Стул с другой стороны пустовал: пока шла суэта рассаживания, и вдруг его спокойно, как будто место заранее было предназначено ей, заняла Лена.

Полковник успел шепнуть своим, чтобы не пили, но Слащов буркнул, что никогда не пьянеет, а Датиев пробормотал что-то не очень понятное. Девушка обеспокоила — не специально ли посадили? Взглянул на нее резко, и на чудесной — так и хочется дотронуться — бело-розовой щеке выступил румянец.

— Я вам не помешала? — спросила соседка робко, и он понял: с кем же еще ей рядом садиться такой чистой, нежной, юной, как не с ним, с красавцем казаком? Другие женщины — обыкновенные видавшие виды бабы. Им нужен мужик попроще, поразвязнее, а он в раздумьях о сложном своем положении выглядит настоящим мужчиной, которому можно довериться.

— Давайте знакомиться, Елена Аркадьевна, — сказал он, улыбаясь.

— Откуда вы меня знаете?

— Полковник Шкуранский. Андрей Григорьевич всегда знает все, что ему надо.

Автономов произнес первый тост «за нашу родную Кубань», и долгий обед начался. Андрей ухаживал за соседкой, наливая в ее бокал легкое вино и подавал закуски, его рюмка стояла в стороне. Лена удивилась, что он не пьет.

— Один вы не пьете, — сказала она. — Даже мальчик рюмку за рюмкой опрокидывает. Эта брат Автонома.

— Вы тоже все знаете?

— Я же почти здешняя.

— А в Пятигорск когда?

— Ну, Андрей Григорьевич! Вы правда волшебник. Все видите насквозь. В Пятигорск завтра утром.

— До утра еще времени много.

— Да, — согласилась Лена и покраснела.

Тем временем Автономов говорил о делах на Кубани:

— Назвали станичных атаманов комиссарами — так и установили советскую власть. Потом решили создать Красную Армию, а разве бывает армия без офицеров? Вот с нами сидят офицеры. Пусть нам объяснят, куда же это офицеры подевались? Не знаете, Андрей Григорьевич?

— Вы не хуже меня знаете, Алексей Иванович. Не любит советская власть офицеров.

— А можно без офицеров армию создать? Сможет такая армия воевать? А если немцы на нас пойдут? Они ведь уже на Дону...

Спутники Шкуро напомнили, как расправлялись с офицерами солдаты-большевики, им заметили, что офицеры-корниловцы так же расправлялись с красными бойцами.

— Товарищи! — воскликнула одна из «сестер милосердия». — Хватит о войне! Надоело! Давайте споем.

— Споем, Андрей Григорьевич? — спросил Автономов.

— Кубанскую, — предложил полковник.

Эту песню знали все и запели дружно, но лучше всех получалось у Шкуро:

Ты, Кубань, ты наша Родина
Вековой наш богатырь.
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь...

Лена пела, не фальшивя, слова знала, но оставалась серьезной, словно работу выполняла. Не наливались глаза хмельными слезами, как у некоторых кубанцев за столом.

Закончилась песня, и Автономов поднялся — знак, что пора расходиться. Андрей удивился: где же разговор по душам? Если так, то надо с Леной в парк, в тень — барышня чистая, скромная, пожалуй, нетронутая... Но Автономов остановил его:

— Вы, Андрей Григорьевич, и полковник Слащов останьтесь.

С Датиевым попрощался.

Лена взглянула на Андрея печально — совсем девочка: прямодушная, не кокетничает.

— С вами, Лена, мы обязательно встретимся, — сказал Шкуро ей на прощанье и поцеловал в щеку. Она приняла это как должное.

— Приезжайте в Пятигорск, — сказала в ответ.

Автономов пригласил гостей в свой кабинет, расположенный в другом конце вагона. Конечно, Гуменный тоже оказался здесь. Слащов, по-видимому, крепко выпил — был красен, угрюм и молчалив. Когда все уселись, главнокомандующий начал серьезный разговор.

— Я поставил себе главную задачу — примирить офицерство с советской властью для того, чтобы вместе с прежними союзниками начать борьбу против немецких империалистов и добиться отмены позорного Брест-Литовского мира. Если немцы теперь доберутся до Кубани, а у нас, вы знаете, имеются громадные запасы продовольствия и многих полезных материалов, то это чрезвычайно усилит германскую армию. Немцы могут победить в войне. Я прошу вас, господа, помочь мне. Если удастся создать армию с офицерами, я не собираюсь сохранить за собой должность главкома. Хорошо бы пригласить на этот пост генерала Рузского или Радко-Дмитриева. Я с удовольствием откажусь от всякой политики и по-прежнему готов служить младшим офицером. Как вы считаете, господа, можно мне рассчитывать на поддержку офицеров в этом деле?

«Что ему ответить? — думал Шкуро. — Что нам не нужны ни генералы, ни советские главкомы — сами управимся? Нет. С властью надо считаться, попробовать использовать ее на благо себе и Кубани. Пока она, конечно, власть».

— Хорошая у вас задумка, Алексей Иваныч, — произнес он, наконец, — но офицеры боятся довериться советской власти. Они даже не имеют возможности собраться, чтобы обсудить такое сложное дело, которое вы задумали, их же сразу арестуют и расстреляют. Офицерство обезглавлено, обескровлено и вынуждено терпеть

и ждать момента, когда придется восстать вместе с казачеством против советской власти.

— Да, привлечь офицеров — трудная задача, — согласился Автономов. — Трудная не только из-за того, что офицеры не доверяют Советам, но и потому, что после Корниловского похода солдаты смотрят на всех офицеров как на контрреволюционеров и совершенно им не доверяют. Дело осложняет еще и атаман Краснов: поддерживает Добровольческую армию Деникина и дружит с немцами. Но представьте, что Рузский или Радко-Дмитриев возглавили Красную Армию! Разве генерал Алексеев⁹ или Деникин¹⁰ пойдут против нее?

— У добровольцев главная сила не генералы, а офицеры. Они воюют и бьют ваших.

— Да. Воевать они умеют. В апреле, когда Корнилов¹¹ подошел к Екатеринодару, у меня и моего помощника Сорокина¹² было превосходство раза в четыре. И в людях и в артиллерии. Я уже отдал приказ об эвакуации, когда получил известие, что убит Корнилов. Без него добровольцы не стали штурмовать город и отошли. Ночью генерал Казанович вошел в город, проник до Сенного базара, и мне пришлось хватать, вооружать и гнать в бой первых попавшихся встреченных на улице. Разве такой сброд может противостоять добровольцам? Они отступали, а наши войска были настолько деморализованы, что я не мог организовать преследование. На что хватило у наших сил, так это на то, чтобы выместить злобу на городской буржуазии и на труп генерала Корнилова. Почти три дня я не мог остановить это безобразие. Таскали голый труп по улицам и в конце концов сожгли. Я за оборону Екатеринодара получил свою нынешнюю должность, но большевистские воротилы не считаются со мной и себя считают единственной властью. У них план: объединить Кубанскую республику с Черноморской и назначить диктатором Абрама Рубина. Сорокин во всем согласен со мной. Он тоже считает, что надо вновь организовать настоящую русскую армию. А вы, полковник Слащов, насколько мне известно, для этого и приехали сюда, в Кисловодск?

Слащов действительно не пьянел, но становился молчалив, угрюм и резок в выражениях, и на вопрос ответил без задержки:

— Надо перебить всех большевиков. Остальных — повесить.

— Кого же в армию будем брать? — усмехнулся Автономов.

— Тех, кто пойдет с нами и с вами, — поспешил вмешаться Шкуро. — Но мы, Алексей Иванович, здесь прячемся. Нам бы документы.

— Сделаем, — согласился Автономов и обратился к начальнику штаба: — Срочно сделай бумаги всем трем полковникам, напишите, что они выполняют задания главнокомандующего.

Гуменный вышел и вскоре вернулся с удостоверениями и командировочными предписаниями. На бумагах — штампы с советским гербом: звезда, серп и молот... «До чего ты дослужился, Андрей Григорьевич», — подумал Шкуро, но вслух поблагодарил Автономова, сказал, что с этими документами они могут открыто жить в гостинице, мол, надоело прятаться в хате, прямо сейчас бы и в «Гранд-отель».

— Попросим господина Слащова, чтобы он пошел сейчас в гостиницу и выбрал комнаты, — предложил Автономов. — Я дам в помощь человека из своей охраны. Нет комнат — выселим кого-нибудь. А с вами, Андрей Григорьевич, еще поговорим.

После ухода Слащова разговор стал деловым. Автономов сказал:

— Господин полковник, прошу вас немедленно начать вербовку офицеров и казаков и приступить к формированию партизанских отрядов на Кубани и Тереке для предстоящей борьбы с немцами. На это мы с начальником штаба заготовили вам мандат. Вот он, — Гуменный подал документ Автономову. — Здесь написано, что все Совдепы, комиссары и местные власти должны оказывать вам полное содействие и во всем идти вам навстречу. Удовлетворяет вас такой документ, Андрей Григорьевич? Соберете людей — это будет костяк нашей новой русской армии.

— Документ хороший, Алексей Иванович, но армии требуется оружие.

— Будет оружие. Мы с Сорокиным решили разогнать партийную власть и не отдавать Кубань Рубину. На днях я возвращаюсь в Екатеринодар, мы арестуем местный ЦИК и станем полновластными хозяевами в городе и области. Сразу пришлю вам сюда бронепоездом десять тысяч винтовок, пулеметы, миллион патронов, ну и деньги. А вы должны гарантировать мне, Сорокину и моему начальнику штаба Гуменному жизнь и полное прощение со стороны белых войск.

— Алексей Иванович! Слово казачьего офицера. Неужели бумагу потребуете?

— Нет. Я вам верю и сам уже действую. Недавно мы с Гуменным передали на станции Тихорецкой несколько составов с оружием для Деникина. Его армия состоит из трех бригад: Маркова, Богаевского и Эрдели¹³. Всего девять тысяч штыков и сабель. Сейчас она располагается на линии Егорлыцкая — Новочеркасск. Готовится повторить поход на Екатеринодар.

— Хорошо у вас разведка поставлена. Неужели у Деникина всего девять тысяч?

— Да. У нас в несколько раз больше, но они нас бьют. Население ненавидит большевиков, а белых пока не знает и считает их лучше советской власти. Потом, возможно, казаки в них разочаруются, а вдруг и советский режим окажется не таким уж плохим. — Автономов вздохнул. Этот тяжелый вздох Шкуро воспринял как знак того, что собеседник не уверен в своих действиях, а в бою надо как в Бога верить в то дело, за которое сражаешься. С неуверенными надо быть осторожным. Документы сделал — хорошо, а дальше — посмотрим. Он с нетерпением ждал, когда кончится разговор и можно будет идти к Татьяне, занимать номер в гостинице...

Сначала возник шум подъехавшего поезда, злобно шипел паровоз, выпуская пар, раздались громкие голоса в салоне, и вошел озабоченный адъютант и доложил, что приехал Буачидзе¹⁴ — председатель Совнаркома Терской республики. Автономов поднялся, чтобы встретить

гостя, и попросил Андрея на некоторое время выйти в салон.

В кабинет вошел грузин с аккуратной бородкой и с пышными, аккуратно зачесанными черными, уже прошитыми сединой волосами. Дружески обнялся с командующим.

Шкуро сел на стул у двери и слышал почти весь разговор. Буачидзе жаловался на какого-то бывшего полковника Беленкевича, ворвавшегося с отрядом в Армавир.

— Понимаешь, Иваныч, — говорил Буачидзе, — в отряде донские казаки, калмыки и китайцы. Отдают честь своему полковнику. И он с ними арестовал ЦИК, забрал все деньги и направился с отрядом во Владикавказ. Что делать, Иваныч?

— Знаю я этого мерзавца. Он вовсе не полковник. Бежал из боя с немцами под Таганрогом. Предложите ему разоружиться. В случае отказа поставьте орудия на пути, разбейте паровозы и перестреляйте всех из пулеметов. Помощь нужна?

— Сами справимся, Иваныч. Спасибо. Приезжайте к нам.

Услышанное Шкуро не понравилось. Может, и повоюют вместе с таким решительным. Однако Автономов был не только решительным, но и любил гульнуть. После ухода Буачидзе опять не отпустил Шкуро домой. Как-то размягчился, заулыбался:

— Теперь нам, Андрей Григорьевич, можно и отдохнуть. Идем в курзал ужинать. Гуменный, давай черкеску.

Усталость, напряжение, ожидание какого-нибудь подлого подвоха измучили, и Шкуро лихорадочно ожидал, что же будет: то ли ведут его, чтобы здешние офицеры увидели их вместе и перестали ему доверять; то ли отправят сразу в тюрьму.

Все оказалось проще: Автономов и его приближенные устали за день от умных разговоров, военных планов, разрешения всяческих споров и стычек. Вечером требовался душевный отдых. А какой у казака отдых без горилки?

В курзале уселись втроем за специальным угловым столиком, охрана — за соседними. Оркестрик исполнял вальсы, публика вела себя тихо. В распахнутых настежь окнах вечные звезды, темная Романовская гора. Шкуро на всякий случай решил ничего не пить — одуреет с усталости, скажет что-нибудь не так — окружающим объяснил, что почки болят.

— А у нас не болят, начальник штаба?

— Никак нет, товарищ командующий.

— Так давай по стакану.

Они пили виноградное крепленое, стакан за стаканом.

— Вот ты меня обидел, Андрей Григорьевич, — объяснялся захмелевший Гуменный, — а я зла не помню. Мне осенью был приказ — разоружать казачьи эшелоны на Невинномысской, а войскового старшину Шкуро расстрелять на месте без суда. А я что сделал? А?.. Не передал приказ по станциям. Давай еще по стакану, Алексей Иваныч.

— Это можно, — кивнул Автономов и хитро ухмыляясь, пригрозил: — Только ты не ври, начальник штаба. Передал ведь мой приказ?

— Ну, передал... Так я ж предупредил, чтобы не сполняли...

— А кто здесь Совдепом правит? — спросил Шкуро. — Он был на обеде?

— Я его не звал. Монтерипка никудышный. Тюленев. Приходил ко мне — предлагал облаву на офицеров сделать. Я его послал. Я их никого не боюсь, потому как с самым главным на Кавказе большевиком вот так сидел. — Он ткнул вытянутым пальцем в пространство перед собой. — Серго Орджоникидзе! Не слышал, Андрей, такого? Он с самим Лениным работал в Питере и в Москве, а сейчас — Чрезвычайный комиссар России. Он только мне верит. Скажу слово — и нет Тюленева. И Буачидзе перед ним на задних лапках. Мы с тобой, Андрей, великое дело задумали. Спасем родную Кубань!

Командующий и начальник штаба выпили крепко. Обратились по аллее, покачиваясь, бормоча непонятное. Охрана их сопровождала бережно. Совсем близко,

за старыми деревьями успокаивающе журчала речка. Впереди — едва различимая в темноте компания гуляющих. Среди них — барышня в белом платье.

VII

Пришел Шкуро в «Гранд-отель», когда там был уже полный порядок: в двухкомнатном номере, предназначенном для него, сидели Слащов, занявший номер на втором этаже, и Мельников, пили чай с Татьяной и успокаивали ее — никак не могла поверить, что ее Андрея отпустят живым. Когда он появился, она вновь зарыдала, но теперь от радости.

Полковник оглядел комнаты: чисто, домашние вещи разложены, развешены в порядке, но...

— Мельников, главного не вижу.

— Не пойму, Андрей Григорьевич. Все, как есть... Все на месте.

Он был сильно навеселе, с трудом поднялся и удивленно уставился на придирающегося командира.

— Не поймешь? Вот и я не пойму: бандиты мы или боевые казаки в походе?

— Дык, мы же казаки... Чего же?

— А откуда видать, что мы казаки? Зайдет сюда к нам кто, как он узнает, что мы казаки?

— А-а!.. — понял захмелевший Мельников, рванулся куда-то, едва не упал, зацепившись за стул, направился в прихожую и вернулся с торжествующей улыбкой с тем самым знаком в руках, который должен представлять войско полковника Шкуро и олицетворять его идею. На древке длиной в два с лишним метра — черное шелковое полотно и на нем в круге волчья голова с оскаленной клыкастой пастью.

VIII

На следующий день опять втроем к девяти утра явились в бронепоезд к Автономову. Командующий был свеж и сосредоточен — видно, что не опохмелялся. Воле-

вой человек. Недаром большевики отдали под его командование десятки тысяч бойцов.

— Сегодняшняя поездка — начало нашей работы по созданию новой русской армии, — сказал он. — Посоветуемся с генералами, соберем офицеров и казаков и объясним наши задачи. Едем в Ессентуки и в Пятигорск.

До Ессентуков домчались быстро, меньше чем за полчаса. С Автономовым поговорить не удалось — он давал распоряжения своим помощникам по организации встреч и митинга. В окнах салон-вагона майская зелень, а за ней вершины Кавказа, подкрашенные розовым снегом.

У перрона машинист снизил скорость, и пока вагон подползал к группе встречающих, Автономов успел охарактеризовать наиболее влиятельных из них.

— Буачидзе вы вчера видели, рядом с ним — председатель Пятигорского совдепа Булэ — взяточник и вор, а к тому же еще палач: сам любит пытать и расстреливать. Высокий бородатый — Фигатнер¹⁵, терский военный комиссар и по внутренним делам. Идеальный большевик, но человек порядочный. Его народ любит. А другой гость — из Москвы — Лещинский. Контрибуцию с буржуев тянет. Умный, хитрый и опасный. Ну, пошли. Встречают — надо всем улыбаться.

Пришлось если и не улыбаться, то каждому приветливо подавать руку, и тому, кого любит народ, и тому, который любит пытать и расстреливать. Придет час, когда его самого...

Лещинский с лицемерной улыбкой, протягивая руку, сказал:

— Рад познакомиться, товарищ Шкуранский.

— Нет уж, простите, — возмутился Андрей. — Меня сюда пригласили не как «товарища», а как полковника! Автономов услышал и вмешался:

— Да, да, товарищи, со мной три военных специалиста, они — офицеры и я прошу называть их по чину. А теперь приглашаю вас в свой вагон. Обговорим что и как.

Расселись за столом вокруг бутылок воды — минеральной и сладкой. Автономов осторожно в общих словах объяснил, что его волнует приближение немецких войск

и он считает необходимым укрепить свою армию путем привлечения в нее казаков и офицеров. Его речь вскоре была прервана: вошел адъютант и доложил, что на автомобиле приехали генералы Рузский и Радко-Дмитриев.

Когда генералы вошли в салон-вагон, все присутствующие встали. Радко-Дмитриева Андрей видел на фронте. Рузский был знаком лишь по многочисленным фотографиям в газетах и журналах. Приехавшие были в скромных штатских костюмах без орденов и, кажется, успели превратиться в унылых стариков, а Радко-Дмитриев к тому же был чем-то болен. Генералы заняли почетные места за столом, и Автономов произнес приветственную речь, обращаясь к гостям «ваше превосходительство», призывал их принять участие в спасении России, которой грозит гибель от приближающихся немецких войск. Просил он генералов объединить своим именем офицерство на этот подвиг.

Все устали на генералов с обостренным вниманием и даже с какой-то надеждой, словно эти старые больные люди и вправду могут спасти Россию. Сейчас вот наденут мундиры, подадут команды и пойдет за ними на немцев какая-то неведомая армия. Радко-Дмитриев шепнул что-то Рузскому, и тот сказал несколько слов от лица обоих. Четко, по-генеральски, но, в общем, непонятно. Прозвучала и благодарность, и надежда на спасение России, но за этой речью явственно проступал вопрос: а какими силами располагает главнокомандующий Автономов.

— А вот сейчас нам начальник штаба товарищ Гуменный доложит все, как есть.

Гуменный был подготовлен, браво поднялся и начал четко и уверенно:

— Войска Кубанской советской республики насчитывают около шестидесяти тысяч штыков и семи тысяч сабель, сто семьдесят пулеметов, двенадцать бронепоездов. До настоящего времени в армию входили следующие пехотные полки: Первый Екатеринодарский, Первый Северо-кубанский...

За железными стенами вагона начинался жаркий

день. Окна и двери закрыты, тяжело дышать, и, наверное, не только у полковника Шкуро возникало чувство ненужности происходящего, случайности встречи за одним столом людей незнакомых между собой, и не только не доверяющих друг другу, но, кажется, исполненных взаимной ненависти. Автономов почувствовал, что все начинается как-то не так, и стал перебивать докладчика репликами, по-видимому, казавшимися ему остроумными, оживляющими совещание:

— Шестьдесят тысяч у начальника штаба в списках есть, а вот если приказать построиться, то я не знаю, сколько наберется. Может, тысяч десять... Да и от полков одни названия остались.

Гуменный не смутился — сработался с командующим. Спокойно продолжал:

— Полков теперь нету, по той причине, что мы произвели переформирование...

— Куда ж полки делись? — опять перебил его Автономов. — Разбежались, что ли?

Некоторые из присутствующих засмеялись.

— Не то, чтобы их нету, — не сбивался Гуменный, — они есть, но теперь входят в Первую дивизию Ейского отдела и в боевые участки, или, как мы их называем, фронты.

— Только во фронт никто не становится, как раньше было, — опять вмешался Автономов.

За столом на этот раз не засмеялись. Андрей Григорьевич смотрел на Рузского и удивлялся: в 1914 году был красавец генерал. Бабы его фото из «Нивы» вырезали и дома развешивали, а теперь — старик. И лет-то всего шестьдесят с чем-то. А сам-то он, Шкура-Шкуранский, каким будет? И доживет ли до таких лет? Для него новая война только начинается. На Рузского смотрел и проникнулся уверенностью, что не будет у этого старика в подчинении. Правда, когда представишь, что где-то вокруг него легкими девичьими шажками проходит Лена, на душе становится веселее, и вспоминаешь, что надо не думать о том, что когда-то случится, а жить. А к Рузскому домой надо бы подъехать.

А Гуменный не унимался:

— Таманский боевой участок или фронт — командир Романенко. Включает несколько полков и отрядов: Ростовский боевой участок или фронт — командир Сорокин, держит линию Ростов—Тихорецкая...

Когда доклад закончился. Автономов уже серьезно дополнил его, сказав несколько фраз о реальном тяжелом положении армии: дисциплины нет, командного состава нет. Его поддержали некоторые из присутствующих и даже обещали помочь деньгами и стараться привлечь офицеров.

Генералы поднялись, поблагодарили за приглашение.

— Мне необходимо поговорить лично с вами, — обратился к ним Автономов. — Сейчас вас отвезут на автомобиле домой, а в час дня я приеду встретиться с его превосходительством генералом Радко-Дмитриевым. У меня мало времени, митинг, другие дела, поэтому я прошу вас, Николай Владимирович, быть в час дня у генерала — мы должны разговаривать втроем.

После ухода генералов Автономов немедленно изложил всем идею: надо пригласить одного из генералов на пост командующего армией.

— Радко-Дмитриева, — сказал Датиев. — Он, болгарин, люто ненавидит немцев, совсем не связан с какими-то ни было партиями. Он ни за белых, ни за красных.

— Согласен, — сказал Слащов и, словно спохватившись, взглянул на Шкуро.

Тот равнодушно махнул ладонью — знал, что никаких стариков-генералов над ним не будет.

Буачидзе разнервничался. Поднялся с обиженным лицом, ерошил пышные волосы и с трудом возражал Автономову:

— Понимаешь, Иваныч, все ты правильно говоришь, но не любит народ генералов и офицеров. Давно не любит. Назначим генерала командующим, офицеров наберем, а солдаты что скажут? Контрреволюция, скажут. А Деникин, корниловцы? У них же закон, понимаешь, пленных не брать. Сколько они перебили наших! Братья убитых пойдут за генералами?

— Я тебя понимаю, Самуил Григорьевич, но не может армия без офицеров. Не воюют солдаты, а бегут от противника. А противник-то — немец!

— Своих выучим, Иваныч. Из солдат, из народа. Будут новые красные офицеры.

— Уважаемый оратор не знает, что значит выучить офицера, — резко перебил его Слащов. — Кадетский корпус — семь лет, училище — два года, и это еще не офицер. Еще послужить надо. А старший офицер и в академии учится.

— В войну за несколько месяцев офицеров готовили, — напомнил кто-то.

— Так они и воевали, — сказал Слащов. — А ваши новые офицеры, плохо обученные, неопытные, вообще будут бесполезными.

Заспорили. Автономов остановил дискуссию, объяснив:

— Новых офицеров будем готовить, но пока их нет. Старых офицеров надо привлекать. Давайте их соберем и поговорим. Пусть руководители Совдепов разрешат провести съезд офицеров. Хорошо бы в Пятигорске.

С предложением согласились все, и на этом совещание закончилось.

IX

Пришлось полковнику Андрею Шкуро стоять на трибуне, обитой кумачом, и вновь нервно напрягаться, чувствуя себя не на месте, не с теми. Митинг проходил в Ессентукском парке, перед трибуной шумела и шевелилась толпа — больше всего мастеровых и штатских неопределенной принадлежности, одетых в легкое летнее светлое. Наверное, были среди них и офицеры. Казаков немного. Полковник старался каждому приветственно помахать, а близко стоящим и подмигнуть — увидят на ярком солнце. К речи Автономова особо не прислушивался — его идею понял, но не верил, что из нее может выйти реальное дело. Пользоваться моментом, конечно, надо, но следует быть начеку.

Говорил Автономов все о том же, но другими словами:

— Вроде бы началась меж ними война, но это же результат недоразумения. Кто с кем воюет? Россия против Германии? Если бы так, то понятно, а у нас получается: Россия против России. Что мы не поделили?

— Спроси офицеров, которые нас расстреливали, — крикнули из толпы.

— А ты спроси комиссаров, которые офицеров и казаков расстреливали и грабили.

— Товарищи! — воскликнул Автономов. — Забудем прежние распри. Все слои общества должны объединиться против общего грозного врага — германской армии. Надо вновь доверять друг другу. Доверять офицерам, вместе с которыми мы сражались на фронте, доверять казакам — нашим землякам и братьям...

Речь как будто понравилась: одобряли громогласно, однако Шкуро, вдоволь наслушавшийся речей на митингах, принимал только один вид этих сборищ: он призывает казаков идти в бой, и они идут за ним. А здесь, как бы хорошо ни говорил Автономов, никакого результата не было. И никого не убедил в верности своей идеи примирения.

— Какое может быть у нас, казаков, доверие к большевикам, когда они нас обезоруживают, — сказал один из выступавших. — В нашу станицу понаехали красноармейцы и поотымали даже кухонные ножи.

— Вы просите, чтобы мы выставили полки, а потом заведете наших детей невесть куда на погибель... — говорил другой с недоверием.

После митинга, проходя сквозь толпу следом за командующим, Шкуро слышал и такое: «Большевики — это зараза, нехай лучше немцы придут!»

В домике Радко-Дмитриева, слишком скромном для такого известного старого генерала, хозяин угощал Андрея Григорьевича, Слащова и Датиева виноградным вином. Супруга генерала была в волнении и в слезах:

— Теперь большевики его заметили и не оставят нас в покое.

Ее успокаивали, но и сам генерал не надеялся на предлагаемое Автономовым сотрудничество.

— Я не могу им верить, — сказал он. — При первой же неудаче они обвинят меня в контрреволюционности или измене и расстреляют. Да и трудно поверить, что генералы Алексеев и Деникин согласятся пойти на сговор с этими мерзавцами.

Вскоре подошел генерал Рузский. Он говорил примерно то же самое:

— Кроме того, ведь у них нет ничего мало-мальски похожего на то, что мы привыкли понимать под словом «армия». Как же с этими неорганизованными бандами выступать против германцев?

Андрею Шкуро генералы были не нужны, но армия требовалась — он сам будет ею командовать. Толкнув незаметно Слащова, чтобы тот поддержал, сам тоже горячо высказался в защиту создания армии:

— Автономов даст оружия сколько надо. На съезде пусть не все, но часть офицеров пойдет к нам. Местная советская власть поддержит. И армия есть.

— Составим план боевой учебы, организуем разведку, — сказал Слащов. — Я готов занять должность начальника штаба.

— Мы понимаем вас, господа, — сказал Рузский. — Но у нас имена слишком одиозные, и нам невозможно начинать это дело. Беритесь вы сами за организацию армии, а если у вас что-нибудь наладится, то, может быть, мы и согласимся впоследствии возглавить армию.

Приехали Автономов и Гуменный и весь разговор повторился, разве что в несколько измененном варианте.

Радко-Дмитриев пообещал, что если его здоровье поправится и офицеры, поступающие в армию, будут пользоваться всеми положенными правами и привилегиями, то он, может быть, пересмотрит свое решение и примет командование.

Рузский жил в Пятигорске, и после разговора обратился к Автономову с просьбой отвезти его домой на автомобиле, и, конечно, получил разрешение, и тут Шкуро позволил себе вздохнуть несколько свободнее:

— Николай Владимирович, я никогда не бывал в Пятигорске, хочется места посмотреть эти... лермонтовские.

— Даю вам не больше чем полчаса, — сказал Автономов. — Спешу в Екатеринодар.

— Место дуэли не посмотрим, — сказал Рузский. — Далеко, а домик Лермонтова пройдем, можно даже зайти.

— Так посмотрим, — не согласился Шкуро. — Алексей Иванович спешит. — По дороге генерал показал какую-то белую хибару с железной крышей на горке, что-то объяснял. Андрей смотрел с необходимым уважением.

У своего дома Рузский пригласил зайти хоть на минуту отдохнуть, но полковник поблагодарил:

— Здесь на вольном воздухе покурю.

Сел на скамейку в садике возле веранды и ждал, когда появится Она. Конечно, появилась, но не одна; с ней — дама лет тридцати с лишним. Лена представила ее как Маргариту Георгиевну, свою покровительницу. «Покажи господину полковнику сад», — со значением сказала покровительница.

Они ушли в гуцу боярышника. Шкуро понимал женский пол. Девочек ломал и в Пашковской, и в Екатеринодаре, и даже в самом Питере. В юнкерские времена ходил в отпуск к генералу Скрябину, его сына-кадетика отправляли спать в девять, и начиналось такое, что был Андрей разжалован из портупей-юнкеров. Засек сотник Скляр. Мог бы и не доносить. В боярышнике крепко облапил и зацеловал Елену, а она не сопротивлялась, и только вздыхала. Противно просигналила автомобильная груша, напомнив, где они и кто они.

— Леночка, — сказал Андрей с последним поцелуем. — Жду тебя в Кисловодске. Подгорная, восемь.

Х

Красный летний вечер. Южный, теплый. Вальсики уже играют в саду. Шкуро, Слацов и Датиев подходили к «Гранд-отелю» усталые, но несколько обнадеженные. Теперь бы отдохнуть по-домашнему с горилкой, успоко-

ить нервы. Навстречу тоже шли трое. Впереди — темноглазый, черноволосый, высокий, хитро улыбнувшийся при виде Шкуро. Спутники — чуть сзади. Все трое в гимнастерках, на поясах — кобуры с револьверами.

— Вы полковник Шкуро? — спросил черноволосый.

— Ну, я. А вы кто будете.

— А я — председатель Кисловодского совета Тюленев. В гостинице проживаете? В Ессентуки на митинг ездили?

— У меня документы, мандат — подписаны главнокомандующим...

— Все знаю. И то, что вы казаков мутите, в отряд собираете, тоже знаю.

— Так то ж по приказу... Оборона от немецкой опасности...

— Все знаю и предупреждаю: при попытке антисоветской деятельности пойдете под военный трибунал.

Заскрипели новыми сапогами трое советских, и Тюленев, уже уходя, сказал своим спутникам нарочно громко, чтобы полковники услышали:

— Им бы только скакать и рубить — другого не знают. Это мы с вами, ребята, всю жизнь для людей работаем...

Постояльцы выходили из гостиницы, вкусить вечернего кисловодского воздуха, на первом этаже Андрей Григорьевич лицом к лицу столкнулся со Стахеевым. Тот обрадовался как родному:

— Андрей! Здесь? Легально? Все в порядке?..

Шкуро отправил своих спутников, отвел Михаила в уголок, к окну, предупредил:

— Осторожно, Миша. Всякие здесь есть.

— Но ты же легально. Я читал в «Кисловодском вестнике». Вместе с Автономовым выехал в Ессентуки на митинг. Меня не предупредили, но я подготовлю корреспонденцию в Москву...

— Ни в коем разе! Всех погубишь. Пиши о Лермонтове, о Пушкине...

— Да! Ты же был там. Видел дом? Мы с тобой поедем на место дуэли. Увидим знаменитый Провал... И Пуш-

кин проезжал здесь. Был в Георгиевске, в Горячих водах... А Лену не встретил там?

— Какую Лену?.. А! Ту малолетку? Не до девок было, Миша. Ты здесь живешь. В какой комнате? В самой первой? Ого! Зайду, но ты обо мне нигде ни слова.

Прежде чем идти к себе, Шкуро зашел в номер к Слащову. Тот едва успел сбросить пропыленную куртку и умыться.

— Прости, Яша, что покоя не даю — такое наше дело. Сегодня же начнем рассылать своих по станицам, чтобы готовили казаков к выступлению. Совдеповцы, мерзавцы, за нами следят, но мы их обманем. Квартиру на Подгорной, восемь, не сдавай — там главнее разговоры будем вести. А теперь пошли ко мне. Татьяна с обедом давно, видать, ждет.

XI

Сидели на Подгорной со Слащовым и хозяином квартиры Степаном Фоменко, обсуждали офицерский съезд, только что прошедший в Пятигорске. Слащов одобрял:

— Офицеры понимают, что такое армия. Прежде всего устав. Вот они сейчас проведут кодификацию старых уставов, сделают в них изменения, связанные с революцией, строго регламентируют права офицеров, их взаимоотношения с солдатами, и тогда можно формировать части.

— Как думаешь, Степан? — спросил Шкуро.

— Чего думать? Гусь свинье не товарищ, сговорятся офицеры с теперешними солдатами и казаками.

— Не так ты говоришь, — поправил Шкуро, — волк свинье не товарищ!

— Резко, Андрей Григорьевич, но я тебя понимаю, — с хмурой улыбкой сказал Слащов. — Большевиков, конечно, повесим, а потом будем армию собирать. Но кодификация сделана, старшиной офицеры выбрали правильного человека — генерала Мадритова, героя Русско-японской войны.

В дверь постучали.

— Ты что, Степан, калитку не закрыл? — возмутился Слащов.

— От кого запирается-то? Входи уж, кто там.

Вошла Лена. Легкий стыдливый румянец, а в лазоревых глазах и робость и решительность.

Андрей поднялся навстречу, объяснил помощникам:

— Моя секретная агентша из Пятигорска. — На мужчин смотрел с вопросом: поймут казачьи шалости или надо перед ними лукавить.

Степан вроде понял, а Слащов аж потемнел от злости — не жаловал баб. Ему бы лучше французский коньяк.

— Пойду к себе, — сказал Слащов. — Должны люди приехать.

А Степан, закрыв за ним дверь, приветливо спросил:

— Винца, закусок, Андрей Григорьевич? А вас как величать? Елена Аркадьевна? Не надо ли с дороги умыться или чего? А сумочка ваша?

— Я ее оставила у подруги — только вот платочек.

Степан ушел в свой Совдеп, а Андрей и Лена сели за стол. Недолго сидели — солнце здесь мешало, — перешли в уголок на кровать. Андрей ощущал девичий сырой аромат и какие-то генеральские духи и по-мужски жалел девушку.

— А у меня жена здесь, — сказал он как можно равнодушнее.

— Я тебя как будто об этом не спрашивала, — ответила она спокойно.

— А тогда вот так.

Он бурно целовал ее и в губы, и в шею, и в грудь, и платье расстегивал, и руки его умелые действовали...

— Не надо платье мять, — сказала Лена, поднялась с кровати, аккуратно сняла платье и повесила на спинку стула.

— Тогда уж все снимай.

— И сниму.

— Ты же, видать, девица еще.

— Не твое дело. Тебе дают — так бери. Боишься простыню испачкать — я платочек подложу...

Только потом разговаривали. Лена рассказала, что

она москвичка с Разгуляя. Отец погиб на фронте. С весны в Москве стало голодно — и они поехали с матерью к дальним родным в Ставрополь. Одна хорошая знакомая, Марго, пригласила ее в помощницы работать у генерала Рузского. Работа не тяжелая, и с голоду не помрешь...

Андрей за хозяином предусмотрительно закрыл калитку. Как открыть снаружи знал только Степан, поэтому, когда постучали в дверь комнаты, Шкуро знал, что это Степан, однако все равно револьвер надо приготовить и одеться.

— Степан, ты? — спросил он для порядка.

— Отпирай, Григорьич. Дела плохие.

Лена быстро оделась, кое-как поправила кровать.

Степан вошел и ничего не замечая, сел за стол, выпил стакан вина.

— Говори, в чем дело, — потребовал Шкуро.

— Мне уйти? — спросила Лена.

— Сиди кушай. Ты своя, — не глядя на нее, сказал Андрей, буравя взглядом Степана. — Так что произошло?

— Автономов арестовали в Екатеринодаре. Обвинили в заговоре против советской власти. Пришла директива — арестовать всех, у кого есть мандаты за его подписью. Тюленев уже сказал: «Первого — Шкуро».

— Теперь, Лена, давай прощаться, — сказал полковник. — Выберусь из этой передраги — найду тебя. А сейчас беги, пока вместе со мной не схватили.

Почти бегом он примчался в гостиницу, собрал своих. Татьяна, конечно, сразу расплакалась, но было не до нее. Еще никто не успел ничего предложить, как прибежал поручик Бутлеров.

— Спасайтесь, полковник, — задыхаясь, в полной панике сообщил он, — дали приказ о вашем аресте. И еще наши казаки под Бургустанской обстреляли большевистский разъезд.

— Лошади совсем рядом, в роще, — сказал Датиев. — Татьяну Сергеевну отправили на Подгорную или в старую квартиру.

Еще мгновение — и полковник бы согласился. Мчался бы верхом к своим, чтобы спастись от смерти, набрать

отряд и вернуться... Рванулся было к черкеске, но неожиданно успокоился, вновь сел, вздохнул тяжело.

— Нет. Если я убегу, значит, признаюсь перед большевиками, что участвовал в контрреволюционном заговоре. Отряды не организованы, оружие не получено. Пойду сам напролом в Совдеп — попытаюсь спасти дело. Здесь у нас заговора не было — все подтвердят.

Ощущая всю тяжесть атаманской доли, он, будучи настоящим бойцом, шел спокойно прямо в Совет, в зал заседаний. Здесь — паника и суматоха: раздают винтовки, патроны, во дворе строят отряд. Кричат: «Казаки восстали!» Тюленев метался среди своих, но увидев полковника, направился к нему со своими помощниками.

— Вот и вы сами, «товарищ» Шкура, — заулыбался он издевательски. — А я уж послал людей привести вас под конвоем.

— Во-первых, я для вас не товарищ, а господин полковник, — закричал Шкуро. — А во-вторых, почему, вопреки мандату главкома Автонома, вы не исполнили до сих пор моего требования и не подготовили помещения и фураж для места сбора казаков в Кисловодске.

— Предатель Автономов уже арестован, и теперь мы приберем к рукам всю офицерскую сволочь. А ваши казаки уже атакуют красный разъезд под Бургустанской. Поспешили без ваших приказов.

— Это ложь! Красный разъезд сам открыл огонь. Но ошибке или как...

— Хватит покрикивать, полковник! Вы арестованы. Ваш заговор провалился.

ВОЛЧЬЯ ПОЛЯНА

I

Он сидел в комнате рядом с залом заседаний Совдепа и слышал, как Тюленев громко убеждал своих:

— Этого Шкуро расстрелять немедленно! От него вся смута по станицам.

С ним соглашались не все. Говорили: «Нет никакой причины... Он же ничего не сделал... Кто ж знал, что Автономов?»

— Но стреляли же под Бургустанской! Это же его люди, — не унимался председатель.

Ему возражали: «Случайная стычка...»

— Будь по-вашему, — согласился наконец Тюленев. — Пусть пока сидит под арестом. Но один лишь выстрел казака в наших — и его под расстрел.

Несмотря на свое теперешнее положение, почему-то Шкуро был уверен, что придет время, когда этого монтера другие к стенке поставят, или он сам его пашкой рубанет. Однако обстановка требовала действий. Окно комнаты выходило на улицу — среди прохожих и казаки появлялись. Устроят бучу — и конец.

У двери стоял часовой — молодой солдат с добродушным лицом.

— Вот, брат, дела пошли, — произнес Шкуро задумчиво. — Случайно кто-то там выстрелил, и проливается русская кровь, — заметив сочувственный взгляд часового, продолжил: — Свои по своим по ошибке пальнули, а я в ответе. Я ж им не приказывал. Мы ж немцев готовимся бить. Зачем же друг на друга-то? Чтоб напрасно кровь не лили, надо мне записку своим передать. Напишу, чтобы расходились по станицам. Отнес бы ты моей жене в гостиницу «Гранд-отель». Она тебе сто рублей даст.

Написал:

«Таня, если казаки поднимутся на большевиков, меня расстреляют. Скажи Слащову, чтобы он приказал им разгехаться. Приготовьтесь к обыску — уберите все лишнее. И знак. Солдату дайте сто рублей».

Вечером полковника отвели в гостиницу, где обыскали его номер и привели обратно. В это время в зале заседаний допрашивали еще двоих казаков, пойманных в какой-то перестрелке. Вокруг стола толпились люди с винтовками и револьверами, и среди них — Стахеев в кожаной куртке и, конечно, в очках, что делало его начальственно солидным. Он размахивал своим мандатом

и выкрикивал, что знает полковника Шкуро как храброго фронтового офицера, что ни в каком заговоре полковник не участвовал, а выполнял приказы Автономова...

Тюленев не было, и командовал здесь другой — неторопливый, как будто рассудительный.

— Ты погоди с мандатами, — останавливал он Стахеева. — Видишь, допрос идет.

— Но ведь вы арестовали ни в чем неповинного человека, — не унимался Стахеев. — Я, как московский корреспондент...

— Вот и помолчи, корреспондент. Не виноват — отпустим. А ты давай рассказывай, — обратился он к молодому арестованному казаку, разглядывал окружающих с тупым выражением лица, с отвисшей слюнявой губой, которое говорило, что перед Советом оказался не самый умный из казаков. — Что говорил полковник Шкура?

— Он нас гарнизовал, чтоб большевикам шеи свернуть. И ишо говорил, что у большевиков возьмем, то наше, и ишо по тыще карбованцев жалованья...

Совет загудел.

— Он же сумасшедший! — вскричал Стахеев. — Его в желтый дом...

— Позвольте допросить мне этого казака, — попросил Андрей, чувствуя, что дело плохо.

Ему разрешили.

— Ты видал когда-нибудь этого самого полковника?

— Нет, не видал.

— Меня знаешь?

— Ни.

— Кто же тогда тебе говорил, чтоб надо бить большевиков?

— Да казаки вообще большевиков не жалуют. Побьют их.

Вмешался другой, доселе молчавший пленный казак:

— Нас собирал вахмистр Наум Козлов, чтобы бить немцев по приказанию господина главнокомандующего Автономова. Как же нам не послушаться? Не пускать же немцев к себе?

Полковник воспользовался впечатлением, произведенным казаком, и разразился бурной речью, в которой упрекал большевиков в непоследовательности, в необоснованных обысках, арестах, угрозах расстрела, заявил, что будет жаловаться председателю Совнаркома Терской республики Буачидзе... Его поддержал Стахеев. Совет после долгого обсуждения решил отправить полковника во Владикавказ, где находилось правительство Терской республики.

К Шкуро подошел Стахеев:

— Пока благополучно, Андрей Григорьевич. Я думаю, Буачидзе там разберется. Я тоже туда позвоню. И в Пятигорск съезжу.

— А зачем в Пятигорск?

— Там отдельский Совдеп. Они тоже власть.

— Нет, Миша, ты лучше здесь оставайся — смотри, как бы Тюленев не взбесился да не начал бы атаку на меня.

II

Во Владикавказ под конвоем трех солдат Шкуро привезли утром. Здесь на главном пути станции стоял бронепоезд с прицепленными классными вагонами, посовещавшись с дежурным, казаки отвели полковника в один из вагонов этого поезда. Арестованный поинтересовался, что это за поезд, в котором ему придется гнить.

— Это самый главный поезд, — объяснил солдат. — Главнокомандующего войсками Кавказского округа Беленкевича. Знаешь такого?

— Как не знать.

«Что же это за власть: хотели из пулеметов расстрелять, а потом передумали и главнокомандующим назначили. Разве такая власть на Кубани удержится? Дайте только волю атаману, мне, — думал Шкуро, — и я установлю настоящую казачью власть. Не дадите — убегу и сотворю свою Кубань».

Из поезда его перевели в тюрьму. В общей камере — человек сто, из них половина — осетины. Из этого мно-

жества выбрал по лицу такого, с кем, как Шкуро показалось, можно говорить. Сказал:

— Плохо здесь, друг?

— Ой, плохо, казак.

— Домой надо. Бежать. Давай с тобой придумаем, как бежать.

— Зачем со мной? Нас много. И это есть, — оживился собеседник и, оглянувшись, показал из-под рваного бешмета револьвер.

— Шкура, на допрос! — закричал охранник.

По улице мимо казарм его вели трое красноармейцев. На подоконниках открытых окон сидели красные солдаты без гимнастеров, в грязных рубашках. Кричали: «Кого ведете? Шкуру?.. Так его давно в расход надо!.. Ща мы его отправим к Корнилову!..¹⁶» Какие-то отчаянные выставили винтовки из окон. Пальнули — цокнули по булыжникам кусочки свинца. Старший конвоя скомандовал своим «оружие к бою» и пригрозил перестрелять всю казарму. Тогда успокоились.

Все это пополнило счет к Красной Армии. Придет время — он не промахнется.

Привели Шкуро в Совет к самому Буачидзе. Тот поздоровался, как со своим, вежливо усадил, успокаивал объяснениями:

— Недоразумение, понимаешь. Автономова не арестовали, а вызвали в Москву по делам. Ну, там, кое в чем он ошибся — поправят. Орджоникидзе его знает.

— Так выпускаете меня, Самуил Григорьевич?

— Понимаешь, сразу не могу. Согласовать надо. Подождите немного, Андрей Григорьевич.

Вот она и власть: Терская республика под ним — половина Северного Кавказа, а он прислушивается к тому, как чихнет в Москве или в Царицыне какой-то грузинский проходимец Орджоникидзе.

Обратный путь в тюрьму не миновал красноармейских казарм, но теперь оттуда не стреляли, а выкрикивали угрозы и оскорбления. Сами просились под казачью пашку!

В камере полковник сказал новому приятелю осети-

ну: «На волю надо. Давай, друг, сегодня ночью. Сговаривайся со своими. Пусть человек двести ваших придут с гор к тюрьме, а мы отсюда на охранников бросимся. Они ночью все пьяные как свиньи. Сколько у твоих револьверов?» Тот рассказал, что оружия много передали, и ночью бежать — хороший план. Так и решили, действовать, однако случилось по-другому, еще проще.

Если охранники напивались к ночи, то главнокомандующий Беленкевич был совершенно пьян уже вечером. На этот раз почему-то решил осмотреть тюрьму. Вошел в камеру вместе с начальником тюрьмы, заплетающимся языком приказал построиться и сказал непонятную речь, в которой чаще всего звучали нецензурщина и слово «расстрел». Выделяющийся из массы грязных оборванцев полковник привлек его внимание.

— Как фамилия?

— Шкура, товарищ главнокомандующий!

— Шкура! Ты ж тот самый Шкура, что со мной под Таганрогом офицеров бил?

— Ну да. Помню. Как же. А теперь вот тут сижу.

— Мерзавцы! Они и меня хотели арестовать за контрреволюцию. Едем со мной в полк.

— Мы же не имеем права, — возразил сопровождавший свиту начальник караула.

Беленкевич, ни слова не говоря, повернулся к нему и с размаха ударил кулаком в лицо.

— Как ты смеешь, мерзавец, так разговаривать с главнокомандующим? Не служите, а только пьянствуете. Арестовать! Шкура, за мной.

— Пусть ваши срочно перережут связь с Кавминводами — иначе меня по дороге будут ловить, — успел в суматохе шепнуть другу-осетину Андрей Григорьевич. — И рванулся на волю.

III

Из Москвы приходили газеты с сообщениями о мятеже Чехословацкого корпуса, захватившего к концу мая сибирскую железную дорогу от Волги до Новониколаев-

ска. Стахеев получал вместе с газетами письма от жены и от доброжелателей из Наркомпроса. Клавдия ждала его домой с мешком продуктов, доброжелатели сообщали, что его материалы хороши, но печатать их негде, и рекомендовали сидеть на юге и давать краткие сообщения об успехах советской власти. Успехи были: в Моздоке открылся Третий съезд народов Терека. Следовало поехать, но... Что там услышишь, кроме трескучих речей и резолюций, и, кстати, все это будет напечатано в местных газетах, а вот в Пятигорске — генерал Рузский, и с ним корреспондент Стахеев может провести содержательную беседу и о современной обстановке на Кавказе, и о привлечении офицеров в Красную Армию, и о прошлом — ведь на его глазах отрекался от престола последний российский император. И даже Андрею генерал может помочь. Товарища надо выручать, а не на съезд ехать.

Однако под шелухой всех этих оправданий скрывалась мысль о такой желанной встрече с Еленой. Конечно, жена... Женитьба была ошибкой, ведь он художник, писатель, ему для творчества необходима романтическая любовь. Лермонтовская. И вот он лермонтовский город. «Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука».

Вот там, наверху, на верхней площадке города, дом Чиляева, где нанял поэт свою последнюю квартиру. Большая улица. Липовая аллея, темный могучий Машук, господствующий над всем и вся... Эти места для поэта, для писателя. Стахеев знал, что пришло время великой прозы о войне и воинах — время лермонтовской прозы. И он обязательно напишет великий роман об этих страшных и великих временах. И об Андрее, и об Автономове, и о генерале Рузском.

Когда истинную причину своих действий тщательно прячешь, скрывая за другой серьезной причиной, вдруг возникает такая убедительность просьб и речей, что тебе легко верят. Мечталось, что у дома генерала встретит Лена, но из калитки вышел пожилой серьезный человек, наверное, бывший денщик или ординарец генерала.

Стахеев в белом костюме и солидных очках последовательно убедил и секретаря, и жену Рузского в необходимости беседы с генералом для блага России.

Рузский хоть и постарел и шлепал тапочками, но сохранил манеры военачальника и в разговоре вдруг стал новилса самоуверенным, знающим себе цену.

Михаил в подходящий, как ему показалось, момент разговора упомянул об арестованном друге, имевшем мандат от Автономова. Рузский выразил явное неудовольствие:

— Я весьма сожалею. Сам был едва не втянут в эту авантюру. В стане красных какие-то разногласия — нас это не должно касаться. Затея с созданием какой-то мифической армии, объединяющей и красных, и офицеров — нелепа и обречена на провал. Я отошел в сторону и начал мемуары. Я был участником великих событий.

— Да, да, Николай Владимирович, ведь вы же организовали и провели величайшую акцию русской истории — отречение последнего императора.

— Не я один, но это событие происходило на территории штаба моего фронта. Кто там есть? — крикнул генерал в сторону дверей. — Женя! Нам бы еще чаю и что-нибудь.

Открылась дверь и... вошла она. Лена! В чем-то фиолетовом, над которым ясной чистотой светилось ее спокойное правильное лицо и большие синие с кажущимся фиолетовым оттенком скромно бесстрастные глаза.

— Женя вышла по делам, Николай Владимирович, — сказала она, — я принесу вам чай и печенье.

— И пирожки, — приказал генерал.

Он любил вспоминать о тех днях прошлого года:

— Вечером первого марта, когда царский поезд прибыл в Псков, я со своим начальником штаба немедленно направился к Николаю. С ним был главный холуй, Воейков. Они начали мне что-то объяснять, но я был тверд: идти на все уступки перед Государственной Думой, перед восставшими; сдаваться на милость победителя и давать полную конституцию, иначе анархия будет расти, и Россия погибнет.

Лена внесла поднос со стаканами и вазами. Вновь умилила и удивила прямота и уверенность ее походки, сосредоточенно прямой ее взгляд. Она поставила поднос, расставила приборы, выпрямилась и изящно поклонилась Стахееву с улыбкой, как ему показалось, намекающей и обещающей. Он почувствовал себя счастливым.

— Николай приказал Воейкову послать какую-то голограмму, и я решительно вмешался, — продолжал генерал. — Я сказал, что здесь только я сам посылаю телеграммы и вырвал бумагу у Воейкова. Царь не обратил внимания. На следующее утро через меня пришло семь телеграмм от высших генералов с предложением отречься от престола. Николай Николаевич¹⁷ коленапреклонно молил царя отречься и передать престол наследнику при регентстве...

Михаил уже не мог внимательно слушать и закрывать — он мечтал о прогулках с Леной по Пятигорску, по лермонтовским... нет — по печоринским местам. «Для любви одной природа нас на свет произвела» — кажется, так поют в спектакле Художественного театра. Без интереса дослушивал горячий рассказ Рузского о том, как будто бы по его категорическому предложению Николай немедленно решил послать телеграмму с согласием отречься от престола, о том, как свита пыталась остановить ее отправление, но благодаря ему, генералу Рузскому, это не удалось; о том, как вечером приехали Гучков и Шульгин, как в нервном молчании они сидели в вагоне генерала, ожидая оформления акта отречения... У него хватило бы рассказов дотемна — год 17-й был богат событиями. Рузский рассказывал уже что-то о Корнилове, когда Стахеев уловил момент, чтобы откланяться, поблагодарить и пообещать в скором времени публикацию «этой интереснейшей беседы».

Лена стояла на веранде в своем фиолетовом, причесанная, прибранная — наверное, его и ждала. Он робко и многословно заговорил о том, что впервые в городе, и остановился в гостинице на Большой улице...

— Пойдемте, я покажу вам короткий путь, — сказала она просто.

С детства Михаил страдал, не умея разговаривать с девочками, и позже барышни избегали его, не желая выслушивать рассуждения о том, что самому ему представлялось весьма интересным, например, о теософии Мерезковского или о политическом кризисе на Балканах. Лишь те, кто увлекался его мужскими достоинствами, готовы были слушать все, что угодно, и соглашаться. А Клавдия даже стала женой.

Теперь он заговорил с Леной об Андрее, которого надо выручить.

— Его расстреляют? — спросила Лена, и он не уловил острого женского беспокойства — знал же, нет ничего, что связывало бы с его приятелем эту чудесную чистую девушку, так скромно и уверенно идущую рядом под огромным оранжево-голубым куполом летнего пятигорского вечера, падающего к земле дымчато прозрачными сумерками.

— Нет! — успокоил девушку Стахеев. — Мы, его друзья, сделаем все, чтобы выручить Андрея...

Горячо и увлеченно Михаил рассказывал, как они вместе поступали в училище, какой Андрей мужественный, как храбро сражался на фронте... Почему-то казалось, что этот разговор сблизит его с девушкой. Потом, вспомнив о том, как уговаривал Андрея посетить лермонтовские места, перешел к поэзии. Читал свои старые стихи, объяснял девушке, что теперь пишет роман, что его идеал — «Герой нашего времени», что они должны посетить Эолову арфу. Пролом...

— Что вы, Михаил Сергеевич! Туда нельзя. Особенно вечером. Там грязь, пьяницы, бандиты, солдаты...

— А в этот ресторан?

— Не знаю. Я там не была.

После вина и шашлыка, когда Машук грозно почернел, и улицы налились густой синевой, они, возвращаясь, уже называли друг друга на «ты», и Михаил пытался поцеловать девушку. Она, смеясь, осторожно отстранялась.

По булыжникам загрохали сапоги красноармейцев. Пришлось прижаться к забору. Около ста человек неожиданно запели, почти сразу всем строем:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов,
И как один умрем
В борьбе за это...

От красноармейцев пахло пылью и дегтем.

Михаил обнял Лену, прижатую к забору, и, когда рота прошла, поцеловал девушке руку, нежную, гладкую, прохладную.

— Ты, Миша, хулиганничаешь, — сказала она смеясь.

— Я влюбился в тебя, Лена.

— Не верю. А жена в Москве?

— Не нужна. Прямо сегодня напишу, что развожусь.

— Врешь!

— Клянусь!

Расставались с поцелуями.

Лена спала в одной комнате со своей покровительницей. Та была уже в постели. На столике — свеча. Лена быстро разделась и в белой ночной сорочке нырнула под одеяло к старшей подруге — та разрешала.

— Ну, рассказывай, гулена. И ему тоже дала?

— Еще чего! Да он и не лез. Только целовал и стихи читал.

— Женат?

— Они все женаты. Да сейчас ведь война. Где там ихние жены? После войны будем разбираться, кто чей...

IV

Уже в Минводах Шкуро узнал, что мост взорван и связь прервана — значит, пока здесь искать не будут. И все же в Кисловодск пробрался лишь поздно вечером в старой гимнастерке и солдатской папахе. Возле гостиницы еще бродили гуляющие, в их числе и Стахеев, одиноко разглядывающий звезды.

— Мои здесь? — спросил его.

— Да, здесь. Тебя освободили?

— Тихо. Будут искать. Слащов здесь?
— Это такой всегда злой? Здесь. У себя в номере.
— Будешь злым, когда тебе дадут мандат, а потом будут расстреливать. Не вышло по-ихнему. Не меня, а их будем расстреливать.

— Ты знаешь, Андрей, я был в Пятигорске у Рузского. Надо еще поехать, потому что...

— Миша, сиди здесь, и сиди тихо — на днях мы начинаем. Без меня пропадешь.

Татьяна встретила привычными слезами и причитаниями, уговаривала бросать эти Воды и пробираться к своим краям: по слухам, добровольцы-корниловцы опять идут на Екатеринодар.

— Мы с тобой, Тасинька, не будем пробираться как беглые. Я приду с атаманом и приведу войско, а ты — жена атамана.

— А сестра твоя и брат в Сибирь наладились.

— Это их дорога, а я свою Кубань буду спасать. Вот и Яша. В номер постучался Слащов. После эпизода с барышней он вдруг стал смотреть на атамана исподлобья, но теперь встретил Андрея искренней радостной улыбкой — соратник спасся от гибели.

— Давай, начальник штаба, обдумаем обстановку и начнем действовать. И ты, Тасинька, нам нужна. Все наши сегодня ночью и завтра с утра разъезжаются по станицам и аулам. Они должны приготовить людей к нашему приезду и к началу боевых действий против большевиков. Для этого нам нужны деньги. Таня, раскошеливайся.

— Так, Андрюша... Да разве я?.. Все там твое.

— Не жалеи, Тасенька — скоро у нас много будет. И не бумажки будем собирать. Начнем с меня. Я сейчас же выезжаю в Ессентуки — там мой человек прапорщик Глухов. Ему нужны деньги — красноармейцы по дешевке продают пулеметы и винтовки. Беру с собой десять тысяч царских. Капитан Сейделер¹⁸, поручик Фрост пусть едут в Кумско-Лоовский аул и готовят отряд к нашему прибытию. Дены и им выделит начальник штаба. В Баталпашинскую пошлем Мельникова...

Ехал в Ессентуки Шкуро на дрезине со знакомыми железнодорожниками и казаками. Он не мечтал, а явственно по-командирски представлял, как пойдет вон по той дороге его конница сабель в шестьсот—восемьсот, а на той поляне удобно будет рубить в капусту большевичков, пытавшихся его расстрелять.

— Мост ваши взорвали, Андрей Григорьич? — уважительно спросил железнодорожник.

— По моему приказу. Я ж из Владикавказа с боем пробивался. Там осетины, как всегда, хотели поезд ограбить. Бронепоезд «Интернационал» их не испугал. Пришлось мне атаку организовывать, гнать нападавших. А мост я еще раньше приказал взорвать, чтобы меня не достали.

В Ессентуки приехали к солнышку. Спросили атамана: «В Пятигорск не желаете ли, Андрей Григорьевич?»

— Надо бы, — вздохнул полковник, — да дела тут завертелись. Может, и поеду. Найду вас на станции.

Дела ждали в станичном правлении, где местным комиссаром был свой человек — прапорщик Глухов. Однако в правлении его там не оказалось. Незнакомый сердитый солдат сказал неприязненно:

— Погнали твоего Глухова. Пуцай спасибо скажет, что из каталажки выпустили. Ищи его дома, если не сбег.

Глухов оказался дома. К своей отставке и аресту отнесился презрительно:

— ...я ихнюю власть. Ты, Григорьич, гони деньги — я у них все оружие скуплю.

— На пулеметы дам четыре тысячи, а винтовки бесплатно заберем.

— И еще, Григорьич, дело: жить будешь в пансионе Яблокова под фамилией Андреев. Там тебя уже ждет твой Ельников, и у него секретное дело.

— Младший Мельников? маленький?

— Ну да.

— Старшего-то я в Баталпашинскую послал.

Пансион посреди городка — одноэтажное длинное здание. В тени его, под окнами и у ограды казаки лениво

лускали семечки, о чем-то говорили. Мельников-младший поманил из окна. В комнате прохладно, чистые кровати, стол накрыт скатертью.

— Андрей Григорьевич, здесь в этом же коридоре за углом — секретный человек снял комнату. Второй день ждет вас.

— Давай его.

«Секретный» человек, вошедший в комнату, был в темном костюме, похожем на офицерский мундир без погон и медных пуговиц.

— Вы полковник Шкуро? Я конфиденциально.

Полковник сделал знак Мельникову, и тот ушел.

— Я штаб-ротмистр Гибнер, — представился незнакомец, — секретно прислан к вам представителем Добровольческой армии на Тереке полковником лейб-гвардии Измайловского полка Веденяпиным¹⁹.

— Слушаю вас, господин штаб-ротмистр.

— Нам стало известно, что вы готовы поднять кубанских казаков на восстание против советской власти.

— Хоть завтра, — ответил Шкуро, зная и правила игры и то, что завтра больше двадцати человек не соберет.

— Полковник Веденяпин от имени командования Добровольческой армии просит вас отложить на несколько дней начало восстания, так как у терцев не все готово. Следовало бы подождать и окончания Моздокского съезда. Там возникли большие разногласия казаков с большевиками. На днях положение прояснится.

«Это хорошо, когда тебя просят подождать с наступлением — верят, что ты придешь и разобьешь врага», — глядя на гостя, думал Шкуро и после небольшой паузы серьезным тоном сказал:

— Мы, конечно, примем во внимание все, что вы нам передали. Но хотелось бы знать последние сведения о Добровольческой армии. По-видимому, вы располагаете ими?

— Добровольческая армия начнет наступление на Тихорецкую и далее на Екатеринодар в двадцатых числах июня.

— То есть недели через две? — уточнил Шкуро. —

Вот и мы наладимся. Известно ли вам, кто сейчас командует красными в Екатеринодаре?

— Латыш Калнин²⁰. Бывший прапорщик.

— Мало им евреев, — заметил полковник, — так еще и латышей посылают Кубанью править. И думают, что казаки их поддержат.

Когда удовлетворенный разговором штаб-ротмистр попрощался, полковник вызвал младшего Мельникова и подмигнул ему по-свойски, по-казацки:

— Уважают нас, Кузя. За большую силу держат. Боятся, что мы раньше их красных побьем. Хорошо? А?

Посмеялись.

— Теперь ждать будем, Андрей Григорьевич?

— Отдохнем, своими делами займемся. У тебя девка-то здесь есть?

— Да их тут...

— Вот ведь штука интересная: почему-то эти девки нас маленьких, низкорослых любят?

— Не тот рост они ищут, Андрей Григорьевич.

— Нет, Кузьма. Тут дело сердечное, любовное. Вот у меня к тебе будет конфиденциальное, как этот офицер говорил, поручение. Поедешь в Пятигорск, в дом генерала Рузского, найдешь там Лену и привезешь сюда. Придумай, будто ее родные здесь.

— Конфиденциально? — с улыбкой переспросил Мельников.

— Только так...

Спали с Леной у открытого окна, завешенного от комаров госпитальной марлей.

— Не боишься, девка, обречь себя? — беспокоился Андрей.

— Чего ж бояться — отец-то вот он.

— Я казак. Нынче с тобой зорюем, а завтра... И сам не знаю. Поведу казаков на Кубань, на Ставрополь, на Екатеринодар... Глядишь, там и останусь в поле...

— На Ставрополь пойдешь? Я отсюда хочу туда уехать. Мама там.

— Красные там. Из Новороссийска матросы. Фасо-

нят в белой форме. Хозяйничают. Живо тебя там на abordаж зацепят.

— Так уж и зацепили. У меня там дядя и еще родственники.

— Вот и сиди там с дядей, не вылазь на улицу. Жди, когда я свои сотни приведу.

— Приводи, буду ждать.

— Ты что делаешь, бесстыдница?

— Похулиганничать захотела. Девичий стыд до порога.

— И не боишься?

— И ты не бойся — меня научили, как надо в игры играть...

V

Вернулся Шкуро из Кисловодска под чужой фамилией, в той же чужой куртке, в старой помятой фуражке. Небритый, немного осунулся — только водянистые кубанские глаза сверкали по-боевому. Отдохнув, пригласил Слащова. Татьяне поручил устраивать дружеский обед с горилкой.

— Нас, Яша, не торопят, — объяснил Слащову. — Терцы задерживаются. Да и Деникин раньше конца месяца не тронется. А мы с тобой за это время создадим лагерь для нашего войска, соберем людей, разведку сделаем.

— Выбор места для лагеря — серьезное дело, — нахмурился Слащов. — Он должен находиться в стратегическом центре...

— Я уже знаю, где будет находиться лагерь, и люди там ждут нас, — перебил Шкуро и хоть глядел в окно, но краем глаза заметил, что Слащов недоволен — как же — академию кончал, и сделав вид, что не видит недовольства, продолжил: — А за нами на закате лошадей подадут.

— Ой, Андрюшенька, опять уезжаешь. А я тут...

— А ты, Тасенька, борщ подавай.

— Ой, а у меня борщ-то с молодой свеклой, с лучком...

— Если с молодой, то по стакану, — предложил Слащов.

— Если начальник штаба распорядился — так тому и быть, — согласился Андрей. — А место для лагеря я выбрал, потому что все места здесь знаю.

— Ох, сидели бы вы тихо там, — с безнадежным вздохом пожелала Татьяна. — Ждали бы, пока все наладится.

— Ждать? — неожиданно вспыхнул Шкуро. — Пока все похватают, все поделят, а нам — шиш? Нет уж! На Кубани мы командовать будем, — подавив раздражение, сказал спокойно: — Лошади будут ждать у колодца на повороте по дороге к ресторану, как его там называют — «Замок коварства и любви». А тебе, Таня, тоже поручение: здесь, в гостинице, живет этот газетчик Стахеев, шляется где не надо, в разговоры лезет, и когда с Яшей двинемся, ты зашла к нему и заговорила бы его. О войне поспрашивай, о Москве — он любит болтать.

Все прошло, как было задумано. Переодевшись в красноармейское, они со Слащовым незаметно покинули гостиницу, пробрались по кустам к повороту, где стояла тройка. Кучер доложил, что все в порядке, подводы с вещами уже на месте, однако по дороге встречаются патрули.

— Так мы ж в кабак едем, — весело напомнил Шкуро. — В «Замок коварства и любви». И захмелели с утра. Споем, Яша, кубанскую.

— А я кубанских не знаю.

— Ну я буду орать, а ты подвывай... — проговорил полковник весело и запел:

Как у нашей со-отни
Жизнь была веселая!
Чернявая моя,
Чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза,
Раскудрява голова...

Слащов, как мог, подпевал. Патрули одобрительно посмеивались при виде гуляк.

Тех ждали в ауле, где проживал на правах и здешнего горского князя и советской власти князь Лоов — старый знакомый. Встретили гостей по-дружески, и, главное, не богато накрытый стол, а новенькие черкески, шашки, револьверы, папахи из волчьей шкуры. Андрей Григорьевич переоделся, подошел к зеркалу и сказал: «Наконец-то я снова чувствую себя русским офицером».

Выезд был назначен на раннее утро на той же повозке, — кони ждали в лесу. Едва солнце взошло, прохлады как и не бывало. Слева впереди горные хребты грели каменные бока, снега сахарно сверкали, сам Эльбрус можно разглядеть, однако долгожданных лошадей что-то не было видно. Слащов, серьезный с утра, озабоченно напомнил об их трудных задачах:

— Чтобы людей поднять на восстание, нужны понятные и принимаемые ими лозунги. Мало сказать, что мы против большевиков. Сейчас почти все против красных, а за кого? За что?

— Объясним, Яков Александрович.

— Но ведь нам с вами надо, как командиру с начальником штаба, все это заранее оговорить.

— Обговорим, Яков Александрович. Где же лошади, так их... этих коноводов. На фронте, бывало, генерал Келлер их по-особому учил — чтобы подале уводили. Тогда казаки в пешем строю крепко дрались — до лошадей не добежишь.

— И, главное, — не унимался Слащов, — Андрей Григорьевич, план боевых действий. Обсудим с вами, и я немедленно подготовлю приказ.

— Чего-то в животе урчит, Ягодкин, — толкнул полковник возницу. — Пожевать бы чего. Давай станем в тенечке на опушке.

Остановились, достали свежий хлеб, сверкающий кусок сала, огурцы... В лесу что-то захрустело, и по едва заметной дороге выехал на возу казак.

— Здравствуйте, — сказал. — Чего тут робите?

— А ты кто? — спросил Ягодкин.

— Я из Бургустанской. Вишь, по дрова ездил. Чего же вы в лесу-то будете сидеть? Может, вы до Шкуры едете?

— А это кто ж такой? — спросил сам Шкуро.

— Да полковник казачий такой есть. Гарнизовал казачков. Говорят, тысяч десять по горам бродят. Пока бантой²¹ заняты да коней у мужиков угоняют.

— А ты сам куда наладишься?

— Да к Шкуре. Приедет к нам — с ним вместе с большевиков шкуру спустим. Они же так их...

— Если ты, казак, возьмешься, то дело пойдет, — посмеиваясь, сказал полковник.

— А вы, видать, тоже... Офицеры?

— Скоро все узнаешь, все увидишь. Мы вот коней своих ищем.

— Да это же вон там, версты полторы. Четыре коня пасутся, подседланные, с сумами.

— Это наши, — решил Шкуро. — Ну, прощай, казаче, да скажи в станице, что скоро к ним приедут гости.

— Приезжайте, господа? Рады будем. Ко мне заходите. Литвинник я...

Заторопились к лошадям.

— Так что, Яков Александрович, с лозунгами понятно? Вот и с планами разберемся.

Полторы версты — пустяк, но вдруг донеслись до слуха выстрелы. Осторожно выехав на поляну, увидели пасущихся коней. Вахмистр Перваков и его казаки выбежали навстречу.

— Чего это огнем встречаете? — спросил Шкуро.

— Мужиков пугали, Андрей Григорьевич, — пояснил Перваков. — Михайловские — там поголовно все большевики. Я им: «Кони у вас хорошие». А они мне: «Это помещика делили». А я ему поперечь: «Тот помещик приказал, чтобы этих коней вы мне отдали». Они было ускакать хотели, да мы выстрелили. Они со страху с коней попадали и... деру. А кони — вот они.

— Со страху попадали? — переспросил Слащов.

— Так точно, господин полковник.

— Ну смотри, начальник штаба, место для нашего лагеря. Не подступишься — в седловине гор. А на этом дереве постоянно наблюдатель с биноклем. С той стороны черкесы нас охраняют...

Под огромным древним дубом — добротный шалаш из сучьев. У входа пика, на ней — значок: волчья голова на черном поле.

Слащову понравилось. Предложив всем построиться, он лихо скомандовал:

— Смирно! Равнение направо! Господа офицеры! — подошел с рапортом к Шкуро. — Господин полковник! Во вверенной вам армии налицо штаб-офицеров два: Слащов и Сейделер; обер-офицеров пять: подьесаул Мельников, поручик Фрост, прапорщик Лукин, прапорщик Макеев, прапорщик Светашов; казаков шесть: вахмистр Перваков, вахмистр Наум Козлов, вахмистр Кузьменко, урядник Безродный, Совенко, Ягодкин; винтовок — четыре, револьверов — два, биноклей — два!

— Здорово, Южная кубанская армия! — крикнул полковник Шкуро. — Приветствую вас с началом боевых действий. Глубоко верю, что с каждым днем станет наша армия расти, и победа будет за нами, ибо дело наше святое!

В ответ — «Ура!»

Разошлись, сели покурить.

— Здесь будем готовиться, силы набирать, — сказал Шкуро Слащову. — Жаль девок сюда нельзя, но чирь — хоть залейся.

— Как называется место? — спросил Слащов. — Мне же в сводках указывать придется.

— Волчья поляна!

VI

Каждый день скакали вокруг поляны. Командовал Шкуро или Мельников. И рысью, и галопом, и в карьер, и лаву строили из двадцати всадников, обнажали пашки и рубили кустарник. Все были опытными умелыми боевыми казаками, кроме Слащова, приученного к офицерской езде со времен юнкерского училища. Шкуро, посмеиваясь, объяснял ему:

— Ты, Александрович, брось лошадь калечить своей облегченной рысью. Гляди, как мы, казаки, скачем. —

Он пускал лошадь рысью и пригибался, почти ложился на луку седла. — И мне легко, и лошади не тяжело. А ты прыгаешь на ней и спину бьешь.

— Учили так, Андрей, Григорьич.

— Теперь по-нашему переучивайся. И шпоры брось. Лошадь так все понимает. Нагайку держи, но не бей сильно... Учись, Александрыч, а то в бой, в лаву не возьмем. В пехоту спишем.

Представители атамана в городах и станицах регулярно приезжали докладывать обстановку, поговорить со своими, а то и денег попросить. В один тихий красный вечер приехали Кузьма Мельников из Ессентуков и поручик Бутлеров из Кисловодска. Андрей Григорьевич им доверял. Прогуливались втроем. Посланцы мучили одним и тем же вопросом: «Когда?»

— Этот вопрос, друзья, самый простой. Деникин выступает числа двадцатого июня. Может быть, двадцать второго. Вот и мы так подладимся. Значит, через недельку. Есть другой вопрос — самый главный. Наши деньги кончаются. У казаков не соберешь. А войску надо оружие, продовольствие. Где брать? Вот вам, друзья, ответственное задание: точно знать, где хранят большевики секретные денежные запасы. И, главное, золото. Они много конфисковали у буржуев. Особенно в Пятигорске и Кисловодске этот еврей из Москвы Лецинский. Проследить за ним надо. Чтобы не скрылся. В Ставрополе у нас человека нет, и это плохо.

— Там же матросы, Андрей Григорьич.

— Ты бы съездил туда, Кузьма, подружился бы с матросиками. Или с какой-нибудь бабонькой из банка. Там большой банк. И об этом никому. Брать будем для дела, а не дуванить. Может, Леночку в Ставрополе, Кузя, встретишь. От меня мильон поклонов и поцелуев...

Спал в эту ночь Шкуро беспокойно — золото снилось — и утром, едва открыв глаза, испуганно вскочил: над ним стоял изможденный оборванный старик с безумно сверкающими глазами.

— Ты кто? — вскрикнул Шкуро.

— Я Георгий Победоносец, победитель врагов хрис-

тианства! К тебе пришел, чтобы и ты за мной поднялся за казаков, за православных! Не ужасайся войн и смятений, ибо этому надлежит быть. Восстал народ на народ и царство на царство. Но ты должен победить всех, и падут они от острия меча твоего. И отведут в плен все народы... А тогда Пилат велел бить Иисуса. И распяли его, и повесили...

— Что это ты заговариваешься, старик. Христа не повесили.

— Кто же убьет — подлежит суду! — выкрикивал старик, прожигая желтосверкающим бешеным взглядом. — А ты, молодой воин, спасай казачество! Не забывай Бога, будь милосерд к людям...

Много набормотал юридивый. Не очень жаловал полковник Шкуро витиеватые церковные словеса, но без Бога сам не проживешь, и за тобой никто не пойдет.

С утра пришлось задуматься, а днем очередной вестник сообщил, что в станице Бургустанской назначен большевистский митинг, на котором комиссары будут убеждать народ поймать полковника Шкуро, которого они считают предателем и бандитом.

Слащов отговаривал, но Андрей взял шестерых казаков с винтовками и гранатами и с наступлением сумерек выехали в станицу, поверх черкесок — бурки. Станица опустела — все в правлении на митинге. Четверых казаков полковник оставил на площади, сам с Перваковым и Безродным подъехал к правлению. Оттуда вышла женщина и сказала: «Опоздали, служивые, все комиссары уже уехали».

Из окон, однако, вырывался шум горячих речей — митинговали без чужих комиссаров. Уже совсем стемнело.

— Это что за казаки? — спросил кто-то невидимый.

— Мне нужен станичный атаман! — громко крикнул Шкуро и тихо приказал своим: — Я войду, и если что — бросайте гранаты в окна.

— Станичных атаманов больше нет, — ответили из темноты. — Теперь я станичный комиссар.

— А по званию?

— Ну, прапорщик. А вы?

— А я от восставших казаков.

— Не от полковника Шкуро?

— Я он сам и есть.

— Пожалуйста в правление. Там еще митинг продолжается. Старики наши...

— Вот что, прапорщик. Там, на окраине станицы, стоят два моих полка. В случае какого-либо предательства с вашей стороны они вырежут всю станицу до последнего человека. Вы поняли? Теперь пошли.

Полковник спешил и вместе с комиссаром вошел в правление как был — в папахе, в бурке, надетой поверх черкески.

В большой комнате правления народ разбился на группы. Сидели, стояли, громко говорили о Советах, о комиссарах, об офицерах, о поборах всяческих властей. Комиссар действовал официально — вышел на председательское место и громко объявил:

— Товарищи казаки! Сядьте по местам. К нам прибыл и хочет говорить с вами делегат от полковника Шкуро!

Наступила тишина.

Полковник не стал пробираться к столу, а остановился на свободном месте, сбросил с плеча бурку. В одной руке револьвер стволом вниз, другая рука — на кинжале. Начал громко, почти кричал:

— Я — полковник Шкуро! Здравствуйтесь, братья бургустанцы!

Дружно, по-привычному ответили старики, как на плачу:

— Здравия желаем ваше высокоблагородие!

— Вас собрали здесь, чтобы вы по приказу большевистских комиссаров поймали меня и отдали им на казнь. А я пришел со своими войсками освободить вас от ненавистных комиссаров, ограбивших вас, продавших Россию немцам. Тысячи невинных русских людей пали жертвами произвола. Море крови казачьей пролили большевики! Отдали власть на Кубани инородцам!.. Поднимайтесь, казаки! К нам на помощь идут славные добровольцы. Вместо нашего погибшего героя Корнилова

их ведут славные генералы Алексеев и Деникин. Приготовляйтесь к восстанию!..

В правление с улицы вошел молодой казак. Хмельной, папаха на затылке. Закричал грубо:

— Это что за, мать твою, белогвардейщина? Опять офицерье командует? Чего смотрите, комиссары и красноармейцы? Под арест его!

Полковник ответил резко и смело:

— Как смеешь ты, пьяная рожа, являться сюда, где твои деды и отцы решают судьбу Кубани? Если вы, старики, не обуздаете своих щенков, и они будут мутить народ, как мутили на фронте, то вся вапша станица погибнет и от нее не останется камня на камне!

Однако дверь на улицу не закрывалась, входили красноармейцы с винтовками, приклады угрожающе стучали по полу. В такие мгновения Шкуро не медлил.

— Дорогу! — крикнул он и, подняв револьвер, бросился к двери. Никто его не задержал. Он вышел на улицу, одним прыжком вскочил на коня и вместе со своими казаками помчался карьером по станице. Погони не было. Пережитая опасность колола в груди, не забывшей персидскую рану. Он приказал вернуться в станицу, но с другой стороны. Ввели кофеей во двор крайней хаты, постучались.

— Вы кто такие будете? — слышался женский голос за дверью.

— Мы с базара. Позвольте отдохнуть.

— Нынче базара не было.

— Да мы бекешевские, загуляли у кумы.

— Ну, заходите.

С Перваковым и Безродным он зашел в хату. Старуха-хозяйка, взглядевшись в незваных гостей, приказала молодой накрывать на стол, подать сметаны, молока, пиროгов.

— А где хозяин?

— Пошел до правления. Там такое делается. Приехал полковник Шкуро. С ним казаков видимо-невидимо. До самой речки все полки стояли. Красноармейцы хотели его арестовать, да он как начал их бить. И стреляли в него, а он ускакал.

Боль в сердце не проходила — хоть на пол падай. Хозяйка и казаки довели Шкуро до кровати, и как был в бурке, повалился лицом к стене, рванув ворот черкески. При этом из газырей на пол посыпались патроны.

— Господи! — перекрестилась хозяйка. — Все пули, что в него попали, он высыпал из себя!

Казаки промолчали. Пошла по Кубани легенда: пули Шкуро не берут — он их из тела высыпает.

НА ВОЛЧЬЮ ТРОПУ

I

Возвращаясь из Бургустанской после вылазки, Шкуро понимал, что настал самый ударный момент его выхода для открытого боя с красными. По дороге встречали казаков, охранявших станицы и хутора, не скрывая своих имен, спрашивали о некоем Шкуре или Шкуро — уже тогда Андрею Григорьевичу хотелось бы представляться этой фамилией, но он как-то все не решался. Казаки отвечали, что этот человек — орел Кубани, знает слово, чтобы пули из него без вреда высыпались, что взял станицу отрядом, а в пригорье якобы у него дивизия стоит.

В свой лагерь вернулись к ужину, и за чихирем и мясом начинался разговор. Слацов тоже понимал, что надо немедленно начинать восстание, но он и его начальник понимали дело по-разному. За ужином не спорили, а так, беседовали.

Затем Шкуро назначил военный совет: он, начальник штаба и все офицеры. В общем почти пол-армии. Самых верных поставили в охрану, которые заняли позицию шагах в двадцати. Шкуро поручил доклад о сложившейся обстановке начальнику штаба. Была у полковника тайная мысль: поставить на место этого генштабиста, который за ужином слишком самоуверенно, со ссылками на стратегические авторитеты, давал понять, что все планы в его руках.

— Господа офицеры и казаки, — начал Слащов. — Успешная разведка, проведенная Андреем Григорьевичем, показала, что казачество готово к выступлению. Я предлагаю начать движение наших частей в направлении Бекешевская — Суворовская...

— Это каких же частей, — спросил Саша Мельников по подсказке Шкуро. — У нас здесь ежели наберется человек тридцать — и то слава богу.

— Яков Александрович считает тех казаков, что соберутся по нашей команде, Саша, — мягко остановил Мельникова Шкуро, главные слова которого были впереди.

— Да, конечно, разумеется, — заторопился Слащов. — Эти части соберутся и начнут боевые действия. Расположение красных нам известно.

— Но они соберутся же не здесь, — не унимался Мельников.

— Подожди, Саша. С этим разберемся. Это мы решим. Главный вопрос в сроках. Когда начнем?

— Учитывая расстояния до станиц, время на вооружение и сбора, самый удобный срок — в ночь на двадцать пятое июня.

— Почему на двадцать пятое? — слишком серьезно возмутился Шкуро. — Я вас не понимаю, Яков Александрович. Если это замысел, то мне он не понятен.

— Я вас не понимаю, Андрей Григорьевич, — растерялся Слащов.

— В ночь на двадцать третье июня начинается наступление Добровольческой армии. Разве вы не получили шифровку? Что у нас за разведка? Совсем нет связи с армией Деникина. Именно в ночь на двадцать третье добровольцы начинают наступление на Тихорецкую, мы ударим с юга.

— Но, Андрей Григорьевич, ведь связь с армией Деникина у вас через Ессентуки.

— У начальника штаба должна быть своя линия связи и своя разведка. Но не будем препираться, а займемся делом. Предлагаю в ночь на двадцать третье июня произвести налет на станицу Суворовскую с целью создать на

базе этой станицы большой отряд, способный к выполнению серьезных боевых задач. Значительная часть казаков станицы готова присоединиться к нам. Наши люди, это поручается тебе, Саша, должны сегодня же направиться в Суворовскую и договориться с верными казаками, чтобы они в ночь на двадцать третье зажгли свет в окнах и ожидали нас, имея наготове полное вооружение и оседланных коней. Все согласны? Пока мы не собрали боевую часть, наверное, не стоит нам, Яков Александрович, приказ отдавать. Вы согласны?

— Согласен, — буркнул Слащов.

После совета Мельников и Лукин отошли в темень кустов обменяться впечатлениями.

— Чего это наш на штабного навалился? — спросил Лукин. — Он же дельный мужик.

— Чтоб свое место знал. Он чужой. Ему здесь не командовать.

II

С вечера отрыли тайник с оружием, нагрузили ими телеги, на отдельную повозку поставили умело сделанный из деревяшки макет пулемета.

— Наше главное оружие, Яков Александрович, — сказал Шкуро своему начальнику штаба. — Пусть думают, что у нас и «Максим» есть. Пока у большевиков находящихся не отберем. И с походом будем хитрить не по стратегии, не по академическим наукам. Вы уж не обижайтесь на меня, если я другой раз не так что сказал.

Андрей Григорьевич улыбнулся так дружески, как никто, кроме него, не может улыбнуться, — постоянно напряженное заботой крупное лицо вдруг размягчается, морщинки разбегаются от уголков глаз, а старая рана возле правого подглазья становится заметней, напоминает, что перед тобой герой, такой веселый и простодушный человек.

— Я не обижаюсь, Андрей Григорьевич, — искренне ответил Слащов. — На войне же. Да я и не все еще понимаю в наших маневрах.

— Маневры будут сложные — телеги так уложены, что грохоту больше, и по одной дороге раза по три будем проезжать, чтобы думали, будто нас много. А нас-то все-го... А-отряд! Строиться! Па-а коням!..

Построились двадцать семь человек. Вокруг ночь, горы, тишина, и где-то огромная армия восставшей Кубани. Возникнет ли она, сверкая шашками и гремя тысячами копыт? Во имя чего она восстанет? Куда и кого устремится убивать?

— Сделаем, казаки, такой маневр, — говорил атаман. — Нас мало, а люди думают — много. И хорошо. Нас и будет много. Поэтому Первакову, Козлову, Литвиннику, Совенко... еще подберу казаков. Вы отстанете от нас, когда пойдем на Суворовскую, а когда будем там, я стану на площади, вы же по очереди подъезжать ко мне на рысях и докладывать обстановку в тех полках...

— ...которых нет, — продолжил, ухмыльнувшись, Мельников.

— Будут. Наш начальник штаба распишет сотни и полки и каждому объявит, какой сделать доклад.

— Придуманно, как надо, — сказал басистый Перваков. — Дух надо поддержать у людей.

— А тогда, господа офицеры и казаки, поздравляю вас с первым походом, с первой победой! Другого не будет. Только победа! Бекешевскую обойдем по руслу реки, чтобы не оставлять следов.

— Ну, да. Следов-то мало, — опять съязвил Мельников.

— Много будет, Саша, — ответит командир, — не перечесть. Шагом ма-арш!..

Двинулись к реке. Где-то вверху разыгрался ветер, исчезла темь, открылись звезды.

— Теперь-то не заблудимся, — не смолчал Мельников.

Шкуро подъехал к нему, спросил тихо:

— Кузьма что передает? Как там Эссендуки?

— Там тихо.

— Для меня ничего?

— А-а... Какой-то ваш человек подался в Ставрополь.

Отряд шел к станице по реке, Шкуро и Перваков вдвоем проехали по дороге. Показались спящие хаты, редко где лучился во тьме тусклый мутный огонек.

— Начнем отсюда, — сказал Шкуро, останавливая коня и спешиваясь.

Постучал в светящееся окно. Заскрипели запоры и на крыльцо вышел в одном белье старик. Перваков — здешний, и старик впустил казаков в хату. В горнице появилась и хозяйка, закутанная в платье.

— Здравствуйте, хозяин. Я полковник Шкуро, — решил он, приступая к новому делу, пользоваться новой фамилией. — Начинаю войну против комиссаров большевиков за свободную Кубань. Ваш сын должен вступить в мою армию. Я его знаю: он добрый казак.

Сын замешкался, одеваясь по форме, и вышел настоящим боевым казаком: черкеска, патроны в газырях, шашка на поясе, обрез в руке.

— Ваше превосходительство, господин полковник Шкуро, — заученно начал доклад, — рядовой казак Петр Михайлов Артюхов прибыл на службу в вашу доблестную армию. Конь под седлом во дворе, готов к походу!

— Ото бравый казак, — сказал Перваков.

— Поздравляю вас, рядовой казак Артюхов, с вступлением в Кубанскую Освободительную армию.

— Ой, куда же ты, Петенька? — заголосила мать. — В каку таку армию. И войны-то теперича нет.

Заволновался и старик:

— Мы думали так, на охрану станицы. Рази ж теперь война?

— Война, отец, — сказал гость. — Благослови сына. Вся станица поднимается. Слышишь? Вся наша Кубань.

Петр Артюхов был готов скакать куда прикажут — молодой, нестреляный. Уговаривал родителей, чтобы не печалились, на все, мол, воля Божья.

— Что нам большаки, — продолжал старик. — Они ж нас не трогают. Ну отняли две шашки...

— А обрез ты не отдал, — заметил Перваков. — Найдут — расстреляют.

— Нет у меня обрезов. На что они...

Так происходило почти в каждой хате. Собрали в Бекешевской человек двадцать под озверелый лай собак и причитания стариков. Шкуро приказал Первакову продолжать сбор добровольцев, а сам поскакал к отряду,двигающемуся на станицу Суворовскую. Отряд уныло сидел в балке всего верстах в четырех от Бекешевки. Уже чувствовалось дыхание рассвета, и из тьмы выступали узоры кустарников. Слащов хмуро молчал — народное восстание оказалось непохожим на то, о чем он когда-то читал в книжках. Полковник Шкуро знал, что в такой обстановке надо быть особенно решительным, инициативным, а если потребуется, то и жестоким.

Не отвечая на вопросы, он спешился, нашел подходящий пенек, сел, сказал негромко:

— Начальник штаба ко мне.

— Слушаю вас, Андрей Григорьевич. В Бекешевке неудача?

— В Бекешевке Перваков формирует регулярную сотню. Теперь пришло время взяться за Суворовскую. Попрошу вас немедленно подготовить от моего имени приказ находящимся в Суворовской есаулу Русанову и сотнику Евренко по первому же звуку церковного набата собирать казаков и выдавать им оружие из станичного правления. А я сейчас пошлю наших с офицерами во главе, чтобы они без шума арестовали всех членов местного совдепа и станичного комиссара. И чтобы с ним не церемонились.

Дело идет, когда получены точные приказы и сам командир готов вступить в бой. Слащов перестал бычьиться — почувствовал дыхание решительного боя.

Быстро светало, и отряд Первакова увидели издалека.

— Вот и бекешевцы, — сказал Шкуро. — По плану. Но сотню не набрал. После первой победы не одну наберем.

— Сейчас начнем? — спросил Слащов, глядя на часы.

— Рановато, Яша. Другой раз не по часам, а по пе-

ченке чувствую. Пусть Перваков малость отдохнет — там же все прощаются.

Где-то за Кисловодском розовой канителью заиграли утренние веселые облака. Шкуро поднялся, крикнул: «Отряд, строиться! По коням!»

— Печенка подсказала? — усмехнулся Слащов.

— Много чего подсказала.

Ползали какие-то тени между ними. Ни тому, ни другому были не нужны, а вот не переводились. И опять какой-то намек, какой-то вопросик с подвохом от генштабиста второго разряда:

— Считаю, что восстание поднялось, или мы его поднимаем?

— Считаю, Яков Александрович, — ты в академии учился, а я командовать буду.

Он проехал вдоль строя. Коня, в общем, хороши, казаки — молодцы, а вот одеты... Будут бои — переоденутся.

— Казаки! — воскликнул полковник. — Едем в бой за родную Кубань. В станице Суворовской нас уже ждут свои, и мы войдем туда как боевая часть. Перваков, бери десяток своих самых быстрых, и чтобы у каждого были гранаты. Выезжайте впереди нашего отряда, врывайтесь на станичную площадь и забросайте ее гранатами. Трубачи! Сигнал!

Полковник Шкуро предполагал начать свою деятельность войска с настоящего победоносного сражения, но под Суворовской бой не состоялся. Все население станицы встречало его войско на площади.

Шкуро не растерялся. Он занял станичное правление под свой штаб, и Слащов уже сочинял приказы о наступлении несуществующих полков, сотен и батарей. К правлению то и дело подсакивали ординарцы из мифических частей и громко докладывали о том, что «Особая сотня» двинулась на Отрадную, а артиллерийская батарея движется у Воросколесской.

И вновь требовалось быть уверенным в себе, знающим что-то, чего другие не знают, и в то же время добродушно улыбаться Слащову.

— Необходимо боевое крещение, — говорил тот. — Настоящий большой бой. Иначе эти мужички-казачки быстро поймут, в чем тут дело.

— Яков Александрович, я только этим и занят. Формирую боевой отряд. Пока только двести винтовок и обрешов. Не найдем еще — пойдем так.

Они сидели в «кабинете» Шкуро. Рядом за стенкой умелец-казак выстукивал на машинке сводку: *«Добровольческая армия, громя противника, наступает на Тихорецкую. Вспыхнуло повсеместное восстание казаков против советской власти на Кубани, в Лабинском отделе и на Тереке».*

У дверей затопотали, зашумели. Шкуро вышел на встречу — старики казаки привели пойманных красноармейцев. Самый чернобородый старик повторял, что хотели сами их кончить, Артюхов же объяснял, что «надо по закону». С десятков понурых мужиков, растерянных с потемневшими лицами, зверино оглядывались по сторонам.

— Вот этот агитировал за советскую власть, — говорил чернобородый, указывая на красноармейца в гимнастерке без пояса, с ссадиной на щеке, но казавшегося более спокойным, чем другие.

— Фамилия? — спросил его Шкуро. — Откуда?

— Палихин. Иногородний из Кореновской.

— Земли нашей казачьей захотел?

— Земля, она Божья, ваше превосходительство.

Крепкий стержень держал этого мужика. Их не перестреляешь. Надо с ними по-мирному. Привлекать на свою сторону.

— Обманули вас большевики, — сказал Шкуро. — С нами жили, с нами и будете жить. И землю дадим. Мельников, собери народ на митинг.

Перед народом вывели и пленных. Шкуро говорил:

— Вот они перед вами, обманутые большевиками. Такие же кубанцы, как вы. Думают, что мы нападаем на них и на ихних друзей большевиков. По правилам этой гражданской войны мы можем расстрелять их. Так не будем же начинать наше правое дело пролитием крови.

Отпустим на все четыре стороны этих несчастных, ослепленных лжеучителями людей. Пусть они рассказывают всюду, и ты в своей Кореновской, Палихин, что мы не душегубы и не насильники, подобно коммунистам, а люди, поднявшиеся на защиту своей свободы. Кто из них хочет, может поступать в наше войско и боевыми заслугами искупить свой, быть может, невольный грех перед Родиной!..

В отряд вступили трое, один из них — Палихин. Их посадили на подводки, с пластунами, в качестве оружия выдали кинжалы. Подводки эти строились на левом фланге, а главная часть отряда — кавалерия — впереди. На одной из повозок рядом с молодыми пристроились два старых казака. Им бы дома сидеть. Оба подвыпившие, разговорчивые.

— Если уж Кубань поднялась, туда ее, то всех крошит, — говорил один.

— И не говори, кум, — поддерживал другой. — Все разнесем! Всю Россию.

— У вас же одни кинжалы, — сказал Палихин.

— Шкура выдаст. У него тайный склад — тыщи винтовок. Палихин посмеивался, подумывая, как полезно было бы для дела обоих этих стариков к стенке поставить. Их же слушают. Верят. Идут невесть куда, а у Шкуры этого ни тайного склада, ни войска, ни ума в голове.

Но все шло, как в настоящей армии. Слащов диктовал боевую сводку, Шкуро объезжал три конных и две пластунских сотни, он не спешил — выступать решили с началом темноты.

— Поздравляю вас! — кричал Шкуро. — Вы опять казаки! Многие из вас не увидят больше родной станицы, но те, которые погибнут, падут за освобождение казачества! Я получил сведения, что весть о нашем восстании докатилась и до группы Кавминвод, и до фронта у Тихорецкой и произвела страшный переполох в большевистских верхах. Первый бой мы должны выиграть, и это событие прогремит на всю Россию!..

Густо засыпали сумерки, и полковник приказал:

«Трубачи! Поход!». Отряд двинулся вперед, первая конная сотня пошла под лихую песню:

Из-за леса, леса копий и мечей
Едет сотня казаков усачей,
Попереду командир наш боевой
Ведет сотню казаков за собой!..

Боевой командир ехал рядом со Слащовым.

— Бой будет? — спросил Слащов.

— Нет. Идем на Воровсколескую — это последняя казачья станица. Дальше — мужицкое Ставрополье. Здесь нам бой не нужен. Я приказал избегать кровопролития. В Воровсколеской утром нас встретят набатом, люди выйдут на площадь. Будем говорить и увеличивать свое войско.

— Войны пока нет, Андрей Григорьевич.

Сзади наметом подскакал на потном усталом коне казак.

— Господин полковник! — сказал он, отдышавшись. — Имею устное сообщение от наших. Как только вы ушли из Бургустанской, тут же явились комиссары. Арестовали человек двадцать за контрреволюцию, за то, что вас, значит, не взяли. Ну и троих расстреляли прямо у правления. Старика Артюхова тоже. Он все кричал: «Мы за вольную Кубань!», а старуха его как повалилась, так и не встает.

— Вот тебе, Яша, и война, — сказал Шкуро.

В Воровсколеской, как и ожидалось, встретили набатом. Солнце жгло, люди степенно молчали. На обычную речь Шкуро никакими возгласами не отвечали. Он закончил выступление объявлением о мобилизации и о сборе коней и ушел в правление. Вот здесь его доняли. Слащов исчез сочинять очередную сводку и в меру сил помогал только Саша Мельников.

— Рядом же красные, — не унимались казаки, заполнявшие комнату. — Вы уйдете, а нас к расстрелу за контрреволюцию.

— И платформу нам давай, — требовал другой. —

Без платформы теперича никак нельзя. Или вы за добровольцев, или за Учредилку? Надо платформу объявить.

— Вас же комиссары грабят без всякой платформы, — пытался разъяснить Мельников.

— погоди, Саша, — перебил его Шкуро. — Я все объявлю. Мы восстаем под лозунгами «Долой советскую власть!», «Да здравствует Всероссийское Учредительное собрание!» Мы отпечатаем сейчас воззвание, раздадим вам и разошлем по станицам.

— Мы несогласные, — сказали один за другим два мужика из деревни Курсавки. — Мы обещаем всем воюющим полный нейтралитет в этой начинающейся Гражданской войне.

— Согласимся, Саша? — спросил Шкуро.

— Согласимся, Андрей Григорьевич.

Поздно вечером прискакал из Бекешевской Перваков, которому было поручено там командовать. Известия привез такие, что пришлось приглашать Слащова. Перваков доложил, что арестовал в Бекешевке всех комиссаров и трех из них расстрелял.

Шкуро вскипел. Тряс Первакова за плечи и крыл его всякими словами:

— Мы не бандиты, твою мать!.. Мы, так тебя, разэтак, должны привлекать людей. Ты начал, разэтак тебя, кровавую борьбу на Кубани. Это...

— Это правильно, — сказал Слащов. — Они расстреливают, и мы должны делать кровопускание, иначе нас не будут бояться, не будут считать за повстанцев.

— И еще, Андрей Григорьевич, — продолжал Перваков, — из Эссентуков на Суворовскую вышел отряд красноармейцев при двух орудиях. Пойдет на Бургустанскую. На станции Курсавка выеживаются эшелоны красных. Из Армавира на Невинномысскую идут эшелоны с артиллерией.

Х

С утра 25 июня красные начали наступление на собранную Шкуро толпу казаков, почтя безоружных,

но почему-то поверивших, что боевой земляк поведет их к новой свободной и счастливой жизни. Имеющих винтовки и обрезы пехотинцев есаула Русанова полковник поставил на горном хребте перед станицей Бекешевской, остальные, вооруженные чем попало расположились у самой станицы. Главная сила — кавалерия: 600 всадников, из них всего человек 200 с винтовками. Шкуро остался с ними и, памятуя походы на Западном фронте, приказал сотнику атаковать фланг и тыл наступающих.

Бывший красноармеец Палихин, конечно, безоружный, с каким-то старым кинжалом оказался в толпе у станицы. Вдалеке, километрах в шести, уже постреливали — красные начинали. Шкуро подъехал к станице, чтобы поднять дух стариков, старух и мальчишек, вооруженных рогатинами и пиками и даже кремневыми ружьями. Опасаясь, что полковник его узнает, Палихин замешался в толпе этих воинов. Тот подъехал, поклонился, на лице — неподдельное волнение. Говорил, прерываясь, едва не всхлипывая:

— Дорогие казаки и казачки! Верьте в нашу победу. Я до конца буду вместе с вами, и если суждено нам погибнуть, то погибнем вместе.

Смотрел Шкуро на толпу, поднятую им, и с искренним ужасом представлял, что будет с этими людьми в случае неудачи. Лучше самому погибнуть, чем видеть такое.

Старый казак, наверное, почувствовал настроение командира, подошел, тронул за руку и сказал:

— Ваше высокоблагородие. Когда вы пришли, мы сразу поверили вам и стали на защиту казачьей вольности. Мы отдаем вам все. Делайте что нужно; мы же будем слушать вас и повиноваться. Если будет Божья воля, чтобы мы погибли, положим наши жизни...

Палихин в раздобытой казачьей папахе прятался в толпе и тоскливо думал о глупости людской: пришел мерзавец и сумел столько народу погнать на смерть не известно за что. Кто бы тронул эту старуху с рогатиной? А что теперь будет?

Хлопнуло вдаль, загудело, зажужжало вверху и со-

тряс землю разрыв артиллерийского снаряда. Упал в поле, не причинив вреда. Следующий снаряд выбросил вверх темное пылающее месиво того, что мгновение назад было казачьей хатой. В голос завывли бабы. Следующий снаряд упал на площадь, другой — опять в хату... Люди начали разбегаться. Не жизнь спасать, а добро.

— Эй, командир, — крикнул Палихин старику, назначенному то ли ротным, то ли взводным, поскольку у него имелось какое-то старое ружье. — Так наши все разбегутся. Давай вперед — на помощь нашему Шкуро.

— Так не было ж приказу.

— Телеграфировать тебе забыли. Пошли вперед.

— Ну, давайте, ребята, хучь до той ложбинки...

Оттуда можно было бежать кустами к лесистым холмам, а дальше — к Ставрополю, к своим. Оттуда открывалась картина сражения. Опытный солдат Палихин сразу понял, что все дело в артиллерийской батарее красных. Они били и гранатами, и шрапнелью, и войско Шкуро то отползало к ямочкам-укрытиям, то просто бежало во весь дух подальше от разрыва.

Это понимали и Шкуро, и Слащов. Они с кавалеристами стояли в укрытии за холмом. Идти в лоб на батарею, на картечь? Нет — ему Шкур-Шкуранскому-Шкуро суждено возглавить Армию Свободной Кубани, стать Командующим, может быть, Атаманом Войска... Подозвал прапорщика Светашова. Тот сам горячил коня, словно рвался вперед, к победе, заслоняемой беспощадным огнем красных батарей. Сказал убежденно:

— Батареек надеть взять, Светашов. Ты поведешь. Евренок вот-вот с фланга ударит.

— Есть, господин полковник! Возьмем!

— Тут, понимаешь, главное — скорость.

— Понимаем, господин полковник. Видите, как мой рвется.

— Трубачи! Атаку! — скомандовал Шкуро.

— За мной вперед! — закричал Светашов. — За родную Кубань.

Кавалерийская атака удается, когда лошади готовы мчаться вперед, не отставая друг от друга. И они вырва-

лись из-за холма неожиданным быстрым поворотом и поскакали на артиллеристов. До орудий — метров триста. Пехота, прикрывавшая батарею, мгновенно бросилась в бегство, азартные артиллеристы продолжали вести огонь. Били картечью в лицо атакующим, шрапнельные снаряды разрывались метрах в пятнадцати от стволов и бросали во врага смертельные россыпи свинца. Светашов скакал первым, и снаряд угодил точно в него — от офицера и его лошади остались куски. Кавалеристы повернули назад, за спасительный холм.

Слащов почувствовал взгляд начальника:

— Я поведу, Андрей Григорьевич!

Шкуро хмуρο кивнул.

И вновь мчались кони и люди навстречу раскаленному свинцу, бьющему в лицо, и, возможно, Слащова ожидала участь предшественника, но его лошадь споткнулась, и полковник упал. Орудия были уже совсем рядом, и Слащов, поднявшись, с криком «Вперед!» бежал на красных артиллеристов. За ним бежали другие пешие казаки. Начиналась рукопашная, но красные успели подцепить орудия к упряжкам и погнать их в тыл.

Все это Палихин наблюдал издали, ожидая своего момента. Такой момент и пришел. Оттуда, где скрылась батарея, бросились в атаку красноармейцы. Они направлялись к тому холму, где стоял Шкуро и развевался волчий знак. Бежали метрах в двухстах от Палихина, мимо кустарника, в котором он прятался. Осторожно, не спеша, пополз, а затем и пошел, побежал Палихин в тихую даль, где в вечном спокойствии сияли горы и небо.

Он оглянулся несколько раз. Лучше бы не оглядывался: на просторном поле между станицами Бекешевской и Суворовской шла смертельная игра: за пешими красноармейцами гнались конные казаки и рубили их по-всякому, как умели. Заметил беглец и Шкуро — от того не отставал ординарец и еще один казак со знаком волка. Полковник, догнав жертву, подавался вперед, и сверкающее лезвие его пашки как будто лишь слегка прикасалось к убегающему, и тот падал разрубленный.

Лишь отдаленные неясные вскрики умирающих

слышал Палихин да еще яростные восклицания убийц вместе со звериным ржанием коней. Не мог он услышать, с каким яростным упоением кричал молодой Артюхов, рубя пашкой красноармейца: «Десятый! — кричал Петр. — За тебя, папаша, десятого положил! Годову снес — кочаном покатила!»

..б.

ВОЛКИ НА ОХОТЕ

I

В Кисловодске самых дальновидных паника начала захватывать уже днем 25 июня, а Стахеев до вечера блаженствовал в гостях у местного старожилы-литератора, у которого собрались, наверное, самые разговорчивые интеллигенты города. Обсудили стихи Блока и Маяковского, Чехословацкий мятеж, нового красного командующего Троцкого, железной рукой наводящего порядок в войсках, даже составили программу юбилейного Лермонтовского вечера. При этом Михаил Петрович успевал сочинять все новые и новые строки для своей поэмы, посвященной любимой Леночке, ему представлялось, что даже Лермонтов обязательно полюбил бы такую девушку.

Местного вина хватило до вечера, и Стахеев пришел в «Гранд-отель», где не заметил никакой паники. Он завалился спать и, как ему показалось, сразу же был разбужен.

Возле кровати стояли люди в гимнастерках с револьверами на поясах и в папахах с красными звездами. Их знали в городе как самую главную и самую страшную власть.

— Одевайтесь, товарищ Стахеев, мы просим вас быть понятым при обыске и аресте некоторых лиц, проживающих в гостинице.

Михаил, конечно, не возражал, суетливо быстро оделся, успел сообщить, что он московский корреспондент... Поднялись на второй этаж. Дверь в номер, недав-

но принадлежавший Шкуро, была открыта. В двухкомнатном номере толпилось человек десять чекистов. Командовал ими какой-то вспылчивый грузин.

— Второй понятой? — удовлетворенно спросил он. — Очень ты нам нужен, дорогой. Вот вещи, вот — список. Смотри, читай, расписывайся. И еще у этой конторы нательный золотой крестик. Вместе с башкой будем рубить. Таких бандитов, как ее муж, Кавказ не знал!..

Только теперь Стахеев понял: производится обыск и арест жены полковника Шкуро. Она, в вышитой тонкой батистовой блузке, сидела у стола, за ее спиной — чекист со злым лицом. На столе разложены пачки денег, женские украшения, иконки, чуть в стороне свертки с одеждой. Татьяна Сергеевна с окаменевшим лицом смотрела перед собой.

Один из чекистов передал Стахееву протокол, объясняя:

— Вот ее подпись. Вам надо здесь расписаться. Все вещи на столе.

— Но, товарищи... Как же так? За что ее? Мы же не воюем с женщинами. И вообще я, как направленный из Москвы корреспондент, не имею к этому отношения.

— К чему это ты не имеешь отношения? — вдруг почти закричал тот, что стоял за спиной арестованной. — Может, к революции не имеешь отношения? Ты большевик или контра?

— С женщинами воюем? — возмущился начальник. — Против контрреволюции — всегда воюем.

— Ее муженек утром со своей бандой будет здесь и никого из наших не пожалеет. А вы, товарищ корреспондент, оппортунизм протаскиваете. Этого мы не можем позволить.

— Контру, сука, защищает, — продолжал злой, — самого с ней отправим.

— Вы меня не так поняли, товарищи, — завертелся Стахеев. — Я, разумеется, подпишу. Просто я... Не знал всех обстоятельств...

— Обстоятельства такие, понимаешь, что этот бандит наступает на Кисловодск и Пятигорск, а сегодня,

сволочь, днем изрубил целый полк наших красноармейцев.

— И ты, сука, за это ответишь, — сказал чекист, стоявший за спиной Татьяны Сергеевны.

— Подожди, дорогой, — остановил его начальник. — Будем по порядку, понимаешь, действовать. А ты, корреспондент, спеши на вокзал.

II

Стахеев успел на последний поезд, идущий в Ставрополь. В вагоне было темно, спутники молчали, и он подремывал, представляя рядом улыбающуюся Ленокку, тянулся к ней, но где-то в ночной тьме, сквозь которую пробирался поезд, раздавался очередной выстрел и приходилось возвращаться в неудобную действительность. Соседи что-то бормотали «темно и ничтожно». Почему-то Лена любила эти стихи. «Есть речи — значенье темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно». Он сам не мог без волненья слышать девушку, независимо от того, что выражали ее слова. Ведь, на взгляд Михаила, она сама девичья чистота и невинность. У него никогда не было такой девушки. Женился на опытной... Он решил, если Лена согласится, то он немедленно разведется — теперь это просто. Колеса постукивали, и он вновь засыпал в мечтах и просыпался от грохота. «Это не выстрел, — сказал сосед. — Это шкуринцы мост взорвали. Теперь Кисловодск отрезан, и они его захватят».

Захватили на рассвете. Шкуро был в особенном боевом настроении, накануне к нему приезжали делегаты, пытавшиеся примирить его с большевиками. Обещали полную амнистию всем восставшим, сообщили, что его жена взята заложницей и ее расстреляют, если восставшие не сдадутся.

На переговорах присутствовали офицеры и старые казаки — требовали ответить так, чтобы его слова запомнились. И он, подумав, сказал размеренно:

— Передайте комиссарам, что женщина ни при чем

в этой войне. Если же большевики убьют мою жену, то клянусь, что вырежу все семьи комиссаров, которые попадутся мне в руки. Что же касается моей сдачи, то знайте и передайте комиссарам: тысячи казаков доверили мне свои жизни, и я не брошу их и оружия не сложу.

Потом, в походе, мысленно повторял эти свои слова: хорошо сказано. По-атамански. А если по-настоящему, по-казацки, то одна из любимых песен Андрея Григорьевича: «А мне жинка не согдится, а тютюн да люлька ка-заку в дорози знадобится».

И вот перед Шкуро первый город, захваченный его войском. Из-за темной зелени гор поднималось праздничное солнце, приветствуя победителей. Белые стены домов полоски улиц, беседки в садах, знаменитый курзал... Остатки красных отрядов отстреливались в Нарзанной галерее и в здании Совдепа. Пластуны залегли, конных Шкуро направил в обход, им был дан приказ — громить все советское. Слащов, конечно, беспокоился о месте расположения штаба, сводке, о плане... Не знает генштабист, для чего казаки города берут. Шкуро сказал ему доверительно, чуть ли не просительно — пусть думает, что на нем все держится:

— Яков Александрович, только на вас надежда: организуйте уничтожение красных, обороняющих Совдеп и галерею, выберите место для штаба, составьте сводку — надо бы отправить с хорошим вестовым Деникину, а я со своими — по городу. Малой группой.

— Что-нибудь о Татьяне Сергеевне попытаетесь узнать?

— Вот-вот.

— Мельников с вами?

— Н-нет, Саша останется.

Сын директора гимназии для задуманного дела не годится.

По делу была специально подготовлена группа: Перваков, Ягодкин, Совенко, Наум Козлов. Первакову приказал ехать первым: «Тебе впереди везет. А дорогу знаешь». — «Дорогу-то знаю, — согласился тот, — но будет

ли дело». Шкуро заверил, что дело будет: мост был взорван своевременно.

Подъехали к двухэтажному отделению Госбанка. Здание с решетками на окнах будто и не охранялось, но, когда группа остановилась у дверей, откуда-то сверху раздались выстрелы, пули зацокали по булыжникам мостовой. Действовали решительно и быстро. Взломали двери, забросали гранатами коридоры и комнаты, ворвались в хранилище. Несколько человек стояли на коленях с поднятыми руками.

— Запас на месте? — спросил Шкуро, и, услышав утвердительный ответ, командовал: — Тогда быстро все деньги и ценности на стол. Все народное имущество переходит в руки народа Кубани на нужды Кубанской Освободительной армии. Наум — разбирай его сумки и вниз к Первакову. Не забудь спецзапас.

— Помню, Андрей Григорьевич, — ответил Козлов. Не мог же он забыть главное указание: самые ценные золотые вещи передаются лично полковнику.

— Что с этими? — спросил Совенко.

— Не знаешь? — возмутился полковник. — Хочешь на всю Россию греметь?

В Кисловодске Шкуро больше нечего было делать.

Тем временем у Нарзанной галереи и у Совдепа шла горячая перестрелка. Били пулеметы, гулко ухали винтовочные залпы. Слащов со штабом сидел на первом этаже какого-то особняка с толстыми стенами.

— Ввязались в тяжелый бой, Андрей Григорьевич, — сказал он.

— Давайте развязываться. Переводите штаб к вокзалу, к станции Кисловодской, погрузим на подводы оружие, сколько сможем забрать, и пойдем обратно к Бекешевке — там красные могут станицу разгромить. А чего нам в Кисловодске сидеть?

Не нужна Шкуро война с занятием и обороной городов, война с планами наступления. Он хотел воевать так, как испокон веку воевали казаки: напали, взяли что надо, и — домой. И чтоб геройство проявить, чтоб молва о тебе шла. Здесь так и вышло.

Уверенный в успехе повел Шкуро пластунов к вокзалу — там все должны собраться. Какие-то дотошные красноармейцы оседлали высотку в парке и шпарили из винтовок — не пройти. Человек двадцать казаков шли с ним. «За мной! — скомандовал полковник. — Неужто мужиков не прогоним». Однако противник встретил таким огнем, что казаков, как ветром смело, остался рядом один Козлов. Красноармейцы с криками «Сдавайся!» уже бежали к ним. Пришлось пуститься наутек; как нарочно тропинка привела к обрыву. Метров пять откос. Думать долго не приходилось — не сдаваться же — и Шкуро прыгнул вниз, Козлов — за ним. Очутившись внизу, даже не успев удивиться тому, что ноги целы, побежали к своим. Красноармейцы не решились прыгать с такой высоты.

Так родилась еще одна легенда о Шкуро, что, мол, с любой самой высокой горы прыгает.

На вокзал явилась делегация кисловодских казаков. Старики в папахах и черкесках поклонились, а старший из них обратился к полковнику уже как к вождю восставшего кубанского народа:

— Подними нашу станицу, отец родной, — говорил он. — Мобилизацию объяви. Хотим без советской власти жить.

Зачем ему этот Кисловодск? Людей губить в бою с красноармейцами? Казакам ответил, как полагается военному командиру и вождю:

— По стратегическим соображениям войска должны двигаться в другом направлении, и поднимать станицу Кисловодскую опасно для самих кисловодцев. Мы уйдем — придут красные и разорят станицу. Но кто желает — пусть присоединяется к нашему отряду.

Присоединились человек триста. Войско росло. В Шкуро верили. Теперь у него было три тысячи боевых казаков. Он назвал войско дивизией. В ее состав входили: 1-й и 2-й Хоперские кубанские полки, 1-й Волгский терский и пластунские батальоны: 6-й и 12-й кубанские и 7-й Терский. Будет и армия, о которой он мечтает.

Сидели на бульваре, на углу Никольской, в тени акаций. Случайный знакомый московского корреспондента Палихин — познакомились в приемной Ставропольского Совета — удивлялся: почему у Стахеева так много газет, в том числе и старых. Михаил объяснил, что Совет поручил ему, как литератору из Москвы, проверить работу местной большевистской печати и исправить ошибки и недостатки.

— Такую чушь печатают, — говорил Стахеев. — Только посмеяться и выбросить. Вот смотрите о Шкуре: «Арестован в Кисловодске при попытке ограбить магазин...», «Убит в бою под Бекешевкой...», «Расстрелян по приговору военного трибунала, вещи расстрелянного продавались с аукциона в Пятигорске...» Войска Шкуро соединились с отрядом подьесаула Солоцкого и теперь представляют опасную силу: командование частей Красной Армии принимает меры для окружения и окончательного уничтожения бандитов... Что можно узнать из этих газет? Жив он или нет? Где его войска? Представляют ли они опасность для Ставрополя?

— Все знают, что он жив, — сказал Палихин, вздохнув. — И опасность представляет.

— Вот. Так и надо печатать в газетах. Чтобы люди были готовы к обострению обстановки. Он — опасный противник. Я лично был с ним знаком. Да. На Германском фронте. Способный и храбрый офицер, но не понимает сути происходящего в России.

— Чего же это он не понимает?

— Если бы понимал, то не стал бы воевать против нас. Ведь все эти авантюры с Добровольческой армией, с Кубанским войском обречены на провал. Знаете, сколько на Кубани казаков? Один миллион четыреста тысяч. А иногородних — миллион шестьсот тысяч? Какое же здесь может быть восстание против советской власти? А Деникин? Даже если он соберет офицеров со всей России, ему никогда не победить десять миллионов солдат, которые сейчас становятся красноармейцами.

— Да-а, — вновь вздохнул Палихин. — По арифметике правильно, а я видел, как казаки вашего знакомого рубили красноармейцы. А что иногородние? Я сам иногородний, а те особенно не доверяют. В охрану Совдепа взяли, а в Особый отдел — усомнились. Там только вот эти. Он кивнул на проходящих матросов в щегольской летней форме, перепоясанных пулеметными лентами, с револьверами за поясами брюк. Прохожий с папиросой попросил разрешения присесть рядом на скамейку. Подвинулись.

— Гуляют молодцы, — сказал прохожий о матросах. — Затопили свои корабли и гуляют.

Незнакомец в хорошем светлом костюме похож на инженера, или, может быть, это бывший офицер.

— А добровольцы тоже, — продолжал развивать свою мысль Палихин. Вроде бы мало их, а наступают. Взяли Тихорецкую. Опять на Екатеринодар нацелились.

— Они все психически больные, — сказал Стахеев. — Привыкли убивать на фронте и ничего больше не умеют.

— Вы так считаете? — вмешался незнакомец. — А знаете, что они идут в атаку на красных без выстрела цепью в полный рост, и красноармейцы в панике бегут.

— Я знаю, что они пленных расстреливают, — сказал Стахеев. — Вам это нравится?

— Такая война, — сказал незнакомец, но тут же спохватился: — Я, конечно, за победу Красной Армии. Простите, спешу.

Он поднялся со скамейки и быстро смешался с толпой.

— Белая сволочь, — сказал Палихин. — Догнать бы и в Особый отдел. А? Михаил Петрович? А ночью в Юнкерский сад. Там его дружков кончают.

Однако Стахеев его уже не слышал: произошло чудо, перенесшее его в другой мир, где нет ни белых, ни красных, где не убивают друг друга, а живут, как предназначено природой, — на тротуаре остановилась Лена. Она смотрела на него со смущенной девичьей улыбкой, и нежный румянец девичьей стыдливости проступил на

ее щеках, представлявшихся ему чем-то нежно-сладким, полированно-маслянистым — таким, как сливочный пломбир, о котором мечталось в детстве.

Марго учила ее: если нормальный мужчина обратил на тебя внимание, никогда не отвергай его, будь ты сама влюблена хоть в первого красавца — может быть, этот мужчина и есть твоя судьба. Лена была послушной ученицей — это удача, что у нее оказалась такая учительница. Маргарита уже в бальзаковском возрасте, как стали теперь говорить, лет на десять старше ее, но красавица и умница. Ее темно-русые локоны и смугловатая кожа постоянно притягивают мужчин, и не было случая, чтобы она не завладела тем, кто ей нравится. До сих пор во круг женихи, и она тщательно обдумывает варианты.

Стахеев Лене нравился — конечно, он не был настоящим мужиком, таким, как Андрей, но ее с детства, с посещения аристократических передних, театра «Эрмитаж» и фильмов с Мозжухиным и Верой Холодной влекло к модным костюмам, изяществу манер и стихам о любви. Михаил представлялся ей человеком из того красивого мира и, главное, смотрел на нее так влюбленно, как никто и никогда.

— Какое чудо, что я вас встретил, — говорил он ей. — И как ужасно, что мы столько дней в одном городе и не могли встретиться раньше.

— Я почти никуда не выхожу, а вечером всегда дома у мамы.

— Теперь я не отпущу вас. Пойдемте куда-нибудь. Куда здесь ходят? Ах да — кафе на Никольской...

Остался забытый в другом мире Палихин с его ненавистью к белым, остался тот, с папиросой, расхваливавший корниловцев, — насколько все мелко, ничтожно по сравнению с юной девушкой, так доверчиво прижавшейся к нему мягким полуобнаженным плечом.

В кафе они пили вино, ели какие-то особенные пирожные, слушали маленький оркестр, исполнявший музыку из новой модной оперетты «Сильва»... Все было так неожиданно и прекрасно, что Михаил решил объяснить. Он сказал девушке, что непрестанно думал

о ней, что не встречал девушки красивее, умнее и скромнее ее, что не может без нее жить, что его женитьба — ошибка, и если она согласна, если она скажет «да», он немедленно телеграфирует жене и сообщит о разводе.

Лена романтически краснела, напряженно думая, что ответить. Отвергать нельзя — школа Марго. Но так сразу замуж?

— Вам надо познакомиться с мамой, — сказала она смущенно, опустив глаза. — Ах, какая чудесная музыка! Вам нравится?

— Прелестная музыка. В оперетте под нее поют: «Помнишь ли ты, как нам улыбалось счастье...»

— Это о нас, — сказала Лена и смутилась, как девочка: она умела вести себя так, чтобы нравиться именно тому мужчине, который рядом с ней сейчас.

— Леночка, сегодня мне улыбнулось счастье. Нам! Я верю, что теперь наши пути не разойдутся. На всю жизнь запомню этот день, этот вечер.

Ставропольская ночь с 11 на 12 июля оказалась самой памятной не только для Михаила и его подруги.

Они вышли из кафе около полуночи, Лена предложила идти короткой дорогой, переулками, но едва свернули с Никольской, как загремели винтовочные выстрелы. Сразу с нескольких сторон. Со стороны Воронцовской улицы даже были видны голубоватые вспышки.

— Что это? Миша! Такого еще никогда здесь не было.

— Бежим ко мне в гостиницу. Она охраняется. Правда, там я вдвоем с соседом, но такие обстоятельства...

Лена колебалась — гостиница совсем рядом, а домой еще добираться по темным переулкам...

Мимо бежали испуганные люди. Кричали: «Шкура наступает!.. Это мятеж!.. Это матросская облава — ищут корниловцев!..»

— Все-таки лучше домой, — сказала Лена. — Мама подумает, что со мной что-то случилось.

Они свернули в переулок и в страхе остановились: прямо на них напористо шагала группа офицеров — блеск погон, фуражки, твердый шаг строевиков.

— Стой! Документы?! — крикнул идущий впереди. Где-то совсем близко загрохотали винтовки.

— Господа, у кого фонарь? Зажгите. — Голос был знаком Михаилу.

Зажгли фонарь, приподняли и...

— Какая встреча! — воскликнул офицер, и Стахеев узнал человека, который недавно вступил в беседу с ним, с Палихиным. — Господа, этот мерзавец сегодня дозволил себе оскорбить русских офицеров, назвал психами героев-корниловцев. А документ у тебя какой? Красный корреспондент? Комиссар? Я, гвардии штабс-капитан Гензель, объявляю тебя арестованным и отдаю под суд трибунала Союза офицеров, взявших власть в Ставрополе. Поручик Борисевич, в гимназию его и...

— Господа, я не комиссар, я журналист. Я писал о литературе...

— Молчать! — крикнул штабс-капитан.

— Он не комиссар! — со слезами, дрожа от страха, умоляла офицеров Лена. — Он писатель. Пишет стихи...

Поручик оттащил Стахеева от плачущей Лены. Михаил забормотал:

— Не трогайте девушку. Она не виновата.

— Не тронем. Прощайся с ней — больше не увидишь.

Тоскливая свинцовая тяжесть заполнила голову Михаила, упала в грудь, заставила склониться к черной земле, ожидавшей его, превратила ноги в пудовые чурки — он не мог сделать и шага.

Здание гимназии темнело неподалеку. Вдруг там, куда загремели выстрелы, потащили Стахеева, раздались какие-то крики. Он неожиданно ощутил, как что-то вокруг изменилось. Со стороны гимназии подбежал офицер, Гензелю вполголоса передал явно неприятное сообщение.

— Господа, оружие к бою! — скомандовал штабс-капитан. — Матросы атакуют гимназию.

— А этого? — спросил поручик.

— Шлепни его, чтобы не мешался, — сказал кто-то. Ответить что-либо штабс-капитан не успел. Не со сто-

роны гимназии, а из-за поворота высыпала группа человек в двадцать — белые матроски, темные гимнастерки, папахи...

— Всем стоять! Бросить оружие! Руки вверх! — кричали эти люди.

И со стороны гимназии бежали такие же. Кричали:

— Ребята, мы их уложили! Палихин, ты здесь? Эй вы, офицеры гнилые! Руки вверх! Считаю до трех и всех уложу.

Все переменялось. Никто из офицеров не успел выстрелить. Их схватили, отгеснили к забору. Палихин узнал Михаила. Тот, всклипывая, стал жаловаться, что его хотели расстрелять.

— Они это любят. Это и получают.

Лена обнимала Михаила, целовала, плакала, бесвязно говорила о том, как она его любит, как она счастлива, что он спасен.

— Миша, они хотели тебя убить... Я не пережила бы...

Командовал отрядом матрос. К нему подошел один из тех, что пришли из гимназии. Сказал:

— Директора гимназии мы привели. Вон он — Мельников. У него сыновья в банде Шкуро.

— И сам бандит — в гимназии организовал тайный штаб и склад оружия, — кивнул матрос и командовал: — К этим его, к стенке.

Офицеров штыками подогнали к забору. Они не сопротивлялись. Некоторые выкрикивали прощальную матерщину. Вдруг Гензель с неожиданной быстротой и силой оттолкнул двух матросов и побежал во тьму улицы. В него стреляли, но офицер сумел убежать.

— Найдем, — сказал Палихин. — Подняли мятеж, сволочи. И вас хотели кокнуть, Михаил Петрович? Теперь они свои пули получают. У нас приказ — расстреливать на месте. Вы бы уходили с девушкой — не гоже ей такое видеть. Мы вам провожатых дадим, а то этих гадов еще не всех поймали.

Уходя с провожатыми, Михаил и Лена слышали истерически злобные выкрики обреченных офицеров и резкие финальные выстрелы.

Смертельная тяжесть покинула Стахеева, и он чувствовал радостную пустоту обыкновенной жизни, обнимал девушку, которая плакала не в силах преодолеть возбуждения, вызванного случившимся. Стахеев крепко жал ее тело, чего не позволил бы раньше, брал за груди, за талию и ниже — он остался живым человеком и должен жить. Они вошли в квартиру на втором этаже, провожатые отправились к своим, в отряд. Кое-где еще раздавались выстрелы. Электричество было выключено, в комнате горели свечи. С радостными восклицаниями обнимала дочь измученная ожиданием женщина. Другая набросилась на Лену с упреками, с бранью: «Как ты могла? В такое время! Мать с ума сходила...» Это была Маргарита — ее квартира через стенку.

В эту ночь учительница не требовалась. Как истинная женщина она чувствовала, что должна делать, не раздумывая, не рассчитывая.

— Мама, его расстреливали, — сказала она матери. — Чудом спасли. Его надо успокоить. Я люблю его. Он останется у нас.

— Леночка, как ты хочешь, но...

Вмешалась Маргарита:

— Зачем у вас тесниться? Михаил Петрович будет спать у меня.

Лена поможет все устроить.

— Я останусь с Мишей, — сказала Лена непреклонно. Мать только вздохнула.

Вспыхнули электрические лампочки. Находившиеся в комнате люди прислушались: лишь один выстрел где-то далеко.

— Вот и мятеж подавлен, — сказала Маргарита.

Стахеев никогда не мог вспомнить, о чем он думал в те минуты и часы счастливой ночи. Наверное, о чем-то думал. Но на всю жизнь сохранил в памяти ощущение пронзительной жалостливой нежности к девушке, странным образом связанное с радостной жестокостью самца, удовлетворяющего страсть. В том, что Лена отдала ему свою девственность, он никогда не сомневался.

Ночную стрельбу в Ставрополе слышал и Андрей Шкуро — его войско, выросшее почти до десяти тысяч, стояло в Темнолесской, километрах двадцати от города. Шел разговор, на котором были только свои. Сначала слушали вестника-осетина, приехавшего из далекого аула. Вести были от жены полковника, Татьяны Сергеевны, то ли освобожденной, то ли бежавшей из большевистской тюрьмы. Вестник доложил, что Татьяну охраняет штаб-ротмистр Борукаев, будто бы организовавший ее побег. С небольшим отрядом он тайно устраивает убежища для нее в аулах в районе Нальчика.

— Штаб-ротмистр спрашивает, какой будет приказ. Куда везти госпожу? Или вы пришлете за ней казаков?

— Борукаев — герой осетинского народа, — сказал Шкуро привычным уже митинговым тоном. — Я, кубанский казак и командир, никогда не забуду, что он рисковал и рискует жизнью ради спасения моей любимой жены. Давайте посоветуемся, друзья, как нам теперь лучше поступить, чтобы уберечь Тасиньку от красных. Привезти ее сюда? Пусть разделит с нами трудности похода?

Друзья были против, говоря о бесконечных боях, попытках красных окружить казачье войско. Шкуро этого и ожидал — в походе жинка не сгодится, — но осетина-вестника для порядка строго спросил:

— Герой Борукаев сможет оберечь жену от нового ареста, от нападений бандитов?

— Очень хорошие аулы, — ответил осетин. — Далекие и тихие. Борукаева знают и любят. Все за него.

— Вот и передай ему мою сердечную благодарность. Письмо для Тани я тебе отдал. Возьмем Ставрополь — тогда, наверное, я за ней пришлю казаков.

Осетин попрощался, вышел. Через распахнутую на мгновение дверь все вдруг услышали отдаленные густые винтовочные выстрелы.

— Что это в твоём Ставрополе стрельба поднялась? — спросил полковник своего разведчика Кузьмен-

ко, приехавшего из города с докладом. — Я вроде еще не начал наступление, Деникин в Тихорецкой, и план у него на Екатеринодар.

— Откуда ж мне знать, Андрей Григорьевич? Я же вчера оттуда.

— Ты, Коля, казак или баба в шароварах? — возмутился Шкуро, который в последнее время часто раздражался и возмущался. — Сидел в городе моим разведчиком и кроме Госбанка ничего не знаешь?

— Ну, так, слышал кое-что. Офицеры будто бы решили восстание начать. Но они ждали Деникина, а сейчас вот...

— А сейчас вот иди к дежурному и передай мой приказ: срочно в сторону города разъезды. Подсылать только местных — темнолесских. И чтобы через час... Нет — через сорок минут я знал всю обстановку.

— Я бегом, Андрей Григорьевич.

— Разведчик хренов, — недовольно сказал ему вслед Шкуро. — А теперь, друзья, такой вопрос: у меня в подчинении казачья дивизия из четырех полков и пластунская четырехбатальонная бригада. Таким войском должен командовать генерал. Как мы такое положение исправим?

— Собрать штаб, — быстро и решительно нашелся Перваков. — Слащова, Солоцкого, и объявить приказом.

— Разговорчики, — оборвал его Шкуро. — Ты ж знаешь, как Слащов на меня смотрит. Завидует и ненавидит. А Солоцкий тоже очень умный.

Умный бородач подъяесаул Солоцкий — сам поднял восстание в Лабинском отделе, когда услышал о действиях Шкуро. Армавир брал со своими повстанцами, правда, ненадолго. Сам привел войско в подчинение полковника, теперь же, командуя дивизией, ко всему присматривается и по всем делам имеет мнение. На такого особенно не надейся.

— Деникин объявит приказом, — сказал Наум Қозлов.

— Он тебе обещал? Да? — набросился на него полковник. — Вы же с ним друзья. Да? Разве нет? Вот и я

с ним еще не подружился. А ему наговорят на меня тако- го... Да еще в красных газетах всякую чушь обо мне печатают. Я знаю, как надо действовать, только через на- шу Радугу²², через Филимонова²³. Чтобы он обратился к Деникину. Но и с Филимоновым тоже надо договари- ваться...

Тяжело было Андрею. Почти месяц был он напря- жен, как струна. Каждое слово, каждый шаг — это не его казака Андрея Шкуро, а некоего другого человека: руководителя восстания против несправедливой власти, народного защитника, политика, поддерживающего ло- зунг Учредительного собрания... Поговорить можно только со своими, но радости мало от этих разговоров. Если ты и волк, то в клетке, связанный. Горилки и той лишней глоток выпить нельзя. С девками повеселить- ся — ни-ни. Даже лезгинку сплясать нельзя. Вот и хо- дил целыми днями злой, на своих кидался, как пойман- ный волк.

О том, что в Ставрополе вспыхнуло восстание офице- ров, точно узнали даже раньше чем через сорок минут, но подробности события выяснились лишь к утру, когда в Темнолесскую был доставлен штабс-капитан Гензель, еще не успокоившийся после смертельного ужаса пере- житого. Петляя по городу, он несколько раз наталкивал- ся на матросов и красноармейцев, отстреливался, бе- жал, полз по какому-то огромному полю, плутал в лесу и, оказавшись в штабе Шкуро, все еще опасно озира- лся и недоверчиво слушал казаков, неохотно отвечал на вопросы. Уже только засветло, когда в штабе появились Шкуро и Солоцкий, штабс-капитан словно понял, нако- нец, что он спасен, что он у своих. Особенно его обрадо- вал Солоцкий, с которым встречался на германском фронте.

— О-о! Подъесаул Солоцкий! Какая встреча! Народ- ный герой полковник Шкуро! — восклицал Гензель. — Ваши казаки спасли меня. Я заблудился в лесу и, навер- ное, опять попал бы к большевикам. Слава богу, что на Руси еще остались настоящие русские люди.

— Рассказывайте, штабс-капитан, что произошло

в городе, — сухо, по-деловому, спросил полковник, ко- торому не понравилось, что гость знаком с Солоцким.

Гензель рассказал, что сбор был назначен на ночь у Варваниской церкви, откуда восставшие планировали двигаться тремя колоннами и по сигналу ракеты атако- вать красноармейские казармы, штаб в Европейской гостинице, здание Совета и другие советские учрежде- ния. Однако собрались не все — едва ли десятая часть, — тем не менее решили выступить, надеясь, что оставшие- ся примкнут, интернациональный батальон обещал, ра- бочие дружины намеревались принять участие. Сначала восстание шло удачно. Захватили бывшие осетинские казармы, взяли винтовки и пулеметы, но оказалось, что среди офицеров почти нет пулеметчиков. Большевики стянули свои силы, и по городу понеслись их грузовики с пулеметами. Восстание провалилось. Полковник Рти- щев отступил к лесу. Другие разбежались в разные сто- роны. Многих красноармейцы поймали и расстреляли у ворот тюрьмы.

— Вы знали, что мои войска идут на Ставрополь? — спросил Шкуро.

— Знали. И послали людей к вам, но их перехватили большевики.

— А почему именно этой ночью начали восстание?

— Узнали, что вчера в конце дня добровольцы взяли Тихорецкую.

— Как узнали?

— У нас там есть свой человек. Дал шифрованную депешу. В Тихорецкой красные были взяты врасплох. Командующий Калнин бежал.

— А Сорокин? Его сняли?

— Таких сведений не имею. Он командует войсками красных к востоку от Екатеринодара.

— Деникин продолжает наступление?

— Нам сообщили, что армии дается передышка пять дней. Начнут шестнадцатого. Мы надеялись, что за это время добровольцы нам помогут.

— Боевые офицеры, а действовали так необдуманно. До Тихорецкой — двести верст. Не могли послать связ-

ных ко мне. Я бы ударил в момент восстания — и Ставрополь был бы нашим. Верно, Семеныч?

— Возможно, — ответил Солоцкий. — Но там сильный гарнизон.

— Я и без восстания вашего возьму город. Мои войска разгромили в Усть-Джегутинской три красных отряда! Хоть тогда ваш друг подьесаул Солоцкий заблудился со своей дивизией в лесу — не обижайся, Семеныч: что было, то было. В том бою я захватил все обозы и зарядные ящики, уйму хлеба, фуража, тридцать тысяч патронов. На полях возле Усть-Джегутинской и Бекешевской остались тысячи трупов изрубленных нами красноармейцев. Когда красные снова попытались наступать на меня и дошли до этих полей, то немедленно остановились и открыли митинг по своему обычаю. Постановили в наступление не идти — а то ведь их также изрубят. Вообще большевички очень боятся, когда видят поле боя с неубранными трупами своих соратников. Когда я решил идти на Ставрополь и мои войска пересекли железную дорогу, то в Баталпашинской мы изрубили полторы тысячи красных, и если бы не дурак есаул Козликин, взяла бы артиллерию со снарядами. Мне бы те орудия — и у меня тогда была бы армия. Я бы и Ставрополь взял бы и всю группу Минвод. А он испугался, что местные казаки его не поддержат и ушел, бросив такие трофеи. А когда переходили железку, я взял два поезда. В товарном — сто голов скота, пятьдесят лошадей, седла, амуниция, несколько сот винтовок, тысяч двадцать патронов... И Ставрополь я возьму. Вам, штабс-капитан, предлагаю сражаться вместе с нами, в нашем войске.

— Я с радостью пойду на большевиков под вашим командованием, господин полковник. Эту сволочь, которая пыталась меня расстрелять, я буду бить беспощадно. Поймать бы того красного корреспондента, что был там с матросами. Хотел видеть мою смерть, а я хочу видеть его смерть.

— Пойдете ротным в пластунский батальон — вчера там ранили командира, — сказал Шкуро тоном, не допускающим возражений: не отдавать же его в подчинение

дружку. — Командир батальона — есаул Калядин. Отличный командир. Будете вместе бить красных.

— Этот бурьян надо вырвать с корнем, — сказал Солоцкий. — Чтобы пшеница была чистой и полезной.

— Только с корнем, — подтвердил Шкуро. — Бурьян тот уже пускает ростки в рядах казаков. Сколько твоих, Семеныч, не захотели пойти с тобой?

— Они, конечно, не красные — просто не захотели уходить от своих станиц.

— Они хуже красных, — настаивал на своем Шкуро. Предают своих. Половина твоего отряда помитинговала и бросила своих. Чем кончилось? Пришлось через горы лезть в Сухум и там сдаваться грузинам. А с моими как было? Расскажи штабс-капитану.

— Ваши оказались более преданными. Но тоже некоторые не захотели идти на Ставрополь.

— Кто там остался? Одни терцы. Я сам вам расскажу, штабс-капитан. Семеныч вот не хочет. Когда я решил идти через железную дорогу, мои были замитинговали, говорили, что не хотят воевать невесть где, в то время как большевики будут громить их станицы. Я построил казаков, сел на коня — и сказал: «Кто со мной — иди, кто не хочет — ступай по домам». И поехал. С полверсты ехал, не оглядываясь. Когда оглянулся — почти весь отряд за мной.

— Но весь же, — все спорил назойливый Солоцкий. — И кубанцев много осталось.

— И всех их порубили красные. Так будет со всяким, кто предает наше Кубанское войско!

После разговоров штабс-капитана Гензеля кормили, отпаивали вином, и Солоцкий повел его на квартиру отдыхать.

— Как вам понравился наш полковник? — спросил Солоцкий. — Он же теперь и ваш.

— Такой командир нужен для того, чтобы победить большевиков. Месяца не прошло с тех пор, когда он начал восстание, за это время собрал такой большой отряд, завоевал боевую славу, его любит народ.

— Положим, не он собрал, а вы собрались вокруг не-

го. Я ему привел почти пять тысяч. Он мне поначалу очень понравился, но потом я пригляделся — это же не армия, а партизаны. Шкуро не командир, а казачий атаман. Мы же служили с вами и воевали в настоящей армии, где есть штабы, подчиненность высшим вплоть до главнокомандующего, продуманные планы... А здесь только он командир, только его приказы положено выполнять. Начальник штаба Слащов — вы его увидите — не смеет ему противоречить. И вот теперь до меня дошли слухи, что этот атаман хочет стать генералом. Предлагаете? Генерал Стенька Разин. Скажу вам, как старому доброму приятелю, как настоящему русскому офицеру, что нельзя допустить этого. Он, конечно, ничего не должен знать, но не один я думаю так, и мы принимаем меры. Надеюсь, что и вы нам поможете.

— Наверное, вы правы. У вас опыт боевой работы с полковником. Но как я могу помочь?

— Соединимся с Деникиным, там, наверное, будет решаться вопрос. Да! А сколько бахвальства: «Я возьму Ставрополь!» Он даже не попытается атаковать город. Он умеет проводить не бои, а налеты.

Странные высказывания Солоцкого о полковнике Гензель слушал бесстрастно, однако серьезно задумался о том, о чем тот ему говорил. Он считал себя русским человеком — так его и воспитывали, но встречи с некоторыми офицерами и генералами на фронте, как и сейчас, заставляли его размышлять об изъянах славянского характера. Ведь сам-то он по крови немец и язык знает, и родные его живут в Германии — во время войны такого никому не расскажешь.

Гензель обладал многими достоинствами и ко всему прочему был наблюдателен и любил анализировать и делать выводы. Он заметил, что, отпустив его после допроса, Шкуро сразу же вызвал вахмистра Кузьменко. Штабс-капитан спросил у Солоцкого об этом казаке, и узнал, что разведчик полковника работает в тылу красных.

Кузьменко явился к Шкуро мгновенно.

— Двигай стул ближе, — приказал полковник. —

Еще ближе, садись рядом, у нас секретный разговор. Только ты и я будем знать. Понял, Коля?

— Андрей Григорьевич! Разве ж я когда болтал кому-то чего-то. Вы ж мне всегда такие дела доверяли.

— Сейчас дело такое, что считай — государственное. Ты настоящий кубанский казак, без подмеса — тебе доверяю. Ты в красном Ставрополе сумел прижиться. Знаешь, как с большевиками договариваться. Думаю — везде пройдешь. Документы для красных у тебя есть, золотишка дам. Сегодня же скачи к фронту Добровольческой армии. В Медвежью. Там был штаб Деникина. Может быть, в Тихорецкую переместился. Тогда мчись в Тихорецкую. Возьми сменных лошадей, казаков своих человека четыре. Они ничего не должны знать. Для добровольцев я напишу, что ты мой разведчик, и я прошу помочь разведчику перейти фронт.

— Андрей Григорьевич, я без них фронт перейду.

— Как знаешь, но чтобы остался живой и не попался комиссарам. Твоя задача — добраться до штаба Сорокина.

— Так он же и есть главный комиссар.

— Он такой же кубанский казак, что и мы с тобой. Хотел воевать с немцами, а комиссары его против своих направили. Его штаб или в Куцевке, или в Тимашевской. Найди. И найди быстро. Сегодня двенадцатое, и ты должен быть у Сорокина не позднее четырнадцатого. Скажешь там красным штабным, что принес секретную разведку для Ивана Лукича. Пройдешь к Сорокину и все скажешь ему один на один. Ну, может быть, есть у него доверенный человек. И скажешь Сорокину. Запоминай, как стихи в гимназии. Белый атаман Шкуро. Запомнил? Шкуро! Он такой же кубанский казак, что и Сорокин, и бывший командующий Автономов. Полковник Шкуро дружески встречался с Автономовым и договаривался о совместной борьбе против немцев и за освобождение Кубани от инородцев и большевиков. Автономов рассказал ему, то есть мне, что он и Сорокин подготовили антибольшевистский переворот в Екатеринодаре. На Автонома кто-то донес. О Сорокине никто не знает — Шкуро

не доносчик. Наоборот. Шкуро сообщает Сорокину, что шестнадцатого июля Деникин начинает наступление на Екатеринодар. Шкуро желает успеха Ивану Лукичу. А главное, Кузьменко, начинается сейчас. Скажешь, что казачья армия Шкуро должна в ближайшие дни освободить от большевиков Ставрополь, и Шкуро надеется, что Иван Лукич поможет ему. Скажи Сорокину, что у нас хорошие бойцы, но не хватает оружия. Чуть не половина без винтовок. Артиллерии совсем нет. Ставрополь я должен взять не позже чем дней через десять. Лучше бы числа двадцатого. Все понял? Повтори.

Кузьменко повторил почти слово в слово, но затем спросил:

— А если этот Иван Лукич спросит, как помочь?

— Я не знаю, а он знает. У него везде свои люди. Может, пусть сами отступят? Или мне ультиматум предъявить? Пусть решает сразу. Чтобы ты ушел от него с точным ответом, когда и как наступать мне на город, чтобы был полный успех и без потерь.

Следующим утром, когда северный ветерок подбадривал построившихся для похода казаков, а Кирилл Иванович стоял перед своей ротой, вглядываясь в лица, выискивая тех, кому можно доверять, к нему подъехал на своем светло-гнедом с черной гривой коне Солоцкий. Отозвал в сторонку, конь переступал нетерпеливо в ожидании похода.

— Я был прав, Кирилл Иванович: угадайте, куда мы идем.

— Планировалось в Ставрополь.

— Я же говорил вам, что это пустая болтовня. Идем в обход города на восток, на Бешпагир.

Солоцкий тронул коня шпорой и поскакал к голове колонны. Ветер усилился, погнал облака в сторону гор, открылось солнце, засверкали рукоятки шашек у всадников, трубы музыкантов, офицерские погоны.

— Трубач, играй поход! — скомандовал Шкуро.

Пластуны сели в повозки, Гензель — с подхорунжим Климовым, молчаливым опытным фронтовиком с несколькими медалями и Георгиевским крестом на груди.

Колонна двинулась. Впереди — 1-й Хоперский полк. Грянула песня:

Вдоль по линии Кавказской
Млад сизой орел летал.
Он летает пред войсками
Войсковой наш атаман...

V

В Бешпагир пришли в середине дня. Ветер не утихал, Шкуро приказал раскинуть палатку для штаба, разослал разъезды во все стороны. Сидели в палатке со Слащовым, Солоцким и Калядиным.

— О чем задумался, Андрей Григорьевич? — спросил Солоцкий. — Может, на Ставрополь хочешь повернуть?

— Скучаешь по городу, Семеныч? Если так сильно тебе манится, то я могу хоть сегодня его взять.

— Андрей Григорьевич любит пощутить, — сказал Слащов.

— И все-то ты во мне сомневаешься, Яков Александрович. А зря ты это. У меня план без шуток.

В тишине дня вдруг возникли посторонние звуки. Еще не успели понять, что происходит, как почти рядом с палаткой разорвалась граната. Мелкие осколки сыпались по брезенту. И пулемет заработал где-то недалеко, и топот коней, и крики казаков, и еще что-то...

— Вот это не шулки, — сказал Слащов.

Все выскочили из палатки, и поняли, чем вызваны эти звуки: грузовики с пулеметами и горным орудием. Казачий разъезд скакал от них по улице. Одна лошадь была уже без всадника.

Коноводы подали лошадей бегом. Шкуро и сопровождавшие поскакали к полкам, расположившимся в поле на обед. Там уже засуетились, беспорядочно скакали всадники, бежали пластуны.

— Семеныч, давай к Лабинскому полку! — крикнул Шкуро. — Разверни в лаву с той стороны, чтобы ни один грузовик не ушел, а я с хоперцами их прижму.

Через несколько минут лава с лихими криками уже мчалась на ворвавшихся в селение красных. Грузовики разворачивались и, отстреливаясь из пулеметов, мчались в сторону Ставрополя. Только два не успели проскочить. Машины остановились, окруженные казаками. Из них выходили с поднятыми руками матросы и красноармейцы. Шкуро с адъютантом подъехали сразу. Их обогнал Саша Мельников, скачущий безумным галопом с обнаженной пашкой.

— Не троньте их! — кричал Мельников. — Они все мои!

Он подскочил к расступившимся казакам и рубанул пашкой матроса.

— Саша, стой! — крикнул полковник. — Командира оставь для допроса. Вон того.

Кровавой полосой наискось от плеча раскололась белая матроска. Вслед за ним упал другой с залитым кровью лицом, а Мельников все рубил, крича:

— За отца всю вашу армию изрублю!..

Командира — пожилого помертвевшего от страха выволочил из группы смертников. Он был в фуражке, новой гимнастерке, с маузером на поясе. Оружие, конечно, мгновенно отняли.

Шкуро допрашивал его в своей палатке сам, присутствовали только Перваков и опытный разведчик Козлов. Страх смерти пробудил у красного командира невероятную интуицию — он почувствовал, что надо от него белому атаману, маленькому и напряженно злому.

— Мне стало известно, — говорил пленный, — что комиссар Петров из Ставропольского Совета получил секретный приказ — по случаю вашего наступления вывезти казенные деньги и ценности. Он поедет завтра на Дубровку, а оттуда свернет на Святой Крест. Там его будут ждать. Они у меня взяли грузовик...

— Откуда знаешь? — спросил полковник.

— Один из сопровождающих мой старый друг. Мы с ним выпили, ну и...

— Если врешь, по кусочкам от тебя будут отрубать.

— Чего мне врать-то? Только не убивайте. Я вам помогу. В Дубровке покажу Петрова.

— Козлов, знаешь Петрова? — спросил полковник. — Есть такой в Совете?

— Есть, Андрей Григорьевич. Я его видел. Он из офицеров.

— Значит, не нужен ты нам, командир.

— Но я же все сказал. Не убивайте. Я в красные случайно попал. Служил в сто пятьдесят четвертом Дербентском и вместе с полком пришлось...

Полковник Шкуро пьянел в бою, со звериной радостью рубил врага, не испытывая никакой жалости к расчеченным, исходящим кровью телам, к предсмертному вою, к мольбам о пощаде, но убивать безоружного, сдавшегося на милость, считал не казачьим делом, хотя и не мешал своим расправляться с пленными. Приходилось помнить о том, что уже по всей Кубани о тебе говорят, как о народном защитнике, геройском атамане, поэтому надо показать себя еще добрым и милостивым.

— Не трясись. Отпущу тебя и документ дам. А ты дай слово, что не будешь воевать против нас. И о моем допросе никому, а то узнаю — и сдам тебя комиссарам.

Пленного отпустили, и полковник сказал своим:

— Идем на Дубровку. Ты, Козлов, возьми наших ребят и давай вперед. Все грузовики, да и повозки, будем ворошить, а Петрова найдем. Впереди у меня пойдет подьесаул Васильев, я ему скажу, что ты с моим заданием, и прикажу арестовать всех подозрительных и показать их тебе. Упустите — пошлю догонять. Хоть до Москвы.

Полковник со своим войском сделал сорокакилометровый марш-бросок и въехал в Дубровку на следующий день. Подьесаул Васильев и Козлов встретили его у большого многооконного дома с трехцветным флагом над крыльцом.

Васильев молодецки доложил, что приказ выполнен: комиссар Петров арестован, захвачены два его грузовика и ящики с ценностями. Полковника Шкуро и в этой мужицкой деревне охватила непонятная нудная тяжесть, будто он все это уже видел в каком-то страшном забытом сне. И флаг раздражал.

— Кто повесил? — спросил Шкуро.

Встречающие даже не поняли вопрос.

— Кого? — почти испуганно переспросил Васильев.

Шкуро сам почувствовал нелепость вопроса, и это его еще больше расстроило и разозлило.

— Кого, чего! Флаг кто повесил?

— Так это же российский. Мы идем к Добровольческой армии, — растерянно объяснялся Васильев. — Если от них кто-то придет... А у нас вот флаг...

— Пусть, — махнул рукой полковник. — О Петрове доложите отдельно. Этот дом под штаб заняли? Вот здесь в моей комнате поговорим.

Легко, по-молодецки, спрыгнул с коня — энергичное движение его успокаивало, и он сказал миролюбиво:

— Вы, подьесаул, расскажите командирам, как размещаться, а я пока с Козловым поговорю. Перваков, и ты со мной. Ну, Наум, рассказывай.

Козлов объяснил, что в доме размещался сельсовет, власти бежали, и для полковника приготовлен кабинет. Все как надо: стол — для начальника, скамейки по стенам — для подчиненных. Шкуро сел за стол и приказал Козлову доложить о комиссаре.

— Там у них с черного хода арестантская, туда и посадили этого Петрова. Вот его документы. Грузовик с пулеметами — во дворе тоже под охраной. Ящики в соседней комнате под замком. Охрана — два казака.

— Открывали?

— Что вы, Андрей Григорьевич! Без вас мы себе не позволяем. А вот комиссара сопровождали красноармейцы, так Мельников их порубил. Пять человек. Подьесаул его было останавливал, держал, но тот такой забрунный...

Шкуро махнул рукой — это, мол, неважно.

— Пойдем втроем посмотрим, пока Васильев не пришел. Ключ у тебя?

— Конечно.

Подошли к караульным. Те отдали честь полковнику.

Он приказал казакам никого не пускать в помещение и подошел к заветным ящикам.

— Доставай, Наум, кинжал. Ковырнем комиссарские сокровища.

В одном ящике оказались пачки денег. Царские, кренки, золотые рубли в мешочках. В другом — золотые вещи: кольца, серьги, браслеты...

— Деньги все войску, — сказал Шкуро. — Отсюда самое ценное в спецзапас. Вот этот браслетик. И эта штучка хорошо потянет. Разбирайтесь здесь, а я Петрова посмотрю.

В доме появились Васильев, Слащов, другие офицеры. Полковник взял с собой на допрос Петрова, начальника штаба и главных командиров Солоцкого и Калядина. Прошли к арестантской, часовые открыли дверь. На нарах сидел человек в гимнастерке без пояса, с растрепанными светлыми волосами. Вскочив, он взглянул в глаза полковнику. У самого глаза огромные, как у лошади, а от них будто исходил ледяной туман. Этот холод проник в душу полковнику, и вновь непонятная тяжесть сдавила сердце.

— Ну что, Петров? — спросил пленного чуть ли не сочувственно. — Из офицеров в комиссары? Россию немцам продавать? Против народной власти?

— Простите, господин полковник. Я казак из Николаевской. Случайно в красных оказался. Думал — они за народ...

— Простить тебя? — изобразил удивление Шкуро. — Как это мы можем тебя простить? Господа офицеры, он предал свой народ, а мы будем его прощать? Имеем мы такое право?

— Судить надо, — сказал Солоцкий. — Семь офицеров имеют право судить бывшего офицера с вынесением смертного приговора.

— Простите, господа офицеры, жизненную ошибку... Я заслужу. Я был офицером и теперь готов служить у вас рядовым. У меня фронтовой опыт.

— Нам твой фронтовой опыт не нужен, — сказал Солоцкий. — Сами всю германскую прошли.

Шкуро холодно покосился на него — полковнику не нравилось, что Солоцкий постоянно пытается показать,

что будто бы ровня ему, народному герою. Потребовал от пленного:

— Говори все, что знаешь о красных войсках. Ты ж комиссар — много должен знать?

— Все скажу. Только...

— Только говори. Кто сейчас командующий в Екатеринодаре? Калнин?

— Так точно. Калнин. После снятия Автономова его сразу назначили.

— За что сняли Автономова, знаешь?

— Так точно: знаю. Его сняли за невыполнение приказов правительства Кубанской республики.

— А говорили, что за измену...

— Это не подтвердилось. Его вызвали в Москву, и там он получил назначение в Царицын. Пока не сообщали, какое назначение.

— А Сорокин? На месте?

— Так точно. Командует боевым участком. Защищает Екатеринодар.

— А Калнин? Где он?

— Не знаю. Когда Деникин брал Тихорецкую, Калнин с позором бежал. Его начальник штаба не успел и застрелил жену и сам застрелился.

— А Сорокин, значит, командует, и снимать его не собираются?

— Так точно.

Полковник задумался. Петров вновь робко взмолился:

— Простите меня, господа офицера. Я буду помогать вам.

— А ты прощал? — возмутился Калядин. — В ночь на двенадцатое сколько офицеров расстрелял?

— Я не участвовал. Я дежурил в Совете.

— Сам не стрелял — другим приказывал, — сказал Солоцкий. — Все! Военно-полевой офицерский суд.

— Яков Александрович, назначаю вас председателем суда, — сказал Шкуро с неожиданным для присутствующих удовлетворением в голосе: будто нашел весьма удачное решение сложной задачи. Выберите сами офицеров членов суда.

— Обязательно включите Гензеля, — категорически настоял Солоцкий. — Его расстреливали в ту ночь.

Вопреки советам назойливого подъяесаула включать Гензеля не следовало бы, но у полковника поднялось настроение:

— Пускай заседает. Отомстит за своих.

С офицерами Шкуро попрощался дружески, с улыбкой посоветовал дать хороший отдых казакам и многозначительно добавил:

— Пускай силы набирают — на днях пойдем на Ставрополь.

Солоцкий, направившийся было к дверям, остановился, удивленно взглянул на командира — не шутит ли? Нет, тот говорил вполне серьезно.

Вечером Шкуро сидел один и под звуки дождя, злоеще-монотонно бьющего по крыше, рассматривал карту — выбирал путь на Тихорецкую, к Деникину. Здесь же, через несколько комнат, заседал трибунал, и полковник представлял, как будут под дождем расстреливать комиссара Петрова. Не проходило беспричинное раздражение, и мучительно хотелось напиться со своими кубанцами, но нельзя — донесут командующему Добровольческой армией, и не будет тебе ни генерала, ничего. Тот же Слащов донесет. Или Солоцкий. Очень уж он для казака аккуратненький; лошадь напоказ, перчатки...

В дверь постучали, часовой сунул голову, доложил, что пришел господин полковник Слащов. Тот принес напечатанный на машинке приговор офицерского суда. Шкуро прочитал одно слово: «к повешению».

— Утверждайте, Андрей Григорьевич.

— Все члены суда были согласны?

— Все.

— Что говорили?

— Солоцкий доказывал, что надо уничтожать всех, зараженных большевизмом, иначе Россия погибнет. Гензель — о расстрелах офицеров в Ставрополе, о том, как самого к стенке ставили. Калядин — о народных деньгах, которые Петров пытался передать московским

большевикам. Некоторые молчали, но с приговором согласились все: повесить.

— Как я могу утвердить этот приговор? — задумчиво сказал Шкуро, глядя на карту. — Вы написали: «Именем Кубанского народа и армии...» А народ, может, не хочет, чтобы казака повесили. Положу я пока эту бумагу в стол и подумаю, а мы с тобой давай по карте посмотрим дорогу в Тихорецкую.

Светловолосый казак с большими испуганными глазами, почти его ровесник, чуть повыше ростом, будет стоять с веревкой на шее и умолять о пощаде, а по твоему приказу вышибут табуретку у него из-под ног, и нырнет Петров в смерть, раскачиваясь, хрипя, выкапывая свои странные глаза, а ты будешь думать, что в этой войне и тебя могут вот также поставить под виселицу и зачитать приговор. Хотелось отпустить этого несчастного комиссара, но... хотелось и увидеть, как он будет дергаться в смертельных судорогах. Если же рассуждать, как положено казачьему командиру, народному герою, то надо исхитриться и сделать так, чтобы остаться в легендах милосердным атаманом и врага наказать по вине его.

Утром он приказал собрать офицеров и казаков — по одному от взвода. День был пасмурный, большую комнату для заседаний залил мрачный сумрак. Офицеры и казаки, рассеявшиеся на скамейках, казались все на одно лицо — недоброе, недоверчивое. Шкуро и Слащов сидели вдвоем за председательским столом. Полковник поднялся, обвел собравшихся тяжелым взглядом.

— Господа казаки, господа офицеры, — сказал он негромко. — Вы знаете, что мы взяли в плен красного комиссара Петрова, который был одним из представителей советской власти в Ставрополе. Бывший казачий офицер вместе с другими комиссарами проводил в городе расстрелы, обыски, грабежи. Мы взяли его, когда он вывозил из города деньги, награбленные у народа, пятьсот тысяч рублей. Военный суд под председательством нашего начальника штаба полковника Слащова приговорил вчера казачьего офицера Петрова к повешению.

— Правильно!.. Так и надо!.. Комиссарам нет пощады! — одобрительно зашумели казаки.

— Что это за митинг? — удивился Гензель.

Ему полупшепотом ответил сидевший рядом Солоцкий:

— Ход в генералы. По-моему не очень удачный.

— Я пока не утвердил приговор, — продолжал Шкуро. — В нашем казачьем войске еще не казнили пленных по приговору суда. Я решил, что такую казнь можно совершить только по приговору всех казаков и офицеров. Вот я и собрал вас, чтобы вы решили: утверждать приговор или нет.

— Утверждай, атаман!.. Не прощай комиссаров!.. — кричали казаки.

— Никто не предлагает отменить приговор? Кто против этого приговора, прошу высказаться. У нас свобода. Мы не большевики.

— Нет у нас таких! — крикнул Саша Мельников. Утверждайте, Андрей Григорьевич.

— Нету таких? — обратился полковник к собранию. Кричали: «Таких нет!»

— Дайте мне документ, — обратился Шкуро к Слащову. — Вот этот приговор. По вашей воле, друзья казаки, я его утверждаю.

Он подписал документ приготовленным заранее черным карандашом. В его росписи последняя буква получилась без хвостика — не «а», скорее «о». Сама рука так и стремилась изменить фамилию.

Гензель удивленно пожимал плечами, Солоцкий шепнул ему:

— Это продуманное представление. Театр для народа.

Виселицу установили перед штабным домом, где над крыльцом ветер играл трехцветным флагом, распоряжался Мельников. Ему помогали опытные казаки. Вынесли скамейку, намылили веревку. Толпа казаков и крестьян, чуть не в тысячу, собралась вокруг. Сидели на заборах, подростки даже на крышах.

Петрова вывели четверо казаков. Двое держали его связанные руки. На крыльце приговоренный будто споткнувшись рухнул, увидев виселицу, но конвойные его

поддержали. Все же он остановился, начал сопротивляться, заговорил испуганно жалобно:

— Я хочу просить полковника Шкуро. Где он? Я буду сражаться в его армии...

Его заставили замолчать, грубо толкнули, поволокли с крыльца к виселице.

— Шагай, шагай смелее, — злобно крикнул Мельников. — Ты ж комиссар!

Петров с трудом передвигал ноги. Тогда его подтащили к виселице, на крыльцо вышел Шкуро, Слащов, другие командиры. Слащов зачитал приговор. Петров слушал, грудь его вздымалась от учащенного дыхания, светлые волосы слиплись, упали, глаза вновь расширились.

После зачтения приговора Шкуро сказал:

— Не только я утвердил этот приговор, а все казаки нашего освободительного войска.

— Пощадите, — простонал Петров. — Я искуплю вину, отслужу...

— Молчи, сволочь, — сказал ему Мельников. — Не будет тебе пощады.

Вдруг что-то произошло с приговоренным — вскинул голову, глаза ожили, сказал хриплым натуженным голосом, но твердо:

— Знаю, что не пощадите. Многих из вас такая же смерть ждет, — говорил комиссар, глядя в глаза Шкуро. — Я казак, как и вы. Прошу вас исполнить последнюю волю: тело мое отправьте матери в станицу Николаевскую. И еще скажу...

Шкуро махнул рукой, казаки-палачи схватили Петрова, подняли на скамейку. Один из них ловко накинул петлю, другой выбил скамейку. Закачался, заиграл ногами повешенный, выкатились и застыли удивленные лошадиные глаза.

Много смертей видел Андрей Шкуро, но эта почему-то запомнилась на всю оставшуюся жизнь. Стоял на крыльце, глядя на последние судороги повешенного, и в лицо ударило холодом — порыв ветра из будущего. И с обычной человеческой противоречивостью обвисшее

покручивающееся тело вызвало радостное удовлетворение, похожее на любовное. Ради такого ощущения надо чаще вешать врагов.

Подозвал Мельникова:

— Сапа, пусть этот комиссар пока повисит, а потом...

— Я знаю — в станицу...

— Нет. Мы не обязаны выполнять желания повешенных комиссаров.

Положить его в тачанку и с каким-нибудь пленным отправить в Ставрополь, а на большом листе написать: «Так будет со всеми большевиками, если не сдадите Ставрополь».

VI

В субботу утром Михаил Петрович и Лена оформили свой брак по новому обычаю — в Ставропольском Совете. Их сопровождали Маргарита и Палихин. Воронцовская улица сияла светлыми женскими платьями, летними матросками. Свет исходил от белых стен домов.

— А завтра здесь будем венчаться, — сказала Лена, проходя мимо церкви. — Как раз Казанская, праздник.

— Не раздумали, Михаил Петрович? — спросил Палихин.

— Чего хочет женщина — того хочет Бог, — ответил размягченный Стахеев, купающийся в радостях медового месяца.

— По нынешнему времени и о Боге-то помалкиваем. У нас в отряде узнали про одного, что он молится в церкви — и все. Выгнали с позором.

— Не портите детям праздник, — сказала Маргарита. — Еще неизвестно, что будет завтра, может быть, и старому вернемся.

— Наверяд. Читаете газеты? Деникина окружили Сорокин и Ковтюх. Шкура побоялся к Ставрополю подойти. В обход двинулся.

— Я слышала, что он храбрый атаман, и про него много интересного рассказывают, — сказала Маргарита и покосилась на Лену.

— Он храбрый, но не полководец. Я его знаю. — Михаил с кокетливой небрежностью напомнил о своем знакомстве.

— Я видел, как он рубил наших, — вспомнил Палихин. — Полководец не полководец, а бандит опасный.

И вместо милых слов о соединении любящих загремели другие — о сражениях, пулеметах, расстрелах, грабежах, Учредительном собрании. Упоминали и Ленина и Троцкого, Деникина и даже Пугачева и Стеньку Разина. Палихин оказался если неначитанным, то хорошо наслышанным — в солдатской школе был хороший офицер-учитель.

— И Разин и Пугачев — все они бандиты, — говорил Палихин. — И тоже знали всякие умные слова: свобода, власть народу... А сами — только грабить. И Шкуро такой же. Большевики — те не только говорят, но и делают. Конечно, землю у богатеев надо отнять и дать бедным. Все жить хотят. Вот атаман кричит, что он за Учредительное собрание, даже за восьмичасовой рабочий день, а самому только бы пашкой поработать да награбить добра.

— А у нас, у тех, кто с Советами, все правильно? — спросил Стахеев. — Вы довольны, что с нами?

— Тут ведь сразу и не поймешь: я с вами или вы с нами. Конечно, не все так, как надо, но это уж зависит от людей.

— Хватит политики, — прервала дискуссию Маргарита. — Нас дома ждет пирог, а вы все о неприятном.

— Очень мудро вы о пироге вспомнили, Маргарита Георгиевна, — согласился Палихин. — Только я забегу в отряд — это рядом — и сразу к пирогу.

В этот день с утра полковник Шкуро обсуждал со Слащовым, Солоцким и Калядиным сложный вопрос: каким образом кормить десятитысячную армию. Мало того, что не хватает оружия и патронов и приходится рассчитывать на то, что добудешь в бою, так и продовольствием никто не снабжает. Солоцкий надеялся на помощь населения: «Станичники всегда казака накор-

мят. Да и крестьяне тоже. Надо распределить полки по станицам и селам». Слащов считал, что продукты надо покупать у населения, а деньги — у отряда есть, говоря это, он поглядывал на командира. Калядин вспомнил обещания князя Лоова помочь деньгами.

Шкуро был мрачен, и собравшиеся предполагали, что причина в неудачно подбритых усах — он то и дело теребил рыжевато-русые волосы над губой. Отвечал на предложения командиров грубовато:

— Мы ж не на курорте Минеральных Вод, чтобы по селам разойтись и на сеновалах валяться. Возьмем Ставрополь, пойдем дальше с Деникиным или куда нас направят, и кто там будет нас кормить? И денег у меня нет, Яков Александрович. Не гляди на меня так, будто взаимно хочешь взять. Комиссарские деньги уже потратили на кормежку. Вот про Лоова хорошо вспомнили. Напишу ему. Пока разойдемся. В Птичьем стоим — поптичьим будем и кормиться.

Поднялись, но уже стоя у двери, Слащов напомнил и о другом:

— Андрей Григорьевич, вы собирались в Тихорецкую к Деникину. Посоветуйтесь с ним. Когда вы собираетесь туда? Или пойдем всем отрядом?

— К Деникину я поеду после взятия Ставрополя.

— Но это же не так скоро. У нас и плана еще нет, — не унимался начальник штаба.

— Скоро, Яков Александрович. Может, и сегодня. А план у меня есть. Все. Расходимся.

И опять Солоцкий, уходя, взглянул на полковника — не шутит ли. И вновь увидел, что тот говорит серьезно и почему-то вдруг подобрел. Наверное, солнечное утро обрадовало — посмотрел в окно и вроде даже улыбнулся.

Как не обрадоваться, увидев, что к крыльцу штабного дома подкакал усталый, похудевший Кузьменко?

Меньше чем через полчаса полковник вошел в комнату, занятую Слащовым. Тот сидел за столом и измерял линейкой какие-то расстояния на карте.

— Говорил я тебе, Яша, что сегодня Ставрополь возьмем — вот и начнем операцию.

— Как же мы будем начинать? — с удивлением и плохо скрытой насмешкой спросил Слащов. — План разработаем или поднимем полки и пойдем? Атакуем город, заполненный матросскими и красноармейскими отрядами с артиллерией и пулеметами?

— Без атаки возьмем, а артиллерия у нас тоже есть.

— Где? — В голосе Слащова уже слышалось возмущение.

— На бумаге, друг Яков Александрович. Забыл, как начинали? С несколькими казаками вошли в Бекешевскую, и пулемет у нас был деревянный, а ты полками командовал, теми, что сам на бумаге нарисовал. Вот и артиллерия у нас такая.

— Но большевики знают, что у нас есть и чего нет.

— Не будем, Яша, спорить. Пиши ультиматум. Например, вот так: *«Советским властям города Ставрополя! Требую в 24-часовой срок сдать город войскам Кубанской Освободительной армии. В противном случае Ставрополь будет разгромлен тяжелой артиллерией, а захваченных большевиков беспощадно уничтожим. В случае добровольной сдачи обещаю прощение взятым в плен. Ответ жду немедленно. Полковник Шкуро!»* Понял? Теперь так меня надо называть: «Шкуро».

— Андрей Григорьевич, но они же знают...

— Господин полковник. Отставить пререкания! Приказываю срочно напечатать ультиматум. Его бы с матом этот ультиматум, как запорожцы. Да-а... Затем приказываю направить разъезд к железной дороге на станцию, где есть телеграф — наверное, ближе всего Пелагиада, — чтоб передали ультиматум телеграфом, получили ответ и в три креста доставили нам.

Часа через полтора Шкуро с надменно-хитрой улыбкой показывал Слащову телеграфную ленту с ответом: *«Ультиматум принят. Советские войска оставляют город. Власть передана городскому самоуправлению.*

Просим вас ввести Освободительную армию в город. Председатель комитета самоуправления Яковлев».

— Вот так мы берем города, Яша! Теперь я еду к Деникину, а вы, господин полковник, принимайте коман-

дование и ведите казаков в Ставрополь. Установите там порядок и через несколько дней приготовьте мне торжественную встречу. Знаете, как римляне встречали полководцев? Вот и полковника Шкуро так должны встречать.

— Может быть, уже генерала, Андрей Григорьевич?

— Все может стать в этой, мать ее, революционной гражданской войне.

Палихин ворвался, когда на столе шумел самовар, сияли разноцветные закуски, солнечные зайчики металась в большой бутылке, величественный пирог источал теплый обворожительный аромат, а Лена и Маргарита успокаивали плачущую, как водится, хозяйку, выдающую замуж единственную дочь.

— Мы останемся с вами, мама, — говорила Лена. — Всегда будем жить вместе, как сейчас. Ведь так, Миша?

Сосредоточенно взволнованный Палихин возник в распахнутой двери.

— Не будете вы здесь жить, — сказал он. — Мы оставляем город. С часу на час сюда войдет Шкуро со своей бандой! Власть уже передана какой-то городской управе. Может, и они начали чистить. Собирайтесь, Михаил Петрович. Быстро, как по боевому сигналу.

— Как же так? — испуганно и недоуменно переспрашивал Стахеев. — Боя же не было. Что случилось на фронте?

— Темное дело, Петрович, — со злостью отвечал Палихин. — Шкуро прислал ультиматум; если не сдадите Ставрополь, разгромяю город тяжелой артиллерией. А у него, как нам было известно, даже одной легкой пушчонки нет. Я сунулся в Исполком, а там на меня один зверем посмотрел, другой сказал, чтобы я смылся, пока шкурята к стенке не поставили. Темное дело. Видать, предательство.

— Но мне должны же сообщить, вызвать, вывезти. Я же командирован из Москвы. Они же...

— Они все драпают, кто как может. Поедете с нашим отрядом. У нас — грузовики, и легковые есть. Место будет. На Святой Крест, а там поглядим.

Женщины всполошились. Теперь всех надо было успокаивать. Потрясенный Стахеев метался по комнате, что-то ища, пытался бессвязно объяснить какой-то сложный план, позволяющий ему остаться с молодой женой. Даже вспоминал о знакомстве со Шкуро.

— Тут уж думайте сами, — неодобрительно сказал Палихин. — Может, вас они и не тронут, но когда мы вернемся, знаете...

— Знаю! Все знаю! — чуть ли не в истерике бормотал Михаил. — Но что же делать? венчаться хотели завтра...

— Это, Михаил Петрович, уже такое, что я и приличного слова не найду, — возмутился Палихин.

Все решили мудрые женщины. Лена остается с матерью, Маргарита будет рядом. Может, все обойдется и удастся уехать к своему генералу в Пятигорск, — там спокойнее. Михаил же должен немедленно уезжать с красными.

Стахеев поник, ссутулился, даже как-то постарел.

— Конечно, еду, — сказал он тоскливо. — Но верю, что это ненадолго, Леночка. Скоро мы вновь будем вместе. Шкуринская авантюра провалится.

— Собирайтесь, — торопил Палихин. — У нас минуты.

— Да, да. Сейчас. Возьму свои бумаги, кое-что из одежды...

VII

Толпы стояли вдоль улиц, ожидая входа в Ставрополь казачьей армии. Самое жаркое время дня, и Лена с Маргаритой, охваченные всеобщей суматохой, с трудом протиснулись сквозь плотную людскую массу, скопившуюся на теневой стороне. Интеллигентный старичок в пенсне, похожий на Чехова, посторонился, но не преминул потрогать Лену в разных местах. «Слышите? — говорил он, как бы невзначай поглаживая цепкими пальцами бедра женщины. — Это трубы. Идут наши герои».

Пробежали мальчишки, что-то крича, из-за поворота показалось нечто колышущееся, улица наполнилась

произительно радостными звуками военного марша. Впереди на гнедых лошадях следовал небольшой, но лихой оркестр, за ним — представительный казак в черкеске с крестами на груди, с волчьим знаменем, по сторонам и чуть сзади — два ассистента. Только теперь увидела Лена блеск полковничьих погон, папаху, надвинутую на глаза, но... это был не он.

— А кто впереди? — спросила она проворного старика. — Где же Шкура?

— Соскучилась новобрачная? — съязвила Маргарита.

— Уж и спросить нельзя? — обиделась Лена. — Мне же просто интересно.

— Конечно, интересно, — поддержал ее старичок. — Впереди начальник штаба, полковник Слащов, а сам атаман поехал к Деникину.

— А откуда вы все знаете? — удивилась Маргарита.

— Мы, настоящие русские люди, помогаем казакам, — ответил тот. — И у нас с ними установлена связь.

За Слащовым шла отборная сотня кубанцев — все в черкесках, с погонами, с наградами, усатые, есть и бородачи. Шашки начищены, карабины на луке седла дулом вниз на левое колено.

— Какие молодцы! — восхищался старик. — Разве могут их победить взбунтовавшиеся мужики и инородцы-комиссары? Какая-то рвань решила заставить Россию жить по еврейской науке Карла Маркса. Не бывать этому.

За первыми парадными сотнями пошли рваные рубахи, залатанные черкески, карачаевские войлочные шляпы, изношенная обувь...

— Да-а, — изумленно вздохнула Маргарита и грустно передразнила: — «Не бывать этому».

ЭН

VIII

Полковнику Шкуро хотелось въехать в Ставрополь генералом и, наконец, устроить себе настоящий праздник. Ведь если в жизни нет истинных радостей, то зачем тогда жить? Однако сейчас праздника не получится —

чужих вокруг много. Даже Слащов. Донесут Деникину, а того окружают не казаки, а москаля-кацапы, не понимающие жизненной сласти. С ними от скуки сдохнешь. Ни горилки вволю, ни песни сыграть, ни с девками повеселиться, ни лезгинку сплясать. А если напьются, то или звереют молча, как Слащов, или часами говорят о судьбах России — Учредилка, законный монарх... А он, Шкуро, еще потерпит и к Деникину явится народным героем, вождем восставшей Кубани. Должен ведь дать ему звание генерала за Ставрополь. Вот тогда будет и торжественный въезд в Ставрополь и праздник. Казахий праздник!

На телеграфе в Пелагиаде получили сообщение о том, что деникинцы заняли Кавказскую, а на севере от Тихорецкой — Кущевку, но еще идут тяжелые бои с войсками Сорокина. Штаб Добрармии пока в Тихорецкой. Шкуро решил ехать на грузовике с четырьмя казаками — Кузьменко, Перваковым и двумя пожилыми бородачами — точно по фото в журнале «Нива».

Горячее кубанское солнце било в глаза, подпаленные июлем поля просили защиты от москалей и инородцев большевиков, шофер пугался при появлении на дороге людей или автомобилей. Шкуро возмущался: «Видно, ты не наш, не казак — не знаешь, что четыре настоящих казака с пулеметами большевистский полк разгонят».

Часа в три приехали на станцию Торговую, легко нашли штаб командира Кубанской конной бригады Добрармии полковника Глазенапа²⁴. На площади перед домом с трехцветным флагом пьяные офицеры не в лад орали: «За царя, за Родину, за веру, мы грянем громкое «Ура! Ура! Ура!»»

Глазенап сидел в пустой комнате с открытым окном и дымил папирсой. Гостя приветствовал радушно:

— О-о! Сам знаменитый Шкура! Поздравляю — получил депешу: ваши вошли в Ставрополь.

— Спасибо, полковник, только я не Шкура, а Шкуро.

Полковник почувствовал, как задергался у него правый глаз — память о славных боях на Румынском фронте в 1916 году. Тогда он с отрядом в 600 человек, пешком

громил в горах тылы венгров и баварцев, а при взятии Карлибабы в придачу к огромной добыче к золоту получил контузию.

— Ну, Шкуро. Главное, что ваши войска одержали блестящую победу. По рюмочке за ваш успех. Эй, кто там есть? Федор — поднос на стол.

У Глазенапа было красное воспаленное лицо, бешено сверкающие глаза — глаза Глазенапа. В открытое окно слышалась та же песня: «Скажи же, кудесник, любимец богов...» с политическим припевом — за царя, за родину, за веру. Подальше от штаба — жизнь повольнее.

— Они у вас за царя? — спросил Шкуро командира бригады, когда выпили по рюмке и закусили малосолевыми огурчиками.

— Да. А ваши?

— Мы, казаки, идем под лозунгом Учредительного собрания.

— Что еще за лавочка Учредительное собрание? Мы наведем свои порядки.

— А генерал Деникин?

Глазенап отмахнулся ладошкой пренебрежительно и, наливая по второй, сказал:

— Их там трудно понять. Сложная политика. Продолжим, полковник Шкуро?

— Я больше не буду — к командующему еду.

— Отвезу вас в своем поезде, а вторая рюмка не по меха казаку.

— Да вроде бы так, — согласился Шкуро и, выпив, спросил: — Все же хочется понять, какие настроения у Деникина в штабе.

— Алексеев за царя, Романовский²⁵ молчит, но он, конечно, за республику, а Деникин ни за кого. Знаешь такое слово — непредрежденность? Это он его придумал. А у вас надо порядок наводить. Кто в Ставрополе сейчас командует? Я хочу послать генерала Уварова. Он здесь со мной. Настоящий русский генерал. Пусть будет губернатором.

— На время моего отсутствия я назначил военным губернатором полковника Слащова.

Глаз уже не дергался, и Шкуро смотрел на Глазенапа пристально и не мигая. Тот поерзал на стуле и почесал за ухом, улыбнулся примирительно, согласился с гостем.

— Слэщова знаю — правильный офицер. Но у вас же нет гражданского губернатора. Вот и пошлем туда генерала Уварова. Он к этому готов. Еще махнем по рюмке?

— Нет. Может быть, сразу Деникин примет.

— Сначала идите к Романовскому.

Так, едва ступив на землю, занятую Добровольческой армией, Шкуро оказался в путанице интриг и разногласий. Не понимал, почему ее руководители отказываются от лозунга Учредительного собрания. Это же самое простое и безобидное. И монархисты должны его принять — ведь это собрание можно так учредить, что все за государя императора проголосуют.

В Тихорецкую приехали засветло. Глазенап телеграфировал сюда об их приезде. И на перроне толпились офицеры.

Малиновый закат играл на золотистых погонах, подкрашивал малиновые фуражки, малиново-черные, малиновые с белым околышем. Полковник Шкуро отметил, что встречающие выдержаны, доброжелательны, и нет среди них пьяных горлопанов, как в Торговой у Глазенапа. Пахло довоенным Петербургом, Николаевским училищем, отпусками в город к генералу Скрябину, юнкерскими шалостями... И вдруг: «Слава полковнику Шкуро!.. Слава доблестным кубанским казакам!..»

Подумалось, что вот и признание его заслуг, и в глазах потеплело. Он вышел из вагона вместе с двумя казаками-бородачами, картинными воинами, стоявшими чуть позади по обе стороны от него. Бородачей подобрал под свой рост, и поэтому издали встречающие не могли заметить, что атаман невысок. Шкуро понимал, что для этих русских офицеров, героев-добровольцев он — олицетворение легендарного казачества, поднявшегося на борьбу с ненавистными большевиками. Не напрасно третий месяц, напрягая волю, вел себя как положено народному герою.

Еще в дороге он решил, что первым посетит кубанского атамана — старика Филимонова. Как бы ни относился Деникин к Кубанской Раде, а должен понять и одобрить уважение полковника к своей власти.

Филимонов был величествен и красив — с белой бородой, в черкеске с крестом — такой же журнально-картинный, как бородачи, сопровождавшие полковника. Он их и взял-то для этих визитов.

Филимонов не восторгался успехами отрядов Шкуро. Сказал, конечно, необходимые хорошие слова, но с его лица не исчезала озабоченность.

— Тяжело нам здесь, Андрей Григорьевич, — сказал атаман со стариковским вздохом. — Не признает Деникин нашу власть — Кубанскую Раду. На нашу кубанскую землю вступила Добровольческая армия, а все распоряжения по местным делам идут от них, будто Рады и нет.

Пришлось посочувствовать и, продолжая осторожный разговор, задуматься: к кому же надо идти за генеральским званием. Решил, что все-таки придется начать с атамана. Будто бы уже собравшись уходить, будто нехотя, преодолевая скромность и даже как-то бессвязно сказал:

— Казаки у меня, знаете... Мы с ними вместе делим и последние патроны и последний кусок хлеба... И офицеры казачьи тоже с ними сговорились и пришли ко мне. Я, конечно, возражал, но они требуют. Пускай, говорят, Рада присвоит мне генерала. Мне так, понимаете, не с руки об этом с вами, но...

— Я их понимаю, — милостиво ответил кубанский атаман. — Вы очень много сделали для освобождения Кубани от большевиков. Взятие Ставрополя — блестящая операция. Вы показали себя не только храбрым командиром, но и мудрым военным политиком. Вы достойны звания генерала, и я убедил бы Раду подписать такой указ, но наши отношения с Добровольческой армией не позволяют мне это. Мы сделали генералом Покровского²⁶. Слышали о нем? Дали ему чин генерала, а он был всего лишь капитаном, летчиком. Но тогда мы в Екате-

ринодаре были властью, а добровольцы во главе с Корниловым пытались к нам пробиться. Потом, когда мы соединились и вместе шли к Новочеркасску, мне пришлось выслушать выговор от Антона Ивановича — мол, мы не имели такого права. Только высшая власть уполномочена присваивать высшие военные звания. Кто сейчас высшая власть в России, я не знаю, но Антон Иванович, по-видимому, считает такой властью себя. Однако, Андрей Григорьевич, знайте, что я полностью согласен с вашими казаками — вы заслуживаете чин генерала. Я буду ходатайствовать перед Деникиным за вас. Вечером собираются члены Рады. Приглашаю вас на это заседание. Мы назначили на десять. На этом заседании я выскажу свое положительное мнение о присвоении вам генеральского чина.

— Я должен посетить Романовского и доложить Деникину о действиях моего отряда.

— После командующего — на Раду. У его дома вас встретят мои люди. И Романовский, и Деникин разместились в домиках у станции. Офицеры вам покажут. На завтра приглашаю вас отобедать у меня. Будут все наши — кубанцы. У Романовского держитесь посвободнее — он человек весьма культурный, воспитанный, понимающий. С ним можно и поспорить. А с Антоном Ивановичем надо как со своим начальником.

— Деникин меня долго не задержит — я ему доложу по всей форме и никаких вопросов подымать не стану. И еще хочу я вас попросить о личном, — подходя к этой теме, Шкуро все еще смущался и правый глаз снова стал подергиваться. — Еще в прошлом году осенью отец в Екатеринодаре подал прошение в Раду о перемене фамилии: изменить Шкура, на Шкуранский. Идет это дело?

— Прости, Андрей Григорьевич, но наша канцелярия только и знает, убежать от большевиков и догонять добровольцев. Наверное, потеряли все бумаги. До меня ничего не дошло.

— Тогда объявите меня на Раде... Шкуро. Или Шкуранский. А то бумаги найдутся...

— Объявлю, Андрей Григорьевич.

Начальник штаба Добрармии сидел не над картами, а над газетами — ростовскими, ставропольскими, новочеркасскими, екатеринодарскими и даже московской «Правдой». Усадил за столик и гостя, угощал чаем и папиросами, озабоченно говорил об усилении большевистской Красной Армии:

— Троцкий у них стал чем-то вроде высшей военной власти и вводит жесткую, скорее даже жестокую дисциплину. Вплоть до расстрелов. Вновь создают систему, которую разрушали, против которой боролись. Все их жезунги о правах солдата, о выборности командиров оказались хитрой ложью, чтобы привлечь на свою сторону невежественный народ. Все революции строятся на этом. Сначала вожди лгут, чтобы захватить власть, силой заставляют народ подчиняться. Когда до нас дошли первые сведения о вашем отряде, некоторые офицеры выражали опасения, что возникло стихийное движение, далекое от политических целей Добровольческой армии, мы совсем не знаем, каковы ваши реальные силы. Ведь Ставрополь был взят, благодаря трусости большевистских властей. Так ведь?

— Я все равно взял бы город.

— А зачем? — спросил Романовский с улыбкой знающего ответ на загадку и сочувствующего неугадавшему.

Шкуро опешил и обиделся: вместо поздравлений и наград, какие-то обидные вопросы. Спросил бы начальник штаба казаков, зачем они сражаются — ему бы крепко ответили. А то бы и зарубили.

— Ну, как это зачем? Комиссаров надо бить, отнимать у них нашу землю, Россию.

— Ставропольщина же не входит в область Кубанского казачества.

— Кубанские казаки — граждане России.

— Вот это вы сказали хорошо, правильно, — и Романовский отложил газету движением решившего одну задачу и приступающего ко второй. Он вдруг поднял на Шкуро умный доброжелательный взгляд — даже показало, что слегка подмигнул: — Отбили у большевиков город — и слава богу. Так и всю Россию от них освободи-

дим. Расскажите-ка о боевых действиях вашего отряда, о ваших силах, о вооружении.

К этому полковник был готов — давно сочинил историю о стихийном восстании казачества против большевиков, о призвании казаками для руководства движением, о быстром росте отряда, о победах над красными, о поддержке восставших казаков населением, о гуманности, проявляемой к пленным, о казни комиссара Петрова, происшедшей против его воли, по приговору офицерского суда, утвержденному казаками отряда...

— Но все станицы и города, которые вы захватываете, после вашего ухода немедленно вновь занимаются красными войсками. Почему это происходит?

— Я не могу организовывать настоящую оборону — у меня нет артиллерии, очень мало пулеметов и винтовок, не хватает патронов. Половина отряда вооружена пашками, а то и просто дубинами. Наши казаки надеются на помощь Добровольческой армии.

— Но вы же предлагаете включить свой отряд в состав нашей армии.

— Конечно, Иван Павлович. Я для того и поехал к вам и к командующему.

— И ваша дивизия, или бригада, мы это обсудим, будет выполнять боевые задачи, стоящие перед Добровольческой армией. Наша главная задача — Екатеринодар. Возникли неожиданные затруднения. Начало нашего наступления было назначено на пятнадцатое, а накануне, пятнадцатого, наш авангард был атакован крупными силами Сорокина. Мы понесли под Кореновской огромные потери и даже места отступили. Как будто Сорокина кто-то предупредил. Я особенно не удивляюсь — у красных разведка налажена хорошо. Это мы не можем заслать офицера к ним в тыл — быстро разоблачают и расстреливают. Сюда наступают части красной Таманской армии. Ими командует Ковтюх²⁷. Сорокин за успешные бои назначен большевистскими властями главнокомандующим вместо Калнина. Бои у Кореновской идут уже неделю. Конечно, мы разгромим красных и не сегодня-завтра пойдем на Екатеринодар, но потери офи-

церов-добровольцев, прославившихся в «Ледяном» походе, невозможны. Хороший у вас отряд, Андрей Григорьевич, и вы умелый боевой командир, но в этой обстановке взятие Ставрополя было ненужной операцией, не помогающей армии, а осложняющей наше положение. Вот смотрите...

Романовский аккуратно отложил газеты, и на столе под ними оказалась штабная карта с аккуратными значками, нанесенными синими и красными карандашами. Начальник штаба объяснил казачьему полковнику, что задача Добрармии — взятие Екатеринодара, который должен стать временным центром освобожденной России. В добавление к уже сказанному Романовский сообщил о кавалерийской дивизии генерала Эрдели, отступившей от станции Станичной, о дивизии генерала Боровского²⁸, завязшей у станции Кавказской.

— Вы же сами видите, — говорил Романовский, — что надо собрать силы в кулак и нанести решающий удар в направлении Екатеринодара, а из-за вашей операции нам теперь придется выделять войска и технику на защиту Ставрополя. Боюсь, что Антон Иванович на это не пойдет.

У Шкуро даже голос дрогнул:

— Но, Иван Павлович, ведь в городе наши русские люди. Они верят в нас. Мы спасли их от большевиков, и если мы сейчас оставим город, они это не поймут. Они будут горько разочарованы в нас, защищающих их от большевистского произвола. Вернувшись в город, большевики начнут страшный террор. Люди разочаруются и в силе Добровольческой армии, если вы позволите красным взять город. Ведь Кавказская рядом, и генерал Боровский может выделить мне и людей и оружие. Если вы поговорите с ним, он, конечно, поможет моему отряду защищать город.

Романовский планшет с картой отодвинул — все внимание атаману, и на лице — явное сочувствие.

— Видит Бог, Андрей Григорьевич, я от всей души хочу помочь вам, — сказал он, как говорят самым близким друзьям, попавшим в беду. — Я восхищаюсь вами,

как руководителем восставших кубанских казаков. Мы с вами братья по оружию — я, как и вы, за единую Россию. Я знал, что истинный вождь кубанского казачества никогда не позволит кому-то оторвать Кубань от Русского государства, как мечтают некоторые члены вашей так называемой Рады. Вы, наверное, их знаете.

— Я был только у Филимонова, и он со мной об этом не говорил. Здесь главный смутьян не Филимонов.

— Меня приглашают вечером на заседание Рады.

— Вот и разберитесь, Андрей Григорьевич. А что касается помощи вашему отряду... Что же сделаешь? С кровью оторву, но прикажу Боровскому направить вам хороший батальон и несколько орудий. Другой бы меня не уговорил. Не отдадим Ставрополь красным.

На сегодня это было главное для Шкуро? Добровольческая армия его признала и окажет военную помощь.

Когда полковник вышел, Романовский немедленно крутанул ручку полевого телефона и попросил командующего. Сказал Деникину:

— Антон Иванович, Шкура идет от меня к вам. Кстати, он представляется не как Шкура, а как Шкуро. Главное, по-моему, то, что он не самостийник. Он за единую Россию. Таким образом, еще один Краснов нам не грозит, и сепаратисты в Кубанской Раде не найдут в нем союзника.

— Мы должны поддерживать офицеров, готовых сражаться за единую Россию, — после некоторой паузы многозначительно сказал Деникин — став командующим, он старался говорить немного, медленно и обдуманно. — Я считаю возможным включить его отряд в нашу армию. Он готов к этому?

— Конечно, он партизан-атаман и за ним нужен глаз, но в его интересах быть дисциплинированным офицером, сражающимся под вашим командованием. У меня имеются сведения, что этот Шкура-Шкуро мечтает о генеральских погонах.

— У нас впереди много тяжелых боев, где можно заслужить награду, какая это будет награда, будем решать в соответствующее время.

— Абсолютно с вами согласен, Антон Иванович, и поэтому прошу вас предупредить Филимонова, чтобы он уклонился от выполнения просьбы Шкуро и не выступал со своим представлением по этому вопросу. А некоторую помощь оружием и даже войсками надо оказать — ему же защищать Ставрополь.

— Который нам не нужен. За этот Ставрополь его надо бы наказать.

— Я уже сделал ему небольшой выговор, и мне кажется, что вы теперь могли бы его немного обласкать.

— Пожалуй.

— И еще, Антон Иванович, для установления духа боевого соперничества в отряде Шкуро было бы целесообразно сейчас же присвоить звание войскового старшины Солоцкому. Я говорил вам о нем. Он казак, но интеллигентный. Настоящий русский офицер. Конечно, действовать через Филимонова.

— Я ему скажу.

Закончив разговор, генерал-майор некоторое время рассматривал себя в зеркало, являвшееся обязательным предметом походного багажа. Ивану Павловичу нравилась его артистическая способность управлять своим выражением лица. Оставаясь в сущности равнодушным, он предстал перед собеседниками взволнованным, сочувствующим, сердитым, хитрым, наивным — таким, каким требует момент.

Шкуро подходил к дому Деникина, когда в окнах играли последние кроваво-малиновые отблески солнца. Адьютанты и ординарцы высыпали на крыльцо посмотреть на атамана, ставшего легендой. Попросил дежурного офицера доложить его превосходительству — прибыл полковник Шкуро!

Деникин по вечерам занимался сложной умственной работой: обдумывал проблемы отношений с донским самостийником Красновым, с говорунами из Кубанской Рады, врагами единой России, пытался что-то придумать для объединения бойцов армии с требующими установления республики, с либералами, эсерами, монархистами, черносотенцами и прочими, прилепившимися

к тылам его армии. Делал памятные записи для себя и будущих историков, составлял тексты писем и выступлений на различных совещаниях. Теперь, когда в прошлом месяце погиб генерал Марков, ставший легендой для офицеров-добровольцев, когда генерал Алексеев из-за стариковских болезней уже не в состоянии влиять на дела, решения его, командующего Добровольческой армией, не встречали сопротивления или дискуссий. Лишь Романовский имел право что-нибудь посоветовать. И то Шкурой, или пусть Шкуро, он решит сам. Если этот хитрый лихой атаман за единую Россию, его можно использовать для укрепления армии, а что касается Ставрополя, то раз Иван Павлович ему кое-что объяснил, то теперь следует лишь приласкать новоиспеченного кубанского героя, а далее жизнь и война покажут.

Войдя к генералу, Шкуро, с детства привыкший к строю, лихо стукнул каблуками, прозвенел шпорами и молодцевато доложил:

— Ваше высокопревосходительство, полковник Шкуро со своим отрядом прибыл в ваше распоряжение. Мы, восставшие казаки, полностью признаем власть Добровольческой армии и готовы сражаться в ее составе за возрождение Великой России!

Деникин поднялся из-за стола, выслушивая доклад, затем пожал руку своему новому подчиненному, предложил сесть и попросил доложить о состоянии отряда. Шкуро кратко, по-военному, охарактеризовал боевые достоинства своего десяти тысячного войска и честно доложил об отсутствии артиллерии, о том, что более половины казаков сражаются шашками, а то и дубинами.

— Тем более чести вашим казакам, что одержали ряд побед над красными и освободили от них Ставрополь, — Деникин говорил так, словно повторял заученное, — Родина вас не забудет.

— Мои казаки становятся бойцами Добровольческой армии, — осторожно начал Шкуро щекотливый вопрос. — Многие из них не совсем понимают, за что сражается армия. Все они, конечно, ненавидят большевиков, комиссаров, но хотят знать, какие порядки будут

установлены в России после победы над красными. Я им должен объяснить это.

— Победу над красными мы одержим, если останемся верными заветам генерала Корнилова и сохраним воинский порядок и дисциплину в нашей армии. Вам надо сосредоточиться на этой работе. У нас уже есть казачьи части. У генерала Покровского... Да. Нам пришлось с ними долго заниматься, пока они стали настоящими полками Добровольческой армии. Желаю вам успеха, полковник Шкуро.

На этом аудиенция закончилась. Командующий не мог продолжать разговор, потому что приближался счастливейший час: небольшой ужин с хорошим вином, перечитывание писем Ксюши, мечты о ней, готовящейся стать матерью Ваньки. Взятие Екатеринодара — это еще и радость совместной жизни с молодой женой.

Шкуро понял, что Деникин уклоняется от раскрытия своих политических взглядов. Пусть. Главное, что Родина не забудет полковника Шкуро. Значит, быть ему генералом.

У выхода из дома командующего его ждали свои казаки и посыльные от Филимонова. Доложили: в местной школе собралась Кубанская Рада и там ждут полковника Шкуранского. Эта фамилия уже раздражала, но он промолчал. С собой взял только Кузьменко.

Множество керосиновых ламп коптили на окнах и на большом столе, где сидели главные кубанские руководители: седобородый Филимонов, напряженно задумывающийся о самостийной Кубани, Быч, темноволосый черный рыцарь Калабухов²⁹... На стульях и скамьях рядовые члены Рады. Все оглянулись на входящего, многие встали. Закричали: «Слава атаману Шкуранскому!» Напугал Филимонов. Или нарочно? Усталый и раздраженный стоял полковник в дверях. Его пронзали взглядами первые люди кубанского казачества. Спокойно уверенные светлые глаза, прожигающие черные, хитрые карие... Земляки, такие же, как он, офицеры Великой войны. Все понимают, завидуют его успеху — сами так могли бы. Стоял он перед ними, как под огнем в бою,

чувствовал, как дергается больной глаз, и видел себя маленьким, с некрасивой путаной фамилией. Наверное, и Рада видела его таким.

Пригласили за стол. Филимонов усадил рядом, поднялся и говорил хорошие слова об атамане Шкуранском, взявшим Ставрополь. Высказал пожелание о присвоении атаману звания генерала, но тут же оговорился, напомнив, что это право принадлежит высшей Российской власти, коей теперь является командующий Добровольческой армией. Рада слушала и соглашалась. Никакого указа не приняли. Выступавшие члены Рады в основном говорили об ущемлении своих прав, о том, что надо устанавливать власть Рады, что Добровольческая армия должна признать их права...

Филимонов прервал эти опасные выступления и вернулся к деятельности отряда Шкуро:

— Это ж наши казаки взяли Ставрополь, — сказал атаман. — С ними нам надо бы связаться, поговорить. Давайте пошлем в отряд своих представителей. Поговорят с казаками, что-нибудь подскажут, узнают, что им надо...

— Александр Петрович дело предлагает, — поддержал активный Быч. — Но надо все точно расписать, что мы этим людям поручим.

Расписали:

1. Ознакомиться на месте с состоянием отряда и его настроением.

2. Со своей стороны, ознакомить его с взглядами правительства и Рады на сущность противобольшевистской борьбы, на организацию и состояние противобольшевистских сил.

3. Поддержать и всячески поощрять противобольшевистские настроения отряда.

Представителями выбрали баталпашинского казака Усачева и подбесаула Елисеева из станицы Кавказской. Это о Елисееве рассказывал Стахеев, как о зачинщике казачьего восстания.

Когда заседание окончилось, Филимонов сказал, что для Шкуро и его казаков приготовлена квартира, где их

накормят ужином. Они уже отправились туда с провожатым, когда на улице Шкуро перехватил Быч и попросил зайти к нему для разговора с глазу на глаз. Обещал и накормить и напоить. От угощения полковник отказался, но на разговор пришлось согласиться. Сидели в комнатухе с тусклой керосиновой лампой. Быч взволнованно и долго говорил о высокомерном отношении Деникина к Раде, о слабохарактерности Филимонова, который не может отстоять интересы казачества и достоинство Рады, о том, что когда возьмут Екатеринодар, станет еще хуже, а об их политике и говорить нечего — Учредительное собрание им уже, мол, не нужно — только царь-батюшка... Приходилось осторожно и дипломатично отвечать на все это, не имеющее серьезного значения для вождя казачества полковника Шкуро. Он знал, что ему надо делать в этой войне.

И, наконец, пришло время отдыха. Ужинал Шкуро на квартире со своими казаками. Предупредил: «Только по одной. И с утра никакого похмеля. Не дома». Рассказал об успешных встречах с Деникиным и Романовским:

— Родина гордится нами. Так сказал сам командующий Добровольческой армии. Ставрополь — это наша заслуга. В армии наш отряд станет отдельной дивизией. Оружия у них полно — каждый получит винтовку. И пулеметы у нас будут. А дальнейшие планы — пока будем Ставрополь защищать. Обещали помощь. Завтра мы едем туда. Слацову я отправил депешу, чтобы встречу приготовил нам по всем правилам. После встречи — праздник. Выпьем, песни попоем, погуляем, а то все походы и походы. А, Литвинник? Помнишь, как в лесу меня встретил и не знал, кто я такой?

— Знать-то не знал, но то, что вы за народ — знал, — уважительно ответил картинный бородач Литвинник.

Всех обласкал словами добродушный Шкуро — дела хорошо складывались. Адьютантов похвалил:

— Ты, Перваков, так и будешь первым адъютантом, а ты Кузьменко — адъютантом по особенным делам, где твоя хитрость нужна.

— Да какая у меня хитрость, Андрей Григорьевич? Я и слова-то сказать толком не умею.

— Умеешь, когда надо. Поговорим еще сегодня с тобой. Сказку мне на ночь расскажешь, — вылезая из-за стола, усмехнулся Шкуро и приказал постелить в задней комнате две кровати рядом — себе и Кузьменко.

Когда Шкуро проверил дверь и улегся, началась и «сказка»:

— Ну, Николай Степанович, рассказывай о Сорокине, а то и времени у меня не было узнать все дела.

— Так я уж не знаю, Андрей Григорьевич, что и рассказывать-то. Про ультиматум говорили...

— Тихо. Только шепотом. Говори все, как было. К самому пустили без волынки? Обыскивали?

— Они там, Андрей Григорьевич, так боятся Сорокина, что одно слово «к Ивану Лукичу с секретными делами» — и полный порядок. Только наган отняли.

Они закурили французские папиросы — раздобыли в штабе, и в свете спички Шкуро увидел спокойное, открытое лицо верного адъютанта.

С молодости его знает. Сам из Ейской станицы, но часто в Екатеринодаре бывал. На гуляньях вместе веселились, другой раз и дрались с городскими. И на войне с Румынского фронта был тот под его командой.

— И морду тебе не почистили?

— Что вы, Андрей Григорьевич? У Сорокина штабист — бывший полковник. Сам ввел меня в комнату Сорокина. А там еще на подхвате какой-то ординарец Мишка и девица с гитарой. Сорокин только пальцем повел и все прочь из комнаты.

— А штабист?

— Тот остался: Сорокин сказал, что он знает все и все знать должен. И плеткой по столу. Ну я ему из тайного места браслетик от полковника Шкуро. Иван Лукич было опять за плетку, но я ему: «Приказано вас предупредить, что шестнадцатого Деникин начинает наступление на Куцевку, Екатеринодар и Армавир. Чтобы вы, значит, приготовились». Он было кричать: «Врешь!» Но начальник штаба Беляков или Белов — не

помню — тот его успокоил. Сказал, что это типичный деникинский план: наступление по расходящимся направлениям. Самое плохое, что можно использовать в наступлении. Сказал, что, значит, центр у него ослаблен и надо завтра же, пятнадцатого, предупредить его удар и атаковать Кореновскую. Иван Лукич аж вскочил. Он такой гарный, черноволосый, черноглазый. Закричал: «Мишка! Чтоб к рассвету моя красная рубашка была выстирана и поглажена. И на конюшню лошадей готовить!» Тут я про Ставрополь вставил словечко. Они со штабистом судили, рядили, вспоминали своих в Ставрополе, какого-то Яковлева, еще кого-то, ну и надумали вот ультиматум... А самое, самое я вам теперь скажу — вот уж удивитесь-то! Пробираюсь я из сорокинского вагона по путям, ищу какой-нибудь товарняк, иду, значит, на самый последний путь, а там дальше поле и строится конный полк. Командир в папахе, в черкеске, на хорошем коне объезжает строй и орет, как положено, по-всякому...

— Ну и что? — удивился полковник.

— А то, Андрей Григорьевич, что командир полка этот...

— Ну?

— Наш Ваня Кочубей. Урядником был на Румынском фронте. Помните?

— Помню. Как же — добрый был казак. А теперь, значит, за большевичков. Тогда он все больше молчал. Задумывался, значит. Что ж. Даст встретимся. Эх, Ваня, Ваня, теми ли полками мы с тобой командуем?..

Потом еще закурили, и адъютант осмелился спросить полковника о его встречах с начальством. Шкуро рассказал и о Романовском, и о Деникине, и о Филимонове. О Романовском отозвался как о самом умном и принимающем кубанские дела:

— Сидел бы в штабе другой — никакой помощи нам бы не дали. Деникин только и думает, что об единой России — ему не до наших мелких дел. Филимонов... А что у него есть кроме названия — Кубанский атаман? Ни войска, ни денег.

— Да и у нас с деньгами слабо, Андрей Григорьевич.

— Все у нас есть, Коля. И денег хватит. Но об этом знают только те, кому надо знать. С тобой — пять человек. Другие знать не должны. Хорошо понял?

— Понял, Андрей Григорьевич. А что с Бычом? Чего он к вам привязался с разговором?

— Лука Лаврентьич — председатель кубанского краевого правительства, а его никто не признает. Деникин, наверное, и не знает, что он такой большой начальник. Деникин вообще никого их не признает — считает себя главной властью. Вот Быч и дергается. Он же образованный. Юрист. Был когда-то городским головой в Баку, а при Керенском — помощником главноуполномоченного по снабжению Кавказской армии. И вдруг — никто не признает. Уговаривал меня поддержать его против Деникина, против Филимонова, который сдался добровольцам. Хорошо агитировал за вольную Кубань.

— А вы что?

— Я же знаю, — у него за душой ничего нет, а у Деникина — армия, оружие, артиллерия. Может, и вся Россия будет под ним. Вот и я за единую Россию. Быч думает, что если я казак Екатеринодарского отдела, значит, обязательно хохол и самостийник. Плохо думает. И ты ведь Коля из наших. Ейский отдел — тоже хохлы. Но про хохлов как говорят: «Не той казак, що поборов, а той, що выпутывся». Вот и мы так. У Деникина власть и сила, потому и мы за единую Россию.

На войне от войны не отвяжешься, но чуть забьлась — сразу о женщинах?

— Бывла у меня в Кисловодске девочка, — вспоминал Шкуро. — Ты, Коля, не поверишь — совсем еще нецелованная, и сама пришла. Воспитанная, культурная. Сказала: «Бери меня. Хочу быть твоей...»

— Бывает такое. У меня тоже, знаете...

IX

Наконец, в завоеванный Ставрополь! К триумфу! Ра-
но утром, перед отъездом из Тихорецкой пришлось зай-

ти к генералу Алексею, когда-то возглавлявшему все белое движение, а теперь превратившегося в тощего старичка. Генерал расспрашивал о настроениях крестьян и радовался, узнавая, что мужики против большевиков. Шкуро обещал даже поднять крестьянское восстание в ближних районах, если Добармия выдвинет демократические лозунги: земля крестьянам, Учредительное собрание, отмена бессудных расстрелов и безвозмездных реквизиций... Однако старичок лишь невнятно бормотал о происках Кубанской Рады, а о лозунгах молчал так же, как и Деникин. Во имя чего же они хотят заставить людей сражаться? Убрать бы все это генштабовское старье и поставить во главе армии молодых офицеров, знающих, что надо делать. Таких, как он, полковник Шкуро. Пока полковник.

На станции утром встретился с посланцами Рады. Усачев — обыкновенный казак, а от Елисеева сразу не отвернешься. Обычно Шкуро со своим малым ростом и нервическим подергиванием глаза избегал близкого общения с такими высокими, большеглазыми, самоуверенными, с широкими губами, готовыми к улыбке всепонимающей и очаровывающей. Рядом с ними полковник терялся, но к Елисееву потянуло.

В комфортабельном купе Елисеев, заняв место напротив Шкуро, искренне открылся ему светлым широким лицом.

— Вы, господин полковник, прекрасно вчера выступили на Раде. Молодые офицеры, все хотели, чтобы вы стали генералом. Ведь вы провели столько блестящих операций и, наконец, взяли Ставрополь. Но с этими старичками трудно поладить. Им давай самостийность и министерские портфели.

О таких говорят: обаятельный. И поэтическое в нем есть — декламировал, глядя в окно:

Казак на юг свой держит путь...
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе...

— Я слышал о вас, Федор Иванович, — сказал Шкуро, — о вашем участии в восстании в Кавказской.

— Неудача. Тяжелая неудача. Я потерял отца.

— Казаки не подвели?

— Сражались честно, но сил не хватило.

Шкуро знал себя, знал своих казаков и не верил, что где-то есть другие, необычные, похожие на тех, о которых пишут в газетах и в журнале «Нива». Потому и спросил:

— А правда, что не сами казаки восстали, а по приказу офицеров? У нас так говорили.

— Ну, не по приказу, конечно, а разъяснять приходилось некоторым. Это и у вас ведь так?

Он улыбнулся ободряюще, дружески, и возникла у полковника уверенность в будущих победах.

Шкуро со своими сопровождавшими вышел из поезда в Кавказской, посланцы Рады поехали дальше, до Песчано-Окопской, где стояли основные силы отряда Шкуро. Полковник и подьесаул расставались друзьями — ничего особенного вроде и не произошло, но возникла меж ними взаимная симпатия.

Многих людей знал Шкуро. Много знал о них и плохого и хорошего. Плохого больше. О Елисееве так ничего никогда плохого и не узнал. Тогда, в 1918-м он был подьесаулом. Высокий в меру, в плечах — что надо, на белом, не держащим загара лице всегда приготовлена добрая всепрощающая улыбка.

Оказался однокашником Саши Мельникова. Встретились втроем в Ставропольском штабе, разговорились, как старые друзья. «Только к нам», — сказал Шкуро. «Командиром сотни», — сказал Мельников. «И чтоб тебя, Сапа, держал, — добавил полковник, — а то ты размахался: то рубишь, то вешаешь...» Однако вскоре пришлось расстаться.

В Кавказской полковника встретил генерал Боровский. От него приятно пахло только что выпитым спиртом. Генерал сказал, что бьет Таманскую армию Ковтюха, но этот негодяй собрал чуть не сто тысяч мужиков и баб. Придется повозиться, пока Ковтюх не окажется

на виселице. Такое настроение у мужиков. По словам Боровского, никакой помощи он не может оказать.

— Но Иван Павлович обещал, — настаивал Шкуро. — Мне совершенно нечем защищать Ставрополь. Половина людей без винтовок.

— Романовский мне звонил, и я не отказываюсь. Но не сейчас. Будем держать связь, и как только появится возможность, я выделю батальон. А сейчас даю вам бронепоезд. Он, правда, самодельный, но уже испытан в боях. На нем и поезжайте в Ставрополь.

Кроме пушек и брони в отданном Шкуро бронепоезде имелся и салон для командира. Полковник пригласил Кузьменко, приказал подать виноградное вино, сам налил по стакану, предложил выпить за успешное окончание поездки.

— Пока этим разговеемся, — сказал он, — а в Ставрополе вечером дадим жару.

Выпили, закурили. Шкуро все с большей симпатией вглядывался в открытое лицо адъютанта, напоминающее лицо гимназиста, доверчиво слушающего учителя и старающегося запомнить урок.

— Ты, Николай Степанович, будешь у меня адъютантом по секретным делам. О Сорокине только мы двое знаем. И еще будут дела. Вчера ты мне не рассказал, как он насчет Автономова.

— А я, Андрей Григорьевич, остороженько. Напомнил, что вы собирались вместе с Автономовым и с ним самим, Сорокиным, стать властью в этой ихней Кубано-Черноморской республике. Он сказал, что надо прогнать жидов и латышей и самим здесь руководить, но Москва докопалась. Сказал, что у них с Автономовым и в Москве свои люди есть, и будто сейчас Автономова назначают инспектором над частями Красной Армии.

— Правильные казаки не пропадают, — удовлетворенно отметил Шкуро. — Мне и здесь в деникинском штабе шепнули, что сам Деникин хочет Сорокина в свою армию взять. Только вряд ли теперь получится. Подъезжаем, Коля. Давай полный парад — черкеску, шашку. Встречать будут, как римских триумфаторов.

На перроне ставропольского вокзала выстроился почетный караул из казаков в новых черкесках с золотыми погонами, на головах — волчьи папахи. Слепили трубы духового оркестра. Слэцов в мундире с орденами командовал церемонией. Полковник со своей неудачной фамилией и малым ростом давно понял, что надо уметь пройти важной походкой, сохранять нужное выражение лица и говорить правильные слова. Вот и теперь, идя вдоль строя караула, сказал: «С такими молодцами-казаками до Москвы дойдем». Вышли со Слэцовым и адъютантами в привокзальный садик, где ожидали лошади.

— Как здесь управляешь городом, Яков Александрович? — спросил Шкуро Слэцова.

— Недолго управлял: приказом Деникина губернатором назначен генерал Уваров.

Шкуро грубо выругался, оглянулся, потом сказал Слэцову:

— Я в Медведовской с этим Уваровым и разговаривать не стал. Видно, воевать не умеет, на фронте не нужен, так нашли куда его сунуть. Мне назо. Глазенап эту интригу провернул. С первого взгляда я его понял — нерусская душа. Не переживай, Яков Александрович, мы с тобой настоящие бойцы, и в Добрармии будем не последними. А уваровы пускай здесь с кухарками воюют. Ну что? По коням? Конная сотня готова? Мое знамя здесь?

Все было готово. На пылающей под солнцем площади белая толпа: платья, шляпки, светлые мужские костюмы. Офицерские цепи поддерживают порядок — просто народью хода нет.

Выехали. Впереди знаменосец с ассистентами. На древке, на синем шелке трепещется оскаленная белая пасть волка. Шкуро в папахе, черкеске, с пашкой и маузером, чуть сзади — Слэцов, за ним — адъютанты. Толпа взволновалась, по ней словно морские волны пробежали. Раздались крики: «Слава!..»

Лена пришла на площадь с мамой и с Маргаритой, сопровождаемой офицерами, старыми ее знакомыми. Именно просто знакомыми — никаких планов, касаю-

щихся их, у нее не было, она видела в них растерянных молодых людей, все потерявших в революции и бессмысленно гибнущих в гражданской войне. Расстроены нервы, страх смерти и страсть к убийству, водка, кокаин, поиски любви и неудачи у женщин... С ними можно лишь поговорить. Знают они много — учились, читали, воевали... Один из них, Рябов, только сегодня из Тихорецкой, из штаба Деникина. «Я этого Шкуро в Кавказской обогнал», — говорил он. Рябова спрашивали, почему он так спешил, но тот не объяснял. «У меня такое задание, — говорил он, что я и сам не понимаю».

Когда Шкуро ехал по площади, сопровождаемый громогласными приветствиями, Лена вдруг заволновалась, пыталась заставить мать пройти поближе к мостовой, по которой должен проехать герой Ставрополя.

— Ну, куда мы с тобой? Задушат нас, — отбивалась мать.

— Пройдите уж с ней, — вступилась Маргарита. — Нам всем не пробраться. Леночка любит красивых лошадей, красивую форму.

С трудом протолкались и как раз вовремя. Адъютанты Кузьменко и Перваков ехали почти рядом с гнедым конем Шкуро, оттесняя толпу. Отворачиваясь от солнца, полковник глянул налево и увидел Лену. Наверное, лиловое платье привлекло взгляд — в таком она была тогда... На мгновение приостановил лошадь, махнул девушке рукой и улыбнулся. Шепнул Кузьменко: «Вон ту, в лиловом. Сейчас за ней и договорись. Быстро!»

Кузьменко мгновенно по-джигитски спрыгнул на землю, бросил повод Первакову и, врезавшись в толпу, пошел по направлению к светло-лиловому платью. Поняв, что девушка не одна, а с матерью, он остановился почти рядом, решив дожидаться момента, когда можно будет подойти и заговорить. Приказ полковника должен быть выполнен.

Тем временем к группе офицеров, сопровождавших Маргариту, подошел штабс-капитан Гензель.

— Кирилл! — радостно бросился капитан Рябов на-

встречу офицеру в кавалерийской форме. — Сколько лет, сколько зим! Ты что здесь делаешь?

— Командир пластунской роты у полковника Шкуры, или Шкуро, как приказано его теперь называть.

— Вот ты-то, наверное, мне и поможешь. Знакомьтесь, Маргарита Георгиевна, господа офицеры — Кирилл Иваныч Гензель, мой боевой соратник с четырнадцатого года.

Маргарита подала новому знакомому руку в нитяной перчатке. Гензель прикоснулся к руке губами, взглянул на женщину холодно-голубыми глазами и Маргарита почувствовала себя покорной слабой девочкой, которая не в силах решить сорваться с места, чтобы убежать, или с тем же порывом броситься в объятия штабс-капитана.

А тот уже наступал, и она как зачарованная слушала его армейские прямолинейные комплименты:

— Я давно в Ставрополе, но злой рок не позволил мне встретить вас раньше. Столько дней жизни потеряно. Несколько успокаивает лишь то обстоятельство, что мы встретились в этой праздничной обстановке. Вы позволите мне вас сопровождать. Какая программа предполагается?

— Сейчас молебен на площади перед Духовной семинарией, потом гуляние... — ответила она.

— Простите, Маргарита, — перебил ее Рябов, — но мы должны переговорить с Кириллом.

— Я боевой офицер, но у меня нет сил расстаться с вами. Я уделю пять минут этому навязчивому штабисту. Подождите меня там, в сторонке от толпы.

— Кирилл, ты же служишь у Шкуро, — говорил ему Рябов. — Кстати, почему тебя нет в колонне встречавших офицеров?

— Черкеской не обзавелся. И не хочу. Перейду в настоящий полк Добрармии. В Корниловский или Марковский.

— Разговор конфиденциальный, — вполголоса сказал Рябов, оглядываясь. — Меня сейчас загнали в контрразведку, но я взял на себя сбор сведений и анализ, что-

бы подальше от допросов и прочих развлечений. Вот рано утром — срочное задание: узнать все о полковнике Шкуре, или Шкура. Поэтому я здесь. Ты у него служишь. Что-то можешь мне подкинуть?

— Тебе, Василий, опять со мной повезло. Почти так же, как в Карпатах. Я, конечно, сам уже знаю кое-что, но, главное, у меня в роте есть подхорунжий Климов — он из той же станицы, что и Шкуро. Знает о нем, о его семье, о родителях — все. Знает и молчит. Но ты же контрразведка.

— Да. Когда ты сведешь меня с ним?

— Завтра утром.

— Ты что же? Надеешься провести с ней ночь? — осторожно кивнул в сторону Маргариты.

— Господин капитан, прошу запомнить, что штабс-капитан Гензель умеет отличить даму от девки. Ночью я дежурю. Приходи в гимназию, что на Воронцовской. Там стоят пластуны.

— Желаю тебе хорошо провести время.

— Хорошо провести время — это быть с хорошей женщиной. Сейчас на молебен, потом гуляние в саду, потом где-нибудь хороший обед. Я буду хорошо проводить время в городе, в котором меня расстреливали.

Архиерей, дьякон и певчие, вся служба — на широких ступенях Духовной семинарии в голубой тени закатного солнца. Шкуро со свитой стоит в первом ряду, за ними — умолкнувшая, расчувствовавшаяся толпа. Одни вытирают слезы, другие прикрывают глаза от ярких солнечных лучей. Архиерей в ударе — искренне радуется победе православных над нечестивыми. Праздник двойной, ведь Казанская сегодня. Не только всем своим голосом, но и сердцем восклицает архиерей на всю площадь: «Христос воскрес!» «Воистину воскрес!» — отвечает многогласно площадь. И говорит архиерей с чувством, со слезой, если к месту:

— Нечестивые не пребудут пред очами Твоими: Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие. Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается

Господь. Господи! путеводи меня в правде Твоей, ради врагов моих; уровни предо мной путь Твой...

Только что, проходя через буфетную в отведенных ему покоях губернаторского дома, Шкуро выпил два стакана ледяного пива, и теперь растеклось по телу сладкое желание радостей земных — коньяк, Лена в лиловом платье и без платья... А архиерей и о нем вдруг:

— Будь здрав и победоносен истинный воин христов Андрей, и да будет благословение Господне над войском Твоим...

Полковник неожиданно заплакал. Злопыхатели потом говорили, что слезы лились в три ручья.

— Успокойтесь, Андрей Григорьевич, — шепнул сочувственно стоявший рядом Слацов. — Как жаль, что нет с вами Татьяна Сергеевны.

— Да! Бедная Тасенька томится в горах... — проговорил он, всклипнул и вновь заплакал.

— И возрадуются все уповавшие на Тебя, — продолжал архиерей, Шкуро подумал, что это именно о нем — казачьем вожде. — И Ты будешь покровительствовать им; и будут хвалиться Тобою любящие имя Твое...

Кто-то осторожно тронул за плечо. Шкуро оглянулся — Кузьменко молча утвердительно кивнул.

— После молебна ко мне, — шепнул ему полковник.

Доверительно говорил Шкуро со Слацовым в своем новом кабинете, временами поглядывая на часы:

— Яков Александрович, я обещал своим казакам сегодня хороший праздник. Будем гулять до утра. Вся власть в твоих руках. Хоть там и есть Уваров, но я приказом Деникина назначен командиром Второй Кубанской казачьей дивизии, а ты — мой начальник штаба. Кроме нас никакой здесь в городе власти нет. Прошу тебя поработать эту ночь. Те шестнадцать орудий, что мы взяли здесь, надо разбить по батареям, проверить. Пусть подполковник Сейделер этим займется. Он праздники не любит, а артиллерию обожает. В патрули назначь старых казаков, которые порядок знают.

— Где вас искать в случае чего?

— Вот уж не знаю, Яша. Где казаки, там и я. Где шуму больше. Кузьменко появился в кабинете, как только закрылась дверь за Слацовым.

— Садись, рассказывай, секретный адъютант, — нетерпеливо потребовал полковник.

— Она может быть у вас вечером, но до полуночи ее обязательно надо доставить домой. И чтобы никто ее не видел.

— Раздобудь черкеску и папаху ей под рост. Часы будут наши. Скажешь — привел моего секретного агента.

— И сапожки надо ей подобрать. Маленькие... — кивнул Кузьменко и помявшись, продолжил: — Только я об ней узнавал потихоньку у дворников, у разных лоботрясов, что за всеми подглядывают...

— Ну? И что узнал?

— Замуж она выходит за какого-то красного. Нынче венчаться собирались. Узнавал я и о нем...

— Все, Коля. На это я без интереса. Приведи ее пораньше, и чтобы тихо.

Удачно, что Марго вдруг исчезла. Сказали — нарядилась и ушла с каким-то незнакомым офицером. Матери Лена сказала, что пойдет на вечернее гуляние с Анечкой и другими девушками. Мама недовольно вздыхала: «Эта Анечка такая гулена бестолковая. Сама заблудится, и тебя заведет черти куда...» Лена ее расцеловала и успокоила: «Я уже взрослая замужняя женщина». — «То-то что», — непонятно заключила мать. Лена постояла перед зеркалом, решая, хороша ли она в белом платье и в шляпке с широкими полями, и пообещав матери прийти пораньше, вышла на улицу и надвинула шляпку на глаза. Кузьменко ждал ее у церкви, в которой сегодня она должна была венчаться с Михаилом. Теперь ее ожидало другое.

Секретный адъютант нанял комнату в доме неподалеку от губернаторского и приготовил там одежду для Лены. «Сапожки-то не тесны, Елена Аркадьина? А то

помогу». — «Не старайтесь — я сама», — с высокомерной холодностью ответила она. Прятала свое смущение, пытаясь изобразить даму, привыкшую повелевать.

В губернаторский дом неизвестного маленького человека в длинной черкеске Кузьменко прошел через боковой вход. Казак охраны сказал: «Проходи, Коля, мне уже сказано...»

До одиннадцати было почти три часа, и Кузьменко засел в кафе. Хотелось выпить, но после двух стаканов спохватился: секретное задание атамана еще до конца не исполнено.

Пришел к одиннадцати. Вход охранял тот же казак. Закурили.

— Долго Григорьич с агентом занимается, — усмехнулся казак.

— А ты не болтай. На то нам и доверяют, что выполняем и молчим, — грубо ответил Кузьменко: то ли от недопития, то ли еще от чего разбирала его тайная злоба.

— А вы что здесь делаете, вахмистр? — прозвучал металлически холодный голос.

Рядом стоял штабс-капитан Гензель.

— Господин полковник приказал прибыть к нему для секретного дела.

— Извините, господин вахмистр — я по долгу службы. Я назначен дежурным офицером по всему гарнизону. В моем распоряжении взвод пластунов. Мне очень радостно узнать, что в эту праздничную ночь господин полковник продолжает заниматься делами. Слышите, какой праздник?

Как-то сразу, наверно вырвавшись из аллея городского сада, грянула лихая зажигательная:

Как у нашей сотни
Жизнь была веселая!
Чернявая моя,
Чернобровая моя,
Чернобровая, черноглаза,
Раскудрява голова...

Штабс-капитан закурил папиросу и уходит не собиравшись.

— На охране все в порядке? — спросил он дежурного казака.

— Так точно, ваше благородие.

Сверху, с площадки второго этажа, где размещались какой Шкуро, раздался голос ординарца Литвинника:

— Кузьменко! Николай Степаныч, вы здесь?

— Я на месте. Только я не один. Здесь дежурный штабс-капитан Гензель.

Хлопнула дверь. Снова открылась. Шаги. И опять закричал Литвинник:

— Господин полковник приказал дежурному офицеру выйти на улицу, чтобы потише шумели...

А с улицы неслось:

Жизнь была хорошая,
Сотник был удалый...

— Полковник очень правильно заметил, — сказал Гензель с язвительной улыбкой. — Нельзя так шуметь.

Когда наконец дежурный исчез, сверху торопливо спустился низкорослый человек. Папаха на глазах, подбородок уткнул в ворот черкески, платочек то и дело у лица. «Проходите, проходите, господин разведчик», — с шутливой серьезностью проводил таинственную фигуру охранник.

— Идите рядом. Там казаки гуляют, — сказал Лене Кузьменко и осторожно взял ее за плечо. Скорее даже не за плечо, а за рукав черкески. В жизни не приходилось ему водить таких за руку или под руку.

На улице свет фонарей, разгульный гвалт, бутылки... Глотают войны из горлышка горячительную жидкость, передают другому. Кричат: «Где атаман? Гулять выходи, атаман!» Потом нестройно запели:

Вдоль по линии Кавказской
Млад седой орел летал.
Он летает пред войсками —
Войсковой наш атаман!..

Не дав дотянуть песню, снова стали кричать:
— Давай к нам, атаман! Андрей Григорьич!
— А это кто такие пробираются? — зашумели, заметив Кузьменко с таинственным спутником. — Чего к стенке лепишься?

— Я адъютант полковника Шкуро.

— А ну дай-ка нам глянуть, кого ведешь. Лена прижалась к Кузьменко мягким девичьим телом, щекой коснулась лица, шептала: «Не выдавайте меня...»

На месте оказался Гензель со своими пластунами:

— Я дежурный по гарнизону штабс-капитан Гензель. Приказываю дать дорогу адъютанту командира дивизии! На четыре шага! — С десятков бородачей пластун стали стеной. — Подхорунжий Климов, — командовал Гензель, — держать дистанцию четыре шага!

С помощью дежурных патрулей, оставив позади бурный океан разгула, Лена и Кузьменко добрались до тайной квартирки. Девушка бросила черкеску и папаху и села на диванчик, вздохнула сонно.

— Сапожки помогут вам стащить.

— Помогай, — согласилась она равнодушно.

Лена была исполнена окончательной радостью жизни, когда все счастье, что есть на земле, мягко колышется у тебя в груди, а окружающий мир с какими-то людьми, предметами, звуками — пустое темное место. Босиком она подошла к небольшому зеркалу, в котором видно только лицо — сияющее, победоносное, с легкой тенью сладкой усталости.

— Барышня, — приблизился к ней угрюмый казак. — Простите, я...

И неожиданно облапил, поцеловал в губы, в щеку. И отпрянул.

— Ты что? — Лена изумленно хохотнула.

— Простите, я так, по-дружески.

— А ты, оказывается, лизунчик. Но некогда нам лизаться. Матушка меня ждет. Я ж обещала не позже полуночи...

— Идемте барышня, — согласился Кузьменко, опустив глаза. — И меня атаман ждет.

— Новое задание?

— Гулять будем на площади с казаками. Я должен быть рядом.

Вел он ее по темным улицам, проклиная свою незадачливую жизнь — врал атаману, что у него была какая-то гарна дивчина. Ничего хорошего не было. Одни пьяные бабы. А такая, как Лена, разве только во сне приевится.

Вернулся Кузьменко в самое время: Шкуро наконец будто сбросил с себя некие оковы чужих доспехов и стал самим собой — тем, кто с детства был уличным драчуном в училище — самым гулящим юнкером, в армии — бузотером и храбрым партизаном. Только партизаном — чтобы никакого начальства. Шкуро заметил адъютанта, закричал: «Коля! Лезгинку делай! Трубы, барабаны, эти, как их, гитарки черкесские! Давай музыку!..»

Громыхнули барабаны, следом им гулками звуками площадь заполнили отчаянные взвизги кавказских ритмов. И пошел, поплыл, полетел по кругу, только сапоги мелькают. Все тонкие коленца знаменитого танца знал и даже с зажатым в зубах с кинжалом в зубах по кругу. Атаману освободили большую площадку, зрители прихлопывали, кричали: «Асса!»

Кузьменко стоял с музыкантами. Его тронули за плечо. Оглянулся — Гензель.

— Проводили секретного разведчика, вахмистр?

— А чего ж? Как приказано, так и исполнено. У нас такой порядок.

Гензель перешел почти на шепот:

— Это была женщина, вахмистр.

— Не знаю, не мое дело, — ответил с деланным равнодушием Кузьменко.

— Наше дело, вахмистр. Мы теперь в Добровольческой армии. Нами командует не казачий атаман, а генерал Деникин. У него другие порядки, и вам надо привыкать. У Шкуро свои дела, свои женщины, свои песни, а у нас с вами — другие порядки.

— Чего вы, штабс-капитан, ко мне приткнулись? Я служу и выполняю...

— О себе подумайте.

Кузьменко и так чуть не всю ночь о себе думал — о том, что не было у него такой красавицы, как Лена. А Гензель продолжал:

— Завтра утром офицер из деникинского штаба будет спрашивать многих казачьих офицеров о службе, о разных делах. Потом будет принято решение, кому где служить, кому какое звание дать. Часам к десяти. Приходите в гимназию, где стоит первая сотня и пластуны. Это для вас хороший случай. Штаб Добровольческой армии уже работает. Вчера вечером хотели дать генеральское звание полковнику Шкуро, но... кое-что узнали. А Солоцкий стал войсковым старшиной. Я сам читал приказ.

— А полковник знает? — заволновался Кузьменко.

— Нет. Можете сказать ему об этом. Но только об этом — мы же с вами офицеры.

Закончилась лезгинка, Шкуро снял папаху, удовлетворенно утер пот. С разлохматившимися светлыми кудрями он был похож на мальчишку, удостоившегося похвалы взрослых. Его пляской, так же как и его победами, восхищались не только разгулявшиеся казаки, посверкивающие пьяными волчьими глазами, но и местные, ставропольцы, празднующие освобождение от комиссаров. Подоспели к веселью и возвращавшиеся из привокзальных мастерских рабочие, которые ремонтировали вагоны для военного эшелона. В темных замасленных одеждах, с чемоданчиками, работяги уже от кого-то получили нехитрое угощение и выпивку.

— Я вот всю жизнь в железе, — говорил атаману один, чем-то возбужденный, может, просто вином. — Гля, рука блескучая. Это железо не отмывается. Я сам стал железный. Никого не боюсь. Любого придавлю. Скажи мне, полковник, на кого это железо мое нацелить. Пришли было красные, все, мол, за рабочих, а гля — и жрать нечего. Нас же рабочих в каталажку, а кого и к стенке. Вот ваши пришли. Радуемся, пьем, танцуем. За кого вы сражаетесь, полковник?

Шкуро ответил без паузы — всегда знал, что нужно народу?

— Я за трудящий народ! Сам с детства за плугом ходил. И косил, и все... На германской войне в штабах не сидел — сражался рядом со своими казаками. Вон он глаз-то подмигивает. И теперь мы за народ. Нам бы и советская власть ничего, если б не большевики, не комиссары.

— Но опять же офицеры, генералы. А? Полковник, — не отставал мастеровой. — А там и царь-батюшка.

— Мы освобождаем Кубань от большевиков. Ну и Деникин с нами. И всю Россию освободим. А там — настоящее честное Учредительное собрание. Верно говорю, казаки?

Казаки бурно его поддержали.

Подшел Кузьменко и, воспользовавшись шумом, тихо сказал:

— Андрей Григорьич, докладываю: доставил до дома в порядке. Но...

— Что еще? Что с ней?

— С ней порядок, но в штабе Деникина что-то крутят. Солоцкого произвели в войсковые старшины, а вас в генералы... отказались.

— Эт-то я зна-аю... Вот так, господа рабочие. Мы за трудовой народ, за восьмичасовой рабочий день, за Учредительное собрание!

Площадь восторженно взревела.

Шкуро, однако, погрузстнел, отошел с Кузьменко в сторону.

— Эх, Коля, не любит нас Москва. Нашептали что-то Деникину. Слащов жидов повесил — а сказали на меня. Эх, Коля. Нам с тобой вольная жизнь нужна! Со своими... Споем, что ли, мою любимую печальную. Боюсь, не увижу я больше свою любовь.

И он запел тонким высоким голосом:

Ты прощай, прощай, мила-ая,
Прощай радость, жизнь моя-а...

Для гуляющих казаков уже подходило время нудного похмелья, и они охотно подхватили:

Я навек с тобой расстался
И сердечно распрощался.
Знать, тебя мне не видать
И в гостях мне не быва-ать...

Потом казаки запели другую — про Галю молодую, а Шкуро вместе с Кузьменко вернулся в дом, в свой кабинет. Ординарцу Литвиннику приказал у дверей не торчать, с адъютантом разговаривал вполголоса.

— Не такие уж мы пьяные, чтобы дела не понять. Я дивизию создал — они ее себе возьмут. Какого-нибудь Солоцкого поставят. Его вряд ли. Нет. Он же казак. Своего генштабиста найдут. А нам с тобой, Коля, эта дивизия... так. — Он пренебрежительно махнул рукой. — Будешь у них по диспозициям на пулеметы ходить. Нам воля нужна. А свое из дивизии возьмем немедля. Говорил я тебе, что денег у нас хватит — вот сейчас пойдем и возьмем. Там, где стоит наша первая сотня, у входа что?

— Ну что? Часовой, знамя...

— Пост номер один. Волчье знамя полковника Шкуро и денежный ящик. Часовые всегда наши. Проверяет Наум Козлов. Он и сейчас там. Операцию проводишь ты, но я поеду с тобой: мало ли? Делаю тебе письменный приказ для начальника караула: «Из денежного ящика изъять кожаный мешок, именуемый «спецзапас» для необходимых расходов на вооружение». Все. Я с Наумом и другими казаками буду там, рядом.

Операция прошла без осложнений. Когда дежурный по гарнизону Гензель рано утром расспрашивал начальника караула о происшествиях, тот кратко, как о чем-то обыденном, упомянул о выеме каких-то запасов из денежного ящика.

— Кто открывал ящик? — спокойно спросил штабс-капитан, сгорая от внутренней злобы.

— Мне привезли письменный приказ полковника. И сам он был здесь в казарме.

— Кто привез приказ.

— Вахмистр Кузьменко.

КТО ТАКОЙ ШКУРО?

Десять дней Добровольческая армия сражалась с войсками Сорокина и Ковтюха. Погибали лучшие офицеры армии, прошедшие Ледяной поход, «первопроходники». Пленных красноармейцев расстреливали толпами, закапывали еще живых. Красные убивали пленных офицеров по-всякому, даже сжигали в кострах. Все эти дни Деникин сидел в штабе в Тихорецкой, читал сводки, подписывая приказы. Наконец красные отступили — путь на Екатеринодар был открыт.

На столе командующего среди бумаг лежал донос на Кутепова²⁰: не согласен с политической линией Деникина, агитирует своих офицеров против «идиотского» лозунга «непредрешенности» вопроса о системе правления в России, ведет бригаду в бой «за царя»²¹, «за родину, за веру...» Надо избавляться, если пуля не избавит.

В огромную папку были собраны бумаги разного рода о полковнике Шкуро. Конечно, Романовский подготовил краткое резюме, но в папке много интересного: рассказы земляков, юнкеров, с которыми учился, допросы контрразведчиком некоторых казаков, доносы, встречаются и без подписи... Кубанцы шумят: героя! Требуют производства в генералы, а он и в полковники-то сам себя произвел. Но он сражается. Водит в бой тысячи казаков и побеждает. Кто же он такой, Андрей Григорьевич Шкуро, родившийся в 1886 году в станице Пашковской, что рядом с Екатеринодаром?

Говорят: наследственность, яблочко от яблони... Не попусту же говорят. Существуют факты, документы. Шкура-старший простым казаком участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, получил тяжелое ранение. К концу службы стал инвалидом: ходил на костыле, а левая рука — на перевязи, а на лбу пробоина — может, от пули, а то и от драки. Уволен от службы «за болезнь» в звании войскового старшины. Его честолюбивый сынок воспользовался революционным беспорядком и лично произвел отца в полковники, а заодно и себя.

О Григории Шкуре отзывы были неприятные: болтливый хохол, так и норовит в спор, в драку. Со старшим сыном — будущим атаманом Шкуро — и с женой вечные раздоры. Пришлось Андрею уходить из отцовского дома, забрав мать. По заключению тогдашнего атамана Екатеринодарского отдела инвалид Г. Шкура «безусловно нервнобольной человек, неврастеник, едва ли ответствен за свои слова и некоторые поступки». Сына Андрея воспитал он по всем тогдашним казачьим правилам: Кубанское Александровское реальное училище, 3-й Московский кадетский корпус. Высшее Николаевское кавалерийское училище. Однако... Уже в кадетском корпусе участвовал в бунте, был исключен из корпуса, затем амнистирован. В училище, в казачьей сотне, отличался в верховой езде, был произведен в портупей-юнкера, но из городского увольнения обычно возвращался в неумеренно пьяном состоянии, за что был разжалован. В 1907 году произведен в офицеры — получил чин хорунжего, и устроил с друзьями в Петербурге грандиозное празднество, пропив все до копейки. На этот раз большой отец оказался «ответственный за свои поступки» и экипировал сына в полк.

Служил Андрей в Карсе, потом в родном Екатеринодаре, о чем сам рассказывал приятелям, как о самом безобразном времени жизни. Гауптвахта стала чуть ли не родным домом, наказной атаман вызывал и грозил офицерским судом. Спасла женитьба.

Об этой женитьбе мнения разные. Одни считали, что женился он по любви, другие из-за денег. Какой-то Климов, написавший пространное донесение о своем земляке, утверждал, что у Андрея Шкуро была любимая девица в Екатеринодаре — некая Катерина Буракова из простой семьи, — но он ее бросил и женился на больших деньгах. Татьяна Сергеевна Потапова была дочерью директора народных училищ Ставропольской губернии, а бабушка Татьяны обладала значительным состоянием, завещанным внучке. Тот же Климов пишет, что Андрей, женившись, будто бы стал серьезным человеком, с женой жил справно, однако, мол, это хит-

рое притворство. Постоянно рвался в какую-нибудь дальнюю поездку и там давал себе волю. Дома сдерживался, а нервную разрядку получал в диких ссорах с отцом. Кирпичные заводы затеял строить на деньги жены, чтобы в Германию ездить на учебу. А перед самой войной решил сбежать от жены как можно дальше — взял отпуск из полка и направился в Восточную Сибирь, в Нерчинский округ, в экспедицию, организованную «для отыскания и нанесения на карту золотоносных месторождений».

Еще в Карсе он участвовал в кавалерийских боях и даже получил первую награду — Станислава 3-й степени. Маленький, ловкий, он был для лошади легким всадником, и все ему удавалось в конных сражениях. Конечно, цена фронтовых докладных известна, но, как говорится, написано пером; в первом же бою 1914 года будущий атаман с 17-ю казаками разгромил эскадрон гусар и взял в плен двух офицеров, 48 гусар и два пулемета. Получил «клюкву»³² — Святую Анну 4-й степени на шашку с красным темляком.

Судьбу Шкуро, как и все важные проблемы руководства армией, Деникин решал вдвоем с Романовским. Можно даже без особой натяжки утверждать, что начальник штаба подсказывал решения. В эти боевые жаркие летние дни, как ни старался преодолеть командующий душевную слабость, но письма Ксении из Новочеркасска волновали его больше, чем донесения полковника Дроздовского о наступлении на Екатеринодар. Не любил разговоры о женщинах, кстати, Деникин не хотел разбираться ни в причинах, побудивших Шкуро жениться, ни в его донжуанских похождениях. Не мог избавиться Антон Иванович от некоторого стыда за свой брак: когда-то брал на руки новорожденную девочку, дочь друга, а теперь устраивается с ней в супружеской кровати.

А Романовский считал необходимым обсуждать и личную жизнь этого Шкуро — с удивлением и с некоторым осуждением говорил о том, что жена полковника была арестована большевиками, как заложница, но вскоре

оказалась на свободе; ей устроили побег, однако супруг почему-то не спешит с ней соединиться и держит ее в каких-то черкесских аулах и позволяет себе...

— Другие члены семьи где? — перебил его Деникин.

— Все бежали от красных. Ждут, когда мы возьмем Екатеринодар. Младшие сестра и брат — в Ростове или в Новочеркасске. О сестре говорят, что она очень дружит с иностранцами. Там сейчас вокруг Краснова собираются и немцы, и англичане, и даже американцы. Атаман всевеселого войска Донского рассчитывает выиграть при любом исходе войны. Ведь сейчас во Франции, пожалуй, идет решающее сражение. Вот и юная госпожа Шкуро...

— По-видимому, Иван Павлович, нас прежде всего должны интересовать качества Шкуро, как боевого офицера, — сказал командующий Романовскому с некоторым вопросом в голосе.

— Разумеется, Антон Иванович, но...

Не трусить на поле боя — это превышает многие возможные «но». За годы войны Деникин хорошо узнал, что значит сидеть или стоять под пулями, ни одним движением не показывая естественный страх, сохраняя неподвижно важную осанку, приличествующую, как он считал его генеральскому званию и солидной комплекции. А Шкуро не только стоял, но и мчался на противника с обнаженной шашкой, не обращая внимания, рубил врага, на то, что над ним вспыхивает смертельный блеск чужой стали. И еще более уважал командующий теперешних своих бойцов, шедших в бой не во исполнение присяги, не по гражданскому долгу защиты государства, а добровольно. В душе он даже удивлялся: ведь они могли отсидеться. Советская власть не преследовала всех офицеров. В Ростове и Новочеркасске в начале 1918 года собрались десятки тысяч офицеров, а за Корниловым пошли всего около трех тысяч. Вот и Шкуро. Он же сам со своими казаками поднялся против большевиков. Собрать таких — даже Сорокина он взял бы в свою армию — и можно остановить наступление немцев на Россию, освободить Москву и Петроград от красной заразы, но...

— Но боевой опыт Шкуро весьма своеобразен, Антон Иванович, — закончил начатую фразу Романовский и выразительно взглянул на толстую папку.

До конца 1914 года так и воевал Шкуро младшим офицером в 3-м Хоперском полку 3-го Кавказского армейского корпуса. Участвовал в страшных боях под Ивангородом, когда казаки прятались в окопах вместе с лошадьми, был контужен в голову, пролежал 10 дней в госпитале. Командовал сотней, преследуя отступающих австрийцев. Командование оставалось где-то позади, и, наверное, в этих боях и почувствовал Шкуро все преимущества свободы от начальства. Сам придумывал, как обмануть, обойти, неожиданно обстрелять, как лучше устраивать засады и рубить попавшихся в западню. Брал он по 200–250 пленных. Ворвавшись с казаками в город Кельцы раньше других частей, взял добычу.

В декабре 1914-го получил пулевое ранение в ногу.

Среди документов — вырезки из газет. «Кубанский казачий вестник» за июнь 1915-го поместил портрет А. Г. Шкуро, только что произведенного в есаулы и награжденного орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. Под папачой — хмурое решительное лицо. Вероятно, уже задумал свое дело. В статье, описывавшей «подвиг», сообщалось, как он, спешившись со своими казаками, вел бешеный огонь по наступающим немцам из пулемета. Пуля противника угодила в рукоятку кинжала, раздробила ее и пробила живот с одной стороны. Рана была бы смертельной, но отцовский кинжал спас.

— Лицо человека, принявшего решение, — сказал Романовский, разглядывая фото в газете. — Он больше не захотел идти под пули под чьим-то командованием. Кто-то надумил его, когда он был в отпуске в Екатеринодаре. А может быть, и командир полка полковник Труфанов. Не берусь утверждать, но есть сведения о том, что они вместе пьянствовали. Наверное, вместе писали об организации партизанских отрядов — чувствуется рука генштабиста.

Деникин мельком взглянул на документ:

«Каждый полк дивизии выделяет из своего состава 30–40 храбрейших и опытных казаков, из которых создается дивизионная партизанская сотня. Ее задачи — проникать в тылы противника, разрушать там железные дороги, перерезать телеграфные и телефонные провода, взрывать мосты, сжигать склады, уничтожать различные коммуникации, возбуждать местное население на борьбу с противником, снабжать его оружием, обучать военному делу и технике партизанских действий. Одна из главнейших задач разведки и передача данных командованию. Для этого необходимо...»

— Одобрил сам государь, — осторожно сказал Романовский: Николая здесь не уважали.

— Подсунули. А его императорское величество не всегда проявлял императорскую мудрость.

Романовский разработал сложную комбинацию для решения по делу Шкуро и, чтобы подвести к нему командующего, приходилось изображать сомнения, колебания, приводить аргументы, иногда противоречащие друг другу. С командующим всегда надо соглашаться — тогда он согласится с тем, что ты ему предложишь.

— Вы правильно почувствовали, Антон Иванович, некую нарочитую назойливость в этих партизанских идеях. Здесь речь идет не о боевой целесообразности, а о личном интересе. Чтобы не было над ним начальников, чтобы действовал он в тылу, как заблагорассудится, захватывал населенные пункты, брал добычу...

— О добыче мы еще поговорим отдельно. — Деникин вспомнил о чем-то неприятном — значит, были у него и какие-то дополнительные сведения.

— Мало того, что Николай одобрил неуместную в этой войне партизанскую идею, но ведь он даже принял взбалмошного есаула, — с легким возмущением сказал начальник штаба, зная, что Деникин одобряет любой выпад против царя, когда-то отказавшего ему в положительном ответе на жалобу по поводу несправедливого назначения после академии — не взяли в Генштаб.

— Распутин, Шкура, какой-то изобретатель, не то мошенник, не то сумасшедший... Мне в Ставке рассказывали, как это было.

Встреча эта произошла в Могилеве. Есаул Шкура был вызван туда в Ставку походного атамана всех казачьих войск великого князя Бориса Владимировича. Тот разговаривал с ним всего несколько минут — нервничал и спешил. Невнятно сказал о пользе партизанской войны, конечно, вспомнил 1812 год, но тут за ним пришли адъютанты: приехал государь. «Пойдешь со мной! — сказал великий князь, — дядя о тебе знает». В большом дворе от снега была расчищена площадка, на ней — кирпичная стенка и деревянный домик. По сторонам выстроен царский конвой, человек 50, во дворе появилась группа военных во главе с императором. Великий князь доложил, что все готово к испытаниям нового оружия. Сказал и о есауле. Царь вспомнил, одобрительно улыбнулся, пробормотал что-то неразборчиво ласковое — он любил военных, которые были ниже его ростом.

Происходило испытание секретных зажигательных винтовочных пуль. Царю подали винтовку, заряженную новой пулей, он умело прицелился с плеча и выстрелил в деревянный дом. Строение тотчас же вспыхнуло. Подбежал мальчик в юнкерской форме — наследник цесаревича. Он тоже хотел что-нибудь поджечь. «Я прикажу сделать еще один домик, сынок. Этот уже догорает, — сказал император и резким полусшепотом спросил адъютанта: — Как фамилия изобретателя?» Громко поздравив господина Братолюбова, Николай вдруг обернулся к маленькому есаулу: «А вы, господин есаул Шкуро, обязательно используйте эти пули в своих партизанских действиях...»

— Показали Николаше фокус, — продолжал иронизировать Деникин, — и он возрадовался, как ребенок. И Шкуро — это такой же фокус. Не было никаких секретных пуль, не было никаких партизанских действий.

— Но некоторые вылазки удавались, — мягко возразил Романовский; его уже настораживало отрицательное отношение командующего к Шкуро. — Вот здесь боевое донесение о первом бое на реке Шаре в феврале шестнадцатого.

— Я просматривал это донесение, Иван Павлович, бестолковый бой.

Отборные казаки-кубанцы в белых балахонах в морозную ночь перешли линию фронта, сняли немецкого часового, напали на сторожевой пост противника... По донесению уничтожили 70 немцев, 30 взяли в плен, захватили 2 пулемета, винтовки, много касок... Настораживало это упоминание о касках. Наверное, главные трофеи. Потери — 2 убитых, 18 раненых. Вышли к линии фронта прямо под огонь своих, сзади — немцы... Обыкновенная ночная разведка, но плохо организованная. Дальнейшие действия этого отряда ничего общего с партизанской войной не имели. Да и никакой работы никто не проводил среди населения. Кончилось все плачевно. Шкуро задумал разгромить штаб немецкой дивизии, находившийся в 30 верстах от фронта. Довел своих казаков до штаба, напал на немецкую роту охраны, а затем «партизаны» были окружены, почти все перебиты. Остатки отряда вышли к своим на четвертый день. В донесении Шкуро указал, что взял в плен немецкого генерала, но был вынужден его зарубить из-за невозможности дотащить до своих.

Весной 1916-го корпус передислоцировали на участок Барановичи — Молодечно и загнали в окопы. Такая война не нравилась «партизану». Напоминал Шкуро о себе, о решении императора, писал в штабы, доказывая, что нельзя использовать партизан-кубанцев для простой разведки. Наконец, кто-то в штабе помог: вышло предписание направиться конным походом на Южный фронт в район Черновиц, где в связи с вступлением в войну Румынии разгорелись бои. Там и произошел незабываемый бой под Карлибабой с огромной добычей и контузией в голову с повреждением глаза. Первое зо-

лото появилось в переметных сумках, первые нервные судороги правого глаза.

Романовский напомнил командующему, что Шкуро с первых дней революции занял правильную патриотическую позицию, выступал против Приказа № 1, против разнузданности солдат, против большевистских агитаторов и, не находя применения своим казакам на разложившемся фронте, отправился в Персию, в экспедиционный корпус генерала Баратова³³. И там он боролся с революционным развалом — однажды приказал своим казакам выпороть «революционных» матросов, безобразничавших, игравших в карты, что было запрещено самим солдатским комитетом. Эта борьба за сохранение воинской дисциплины кончилась тем, что перед новым 1918 годом, в сочельник, в Шкуро стреляли. Пуля шла в сердце, но ударилась в костяные газыри черкески.

— Кроме газырей там у него, наверное, было еще кое-что, — сказал Деникин. — Ведь его служба заключалась в охране российского имущества, эвакуируемого из Персии. Резонное предположение, Иван Павлович?

— Разумеется, Антон Иванович. На войне как на войне.

— И мы с вами на войне, но где же наше золото? Где английские фунты, царские золотые рубли?

— Мы с вами сражаемся за возрождение великой единой России, и если некоторые из наших мужественных бойцов пытаются как-то обеспечить себя, нам приходится мириться с этим. У меня нет данных о каких-то заметных действиях Шкуро по захвату ценных трофеев. Конечно, казаки иногда грабят, иногда конфискуют, но мы же не снабжаем их продовольствием.

Романовский был убежден, что только он понимает, как надо руководить антибольшевистскими войсками, чтобы одержать окончательную победу и спасти Россию. Другие генералы и высшие офицеры умели отдавать приказы, сами храбро сражались, но не видели всей картины, опьяненные потоками крови в боях и на расстре-

лах, а такие, как Деникин, мыслящие достаточно трезво, думают в основном о себе, о своем месте в армии и в будущей России. Антон Иванович не хочет, чтобы в его армии командовал дивизией разбойничий атаман — это ему повредит, как вождю, как одному из будущих руководителей страны. При всем своем внешнем спокойствии он поддается вспышкам настроения: его антимонархизм скорее всего зиждется не на идее, а на личной обиде, на истории с подачей жалобы императору. Ко всему прочему, вероятно, что и к естественному возмущению грабежами Шкуро примешивается скрытая досада, ведь ежемесячное денежное содержание командующего Добрармией, составляет 1400 рублей, а Шкуро, как утверждают, захватил со своей волчьей бандой в Кисловодске и Ставрополе сотни тысяч в золоте.

— Ко мне приходили офицеры, — продолжал Деникин, уже несколько потерявший спокойствие, выпрямившийся, не скрывающий возмущения. — Я дал слово не называть их. Они рассказали мне об организованных этим Шкуро грабежах отделений банка, об изъятии большого количества ценностей у пленного комиссара, впоследствии повешенного, о кожаном мешке, полным золота, принадлежащего атаману. И, представляете, Иван Павлович, вместо того, чтобы передать эти ценности в нищенскую казну армии, в которой собирается служить, он, догадавшись, что за ним наблюдают, успел забрать золото из денежного ящика. Наши казначеи пытались что-то выяснить, но им сказали: все ценности и деньги потрачены на снабжение его казаков продовольствием и оружием. Бухгалтерии, конечно, никакой.

Романовский не удивлялся услышанному: он ничего иного от Шкуро не ожидал. Если в Красной Армии воюет Сорокин, то у них, у добровольцев, должен быть Шкуро. Тысяча героев поручиков, воюющих за идею, никогда не победит миллионы мужиков, опьяненных революцией и самогоном.

— Я понимаю, Антон Иванович, что такой командир дивизии нам не нужен, но и потерять храброго атамана,

приверженного лозунгам единой России, мы, по-видимому, не захотим.

— Лозунги, — проворчал Деникин. — Он всякие лозунги знает. Рабочим обещал советскую власть без коммунистов и восьмичасовой рабочий день.

— Нам всем приходится говорить и с рабочими, и с мужиками, и приходится пользоваться соответствующими лозунгами.

— Нам с вами это необходимо, как руководителям армии, руководителям освободительного движения, а этот Шкура-Шкуро не должен лезть в политику. Или он метит не только в генералы, но и выше?

— Только вы, Антон Иванович, имеете право указать место, которое может занять Шкуро в нашей борьбе. Я могу лишь предложить некоторый, по-моему, подходящий вариант. Мы не включим его в нашу армию с его казаками. Им назначим другого командира, а Шкуро поручим создание новых казачьих отрядов. Терек надо поднимать. Он это сумеет. Будет выполнять наши задания и участвовать в операциях.

— Я готов принять ваше предложение. — В голосе Деникина зазвучал металл — признак несогласия с начальником штаба, но с одним небольшим изменением: Шкуро должен быть повешен.

ВНОВЬ НА ВОЛЧЬЕЙ ТРОПЕ

I

В тяжелые послепраздничные похмельные дни обычно возникал беспричинный страх, то ли предчувствия роковых несчастий. Иногда и происходило что-нибудь неприятное. На этот раз первые дни после загула в честь победы прошли спокойно. Утром, — не опохмеляясь, но тщательно побрившись, одетый по форме, прибыл на доклад к губернатору Уварову — ничтожному генералишке, от которого Деникин избавился, отослав в Ставрополь. Уваров сразу возненавидел боевого вождя каза-

ков, но не знал, как прижать. Пытался денежный ящик проверять, требовал каких-то письменных отчетов...

— Ваши казаки пьянствуют ночи напролет, а днем отсыпаются, — обвинял губернатор полковника. — Кто будет город защищать? Вы знаете, что красные готовятся к наступлению?

— Моя разведка работает. В Невинномысской формируется отряд для наступления на Ставрополь, но начальник штаба армии обещал направить нам офицерский батальон из бригады Боровского.

— Если мы будем надеяться на чью-то помощь, а сами пьянствовать по ночам...

— Мои казаки и сами разгромят красных в Невинке.

— В Невинке? А в Дубровке? А в районе Минвод? Вы должны постоянно вести разведку по всем направлениям и ежедневно докладывать мне.

— Я вчера послал казачью сотню в станицу к Армавиру поднимать казаков.

— Это не разведка, господин полковник. Вы должны дать подробные сведения о всех большевистских войсках, действующих вокруг Ставрополя.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — ответил Шкуро, криво улыбаясь и подмигивая правым глазом.

В среду, после очередного бессмысленно-неприятного доклада у губернатора, Шкуро поехал в казармы, где подполковник Сейделер, прирожденный артиллерист, занимался организацией и подготовкой батарей, сформированных из трофейных орудий — в основном трехдюймовок. В это, кажется, самое жаркое утро горячего лета отобранные подполковником солдаты и казаки, голые по пояс, обливаясь потом, выкатывали пушки, пыжили стволы до зеркального блеска, чистили затворы, тренировались в выполнении команд «к бою», «отбой», «впередки»...

Полковник Шкуро сам не хотел бы стать артиллеристом, правда, любил орудия, как могучую помощь в кавалерийских боях. Иметь столько артиллерии в дивизии, это, пожалуй, то же самое, что обладать хорошими деньгами — ничего не боишься и можешь действовать,

как тебе хочется. Первые слова Сейделера при встрече — о снарядах: когда? сколько? какие? Стоя с подполковником в тени кирпичного сарая, приспособленного под артиллерийский парк, Шкуро обещал, успокаивал, поглядывая, как справляются артиллеристы с пушками.

— Они могут прислать или одни гранаты, или одни шрапнели, — волновался Сейделер, и замолчал, увидев, что командир дивизии его не слушает, а, нахмурившись, смотрит в сторону ворот. Оттуда нарочито ровным походным шагом приближался офицер в корниловской гимнастерке с новенькими сверкающими погонами без звездочек, с черепом и трехцветным знаком, нашитым на рукаве. Приблизившись, офицер сделал последние несколько шагов, чеканно выбивая каблуками пыль, застилавшую двор казармы. Остановившись, он начал докладывать по форме, но Шкуро прервал:

— В такую жару без формальностей, штабс-капитан Гензель. Или вы уже капитан?

— Так точно, ваше превосходительство. Приказом командующего Добровольческой армией произведен в капитаны.

— Поздравляю, господин капитан. Вы теперь перешли в Корниловский полк? Приехали с нами попрощаться?

— Никак нет. По моей личной просьбе меня направили в вашу дивизию. Мне весьма лестно сражаться под руководством храброго полковника Шкуро, вождя кубанского казачества.

Комплименты произносились неприятно металлически, словно команды. Долговязый, худощавый, прямой, как палка, Гензель был неприятен полковнику: смотрит на тебя не как на человека, а будто на деревяшку. Решение пришло мгновенно. Шкуро даже улыбнулся как бы приветливо:

— А я о вас вспомнил, господин капитан. В дивизии нам нужен именно такой боевой офицер, опытный, знакомый с красным тылом. Пойдемте побеседуем. Подполковник разрешит нам временно занять его кабинет?..

Здесь, на теневой стороне здания, в комнате с откры-

тым окном, было несколько прохладней. Разговаривая с Гензелем, полковник поглядывал в окно на опаленные солнцем горы. Туда он и пошлет этого назойливого капитана.

— Ставрополь окружен горами, — говорил Шкуро, и из-за каждой горы могут появиться красные. Велика вероятность, что нашей дивизии придется отбиваться от противника, точное расположение сил которого нам неизвестно. Моя разведка работает, конечно, но нам необходима полная картина. И губернатор требует. У меня много храбрых и опытных офицеров, но такого опыта, как у вас, нет ни у одного. Мы создадим особую разведывательную роту во главе с вами, господин капитан. Сами подберете себе людей и кавалеристов, и пластунов, и сегодня же к концу дня выступайте на разведку. Обойдете по кольцу гор, особое внимание — железным дорогам, и через... через дней пять возвращаетесь в город с полной картиной действий большевистских войск.

Долговязый удивил: он совершенно спокойно выслушал задание полковника, которое вообще вряд ли можно было выполнить, и даже как будто чему-то обрадовался.

— Я готов немедленно начать действовать. Моим помощником будет подхорунжий Климов.

— Хороший казак. Мой земляк. Поручите ему связь. Каждые три часа — курьера в мой штаб с последними данными разведки. Сейчас готовьте роту, список отобранных людей пришлите в штаб. Может быть, у вас есть какие-нибудь свои предложения?

— Ваше превосходительство! Я получил задание — я его выполняю.

Эта беспрекословная готовность не понравилась и насторожила. Жара становилась невыносимой даже для привычного кубанца, и к тому же давали о себе знать ежевечерние свидания с Леной до полуночи, а потом гульба с казаками... Как назло куда-то пропал Кузьменко, а он всегда был нужен. Появился тот, когда полковник уже собирался уезжать к своим кавалеристам, оправдывался, мол, не знал, что командир здесь.

Денщик Сейделера принес холодный квас в глиняных кружках. Шкуро усадил адъютанта за стол. Квас, конечно, не пиво, но пришлось научиться сдерживать свои желания. Спросил адъютанта о Гензеле: почему тот вернулся в дивизию?

— Ты же с ним вроде сдружился, Коля?

— Да вы что, Андрей Григорьевич? Он меня пытал тогда о спецзапасе из денежного ящика, ну я и сказал, как все было. Какой он мне друг?

— Можешь и подружиться — нам с тобой только польза будет. А почему же он у корниловцев не остался? Знаешь?

— Догадываюсь, Андрей Григорьевич. Тут, знаете, баба замешана. Она здешняя, но с ним будто в Тихорецкую ездила, а теперь вернулась.

— Если баба, то ладно. То-то он такой стал смелый. В дальнюю разведку я его послал. А нам с тобой своя требуется разведка. Сорокина-то добровольцы вроде побили. Надо узнать, куда он будет отступать. Связаться бы с ним — глядишь, чего-нибудь придумаем. По-едешь?

— Когда?

— Чего тянуть? Пока его Деникин не загнал куда-нибудь в горы.

— А... это... как же? Сегодня опять меня ждет. Как всегда — в девять вечера.

— Ждет — значит, действуй, как всегда. Она просила, чтобы я ей помог в Пятигорск перебраться. К своему генералу. А там красные. Вот и подумай.

II

Ей повезло, что Маргарита на эти дни куда-то уезжала. Вернулась какая-то другая, поглощенная собой, с новой прической, почти не интересующаяся окружающей жизнью. Мама напоила подруг чаем со свежим вареньем, и они долго разговаривали на ветерке у открытого окна. Лена опасалась, что старшая подруга будет догадываться о ее делах, но этого не случилось — пришлось

самой расспрашивать Марго о ее приключениях. Она особенно не таилась:

— Он совсем не такой, как другие офицеры, — самостоятельный, уверенный в себе, в своем будущем. И настоящий благородный мужчина. Истинный дворянин. Три дня я с ним была. Спали через стенку, и он ничего себе не позволил, а я чувствовала, что он увлекся всерьез.

— И ты... готова замуж, что ли?

— Да, из-за меня вернулся сюда.

— Но ведь мы должны поехать в Пятигорск к Рузскому. Он же нам заплатил вперед.

— Значит, поедешь одна.

— Марго, любимая моя подруга, ведь идет война. Никто не знает, что будет завтра. А он офицер. Какое у него может быть будущее? Какое там имение в Саратовской губернии? Ничего этого уже не будет.

— У него не только имение в России. Близкие родственники за границей. Говорю по секрету. Только тебе. Они живут в Дании. Богатый кузен и еще там кто-то. Если нельзя будет жить в этой проклятой России, то мы уедем туда. Ты о себе волнуйся: выскочила замуж за красного журналиста, и что теперь?

— Прислал же записку, что скоро вернется в Ставрополь вместе с красными войсками.

— А ты здесь пока гуляешь? Аня говорила, что видела тебя с каким-то казаком. Это был не Шкуро?

— Ты что? Какой Шкуро? Он же здесь начальник. Живет во дворце. Я его и видела только тогда, на площади у вокзала.

— А казак?

— Какой еще казак? Ну, на гулянии в саду привалялся один — прогуляться, поговорить, винцом угощал... Спроси у мамы: в двенадцать я уже сплю. Пойдем сегодня с тобой погуляем.

— Нет. Я должна провожать Кирилла. Он уходит на какое-то важное задание.

— Как его фамилия? Гензель? Где-то я слышала... Не помню.

III

Поздним вечером стены источали накопленный за день зной, и, ложась в кровать, приходилось раздеваться донага. Шкуро и простыни сбросил. Разглядывая его рыжеволосое тело, Лена вспомнила ужас, испытанный днем. Прошла к площади, а там — виселицы и жуткими тучелами повешенные с какими-то жалобно поникшими, увядшими головами. Какие-то захваченные большевики. С одного сорвали исподнее, и бесстыдное солнце освещало его голое, такое же рыжеволосое тело.

— Зачем эта война? — с неожиданным волнением спросила Лена. — Зачем вы так убиваете друг друга? Неужели этот мужчина, совсем еще молодой, родился для того, чтобы так висеть.

— Это не я, — пробормотал засыпающий Шкуро. — Это наш губернатор приказал. Сам он дрянь поганая. Я бы и его так повесил. Да и комиссары гады ползучие. Половина евреи, половина латыши.

— А русских совсем, что ли, нет?

— Не знаю. Может, и нет.

— Говорили, что и ты вешал пленных. Зачем? Ну, в бою — это, как в драке, а пленных-то, безоружных, связанных?

— Мы мужики убиваем сами и делаем сами новых. И то и другое надо уметь. Я вроде умею. А? Ленусик?

Он уже совсем проснулся.

— Умешь, умешь. Знаешь дело, бесстыдник.

— Так чего же мы спим-то?..

Прощаясь, она напомнила о Пятигорске. Полковник успокаивал:

— Отправлю я тебя к твоему генералу. Спешить пока нечего: красные не лезут, в городе спокойно. Живи покуда с мамочкой.

Лучше бы так не говорил. Едва он отправил Лену с Кузьменко, не успел полностью одеться, как постучал верный Литвинник. Напрасно беспокоить он не станет.

— Разведка от Гензеля, Андрей Григорьич. Срочное донесение.

Вошел казак, черный от загара, усталости и дорожной пыли. Видно, только что с седла. Равнодушно механически произнес заученное:

— Колонна красных около четырех тысяч вышла из Невинномысской по направлению к Темнолесской сегодня в середине дня.

— Сегодня? В середине дня? А почему только сейчас я узнаю?

— Да-к мы шли походом к Николаевской, а потом с ихними дозорами, значит, срезались... Это ж только вечером...

— А, ладно. Все понятно. Отдыхай, казак. А ты, Литвинник, давай собирай в штаб Слащова, Солоцкого, командиров полков... Всех на совещание по плану обороны города.

Оборона с окопами, с эшелонированием в глубину, с наблюдательными пунктами и прочими воспоминаниями о Великой войне — все это не для казачьего полковника Шкуро. Лихая кавалерийская атака на врага, пытающегося наступать — вот настоящая оборона.

Приглашенные собрались быстро, почти все трезвы и серьезны — кончились праздники. Только Слащов угрюмо пьян — такое его состояние не мешает ему командовать пластуной бригадой. Добившись выхода из прямого подчинения командиру дивизии, он подчинялся ему лишь оперативно, но оборона города именно такой случай, когда был должен выполнять приказы Шкуро.

— Яков Александрович, — сказал ему тот вежливо с соответствующей тревогой в голосе, — простите, что вас побеспокоил, но без ваших пластунов мы не сможем остановить наступающих красных.

— Понимаю, — прохрипел Слащов. — Диспозиция готова?

— Сейчас обсудим, мы, кавалеристы, знаем, что наша оборона — это кавалерийская атака. Большевички не выдерживают казачью лаву. Предлагаю бригаду Солоцкого направить навстречу наступающей колонне красных в направлении Темнолесская.

Получив чин войскового старшины, Солоцкий, казале, еще более заблестал белыми перчатками, аристократической бородкой, ароматом французского одеколона.

— Моя бригада в полной боевой готовности, — сказал он самоуверенно. — Могу начать движение немедленно.

— Вы всегда пример для других, — сказал Шкуро, надеясь, что другие почувствуют зависть и неприязнь к командиру бригады. — Выходите немедленно, чтобы Темнолесскую взять до подхода большевиков. Иначе комиссары наделают делов.

— Я согласен с вами, Андрей Григорьевич, но вы обещали, что генерал Боровский нам окажет помощь офицерской пехотой. В некоторых случаях кавалерия без пехоты оказывается в тяжелом положении. Вы звонили в штаб армии?

— Пока помощь не обещают — завязли у Кавказской, — ответил Шкуро.

— А ваши пластуны? — обратился войсковой старшина к угрюмому соратнику.

— Мои пластуны должны находиться в резерве. — Интонации Слащова не допускали возражений.

— Яков Александрович прав, — поддержал Шкуро. — Мы ж не знаем, откуда еще полезут большевики. Итак решаем: бригада Солоцкого немедленно выступает навстречу противнику, остальные части дивизии находятся в боевой готовности. Связь посыльными каждый час и по возможности телефон. Согласны, господа командиры?

Все были согласны, все были недовольны: Солоцкий — рискованным походом без поддержки частей Добрармии, Слащов — нежеланному подчинению бывшему начальнику, другие, завидуя Солоцкому и Слащову, в душе надеялись на их неудачи.

Уже рано утром еще один посыльный от Гензеля сообщил о захвате разведчиков башкиров, которые рассказали о создании шеститысячного большевистского отряда на севере от Ставрополя, в районе башкирских кочевий. Пришлось срочно направить туда вторую бригаду.

В резерве остался Слащов и несколько сот офицеров, предназначенных для формирования офицерского полка.

Шкуро сидел в гимназии, где располагались две главные казачьи сотни. В штабной комнате — телефоны, штабной офицер с картами.

Днем пришло донесение от Солоцкого — очень грамотное и очень хитрое: его бригада вытеснила большевиков из Темнолесской, а теперь отступает к Татарке. Вот и разбирайся, кто кого и куда вытеснил. В конце донесения сообщалось о прибытии подкреплений к красным и напоминалось, что и бригада Солоцкого ждет подкреплений. Романовскому и Боровскому звонить было бесполезно — бои у Кавказской. К тому же Романовский наверняка еще и удивится, почему сам командир дивизии не руководит боем, а сидит в городе. А тут еще губернатор надоедал своими идиотскими советами и требованиями.

Зачем самому лезть на большевистские пулеметы, если имеется резерв во главе со Слащовым, считающим себя — особенно когда выпьет — чуть ли не полководцем? Вызвал его к телефону:

— Яков Александрович, как нас предупреждал Солоцкий, так и случилось — ничего не выходит у него без пехоты. Отступает к Татарке. Что будем делать?

— Я понимаю вас, Андрей Григорьевич, — угрюмо ответил Слащов. — Немедленно выступаю в район Татарки.

— Занимайте оборону по речке и готовьте контратаку вместе с казаками Солоцкого.

Зачем полковнику Шкуро самому лезть в бой, если вечером у него очередное свидание с Леной? Убедил ее до конца месяца оставаться в Ставрополе и обещал потом отправить в Пятигорск с надежными сопровождающими.

IV

Но утром 29-го все изменилось. Шкуро приехал в штаб раньше обычного и сразу же был оглушен докладом дежурного офицера: красные заняли Бешпагир.

С юга и севера давно нажимали, а теперь и с востока. С трех сторон. Сначала полковник возмутился: почему не было доклада от разведки Гензеля? Доложили, что сообщение пришло на рассвете, и сам Гензель двигается к Темнолесской.

— Передайте ему мой приказ: разведроту к Татарке в распоряжение Солоцкого. Я — к губернатору. Со мной Кузьменко.

Ехали в открытом автомобиле. Город просыпался спокойно — встречала тишина, теплое солнце, яркие россыпи яблок, черешен, вишен, персиков... Праздник. Еще не знал город, что кончился праздник.

— Жмут, Андрей Григорьевич? — посочувствовал адъютант.

— Эх, Коля, не наше казачье дело города оборонять. Наше дело — брать города.

— Неужели деникинцы не помогут?

— Не любят они меня, Коля. Вообще казаков не любят. И не помогут. Попрошу губернатора — пусть он Деникина уговаривает.

Однако Уваров уже пытался выпросить подкрепление и у Романовского, и у Деникина, но все было тщетно, и свою паническую злобу он обрушил на Шкуро:

— Вы сами должны вести дивизию в бой. — Генерал повышал голос до крика. — У вас достаточно сил! И артиллерия есть. Романовский сказал мне, что вы отвечаете за оборону города. А вы почему-то сидите здесь. Кто будет защищать Ставрополь с восточного направления?

— Офицерский полк.

— Офицерский сброд. Никакого полка у вас еще нет. Сами собирайте их и ведите на Бешпагир.

Шкуро поднялся и молча пошел к двери.

— Подождите, — остановил его генерал уже не возмущенно, а скорее просительно. — Подождите, Андрей Григорьевич. Скажите, на что мы можем рассчитывать. Если придется оставить город, я должен дать соответствующие распоряжения. Куда нам уходить? К Армавиру или к Тихорецкой?

— Я направлю офицеров на Бешпагир, а сам атакую

красных в районе Татарки. Как только обстановка прояснится, пришлю вам письменное донесение.

— Прошу вас, Андрей Григорьевич, сделайте все возможное.

Атаман молча сел в автомобиль, обдумывая, с чего же начать. Без хорошего подкрепления город не отстоять. Романовский и Деникин решили поставить крест и на Ставрополь и на полковника Шкуро. Не приглянулся он им.

— Плохо, Андрей Григорьевич? — спросил Кузьменко.

— Плохо, Коля. Придется тебе сейчас же отправляться с Леной в Пятигорск. Боюсь, завтра здесь уже комиссары будут шуровать. Глядишь, и ее заметут. Кто-то о ней что-то слышал... Знаешь, как это бывает? Документы у тебя готовы и для наших, и для красных. Возьми в помощь хороших стариков повозочных и двигай. Попробуй там, у красных, Сорокина найти.

Этим утром Романовскому прислали из Ростова немецкие и французские газеты, самые последние, какие только можно было доставить в Россию, с ними он явился на доклад к командующему. Говорили с Деникиным о новостях из Франции — немецкое наступление, по-видимому, окончательно выдохлось. Теперь очередь за союзниками.

— Мы не заключали мира с Вильгельмом²⁴, — сказал Деникин. — Франция осталась нашим союзником. Ее победа — наша победа. Конечно, об этом еще рано говорить, но вряд ли у немцев имеются возможности для нового наступления.

— Краснову пора понять, что, как говорится, его карта бита. Не надо ему показывать наши слабые места. Нельзя сдавать Ставрополь, Антон Иванович.

— Я не буду помогать Шкуре-Шкуро — я его повешу.

— Я согласен с вашим приговором, но прошу отсрочки. Приведем приговор в исполнение несколько позже, а сейчас используем его в наших целях.

— Дать ему в помощь офицеров бригады Боровского? Это означает, что он использует нас в своих целях.

— У Боровского сейчас передышка, и пусть его офицеры лучше разгонят красных под Ставрополем, чем велятся в Кавказской.

— Я согласен на отсрочку казни Шкуро, но дивизию ему не дам.

Шкуро с адъютантами и с первой своей сотней въехал на южную окраину города. С ними и боевой знак с грозной волчьей головой. Тактика полковника была проста и, наверное, непонятна прикомандированным деникинским офицерам: не защищать город, не искать удобный маршрут для отступления, а атаковать красных наступающих с юга, чтобы открыть себе дорогу к кубанским станицам в Баталпашинский отдел. Там и безопасность, и резервы, и ненависть к большевикам.

Едва проехали женский монастырь и открылось поле с темной каймой леса на горизонте, как услышали отдаленную короткую пулеметную очередь. За ней другую гулкую — поближе.

— Перваков, быстро с дозором вперед, — приказал Шкуро. — Узнай, что там, и обратно.

Сам, остановив лошадь, наблюдал в бинокль. Дорога выгнулась, обходя овраг. Дозор скакал к лесу. Навстречу, под приближающееся рокотание пулеметов, опушка леса вытолкнула ряд повозок. Над ними — белый флаг с красным крестом. Раненые. И нервная беспорядочность винтовочных выстрелов. Бывалый фронтовик уже почувствовал тоску отступления. Не хотелось полковнику занимать здесь оборону. Разве что атаковать красных, пустив казаков через овраг.

Дозор вернулся вместе с Солоцким и его штабом. Новоявленный войсковой старшина, внешне такой же бравый, на гнедом коне, крест сверкает на черкеске под знаменитой бородой, но в глазах опасливый вопрос. Сделать бы ему разгон, снять с бригады за то, что не сумел большевиков одолеть, но надо город защищать. Да и опасно связываться — его в штабе Деникина любят.

Солоцкий доложил, что бригада отходит в полном порядке, пластуны Слацова прикрывают отступление.

— В полном порядке мы будем, когда красных оставим, — хмуро сказал Шкуро. — Разворачивайте бригаду, готовьте к конной атаке.

— Вы полагаете...

— Я полагаю, что мы должны не бегать от большевиков, а бить их.

Рота Гензеля с вами?

— Он не дошел до меня. Прислал связного с донесением, что отрезан колонной красных и ведет разведку в окрестностях Темнолесской.

Шкуро тронул лошадь и отъехал. Решил осмотреть поле, прежде чем говорить с Солоцким о конной атаке. Сам уже понимал, что вряд ли она возможна. Бригада, отступавшая в полном порядке, высыпала из леса едва ли не в панике, а вскоре за нею и пластуны покажутся. Слэщов подъехал, не сдерживая тревожного волнения.

— Что делать, Андрей Григорьевич? Где занимать оборону?

— Мельников, разверни штаб в том овражке. Пойдемте посоветуемся, господа командиры.

Совещались недолго. Признали неохотно, что здесь на окраине города кавалерийская атака невозможна: артиллерия есть — снарядов нет. Решили кавалерию спешить, лошадей отогнать в предместье, а всем окопаться и защищать город.

— Должны до ночи продержаться, — сказал Шкуро. — Солнце на закате. Я еду к губернатору. Командует Яков Александрович.

До заката было еще далеко. Солнце жгло справа сзади, опушка леса пестро посверкивала. Там густо копошились темные фигурки — красные готовились к атаке.

Шкуро с ординарцами поскакал не к губернатору, а в свой штаб — там дежурили офицеры. На улицах — паника. Повозки, тачки с узлами. Люди, пораженные смертельным страхом, тянулись к вокзалу и к дороге на Тихорецкую.

И вдруг впереди какая-то заминка, непонятные звуки. Толпа, запрудившая улицу, мешающая проезду

всадников, качнулась к тротуарам, и звуки стали понятными:

Смело мы в бой поедем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую...

Запыленные, загоревшие, усталые после марша, но привыкшие восхищать городскую публику выправкой, бодро шагали роты корниловцев. Белые гимнастерки с корниловскими нашивками, синие галифе, сапоги — приделались добровольцы. Фуражки хоть и выдавленные виды, помятые, но козырьки — лихо на брови, набекрень. Впереди — полковник в мундире с орденами, с сигарой в зубах.

Шкуро соскочил с коня, поспешил навстречу...

Дал Деникин подкрепление — нужен ему Шкуро, нужен Ставрополь.

Из Кавказской эшелонами прибыло два батальона. Не останавливаясь вышли к женскому монастырю — вел сам их Шкуро. Корниловцами командовал полковник Захарьев. Докурил сигару, поднял к глазам бинокль, пошел по кругу, по опушке леса, перебивая объяснения Шкуро, сказал:

— Мне требуется полверсты относительно ровного поля.

— Это слева от дороги, — показал Шкуро. — Но там у них самые пулеметы. Наверное, командиры и штаб.

— Меня это не интересует. От моих офицеров побегут все. Господа ротные командиры, ко мне...

Полковник отдал короткие распоряжения, и в считанные минуты офицерские роты быстрым шагом, некоторые и бегом, развернулись в четкие цепи. Полковник громко командовал, ясно, что не впервые руководил атакой:

— Цепями! Интервал четыре шага! Винтовки, ноги! Огня не открывать! Шаг под барабан! За великую Россию! Вперед!..

Белой сталью врезались офицерские цепи в мягкую кубанскую землю, беспощадно грозно били барабаны, быстрым широким шагом приближались корниловцы к шевелящейся опушке леса. Пластуны, окапывавшиеся на левом фланге, бросили лопатки и поднялись в атаку. Всполошились красные пулеметы. Торопливые очереди взрывали землю под ногами атакующих. Пали раненые и убитые, бежали вслед цепям сестры милосердия.

Барабаны продолжали бить в тех же упрямых монотонных ритмах. Пулеметы сбивались на короткие очереди и замолкали один за другим, Шкуро и его свита наблюдали картину боя молча, не отрывая от глаз биноклей. Прошли считанные минуты, и по чьей-то неслышимой команде цепи сверкнули серебром штыков заигравшим в красном свете заката: винтовки взяты наперевес, волнами поднялась над полем боевое «ура»! Офицеры бегом ринулись в штыковую атаку.

Удирающие красные толпились на дороге, рвались куда-то в чащу леса, их догоняли, кололи, били из винтовок.

Шкуро опустил бинокль, криво улыбаясь, взглянул на стоявшего рядом Солоцкого, сказал грубовато:

— Отговорили меня от кавалерийской атаки, вашу мать! От нас так же бежали бы большевички. Чего ж вы стоите, как истукан? Ведите бригаду на преследование. Дожили. Пехота казачью конницу обгоняет!

— Это же корниловские офицеры, Андрей Григорьевич, — пытался оправдываться Слащов. — А наши казаки после трехдневных боев.

— Эти добровольцы — такие же люди, как все. Я еду в штаб. Мельников — лошадей! Полковник Слащов, принимайте командование.

Слащов мог бы отказаться — он же теперь стоит во главе отдельного войска, но не решился на спор с бывшим своим командиром. Шкуро и до прихода офицеров спешил в штаб, надеясь застать Кузьменко, а теперь, конечно, опоздал. Дежурный доложил, что вахмистр Кузьменко получил все необходимые документы и отбыл на задание около трех часов дня. Жаль, можно было Леноч-

ку оставить еще на несколько дней. Но все к лучшему — нельзя долго с одной бабой заниматься. Да еще это в секрете сохранить.

Приехав к себе, Шкуро приказал Литвиннику собрать своих и организовать ужин из ресторана. За столом гости-казаки в один голос потребовали, чтобы первую чарку пили за полковника-атамана, вождя кубанского казачества. Он особенно не противоречил. Перваков, сидевший рядом, сказал:

— Видать, уважает вас Деникин — такое подкрепление прислал.

— Какое такое? — не сдержав недовольство, начал Шкуро, не желавший соглашаться с тем, что существуют какие-то особенные офицеры-храбрецы; ведь он и сам не трус, — и сказал почти равнодушно: — Люди как люди. Такие же, как мы с тобой.

Телефонный звонок подтвердил, что он прав.

— Господин полковник, — сообщили из штаба дивизии, — к нам приехали из городской думы и жалуются, что корниловские офицеры громят и грабят еврейские магазины. И не только еврейские.

— Скажи этим из думы, что я корниловцами не команду. Пускай к губернатору идут.

Вернувшись за стол, Шкуро потребовал налить по второй, сказал Первакову:

— Говорил тебе — такие же люди. Жильцов бьют и грабят. Но атаквали хорошо. Деникин знал, кого посылать.

— Он вас очень уважает.

— Разговорчики, — остановил Первакова Шкуро.

Ужин закончился еще двумя серьезными звонками.

Сначала позвонили с позиций и доложили, что шрапнельным выстрелом убит Солоцкий. Встали, помянули, выпили.

Когда прозвучал следующий звонок, Шкуро приказал взять трубку Литвиннику. Тот доложил:

— Требуют лично вас, Андрей Григорьевич.

Официально равнодушный служебный голос резанул слух:

— С вами говорит дежурный по штабу Добровольческой армии капитан Чухлов. Передаю вам приказ начальника штаба полковника Романовского: завтра к двенадцати часам дня прибыть на станцию Тихорецкая в штаб Добровольческой армии. Дивизию временно сдать Слащову.

Видно, не очень уважают в штабе полковника Шкуро.

V

К вечеру доехали до Темнолесской. Лена лежала в повозке, плотно обмотав голову платком — лишь глаза и нос можно увидеть. Старики молчали и покуривали. Издали станица казалась мертвой, но у въезда из кустов вышли два человека в папахах и заношенных черкесах. У обоих карабины. Поди, угадай, кто они.

Остановили грубо, подняв оружие, покрикивая: «Стой! Вылазь! Кто такие?» Кузьменко бормотал о больной сеструхе, о страшной жизни в Ставрополе. Его почти не слушали. Обыскали, посмотрели затрепанное удостоверение, выданное Ставропольским городским Советом.

— Советский? Наш? — спросил один из обыскивающих, скаля зубы в нелепой улыбке.

— А чей же? — осторожно ответил Кузьменко. — В Невинку к своим едем.

Старики подтвердили и документы показали.

— Если наши, то пошли.

Привели в третий дом от околицы — Кузьменко помнил его — во время похода ночевал здесь. Помнил и хозяев: хитрый старик Сергуня, его жена и одноногий сын — на германской ногу оставил. Сейчас они сидели в ряд на скамье в кухне. Старик узнал бывшего постояльца, осмотрел с каким-то странным удивлением. Стрельба, доносившаяся с севера, усилилась. Улыбчивый сопровождавший спросил:

— Это ваши бьют или наши?

Кузьменко и старики молчали. Их ввели в горницу. Там сидел скучающий поручик.

— Привели советских, ваше благородие, — сказал один из сопровождавших. — Еще баба с ними. Покуда в повозке лежит. Будто больная.

— Советские? — оживился поручик. — А твое лицо мне знакомо.

— Как же быть незнакомым, когда я адъютант полковника Шкуро, — ответил Кузьменко.

— Адъютант Шкуро? А чего же к красным бежишь?

— Да не бегу я. Задание выполняю. У меня и документ.

— Пошли к капитану — разберемся.

Капитан Гензель занимал дом станичного правления. Сидел за большим столом, рассматривал карту, не зная, куда вести свою роту. Сопровождавших всех отпустил и остался с Кузьменко. Спросил его язвительно:

— Родственницу полковника сопровождаете? Ту самую, что ночью к нему приводили?

Кузьменко молчал, опустив голову. Гензель поднялся, зашагал по просторной комнате, четко стуча каблуками. Остановился, усмехнулся высокомерно.

— Я хочу знать, кто она, и вы же это скажете. Вы дезертир. Идет бой, а вы с фальшивым документом дезертируете в расположение красных. Вас расстрелял бы любой офицер Добровольческой армии. И могу это сделать.

Кузьменко поднял голову, взглянул на капитана не испуганно, а удивленно.

— Расстреляете за то, что я выполняю задание командира дивизии?

Гензель еще походил, подумал, сел за свой стол, снова спросил:

— Так кто же она?

— Родственница. Звать Алена. Болела тяжело. Чаяхотка, что ли.

— Я вас не расстреляю. Выполняйте свое задание, но мы этот разговор еще продолжим. Из Ставрополя когда выехали?

— В четвертом часу.

— Что делается в городе?

— Паника. Бегут.

— Удастся отбить большевиков?
— Навряд.
— Потому и родственницу увозим? Везите. Я прикажу, чтобы вас пропустили.
— На ночь не поеду.
— Ночуйте. Моя рота пока остается здесь. До выяснения обстановки. Бой-то еще идет.

Непонятный шел бой: звуки пулеметной и винтовочной стрельбы вроде затихали, делались реже, короче, и в то же время приближались. Красные отступают от города? Или ветер так доносит выстрелы? К ночи все утихло. Кузьменко устроился у деда Сергуни. Лену, как больную, положили в горнице, бабка кормила ее свежим борщом, угощала чаем с вареньем. Мужики угощали казаков.

— Могли тебя и в овражек отвести, — говорил дед Николаю. — Они такие. Пришли, разузнали, кто как большевиков встречал, и двоих отправили туда.

— Такая жисть, — сказал одноногий. — То те, то эти. А ты вертись.

— А ты б за кого был? — спросил его Кузьменко. — Если б не нога.

— Не люблю я войну эту, — ответил тот. — Бьют народ и те и эти, а за что — сами не знают. Перепуталось все. Иногородние были за красных, а теперь и у Шкуро они воюют. А у большевиков и офицеры и даже генералы есть в армии. Путаются, лишь бы кровь пустить. Озверел народ.

— А ты сам на германской что делал? — напомнил Кузьменко.

— Чего приказывали, то и делал.

— Стрелял же? Значит, убивал.

— Не знаю. Не старался.

Кузьменко спал в кухне, на широкой лавке. Не спал, а думал. Эти могли расстрелять. А за что? За то, что служит честно атаману. А почему он ему служит. Сам такой же казак. Пусть училище не заканчивал. Конечно, не каждый может стать большим атаманом, не каждый поведет за собой тысячи людей. Надо уметь говорить,

чтобы поверили. А сам-то верит? А женщины? Почему и лучшие женщины ему, а ты еще и приводи их?

Его раздумья прервали винтовочные выстрелы, рассыпавшиеся треском за станицей. Вскочил, натянул куртку. Поднялись и хозяева. Лена проснулась. Кузьменко ее успокоил: «Пойду разузнаю».

— Нет уж, ты не ходи, — возразил старик. — Ты казак заметный — из-за тебя и мы пропадем.

Старик вернулся быстро и сообщил тревожное: станицу занял какой-то красный отряд, шкуринская рота отступила.

— Ой, пропали мы, — запричитала бабка. — Найдут у нас этого адъютанта и всех постреляют.

Пришли казаки, ночевавшие в сарайчике. Спрашивали, что делать.

— Уходить от нас надо, — заявила старуха. — Не хотим из-за вас смерть принимать.

— Ты, мать, погоди, — возразил одноногий. — Не возьмем грех на душу. Их большевики немедля кончат. А у нас мы отговоримся. И документы у них есть. Везет больную сеструху, или кого там. От белых, значит, бежит. Сам иногородний...

Ничего решить не успели — в дом ворвались трое. Грязные, усталые с воспаленными глазами, у одного плечо забинтовано. Закричали:

— Кто здесь есть? Бабка — ужин на стол. Постели готовь на ночь. Что за люди?

Кузьменко показывал документы. Одноногий убедительно и сочувственно объяснял, что везут из Ставрополя пострадавшую от белых больную женщину, и болезнь у нее опасная, может, заразная...

Все кончилось неожиданно: с улицы ворвались еще несколько красноармейцев — пришли звать своих в какой-то другой дом, где на столе уже поставлены и горилка и закуска. Задерживаться не стали, даже на больную не взглянули. Старуха крестилась перед иконой и кланялась. Кузьменко смотрел на нее с брезгливой ненавистью — не жаль и зарубить такую.

Станица утихла, разбрелись по своим углам и хозяе-

ва, и проезжие. Кузьменко опять не мог заснуть — смерть была рядом. Поднялся и вошел в горницу, где спала Лена. Подошел к ней, сел на кровать.

— Ты чего? — повернулась она к нему. — Что еще случилось?

— С тобой спать буду. Подвинься-ка.

И начал раздеваться.

— Что? Сбесился?

— Я — мужик, ты — баба, и нечего...

— Ты мужик, да? — Она пошарила под подушкой. — А ну, надевай портки.

У нее в руке оказался наган, и палец на спуске.

— Рехнулась?

Смотрел в ее сверкающие глаза и верил: выстрелит. Молча оделся и вышел.

VI

Предчувствие было тяжкое, но неопределенное. Что ему уготовил Деникин? Не сам же Романовский решат. В штабе Тихорецкой офицеры были оживлены — ведь стоят на пороге победы. На днях Екатеринодар будет взят, и тогда... Что тогда, представляли неопределенно.

Прошлый раз Шкуро встречали как победителя. Деникин даже сказал, что Россия его не забудет, а теперь полковник ждал в душной маленькой приемной, а к Романовскому заходили интенданты, штабные, члены Рады... Шкуро давно научился сдерживаться в любых обстоятельствах и теперь спокойно сидел, разговаривал с посетителями и адъютантами о жаркой погоде. Когда наконец его пригласили в кабинет, он был неприятно удивлен, увидев на столе начальника штаба ставропольскую газету. С нее и начался разговор. Романовский возмущался:

— Читаю и не верю глазам, — говорил он. — «В беседе с депутацией рабочих полковник Шкуро заявил, что его казачья дивизия борется за освобождение от большевистского засилья, за землю, за волю, за восьми-

часовой рабочий день, за Учредительное собрание...» Вы действительно это сказали?

— Люди спрашивают — надо отвечать, — Шкуро улыбнулся с заученным наивно дружеским выражением. — Ведь не скажешь, что не знаешь, за что воюешь. А рабочему нужна и воля и восьмичасовой рабочий день.

— У нас одна армия, один командующий, и ему предоставлено право решать вопросы политики. Не каждый командир дивизии придумывает политическую программу, существует одна программа Добровольческой армии. Вы ее знаете.

— В Ставрополе сложное положение. Хотелось привлечь рабочих на свою сторону. Я не знал, что в газете напечатают.

— Командующий приказал передать вам, что командир дивизии Добровольческой армии не должен вторгаться в область политики. И ваши действия в Ставрополе не помогли армии, а, наоборот, затруднили положение: нам пришлось отвлекать офицерские батальоны на оборону города и тем самым замедлить наступление на Екатеринодар. Командующий приказал также передать вам, что не одобряет ваших способов использования захваченных трофеев. Вы меня понимаете?

— Понимаю, что меня хотят снять с дивизии.

— Это еще не решено окончательно. — И Романовский неожиданно из строго выговаривающего начальника превратился в сочувственно улыбающегося приятеля. — Я против того, чтобы лишить армию такого талантливому храброго боевого командира. Мы высоко оцениваем и ваш авторитет среди кубанского казачества и вашу поддержку лозунга единой России. Пока оставайтесь в Тихорецкой и ждите вызова, весьма полезно вам посоветоваться с членами Рады.

Шкуро не ожидал ничего хорошего от разговора с Романовским, но обидела неопределенность и хитрость. Так и не сказал, что его ждет. Послал к Филимонову в Раду — значит, заранее обо всем договорились. О чем только?

Филимонов жил в том же доме, был также благообразен, но с тех пор, как Шкуро его не видел, озабоченность

усилилась. А прошло всего дней десять. Атаман заговорил о скором взятии Екатеринодара. Город — столица Кубани, надо устроить торжественную встречу Кубанской Рады, а генерал Деникин отмалчивается. Скорее всего, сам хочет первым въехать в Екатеринодар.

— И с вами, Андрей Григорьевич, они поступают несправедливо. Назначили командиром дивизии, а теперь без всякой серьезной причины снимают.

— Я и сам не хочу в ихней армии служить. Вот они недовольны, что я не мог Ставрополь отстоять, а я к другой войне предназначен. Не оборонять, а брать города! Такая война сейчас и нужна. Если с дивизии снимут, я две других наберу. И с волчьим знаменем буду брать города.

Своевременно пришел Быч. Узнав, о чем говорят, немедленно поддержал Шкуро:

— Назначим его атаманом Кубанского войска, и не нужна нам Добровольческая армия, и ихняя единая Россия нам не нужна.

— Не надо об этом вслух, — сказал Филимонов. — Пусть Андрей Григорьевич остается в Добровольческой армии: Деникин обязательно найдет для него почетное место — такими героями не разбрасываются. И нельзя забывать об авторитете полковника Шкуро у местного населения. А мы с тобой, Лука Лаврентьевич, подготовим своих казаков, создадим войско, и затем Андрей Григорьевич возглавит самостоятельное кубанское войско, не входящее в Добровольческую армию. Это в нашей власти.

— И Покровского возьмем, — решил Быч. — Он и прежде был нашим. И генерала мы ему дали. После Екатеринодара обязательно будет большая реорганизация всех войск.

Шкуро потихоньку соглашался, зная, что у таких начальников Кубани — обиженного старика и недовольного честолюбца — никогда не будет никакой армии, потому что все казачьи офицеры достаточно образованны, чтобы понимать необходимость сохранения единой России. Да и такие начальники ему не нужны.

— А Сорокин? — спросил он. — Наш казак. Случайно попал к красным. Мне известно, что он за вольную Кубань стоит.

Оба собеседника замахали руками, шумные их взгляды сводились к тому, что Сорокин враг и Деникина, и Кубанской Рады, и с ним не договоришься. Филимонов достал из ящика стола тонкие листы с едва различимыми бледными строчками.

— Вот что пишет этот красный главнокомандующий: «Народ Кубани поддерживает меня, потому что за меня агитируют деникинские банды. Невиданная героическая храбрость моих войск разгромит все белые армии и раздавит контрреволюцию...» Или вот еще: «Красные бойцы! На нас с надеждой смотрят все трудящиеся мира! Они навеки останутся благодарны вам за то, что вы поднимаете над землей светлую зарю революции и свободы. Паразиты, кровавые душегубы, банды Деникина и вся контрреволюционная сволочь будет выметена с кубанской земли. Мир трудящимся, смерть эксплуататорам, да здравствует всемирная революция!» Он уже не наш казак — погряз в красном дерьме.

Шкуро согласился, прекрасно понимая, что эти листовочные выкрики никак не могут помешать возможному сотрудничеству двух боевых казачьих командиров, понимающих истинную суть этой войны. Понимал он и разницу между кубанской степью и Российской империей.

— Мне приказано остаться со своими адъютантами при штабе и подумать, кому передать дивизию.

— Улагаю³⁵, — сразу сказал Филимонов. — Он сейчас заканчивает лечение в Ростове — был ранен.

Не раздумывал ни минуты, — решение уже было принято. Улагай полковник, правда, настоящий. И старше на 10 лет, и Николаевское кончал. В эту заваруху попал, потому что Корнилова поддержал в прошлом году. А то бы, может, рядом с Сорокиным сражался.

— Хороший будет командир, — согласился Шкуро. — А я пока буду здесь сидеть, ждать решения командующего.

— Он уже стал главнокомандующим, — неодобрительно сказал Быч.

— Кто же это его на такую должность назначил? — насмешливо спросил Шкуро. — Не иначе сам себя — государь император-то далеко.

— Да-а... — неопределенно выразил свое мнение Филимонов. — Главнокомандующий... Он обязательно спросит вас, Андрей Григорьевич, где бы вы хотели сражаться. Или Романовскому поручит.

— Поеду в Баталпашинский отдел. Даже если Деникин будет против. Через две недели у меня будет еще одна такая же дивизия. Конечно, с вооружением сам не справлюсь.

— Главнокомандующий против не будет, — успокоил Филимонов, — и оружием поможем.

VII

Со своими людьми Шкуро остановился в доме, отведенном штабным офицерам. С утра прогуливали коней, скромно обедали, вечерами прогуливались чинно и трезво. Обходилось без шумных сборищ, громких песен и всяческих лезгинок. Казаки замечали, что к их компании любят присоединяться офицеры, наверное, не просто так, а чтобы потом кому-то доложить, что здесь делается, о чем говорят.

Ничего не могли такие наблюдатели ни увидеть, ни услышать, ведь полковник Шкуро человек опытный и волевой. Знал он, что в эти дни в кабинетах Деникина и Романовского решается его судьба. Знал, что все решения будут приниматься после взятия Екатеринодара.

Кузьменко появился в день, когда судьба кубанской столицы была решена. Шкуро прислали офицера, сообщившего, что штаб армии перемещается в город, в район Московского вокзала, и господина полковника приглашают ехать в штабном вагоне, а его сопровождающих — в интендантских вагонах.

— Одного адъютанта я возьму с собой, — сказал Шкуро.

Офицер пожал плечами, отдал честь и ушел. Шкуро приказал Литвиннику приготовить и подать походно-парадную черкеску, почистить сапоги и прочее. Шкуро обдумывал, кого взять с собой, кому доверить пакет с деньгами и драгоценностями — самое ценное он теперь всегда носил сам, на груди, но все не унесешь — как раз в это время появился Кузьменко, уже прознавший обстановку и успевший провести себя в приличный вид.

— Вот ты, Коля, и поедешь со мной в штабном, — сказал ему Шкуро. — Уже время. Пойдем. По дороге обо всем расскажешь.

Все относящееся к армии, к войне, к победе спешило на станцию. Везли и несли оружие, ящики, мешки, штабные столы... Не только офицеры и солдаты, но и местные казаки рвались в Екатеринодар. На лицах не столько радость, сколько торопливость: не опоздать бы.

Прошли в конец поезда, где суматоха замирала, встали в тени тополей. Шкуро вопросительно посмотрел на Кузьменко.

— Почему молчишь? Беда, что ли, какая?

— Нет, Андрей Григорьевич, все ладом. Доехали с Еленой Аркадьевной. Генерал ихний болеет и очень большевиков боится. Обыски идут по ночам. Боится, что возьмут в Чека.

— Доехали, и ладно. Теперь в другую сторону поедем. Что Сорокин? Здесь знают, что он со своими отступает к Невинке, но пока вроде главнокомандующий.

— Командующий-то он главный, да не отступают они, бегут табором, толпой. Беженцы, солдаты, казаки, которые иногородние, — все перемешались. Никакого строя.

— Был у Сорокина?

— Нет возможности, Андрей Григорьевич. Он в своем поезде, с обеих сторон бронепоезда у его вагона платформы с пулеметами. Сам приказал никого не пускать. У Кавказской я переходил железку и видел его поезд. Говорят, беженцев тысяч двести.

— Натворили делов, постреляли буржуев в Екатери-

нодаре. Знает кошка, чье мясо съела. А вот и Литвинник с припасами. Пошли в вагон — место в тенечке займем.

Опаздывавшим пришлось устраиваться на правой, раскаленной жарким солнцем стороне. Быч успокаивал своих членов Рады: «Это хорошо, господа. К своему солнышку едем, к столице нашей». Закатное солнце било наискось прямо в глаза тем, кто смотрел вперед. «От своего солнца не ослепнешь», — говорил Быч. Некоторые, осторожно оглянувшись, выражали сомнение: «Свое ли будет? Другие хозяева город берут».

— Андрей Григорьевич, — крикнул Быч через проход. — Ведь наша столица Екатеринодар? Наш город?

— Мы же кубанцы, — ответил Шкуро, хитро подмигивая. — Для нас — Екатеринодар, для всей России — Москва.

Сказал так, чтобы никто не понял, за самостийников он или за единую Россию. Наверное, и те и другие посчитали его союзником.

Поезд пересекал выжженную степь, исцарапанную железом и свинцом, перекопанную разрывами снарядов, окопами, могилами. Изредка попадались еще не убранные полураздетые трупы. Пассажиры-победители видели только праздничное: солнце над Екатеринодаром, офицерские патрули на перронах станций, трехцветные флаги. Захотелось и музыки. Закричали: «Чухлов, гитара с тобой? Давай Вертинского». Капитан, расположившийся в конце вагона, не отказался, тем более что много голосов поддержало любителя модных романсов. Унылые аккорды втиснулись в грохот колес. Капитан подражал известному певцу: картавил и растягивал фразы слезливым тенором:

Темнеет дорога приморского сада
Еще далеко до зари-и.
Я очень спокоен, но только не на-а-адо
При мне о любви-и говорить...

— Под такую песню хоронить, — сказал Шкуро. — Не то что у нас. Верно говорю, Коля?

— Конечно, Андрей Григорьевич. Лучше кубанских нет.

— Есть и грустные, но то ж песни. А это разве споешь с казаками? Исполнение имело успех, и капитан запел следующий романс, однако из главного вагона вошел офицер, что-то шепнул капитану, и пение прекратилось. Капитан шепотом передал новость другим соседям. Оглянувшись из соседнего отсека незнакомый подполковник, сказал вполголоса:

— Господин полковник, секретное сообщение. Приказано его довести до офицеров, но официально не объявлять до торжеств по поводу взятия Екатеринодара. Государь император и его семья расстреляны большевиками в Екатеринбург.

Слева впереди по ходу поезда послышались отдаленные артиллерийские выстрелы — на левом берегу Кубани шел бой. Следом вновь зазвучала гитара, и капитан Чухлов запел, уже не подражая кому-то, а выражая то, что чувствовал сам и его спутники:

Я не знаю, кому и зачем это нужно,
Кто отдал тот приказ недрожавшей рукой,
Чтобы так беспощадно, так зло и не нужно
Их отравили в вечный покой...

III

После праздничных торжеств с речами о заслугах Добрармии и с молебном на соборной площади, после панихиды по убиенному императору Деникин назначил совещание высших чинов и членов Кубанской Рады. Шкуро был приглашен. До назначенного времени оставалось еще часа полтора, и он решил навестить старую знакомую. Сказал адъютанту Кузьменко:

— Пойдем, Коля, до Кати. Небось ждет, если не бежала. Там и твоя рядом.

— Уехала моя в Новороссийск. Я узнавал.

— Так меня проводишь.

В городе на улицах почти одни офицеры. Если встре-

чаются женщины, то с офицерами. Под командой унтеров какие-то оборванные мужики, наверное, пленные, убирают улицы заваленные ящиками, мешками, поломанной мебелью, брошенными повозками. Катя Буракова жила в переулке возле набережной. Ее квартира на первом этаже встретила разбитым вдребезги окном. Дверь была открыта, в комнатах — развал и следы грабежа: открыты шкафы, комод, сундуки, по полу разбросаны тряпки и всякая мелочь. Постучали к соседу. Открыл небритый, испуганный, в седых лохмах.

— Господа офицеры, я ничего не знаю. Болеем со старухой. И на улицу не выходим.

— Ты скажи, где соседка? Кто погром здесь учинил?

— Ничего не слышал, ничего не видел. Господом Богом клянусь...

— погоди клясться? Скажи, где Катя Буракова? Катерина Егоровна.

— Не знаю, господа офицеры. Видать, бежала. А може убили ее... По лестнице спускался хорошо одетый старик в очках.

— Не убили, а жаль, — сказал он, и его злое лицо исказило брезгливое выражение. Продалась комиссарам. В Чека служила. Сама арестовывала. Меня грозилась расстрелять. Еле ноги унесла со своими большевичками. Над телом нашего героя-мученика генерала Корнилова, царство ему небесное, измывалась вместе с городской чернью. Таких, как эта Катя, завтра на площади вешать будут. Желаю вам полной и окончательной победы, господа офицеры.

Поблагодарив верного истинной России старика, Шкуро со спутником пошли к себе.

— А домой в Пашковскую когда поедете? — спросил Кузьменко. — Рядом же.

— Моих там еще нет. И не время мне туда ехать. Генералом приеду.

Посмотрел на часы, заторопился на совещание.

Собирались во дворце. В ожидании прохаживались по залу, обсуждали успехи союзников во Франции: 8 августа — черный день германской армии, Шкуро с многи-

ми уже был знаком. Самоуверенный Дроздовский³⁶ вышагивал от стены до стены и обратно, ни с кем не общался, — считал себя единственным настоящим русским патриотом, вождем и героем невиданного похода боевиков офицеров с Румынского фронта на Дон. В пенсне с крупными стеклами он был похож на злобного экзаменатора, Иван Павлович Романовский каждому улыбался, говоря что-нибудь приятное, но его артистические приемы в денкинском штабе всем уже хорошо были известны. К Шкуро подошел генерал Покровский — тоже командир кубанцев — вел с полковником сложную игру в дружбу между своими, посмеивался над самостийниками и намекал, что Кубанью должны править такие, как он и Шкуро. Себя, конечно, видел главным. Покровительственно сочувствовал:

— Я был искренне рад служить вместе с вами. Меня удивляет, что вас сняли с дивизии. Это ошибка Антона Ивановича. Я ему так и сказал. Убедил его, что вам необходимо дать возможность продолжать борьбу против большевиков в составе нашей армии. Только мы с вами пользуемся авторитетом среди кубанского казачества. А операцию по взятию Ставрополя вы провели блестяще.

Сказал и хитро подмигнул.

Почему-то близко сошлись с Кутеповым. Может быть, потому что оба маленького роста. Или почувствовали друг в друге нечто простое, солдатское, служивое, отличающее их от этих напыщенных генералов-дворян с родовыми именами, историческими фамилиями, связями с высшими лицами империи. А их роднило и то, что оба оказались в опале: после взятия Екатеринодара Кутепова отстранили от командования бригадой — слишком был предан покойному государю императору.

— Какую должность вам предлагают, Александр Павлович? — спросил Шкуро.

— К сожалению, не боевую. Губернатором в Новороссийске.

— Вас вне армии? Лучшего командира? — искренне удивился полковник. — Я не знаю ни одного офицера-

добровольца, который не говорил бы о вас с восхищением. Ожидали, что вы будете командовать армией, когда Антон Иванович займет высший политический пост.

— Антон Иванович думает иначе. А вот и еще один высокий начальник.

Вошел и, в самом деле, человек высокий, генерал, доселе в Добровольческой армии не находившийся, и среди собравшихся на совещание барон Врангель оказался самым заметным — он был на голову выше всех. С бароном Шкуро встречался на фронте: Врангель был командиром Уссурийской дивизии в 17-м корпусе генерала Крымова и мешал есаулу Шкуро развернуть партизанские дела. Тем не менее поздоровались дружески. Высказали казенную радость по поводу встречи и того, что теперь вместе будут сражаться за единую Россию.

— Какую должность занимаете, полковник? — спросил Врангель.

— Был командующим дивизии — сейчас жду нового назначения.

— Командиром дивизии? — высокомерно удивился генерал. — Высокая должность. Поздравляю. А я тоже жду назначения. Антон Иванович обещал решить после совещания.

За стол совещания постарались сесть подальше друг от друга.

Деникин вышел, как обычно, с серьезным лицом человека, озабоченного судьбой России; на него возложен этот крест, и он будет нести его до конца. Об этом и говорил:

— На полях Франции германская армия терпит окончательное поражение. Если бы немецкие наемники — большевики — не разложили армию и не погубили бы империю, мы сейчас вместе с соратниками добивали бы войска кайзера. Теперь, когда этот враг разбит, мы должны сосредоточить усилия на восстановление великой единой России. Подчеркиваю: единой. Наша цель — Москва, захваченная и поруганная большевиками. Но военная обстановка не позволяет нам немедленно начать наступление на центр России. Нельзя наступать, оставив в тылу такие многочисленные хорошо воору-

женное войско красных, как армия Сорокина, Таманская армия Ковтюха, кавалерийские отряды... По данным разведки, красное командование готовит ударные части в районе Астрахани для наступления на Ставрополь. Поэтому главная задача сегодня — это разгромить красные войска на Юге России и подготовиться к наступлению на Москву. Все наши силы необходимо сосредоточить на выполнении этой задачи под руководством командования Вооруженных сил Юга России. И Добровольческая армия, и донские и кубанские казаки части должны быть объединены единым командованием. К сожалению, — повысил голос Деникин, — не все из присутствующих здесь разделяют это мнение. Некоторые хотят уже сегодня объявить Кубань суверенным государством, отозвать всех казаков из нашей армии и создать свою самостоятельную армию. Стремление к суверенности принимает болезненный характер. Когда в Екатеринодаре еще шел бой и мне пришлось перевести штаб на вокзал, я незаметно проехал на автомобиле по освобожденному городу, и эту поездку нервные самостийники поставили мне в вину. Им не понравились и торжества по поводу освобождения города. Но ведь никто не препятствовал вам, господа самостийники, войти в Екатеринодар хотя бы с казачьей конницей, атаковавшей город. И теперь, вместо объединения антибольшевистских сил вы хотите их разъединения. В то время, когда половина Кубани лежит под властью большевиков и на полях ее льется кровь добровольцев, Кубанское правительство стремится развалить армию. Я этого не допущу! Совещание окончено.

Деникин поднялся и направился к дверям кабинета. Задержал шаг, оглянулся, сказал Врангелю:

— Петр Николаевич, зайдите, пожалуйста, ко мне.

В кабинете им подали чай со сладостями, и Врангель, горячо высказавшись в поддержку главнокомандующего, осудил кубанских самостийников. Деникин отозвался презрительно:

— Они даже считают себя революционными демократами, а нас реакционерами монархистами. С этими

людьми нельзя серьезно разговаривать. Давайте, Петр Николаевич, решим ваш вопрос. Как же мы вас используем?

— Как вам известно, ваше превосходительство, я в семнадцатом году командовал кавалерийским корпусом, но еще в четырнадцатом был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона.

— Ну уж эскадрон... Командиром бригады согласны?

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Пока это Первая кубанская казачья дивизия, но мы разворачиваем ее в бригаду.

— Кстати, и Шкура у вас командир дивизии?

— Я его снял. Он теперь не Шкура, а Шкуро.

— Я знал его, когда он был есаулом в корпусе Крымова.

— Каково ваше мнение о нем?

— Перед вашим превосходительством я обязан быть предельно откровенным. Мы тогда сражались в Лесистых Карпатах, и Ставка увлеклась партизанщиной. Эти так называемые партизанские отряды формировались за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали автономно, подчинялись только штабу походного атамана. Туда шли главным образом худшие элементы офицеров, не справлявшиеся со службой в родном полку. Отряд есаула большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса был отозван с нашего участка.

— Я сразу раскусил этого «народного героя». Разумеется, он не достоин командовать дивизией Добровольческой армии, но в борьбе с большевиками мы должны использовать всех, кто готов сражаться на нашей стороне. А у Шкуро есть некоторые положительные стороны. Авторитет среди кубанского казачества и при этом полная поддержка нашего лозунга единой России. Он не пошел за этими самостийниками — там у них Рябовол, Быч... Да и Филимонов тоже в ту сторону смотрит. Мы поручим Шкуро поднимать казаков в станицах, захваченных красными.

Такого загула не было со времен службы сотником до женитьбы, когда его даже к наказному атаману вызывали для внушения. Вернувшись из Екатеринодара со своими адъютантами, Шкуро немедленно отправился на квартиру, приготовленную ему Литвинником, послал Первакова к Слащову с просьбой подготовить дивизию к передаче новому командиру, за исключением 1-й и 2-й сотен, остающихся под личным его командованием, и начал...

Нет, утрюмые запои до беспамятства, как у Слащова и других офицеров-москалей, — это не его забавы. Пил он, гулял от зари до зари, но, по казачьему обычаю, с чашками по кругу, с песнями, с девками, и до конца не терял понимания творящегося вокруг. Пели любимые кубанские: и боевые, и веселые, и грустные. Ближе к полночи Шкуро сам запевал протяжную, печальную. Любил эту:

Ты прощай, прощай мила-ая,
Прощай радость, жизнь моя-а.
Я навек с тобой расста-ался
И сердечно распрощался-а.
Знать, тебя мне не вида-ть
И в гостях мне не быва-ать...

Вспомнились встречи с Леной, и он, сдерживая хмельную слезу, говорил Кузьменко:

— Хороша, Коля, была девка. Да? Тот утрюмо соглашался.

Если рядом со Шкуро появлялась женщина, он вел себя с ней грубо, без ласковых слов, под утро не провожал, а прогонял. Иногда приговаривал: «Была у меня такая, а теперь с комиссарами путается. Не верю бабам...»

Полковника искали — новый командир дивизии Улагай стремился увидеть предшественника, да и по другим делам Шкуро многим был нужен, однако всем отвечали:

полковник тяжело болен. Губернатором в Ставрополе назначали генерала Глазенапа, и он с первых дней своей власти требовал к себе полковника, наверное, для того, чтобы отучить от симпатий к Учредительному собранию. Возмущался, что Шкуро не является, жаловался в штаб...

Шкуро об этом докладывали верные адъютанты — он отмахивался, как от мух. Говорил о Глазенапе и о других подобных начальниках грубо, нецензурно. Объяснял, что признает только Деникина и Романовского. Излагал перед своими новые планы:

— Стану генералом — дадут мне корпус. Дивизию то мы с вами за неделю наберем, Деникин корпус даст. Романовский поможет. Иван Палыч хоть и не казак, а хороший мужик. Только дворец не стану для себя и штаба строить. Помнишь, Коля, мы с тобой на поляне мечтали, что сделаем зал огромный с паркетным полом, а на стенах — волчьи головы? Нет, пока война, треба не дворец, а бронепоезд с салон-вагоном, и в вагоне по стенам между окон — волчьи головы...

Закрывал Шкуро глаза и в хмельной одуре видел свой вагон со знаками волка, мчащийся через всю Россию к Москве. Его войско в черкесках и волчьих папахах в конной атаке возьмет любой город. И Москву возьмет, как эти... из истории — Минин и Пожарский...

Однажды утром он поднялся с решением начать день с кофе и идти на встречу с Улагаем, но Перваков пришел возбужденный с газетой в руках: в Москве стреляли в Ленина — наверное, умрет.

— Выходит, хана большевистскому атаману! — воскликнул Шкуро. — Давай, Наум, открывай запасы. Что там у тебя? Чихирь? Спирт?..

Пили до следующего утра. Днем атаман растолкал Кузьменко — приехал штабной офицер из Екатеринодара и просит полковника явиться в штаб Улагай. Для Шкуро не составило труда подняться, окунуть голову в холодную воду, побриться, причесаться и... вот перед подчиненными боевой полковник. Никаких следов, отеков, головных болей. Только щеки бледнее обычного, и глаза сверкают по-волчьи.

В штабе вместе с Улагаем его ждал капитан Чухлов — тот, что умел петь под Вертинского, — привез приказ о назначении полковника Шкуро командиром казачьей бригады, которую надо сформировать из казаков Баталпапинского и Кисловодского отделов. Денежное содержание командира бригады — 1000 рублей в месяц. Чухлов привез деньги за два месяца вперед, поблагодарил, посмеиваясь мысленно: эти бумажки он мог сейчас же на улице нищему отдать.

— Это высшая офицерская ставка. — Извинение звучало в голосе армейского Вертинского.

— Спасибо, капитан, вы меня выручили — болел тяжело, лекарства, врачи. Знаете, как это все. — А вы хорошо поете. Казачьи песни есть в вашем репертуаре?

— Спасибо за комплименты, господин полковник. Казачьи песни я петь пробую. Вот Кубанский гимн. Знаете, это... «Ты, Кубань, ты наша Родина...»

Поговорить о песнях не дали Улагай и Слацов — у них оказались неожиданные сложности с формированием: казаки самовольно переходили в те две сотни, которые остались под командованием Шкуро.

— Я же в этом не виноват, господа, — с усиленным удивлением оправдывался полковник. — Недоразумение какое-то. Я лежал почти без сознания все эти дни. Теперь поднялся — разберусь.

А сам ликовал в душе; знайте, добровольцы-корниловцы, кого любят боевые казаки!

Пора было прекращать разговоры, но Чухлов затеял беседу о событиях в лагере красных, о которых писали все газеты — о красном терроре, о преследованиях эсеров.

— Какие там преследования, — сказал Улагай. — Расстреливают всех без суда и следствия.

— Возможно, и покушение организовали, чтобы оправдать террор, — подхватил идею Слацов.

— В нашу ли это пользу? — задал Чухлов риторический вопрос.

Шкуро это не интересовало. Он уже смотрел вперед — степи, станицы, предгорья, сейчас еще тихие и пустые, но вскоре взорвутся они стройным топотом казачь-

их сотен, кинутся в конные атаки его кубанцы и порубят красные банды, и побегут по степи лошади, оставшиеся без всадников.

Наконец, выяснилось, почему Чухлов тянул время: открылась дверь, и вошел полковник с артиллерийскими погонами.

— Я уж вас заждался, — обрадовался Чухлов.

— Задержался поезд — обстрел, — объяснил опоздавший.

Чухлов познакомил прибывшего со всеми присутствующими, но главным заинтересованным лицом оказался Шкуро — перед ним предстал его новый начальник штаба Антон Мейнгардович Шифнер-Маркевич²⁷.

— Меня в армии называют Антон Михайлович, и вас так прошу, — сказал генерал.

По годам — примерно ровесник Шкуро, темноволосый, бледное лицо, выражающее неизвестно что. Может быть, ничего. Заговорили о положении на фронте — спокойные оценки, будто о погоде говорят:

— Красные пытаются остановить отступление и занять оборону по линии Кубани. По-видимому, это им удастся.

— Как удастся? — разгорячился Улагай. — Мы не должны допустить.

— Соотношение сил, как обычно, в их пользу, а теперь еще моральный подъем в связи с прекращением отступления и подходом Таманской армии Ковтюха.

— А мы должны сидеть и ждать? — возмущался Улагай.

— Обстановка покажет, — уклончиво ответил Шифнер-Маркевич.

— Нам с вами, Антон Михайлович, надо много чего обсудить. Встретимся вечером в моем штабе, — сказал Шкуро, поднимаясь.

Его остановил Чухлов:

— Прошу подождать, Андрей Григорьевич. Я обязан сделать конфиденциальное сообщение для всех присутствующих. В воскресенье восьмого сентября в Ставрополь прибывает наш главнокомандующий,

Антон Иванович Деникин. Губернатор уже знает и готовит торжественную встречу. Вам необходимо привести в полный порядок войска и встретить генерала с блеском.

— У меня-то пока нет войска. Еще не все от Улагая ко мне перебежали, — усмехнулся Шкуро.

— Что вы такое говорите! — возмущился Улагай.

— Я без обиды, Сергей Георгиевич. Извините за ради Бога, пошутить захотелось, а то уж мы все такие серьезные. Всех казаков буду вам обратно отправлять.

На улице жарко — но уже не по-июльски — и всюду цветы. Расходились пешком и Шкуро с адъютантами, и Чухлов с друзьями-офицерами. На тротуарах людей в погонах больше, чем обычно: понаехали из штаба готовить встречу главнокомандующему. А горожане отвыкли за полтора месяца от пролетариев и матросов, не думают о том, что всего верстах в пятидесяти бушует почти двухсоттысячная армия Сорокина, разбитая, но не добитая, готовящаяся к новым боям.

Шкуро рассказывал своим о новом начальнике штаба. Ему он с первого взгляда не понравился тихостью и вялостью, и зовут его черт знает как, однако, вспоминая его оценку обстановки на фронте, не решился сразу настроить против него офицеров. Сказал осторожно:

— Со мной не советовались, я его не знаю, но, наверное, офицер боевой, опытный, академию кончил, на фронте штабом корпуса руководил, в здешней обстановке разбирается. На казака не похож — тихий очень. Лезгинку не спляшет.

Адъютанты посмеялись, но отметили, что не зря полковнику Шкуро дали в штаб генштабиста.

— Не зря, — согласился полковник. — Соберем казаков — большие дела будем делать.

Трое друзей офицеров уверенно направились в кафе на Никольской: Чухлов, Гензель и Рябов из контрразведки. Возник повод заказать шампанское: Гензель объявил, что женится. Рассказывал приятелям о Маргарите:

— Она дворянка. Старая фамилия: Чернавины. Однако отец бросил семью и жил с какой-то актрисой. По-

том погиб на фронте. Жила одна с матерью, окончила женские курсы, прекрасно объясняется на французском и немецком. Была, правда, замужем, но недолго. Ее поручик не вернулся с фронта. Служила экономкой у нашего генерала Рузского в Пятигорске.

- Под какой же она фамилией? — спросил Рябов.
- Чувствуется контрразведка, — усмехнулся Чухлов.
- Нет, но...

— Не оправдывайтесь, Федор Самсонович, — успокоил Гензель. — Теперь, во время Гражданской войны, отношение к фамилиям совершенно другое. Люди думают не о фамильной чести, а о безопасности. Вот и Маргарита Георгиевна не спешила вернуть себе девичью дворянскую фамилию — имела документ вдовы погибшего поручика. А в воскресенье, в день городского праздника, мы венчаемся, и она становится госпожой Гензель. Шумной свадьбы не будет, но несколько друзей с моей стороны, разумеется, и вы, господа...

Шампанское назойливо напоминало о счастье взаимной любви, о нерушимой мужской дружбе и о прочих прекрасных вещах, которые будто бы существуют на земле. Вспомнили о том, что жених и невеста познакомились на площади в день торжественной встречи Шкуро, вдруг снятого с должности командира дивизии.

— Не вдруг, — сказал Гензель. — Этому человеку вообще не место в нашей армии. Вы же, Федор Самсонович, занимались его делом и, по-видимому, убедились, что он не офицер-корниловец, а казачий атаман, почти разбойник.

— Да. О нем в штабе сложилось отрицательное мнение, — согласился Рябов.

— Теперь кавалерийской бригадой будет командовать барон Врангель. Я был у него на приеме. Он помнит меня по Румынскому фронту. Петр Николаевич — идейный генерал. Я считаю за честь служить под его командованием. А о Шкуро, господа, я хочу вам сообщить нечто чрезвычайно странное. Я сообщу это вам, как близким друзьям и как офицерам Добровольческой армии.

Тем более что Федор Самсонович служит в контрразведке, а вы, Василий Алексеевич, — в штабе армии. Мое сообщение конфиденциальное.

Сдвинули стулья поближе друг к другу, Гензель понизил голос:

— Мне из личных наблюдений точно известно, что будучи командиром дивизии Шкуро имел тайную связь с некой женщиной...

— Но позволь, Кирилл Иванович! У нас же не монастырь. И у меня есть одна милая знакомая в Екатеринодаре...

— Не делайте ненужных признаний, друг Василий. У Шкуро не просто любовная связь: эта женщина переправлена через фронт к большевикам. Ее сопровождал адъютант Шкуро. Вы его знаете, Федор Самсонович. Это вахмистр Кузьменко.

Рябов, нахмурившись, уставился на пустой бокал. Откаплялся, сказал уныло по-служебному.

— Ваше сообщение, Кирилл Иванович, будет обязательно рассмотрено у нас в контрразведке.

Как-то сразу трое заторопились. Допили шампанское за мужскую дружбу, вышли на Никольскую, где продолжался вечный праздник солнца, улыбок, светлых платьев и офицерских погон. Гензель поспешил к невесте, Рябов и Чухлов бесцельно побрели по тротуару, подчинившись неторопливому ритму гуляющих.

— Как это ты пел? — вспомнил Рябов. — «Три юных пажа покидали навеки свой город родной...»

— Да. «А третий любил королеву». Но не в ней главный вопрос. Ты получил донос. Что будешь делать?

— Не знаю. Этот Кузьменко нормальный офицер. Ну, казак. Ну, адъютант... А у нас, знаешь как... С одного допроса в шпиона превратят. «Кто любит свою королеву, тот молча идет умирать».

— Видел я Кузьменко. Офицер как офицер, но...

— Вася, какое еще «но»? Попросил полковник помочь женщине уехать подальше от войны, и что здесь опасного для нашей героической армии? Никакого «но» я не вижу.

— Но Врангель идейный генерал, а Гензель — идейный офицер, а мы...

— Кстати, у меня есть идея — вот в том переулочке чудесный погребок.

— Но вам же, Федор Самсонович, надо спешить в контрразведку — вы получили сведения об опаснейшем враге Добровольческой армии.

— Об идейном враге.

— Именно. Именно об идейном.

— Боюсь, что после погребка память откажет, а документа нет.

— С этим уж ничего не поделаешь...

Х

Полковник Шкуро участвовал в торжественной встрече приехавшего в Ставрополь Деникина и удостоился рукопожатия и пожелания успехов на новом боевом поприще. Главнокомандующий излучал не только самоуверенность победоносного военачальника, не имеющего соперников, но и едва ли не юношескую жизнерадостность — наконец-то воссоединился с молодой женой. Улыбка то и дело шевелила кончики усов, иногда невпопад. Наверное, полковник Шкуро не заслуживал генеральской улыбки, а вот получил вместе с пожеланиями. И Шкуро растянул губы и верноподданнически отвечал генералу:

— Кубанское казачество все свои силы отдает за восстановление и возрождение великой единой России!

Полковник Шкуро был приглашен и на банкет, где пил только фруктовую воду и внимательно слушал речь Деникина, пытаясь понять, куда тот гнет:

«Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно мыслящие круги населения. Она не может стать орудием какой-либо политической партии или общественной организации. Тогда она не была бы русской государственной армией. Отсюда — недовольство нетерпимых и политическая борьба вокруг армии, если в рядах армии и живут

определенные тенденции, она не станет никогда палачом чужой мысли и совести. Она прямо и честно говорит: будьте вы правыми, будьте вы левыми — но любите нашу истерзанную Родину и помогите нам спасти ее. Добровольческая армия чужда социальной и классовой борьбы. В той тяжелой и болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лоскутья, не время решать социальные проблемы. И не могут части русской державы строить русскую жизнь каждая по-своему. Поэтому те чины Добровольческой армии, на которых судьба возложила тяжелое бремя управления, отнюдь не будут ломать основное законодательство. Их роль — создать лишь такую обстановку, в которой можно сносно, терпимо жить и дышать до тех пор, пока всероссийские законодательные учреждения, представляющие разум и совесть народа русского, не направят жизнь по новому руслу — к свету и правде».

Вернувшись к своим на казачий хмельной ужин, Шкуро отозвался о речи командующего не очень одобрительно:

— Он тебе не за Учредилку — даже слово такое за был, он тебе не за царя, не за левых, не за правых. Вроде бы хочет со всеми, а выйдет — ни с кем. Но пока он в силе, будем ходить под ним. А там поглядим.

Адъютанты поругивали начальника штаба, смеялись над Улагаем и Слащовым, от которых казаки перебегают к Шкуро... Полковник пресек этот разговор.

— Это надо по-другому, друзья. Я обещал, что все самовольно сбежавшие вернуться. И пусть вернуться. Да, пусть вернуться, но не к нам, а в станицы, по которым двинется наш отряд. Вот вы, Перваков и Козлов, проведите такую агитацию. Тайную агитацию. Пускай эти казаки ждут нас в Темнолесской или на станции Киян.

Из Ставрополя вышли 12 сентября в спокойную солнечную погоду. До Темнолесской — рукой подать. Станица была забита войсками генерала Боровского. Здесь находился и его штаб. Шкуро приказал своим разбивать палатки на ночь. Кузьменко вспомнил знакомый дом, пригласил командира зайти туда, пока с палатками во-

зятся. У деда Сергуни, конечно, стояли офицеры, совсем молодые — их Корнилов из юнкеров произвел. Они стали протестовать, освободили место для полковника. Хозяева пригласили за стол: угощали молоком, жареной картошкой.

— Вот и опять свое родное войско увидали, — гостеприимно радовался дед Сергуня. — А то ведь то красные, то, вот, офицеры, и все командуют, всем подай, всех уложи. Остались бы у нас, Андрей Григорьич, а то эти офицеры...

Они и появились. Вошел капитан, сопровождаемый поручиком, спросил без особого уважения.

— Вы полковник Шкуро?

— А ты кто такой, что ко мне врываешься без разрешения? — яростно встретил его полковник.

Капитан было начал об уважении к офицерам, о том, что генерал Боровский приказал ему вызвать полковника Шкуро...

— Я не подчинен генералу Боровскому! — продолжал полковник изливать накопившуюся злобу к деникинской армии, отторгнувшей его. — Хочет со мной говорить — пусть приходит. А вам приказываю: кругом! Шагом марш.

Кузьменко и другие смутились, забормотали, что не надо было так с офицерами, что Боровский командует бригадой... Шкуро отвечал нецензурно: надоели ему деникинские генералы, обрадовался было, что хоть на двадцать верст от них ушел, так и тут достали, так их разэтак...

Через некоторое время появился другой офицер — вежливый. Он попросил разрешения войти и передал, что его превосходительство генерал Боровский просит полковника Шкуро посетить его штаб, так как сам он не может отлучиться ввиду необходимости руководить войсками, ведущими бой.

— Саша Мельников со мной, — приказал Шкуро, — и двух ординарцев. А вы, господин капитан, передайте его превосходительству, что я сейчас прибуду в штаб. Литвинник, лошадей.

К дому, где помещался штаб, подскакали галопом. Шкуро и Мельников поднялись на крыльцо, не глядя на охрану и офицеров, отдающих им честь. Боровский был в комнате один и поднялся из-за стола навстречу.

— Я пригласил вас, господин полковник, для обсуждения боевой обстановки, сложившейся на нашем участке фронта. Предлагаю посоветоваться вдвоем, а затем, в случае необходимости, пригласим штабных офицеров.

Шкуро согласился, отослал Мельникова, сел напротив генерала и сказал, глядя в глаза Боровскому, стараясь, чтобы получилось наивно, однако чувствовал, что не может совсем скрыть некоторую насмешку.

— Вы очень поможете мне и моему отряду, разъяснив обстановку, сложившуюся на в а ш е м участке фронта, — почувствовав, что генерал может взорваться, добавил как можно наивнее: — Под Невинкой ваши сражаются? Вроде артиллерию слышно.

— Слышно, — хмуро ответил генерал и, некоторое время помолчав, продолжил тоном старшего начальника: — В соответствии с планом главнокомандующего мне поручено взять Невинномысскую и обеспечить движение наших поездов по железной дороге до Минвод, по директиве...

— Простите, ваше превосходительство, — перебил Шкуро, — но я бы хотел подробно узнать, какими силами красные обороняют Невинку и расположение ваших частей...

— По директиве штаба главнокомандующего, — повысил голос Боровский, — ваша бригада на время операции находится в моем оперативном подчинении.

— Но я не получил эту директиву и не понимаю, как она могла появиться — ведь у меня еще нет никакой бригады. Всего две сотни казаков и два орудия. Антон Иванович в Ставрополе лично сказал мне, что я должен создать казачью бригаду на базе Баталпашинского отдела.

— Мне известно, что у вас больше, чем две сотни. Директиву вы не могли получить — она отдана устно по телефону лично мне начальником штаба главнокомандующего. Прошу вас подготовить бригаду к наступле-

нию на Невинномысскую к 9.00 завтра. Атаковать будете на левом фланге, подробную диспозицию и данные, о которых вы просили, получите в штабе и в разведотделе.

— Я не могу подчиниться вашему приказу, — теперь Шкуро не притворялся наивным, он с радостью и злостью грубил в лицо человеку, представлявшему Добровольческую армию. — Потому что я вам не подчинен, и бригады у меня еще нет, лучшие казачьи офицеры и специально отобранные казаки направляются в кубанские станицы, чтобы поднимать казачество на борьбу с большевиками, а вы хотите, чтобы эти люди завязли в затяжных боях вместе с вашей бригадой. Я не могу рисковать доверенными мне офицерами и казаками. Желаю вам успеха в завтрашнем наступлении, ваше превосходительство. Простите, но я должен поспешить к своим людям.

Шкуро поднялся, отдал честь и вышел.

Набросившемся с расспросами Мельникову, ничего не ответил, погнал лошадь в галоп. Вернувшись в дом, где его ждали, приказал вызвать своего нового начальника штаба и командиров сотен Логинова и Маслова. Когда собрались, спросил Шифнера-Маркевича, готовы окончательный списочный состав сотен. Тот замялся:

— Как-то у меня не получилось, Андрей Григорьевич. Они же, эти, что нас ждали, вроде добровольцы. Одни хотят в наши сотни, другие — свои отряды собирают. Надеюсь, господа есаулы мне помогут.

— Надеемся, полковник. А пока прошу вас взять кого-нибудь из своих офицеров и направиться в штаб генерала Боровского, в разведотдел. Там вам должны дать сведения об обстановке на фронте Невинки. Нанесите на наши карты.

Когда Шифнер ушел, Шкуро покачал головой и тяжело вздохнул — не нужен ему такой начальник штаба. Вызвал адъютантов, приказал Литвиннику подать что положено и разъяснил обстановку.

— Невинку Боровский не возьмет. Значит, железка под контролем красных, а нам надо ее перейти. Прине-

сет Шифнер-Маркевич карты, и попробуем нарисовать маршрут движения. А цель, господа офицеры, у меня такая — уйти в станицы Баталпашинского отдела, выгнать оттуда большевиков и расположить своих казаков так, чтобы и от добровольцев и от красных подальше, и захватить Клухорский горный проход на Сочи, чтобы в случае чего... Поняли?

Офицеры все поняли. Еще и дополнили: надо брать не только Клухорский, но и другие горные проходы.

Начальник штаба вернулся скорее, чем ожидали. Обстановка на карте была нанесена четко и подробно. Шкуро даже и не помнил, когда его штабные подавали ему такие точные карты. Даже бронепоезда указаны: три между Невинномысской и Минеральными Водами.

— Один до станции Киян, — объяснил начальник штаба, — два от Киян до Минвод.

— Где предлагаете переходить железку, Антон Михайлович? — спросил Шкуро.

— Пока нигде, Андрей Григорьевич.

— Может, переходить не надо? — вновь у полковника возникла исчезнувшая было неприязнь. — В Ставрополь вернемся?

— Нет, Андрей Григорьевич, переходить полотно железной дороги будем, — спокойно отвечал Шифнер-Маркевич, — но сначала разошлем разведдозоры вот по этим направлениям. Я указал тонкими черными линиями. Это займет ночь и примерно половину завтрашнего дня. Таким образом, к вечеру наша бригада, или, если угодно, отряд, начнет движение по разведанному и продуманному маршруту.

XI

Выходили из Темнолесской перед вечером. Шли на юго-восток. Тени растягивались и играли на дороге и кустах далеко впереди.

Обязательный знак с волчьей пастью, оркестр, Шкуро с командирами, чуть обгоняя их, на голову коняг. Че-

тыре полные сотни, все одеты и вооружены винтовками или обрезам. Сзади — двухорудийная батарея трехдюймовок — под командованием есаула Трепетуна. Справа впереди изредка гроыхало. Шкуро придержал коня, поравнялся с Логиновым, сказал, подмигнув:

— Стареется генерал Боровский под Невинкой. Глядишь — до зимы завязнет, и нас хотел туда же.

Маршрут, благодаря начальнику штаба, выбрали безошибочно: к вечеру 16 сентября, никем не замеченные, добрались до небольшой — метров сто — высотки, поросшей соснами, а местами светящей оголенными вершинами. За ней — станция Киян. План действий был разработан еще в пути: разведчиков — на высоту и станцию, если нет препятствий, орудия — на прямую наводку, людям спешиться, но коноводам оставаться рядом.

Еще не успели поставить орудия на огневые позиции, как разведчики доложили: на станции бронепоезд и рота красноармейцев. Для Шкуро и штаба отрыли небольшой окоп — наблюдательный пункт. Уже смеркалось, горизонт исчезал в синих сумерках. Полковник рассмотрел в бинокль станцию справа под холмом, бронепоезд, копошащихся людишек у вагонов. Вдоль путей двигались патрули. Ждут казаков. Подумалось о ночном штурме, но в сгущающейся темной синеве за станцией вынырнули огоньки, а вскоре пыхнул паровоз. Огни размножились, цепочками помчались к станции. Еще бронепоезд. За ним другой.

— Все бронепоезда они сосредоточили здесь, — сказал начальник штаба. — Нас обнаружили.

— Что вы думаете о ночном бое, Антон Михайлович? — спросил Шкуро.

— Прорыв возможен, но с большими потерями. С очень большими.

— Значит, атакуем с утра. Трепетун, подобьешь броневики? Хватит снарядов?

— Снарядов хватит, да мне много и не нужно: по два на бронепоезд.

— Так уж и по два.

— Ну, по три.

— Готовь орудия. С утра начнем.

День начался с неприятных неожиданностей. Резко хлопнули выстрелы бронепоездов, с пасмурного неба сыпанул смертельный град шрапнели. Казаки, не любящие лежать под выстрелами, кинулись вниз, за гребень холма, к лошадям. Открыли огонь орудия Трепетуна, но в ответ загрохотали орудия: всех трех бронепоездов, чередуя шрапнели и гранаты. Утренний свет заволокло дымом и взрытым песком, пришлось уходить с гребня вниз, в мертвое пространство. Шрапнель злым градом била и сюда, ломала ветки деревьев, достигала и казаков — уже кричали раненые. Шкуро со штабом устроился в какой-то песчаной яме, на правом фланге, ближе к станции, — сюда почему-то снаряды красных почти не падали. Командиры сотен Логинов и Маслов, словно сговорившись, предлагали атаку на станцию. Шкуро их понимал: когда развернется бригада, кому-то дадут полки, конечно, самым храбрым. Но он не хотел атаковать по многим причинам. Это первый бой, и он сам должен возглавить лаву. А зачем рисковать в самом начале? Ведь красные встретят пулеметами, и погибнут многие из тех, что должны стать ядром будущей бригады.

— Сначала подобьем бронепоезда, — сказал полковник, — потом поглядим.

Начальник штаба был с ним согласен. Однако случилось неожиданное: замолчало одно из орудий Трепетуна.

Шкуро послал связного. Тот прибежал расстроенный:

— Подбили, господин полковник. Прямо в ствол угодили.

— Вот так, господа сотники... — Шкуро зло выругался. — Вот и подбили мы бронепоезд. Пускай теперь Трепетун с одной пушкой постареется. Он артиллерист умелый.

Трепетун постарался. Вскоре сквозь грохот разрывов услышались радостные крики артиллеристов. Один бронепоезд был сильно поврежден. Шкуро со штабом выбрались повыше, увидели бронепоезд в дыму и огне, остановившийся в полуверсте от станции с южной стороны. К нему быстро двигался второй бронепоезд. Третий,

стоявший со стороны Невинномысской усилил огонь — единственную пушку Трепетуна застелило сплошным черным дымом, но она продолжала стрелять.

Это был не прицельный огонь — снаряды падали по разные стороны железнодорожного полотна. Два бронепоезда успешно осуществили замысел красных: к одному из них был прицеплен поврежденный, и они на большой скорости устремились в сторону Минвод. Ослабил огонь третий бронепоезд, дым развеялся. Трепетун продолжал стрелять. Теперь — прицельно. Его снаряды рвались рядом с бронеплатформами.

Шкуро с адъютантами направился к своему артиллеристу — на самом гребне стояла едва вкопанная пушка, открытая для выстрелов противника прямой наводкой.

— Так, кто кого подбил? — спросил Шкуро Трепетуна.

— Я не успел. Да он и не подбил — орудие было неисправно. Лопнул металл. А этого, — он кивнул в сторону красного бронепоезда, — я подобью. Так и артиллеристы-то вшивые. Лепят в белый свет.

Снаряды красных падали в лес, на склоны высоты, не причиняя никакого вреда, а снаряды Трепетуна все ближе подбирались к бронепоезду. Там поняли, что продолжение перестрелки не в их пользу, и бой закончился. Запыхтел паровоз, и бронеплатформы на большой скорости въехали на станцию. В бинокль хорошо было видно, как толпа красноармейцев бросилась к поезду.

— Это они митинг провели и решили отступить, — сказал Трепетун. — У них так — все голосованием.

Люди быстро погрузились на бронепоезд, который ушел в сторону Невинномысской. Как ни старался Трепетун, а так и не сумел достать его снарядом.

Шкуро приказал немедленно идти вперед — путь свободен.

— И вторую пушку вези, — сказал он Трепетуну. — С одной некрасиво.

— Возьму, Андрей Григорьевич. Из нее пару снарядов еще можно выпустить.

Станцию прошли быстро. Дорога через лес, через хутора вела к станции Новогеоргиевской. Первый шаг сде-

дан — ушли и от белых и от красных к своим кубанцам. Выслали дозор. И вновь впереди знак волка, командир, его помощники.

Новогеоргиевскую решили обойти ночью. Над темной полосой леса встречали звезды, рассыпанные зеленоватыми искрами по чистому черно-синему полотну юдного неба. Звезды подмигивали дружелюбно — узнавали своих.

Справа собрались тесной кучкой Стожары. В такую ночь можно пересчитать все эти семь звездочек. Шкуро ехал рядом с начальником штаба, который теперь этого делать не пытался, лишь спросил:

— А что это за большая звезда над Стожарами?

— Альдебаран, — объяснил Антон Михайлович. — В сто раз ярче солнца. Все знал Шифнер-Маркевич. Много их таких ученых, окончивших Академию Генштаба, но зачем им все это знать? Чтобы кому-то верно служить своей образованностью? Государю императору, Деникину, даже казаку Шкуро. Не дано им понять, что в жизни надо самому командовать, чтобы тебе служили, а над тобой, чтобы никого.

Лес вдруг исчез, открылось пространство под звездами, темные дома хутора. Ни огонька, ни собачьего лая. Дозор доложил, что хутор свободен. Шкуро дал команду, отряд, собравшись, пустил коней легкой рысью. Кое-где появились огоньки, хлопнули двери, чей-то боязливый голос крикнул негромко:

— Кто идет?

— Шкуринские партизаны! — вызывающе громко ответили казаки.

— То наши!.. Шкуринцы!.. Отчиняй ворота, казаки!.. Принимай наших к себе в отряд, атаман!..

Значит, правильно ты живешь, полковник Шкуро? За доброе дело, за своих казаков воюешь?

Он приказал сделать малый привал. Несколько хуторян с обрезам и пашками были приняты в отряд. То же произошло в следующем хуторе, и в других хуторах. Удавался задуманный план: он, Шкуро, будет главным атаманом на Кубанской земле.

ПУТЬ В ГЕНЕРАЛЫ

I

Шкуро и его близкое окружение знали, куда идти по волчьей тропе — много уютных городков на Северном Кавказе: Эссентуки, Минводы, Кисловодск, Пятигорск... Там еще много осталось богатеньких, там — и магазины, и банковские отделения, украшения, сверкающие на женщинах, ценности, запрятанные в кубышках. Однако без начальника штаба маршрут не выберешь. Хорошо, конечно, что Антон Михайлович — офицер спокойный, сговорчивый, соглашающийся. Еще после первой ночи, когда шли по хуторам, Шкуро, остановившись на рассвете на привал, собрал командиров и распорядился выслать большой офицерский разъезд в станицу Новогеоргиевскую, поднять там казаков и вести их на Беломечетинскую.

— А там, чтобы встретили нас как родных! Не хуже, чем Деникина в Ставрополе.

Сказав это, Шкуро покосился на начальника штаба. Тот серьезно закивал, соглашаясь, и даже одобрил:

— Ваш план очень хорош, Андрей Григорьевич.

План удался. Ведя отряд рысью, Шкуро оказался у Беломечетинской в конце дня 16-го. На всякий случай приказал оцепить станицу, двинул вперед полусотню под командой Логинова, чтобы там ударили в набат. Вскоре с волчьим знаменем, с трубачами, с офицерской свитой въезжал на площадь. Его встретило восторженное «Ура!» огромной казачьей толпы. Не сходя с коня, обратился к народу с краткой речью:

— Мы пришли к вам, казаки, чтобы защищать вас от безбожных грабителей большевиков, чтобы помочь вам создать казачье войско. Нельзя, чтобы такие добрые казаки сидели по хатам, когда чужаки завоевывают и оскверняют их землю. От имени атамана Кубанского казачьего войска Филимонова и главнокомандующего русской Добровольческой армией генерала Деникина объявляю призыв десяти присяг казаков — с 1908 года.

А также объявляю мобилизацию конского состава! Бог поможет нам в нашей борьбе за Кубань. Господ стариков прошу в правление на совет.

Это он хорошо придумал — чтобы на площади вопросов не задавали. И хорошо, что начальника штаба взял на совет — пусть втягивается в казачьи дела, потом легче будет с ним планы составлять.

Начало совета задержалось — в правлении встретил Логинов и доложил об интересных обстоятельствах: арестованы комиссары, возвращавшиеся с большевистского съезда, состоявшегося в Баталпашинской. Среди них даже сам военный комиссар всего Баталпашинского отдела казак Беседин. Шкуро решил, что казаки подождут, а с комиссарами надо разобраться. Пошли к арестантской. По дороге Логинов сообщил еще нечто интересное: в Баталпашинской до сих пор не знают, что их отряд уже здесь. Телефонная связь работает, и у телефона сидит офицер, поддерживающий заблуждение красных.

Комиссары сидели с бело-синими лицами обреченных. Завидя Шкуро, начали было бормотать: «Мы ж за казаков... Чтобы, значит, всем...» Другие молчали.

— Который Беседин? — спросил Шкуро.

— Ну я, — сказал комиссар, седой, лохматый, с глубокими скорбными морщинами на лбу.

— Что за войска стоят в Баталпашинской?

— Ты же убьешь меня, сволочь, как и я тебя убил бы, если б поймал! — зло проговорил Беседин вместо ответа.

— Я уже некоторых спросил, Андрей Григорьевич, — вмешался Логинов. — Сказали, не больше роты.

Старики собрались в совещательной комнате правления. Папахи, бороды, старые черкески с крестами, у некоторых в натруженных руках палки. Загудели старики, узнав о казаке-комиссаре, застучали палками: «Смерть предавшему... Убить... Повесить...»

— Как вы считаете, Антон Михайлович? — спросил Шкуро.

— Глас народа, — ответил Шифнер без колебаний.

Когда следующим утром вешали, он смотрел на казнь спокойно, не отворачиваясь, его лицо не выражало никаких чувств, а сам Шкуро ощутил знакомое уже облегчающее расширение в груди, покалывающую сладкую дрожь сердца. Особенно захватывало дыхание, когда приговоренный кричал, плакал, просил пощады. Так надо. Казачий атаман, за которым идут тысячи, должен быть беспощадным к врагам.

Встреча со стариками помогла: они в один голос требовали захватить немедленно Баталпашинскую — за ней, мол, весь отдел поднимется. Некоторые не сдерживались, просили не уводить казаков далеко от станиц. Этот лозунг должен был помочь на военном совете при выборе маршрута движения. Однако дело шло так быстро, времени на то, чтобы проводить совет, не оказалось. Уже утром 17-го сформировали 1-й Кубанский партизанский полк.

Командиром Шкуро назначил Логинова. Поставил ему задачу оборонять Беломечетинскую от возможного наступления красных со стороны Невинномысской, где все еще возился Боровский.

На Баталпашинскую Шкуро двинулся со своими двумя сотнями вечером. По дороге зашли в черкесский аул Дударуковский. Он — на горе, над Кубанью, а на другом, на правом берегу — Баталпашинская. Кубань здесь другая — не широкая мутная река, как у Екатеринодара, а каменистый прозрачный поток, вполне доступный переходу вброд. Из аула навстречу сотням выехала конная толпа черкесов. Они кричали громко, по-своему, отчаянно, по-русски объясняли, что «большевик злой, надо гнать и убивать». Рассказали они, что в станице красных мало, мост охраняет всего лишь взвод. Черкесы, большая часть которых не имела огнестрельного оружия, просили взять их в отряд. Шкуро взял их в конвой, веря в то, что оружия скоро будет много: у большевиков отберем. Шкуро захватил станцию прямой атакой, но он еще не набрал дивизию, и потеря даже нескольких человек была опасна. Да и надо начальнику штаба потрафить — пусть операцию планирует. Сидели с ним всю ночь над играющей по камням рекой, смотрели на темные нагромождения

станичных построек, планировали операцию, а над ними висела звезда, которая в сто раз ярче солнца. Шкуро во всем соглашался с начальником штаба.

Бой прошел по плану и с удачей, которая теперь всегда должна бы сопутствовать атаману. Ровно в пять часов утра Трепетун сделал первый сигнальный выстрел из пушки, и... снаряд разорвался в здании Совета депутатов. Зарокотали пулеметы, спешенные казаки ворвались на мост, красные бежали. Трепетун бил по отступающим прапелю. Как и замыслил Шифнер, с тыла к станице подходила перешедшая реку в брод сотня Маслова, и Шкуро решил, что пришло время напомнить своим, что он боевой атаман. Взвод казаков, конвой, безоружные черкесы с криком, свистом, воем рванулись за ним в брод. Полковник на берегу послал лошадь в галоп, обнажил пашку и первым ворвался в станицу. С другой стороны въезжала сотня Маслова. Из домов выбегали казаки, бросали папахи вверх, кричали «ура», некоторые подходили к полковнику и другим офицерам, целовали руки, другие местные казаки выезжали из ворот на неоседланных конях, но с пашками, мчались в степь за отступающими красными, и там уже слышались победоносные крики победителей и предсмертный вой зарубленных.

Баталпашинская — центр отдела. Здесь и надо проводить военный совет.

II

Сначала вернулся из секретной разведки Кузьменко. Грязный, небритый, в рваной красноармейской гимнастерке. Шкуро дал ему лишь полчаса на приведение себя в порядок, хотел поскорее выслушать: у красных так много всего произошло после сдачи Екатеринодара, точных известий не было. Закрывшись с Николаем в комнате с вином и закуской, Шкуро потребовал подробного рассказа обо всем, но сначала о Сорокине.

— Был у него?

— Пробрался кое-как. Его ординарец меня узнал. А начальник штаба уже другой — чистый комиссар.

Этот Лыткин — ординарец, сказал, что Сорокин сам боится начальника штаба. И еще теперь сделали Военно-революционный совет при главнокомандующем. Все приказы Сорокина — через этот совет. Митинги пошли — нарочно коммунисты будоражат. И на митингах красноармейцы голосуют: наступать на контру. На нас, значит. Это все пошло, когда Ковтюх взял Армавир. И будто из Царицына прибыл на грузовиках какой-то Жлоба³⁸ — командир Стальной дивизии, и привез двести тысяч патронов и секретный приказ.

— Что за приказ? Да ты пей, Коля. У красных-то не давали?

— Дава-али. Там они пьют почище нашего. И горилку, и спирт, а когда нету лучше, то и денатурат. О приказе узнал, когда меня к самому Ивану провели. Он сказал, будто в приказе требуют, чтобы он вел войска на Царицын, а Кубань, Кавказ бросил.

— Ну и что он?

— Сказал: «Я их пошлю...» А потом еще добавил, что пойдет на Ставрополь. Теперь, говорит, отдавайте мне должок. Скажи, мол, своему Шкуро, чтобы помог.

— Придумаем чего-нибудь, Коля. А от жидовской власти он думает избавляться? У него же там какой-то Рубинштейн — президент республики. Я же тебе наказывал, чтобы намекнул, что мы вместе на Кубани будем править.

— Я намекнул. Он сказал, что с Деникиным, с офицерем, дела не будет, а с казаками — после Ставрополя.

— А как войска стоят, он тебе показал?

— Я попросил, конечно, а он такой злой был. Трезвый. «Вы, говорит, белые вороны очень хитрые. Сами ничего не даете, а все чужое утащить хотите».

— Я ж тебе объяснял, что надо сказать.

— Сказал. Бригады Боровского и Покровского на карте показал. И численность. И наш план. Тогда он же на минуту свою карту открыл из-под занавески. Ну, я разобрался...

И еще до начала Военного совета красные начали наступать на Беломечетинскую из Невинномысской. Логи-

нов отбил, даже не пуская в дело свою полуживую пушку, но на совет приехал озабоченный. Рассказал, что красноармейцы начисто сожгли черкесский аул Мансуровский, жители которого прибежали к нему. «Вот тебе и пополнение, — сказал полковник Логинову. — А оружие для них у комиссаров получим».

Шкуро убежден, что кубанцы согласятся с его планом, но... Начальник штаба мог вдруг с наивной прямой высказаться об изменении обстановки в связи с тем, что немцы проиграли войну, и союзники уже через Новороссийск связываются с Деникиным и надо действовать вместе с Добрармией, согласовать свой план со штабом армии. И попробуй возрази. Если бы все командиры понимали его так же, как опытные адъютанты, друзья по самым тайным делам. Однако и с ними надо быть осторожнее: когда совещался со своими, вдруг заметил, что Кузьменко смотрит исподлобья или отводит в сторону взгляд. Задумывается неизвестно о чем.

— Жаль, что ты до Пятигорска не добрался, — посетовал Шкуро, когда они остались наедине, — и взглянул испытующе.

— Так охрана ж. Я же вам говорил, Андрей Григорьевич. Все Кавминводы под московской охраной.

— Говорил. Но ты так мне и не рассказал, как с Лечнойкой путешествовал. Хорошо с ней спалось?

— Да, что вы, Андрей Григорьевич?.. — ответил Кузьменко. А в глазах то ли испуг, то ли стыд...

За своими тоже надо смотреть. Может, и менять надо. Конечно, дело не в бабе — Шкуро всегда найдет подругу. И Тасеньку пора вызывать...

— А ты, Коля, не переживай — если ты ее... я только за тебя порадуюсь: она бабенка сладкая.

— Что вы, Андрей Григорьевич...

Военный совет назначил на утро — время, когда он всегда уверен, спокоен, решителен. Оглядел офицеров — пойдут, куда он скажет. И полковник Шифнер не станет противоречить. Здесь, на Северном Кавказе, в тылу армии Сорокина, развернутой к северу против деникинцев, он, полковник Шкуро, — единственная власть.

За него вся верхняя Кубань. Скажет: «Я решил...» — и пойдут, куда прикажет. Но надо к ним проявить уважение — тогда и они больше его уважают.

— Давайте думать, господа офицеры, — сказал с некоторым тревожным надрывом в голосе после того, как начальник штаба подробно изложил обстановку. — Конечно, Антон Михайлович прав: наш долг помочь Добровольческой армии. Если мы отсюда ударим на Невинномысскую, то попадем в самый центр красных. Это будет решающая победа. Но там у них настоящая оборона. Окопы в несколько рядов, опытные войска. Без артиллерии там нечего делать. Согласны со мной, господа? Ну вот. А еще лучше бы бросить Баталпашинский отдел, рвануть в Лабинский — и наступать на Армавир, на Таманскую армию Ковтюха. Тогда мы могли бы действовать вместе с войсками Покровского и барона Врангеля. Не устоял бы Ковтюх. Да у него и армия-то... Половина — бабы на повозках.

— А другая половина — наши крепкие мужики-кубанцы, — позволил себя перебить полковника Логинов. — Иногородние.

— Верно заметил, есаул. Крепкие кубанские мужики. Воевать умеют. Оборону сделали. Их тоже без артиллерии не возьмешь. Вот и надо нам подумать о Тереке. Как доложил начальник штаба, терские казаки подняли восстание, командуют ими известные нам Агоев и Серебряков. Всю Кабарду подняли. И если мы пойдем на соединение с ними через Ессентуки, Кисловодск, Пятигорск, то и в тыл красным ударим, помогая войскам Деникина, и большого сопротивления не встретим, и терцы поделаются с нами оружием и амуницией. Да мы и сами знаем, где что лежит.

Командира поддержали единогласно.

III

«Вчера я приехал в Пятигорск...» — так начиналась глава любимого романа Стахеева, и он, целуя Леночку, повторял: «Неделя, как я здесь, а мне все кажется, что я,

как Печорин, только вчера приехал в Пятигорск. Две недели, как я здесь, а мне все кажется, что я, как Печорин... Месяц, как я здесь, а мне все кажется...» Это был медовый месяц, медовый август. Медом наливались пронизываемые щедрым солнцем гроздья винограда, разложенные на прилавках рядом с бутылками молодого вина.

Стахеев и Лена жили в гостинице «Кавказ», вскоре переименованной в «Красный Кавказ». Ночи были жаркие, спали наги. Разглядывая обнаженного мужа, Лена рассказала об ужасном зрелище на ставропольской Соборной площади — о виселице с повешенными.

— Один совсем голый, — говорила она. — Молодой мужчина. Такой же, как ты. Только весь в рыжих волосах.

— Белые сволочи. Они за все ответят. Шкуро оказался таким негодяем. Я же его знаю — я тебе рассказывал.

— В Ставрополе не он вешал, а губернатор, мне говорили.

— В станицах вешает. В Дубровке повесил комиссара Петрова — это мне известно совершенно точно. И он ответит за все, что натворил.

— И его твои красные повесят?

— У нас не вешают. Расстреливают. Да о чем мы говорим, Лена? Такая прекрасная ночь. Лермонтовская. Звезда с звездой говорит. Боже мой! С какой тоской смотрел я на эти звезды, когда ты оставалась в Ставрополе! Как я боялся за тебя! Узнали бы, что ты жена советского журналиста — и... Какое счастье, что тебе удалось бежать.

— Добрые люди помогли.

— Ты говорила, что он офицер.

— Ну да. Хороший знакомый моей подруги, и сам очень добрый. Говорил, что случайно попал в эту деникинскую армию.

— Но он казачий офицер?

— Не знаю. Наверное. В черкеске ходил.

— Значит, казачий. Шкуринский.

— Зачем тебе это?

— Вдруг к нам в плен попадет — надо будет тоже помочь.

— Ты добрый, Мишенька. Дай-ка я за это тебя вот так поцелую... По утрам она уходила к генералу Рузскому — убедила мужа, что не может бросить без помощи одинокого больного старика. Маргарита ее просила взять на себя покупку продуктов, наблюдение за хозяйством. Там есть кому сделать уборку, приготовить обед, ухаживать за садиком, но нужен хозяйский жеңский глаз.

Конечно, представила генералу мужа. Рузский принял красного журналиста с аристократической вежливостью, пряча в глазах и страх и недоверие. То ли из страха, то ли от скуки несколько раз старик приглашал Михаила Петровича на чашку чая. Последнее чаепитие состоялось в конце сентября. Тоже медовый был месяц сентябрь, но мед стал другим: гуще, серьезнее. Лена сказала, что у нее будет ребенок, что беременна уже почти два месяца — с первых встреч в Ставрополе. Михаил знал, что обязан радоваться такому счастью, и радовался. Знал, что теперь надо серьезно думать о будущем и серьезно думал. За чаем генерал сказал ему:

— У меня нет ни детей ни внуков, и я не жалею: пришлось бы думать об их будущем. А что я могу знать о будущем? Россия совсем другая. Не та, в которой прошла моя жизнь.

Михаил догадывался, что Рузский не хочет говорить о своей семье. Понятная предосторожность: сыновья старика, наверное, у белых или за границей, а он — пенсионер, лояльный к советской власти, и к тому же участвовал в организации отречения царя.

— Вы сами причастны к уничтожению старой России, Николай Владимирович.

— Да. Михаил Васильевич Алексеев сказал в то роковое прошлогоднее первое марта, что все зависит от меня, от моего решения. Император находился на территории, занятой войсками моего Северо-Западного фронта. Я мог бы поддержать Николая, и тогда в его распоряже-

нии оказалась бы такая сила, против которой не устояла бы никакая революция. Но я видел, что император не способен руководить государством в такое тяжелое время. Знал я и об отрицательной роли нашей императрицы. Я поддержал революцию.

— Вы поддержали Будущую Россию, — с пафосом проговорил Стахеев. — Ту, в которой будут жить мои дети. Неужели вы раскаиваетесь в своем прошлогоднем решении? Неужели вы не верите в наше прекрасное будущее?

— Что вы? Что вы? Разумеется, я уверен, что революция принесет счастье русскому народу... всем народам, — ответил генерал, в глазах которого появился страх, новый революционный страх перед «комиссарами». — Но я больной старик, и мне трудно представить, как все устроится. И эта гражданская война. Вы не знаете, что такое старость. Вот, наверное, завтра изменится погода, и у меня ломит все тело.

Они сидели за чаем на веранде. Сквозь кроны черешен и яблонь просматривались горы и, конечно, темная громада Машука. Солнце уже уходило за горизонт, от темнеющих горных лесов, и лишь кое-где в листве поблескивали прощальные красноватые пятна. Казалось, что исходил холод. А на столике — самовар, варенье, фарфор, какое-то вино... И лермонтовский Машук перед глазами!

— Вы считаете, Николай Владимирович, погода ухудшится? Но Машук чистый. Помните, как у Лермонтова? «Голова Машука дымилась, как загашенный факел: кругом его вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков...»

— Вы хорошо знаете Лермонтова, Михаил Петрович. Любите поэзию. Вот и...

Генерал замолчал — снова испуг в глазах.

— Что?

— Вот какие были поэты в России: Пушкин, Лермонтов... И писатели.

— И сейчас в России не иссякают литературные таланты. Даже теперь, во времена революции и граждан-

ской войны создаются шедевры. «Двенадцать» Блока читали?

Генерал, конечно, не читал, и Стахеев горячо, цитируя наизусть целые строфы, рассказал ему о знаменитой поэме, где автор убеждал, что сам Иисус Христос на стороне этих страшных красных комиссаров.

Выпили вина, стариковские щечки генерала покраснели, его несколько отпустил революционный страх.

— Я хотел сказать вам, Михаил Петрович, что вы должны, даже обязаны заняться литературой всерьез. Бог каждому человеку дает свой талант. Ах, вы не верите в Бога — считайте, что природа каждому дает определенный талант, но большинство людей закапывают его в землю, как в известной притче. Однако долг каждого понять свой талант и распорядиться им. Вот я всегда знал, что мое дело — военная служба, армия, защита Отечества. В меру сил отдал свой талант, или, если угодно, свои способности, служению государству. Русско-японская война, эта страшная великая война. Больно вспоминать. Ведь, фактически, мои войска в четырнадцатом году спасли Париж. Генерал Самсонов пожертвовал своим корпусом и своей жизнью³⁹, а мог бы... Да, что вспоминать... И если говорить об отречении царя, то я нисколько не сомневаюсь в правильности тогдашнего своего решения: Николай должен был уйти. Сейчас мне кажется, что моя ошибка была в том, что я вообще участвовал в этом политическом акте. Я военный человек. Это мое призвание. Я не должен был участвовать в политике. И мне кажется, что ваше призвание — литература, писательство. Вы должны следовать тому, что заложено в вас Богом, природой... А в политику не надо....

Такой интересный разговор был в четверг вечером. Михаил Петрович ночью в постели рассказывал жене о советах генерала заняться литературой, Лена вспоминала любимые стихи: «Есть речи — значенье темно иль ничтожно...» Михаил говорил о своей мечте: написать роман. А в пятницу 27 сентября на рассвете их разбудили орудийные выстрелы со стороны Кисловодска.

Теперь Шкуро вел два казачьих конных полка, два пластунских батальона и свой конвой. Знамя с грозным волком впереди. Знакомые станицы. В Бекешевской все начиналось. Вроде бы в этой хате объявился первый доброволец. Шкуро спросил едущего рядом адъютанта Первакова:

— Казака этой станицы Артюхова помнишь? Где он? В какой сотне? У него еще потом отца расстреляли, а мать умерла.

— В госпитале отдыхает. Когда Ставрополь обороняли, под пулеметы поскакал.

В Бургустанской были приключения. Помнили здесь Шкуро. Встречали на площади возле церкви, сожженной большевиками. «Ура» — негромкое: мало казаков осталось. Бабий плач по убитым громче. Не плач, а вой. Чуть не полстаницы в развалинах.

Суворовскую, тоже памятную по началу своего похода, пришлось брать с боем. Сам Шкуро, конечно, уже не мчался впереди лавы — теперь другое время, и его роль на войне и вообще в жизни другая. В генералы надо двигаться, а не под пули лезть. А пули густо летели навстречу отряду. На Эссентуки выступили в ночь на 27 сентября, на рассвете в конном строю атаковали и разогнали красных и... не стало полка. Рассыпались казаки по улицам: некоторые — по своим домам, другие — по чужим. Такое войско. Красные залегли на окраине парка и открыли бешеный огонь из винтовок и пулеметов. В панике скакали назад казаки — не лавой, а в рассыпную — и среди них метались лошади без всадников.

Конечно, полковник Шкуро не должен сам участвовать в таких свалках. Послал адъютанта с приказом командиру 2-го Хоперского полка повторить атаку в конном строю. Вперед рванулась еще одна лава и, не доскакав до проклятой рощи, отхлынула обратно под пулеметным огнем. И опять много лошадей без всадников. Погиб командир полка.

Справа от парка — станция. Пришлось о ней вспомнить — заиграл дымок паровоза под утренним солнцем, и двинулись оттуда зеленые коробки бронепоезда. Вспыхнули там искры пушечных выстрелов, загудели над головой снаряды, ухнули беспощадные разрывы. И вдруг... Сначала Шкуро увидел яркую вспышку над серединой бронепоезда и, лишь услышав радостные крики казаков, понял: Трепетун первым же снарядом подбил бронепоезд. Рассматривая в бинокль станцию, увидел, как появился второй бронепоезд. Снаряды продолжали разрываться неподалеку от наблюдательного пункта полковника. Тем временем 2-й Хоперский ворвался на станцию и... тоже исчез. Казаки рассыпались по домам и по железнодорожным путям в поисках добычи. Начальник штаба стоял рядом со Шкуро, но на лице его оставалось обычное сосредоточенно-спокойное любопытство игрока, уверенного в победе. Казалось, победа близка — оба бронепоезда ушли, но на станции появились густые цепи красных, вновь ударили пулеметы...

Долгий был бой, и закончился он победой. Казаки окружили красных, отступивших в сторону Кисловодска, — те собрали митинг и решили уходить, оставив раненых и больных. Оставлены были и две с половиной тысячи винтовок, двести тысяч патронов. Разбираться с трофеями и прочим Шкуро поручил начальнику штаба, а сам со своими верными адъютантами совершил объезд и Ессентуков, и Кисловодска, и Пятигорска. Спецзапас был хорошо пополнен. Но Шкуро вдруг почувствовал в набитых потайных карманах черкески, в сумках, перевозимых Наумом Козловым, отделениях денежного ящика, охраняемого казаками, какой-то непонятный изъян — словно бы все это оказалось фальшивым.

Возвращались в штаб, разместившийся в здании кисловодского Совдепа. Время обедать.

— С нами поедете, Андрей Григорьич? — спросил Кузьменко.

Николай стал очень предупредительным после того разговора.

— Нет, — ответил полковник едва ли не грубо.

— Что-то вы сегодня такой сумрачный? Я понимаю: казаков жалко. Погибли по неразумию.

— Ну да, — с некоторой злостью сказал Шкуро. — Мы разумные, а они нет. Все. Езжайте обедать. У меня здесь дел еще хватает.

В штабе открылось, чем было рождено это неожиданное возникшее чувство изъяна. Шифнер доложил, что среди трофеев оказалась радиостанция, и на ней уже работает свой радист — один из офицеров, освобожденных из тюрьмы. Радиостанция находилась в комнате рядом с главным кабинетом — здешний комиссар, наверное, и с Москвой разговаривал. Поручик, истощенный и бледный, но успевший побриться и надеть форму с погонами, доложил, что радиостанция в порядке и принимает сигналы с расстояния чуть ли не 1000 верст.

— А в штаб главнокомандующего генерала Деникина мы можем передать донесение? — спросил полковник.

— Так точно, ваше превосходительство. Волну штаба я знаю. Дайте текст донесения, и я тут же по Морзе отстучу.

Над донесением Шкуро серьезно думал сам, не стал поручать Шифнеру. Стоял у окна, смотрел, как гонят верховые казаки пленных по улице, подстигая их нагайкой. Несколько тысяч испуганных мужиков, многие в грязных окровавленных бинтах, среди них, конечно, и большевики. Вот если бы Деникин увидел эту картину, подтверждающую победу.

Донесение, немедленно превратившееся в короткие и длинные попискивания радиостанции, получилось такое:

«Главнокомандующему генералу Деникину. Выполняя план совместных действий с войсками, наступающими на Невинномысскую, Кубанская казачья дивизия под моим командованием ударила в тыл красным по направлению на Кисловодск. Докладываю: красные разгромлены, взяты Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, более 5 тысяч пленных, артиллерийская батарея, 3

тысячи винтовок, 300 тысяч патронов и другие трофеи. Полковник Шкуро».

Ждали ответа всего минут десять. Замигала лампочка, сквозь треск проник тревожно тонкий сигнал, поползла лента с точками-тире. Поручик сказал, что может сразу читать, и Шкуро согласился.

— Полковнику Шкуро, — читал радист. — Главнокомандующий возмущен... Нет, я лучше запишу и передам вам, господин полковник.

Шифер и другие офицеры смотрели в пол. Шкуро взял бумагу с текстом радиограммы и отошел к окну.

«Полковнику Шкуро. Главнокомандующий возмущен невыполнением вами директивы. По вашей вине сорвана операция взятия Невинномысской. Донесения только шифром. Романовский».

Прочитав, Шкуро тихо выругался: «Что еще за директива, твою мать...» Потом обратился к радисту:

— Почему без шифра передали?

— Я не знаю шифра, господин полковник.

— Начальник штаба, вам известен этот шифр?

— Нет, Андрей Григорьевич, но я пошлю офицера связи...

— Чтобы завтра был шифр. Перваков, пошли. — Он направился к дверям, остановился, сказал со злобой: — Да, Антон Михайлович, пленных комиссаров сегодня же судить военным судом, осужденных повесить завтра на площади. Поручите Логинову все подготовить.

V

Выстрелы, виселицы, бегство от смерти — так началась их любовь, их совместная жизнь. В то утро, когда разбудили разрывы снарядов, в мыслях Лены мелькнула страшная мысль, что так будет всегда: выстрелы, виселицы, казни. В номер ворвалась Катя Буракова — примчалась из Кисловодска спасать красного журналиста. Не обращая внимания на то, что Михаил, стоя в нижнем белье, что-то ищет в шкафу, она нетерпеливо торопилась:

— Долго ковыряетесь. Шкура со своей бандой вот-вот будет здесь.

— Я уже почти готов.

— Жену берете?

«Опять Шкуро», — мелькнула мысль у Лены. Может быть, из-за него она и не захотела ехать с Мишей, ей самой не всегда понятны собственные поступки.

— Я боюсь ехать, — сказала она. — Здесь, у генерала, будет спокойнее.

Муж словно услышал ее мысли:

— Опять Шкуро! Как в Ставрополе. Я согласен, Леночка, — оставайся здесь. У Николая Владимировича ты в безопасности. Я готов. Вы тоже со мной едете, Катя?

— Нет. Я еще забегу в здешний Совет. У нас автомобиль. А вы на повозке гоните галопом.

— Погоним. И опять Шкуро. Словно гоняется за мной, — попытался он пошутить, но не смог и улыбнуться: между редкими орудийными выстрелами вдруг вклинился рокот пулемета.

— Он, сволочь, за всеми нами гонится, — сказала Катя. — Поймает — подвесит на солнышко сушиться.

Повешенных Лена увидела через несколько дней. Неожиданно из Ставрополя явилась Маргарита. Молодые женщины пошли гулять и наткнулись на комиссаров, тела которых освещались мягким солнцем ранней осени. Лена потащила подругу от страшного места — не могла смотреть на раскачивающиеся и медленно поворачивавшиеся тела с поникшими головами. Маргарита удивлялась:

— Что это ты, Леночка, так разволновалась? Нервы не в порядке? Или это из-за твоего особенного положения? Сколько уже?

— Два месяца. Ради Бога, уйдем отсюда.

— Но мне интересно посмотреть.

Со спокойным любопытством Маргарита разглядывала и казненных, и толпу зрителей, и стаи ворон, метающиеся над крышами, потом критически осмотрела Лену, переспросила:

— Два месяца, говоришь?

Лена на этот раз промолчала, но взгляд стал холодно-внимательным.

Небольшая толпа держалась осторожно. Лишь самые отъявленные ненавистники большевиков время от времени злорадно восклицали: «Наказал Господь богоненавистников!.. Всех большевиков так развешать?.. Погубили Россию — вот и расплата!.. Катюку Буракову еще бы сюда — сука наших арестовывала!.. Говорят, сама расстреливала! Вешать таких!.. Поймать ее и повесить!..»

Подруги пробирались к тротуару сначала через группу хорошо одетых мужчин, одобительно взирающих на казненных, затем наткнулись на старушек в платочках — те крестились и что-то бормотали. Одна из них вдруг взяла Лену за рукав и шепнула: «Не говори ничего. Мне некуда идти. Можно я с вами?» Чуть приподняла платок, и оказалось, что это не старуха, та самая Катя Буракова, которую надо поймать и повесить. Фигура, согнутая в три погибели, платок закрывает чуть ли не пол-лица, теплая темная кофта, черная юбка до земли... Лена взяла ее под руку, дала знак Маргарите, и они втроем потихоньку вышли в переулок.

Буракова объяснила, что ей надо поесть и где-то укрыться до ночи, когда за ней придут свои. Маргарита смирилась со случившимся, как с неизбежным злом. Решили сказать генералу, что старая знакомая пробивается к родным в Екатеринодар из большевистского Владикавказа.

У генерала не было времени разбираться в подробностях. Разрешил накормить и дать отдохнуть в сарайчике. Сам он озабоченно готовился к приему полковника Шкуро — тот прислал казака с известием, что в полдень нанесет визит. Видно было, что не очень рад гостю генерал Рузский, но не откажешь же, так сказать, освободителю. Заволновалась и Лена: «Я тоже спрячусь. А ты, Марго, закроешь нас на замок». Маргарите пришлось хозяйничать на кухне и в столовой одной, без помощницы. Генерал удивился: «Даже если донесут, что у Елены Аркадьевны муж красный, я не позволю, что-

бы ей причинили какие-нибудь неприятности». Маргарита объяснила, что Лена разнервничалась, увидев на площади повешенных. Рузский задумался, потом сказал со вздохом: «Во что они все превратили нашу великую Россию!»

В сарайчике чисто и тепло, кровать с матрацем и подушкой. Катя тихо плакала, уткнувшись в подушку. «Казачье! Шкуринцы! Звери проклятые! Таких ребят повесили, — приговаривала она сквозь слезы. — Я почти всех хорошо знала. Это все из-за солдат. Еще красноармейцы называются. Устроили митинг и постановили: отойти ввиду превосходства противника. Вот кого надо вешать. И будем! Не вешать, так расстреливать. Троцкий на Волге начал расстреливать трусов, и сразу положение на фронте улучшилось. Чехи перестали бунтовать».

Застучали копыта у ворот, во дворе раздались мужские голоса. Лена и Катя прильнули к щели сарая. Шкуро спешил и даже не вошел в дом. С генералом разговаривал во дворе, и в сарае все было слышно.

— Я рад вас видеть, господин генерал, — говорил Шкуро. — Жаль, что не удалось нам весной вместе сражаться против большевиков. Как видите, мы побеждаем. Разгромим красных здесь, на Кавказе, пойдем под руководством генерала Деникина на Москву. Даст Бог, и вы будете в строю.

— Если здоровье позволит, Андрей Григорьевич.

— Я в скором времени буду у Антона Ивановича. Разрешите передать ему от вас пожелания победы и напутствия ваши перед решающим походом.

— Да, да. Разумеется. Желаю Добровольческой армии успехов в боях. Скажите, что если позволит здоровье, я готов служить России.

Во время этого короткого разговора Шкуро то и дело оглядывал двор, окна дома, вышедших на крыльцо домашних. Чуть позади его стоял знакомый Лены Николай — тот самый лизунчик — поглядывал по сторонам. Смешно вспоминать, как он лез к ней на ночлеге. Тоже хороший мужик, но нельзя так грубо. Может, она и сама...

Встреча закончилась, и Шкуро уехал. Катя злобно прошептала: «Контра проклятая. Шкура поганая. И этот, старая сволочь. Мы же его не трогали, а он, гадин, готов послужить. Ты у нас послужишь!».

Лена ее не слышала — думала, почему Андрей стричься перестал: из-под волчьей папахи торчали волнистые светло-рыжие космы, и усы, как у кота разрослись...

Потом подруги вместе хозяйничали в доме и на кухне, и Маргарита все посматривала на Лену испытующе. Когда остались вдвоем, подошла к ней, глядя в глаза, — погладила ее по животу.

— Ты чего? — испуганно спросила Лена.

— Скажи-ка мне, подружка, — начала Маргарита и после короткой паузы задала свой хлесткий вопрос: — Ты от кого беременна?

VI

Шкуро спешил на секретное совещание, где надеялся превратить свой спецзапас в такие деньги, которые и Деникин уважает. В большом гостиничном номере с наглухо завешенными окнами и слабым электрическим светом собрались те, кто действует в полумраке, таясь от света и людей, а затем появляется хозяином и людей, и света. Шкуро беседовал на председательском месте, но главным здесь был он. Замкнуто сосредоточенные лица, пронизательные посверкивающие взгляды, черные с сединой восточные прически и усы. Армяне, осетины, черкесы, русские азиаты. Может быть, и евреи. Главный среди них — Фрешкоп. Кто он? Это Шкуро не знал. Рядом — друг корнет Лоов, именно он устроил встречу. Шкуро давно подумывал о сближении с такими людьми и надеялся на Лоова — не дело возить золото в походных сумках и полковом денежном ящике.

Представительный брюнет интеллигентного вида, Гукасов, по-видимому татарин из Баку, предложил назвать полтора десятка собравшихся «финансовой комиссией» и избрать председателем очкастого мудреца

Фрешкопа. С этим согласились все. Фрешкоп поднялся и, почти не заглядывая в бумаги, обрисовал обстановку и сформулировал план действий:

— За время с 1914 года до марта 1917-го правительством Российской империи было выпущено 8,3 миллиарда бумажных денег. Временное правительство с марта по октябрь 1917-го напечатало еще свыше 9,5 миллиарда государственных денег.

— Керенки, — сказал кто-то.

— Да, керенки, — согласился Фрешкоп. — На плохой бумаге, без подписей банка. Особенно плохое впечатление производят купюры достоинством в двадцать и сорок рублей. Наряду с естественным падением курса русского рубля в связи с войной и разрушением экономических связей на обесценение рубля в большой степени повлиял выброс лишних бумажных денег. Сейчас императорский рубль стоит примерно четверть своей довоенной цены, и падение продолжается. Керенки падают еще быстрее, но большевики несколько замедляют их падение, используя на рынке и во внутренних расчетах. Мы не знаем, сколько денег на Кавказе, и не будем организовывать ввоз сюда бумажных денег из России, хотя и могли бы его сделать.

— Правильно, — поддержал Гукасов. — И с керенками, и с николаевками завязнешь.

— Да и операция по перевозке сложна и опасна, — заметил молодой Лоов.

— Обстановка на фронтах меняется ежемесячно и даже еженедельно, — продолжал Фрешкоп, — поэтому наша валютная операция должна быть кратковременной — закончим ее до Нового года. Надо немедленно напечатать свои бумажные деньги, обеспеченные соответствующими ценностями — недвижимостью, золотом. Курс установим на уровне царского рубля, свои магазины наполним товаром, объявим, что принимаем на новые деньги. Госбанковское отделение объявит обмен на царские деньги и ценности. Обменный курс установим соответственно... Ну, вы понимаете, господа, чтобы меньше меняли, а больше покупали наши товары.

На банкнотах будут указаны наши фамилии, подписи банка и обеспечение денег нашим имуществом.

— Которое находится в Совдепии, — с ироничной улыбкой напомнил Гукасов.

— Временно, — спокойно ответил Фрешкоп.

— Как назовете деньги? — спросил Шкуро.

Возник небольшой спор, но все быстро согласились назвать новую «валюту» чеками. Для Шкуро главным вопросом был вопрос о его спецзапасе — сколько он получит за свое золото — однако высказался он осторожно:

— Я понимаю, господа, что наша задача — обеспечить войска деньгами, за которые можно купить продовольствие, оружие, патроны. Благодарю вас от имени своих казаков. Убежден, что вашу деятельность одобрит и Антон Иванович Деникин.

— Армии будет немедленно выделена соответствующее количество чеков, — сказал Фрешкоп. — Один из членов комиссии в ближайшие дни направится в Екатеринодар.

— Хорошо, если бы поехал Гукасов, — сказал Шкуро. — Его там знают. И еще надо решить вопрос о... наших внутренних расходах...

— Мы предварительно обсудили это, — успокаивающе сказал Фрешкоп. — Заслуги полковника Шкуро и его войск в борьбе с большевиками должны быть вознаграждены. Предлагаю выдать премию полковнику в размере двести тысяч золотых рублей, из них двадцать пять процентов английскими фунтами.

— Почему двадцать пять? — переспросил Лоов. — Давайте уж пятьдесят. Никто не возражал. Главные вопросы были решены. Полковник здесь же, за столом, получил деньги и запрятал их куда-то под черкеску с серьезным видом человека, убирающего деловые бумаги. Еще обсуждали создание каких-то мастерских, заводов, швален⁴⁰ прочих заведений, где люди работали бы за чеки. Говорили и о большой закупке патронов у одного из ставропольских красных начальников. Решили, что все снабжение дивизии Шкуро возьмет на себя Финансовая

комиссия. Разошлись довольные и оживленно озабоченные: чеки надо печатать немедленно. Установленная сумма — семь миллионов рублей-чеков. Шкуро остался вдвоем с Лоовым.

— Спасибо, князь, — поблагодарил полковник. — Без тебя ничего бы мне не удалось.

Литвинник внес шампанское и фрукты, раздвинул занавеси на окнах, доложил, что приехал адъютант с депешей. Пришлось прочитать:

«Полковнику Шкуро. Кубанская Рада предложила главнокомандующему Деникину произвести вас в генералы. Деникин ответил, что вас надо отдать под суд за невыполнение приказа и самовольные действия. Филимонов».

— Лучше бы этого радио не было, — сказал Шкуро.

— Без радио сейчас нельзя, — возразил Лоов. — Фронт большой. И вам скоро хорошие вести пойдут.

— Для этого надо дать деньги в штаб. Как захваченные трофеи.

Им тоже приходится искать средства, чтобы кормить армию и платить офицерам, и еще надо дать деньги здешним старикам-казакам — скоро выборы в Раду.

VII

— Скажи-ка мне, подружка, ты от кого беременна? Лена молча смотрела на подругу. В глазах — ужас и ненависть. И вдруг начала задыхаться, закашлялась, зарыдала и бросилась на подругу с кулаками.

— Ты!.. Ты, старая б...! Как ты смеешь? Я тебя разорву!.. Всех твоих кобелей помню!.. Твой офицерик обрадуется, когда узнает!..

Маргарита отбивалась, пыталась успокоить подругу, но та продолжала выкрикивать оскорбления и норовила ударить, оцарапать и порвать платье.

— Леночка, — уговаривала ее Марго, хватая за руки, обнимая. — Успокойся. Я же просто спросила, как подруга. Сядь сюда. Здесь в шкафчике вино. Давай с тобой выпьем и помиримся.

Лена выпила почти полный стакан виноградного, поставила на стол, отдышалась, допила остаток и сказала:

— Я беременна от мужа, от Миши. Можешь посчитать. Сама, когда забеременеешь... Если у тебя, конечно, получится. Когда забеременеешь, то поймешь: женщина всегда знает, кто отец ребенка. И я знаю, что отец моего ребенка — мой муж. Если ты еще позволишь себе сказать или даже подумать... Смотри. Я передам твоему Гензелю список твоих любовников.

У Лены и голос изменился. Маргарита видела и слышала не юную подружку, почти ее воспитанницу, а женщину в возрасте, умеющую постоять за себя.

— Что ты, Леночка, я просто спросила. Давай помиримся...

На словах вроде бы и помирились и продолжали заниматься генеральским хозяйством, но говорить им было не о чем, — и через несколько дней Маргарита уехала в Ставрополь, а оттуда — в Екатеринодар.

Вскоре на стенах и заборах были расклеены объявления, подписанные полковником Шкуро, где сообщалось, что по соображениям стратегии его войска покидают Ессентуки, Кисловодск, Пятигорск и окрестные станции. Всем желающим отступить вместе с войсками полковник обещал бесплатный транспорт. Призывал покинуть город всех бывших офицеров, а также людей науки и техники — все они будут размещены в станицах под охраной войск. Оплачивать их содержание обещает Финансовая комиссия.

Лена прочитала это объявление, возвращаясь с рынка, нагруженная покупками. Оставив на кухне курятину, зелень, виноград, она поспешила к генеральскому дому. Русский дремал в кресле с газетой — новая газета «Доброволец», внизу на ее последней странице указано, что она издается на средства Финансовой комиссии, и приведен список, в котором значится и Шкуро.

Генерал очнулся, спросил, что случилось. Лена рассказала о том, что город взволнован объявлением о скором отступлении казачьих войск, но генерал уже все знал.

— Мне прислали офицера — он только что ушел. Шкуро предлагает уходить вместе с ним. Прислал конверт с деньгами. И вам, Леночка, оставили конверт. Вот он. Наверное, деньги. Вас, оказывается, любят и красивые, и белые.

— Не знаю. Это, наверное, по ошибке, — смутилась Лена. — Наверное, для Маргариты. Конечно, для нее. Здесь же не написано, что мне, а у нее муж офицер.

— Да, да. Конечно. Я, наверное, ошибся. Или этот посланник перепутал. Но вы все-таки возьмите. При случае передайте Маргарите Георгиевне. Вы же не покинете Пятигорск. Михаил Петрович будет здесь вас искать.

— Да, я буду его ждать. А вы уйдете с казаками?

— Нет, Леночка, я уже стар для таких путешествий. Красные меня не трогали и не тронут. Я не представляю для них никакой опасности.

Лена не задумывалась о генерале — ее будоражила встреча с мужем. С отцом будущего ребенка. Конечно, он отец, и никто не смеет!..

В конверте — пять «екатеринок». Пять царских сто-рублевков, еще считающихся золотыми.

VIII

Шкуро давно бы оставил: район Кавминвод — все, что ему требовалось, было сделано. Главное — Финансовая комиссия, деньги, даже газета с деникинским названием, прославляющая подвиги казачьего вождя. Держать фронт по линии Ессентуки—Кисловодск—Пятигорск приходилось все эти дни для того, чтобы Иван Павлович Романовский мог рисовать на штабной карте красивые линии, окружающие красных. Полковник же не знал, что Деникин был против взятия Кисловодска.

К Русскому заезжал — на всякий случай, — вдруг тот как-то связан с главнокомандующим и при возможности замолвит словечко. Конечно, тогда хотелось и на Леночку взглянуть, но она спряталась. Не у генерала же

спрашивать о его экономке. Потом вспомнил, разговаривая с Кузьменко:

- Виделся с ней?
- Вы ж не приказывали.
- Я, Коля, уже не мог — жену вызвал.
- А мне самому-то зачем?
- Как зачем? За тем.

Посмеялись, а было не до смеха: Кузьменко снова направлялся через фронт с секретным поручением. Положение на Северном Кавказе вдруг изменилось к худшему; восстание терских казаков провалилось. Дивизия Шкуро отступила к Беломечетинской и Баталпашинской с несколькими тысячами беженцев и оборонялась от отрядов Таманской армии, двигающейся от Невинномысской. Разведчики доносили, что в красных частях проходят митинги, где красноармейцы требуют решительного наступления, и Сорокин готовится к нему. По некоторым сведениям у Сорокина разногласия с правительством так называемой Кубано-Черноморской советской республики.

— Главное, Коля, дойди до Сорокина. Иначе не возвращайся. Оставайся в Пятигорске с Леночкой.

— Да что вы, Андрей Григорьич!..

— Так получается. Разведчики доносили, что правительство красной республики будет размещаться в Пятигорске. Значит, и Сорокин там. План мы с тобой придумали рискованный и решительный.

— Ваши придумки, Андрей Григорьич.

— Но и ты же подсказывал. Будешь с Сорокиным говорить — нажимай. Говори, что вся сила у нас...

Путь в генералы тяжел и не прост. Главные три пункта: деньги, жена, Сорокин. С деньгами решилось. К Сорокину двинулся Кузьменко. Тасю привезли из-под Нальчика в погожий день, когда из Баталпашинской, с крыльца правления, открывался вид на Кавказский хребет со снежными в алых отблесках гребнями, с пестрыми желто-красными осенними пятнами на склонах. Привез жену штаб-ротмистр осетин Борукаев со свитой. Встречал Шкуро с адъютантами, офицерами дивизии,

казаками, станичниками, Татьяна Сергеевна всплакнула, упав в объятия мужа, и полковник утирал слезу, обнимая и успокаивая супругу, выражал непомерную радость оттого, что окончилась мучительная разлука. Затем — большое застолье. Шкуро, поднимая стакан, от души благодарил осетин, черкесов, других кавказцев, героически помогающих казакам в борьбе против ненавистных большевиков. Особую благодарность выразил Борукаеву, спасшему любимую жену от неминуемой гибели, уготовленной комиссарами. Борукаев, приложив руку к сердцу, говорил о любви горцев к полковнику Шкуро и его армии. Расцеловались, и полковник предложил ротмистру остаться в дивизии его адъютантом. Тот согласился с благодарностью. Татьяна Сергеевна тоже намеревалась сказать свое слово, но едва она поднялась, как в зал ворвался Перваков с криком:

— Кочубей наших пикадоров порубил!

— Где? Почему?

— К Воровсколеской было нацелились, а тот их окружил. Человек пятьсот в плен взял. Примчались. Орут. Раненых полно.

— Они орут, а ты не ори! — возмутился Шкуро. — Ваню Кочубей испугались! Он же мужик неграмотный, а вы — казаки. Для него — генералы. Помню, я учил его дорогу по карте искать — так и не научил. А здесь в атаману лезет. Поднимай полк. Сам поведу. Бунтовщика урядника Кочубея повешу!

— Подожди, — заинтересовалась Татьяна. — Что у тебя за пикадоры? Испанцы, что ли?

— Испанцы баталпашинские. Конная милиция. Винтовок у них нет — с пиками воюют. Вот и пикадоры.

Бой длился недолго. Не сошлись конники лоб в лоб — почти никогда и не сходятся. Кочубеевцы почувствовали напор настоящих казаков, и сначала один — в сторонку, другой, а потом всей лавой подались назад. Шкуро скомандовал «В карьер!». Догоняли, рубили, кто уворачивался, вновь догоняли и добивали. В плен не брали. Своих пленных освободили всех. Сам Кочубей сумел уйти.

Ночью Андрей Григорьевич горячо ласкал супругу, говорил о том, как страдал в одиночестве и как теперь счастлив, когда Тасенька рядом.

— А домой? — спросила жена. — Там же теперь спокойно — Деникин.

— Я должен быть со своей дивизией — война.

— Но я же не воюю. Можешь меня в Пашковскую отправить?

— Там из моих только отец. Сестра и брат где-то далеко.

— Мои на месте. Я знаю. Весточка была.

— А сундучок?

— Где был — там и будет. Чего он тебе?

— Тасенька, деньги треба. Дивизию сам должен содержать. Чтобы в генералы произвели, надо кому-то дать. Чтобы в Раду выбрали — тоже надо.

— Ты, Андрюша, про такое мне не говори. Твоих оборванцев кормить не стану. Что это ты? Они ж казаки — пусть сами стараются.

— Казаки! Это я казак. Сама ахала и охала на мои подарки. Кто такие браслеты имеет? Такие кольца носит? Только царица. А ты и будешь кубанская царица. Но сперва надо в генералы мне.

— Кому хочешь дать?

— Филимонову надо. Если поедешь теперь, то пойдешь к нему. И в штабе кому-то. Он скажет, мне не с руки, а тебе скажет.

IX

Промозгло-холодный, беспросветно-серый осенний вечер пронизывал тоской комнаты генеральского дома. Машук закрыло дымным туманом, ветер сбивал листья с деревьев. Лена принесла чай с вареньем и белым хлебом. Он спросил ее:

— Ваш муж скоро приедет?

— Жду со дня на день.

— Пора бы. Уже десять дней как белые ушли.

Наверное, надеялся генерал на помощь Стахеева.

Не мог ни писать, ни читать. Смотрел в окно на осеннюю смерть сада и не верил, что когда-нибудь здесь разгуляется, расцветет весна. Все ошибочное, неприятное, постыдное, что пришлось совершить в жизни, вдруг сложилось тяжким комком в усталой разбитой душе, в больном стариковском теле. Который уже раз проигрывал в памяти несчастный день 1 марта прошлого года, когда ответил «да» на вопрос Алексеева об отречении Николая. Если бы не разрушили империю, то теперь вместе с французами, англичанами, американцами праздновали бы великую победу. Никто и ничто не спасет Россию. Ни бандит Шкуро, ни тупой Деникин с кучкой запутавшихся офицеров, ни пьяный невежественный народ, развращенный преступными лозунгами большевиков.

Ночь прошла тяжело — снились черные кошмары. Светало поздно, и можно было еще спать, но разбудил гудок паровоза на станции.

Прибыл бронепоезд «Революция» с прицепленным салон-вагоном главнокомандующего Сорокина. Несмотря на ранний час, его встречали местные власти — уже знали, что в Пятигорске обоснуется правительство республики. Сорокин приехал первым. Легко выпрыгнул на перрон. В черкеске, папахе, с маузером на поясе. Главкома сопровождал начальник конвоя. Коротко поздоровавшись с встречающими, никому не подав руки, Сорокин спросил, где будет расположен его штаб, приказал сопровождающему:

— Васьков, поехали посмотрим.

Подшел молодой, высокий, в шинели, перепоясанной португеей, тоже с маузером на поясе, представился:

— Комиссар Ге. Назначен председателем Чека. Сегодня провожу операцию по очищению города от контрреволюционных элементов. Составлен список. Будете проверять?

— Не до списков мне. Сами занимайтесь. Всю контру — в расход. Потом доложите.

Бывший студент Петербургского университета Ге действовал решительно и быстро. Наступило серое сы-

рое утро, и по улицам Пятигорска двинулись в сторону кладбища небольшие жуткие группки: 2-3 бойца с пашками наголо гнали полураздетого обреченного. Помощник командира отряда особого назначения Палихин с несколькими красноармейцами ворвался в дом генерала Рузского. Лена, едва не теряя сознание от страха, стояла у двери в генеральскую спальню. Другие домашние застыли в ужасе. Все были не похожи на людей — ни Лена, ни Палихин не узнали друг друга.

— Николай Владимирович в постели, — бормотала Лена. — Он... болен... старый...

— Приказ Чека, — сказал Палихин, не глядя на нее, и приказал своим бойцам вытащить генерала из спальни.

Крепкие, самоуверенные, привыкшие убивать, бойцы особого отряда выволокли в прихожую генерала в нижнем белье. Он пытался что-то объяснить, хотел одеться, но красноармеец крикнул:

— Так подохнешь, контра! Нечего, мундир портить.

Они повели его, босого, в белом помятом белье. Не один он такой шел в свой последний путь. Некоторые из жертв пытались объясняться, кричали, плакали, задерживали движение, и сопровождающие покалывали, поторапливали их клинками. Лена зачем-то пошла следом. Кроме нее и другие молчаливые свидетели опасливо шли поодаль, провояжая согнувшихся, посиневших, уже наполовину умерших. Их подводили к кладбищу. Здесь, у самой ограды, наспех заканчивали рытье длинной неглубокой ямы. Обреченного подводили к краю ямы, ставили на колени и рубили пашкой. Лена с ужасом смотрела, как убивали священника: он с воем упал в яму, его живого засыпали землей, а он пытался выкарабкаться, молил о помощи...

В центре происходящего был председатель Чека Атарбеков, молодой бородач с уныло сведенными губами. Он подошел к Рузскому, которого уже заставили стать на колени, спросил, хрипя от холода и злобы:

— Теперь ты, генерал, признаешь власть революции.

— Власть разбоя и убийц! Это и есть ваша великая революция...

— Руби его! — взвизгнул Атарбеков. — Руби гада, контра!

— Шею тяни, контра, — приказал солдат. — Не признаешь, значит, тогда вот так!..

И ловким рассчитанным ударом снес голову генерала.

— Вот так я их, товарищ Атарбеков.

— Так их и надо.

— Не у каждого так ловко выходит, — объяснял чекист, осторожно сталкивая кучку окровавленного белья с остатками человека в яму.

Елена смотрела, не понимая, где она и зачем стоит здесь. Рядом с ней оказался бледный худой субъект, дрожащий не то от холода, не то от страха, а может, от садистского восторга. Он нечаянно толкнул ее в плечо, и она покачнулась, едва не упав как подрубленная. «Ты чего? Ты чего? — испуганно зачистил дрожащий. — Иди, девка, домой. Иди, иди...» И Лена послушно повернула к дому.

Когда приехал муж, она рассказала ему, как убивали генерала. Они шли к центру по бывшей тополиной аллее, и Михаил, выслушав странный рассказ жены, нехотели заметил:

— Зачем они деревья-то вырубали?

— Ты что? — Лена даже остановилась.

— Да, конечно, — спохватился Михаил Петрович, — жаль генерала. Меня тоже расстреливали.

— Тоже... Молчи уж. А вот здесь, на площади, комиссаров вешали. Народ смотрел и говорил: «Так им и надо». Везде убийства, казни. Как можно жить в этом ужасе? У нас будет ребенок. Можно растить ребенка в этой сумасшедшей стране?

— Леночка, не мучай себя черными мыслями. Жизнь станет прекрасной. Мы победим, и тогда...

— А сейчас можно уехать в Москву? Там же легче, спокойнее. Москва — наш город.

— Там, Леночка, есть нечего. Так я пошел. К обеду вернусь. Ты в гостиницу? Ах да. На рынок. Деньги не жалею. Я сегодня еще получу.

Он скрылся в дверях правительственного здания.

С тротуара напротив за супружеской парой наблюдал Кузьменко. Он был в поношенной красноармейской шинели и солдатской папахе со звездой, и ничем не отличался от многих таких же красных солдат, снующих по площади. Кузьменко полюбовался Леной, кутавшейся в синее пальто по фигуре, разглядел ее спутника, одетого по-командирски, но без нашивок и без оружия.

— Хорошо со старыми друзьями встретиться. Да, Елена Аркадьевна? — подойдя к Лене, сказал Кузьменко негромко, с осторожной улыбкой.

— Ты чего здесь? — Лена явно испугалась. — Шпионишь тут? С тобой и меня схватят. Исчезай туда, откуда пришел.

— Не с руки мне спешить. Дело есть.

— Не с руки? Да я не побоюсь, крикну чекистам знакомым — и тебя тут же к стенке поставят. Не успеешь и обо мне ничего сказать. Да тебе и сказать-то нечего. Водил меня к белому начальнику, а тот насильничал. Вон в том доме Чека. Там и останешься.

— Не пугай, дура — баба. Меня главнокомандующий Сорокин знает. У нас с ним дела. Мой козырь старше.

— Ну и иди своей дорогой. Я тебя не знаю — ты меня не знаешь.

— Знаешь ты меня. И поможешь, если нужда будет. Сегодня не знаю, уеду ли, а почевать негде. У Сорокина — нельзя. Устроишь меня в генеральской усадьбе? Где-нибудь в сарайчике?

— Нету генерала. Убили его чекисты. Штыками закололи.

— Ну-у? Что это крепко краснюки взялись. Мало мы их здесь вешали. Скоро опять придем — всю площадь разукрасим.

Разошлись в разные стороны. Кузьменко направился к штабу, помещавшемуся на площади, в бывшем доме градоначальника. Доложил начальнику охраны, что он секретный разведчик Сорокина, работавший у белых еще с боев под Кореновской. «Скажите Ивану Лукичу, что прибыл его разведчик Кузьмин». Документы были в порядке, и его провели на второй этаж к кабинету

главкома, охраняемому двумя рослыми красными казаками.

Ждал Кузьменко недолго. Сорокин сидел за столом трезвый, серьезный, озабоченный. С ним — молодой чубатый казак.

— Говори при нем, — сказал Сорокин. — Верный человек. Что твой Шкуро надумал?

— Тяжело нам под генералами, Иван Лукич. Не любят они казаков. Андрея Григорьевича Деникин хочет под суд отдать за невыполнение каких-то приказов. Придирается, чтобы как-то убрать нашего атамана, которого народ любит. А у нас с атаманом Шкуро программа народная: чтобы сами кубанцы на Кубани власть держали, чтобы у всех земля была, чтобы московские генералы нами не командовали.

— Хорошая программа? А? Васьков. Ты согласен?

— Мы тоже не хотим, чтобы московские жида нами командовали, — сказал верный Васьков. — Не согласны мы с таким порядком. Так я говорю, Иван Лукич?

— Хотят меня на короткий чомбур взять, — злобно усмехнулся Сорокин. — Да не выходит у них.

Он поднялся и зашагал по кабинету, оправляя новенькую аккуратно выглаженную гимнастерку.

— Вот Андрей Григорьевич Шкуро и предлагает объединиться нашим казакам с вашими. Мы с вашими не воевали и не собираемся. Это Ковтюх на нас жмет.

— Ковтюх — мужик. Ему пахать надо, а не войскам командовать, — презрительно сказал Сорокин.

— Наша дивизия с вашей армией рядом стояла, — продолжал Кузьменко излагать план Шкуро. — Соединимся. Власть на Кубани — вы и наш полковник Шкуро.

— Я и сейчас здесь власть, — сказал Сорокин, садясь вновь за стол, на место, принадлежащее тому, у кого власть. — Назначили мне реввоенсовет, чтобы я с ним все приказы согласовывал. И все равно мое слово — закон! Как я сказал, так реввоенсовет и подписывает. Потому что знают — за мной армия! Двести тысяч бойцов пойдут, куда я прикажу! И правительство ихнее скину! Хоть сейчас этого Рубина к его Богу в рай отправлю.

Сорокин взорвался истерическим гневом. Вскочил из-за стола, выкрикивал угрозы, брызгая слюной, стуча кулаком по столу.

Вскоре он успокоился и Кузьменко изложил ему план Шкуро: правительство Кубано-Черноморской республики уничтожается, вся власть переходит к Сорокину, коммунистические боевые части, прибывшие из России, разгоняются и уничтожаются с помощью казачьих войск Шкуро. Затем создается казачья республика во главе с Сорокиным и Шкуро. Армия Деникина уходит в Россию.

Сорокин обдумывал сказанное недолго, но нервно метался по кабинету, останавливался, подозрительно вглядывался в посланника, снова быстро шагал от стола к двери и обратно. Остановился и проговорил с угрозой:

— Я должен взять Ставрополь. Отдал его вам тогда — теперь он мне нужен. Давайте обратно.

Кузьменко был подготовлен к такому повороту:

— Андрей Григорьич сам хотел предложить вам помощь. А может, потом вместе вошли бы?

— Нет, — резко возразил Сорокин, вернувшись за стол. — Я устраняю советское правительство и побеждаю деникинцев под Ставрополем. Это надо сделать быстрее.

— Когда? Нужно, чтобы Андрей Григорьич знал, когда ему вести дивизию к вам.

— Сегодня вторник? — Сорокин задумался ненадолго. — К концу недели мои войска уйдут из района Кавминвод к Ставрополю. В субботу двадцать шестого я устраняю Рубина и его прихвостней, на следующий день встречаемся с вами. Где? — Он взглянул на карту. — В Кисловодске. Так согласится ваш Андрей Григорьич?

— Он говорил, что лучше бы в степи. Оно спокойнее.

— Давай в степи. У въезда в станицу Кисловодскую: А Ставрополь?

— Ставрополь мы не обороняем, а без Шкуро вы его легко возьмете.

В конце разговора Кузьменко вспомнил о казни генерала Рузского.

— Он же был наш. В совещании с Автономовым участвовал. Вы, Иван Лукич, могли бы его не трогать. Да и Радко-Дмитриева тоже.

— Васьков, разве казнили Рузского?

— Закололи, Иван Лукич. Ге прислал список — сто три человека.

— Без меня это сделали, — сказал Сорокин. — Так и передай своему атаману. Значит, в воскресенье утром у станицы Кисловодской.

Отправив шкуринского разведчика, Сорокин приказал адъютанту соединить его по телефону с чекистом Ге. Спросил того:

— Кто включил в список приговоренных генерала Рузского?

— По предложению товарища Бураковой, товарищ командующий, — ответил чекист. — Она сама случайно слышала разговор генерала с самим Шкуро, и генерал желал этому Шкуро победы, сам собирался воевать за белых. А список проверяется в ЦИКе, и подписал сам товарищ Рубин.

Сорокин бросил трубку и высказался, не жалея бранных слов:

— Товарищу Рубину.... только дай русского человека к стенке поставить. Да еще генерала Рузского. И генерал тоже старый.....

Некоторое время командующий сосредоточенно думал, затем сказал адъютанту:

— Шкуро хочет в степи сойтись. Кто кого, что ли? На пашках?

Х

Своего командира Кузьменко нашел в станице Отрадной, только что захваченной казаками. Здесь произошла встреча войск Шкуро и 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского. Гремело застолье, на улице казаки с бутылками и песнями братались, пели и за столом, где на главном месте сидели Шкуро и Покровский, высокий, черноволосый, с неумолимой подозрительностью холод-

ными темными глазами, глядящими исподлобья на каждого. Здесь тоже пели: «Ой, на гори тай жнецы жнуть...» Шкуро крикнул из-за стола: «Коля! Садись пей, гуляй! Все сделал? Видел, кого надо? Потом доложишь». Покровскому объяснил:

— Мой секретный разведчик. Ходит в тыл к большевикам.

— Ты, Андрей Григорьевич, раз уж признал мое старшинство, то должен и мне дать разведку.

— Конечно, Виктор Леонидович. Все мое — твое. Наливай, Перваков! Коле со штрафом!..

Опытный Кузьменко заметил, что полковник пьет осторожно, хотя жены здесь нет — уехала в Екатеринодар. Когда вышли из-за стола и Шкуро позвал его в кабинет, оказалось, что атаман вообще трезвый, — умел владеть собой.

— Поздравляй меня, Коля! Читай! — и протянул телеграмму.

Она гласила: «*Баталпашинская, полковнику Шкуро Андрею Григорьевичу. Сим сообщаем, что казаки станицы Бекешевской избрали вас депутатом в Чрезвычайную Краевую Раду и приглашают вас на торжественную встречу...*»

— Ездили, Андрей Григорьевич?

— Не до праздников. Телеграфировал им, что не могу бросить войска, ведущие бои за очистку всего нашего района. Да... Депутат. А вторым бекешевцы избрали войскового старшину Козлова. Добрый казак. Ну, садись, докладывай.

Слушал Шкуро внимательно, и на его лице появилось выражение озабоченности. Усы начал покручивать.

Рассказ Кузьменко заставил задуматься.

— Я депутат Рады, и никак мне теперь с Сорокиным не подружиться. Я и не думал. Так — возможное развитие событий. Но я предполагал и подобное развитие. И оно, Коля, в нашу пользу. Если Сорокин расстреляет свое правительство, ему там сразу концы. Поедет меня искать — не найдет. Врагов там у него много. Все ладом идет, Коля. Если он не с нами, значит, ему не жить.

А без такого атамана, как Сорокин, краснюков легче будет бить. С Покровским осторожнее, если будет с тобой говорить, — он высоко метит. Моя комиссия мне еще двести тысяч золотом подарила. Сколько тебе нужно? Тыщу, две?

— Да я ж, Андрей Григорьевич, не за деньги...

— Вот тебе тысяча ассигнациями — в Екатеринодаре золото на них получишь, это мешочек с золотыми рублями.

В этот вечер Шкуро долго не мог заснуть не от тяжелых раздумий, а от радостных картин будущего. Еще немного помучаться в роли народного героя. Без большого пьянства, без девок... Хоть и уехала Татьяна, а здесь все на глазах. Рада, Филимонов, Деникин и — генерал Шкуро.

Его генеральский салон-вагон будет лучше, поинтереснее, чем у Деникина. На стенах — картины с волками. Нет. Не картины, а эти... барельефы: волчья морды с оскаленными пастьями. И маски. Это сделает мастер. Есть такой мужик в Пашковской. В соседнем вагоне — румынский оркестр, как в Кишиневе. И цыганский хор неплохо бы. Набрать новых адъютантов. А этих... Пусть повоюют. Кузьменко слишком много знает. Одного адъютанта — только для женщин. Чтобы тайно приводил и уводил.

Станет генералом — все кубанские казаки будут под ним. Нет, дивизия не бригада, как Деникин хотел, а корпус, а то и армия. Ведь все кубанское казачество за народного героя Шкуро, а без казаков до Москвы не дойти. Все настоящие добровольцы, которых набрал Корнилов, перебиты, а эти мобилизованные, то и дело от красных бегут. Невинку не могут взять. Конечно, Врангель — кавалерист, но не казак. Он вельможа. В командующие будет целить. Да и кавалерист-то он питерский. Рассказывали, как на днях под станицей Урупской повел кавалерию в бой, а сам — на автомобиле. Красные конники неожиданно атаковали как раз его командный пункт. Все на лошадях в бегство, а его автомобиль заглох, шофер убежал, и барон пытался спастись бегом, говорят,

кричал: «Солдатики, дайте мне лошадь...» Артиллерийские ездовые вырчили барона.

Первая встреча с Врангелем произошла в 1916 году, в Румынии. Есаул Шкуро со своими казаками в дождливую холодную ночь подъехал к одинокому охотничьему домику. На порог вышел высокий статный военный и крикнул по-командирски:

— Это что еще за орда прибыла?

— А кто это говорит? — не растерялся есаул.

— Командир Первого Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, флигель-адъютант его величества, полковник барон Врангель.

Есаул назвал себя, и, несмотря на то, что врангелевские квартирьеры раньше заняли домик, барон потеснился и пустил казаков обогреться и отдохнуть. Этакая аристократическая любезность к простому народу.

Когда генерал Шкуро поведет кубанцев, все увидят, кто настоящий кавалерийский командир. Эти питерцы и верхом-то ездить не умеют. Облегченная рысь — лошадей мучают.

В планах Шкуро пока не находилось места Сорокину. Придумал на другой день в Баталпашинской, где устроили торжественную встречу генералу Покровскому. Полковник знал, как вести себя с такими, у которых на лице власть и угроза: потихонечку, с улыбочкой, с уваженьцем. Покровский принимал такое отношение, как должное. Молебен служили перед построеными войсками, генерал был главным лицом: и высокий, и стройный, и взгляд командирский. Да еще и летчик.

За торжественным обедом сидели рядом, и Покровский уже тоном начальника сказал:

— Пришла шифровка главнокомандующего: я — командир корпуса, ты — начальник Первой Кавказской дивизии. Будем брать Невинку.

Шифровка — вот, что надо, — решил Шкуро. После обеда, вновь оставшийся трезвым, он вызвал своего радиста и, предупредив об особой секретности, передал ему текст: «Романовскому. По данным разведки, в ближайшие дни красные атакуют Ставрополь, командующий Сорокин будет отстранен. Шкуро».

Шкуро догадывался, как надо действовать против Покровского; такие уверенные в своем обязательном успехе, всегда где-то переиграют, переборщат. Уже на следующее утро представился случай. Сам генерал уехал в Беломечетинскую, оставив Шкуро в Баталпашинской. Полковник занимал дом на площади перед собором. С утра площадь шумела. Пришлось, взяв с собой адъютантов Борукаева и Козлова, выйти разбираться. Напротив собора — пять виселиц, на них только что повешенные. Раскачиваются, крутятся. В стороне, под охраной офицеров, страдная очередь — человек пятнадцать в одном белье, дрожат от холода и страха смерти, выкрикивают что-то отчаянное. Станичный атаман, старый бородач в крестах, угрюмо наблюдал происходящее. Вот здесь и надо показать, что значит народный герой, справедливый герой.

— Прекратить казнь! — крикнул Шкуро. — Кто здесь руководит? Ко мне.

— Командир комендантской сотни при штабе генерала Покровского капитан Николаев, — доложил подошедший офицер. — Мне и есаулу Раздеришину генерал приказал отобрать в местной тюрьме явных комиссаров, большевиков и евреев и казнить на площади.

— Кубанские казаки без суда никого не казнят! — громко заявил полковник. — Всех — обратно в тюрьму, атаману назначить состав суда из самых уважаемых станичников. А с генералом я свяжусь.

Вскоре приехал Покровский и почему-то не вызвал полковника к себе, а пришел сам — тоже вел игру, искал друга-помощника. Пожурил дружески:

— Ты, брат, либерал, как я слышал. Мало вешаешь. Я прислал своих людей помочь тебе в этом деле.

— Мои сами справятся, Виктор Леонидович. Но по приговору суда. — Шкуро тоже дружески улыбнулся и подмигнул.

Невинномысскую красные отдали почти без боя — лучшие боевые их части двинулись на Ставрополь,

а здесь оставались тыловики, необстрелянные, нестроевые. Многие сразу сдавались в плен, многие сами перебежали. Покровский, пользуясь случаем, решил продолжить воспитание начальника дивизии.

Следующим утром по его приглашению Шкуро прибыл на завтрак в занятый генералом большой каменный дом с огороженными стеной двором и садом. На столе — все, что надо, у стола молодые казаки с полотенцами в роли официантов. Выпили по большой рюмке, закусили рыбкой, и Покровский вдруг поднялся.

— Подойдем-ка на минутку сюда, Андрей Григорьевич, — сказал он и подвел гостя к двери, ведущей во двор.

Дверь распахнулась, и Шкуро увидел в одном шаге от себя качающегося повешенного солдата в шинели, за ним — еще повешенный, и еще, и еще... Во дворе стояли офицеры. Среди них знакомые — Николаев и Раздеришин. Полковник отшатнулся, Покровский засмеялся.

— Это нам для улучшения аппетита, — сказал генерал. — Природа любит трупы. Вид повешенного оживляет ландшафт. Особенно, когда вешают жида. Вон они стоят ждут свой черед. Раздеришин, давай-ка того, что Бога нам хочет придумать. Эй ты, Мойша, кто у нас Бог?

Выволокли к двери маленького человечка с длинными седыми космами, с совершенно безумными глазами. Он кричал, брызгая слюной:

— Мы, евреи, дали вам Бога. И царя дадим! Вы должны молиться нам, гои! На колени передо мной!..

— Его лечить надо, а не вешать, — громко сказал Шкуро. — Слова его слышали и казаки, и офицеры во дворе.

— Ты неисправимый либерал. А ну-ка, Раздеришин, подвесь этого Мойшу повыше, чтобы на солнышке полечился!

Вернулись за стол, и Покровский спросил:

— Аппетит улучшился?

— У меня аппетит никогда не пропадает.

Выпили еще, вспомнили о Чрезвычайной Раде, от-

крытие которой назначено на 10 ноября. Решили ехать вместе.

Шкуро чувствовал, что генерал уверился в его некоторой слабости и уже не считает за соперника в борьбе за власть на Кубани. Тем легче будет его обойти. На конных состязаниях тоже так: того, кто слишком надеется на свою лошадь и красуется на ней, обходит другой, незаметный, скромный на вид.

XII

В Екатеринодар выехали с тем расчетом, чтобы успеть до открытия Рады решить свои военные и домашние дела. Шкуро сопровождала конвойная «волчья сотня», а генерал Покровский вел с собой целое войско — Кубанский гвардейский дивизион и сводный Кубанский полк. Объяснял, что «для отдыха».

В дороге вроде бы сблизились, сдружились, не спорили, в разговорах о происходящих бурных событиях обычно приходили к общему мнению. А события поражали воображением. Красный командующий Сорокин расстрелял свое правительство, и был расстрелян сам. Но это не ослабило красные войска. Таманская армия Ковтюха захватила Ставрополь. Согласились, что Сорокин хорошо сделал, уничтожив Рубина и компанию, и неплохо, что и сам отправился следом. Без него у красных не осталось хороших командиров. Но вот Ставрополь.

Соглашаясь с генералом по поводу Сорокина, Шкуро, на всякий случай покручивая усы, позволял себе усмехаться лишь в мыслях. О Ставрополе сказал, что его добровольцы особенно и не защищали. Рассказал о денкинском выговоре, полученном за взятие Ставрополя. Покровский удивлялся и не хотел верить: «Наш же город! Зачем отдавать большевикам? Я против такой политики. Это филимоновская Рада мутит воду. Менять надо людей. Менять атамана...»

Шкуро понимал, как хочет Покровский поменять атамана, но делал вид, что не понимает: растерянно возмущался, выражал наивные надежды на решения Рады.

В Екатеринодаре спутники разъехались: Покровский — в городской дом, Шкуро — в свою Пашковскую.

У ворот родного лона встречали отец, жена, соседи — казаки предупредили. Шкуро легко спрыгнул с любимого гнедого, бросил поводья ординарцу и по старому уставу поклонился отцу, — будто не замечая его бешеных глаз, глубокого шрама на лбу, искривленного от злобы лица. Не забыл отец, что сын ему враг: триста рублей долга до сих пор не отдал, лез не в свое дело, когда мать, старую дуру, приходилось учить палкой, сбежал с ней из дому, донес на отца атаману и о семейных делах, и о торговле фруктами из сада... Почему это покалеченному герою турецкой войны нельзя заработать, если сын грабит?

Правда, теперь сын покорно кланялся в ноги, ординарец подавал увесистые пакеты с подарками, и старик, временно успокоившись, обнял и поцеловал сына.

Татьяна кинулась на шею, зацеловала, заласкала, помогла раздеться, повела к себе в гостиную. Здесь у нее все по-питерски: трюмо, кресла, диваны, столики с цветами, на стенах картины с заморскими пейзажами. Сама в голубом платье с мехами, с большим ожерельем из спецзапаса полковника. Деловая: сразу заговорила о главном, о том, что была у Филимонова и старик обещал, что Рада произведет ее мужа в генералы. В штабе Деникина одарили кого надо, благосклонно там приняли и взнос Финансовой комиссии — главнокомандующий возражать не будет.

И был семейный пир. Быстро захмелевший отец кричал: «Бей их, Андрюша! Вешай, жги! Я еще тогда с ими бился. В девятьсот пятом. Тогда еще черносотенцем участвовал...» Вспоминали за столом сестру Любу — живет не то в Новороссийске, не то в Ростове с каким-то стариком-американцем. И о брате вспомнили, воюющем где-то на Дону. От него вестей нет.

— Казаки болтают, что тебя в атаманы выберут, — сказал отец.

— Могли бы и выбрать, — согласился захмелевший Шкуро, — но хозяин здесь Деникин, а не казаки. Ему,

наверное, старик Филимонов годится. Через него он с самостийниками справляется. Те все дергаются — мечтают устроить свою республику. Конституцию придумали лучше, чем в Америке. Не понимают, что без деникинских офицеров нам против красных не устоять. Все мушкетеры за них. И наши иногородние. Да и не только иногородние.

— Вешать! Как мы в девятьсот пятом!.. — орал отец, который сам никого тогда не вешал, только кричал на улицах.

Родные стены придали полковнику уверенности — дело налаживается. Если Деникин не помешает нацепить генеральские погоны, тогда... Тогда жизнь пойдет другая, и генерал Шкуро пойдет дальше. Поедет в салон-вагоне. В двух салон-вагонах: в одном сам, в другом — музыка.

Следующим утром, узнав распорядок дня главнокомандующего, направился к дому Фотиади — резиденции Деникина — белому невысокому особняку южной архитектуры с круглыми башенками и куполами. Охрана — корниловцы: фуражки с красным верхом и черным околышем, двухцветные черные красные погоны с литерой «С» на рукаве шинели — голубая нашивка в форме щита с надписью «корниловцы» и белым черепом над скрепленными костями и мечами.

Принял Деникин сразу, но с официальной холодностью.

— Я знаю о вашей успешной деятельности в казачьих отделах, — сказал генерал, и взгляд его был безразлично далек от этого кабинета, наполненного осенним серым светом, и от казака с густыми светлыми волосами и с разросшимися рыжими усами. — Однако генерал Боровский доносил мне, что вы не выполнили мою директиву и не ударили в тыл красным, чтобы помочь Боровскому взять Невинномысскую. Станцию тогда так и не взяли, и она явилась базой для красных. Вместо этого вы полезли на Кисловодск, ни на черта нам не нужный. Вот теперь они взяли Ставрополь и пытаются пробиться к Царицыну, чтобы преградить нам путь к Москве.

— Но ваше превосходительство, я же не был подчи-

нен Боровскому и не получил вашу директиву. Да и войск в то время у меня еще не было — я шел набирать казаков в станицах. А взятие Кавминвод с Кисловодском и Пятигорском вынудило красных создавать новый фронт в своем тылу. Это намного их ослабило... Шкуро не забыл уроков тактики и стратегии в Николаевском училище. Главкомандующий делал выговор ему без нажима — так, для порядка. Открывающаяся Рада интересовала Деникина больше:

— Я знаю, что вы, полковник, твердо стоите за единую Россию, и я рад, что вас избрали депутатом. Не знаю, кого они изберут сейчас, но, по-моему, Филимонов — серьезный, политически мыслящий человек. Он понимает нелепость претензий так называемых самостийников.

— Скорее всего, ваше превосходительство, атаманом изберут опять Филимонова, а большинство Кубанского казачества сражается за единую Россию, и мы не позволим самостийникам вносить раздор в наши ряды.

— Ваш новый начальник, генерал Покровский, придерживается тех же взглядов.

— Конечно, ваше превосходительство, Виктор Леонидович — генерал Добровольческой армии и полностью разделяет взгляды ее вождя, — ответил уверенно Шкуро, уловив вопросительные нотки в словах Деникина.

С разделявшим взгляды вождя Покровским договорились ехать на открытие Рады вместе, причем на автомобиле генерала. Тот, как условились, заехал в Пашковскую пораньше, чтобы перед таким большим политическим событием побеседовать со Шкуро один на один. Генерал был в черкеске, на которой красовался Георгиевский крест. Шкуро тоже оделся по-казачьи. Татьяна подала в кабинет кофе и сладости.

— Полагаю, что мы будем действовать сообща, — сказал Покровский, не столько вопросительно, сколько начальственно.

— По-другому и быть не может, — ответил Шку-

ро. — Деникин за Филимонова, значит, и мы за него. А за нами и вся Кубань. Верно говорю, Виктор?

— Не вся, Андрей. Быч, Рябовол, Сушков, Калабухов и еще целая группа смотрят в сторону. Хотят своего атамана. Быча, наверное. Или Калабухова. Чтобы Кубанскую республику создать, а Добровольческую армию — в Россию. Благо с немцами теперь войны нет. Ходят слухи, что в Германии революция.

— Ну-у? Как?

— Ничего еще точно неизвестно. Узнаем. Главное, чтобы у нас был порядок. Только мы — боевое Кубанское казачество — имеем право решать, какая должна быть власть на Кубани.

— По-другому и быть не может,

— Будем так держаться на Раде.

XIII

Капитан Гензель не рвался в Зимний театр, где открывалась Рада, но Маргарита очень настаивала, и он без особого труда получил пропуск. Они жили неподалеку, в гостинице «Кубань», и пришли, когда до начала события оставалось достаточно времени, чтобы осмотреться и послушать, о чем говорят. В фойе духовой оркестр играл: «На сопках Манчжурии», в богатом ярко освещенном буфете толпились офицеры в черкесках и мундирах, немногочисленные женщины красовались в лучших своих платьях. Некоторые дамы — в поношенных столичных, другие в новомодных французских, доставленных через Новороссийск. Были и настоящие казачки в цветастых платьях, с десятком нижних юбок, делающих их фигуры такими, какие настоящие мужики любят. Все это супружеская чета Гензелей видела и раньше, посещая театр.

Новыми были разговоры:

— В Германии революция.

— Кайзера повесили.

— Нет, он бежал в Африку.

— В России террор. Всех бывших офицеров Чека взяла в заложники.

— Слышали новость? Кутепов женился. На... дальше шепот.

— Вера Холодная умерла в Одессе.

— Кайзера повесили моряки на рее...

Здесь вновь встретились трое старых друзей — капитаны Гензель, Рябов и Чухлов. Целовали ручку мадам Гензель, восхищались ее красотой и туалетом, удивлялись, что муж не на фронте. Даже шутя сожалели: а то бы...

— Все-таки почему же ты, Кирилл, не со своим бароном? — допытывался Рябов.

— Прикомандирован для особых поручений к штабу его превосходительства главнокомандующего.

— Он туда, а я оттуда, — сказал Чухлов. — Формирую новый батальон в Марковской дивизии. А Кирилла прикомандировали к медовому месяцу.

— Ах, какой долгий месяц! — воскликнул Рябов.

— А мы и не замечаем, — кокетливо сказала Маргарита.

— Будешь, Вася, в белой фуражке щеголять? — спросил дотошный Рябов.

— И в белой фуражке, и в черных погонах в Москву буду входить. Вот Гензель с Врангелем побьют здешних краснюков, чтобы в тылу не мешались, и... вперед к Первопрестольной.

Зазвенел звонок, открылись двери зала, люди потянулись к своим местам. Гензель, стоявший с краю, у окна, бросил взгляд на улицу и обернулся с интригующей новостью:

— Господа! Только что в одном автомобиле подъехали Покровский и Шкуро в сопровождении большого отряда кавалеристов!

Новость удивила многих. Возникли самые фантастические предположения, подтвержденные еще одним эпизодом: Покровский и Шкуро вместе вошли в зал, прошли в ложу и сели рядом.

На ярко освещенной сцене появился седобородый Филимонов и объявил об открытии Чрезвычайной Кубанской Рады. Быстро выстроились хористы в казачьих одеждах, грянул оркестр и зазвучала песня-гимн:

Ты, Кубань, ты наша Родина
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная
Разлилась ты вдаль и вширь.
О тебе здесь вспоминаючи,
Как о матери родной,
На врага, на басурманина
Мы идем на смертный бой.
О тебе здесь вспоминаючи,
За тебя ль не постоять,
За твою ли славу старую
Жизнь свою ли не отдать?
Мы как дань свою покорную
От прославленных знамен
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон.

Зал подпевал стоя. Покровский грозно поглядывал на соседей: поют ли? Шкуро вообще любил песни, и на лице его выражалось необходимое чувство умиления и радости.

Председателем избрали Рябовола. Первое слово — Деникину: главная власть в белой России. Генерал вышел, неторопливо, в несколько помятом мундире с Георгиевскими крестами, на лице его было отвлеченное выражение тяжелых раздумий о судьбах родины. Был он похож на старого священника, ведущего службу. Говорил спокойно, лишь иногда в голосе возникала некоторая угроза — это для самостийников.

— Добровольческая армия, созданная героем России генералом Корниловым, освободила Кубанскую землю от большевистской чумы, — говорил генерал, — добровольцы шли в бой в жару и стужу, переносили невероятные лишения, гибли тысячами с одной заветной мыслью — спасти Россию. Троцкий знает нашу силу и кричит: «Все на Южный фронт! Мы должны разрубить завязывающийся узел контрреволюции». Большевистский командующий намеревается бросить на нас, на Юг России, огромные полчища своей Красной Ар-

мии, в которой собраны китайцы, калмыки, башкиры, пленные немцы и австрийцы, самые жестокие и кровавые головорезы многих национальностей. Они никому не дают пощады, особенно нам, русским православным людям. Их гимн — «Интернационал». При таком положении вещей пора бросить споры, интриги, местничество. Все для борьбы! Большевизм должен быть раздавлен. Россия должна быть освобождена, вступив с боями на Кубанскую землю. Добровольческая армия встречала радужный, сердечный прием и гостеприимный кров. Но в последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогреваемая людьми, которые жадными руками тянутся к власти, не разбирая способов и средств. Хотят поселить рознь в рядах армии и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотят привести армию в то жалкое состояние, в каком она была зимою 1917 года. Это те самые люди, которые смиренно кланялись большевикам, скрывались в подполье или прятались за добровольческие штыки. Мне хочется сказать этим господам: «Вы думаете, что опасность более не угрожает вашей драгоценной жизни? Напротив. Борьба с большевизмом далеко еще не окончена. Идет самый сильный, самый страшный девятый вал, а потому — не трогайте армию. Не играйте с огнем. Пока огонь в железных стенах, он греет, но когда вырвется наружу, произойдет пожар, и кто знает, не на ваши ли головы обрушатся распатанные вами, подгоревшие балки? России нужна сильная, могучая армия». За шесть с лишним лет войны, за время русской революции я достаточно часто смотрел в глаза смерти и перенес достаточно тяжелые нравственные пытки. Кажется, трудно чем-либо запугать меня, боевого генерала. Но когда думаю о том позоре, о том страшном несчастье, когда поверженную в прах и раздерганную в клочья Родину нашу на предстоящем судбище народов некому даже защитить, — мне хочется рыдать от тяжелой невыносимой боли. Теперь, когда близится час окончания мировой войны, когда все государства в числе лучших

мужей совета, облеченных доверием народов, будут решать судьбы мира, кем будет представлена Россия? Теми ли, что надругались над всем святым нашим, которые плюнули в душу русского человека и грязным большевистским сапогом растоптали ее? Теми ли, что предательски отвернулись от своей Родины и вражескими штыками создали себе временное и призрачное благополучие? Теми ли, наконец, кто честно и беззаветно борются за спасение родины, но говорят на разных языках и до сих пор не могут никак столкнуться друг с другом? Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть. Добровольческая армия берет на себя инициативу создания и того и другого. Добровольческая армия, собирая вокруг себя и вооруженные силы, и людей государственного опыта, приглашает все части русского государства, признающие единую, неделимую Россию, сомкнуться вокруг нас для совместного государственного строительства, для общей борьбы с врагами России, для единого представительства и защиты русских интересов на будущем мирном конгрессе. Такое единение всех государственных образований и всех государственно мыслящих русских людей тем более возможно, что Добровольческая армия, ведя борьбу за самое бытие России, не преследует никаких реакционных целей и не предпринимает ни формы будущего образа правления, ни даже тех путей, какими русский народ объявит свою волю. Единение возможно и потому, что Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта. Мы боремся за Россию, а не за власть. Счастье родины я ставлю на первый план. Если когда-либо, после нашей победы возникнет борьба за форму правления, я в ней участвовать не буду. Нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский желает именно такой власти.

Доклад главнокомандующего заканчивался. Он передохнул, утер платком лицо и произнес необходимые приветственные слова:

— Дай Бог счастья Кубанскому краю, дорогому для всех нас по тем душевным переживаниям — и тяжким и радостным, — которые связаны с безбрежными его степями, гостеприимными станицами и родными могилами!

Кричали «ура», запевали гимн, «Вечную память». К Деникину, уже шагнувшему было с трибуны, подбежал адъютант с бумагой. Главнокомандующий, взглянув на нее, вновь занял место оратора.

— *«Телеграмма, — читал он. — Главнокомандующему Деникину. Сегодня утром войска 1-й Кубанской кавалерийской дивизии, разгромив большевистские части, освободили Ставрополь. Взяты пленные и большие трофеи. Генерал Врангель».*

Театр разразился овацией на несколько минут. Деникин сошел с трибуны и направился к своей ложе, но председательствующий Рябовол остановил его и попросил выслушать только что составленный документ: Постановление Краевой Кубанской Рады о зачислении генерала Деникина коренным казаком в станицу Незамаевскую Ейского отдела.

— Я уверен, — сказал Рябовол, — что генерал Деникин будет лучшим казаком и первым кубанцем.

XIV

В перерыве Гензель разыскал знакомых офицеров из штаба Врангеля, узнал подробности такой успешной и своевременной операции под Ставрополем. Капитан Журский, зарекомендовавший себя неисправимым скептиком, разочарованно махнул рукой и сказал, что «нам его еще брать и брать этот Ставрополь — Бабиев только вокзал захватил; телеграмма для театрального эффекта».

Возвращался Гензель к своим, пробираясь через толпы гуляющих: дамы в столичных нарядах и среди них

графиня Панина, известные деятели в официальных костюмах: Миллюков, Винавер, члены «Особого совещания», созданного Деникиным и претендующего на роль некоего «правительства» при Добровольческой армии, и главное — казаки, офицеры... И вдруг увидел бредущего по коридору казачьего вахмистра со знакомым угрюмым лицом, затемненным черными усами и чубом — Кузьменко! Остановил его.

— Здравствуйте, старый боевой знакомый. Вы все еще в строю? У Шкуро?

— Где ж мне еще быть? Думал, капитан, что я уже в могиле? Поглядим, кто быстрее туда угодит.

Долгий медовый месяц и штабная служба сказались: боевой офицер отвык и от неожиданностей, выбивающих из привычной колеи, и от подобного обращения, не сдерживая раздражения, он проговорил:

— Ты перевозил через фронт красную шпионку, и я напрасно тебя не расстрелял. Исправлю. Контрразведка рядом.

— Беги, а то опоздаешь, — мрачно ответил Кузьменко.

Гензель, правда, не побежал в контрразведку — поспешил к жене и друзьям. Отодвинул и вино и пирожное, взволнованно обратился к улыбающемуся Рябову:

— Федор Самсонович, я сейчас здесь, в фойе, встретил Кузьменко!

Рябов не понимал, не помнил, о ком идет речь, и чем так возбужден капитан. Гензель нервничал, напоминал о встрече в Ставрополе за шампанским, вновь рассказывал о вахмистре, которого поймал в тылу красных с молодой женщиной, встречавшейся с полковником Шкуро... Наконец, Рябов что-то вспомнил:

— А-а... Так эти дела не по моей части, и я передал кому-то в отдел борьбы со шпионажем. Кому же?.. Да. Кажется, Фомину. А того убили на операции. А меня завалили кавминводскими делами. Вот все заглохло.

— И что же теперь? — недобро спросил Гензель.

— Сегодня же займусь, — пообещал Рябов, — после заседания.

— Его надо немедленно арестовать, — не успокаивался Гензель.

— Он же служит у Шкуро, — успокаивал Чухлов, — не станет же он дезертировать.

— Кирюша, а как звали эту женщину? — спросила Маргарита мужа.

Тот ничего не ответил, поскольку тогда не смог узнать ее имя. А ведь очень хотелось.

Шкуро и Покровский прогуливались в фойе, делая вид, что не замечают восхищенно-опасливого внимания окружающих. А в толпе — гул тихих замечаний, шепот сенсационных объявлений: «Вот они — главная власть Кубани... выберут Покровского, Шкуро — председатель правительства... Мне говорили, что мадам Шкуро в золоте с головы до ног... Награбил муженек... Никаких выборов — они сделают переворот... Да, да! Привели в город свои войска!.. Деникин их поддерживает... Покровский вешает десять большевиков в день... И не десять, а двадцать...»

Объекты восторженного любопытства расхаживали, ничего не слышали и не замечали, будто говорили о чем-то важном. И действительно они говорили о серьезном. Покровский никак не мог примириться с тем, что Деникин поддерживает Филимонова.

— Он же и есть главный самостийник, — говорил генерал. — Только очень хитрый. Сумел обмануть Антона Ивановича. Его выберут — значит, опять Рябовол, Быч и вся эта компания. Я тебе скажу, Андрей: Антона они в чем-то запутали. Или купили какими-нибудь обещаниями. Если атаманом выберут другого, Деникин только обрадуется.

— Конечно, тебя надо, Виктор, — с наивной серьезностью согласился Шкуро. — Но как? Ведь там все договорено.

— Значит, надо сделать все самим. Без выборов. Понял?

— А как это? — Теперь полковник наивно удивлялся.

— У нас войска. Сила.

— А-а... Так это же...

— Молчи. Вечером договоримся. Деникин одобрит. Теперь пойдем с народом поговорим.

Покровский, высокий, решительный, самоуверенный, врезался в толпу, воскликнул:

— Что, господа кубанцы? Не пора ли на Москву походом идти?

Его поддержал одобрительный рёв.

Возле уныло-серого окна стоял Кутепов — маленький полковник с аккуратной бородкой, почти такой, какая была у последнего русского императора. Полковник не смотрел ни в окно, ни на снующих вокруг участников Рады, не слушал разговоров. Будущее его интересовало лишь в виде возвращенного прошлого. Он не представлял Россию иначе, чем во главе с государем, с могучей армией, где только и есть место для таких, как он, Кутепов, воинов. Еще во время первой встречи на совещании Шкуро понял сущность этого человека, не имеющего ничего, кроме армейской службы, кроме войны, и не нравящегося начальству, — Деникин загнал полковника в Новороссийск губернатором вешать контрабандистов. Шкуро проникся к Кутепову некоторым уважением — хоть и не понимает тот настоящей жизни, но с такими можно иметь дело, сражаться в одном ряду, он не станет хитрить, интриговать, доносить.

Подошел с искренней приветливой улыбкой:

— Александр Павлович, очень рад видеть вас здесь. Неужели вы все еще в Новороссийске?

— Мы же с вами послушные солдаты. Получил приказ и пошел. Я слышал, что и с вами обошлись не по заслугам. Надеюсь, теперь-то поняли, за кем идут кубанские казаки?

— О чем думает начальство, знает только Бог.

— А я теперь женатый человек. Должен благодарить Антона Ивановича за Новороссийск. Там все это произошло.

— О! Поздравляю. Супруга здесь? В Екатеринодаре.

— Я здесь по службе, а моя семейная жизнь со службой не соприкасается.

— Я рассуждаю точно так же, Александр Павлович.

Они поговорили еще о делах на фронте, о революции в Германии, затем Шкуро пришлось отвлечься на настоячивые призывные знаки адъютанта Кузьменко. Вахмистр отозвал полковника в безлюдный угол и рассказал о встрече с Гензелем.

— Эта сволочь может сильно навредить, — согласился полковник с опасениями адъютанта. — Я придумаю что-нибудь. А сейчас, Коля, езжай ко мне в Пашковскую. Скажешь Татьяне, что я тебя прислал. Сиди и жди. Газеты читай. У тебя же ни бабы, ни детей — ты сразу можешь и уехать куда-нибудь. Я придумаю.

До вечера успел придумать. Приехал домой затемно. Оживленный, слегка выпивший, со сладким подарочком для Татьяны. После заседания давали оперу «Запорожец за Дунаем» на украинском языке.

— Наша опера, — с восхищением вспоминал полковник. — «Ой, Одарка, что с тобою? Перестань же вже кричать... Мабуть выпил одну чарку, мабуть выпил целых две...»

После ужина Шкуро и Кузьменко закрылись в кабинете и вели тайный разговор.

— Приехал на днях с Украины один человек, — говорил полковник, — он рассказал мне о новых делах, которые там закрутились. Появился там на южных землях свой атаман — Махно⁴¹. Мужики его называют «батяко Махно». Программа у него такая же, с какой мы с тобой начали, вся власть мужикам-хлеборобам, у которых земля, пускай даже Советы, но без большевиков, ну и другое прочее по-нашему. Понял? Мужиков да казаков в России больше, чем всяких гензелей. Так я говорю? Мужики и казаки — это и есть вся Россия. С рабочими можно договориться. Я и раньше был за восьмичасовой рабочий день. Поедешь, значит, к этому Махно. Я договорился с полковником Кутеповым. В Новороссийске явишься к нему — он устроит тебя на какой-нибудь пароходик до Таганрога или до Мариуполя. Там разберешься, куда лучше. Доберешься до Махно. Письма давать не буду, а документы приготовь хорошие — ты человек опытный. И поговори с этим

батякой. Осторожно, но понятно. Ведь мы с ним если соединимся, то вся Россия наша. Потом возвращайся. Мы, наверное, уже поближе будем. Или оставайся там, если понравится, а мне — восточку...

XV

Выступлений Покровского и Шкуро на Раде ожидали со дня на день, но они медлили, что порождало новые слухи о готовящемся перевороте. Вздуроражен был военный Екатеринодар еще и неожиданным праздником, устроенным в станице Пашковской. Для них и сопровождающих специально подали травой украшенный, трехцветными знаменами и волчьими флагами. В станице их ожидали построены войска: волчья сотня Шкуро и кавалеристы Покровского. Оркестр играл Встречный марш, казаки кричали «ура!». Подали лошадей, Покровский принимал парад, Шкуро стоял рядом. Потом оба встали впереди строя и прошли церемониальным маршем перед стариками. Среди них стоял, опираясь на палку, и старый Шкуро. Утирал слезы. В церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы отслужили молебен и панихиду по жертвам гражданской войны. В здании мужской казачьей гимназии был накрыт праздничный стол.

Покровский выступил с речью, в которой обвинял Раду в стремлении к «самостийности» и одобрял пашковцев за верность единой России:

— Немного осталось станиц, не пожелавших поклониться солдатскому сапогу. И первой из Кубанского войска встала на защиту казачества ваша станица. Первая кровь была пролита пашковцами, и я знаю, что вы не позволите бунтарям-самостийникам нарушить единство России...

— Якы там бунты, — сказал старик, сидевший напротив Шкуро, — теперь тышь и гладь.

Довольный своей речью Покровский шепнул полковнику:

— Видите, как поддерживают нас казаки? Пора действовать.

На следующий день в руках участников Рады шелестели газеты. Читали не столько о развитии революции в Германии и захвате Петлюрой⁴² власти на Украине, сколько о празднике в Пашковской. Шептались: «Покровский будет атаманом». Однако некоторые ставили на Шкуро: пока полковник заседает в Екатеринодаре, его дивизия окружила Ставрополь и город был взят корпусом Врангеля.

Покровский и Шкуро одновременно подали записки в президиум о желании выступить. Первым вышел генерал. Все говорил правильно, но слишком уж громил правительство Рады, слишком защищал от Рады Деникина: «Я прошел всю Кубань огнем и мечом, и все казачество дружно восстало и шло за мной. И мне больно видеть теперь, как какие-то интриги роняют престиж главнокомандующего и губят общее дело».

Говорил так, словно он уже атаман.

Следующим вышел на трибуну Шкуро:

— Господа члены Рады! Я должен высказать свои тревоги и опасения, которые нам не позволяют там, на фронте, спокойно защищать Кубань, защищать вас и идти дальше по пути освобождения нашей истрадавшейся, истерзанной родины — России. Год тому назад была написана революция о строительстве русского государства. Были пожелания, были красивые мечты о мире. И что же вышло? Каков результат? Ни одна резолюция, ни одно постановление, казавшееся верным и непогрешимым, не прошло в жизнь, а создатели и творцы этих резолюций бежали в чужие страны. Все благие пожелания повисли в воздухе, и край остался без власти. Мы уже забыли горькие уроки прошлого и снова вспомнили, что в русском языке — до восьмидесяти тысяч слов, и стараемся говорить и говорить, не наладивши жизни у себя. Опять выносим резолюции, а порядка в станицах нет. Вдовы и сироты погибших голодают. Много трупов еще ляжет, много крови мы прольем, прежде чем те или иные резолюции пройдут в жизнь. А что, если эти разговоры приведут нас к тому, что было год назад — к розни? Когда в доме пожар, то стульев не

расставляют, а тушат пожар. Опасность рядом, она здесь, у нас, у наших ворот. Я — как кубанский казак станицы Пашковской, как горячо любящий свой ридный край и как один из старших начальников кубанских казачьих войск, скажу, что не могу по чести и совести допустить, чтобы отношения наши с Добровольческой армией портились и даже, может быть, рвались. Зачем всюду на всех перекрестках кричать о каком-то конфликте и разрыве? Я понимаю идеалы патриотов Кубани, понимаю стремления к красивой и вольной жизни и в то же время не допускаю мысли, что заслуги кубанского казачества могут быть забыты, и кубанские казаки, и вы, наши верные друзья горцы, займут первое, почетное место в Российском государстве, тому порукой — потоки нашей крови, тысячи трупов наших лучших детей и честная кровь лучших сынов России, бойцов Добровольческой армии, пролитая на полях Кубани за нас, кубанцев, и во имя общей идеи воссоздания единой России. Эта связь, эта кровная связь на поле брани крепче всех разговоров, договоров и слов. А потому всякие скороспелые решения и ненужные трения недопустимы, они волнуют фронт, они мешают нам драться там и могут привести к развалу армии. Знайте, господа, члены Рады, если Добровольческая армия уйдет от нас, то мы одни погибнем. Я вел десять тысяч казаков за собой, вооруженных одними палками, но имевших веру и надежду быстро соединиться с Добровольческой армией, где есть опыт и знания и сила веры. Эта вера Добровольческой армии спасла не одну тысячу казачьих жизней. Ныне пришли союзники, которые считают, что именно Добровольческая армия является носителем государственного правопорядка, именно теперь должны доверить все свои силы мудрому командованию Верховного Главнокомандующего русской армией генерала Деникина. Мы должны честно и открыто вместе, рука об руку, идти с Добровольческой армией к великой России. В этот торжественный момент необходимости братского единения с Добровольческой армией мы должны всем, кто преследует свои узкие цели, мы должны им сказать:

уходите от нас, не разрушайте дела создания Кубани, не расстраивайте армию, ибо вы и Кубань спаслись не словом, а потоками крови, силой оружия. Да здравствует навеки вольная Кубань, да здравствует единая русская армия с ее верховным вождем генералом Деникиным, да здравствует единая Россия!

Зал несколько раз аплодировал полковнику: когда он говорил о почетном месте в Российском государстве, о мудром командовании генерала Деникина и, конечно, в конце речи.

Шкуро сел на свое место рядом с Покровским, откинулся на кресло, глубоко дышал, отдыхая. Генерал смотрел на него с интересом.

— Кто писал? — спросил генерал.

— А чего писать-то? Сам все это знаю.

— Вообще ты прав: сказано много, правильно, а по делу ничего. Потому всем и понравилось.

XVI

Все эти дни Шкуро ждал какого-то знака от штаба — если Филимонов готов на его производство в генералы, то как примут там? Деникин, выступив в первый день Рады, на заседаниях больше не показывался. Иногда появлялся Романовский, издали улыбался весьма приветливо, но поговорить с ним не удавалось — быстро исчезал. На нем армия. Шли слухи, что Деникин все внимание отдает молодой беременной жене.

После своего выступления Шкуро, набравшись решительности, нашел предлог самому явиться к начальнику штаба армии. Уже стемнело, и Романовский трудился над бумагами при свете яркой настольной лампы. Встретил он гостя доброжелательно:

— Хорошо, что пришли, Андрей Григорьевич. Я намеревался пригласить вас на завтра.

— А я пришел защиты у вас просить, Иван Павлович, — начал с ходу. — Подходит ко мне какой-то полковник, говорит, что он из контрразведки, и требует, чтобы я ему доложил, где мой адъютант вахмистр Кузь-

менко. Будто на него есть какой-то материал, и его надо допросить. Я своего адъютанта знаю с детства, Иван Павлович, вместе озоровали, когда он к нам в Пашковскую приезжал. Все бои со мной прошел. Ведет у меня секретную разведку по тылам красных. Вы же получили мою шифровку о Сорокине и о прочих делах — это все с его помощью, по его разведке. Теперь опять я его послал к большевикам в тыл за сведениями о планах — нам же надо дальше наступать. У него опыт, своя сеть агентов...

Этот вопрос Романовский решил мгновенно — нажатием кнопки и поручением адъютанту передать в контрразведку приказ прекратить дело. Потом некоторое время молча поглядывал на Шкуро, почему-то напомнив тому доктора, лечившего полковника в Персии после ранения в грудь. Рассматривал с таким странным интересом.

— Мне очень понравилась ваша сегодняшняя речь в Раде, — сказал начальник штаба. — Я прочитал стенограмму. У вас с Покровским хорошо были согласованы тезисы: он главным образом против самостийности, вы — за Добровольческую армию.

Говоря это, Романовский смотрел испытующе — хотел докопаться, существует ли согласованность действий, сговор? А чего бы хотел начальник штаба? Чтобы существовал сговор или нет? Стараясь выглядеть попроще, понаивнее, понароднее, Шкуро смущенно поблагодарил за одобрение речи:

— Да я же не оратор... Так, от души. С народом, с казаками больше разговариваю.

— Казаки вас любят. Готовы и атаманом избрать.

Вот и еще один вопрос-допрос.

— Рано мне о таком думать, Иван Павлович. Казаки, правда, говорили. И Рябовол сказал, что я природный казак, и будто все они на меня надеются. Просил, чтобы я их поддержал.

— А вы?

— Я сказал, что еще молод для такого поста, в политике неопытен, а кроме того, не согласен с сепаратистскими настроениями. Я за единую Россию.

— Мы с главнокомандующим очень ценим эти ваши убеждения. Но кто же станет атаманом?

— Я понял, что Антон Иванович не возражает против переизбрания Филимонова.

— Не возражать, это еще не значит полностью соглашаться. Есть и другие достойные кандидаты. Вот генерал Покровский.

Романовский улыбался, словно знал о каких-то тайных решениях.

— Его казаки любят.

— Может быть, лучше будет, если его изберут? Хороший атаман?

— Многие так считают.

— А вы?

— Мы с ним в дружбе. Он мне говорил, что хотел бы стать атаманом. Не будет возражать, если изберут и даже...

— Что даже?

Шкуро задумался ненадолго — тяжел путь в генералы, того и гляди не туда свернешь. Решил свернуть поближе к Деникину:

— Даже готов силой захватить атаманскую булаву, если не будет против главнокомандующий. Виктор Леонидович считает, что вы и Антон Иванович не возражаете против того, чтобы он стал атаманом, но не хотите ссориться с Радой.

— А что вы думаете, господин полковник?

— Я думаю по-всякому, а поступлю, как вы мне посоветуете, чтобы на пользу Кубани и Добровольческой армии.

— В принципе, мы не против Покровского. При определенных условиях могли бы поддержать и переворот. При определенных условиях. Поэтому, если генерал решится на взятие власти, вы должны в этот же момент приехать с ним ко мне.

На ночь Шкуро читал свою газету «Доброволец», где самым интересным было сообщение о прибытии в Новороссийский порт союзной эскадры в составе двух миносцев и двух крейсеров: «Эрнест Ренан» и «Ливер-

пуль». Значит, соглашение о помощи деникинской армии пришло в действие. А там обозначено введение в Россию двенадцати дивизий для борьбы с анархией. Планируется занятие Киева, Харькова, Донбасса, помощь вооружением и продовольствием... Вот и иди казак Андрей Шкуро за Деникиным и веди за ним своих казаков, и сам генералом станешь, а потом... А потом посмотрим, как все обернется. Не с этими же недоумками самостийниками связываться. У них вон там один мудрец всем доказывает, что кубанская конституция, которую он сочинил, лучше американской.

Полковник уже собирался укладываться спать, когда у ворот зашумели: лошади, возгласы, стук. Будто что-то стряслось. Пришлось одеться и выйти встречать незваных гостей. У ворот его ожидал приехавший верхом в сопровождении казаков капитан Козловский, адъютант Покровского.

— Господин полковник, — обратился капитан с некоторой тревогой в голосе, — Виктор Леонидович просит вас немедленно приехать к нему по важному делу, не терпящему отлагательства.

Шкуро отдал приказ седлать лошадей, надел черкеску и взял револьвер, сопровождать приказал Борукаеву, постоянному домашнему дежурному адъютанту.

Приехали в особняк Покровского на Красной улице. Генерал сидел в прокуренном кабинете, нервно напряженный, нетерпеливо дергающийся. Вокруг него — четыре полковника, ближайшие помощники.

— Наконец-то, — встретил он Шкуро возгласом облегчения. — Андрей Григорьевич, мы должны немедленно начать действовать. Деникин и Филимонов больше не могут мириться с крикунами самостийниками в Раде. Они настаивают на том, что этих людей надо немедленно обуздать. Поэтому я решил сегодня в четыре часа утра арестовать этих господ и предать их военно-полевому суду по обвинению в государственной измене. Части моей дивизии, расквартированные в Пашковской, уже идут сюда. Они займут все караулы. Вы, полковник, со своей волчьей сотней произведете аресты вот

по этому списку. Вас, Андрей Григорьевич, будут сопровождать мои офицеры, знающие адреса лиц, подлежащих аресту.

Опять приходилось становиться наивным, непонимающим:

— Это вроде как переворот? А приказ есть?

— Вам достаточно моего приказа, полковник Шкуро. Вы подчиняетесь мне по службе.

— Так это ж верно. Я временно под вашим командованием. Сам с радостью согласился. Мы ж с вами кубанцы. А вот надо все же приказ получить. Хоть бы от штаба.

— От штаба? — Покровскому почему-то понравилось это предложение. Хорошо. Не будем терять времени. Едем к полковнику Романовскому.

Поехали в автомобиле вдвоем с генералом. В штабе Романовского не было — пришлось ехать домой, звонить, стучать. Начальник штаба уже спал. Вышел недовольный.

— Что случилось? — спросил он. — По-моему, положение на фронте позволяет мне ночью отдыхать. Докладывайте, Виктор Леонидович.

Покровский, по-видимому, ожидал другого приема и несколько растерялся:

— Полковник Шкуро доложит.

— Ваше превосходительство, — по-солдатски начал Шкуро, — поскольку я получил приказ его превосходительства генерала Покровского по поводу ареста известных вам лиц, то считаю своим долгом...

— Мне ничего неизвестно об этом, — прервал его Романовский с сердитым удивлением человека, разбуженного среди ночи ради какой-то неразберихи. — Придется беспокоить главнокомандующего. Пройду к телефону.

Оставшись вдвоем, Покровский и Шкуро молчали и не смотрели друг на друга. Вернувшийся начальник штаба официальным голосом сообщил, что главнокомандующий ничего не приказывал генералу Покровскому и что вообще главное командование не может взять на себя никакой ответственности в этом деле.

Теперь Шкуро должен был возмутиться до бешенства. И он возмутился:

— Это, Виктор Леонидович, гнусная авантюра! Вы меня посчитали за идиота, за пешку... Да вы сами интриган и никудышный генерал. Вы кавалерией командовать не умеете, а хотите стать казачьим атаманом. Под Татаркой из-за ваших нелепых распоряжений погибли десятки лучших моих бойцов. Иван Павлович, я больше не могу быть в подчинении у этого... самозванца!

— Ну, Андрюша, ты такое наплел, что впору стреляться. Ты готов?

— Отставить! — скомандовал Романовский. — Ваш спор, принимающий неприличный характер, касается дела, находящегося в компетенции атамана Филимонова. Советую вам сейчас же отправиться к нему и все выяснить.

В автомобиле Покровский сел рядом с шофером, и к Шкуро не обращался. Добравшись до места, ждали появления разбуженного атамана тоже молча. И все повторилось:

— Ничего подобного я генералу Покровскому не приказывал, — сказал атаман. — Мне ли, облеченному доверием народа, народному избраннику, становиться на путь нарушения конституции и совершать государственный переворот?

— Провокацию затеяли, ваше превосходительство! — Теперь Шкуро кричал в полный голос. — Меня втянули в заговор против законной власти! Я не только не пойду с вами, но и не допущу вашу авантюру!

— Мы не поняли друг друга, — попытался Покровский смягчить раздор. — Что же теперь драться с тобой будем?

— Если потребуется, я не отступлю, а переворот на Кубани не допущу!

— Какой может быть переворот, господа? — Филимонов тоже старался прекратить не нужный ему конфликт. — Конечно, вы друг друга не поняли. И меня Виктор Леонидович не понял: был какой-то разговор, а вы сделали ошибочные выводы. Продолжайте рабо-

тать, господа. И не ссорьтесь. У вас войска. Идет Рада. Впереди выборы...

Расходились молча. Шкуро бы и не попрощался, но Покровский остановился и сказал угрюмо, как проигравший по чужой вине:

— Не понял ты, Андрей. Это они нас разыграли, чтобы теперь ни меня, ни тебя в атаманы не выбрали.

Как раз Шкуро-то все и понял: в атаманы рвался не он, а Покровский. Ему же, полковнику, народному герою, достаточно пока быть вождем сражающегося казачества и получить генеральский чин.

XVII

Неприятно удивило, что в праздничные дни встречи с первыми представителями союзников Деникин подписал приказ о производстве в генералы Дроздовского. Ведь мог вписать в приказ и полковника Шкуро. Был разговор с Татьяной. Она сказала, что действовала через жену одного большого штабного чина, — назвать фамилию не может, и та обещала твердо. Наверное, к каким-нибудь настоящим праздникам. А Дроздовскому чин генерала дали, потому что тяжело ранен под Ставрополем.

Конечно, приезд нескольких не очень чиновных английских и французских офицеров не такой уж и праздник. Правда, был среди них один генерал. На торжественном обеде этот генерал по фамилии Пуль говорил: «Мы не забыли и никогда не забудем, как вы героическими усилиями спасли нас в 1914 году, когда положение было критическим, и никогда не забудем, что вы, будучи поставлены в крайне тяжелое положение, не соединились, однако, с немцами. Рискуя всем, остались до конца верными своим союзникам».

Французский лейтенант Эрлих прекрасно изъяснялся по-русски: «Над башнями Кремля, над русской землей ваши и наши враги подняли зловещий красный флаг, забрызганный кровью невинных жертв. Скоро этот флаг будет заменен славным трехцветным знаменем великой единой неделимой России».

Оркестр играл «Марсельезу», «Правь Британия», а затем... Возникла пауза. Союзники потребовали русский гимн. Адъютант Деникина бегал от главнокомандующего к оркестру и обратно. Наконец, заиграли «Преображенский марш». Кутепов и несколько его офицеров рванулись было к дверям, но затем, посоветовавшись, уселись на свои места и запела свой марш: «Русского царя солдаты рады жертвовать собой». Они же — преображенцы.

Шкуро понимал, что все это — политика. Только очень нервные или очень пьяные плачут, когда играют какой-нибудь гимн. Не понимал он и Кутепова. Тот не плакал, — боевой генерал, самый, наверное, храбрый в деникинской армии, но для него вся жизнь была в той, исчезнувшей России. За ее воскрешение он и сражается, не жалея ни себя, ни своих офицеров. Для него гимн только один, тот самый: «Царствуй на страх врагам...» Таким всегда трудно. От армии отстранили, до сих пор полковник, а уж он-то разве не заслужил генерала?

Хотя что здесь удивляться. Однако вскоре очередь удивляться дошла и до самого полковника Шкуро: Деникин принял решение послать его в Новочеркасск на торжества по случаю приезда на Дон союзников. Само событие неожиданное — говорили, что Деникин убедил союзную делегацию в несостоятельности донского атамана Краснова, что только Добровольческая армия — свет в окошке, и лишь с ней надо договариваться о спасении России. Впрочем, генерал Пуль в Новочеркасск так и не поехал, не было там ни одного представителя старше капитана.

Делегация Добрармии тоже собралась удивительная: генерал-майор Боровский и полковник Шкуро. Второго генерала не нашли. Не заговорщика же Покровского посылать. От других северо-кавказских войск были еще и генералы, и князья, и полковники. За ужином в салон-вагоне гремели тосты, звенели бокалы, заглушая стук колес. Шкуро сидел между Боровским и неизвестным кавказцем и задумчиво вглядывался в бутылки: не пора ли успокоить нервы? В Екатеринодаре он устро-

ил несколько казачьих ночных гуляний, и как будто дурных последствий не было. А может — были? Потому, может быть, и приказа о производстве в генералы нет? Решил в поезде воздержаться. Вслушивался в разговоры. Одни хвалили Краснова, другие мягко упрекали его за дружбу с немцами, которая ничего ему не дала — Германии-то больше нет. На это им отвечали, что тогда было другое время — была Германия, и что Краснов снабжал Добрармию немецким оружием. Вино лилось рекой, и кто-то уже кричал, что Краснов — проститутка, продавшаяся немцам. В ответ ему выкрикнули, что тогда Добрармия — кот⁴⁸, живущий на средства этой проститутки. А тогда Всевеселое войско... Разгорячившихся спорщиков останавливали, напоминая, что они едут по приглашению Краснова.

Шкуро оставался трезвым и восхищался порядком на железнодорожных станциях, располагающихся на территории войска Донского: бравые жандармы в красных фуражках, чистота, отсутствие пьяных толп оборванцев, привычных на кубанских дорогах. В Ростове вместе с другими членами делегации полковник вышел на перрон, посеребрённый морозцем. Здесь их от имени атамана Краснова приветствовали офицеры. Все в новых со сверкающими погонами шинелях, перетянутых портупьями, с пашками и револьверами на поясе. Совсем другая Россия. Нет. Не другая, а та, старая Россия. На-стоящая.

В Новочеркасске делегацию встретили офицеры. На площади у вокзала — вереница автомобилей. Всех приехавших развезли по гостиницам. Шкуро предоставили двухкомнатный чистенький номер в гостинице «Ермак». Он не знал, что делать до обеда — своих никого нет... Но скучать ему не дали. Появился усатый грубоватый сотник донского войска. Он оглядел гостиничную роскошь и сообщил, что городская комендатура арестовала подозрительного человека, по некоторым сведениям, пробиравшегося с территории, контролируемой отрядами Махно, но назвавшегося вахмистром Кузьменко из казачьей дивизии полковника Шкуро.

— Конечно, мой человек, — радостно подтвердил Шкуро. — Отпускайте и проводите сюда. Как он? Небось поработали кулаками в комендатуре?

— Да не трогали мы его, господин полковник. Может, кто чуть толкнул.

— Одежда на нем справная? Приказываю одеть в чистое, новое и проводить сюда ко мне.

Кажется, вахмистра, правда, не били, может, лишь чуть толкнули. Вид у него был истощенный, не выспавшийся, но лицо выбрито, и одет в новую казачью шинель с погонами, на голове синяя фуражка.

Обняв, усадив Кузьменко, Шкуро вызвал горничную, заказал водку, закуску. Спросил:

— Как же тебя угораздило? По таким тылам ходил, к самому Сорокину. А здесь — попался. Да еще за махновца взяли. Глядишь, и расстреляли бы.

— Из-за бабы, Андрей Григорьич. Затянула к себе на ночь, а под утро ее мужик заявился. Говорила, что он на фронте, где-то за Богучаром, а он у Махно служил и меня там видел. Вот и поволок в комендатуру.

— О бабах потом, давай о Махно рассказывай.

— Тяжелый мужик. Чуть что не так, наган достает. У него два нагана на поясе. Мужики за него горой — помещиков разгромили, землю, имущество, хлеб — все продували. И немцев были. Теперь те сами уходят, и остается батько главной властью. Сидят в Гуляйполе, и вроде весь левый берег Днепра до Харькова и Екатеринослава за ним. Хотят Екатеринослав брать.

— Рассказал о наших казаках, обо мне?

— Лучше б не рассказывал. Страшными глазами на меня посмотрел. Я, говорит, давлю панов, жидов и коммунистов, а ты ко мне от офицера, от панов приехал. Иди, говорит, гад, на задний двор. Я сам тебя к Богу в рай провожу. Хорошо, его мужики успокоили — батькин помощник Белаш, другие там сидели. Убедили, что я-то не пан, а солдат — вахмистр.

— Теперь бы не пожалели — ты уже хорунжий. Приказ на всех своих я сделал. Только на меня Антон Иванович никак не подпишет. Хочет, наверное, чтобы я

к Махно ушел. Выходит, что у этого батьки дело поставлено?

— Твердо, Андрей Григорьич. При мне выезжали на тачанках какой-то поезд братъ. Армия. Пулеметы, винтовки... А вернулись — дуван⁴⁴.

Золото Махно сам дуванил. Кончили — и по хатам. Опять мужики.

— Я для него, выходит, пан?

— Объяснял я ему, что вы, значит, из простых хлеборобов, что вы за мужиков, что генералы вас не жалуют. А он напялил на нос черные очки, глянул и сказал: «Погляжу, как он себя покажет. Как он со своими генералами разберется. Мы-то разобрались». А его еще один помощник — Горев резко против: «Бить всех: и Геймана, и Петлюру, и Краснова, и Деникина, и Шкуро!» Тут батько на него взъелся, закричал, даже наган выхватил — по столу стучал. Кричит: «Я здесь командую. С Петлюрой союз. Директория⁴⁵ дает нам тыщу шинелей, триста винтовок...»

Рассказ Кузьменко был долог и не очень складен, однако главное Шкуро понял: Махно сумел оседлать мужицкую силу и сам стал силой в гражданской войне. Конечно, сам-то он псих вроде Сорокина. Того ты, полковник Шкуро, перехитрил. Этого перехитрить труднее. А раз так, тогда придется его бить. С деревенскими-то мужичками казаки как-нибудь справятся.

Под разгвор пили, и вскоре Коля перешел на странный, путанный сюжет о чернявой женщине, заманившей его накануне в свою хату на окраине Новочеркасска. То с восхищением вспоминал горячие ночные ласки — «другой такой не найдешь; ненасытная бабонька Настя...» То вдруг поносил ее последними словами — едва не погиб из-за нее. И мужик ее, Петр, оказался занудой. Ну, подрались бы, а то в комендатуру потащил.

— Не треба мне такая черная ведьма, — бормотал пьяный Кузьменко. Мне бы, знаете... Да, ладно. Пускай...

Казак, да еще доверенный полковника Шкуро умеет держаться — хлебнул кофейку, плеснул холодной во-

дички на лицо, и иди гуляй. Шкуро дал Кузьменко денег, приказал снять номер в гостинице по его личной просьбе, а утром явиться.

Номер казаку дали немедленно, правда, маленький, неуютный, и на первом этаже. Немного отдохнув, Николай вышел на прогулку — не сидеть же в окне смотреть. На центральных улицах полно офицеров — то и дело козыряют. Пришлось свернуть в переулки, где больше равных пальто, чем шинелей, а если и шинели, то солдатские.

Не зря думал он о своей чернявой, как о колдунье: шел мимо рынка, и она толкнула его в бок. Почудилось, что жар ее руки проник через все одежды.

— Откуда ты взялась, чертова баба? Из-за тебя чуть жизни не лишился.

— Я не чертова. Я твоя. Знала, что тебя встрену.

— Прогнал тебя мужик? Чего по улицам-то шляешься?

— Говорю — тебя ищу. А Петра с другими казаками в Богучар угнали. Туда эти поедут... Как их? Англичане, союзники. Наши будут там окопы копать и стрелять — войну англичанам показывать.

— Поучил он тебя?

— Как же? Поучит один такой. У меня брательник в Атаманском полку. Да и сам Петруша на короткую ножку хромает. Ловила я его. А мне ты нужен. Зараз с тобой уйду, куда скажешь. На Кубань пойду.

— Пойдем лучше на базар — соленый кавун возьмем.

Такая, видно, у Николая судьба — чернявая, липучая, ненасытная. Вот и шел с ней, будто кто приказал. С базара — в магазин за вином, потом в гостиницу. И вновь были ласки, вздохи, стоны, и приходила и в момент разливалась и исчезала невыносимая сладость, оставляя лишь потную брезгливую усталость.

Ему бы с той светлой, голубенькой, как утреннее небушко, чистой, как ручеек в лесу. Сказала: «А ты лизунчик». И улыбнулась. Револьвер нацелила. Защищала свою честь. Умница, красавица. Только она его любовь,

и есть его любовь. Искать ее и добиться. Хотя бы всю жизнь искать. Теперь жизнь недолгая. Найти и не брать ее, как эту черную ведьму, а ласкать-миловать...

XVIII

На тридцать третьем году жизни Шкуро всему и всем давал свою цену: и войне, и революции, и политике, и генералам, и мужикам, и комиссарам, и прочему, и прочим. Твердо знал, что надо не искать хорошую власть над собой, а самому быть властью. Таких, как Деникин, уважал, но не любил, других, не умеющих взять власть над ним, над Шкуро, презирал. Но вот Краснов... Ну, генерал-лейтенант, ну, атаман войска Донского... Однако, еще будучи юнкером, Шкуро читал его книгу об атамане Платове, а позже — «Картины былого Тихого Дона» и очерки в журналах. Тогда еще было время читать. Но правильно ли будет думать, что Краснов не генерал, не атаман, а писатель. Казачий писатель. Что власть ему так — приложение. Генерал-то боевой. На фронте Шкуро встречался с ним — тот командовал 1-й Донской дивизией.

По распорядку торжеств представление делегации Краснову происходило вечером в день приезда, и Шкуро сожалел, что несколько перепил с Кузьменко. Конечно, он держался совершенно твердо и трезво, но не решался сказать лишнего — что-нибудь о новых книгах писателя Краснова. Говорили минут пятнадцать и только о делах. Генерал, уже седеющий, смотрел и слушал внимательно, будто прислушивался, обдумывал каждое услышанное слово и намеревался в ответ что-то решить, что-то сделать. Такое впечатление, что ты пришел к нему с просьбой, и он очень хочет тебе помочь.

— Я знаю о вашей самоотверженной героической борьбе против большевиков, за освобождение прекрасной кубанской земли. Знаю, что главнокомандующий Добровольческой армией недостаточно ценит вашу роль в войне и в обустройстве кубанского казачества. А ведь вы, коренной кубанский казак, работая вместе с вашей

Радой, могли бы сделать на Кубани не меньше, чем мне удалось на Дону.

— Власть не принадлежит Раде, ваше превосходительство. У нас власть — это генерал Деникин и при нем какое-то особое совещание.

— Антон Иванович слишком властолюбив. Почему-то требует, чтобы я и все донское казачество и наша армия полностью подчинились ему. Ну, скажите, Андрей Григорьевич, могу ли я, имея на освобожденной территории сильную армию, налаженный государственный аппарат, установившийся правопорядок, подчиниться генералу Деникину, почти не имеющему ни территории, ни своей армии — ибо громадная часть Добрармии состоит из казаков же — ко всему прочему и политику с туманной, колеблющейся политической программой? Меня обвиняют в германофильстве, но это плод недоразумения, ибо мое так называемое германофильство есть разумная международная политика, вызванная обстоятельствами времени. Пусть добровольцы помнят, что Дон снабжал их патронами и снарядами, без чего борьба их с большевиками была бы невыносима; но эти полученные от немцев патроны я, образно выражаясь, омываю прежде в водах Тихого Дона и затем уже передаю Добрармии.

Краснов улыбнулся по-писательски удачному слову.

Шкуро осторожно спросил о Махно. Генерал высказался о нем пренебрежительно:

— Обыкновенный бандит. Бывший каторжник. Пытается договориться и с Петлюрой, и с красными... Мои казаки его бьют.

Что ж? И генерал-писатель ошибается. Разведка у него плохая.

После представления атаману делегация ужинала. Говорили о приезде союзников. Для шести человек в Мариуполь подали поезд атамана с вагон-рестораном и электрическим освещением. В Таганроге на перроне помимо караула лейб-гвардии Атаманского полка, выделявшегося новыми шинелями и белой ременной амуницией, стоял и хор трубачей. В Новочеркасске прибыв-

ших встречал почетный казачий караул и делегации с хлебом-солью. На пути следования автомобилями шпалерами стояли войска.

За ужином Шкуро выпил для настроения, но придя к себе в номер, обнаружил свежие газеты — в их числе и екатеринодарскую «Утро Юга» — одного взгляда на них оказалось достаточно, чтобы душевное состояние ухудшилось. На первой странице — приказ главнокомандующего Добровольческой армией о присвоении чина генерал-майора полковнику Кутепову Александру Павловичу. Шкуро долго лежал с газетой в руке, раздумывая: полная неудача или для чего-то нужная отсрочка? Потом решил отвлечься от тяжелых мыслей и принялся за чтение статьи об еще одной власти, возникшей в Сибири: *«Появилось новое государственное образование в Сибири, и его правительство объявило себя всероссийской государственной властью. Главнокомандующий Добровольческой армией генерал Деникин заявил по этому поводу, что нет решительно никаких оснований признавать это правительство всероссийской властью, тем более что оно создано и действует под влиянием Учредительного собрания первого созыва, возникшего в дни народного помешательства, составленного наполовину из анархических элементов и не пользующегося в стране ни малейшим нравственным авторитетом. Генерал Деникин заявил также, что Добровольческая армия от всей души приветствует мысль объединения русской земли, положенную в основу сибирского объединения, признает его исключительно важное значение и находит не только возможным, но и необходимым путем взаимных соглашений направить русские силы Востока и Юга к одной общей земле — возрождения великодержавной России...»*

И для Антона Ивановича, а главное — самому быть у власти, а над ним чтобы никого. Великодержавная Россия, конечно, хорошее дело, но вот Рябоволу и Бычу нужна самостоятельная Кубань, а ему, Шкуро, требуются генеральские погоны. Кто задерживает? Кому Татьяна ручку позолотила. Не говорит, но догадаться не трудно.

Только Романовский все решает. Наверное, его супруге подарочек и вручен. Если здесь отказ, то надо другую должность выбирать. С Махно, пожалуй, не договоришься — эти каторжники ненавидят офицеров и казаков. Вот Краснов — генерал, атаман, писатель. У него порядок. За ним идут донские казаки, пойдут и кубанские. А без казаков никакая Добрармия до Москвы не дойдет. И Шкуро решил сделать ход.

С утра происходило торжественное богослужение в Новочеркасском соборе. Такое, как в императорской России: сверкающее облачение священников, прекрасный хор — не хуже, чем в Мариинке... Следующим номером программы был военный парад, здесь тоже все выглядело, как при Николае: новая форма, четкий шаг, равнение, юнкера, лейб-гвардии Финляндский полк во главе... Вечером — торжественный обед в атаманском дворце: черная икра в жбанах, огромные рыбы, янтарные балыки, набор вин. Донской хор в старинных одеждах, войсковой струнный оркестр... У Деникина все было гораздо проще — что с мужика возьмешь.

Во время обеда произошли два заметных события: одно вызвали гимны, виновником другого — Шкуро. После исполнения английского и французского гимнов лейтенант Эрлих, сидевший рядом с Красновым, предупредил атамана, что не следует играть царский гимн — такая проповедь монархизма неуместна и не входит в планы союзников.

— Что прикажете мне играть, когда величают великую, единую и неделимую Россию? Не знаете? Большевики играют вашу «Марсельезу». Может, и нам поступить также? Но «Марсельеза» — гимн Франции, а не России.

— Да. «Марсельезу» играть неудобно, — согласился француз.

— У меня две возможности, — сказал Краснов, выпрямляясь, переходя на выразительный литературно-торжественный слог, — играть «Боже царя храни», не придавая значения словам, — или играть похоронный марш. Я глубоко верю в великую единую и недели-

мую Россию, потому играть похоронный марш не стану. Я играю русский гимн, и он всегда останется русским, что бы ни случилось.

Оркестр заиграл гимн Российской империи и некоторые за столом плакали.

Шкуро, незаметный маленький полковник среди генералов, произнес тост, который вызвал некоторое оживление. До него звучали официальные благодарности за донское гостеприимство, оказанное Добрармией и позволившее развернуть боевые действия против большевиков, а полковник сказал:

— Я вижу силу в единении, а в генерале Краснове — будущего атамана всех казачьих войск!

Проживи хоть 33 года, хоть 63, а жизнь вдруг так переворачивается, что все, казавшееся незыблемым, верным, могучим, мудрым, навсегда принятым тобой, превращается в ничто, и ты выбрасываешь это, как старую одежду, превратившуюся в лохмотья. И Краснов превратится в старика с больными ногами, которого волокут на виселицу. А торжественный обед с гимнами вспомнится, как нелепый спектакль, созданный по сценарию плохого писателя, бездарного политика, надеявшегося на победу немцев во всех войнах.

И тогда, может быть, не следовало выступать с тостом, но кроме восхищения атаманом-писателем рассчитывал Шкуро и на реакцию Романовского: пусть тот поймет, что у полковника есть выбор.

Романовский понял. Возвратившись в Екатеринодар, Шкуро позвонил в штаб и попросил дежурного офицера узнать, когда можно прийти к генералу с докладом. Тот ответил: немедленно — начальник штаба ждет полковника. Прислали автомобиль. После Новочеркаска город показался грязным, заполненным неряшливыми толпами.

Еще более раздобревший Иван Павлович встретил равнодушно сонным взглядом. Это означало, что уже существует некий план, — как вести себя с полковником Шкуро. Поэтому полковник докладывал о поездке официально, уставившись на генерала наивно по-солдатски.

— Главнокомандующий недоволен вами, — сказал Романовский с некоторым вздохом, сонным и сочувствующим. — Мы не поручали вам предлагать Краснову должность атамана всего казачества.

— Да это так, Иван Павлович, застольный комплимент, — ответил Шкуро, будто ничего не зная о сложных отношениях между Новочеркасском и Екатеринода-ром. — Разве ж от моего тоста что-нибудь зависит? Я ж простой полковник, а не кто-нибудь там... решающий.

— Командование армии ценит вас, как боевого военачальника казачьих войск, — при этом Романовский несколько проснулся, сверкнул взглядом. — Здесь, на Раде, вы занимаете правильную позицию, но иногда вот проскальзывают у вас необдуманные высказывания: то рабочим восьмичасовой рабочий день обещаете, то Краснову — атаманство...

— Ой, Иван Павлович, — Шкуро на этот раз постарался предстать перед собеседником наивным офицером, взволнованным сложной военной обстановкой, — с этими рабочими и мужиками не поймешь, как и говорить. Вот батько Махно объявился. Пол-Украины захватил. Все мужики за него, потому что отнимает землю у помещиков и отдает им. Он и с красными столкуется, и как мне доносит разведка, многие казаки принимают эту его программу. До наших казаков еще не дошло, но дойдет. Немцы уходят, большевики Украину захватывают... Ой, Иван Павлович, надо нам казаков своих держать.

— Но вот вы же держите свою дивизию.

— Ну кто я? И что одна дивизия?

Кажется, Романовский уже не играл роль, а серьезно озаботился.

— У вас хорошая разведка, — сказал он. — И о действиях Махно получаете сведения?

— Только что мой человек оттуда прибыл. Петлюра помогает ему оружием, но Махно против самостийной Украины. Он и с красными ведет переговоры, собирается и с казаками договариваться. Здесь нам надо, Иван Павлович, меры принимать. А то, знаете...

Врангель, вызванный с фронта к главнокомандующему, въезжал на автомобиле в Екатеринодар поздно вечером. Уже на набережной возник нарастающий, нестройный шум толпы: кричали, пели, кого-то славил. Врангель недовольно сказал адъютанту:

— Опять шкуринцы безобразничают. Разве сегодня праздник?

— У них каждую ночь праздник, ваше превосходительство. На сегодня 13 декабря — Андрей Первозванный.

— Черт знает что! В городе располагается Ставка, а они себя так ведут. Не воинская часть, а вольница Стеньки Разина, — проговорил барон и с горечью подумал, что бандит с большой дороги такой же командир дивизии, как и он, представитель знаменитого рода Врангелей, высшей аристократии России. Конечно, по сути дела, у него, барона, корпус, но разве Врангелю так уж лестно командовать корпусом? Тем более что главнокомандующий чуть ли не из мужиков, совершенно бездарный командир и политик примитивный. Все у него: «Мы с Иваном Павловичем обсудили... Мы с Иваном Павловичем решили...» Да и Романовский тоже... Если честно, без ложной скромности, то существует лишь один генерал, способный руководить армией и довести ее до Москвы — и это он, барон Врангель.

Повернули к центру, и приветственным салютом захлопали винтовочные выстрелы.

— Уже до стрельбы догулялись, ваше превосходительство. Недавно гуляли вот так и в гостинице застрелили офицера из Татарского дивизиона.

Врангель не впервые сталкивался с ночными безобразиями шкуринцев, но такого еще не бывало: под окнами воинской гостиницы тысячная пьяная толпа, барабаны, балалайки, дикие танцы, стрельба из наганов и винтовок. За толпой — конники. Джигитуют, скачут по тротуарам. И все в волчьих папах, с волчьими хвостами на бунчуках.

Шофер притормозил автомобиль, въезжая в толпу. Там закричали: «Кто такой прется?.. Стой!» Адъютант приоткрыл дверцу и крикнул:

— Дорогу генералу Врангелю!

— Спросите его, кто здесь веселится, — сказал барон.

— Полковник Шкуро гуляет? — спросил адъютант казака.

— Не полковник, а генерал Шкуро!

НАЧАЛАСЬ ЖИЗНЬ

I

Для генерал-майора Шкуро был немедленно оборудован салон-вагон. Пока, правда, удалось найти лишь одно чучело волка. Его поставили в углу столовой напротив любимого значка-флага, где на черном шелке волчья голова с оскаленной пастью. К салону подцепили вагон для конвоя и оркестра трубачей. На первое время хорошо.

Поменялись некоторые адъютанты — старые стали офицерами в сотнях. Молодой кавказец Акоев привел повара, умеющего делать лучшие на Кавказе пашльйки. Другой новый адъютант Медвянов, известный еще с Румынского фронта, пригласил для работы в столовой и на кухне четырех девиц из знаменитого «Яра» в Панской Куте на окраине города.

Дома генерал Шкуро устроил праздник для родных и станичников, а в салон-вагоне — мужской праздник с песнями и трубачами. Пели новую:

Кто лихой налетай
Красных всюду гнал?
Кто их бил без счета?

— Шкуро генерал!..

Началась жизнь, и генерал-майор Шкуро сбросил с души тяжкие путы, которыми сдерживал свои челове-

ческие порывы. За столик в салон-вагоне посадил рядом, а потом и на колени официантку брюнеточку Жанну. Взволновали наглые черные глаза и завиточки волос на шее. На ночь увел ее в свою спальню.

А на утро — война. Вызвали в штаб к Романовскому, Шкуро теперь был спокоен: генерал говорил с генералом. Вместе склонились над картой.

— После сдачи Ставрополя красные закрепились на рубеже Благодарное — Александровское, — говорил начальник штаба. — Врангель пытался сбить их и взять Святой Крест, но эта операция не удалась, и... Антон Иванович решил: перебросить его корпус на Украину для предупреждения возможных действий со стороны Махно и Петлюры. Красные явно готовят наступление именно сейчас, пытаюсь взять Баталпашинскую, разгромить Султан-Гирея⁴⁶ и взять Армавир. Тогда Врангель окружен. Там держит оборону ваша дивизия, но по моим сведениям, положение ее тяжелое.

— По моим тоже, — перебил Романовского Шкуро. — Сырая погода, болеют и люди и лошади. Питьевая вода не годится. В сотнях большие потери: осталось по тридцать-сорок человек.

— Причем половина из них дезертиры.

— Казаки не дезертируют, Иван Павлович. Им некуда бежать со своей земли. Они уходят домой на побывку. Отдохнуть и помочь семьям.

— Главнокомандующий приказал вам лично выехать на фронт и навести порядок в дивизии. Она входит в Третий армейский корпус генерала Ляхова. Его штаб на станции Киян. Завтра вы должны быть в своей дивизии. Главная задача — отстоять Баталпашинскую, не дать красным форсировать Кубань и начать контрнаступление на Кавминводы, места вам знакомые.

— Не помню, сколько раз я их брал.

— И сколько раз отдавал, — по-начальнически улыбнулся Романовский.

Все-таки не мог он избавиться от привычки обязательно дать собеседнику почувствовать свою несостоятельность перед его мудростью.

В салон-вагоне из-за столика возле купе-штаба подъялся офицер и доложил по форме:

— Ваше превосходительство! Дежурный адъютант хорунжий Кузьменко! Докладываю...

— Здравствуй, Коля. Заходи рассказывай.

Доложил, что приехали старики из Баталпашинской.

— Где они? Что им надо?

— Я их отправил в вагон конвоя, а то здесь эти женщины спуют. Жанна, Эльза... а просят они, чтобы генерал Шкуро приехал и защитил ихнюю станицу от красных.

— Придется ехать. Кстати, и Деникин так же думает. Поедем?

— Раз такое дело — сам командующий приказал. Надо ехать, Андрей Григорьич.

— Действуй. Командуй. Заказывай паровоз, собирай людей. Чтобы часа через два-три выехали. Девочек на фронт не берем. Пусть отдыхают и ждут нас. Если потребуется — вызовем. Себе-то выбрал?

— Я еще от новочеркасской никак не отойду. Грозится сама приехать. А я от нее — на фронт. Ладно выходит.

II

Теперь он был не казачьим партизаном, а русским генералом. На станцию Киян приехал в три часа ночи. С черного неба лил мелкий дождь. Командир корпуса генерал Ляхов спал в своем вагоне. Шкуро приказал разбудить. Ляхов не обиделся и через несколько минут пригласил в штабное купе. Сидели вчетвером — два командира и два начальника штаба, рассматривали карту при свете керосиновой лампы.

— А нельзя электричество в вагоне наладить? — спросил Шкуро.

— Давно обещали, но все откладывают, — объяснил Ляхов. — То мастер заболел, то какая-то машина не работает.

— Я себе сделаю немедленно, — сказал Шкуро.

— И мне поможете. А сейчас помогайте генералу Султан-Гирею. Он вечером телеграфировал, что отступает из Баталпашинской, а это мы не должны допустить. Если красные захватят ее, то пойдут по тылам и нашего корпуса и врангелевского. Тогда нам придется уходить на левый берег Кубани. Армавир отдадим. Развал фронта. Поэтому прошу вас немедленно приехать в Баталпашинскую, принять командование над казаками атамана отдела полковника Косякина и действовать. Там у Косякина есть пластуны — их пришлете мне. Надо укомплектовать пластунские отряды корпуса.

— Там отступают, и оттуда вам подкрепление?

— Вы же будете командовать конницей. А пехота у вас рядом; сосед слева — бригада Слащова. Вы его знаете.

— Я знаю, что я, генерал Шкуро, командир казачьей дивизии. Она находится в тяжелом состоянии, и требуется несколько дней, чтобы можно было вести ее в бой. Учитывая сложную обстановку, я готов сегодня поднять дивизию и защищать Баталпашинскую. Пластун, Слащова вы мне подчините? И конницу Султан-Гирея?

— Нет. Они будут действовать самостоятельно.

— Вы хотите, господин генерал, командир корпуса, чтобы я отвечал за результаты боя, а командовали другими? Вы меня не знаете, генерал Ляхов. Я побеждал красных во всех боях, но в этих боях я командовал всеми войсками. Ваш план не подходит. Давайте поднимать Романовского. Телефон или радио у вас есть?

Шкуро встал и рванул дверь купе. Решил уходить.

— Андрей Григорьевич, подождите, — остановил его Шифнер. — Мы обсудим обстановку с начальником штаба, и...

— Обсуждать нечего. Я могу ручаться за успех только в том случае, если же будет предоставлено полное командование и полная самостоятельность.

Ляхов не был готов к такому резкому отпору. Он замаялся и тоже предлагал: подождать, обсудить... Шкуро знал, что надо выиграть эту первую стычку с непосредственным начальником — тогда другие будут покладистыми. Как в сражениях с красными: выиграл первые бои — и теперь

на той стороне знают, с кем имеют дело. В перепалке с Ляховым он бы стоял до конца, вплоть до разговора с Деникиным, но все разрешилось, как в театральной комедии. К купе спешил адъютант командира корпуса. Шкуро мешал ему войти и генералу пришлось шагнуть обратно к своему месту на совещании. Ляхов кинулся на адъютанта:

— В чем дело? Что случилось?

— Ваше превосходительство, телеграфная связь с Баталпашинской прервана.

— Все, — вздохнул Ляхов, непонятно сказал: со вздохом горечи или облегчения. — Станица взята красными. Идите, поручик. Нет. Пойдите. Надо дать донесение в Штаб армии.

— Я подготовлю, — предложил ляховский начальник штаба. — А что решим с Первой дивизией? Может быть, в контратаку?

— Нет, — решительно ответил командир корпуса. — Дивизия слишком слаба для контратаки, и пока она дойдет. Пишите такой приказ: генерал-майор Шкуро назначается командиром правого боевого участка корпуса с полным подчинением всех находящихся там сил. Вы согласны, Андрей Григорьевич?..

И запели трубы сигнал на поход:

Трубит труба, сзывает, торопит всех бойцов на коня-а.
Дружнее ударим и грудью спасем от врага-а
Край наш родной, нам дорого-ой...

— По ко-оням! — командовал командир волчьей сотни есаул Колкин.

Генералу Шкуро подвели его нового генеральского коня темно-рыжей масти.

III

С трудом наступал зимний рассвет. Черные громады Кавказа едва угадывались в упрямом тумане. От Киян до Новогоргиевской верст 35, и в каждом попутном хуторе оркестр играл марши, а казаки громко выкрикивали

всякое, но так, чтобы звучало слово «дивизия». Вперед были посланы дозоры, получившие приказ, разносить слух о том, что идет вся дивизия Шкуро.

В рассветной серости возникли мазанки станицы. Генерал приказал Колкину поправить конный строй, а оркестру играть марш. Въехали малым шагом, придерживая лошадей. Оркестр, топот, ржанье вызвали людей на улицу. У станичного правления собиралась толпа. Здесь генерал спешил, отдал лошадь ординарцу, подозвал станичного атамана и коменданта.

— Посмотри-ка, атаман, на своих станичников, — сказал Шкуро, пронзая станичных начальников злым взглядом. — Это все твои? И черкесы у тебя живут? И терцы твои, и карачаевцы в шляпах?

— Никак нет, ваше превосходительство. Это, значит, которые с фронта.

— Это дезертиры, господин атаман! А что за мажары⁴⁷ стоят на дороге?

— Обозы Слацова. Бригада, значит, на фронте...

— Бригада разбежалась. Вон его пластуны, а комендант куда смотрит? Не знаете, что с дезертирами делать? И с теми, кто им помогает. Вы помогаете. Имею право повесить вас вместе с дезертирами. На первый раз даю вам возможность заслужить прощение, чтобы через полчаса в станице был порядок, все казаки построены и подготовлены к маршу на фронт!

Своим Шкуро приказал напоить, накормить лошадей, подкрепиться и готовиться к маршу и бою. Завтракал с начальником штаба и адъютантами. Колкин проверял свою сотню.

— Горилку спрятать, — приказал Шкуро. — Ночной бой предвидится. Баталпашинскую обратно отбигать. Выпешь — споткнешься. Налегай на глазунью — архиерейская.

— Красные узнают, что идет дивизия Шкуро — сами побегут, — сказал Кузьменко.

— Может, и так, — серьезно согласился генерал.

— Как будем атаковать? — спросил Шифнер. — В лоб или...

— Антон Михайлович, ты ведь уже лучше меня знаешь как.

На марше Шкуро, по обыкновению, ехал чуть впереди штаба. Обдумывал, как вести себя в первом генеральском бою. Самому вперед и рубиться? Решил так, чтобы победить, чтобы красные бежали и сдавались. Может быть, для этого хватит его приказа и имени. Не хватит — сам поведет в атаку. Когда брали Баталпашинскую в сентябре, он сам вел конников в обход, вброд через Кубань — тогда наступали с левого берега.

Подходили к станице в сумерках. Навстречу шли беженцы с коровами, овцами... Далее — несколько подвод с узлами, с детьми. Остановили одного старика, расспросили — тот сказал, что там, в станице, казаки еще стреляют, а черкесы ушли к себе, на другой берег. Красные уже на огородах. Спросили другого беженца, он со слезами говорил, что «пропала станица — большаки хозяйничают». Пришлось выслать офицерские разъезды. Вернулись они уже затемно. Доложили, что полковник Косякин в станице и через мост к нему подходят казаки. Красные остановились на окраине Баталпашинской.

Скудные огоньки сверкнули впереди. Редкие выстрели. Подъехал последний разъезд хорунжего Первакова.

— Станица свободна, ваше превосходительство.

— А кто стрелял сейчас?

— Наши казаки по нашему разъезду — думали, что красные в тыл зашли. Одни — на мост и за Кубань, другие — огонь по нам. Потом разобрались.

— Тогда торжественно вступаем в Баталпашинскую. Ночной праздник. Оркестр играл марш. До центра ехали парадным строем. На улицы высыпали встречающие. Кричали «ура!». На площади встретил полковник Косякин со своими казаками.

— Ваше превосходительство! — докладывал он. — В течение дня мы защищали станицу. К вечеру проявилось громадное превосходство противника. Султан-Гирей со своими черкесами отступил за реку в Дударуковский аул. Я был вынужден дать приказ готовиться к отступлению. Теперь мы сдадим станицу.

— Теперь будем наступать, полковник. — Шкуро спешился, передал поводья ординарцу, пожал Косякину руку. — Спасибо за службу, за упорство в обороне. А то ж казаки не любят обороняться.

— Свои дома защищаем, ваше превосходительство.

— То-то, что свои. Я назначен командующим всех войск правого флан-корпуса. Вы в моем подчинении. Занимайте оборону в восточной окраине станицы. Приказ сейчас будет подготовлен и разослан и Слащову, и Султан-Гирею.

Приказ готовил Шифнер. Шкуро, довольный тем, что удалось избежать ночного боя, приказал адъютанту Акоеву обеспечить ужин быстрый, обильный и веселый. В считанные минуты в знакомом станичном правлении запахло жареным мясом, зазвенели походные котелки, тарелки, кружки, полилось вино.

— Где Рождество будем встречать, господа офицеры? Времени мало осталось. До Москвы не успеем дойти. Дружно хохотали — до Рождества три дня.

— В нашей станице, Андрей Григорьевич, — предложил Косякин. — У нас и храм в порядке, и священник на месте, и хор.

Шифнер подошел к ужину с некоторым опозданием: готовил приказ и рассылал. Ему, конечно, налили, положили на тарелку добрый кусок мяса. Услышав, о чем говорят, он поддержал атамана отдела, расхваливавшего свою станицу:

— Знаменитая станица. Скоро будет сто лет, как ее основали донские казаки с Хопра.

— Точно, — подтвердил Косякин. — Тогда они четыре станицы сразу поставили: нашу, Беломечетинскую, Невинномысскую и Барсуковскую.

— Но вот название, — заметил Шифнер, — не очень.

— А что название? — заспорил Косякин. — Какой-то хутор здесь был Батал-паш или Бал-паш.

— Насчет хутора не знаю, — объяснял всезнающий начальник штаба, а вот о Батал-паше знаю. Вел турецкие войска, и был на этом месте в 1790 году разбит русской армией в союзе с горцами. Зачем-то оставили память о нем.

— И все-то ты знаешь, Антон Михайлович, — добродушно сказал Шкуро. — Может, знаешь, какие станицы вашими именами назовут?

Мирный застольный разговор прервал Колков — командир конвойной сотни выходил проверить охранение и вернулся озабоченный:

— Андрей Григорьич! Непорядок в станице!

— Что еще такое? — возмутился генерал. — Если непорядок — действуй. На то ты мой офицер.

— Действия такие, что надо бы ваш приказ. Дезертиры бегут через мост на тот берег.

— От меня бегут? Я пришел их защищать, а они бегут? Быстро мне хорошего коня — мой Орлик пусть дышит. И конвой человек пять.

Въехали в черную ночь, лишь кое-где подкрашенную слабыми пятнами света. Рысье доскакали до моста. Несколько темных фигур шевелились над журчащим провалом реки. Кто-то сбивчиво объяснял: «Да мы ж свои, баталпашинские; у меня дело на той стороне...»

— У кого там дело? — крикнул Шкуро, и копыта его лошади застучали по доскам моста.

Несколько фигур побежали в бесконечную темь левого берега. Генерал догнал их и беспощадно хлестал нагайкой, стараясь попасть по лицу, по шее. Кто-то кричал от боли, а один громко воскликнул:

— Верно, це батько Шкуро прихав, раз ругается и бьется.

IV

Хорошо, что удалось избежать ночного боя, все равно он должен выиграть первый генеральский бой. Поднялся Шкуро затемно, исполненный заботами: своих — только волчья сотня Колкина, черкесы бежали на левый берег, Слащов свои позиции не бросит, но и вперед не ползет. Сам старайся, генерал-майор Шкуро.

Приказав привести пленного пограмотнее, Шкуро допрашивал его в канцелярии станичного правления. Вызвал сюда Косякина, Колкина, Шифнера, адъютан-

тов. Спросил Косякина, почему решили, что этот измученный, не спавший и не евший человек в грязной шинели грамотнее других. Тот сказал, что перед ними, на верное, командир или комиссар: вел своих в атаку и кричал: «Бей контру!»

— Ты командир? — спросил Шкуро.

— Стреляйте, вешайте, мучайте, — прохрипел тот, сверкая сумасшедшими глазами.

— Если просишь, то так и сделаем. Только сначала скажи, какие части наступают на станицу. Не ты, так другой скажет. Сами по документам узнаем.

— Первая дивизия Одиннадцатой армии бьет вас! Командарм Левандовский⁴⁸, комдив Федько.

— А ты кто?

— Комроты.

— Фамилия?

— Не надо тебе ничего обо мне знать. Так убивай.

— Говоришь, бьете нас, а уже давно боевое время пришло. Светло на дворе, а ваши даже не стреляют.

— Сегодня меня похороните и сами еще денек проживете, а завтра вас будут кончать.

— Ошибся ты, комроты. И тебя не похороним сегодня, и нас ты завтра не возьмешь. Я тебя отпускаю в твою первую дивизию, чтобы ты сказал своим: в Баталпашинскую приехал генерал Шкуро со своими казаками. Это я. Слышал обо мне. Значит, знаешь, как я рублю ваших в кадусту. Если ваши солдатики хотят еще немного подышать, то пусть драпают побыстрее. Есаул Колкин, под вашу ответственность, чтобы доставили его красным живым и невредимым. Ты чего, комроты, зашатался? Держите его, а то упадет. И не радуйся особо: все равно я тебя поймаю и повешу.

Когда пленного увели, Шкуро оглядел присутствующих. Поняли, кто перед ними? Кто их в бой поведет? Почувствовали? Вроде почувствовали. Можно действовать.

— Они планируют наступление на завтра. Хотят нам сочельник испортить. Придется вам их опередить. Всех, кроме начальника штаба, прошу по своим местам. Готовить людей к завтрашнему бою. Хорунжий Кузьменко,

прошу вас найти в конвойной сотне войскового старшину Русанова — и с ним ко мне.

Оставшись с Шифнером, новоиспеченный генерал глянул на него с хитрой улыбочкой. Спросил:

— Как вам мой допрос, Антон Михайлович?

— Наполеоновский ход, Андрей Григорьевич.

— Что, он так допрашивал? Я вроде об этом не читал.

— Дело не в допросе. Наполеон считал, что на войне моральное состояние войска в три раза значительнее, чем все остальное — вооружение и прочее. Красноармейцы этой Первой дивизии, узнав, что против них вы, будут настолько деморализованы, что, возможно, отступят без боя.

Если такой умница так лестно говорит о тебе, значит, генерал-майор Шкуро большой полководец.

— Русанова, Антон Михайлович, я вызвал, чтобы дать ему особое поручение. Только он может сделать то, что я задумал.

После совещания в штабе с Шифнером и Русановым весь день Шкуро провел в поездках, проверках, разговорах, приказах и прочих командирских делах. Солнце растопило туман, и когда он поехал за Кубань, в аул к Султан-Гирею, перед глазами открылись Кавказские вершины с их слепящими снегами, Пшиш, Эльбрус... Не любовался генерал пейзажем, знакомым с детства, и не до любования — завтрашний бой надо было выиграть во что бы то ни стало.

К Султан-Келеч-Гирею пришлось ехать, чтобы заставить черкесов вернуться в строй и участвовать завтра в наступлении. Полковнику Слащову достаточно получить приказ, а этот кавказский генерал. С горцами Шкуро всегда ладил, кроме, конечно, ингушей и черкесов — тех он считал неисправимыми бандитами, ненавидящими русских. Правда, русских им и не за что любить — отняли у них земли и для прокорма оставили только грабежи... Дружил и с Лоовым, и с Гукасовым, и в адъютанты взял Борукаева и Акоева. В бою друзья-горцы неплохо держатся, особенно если противник бежит.

Но командовать ими и вообще держать власть должны русские. А Султан-Гирей — генерал.

И никаких не возникло предчувствий, насколько близок окажется этот кавказец в страшный последний час. Кто знает свой последний час?

Не скажешь ему по-русски крепко, а надо и поклониться, и руку — к сердцу, и руку — в руку, и зеленый чай из пиалы. За недолгим чаем убедил генерала, что его бригаду надо вновь собрать на правом берегу и подготовить к бою. Убедил, что лучше всего это сделают казацкие офицеры.

Вернувшись на правый берег, Шкуро объехал с Косякиным и адъютантами окраину станицы и скопленное поле до рожицы. В цепях мерзли и мокли начавшимся дождем пластуны, вернее — пешие казаки, потерявшие в боях лошадей. Лошади падали и от болезней. Неожиданно увидел здесь старого знакомого:

— Артюхов, ты почему здесь, а не в дивизии? Ближе к дому?

— И дома у меня нет, господин генерал, и отец с матерью в земле, и родных никого. Коня убило, нам, пешим, приказали здесь остаться с баталпашинцами.

Генерал позвал адъютанта и приказал:

— Медвянов, скачите в станицу, найдите есаула Колкова и передайте мой приказ: казака Артюхова зачислить в конвойную сотню и найти ему хорошего коня.

Закончив объезд, приказал Косякину:

— Вам, полковник, поручаю выехать за реку, собрать всех дезертиров черкесов, и пусть займут участок от околицы до рожи. Фронт казаков я буду сужать, чтобы легче наступать. Когда соберете черкесов, займитесь станицей. Надо обойти все хаты и собрать, что можно, для казаков, которые в строю. Не можешь драться — давай сапоги. Вот так.

К вечеру все было сделано. Черкесы заняли позиции, при том в ауле Косякину пришлось повесить только одного. А что значит один черкес в сравнении с победой войск народного героя генерала Шкуро?

Казакам нашли и горилку, и закуску, и когда

стемнело, Шкуро с начальником штаба сидели над картой и слушали песни. Хорошо поют кубанцы в легком хмелю:

Как за речушкой, за Кубаньшкой,
Там ходил да гулял
Млад донской казак...

Адъютант Ахиев привел перебежчика — солдата в старой шинели, серой папахе, испуганно озирающегося, подергивающего губами.

— Прибежал к вам, ваше превосходительство, — сказал адъютант. — Надо слушать вам, что скажет.

— Ну, говори. — Генерал смотрел на солдата без интереса.

— Так что, ваше превосходительство, я против коммунистов и комиссаров, и потому, как знаю, что вы за народ...

— Рассказывай, с чем пришел? Что там в Первой дивизии?

— Вот там у нас узнали, что вы приехали и наступаете. Уже окружили вашу позицию. Вот собрали митинг. Комиссар было запретил, но ребята у нас на него, значит... Которые выступали, требовали отходить, пока совсем не окружили и всех не перерезали.

— И что решили?

— Не решили ничего — особисты приехали и похватили, которые попадались. А мы с ребятами к вам подались.

Отправив перебежчика, прищурил глаза, задумался ненадолго и сказал Шифнеру с усмешкой удачливого разгадывателя загадок:

— Чтобы не боялись окружения, надо им в морду вдарить. Немедля.

— Сейчас начать наступление? — С этим начальник штаба явно был не согласен.

— Зачем наступление? Утром начнем. Пусть выспятся казаки. А сейчас отряд своих волков я пошлю в ночной налет.

Вылазка удалась. Садами, овражками добрались до высоты, занятой красными, без шума бросились в пашки, зарубили тех, кто не успел убежать, взяли пленных человек 50. Шкуро и Шифнер, услышав беспорядочную стрельбу и крики, поняли, что волки постарались. Подождали их возвращения. Потерь не было. Оставалось время для короткого сна.

Наверное, ни к одному из прежних своих боев Шкуро не готовился так тщательно и по всем правилам, как в тот сочельник, когда прорывал фронт 11-й красной армии в направлении Баталпапинская — Кавминводы, и, пожалуй, никогда так не волновался: вдруг что-нибудь не получится.

Утром, затемно, разбудили близкие разрывы. Неужели красные будут атаковать?

Шкуро со штабом поспешил на окраину станицы, где подготовили командный пункт на высоте с кустарником. Горели несколько домов и скирды сена. Однако настоящей атаки не было. Выскакивали из окопов небольшие группы, пулеметы возвращали их обратно. Но не было слышно и сигналов, которых ждали. Шкуро хмурился и не смотрел на начальника штаба — ведь замысел был не Шифнера, а его. Решил сам вести в атаку своих, даже если не услышит сигнала.

И, наконец, когда артиллерия красных перешла на редкие отдельные выстрелы, в их тылу возникли отдаленные звуки пушечной пальбы.

— Это Русанов! — радостно воскликнул Шкуро. — Начинаем атаку. Колкин, поднимай сотню. Я поведу. Коня! Все, Антон Михайлович, сегодня сочельник, пост кончился, можно спокойно рубить.

Повел атаман казаков в первую свою генеральскую атаку. Подмерзшая земля хорошо держала лошадей. До красных не так близко, и подъем есть, поэтому сначала рысью. Дробь подков — на дробь пулеметов. Шли лавой, в широкую шеренгу, охватом. Все в черкесках, генерал такой же, как другие казаки, только что меньше ростом. И пули его не берут. Такой план боя мог только он, казачий атаман, придумать: накануне послал степью

тайными тропами Русанова с одной пушкой и взводом казаков, чтобы он поднял в станицах Усть-Джегутинской и Красногорской восстание и ударил в тыл красным. Верил Шкуро, что казаки поднимутся, верил в Русанова — тот умел с народом говорить. И вот она победа! Бегут серые шинели. В галоп лава перешла — не убежать от казачьих пашек. Генерал заметил себе жертву — без шапки с растрепанными волосами, не то светлыми, не то седыми, похож на вчерашнего комроты. Бежал, нервно виляя, спотыкаясь. Рубанул его справа чуть повыше плеча в волосатую шею, и светловолосый будто под ноги коню бросился. Орлик с непривычки поднялся на дыбы. Пришлось замешкаться. Сразу подумалось, что надо другого коня — не Орлика, а Волка. Генерала обогнали казаки. Шкуро увидел Артюхова — перед ним встали трое с поднятыми руками, и он умело полоснул пашкой крайнего, другие сами упали. Отчаянно ржали лошади, матерились весело казаки, последние вопли и стоны издавали умиравшие красноармейцы.

— Славно рубишь, Артюхов, — похвалил генерал. — В капусту их.

— А что еще с ими делать?

— Этих, что лежат, давай уж в плен. Все равно разберемся. В таких кавалерийских атаках Шкуро присматривался к лицам. Одни, такие как Артюхов, стараются вырваться вперед и рубить, другие не спешат, но и не отстают: при случае рубанут, а нет — просто проскачут. Есть и такие, что потихоньку отстают, а пашками только размахивают. Эти долго в строю не держатся.

Бой заканчивался, лошади переходили на шаг, отатки красных догоняли теперь пластуны и станичное ополчение с пиками, в ополчении даже казачки в подоткнутых юбках.

С холмов, по которым шли окопы красных, открывалась степь, припорошенная выпавшим снежком. Зимние тучи громоздились над близким горизонтом, не давали все хорошо рассмотреть. Колкин собирал сотню, пластуны вели пленных к станице. Подъехали Султан-Гирей, Косякин, Шифнер, адъютанты.

— Хорошо сражались ваши казаки, Андрей Григорьевич, — сказал черкесский генерал. — Пленных много. Тысяча! Больше тысячи!

— Теперь ваш черед, — ответил Шкуро. — Гоните красных до Бекешевки. Там вас встретят восставшие казаки под командованием Русанова. Я остаюсь здесь. Праздник у нас, кунак Султан-Келеч-Гирей. Сочельник.

В церкви — торжественное богослужение. На почетных местах — генерал Шкуро с офицерами. Священник обращался к генералу:

— Да поможет Господь и святая вера православная в праведной борьбе вашей. Наша брань не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности. Паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого. И шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие.

Возле церкви Шкуро рассчитывал на спокойный праздничный ужин — сочельник, станичные бабы уже гадают. Но в правлении появился Кузьменко с лицом не праздничным, а озабоченным.

— Что с тобой, Коля? Почему в церкви тебя не видел? Кузьмежко огляделся, сказал почти шепотом:

— Андрей Григорьевич, приехал человек от Махно. У меня сидит.

— Ты его знаешь? Не суку подослали?

— Знаю. Наш екатеринодарский. На Базарной жил. Ушел в моряки. К Махно попал. Документы в порядке — из мариупольской больницы. Он взаправду больной. Сердце, что ли. Вроде чахотки. Он меня там вместе с Белашом выручал, когда Махно кончить грозил.

— Пойдем, пока за стол не сели.

Хорунжий устроился недалеко от штаба, в хате, обмазанной красной глиной. Таких в станице половина. Хозяйка провела через сени в хату, сама скрылась в кух-

не. Гость скучал за столом с едва начатой бутылкой. Поднялся он с трудом. Грузный, с бледным, словно опухшим лицом. Слишком располневший для гимнастерки под ремнем.

— Празднуем? — спросил генерал.

Он стоял перед посланцем, сбросив шинель, сверкая генеральскими погонами и Георгиевским крестом, высокая папаха из волчьей шерсти и сапоги на каблуках делали не столь заметным малый рост.

— На столе есть — вот и праздник.

Шкуро сел, не снимая папахи, вытянувшись, внимательно разглядывая сидевшего напротив махновца.

— Мой знакомый, — объяснял Кузьменко. — Гринчук Иван Прокофьевич. Выручал меня, когда батько Махно на задний двор тащил.

— Теперь бы не выручил, — сказал Гринчук. — Звездочки на погонах завелись.

— Звездочки не помешают, — возразил генерал. — Не в них дело. За что сражаться — вот главное. Я — за кубанских казаков. Ваш Махно — как я понял, за украинских мужиков. Так наши казаки и есть украинские мужики. Чего нам делить? Там — батько Махно, здесь — батько Шкуро.

— Вроде бы оно и так. Курс вроде такой.

— К Махно как попал?

— Боцманом на «Гаджибее» ходил. Из Новороссийска с братвой рванули было на Ростов, но... сами знаете. Потом меня скрутило. Очухался — с братишками морем курс на Мариуполь. Оттуда — в Гуляйполе.

— С чем приехал? Рассказывай, как бьете красных? Или, может быть, наших братьев донских казаков?

— Били немцев — по ветру шли. А ветер таков, что Петлюра бил союзников, шинели нам прислал. Я в такой шинели и приехал. А потом, недели две назад, вдруг наших на станции Лозовой расстрелял. Сел в Киеве главным хохлом и думает, что он царь и бог. После этого наш батько взял курс на большевиков. Те его так зауважали, что назначили командующим по взятию Екаторинослава. Десять дней назад под его командой вместе с больше-

виками взяли мы город. И тогда началось. Не только наши партизаны, но все мужики из Гуляйполя и из разных сел на тачанках, на телегах — в город. И все, что надо и не надо, так сказать, реквизировали. Крепко обчистили. Ну ладно там пушки у петлюровцев взяли, пулеметы, винтовки, патроны, а то ведь всякое тряпье для своих баб. По квартирам шуровали. Комиссары их было останавливали, уговаривали, а они: «Мы за лозунг — от каждого по способностям каждому по потребностям». Такие вышли потребности, что нажали петлюровцы, и пошла на дно махновская армия. Через Днепр бежали. Только человек двести ушли на Гуляйполе, остальные в реке остались. Я-то по квартирам не шакалил и успел раньше мост перейти. Когда шли ночью в Гуляйполе, батько меня вызвал, посадил на свою тачанку и сказал, что все погубили большевики, и надо все их штабы разогнать, а союзников других поискать. Вот он тебя, Коля, вспомнил. Приказал найти тебя, с вами, господин генерал, связаться и соответственно подумать. Вы ж сами говорите, что казаки — те же мужики.

— А с донцами, с Красновым почему не связались? Рядом же.

— Краснов — другой человек. Царский генерал. А вы же сами казак.

— Казаки против Махно не воюют. Туда, к вам в Донбасс Деникин послал пока одну Дроздовскую дивизию. Собирается направить корпус Врангеля. Но это не на вас — уголь нужен. Но мы ж за единую неделимую. Так что если у вас другая программа, то нам надо договариваться. Что сам-то ваш батько предлагает? Со мной вместе Екатеринослав грабить? Там уже пусто. Вы все выскребли.

— Теперь на Ростов пойдем, — решил попутить Кузьменко.

— Ты, Коля, подожди, не встречай. Пусть он расскажет своему батьке, как сегодня в пух разнесли лучшую дивизию Одиннадцатой красной армии. У них был план форсировать Кубань...

Не собирался он рассказывать какому-то матросу-

махновцу о своем первом генеральском бое, о том, как придумал поднять восстание в тылу красных, как устроил ночной налет, а утром вел в атаку свою волчью сотню. Но рассказывая и заново переживая эпизоды боя, понял, почему до сих пор чем-то не удовлетворен, понял, что еще надо обязательно сделать после победоносного боя, более важное, чем сам бой. И приступил к этому делу немедленно после отправки посланника.

— Скажешь господину Махно... Как его величать? Нестор Иванович? Скажешь ему, что я уважаю его самоотверженную борьбу за свободу украинского народа и уважаю его политику защиты крестьян. Я готов объединить свою казачью кубанскую армию с его армией. Или ее уже нет?

— Он только свистнет — и мужики со всех сторон к нему. А оружие есть.

— Вот и объединимся, но только против большевиков.

— А офицерские полки Деникина?

— С ними договоримся. Если Махно согласен, то яведу своих к Ростову, там встретимся. Все. Ты как сюда добрался?

— До Невинки железнодорожники довели, а сюда — казаки на тачанке.

— Обрато со мной поедешь. До полуночи выйдем.

— Вы разве уезжаете, Андрей Григорьич? — удивился Кузьменко.

— И ты собирайся.

Конечно, он должен был немедленно ехать в штаб, к Деникину, к Романовскому. Рассказать им о своей победе. Иначе пройдет несколько дней, и ничего не останется от происшедшего. Одни забудут, другие не узнают. Словно ничего и не было. Донесение, направленное генералу Ляхову, тот, может, и не читал. Может быть, усмеялся, читая. Набрехал, мол, Шкуро: где там полторы тысячи пленных. А Иван Павлович Романовский только новую линию на карте прочертит. Жаль, что радиостанции нет с собой. Впрочем, это к лучшему — краткость телеграфа поможет. Да еще под шифром.

«Деникину, Романовскому. Прошу разрешить срочно выехать в штаб для доклада о сложившейся обстановке на правом фланге. Шкуро».

Ответ пришел, когда Шкуро ужинал.

«Выезжайте с докладом по согласованию с Ляховым. Романовский».

Согласование с Ляховым произошло в течение каких-нибудь двадцати минут в его вагоне на станции Киян.

V

Деникин теперь назывался «Главкомандующий Вооруженными силами Юга России». Генералу Шкуро не удалось встретить Рождество дома — вагон Деникина стоял на станции Тихорецкая. В связи с планируемым направлением кубанских казачьих частей за пределы своей области сюда выехал штаб вместе с вновь избранной Радой. Эшелоны на север отсюда пойдут.

Шкуро даже не представлял такого успеха своего доклада. Научившийся убедительно говорить с казаками, он и генералов увлек. Деникин и Романовский останавливали, переспрашивали, требовали подробностей, выражали полное одобрение его действиям. Романовский, конечно, попытался зацепить его одним вопросом — почему не продолжили наступление и не взяли с ходу группу Кавминвод. Ответ был подготовлен заранее: «Потому, Иван Павлович, что, когда поднимал восстание в тылу красных и громил Первую их дивизию, прорывая фронт на глубину тридцать верст, войска генерала Ляхова стояли на месте, даже не открывая огонь». Мог бы еще круче ответить, даже наругать обоим начальникам. Он же теперь генерал, а за его спиной — все кубанское казачество. Теперь еще и Махно, а это пол-Украины.

Доклад-рассказ происходил ночью, закончился крепким вином, и Шкуро сумел незаметно, потихоньку, будто с усталости и опьянения, перейти на «ты» с самим главкомандующим: «Антон Иваныч, я тебе обещаю и Кавминводы, и Нальчик, и Владикавказ. Две недели, и все!..»

О Махно во время доклада не упоминал — приберег к случаю. Этот случай возник уже утром, на завтраке в вагоне Деникина, куда был приглашен и генерал Шкуро. На белоснежной скатерти разные закуски, икра, графины с желтоватой водкой, настоянной на лимонных корочках. За столом рядом с Деникиным вновь избранный атаманом Филимонов и тучный артистичный Романовский, рядом со Шкуро — искренне обрадовавшийся его появлению Кутепов и внешне остававшийся приятелем Покровский. С Кутеповым обнялись, поздравили друг друга с генеральскими погонами, напротив Деникина — длинный и сухой, как столб, Врангель, пытавшийся скрыть неизбежное высокомерие за аристократическими манерами. Святой Крест так еще и не взял, а сидит здесь.

Говорили о Донбассе и, кстати, о Махно. «Одни дроздовцы не смогут долго держаться, — сказал Деникин. — А без угла остаться нельзя ни в коем случае. И банды Махно совершают нападения на этот район. Против них нужна кавалерия. Прошу вас, Петр Николаевич, ускорить выполнение вашей операции у Святого Креста и передислокацию частей в Донбасс на помощь Май-Маевского¹⁹». Врангель изящно утерся салфеткой и ответил, что он уже отправил туда артиллерийскую батарею полковника Колзакова.

Шкуро не видел за столом ни одного равного себе. Как боевой командир только Кутепов хорош, но, конечно, народным героем ему не стать. А остальные... Так. Люди в погонах. Только в штабах сидеть. Но Кутепову надо помочь. Победоносный генерал и народный герой должен это сделать. И он решился.

Раньше в подобных застольях приходилось держаться, чтобы оставаться трезвым, теперь он не только пил вволю, но еще и притворился совершенно пьяным. Сидел, склонившись над тарелкой, растрепавав давно нестриженую шевелюру, искоса наблюдая за происходящим. Завтрак закончился, некоторые уходили, другие — группками продолжали громкие разговоры. Рядом с Деникиным уселся Врангель и доказывал глав-

нокомандующему что-то свое. Едва он поднялся и, попрощавшись, направился к выходу, как Шкуро, нагнувшись, шагнул к Деникину.

— Антон Иваныч, слушай меня: только Саша Кутепов спасет Донбасс. Самый боевой твой генерал в Новороссийске отдыхает — это же не дело. Дай ему корпус, и туда. Обещаешь? Я тебя прошу, а то и... Мы ж с Нестором Махно можем всю Россию пополам разделить.

Деникин дружески улыбался, слушая генерала, затем посерьезнел и сказал:

— Мы с Иваном Павловичем уже обсуждали этот вопрос и, по-видимому, в ближайшее время примем решение.

Когда остались вдвоем с Романовским, Деникин сказал:

— Вы не надейтесь, Иван Павлович, что я изменю свое решение о Шкуро. После взятия Москвы я повешу его на Красной площади.

VI

Черны, страшны, невыносимо безмолвны московские зимние ночи. Не цокают копыта по занесенным снегом мостовым, не звенят остановившиеся осенью трамваи, не тархтят автомобили. А когда-то давным-давно, то есть три-четыре месяца назад, сияло и шумело кавказское лето, и смертельные выстрелы превратились в торжественные салюты в честь счастливой любви. Тогда пришла не случайная эротическая забава, а истинная, лермонтовская любовь под лермонтовским небом. И такая любовь вдруг обернулась непосильно тяжелой ношей, унылыми, даже ненавистными заботами.

Появилось новое слово «жилплощадь». Для них это понятие означало большую комнату с прихожей, кухней и прочим в крепком каменном доме, реквизированном у какого-то купца. Уютный переулочек у Разгуляя, но... После смерти ее матери остались вдвоем, однако он спал на диване у двери, а Лена — за ширмой на роскошной кровати с шариками на спинке и периной — шестой ме-

сяц беременности. Бессонными ночами размышляя об ужасе жизни вообще и о нелепости брака в частности. Ведь знают люди, как трагически коротко счастье любви — несколько месяцев, точнее, один месяц, медовый. Знают и идут на этот каторжный брак, чтобы всю жизнь дгать, лицемерить, притворяться, изворачиваться.

Ее лицо припухло, покрылось бледной синевою, стало некрасивым — почему-то выделился большой нос. Истерики, слезы, рвота, ночной горшок, этот живот, похожий на какой-то болезненный нарост. Взгляд всегда ненавидяще требовательный. Такие же разговоры:

— Ты же знаешь, что мне нужно молоко и жиры? Хочешь, чтобы и я умерла с голода, как мама? Почему до сих пор не идешь к Луначарскому? Он должен тебе выписать молоко и жиры?

— Лена, ты что? Какой голод? У нас паек высшей категории.

— Это конина высшей категории? Зачем ты увез меня из Пятигорска? Там все можно купить в десять раз дешевле. И никаких белых. Я читаю газеты. Красные побеждают на всех фронтах.

Даже некоторое злорадство испытал, когда в «Правде» прочитал ей, что войска Каспийско-Кавказского фронта по стратегическим соображениям временно оставили Кавминводы и Святой Крест.

— Зачем ты мне это читаешь? Чтобы я волновалась, плакала?

И потом, конечно, началась истерика.

Светало поздно, и не радовал приход уныло суетливых, бессмысленно утомительных дней. В редакцию идти через весь город пешком на Тверскую. Улицы в сугробах, озлобленные, не замечающие друг друга люди идут по тропинкам, протоптанным на тротуарах. В редакции, в большом доме на углу Гнездиковского, немного оттаиваешь — приближаешься к миру, где читают и пишут. Поговоришь о новом стихотворении Маяковского «Левый марш», о манифесте имажинистов, объявивших о ранней смерти футуризма, прожившего всего десять лет, но главные разговоры все-таки о пайках, о ценах на

Сухаревском. Чтобы не умереть с голода, требуется в месяц не менее пятнадцати — двадцати тысяч на человека, а если молоко и жиры, то еще столько же. А где их взять? За гроб для тещи Михаил заплатил пять тысяч. Можно было бы похоронить за пятьсот в сменном гробу, который дается только до могилы — хоронят в тряпье, а гроб передают следующему, — но Лена устроила истерику, и пришлось собирать деньги у друзей и родственников.

Часок радости можно выкроить, смирившись с очередной истерикой и добравшись до Морозовского особняка в Пролеткульт на поэтический вечер. Такое ужасное время, и такие стихи: «Вот оно глупое счастье с белыми окнами в сад...» Конечно, глупое, но...

Приходилось по воскресеньям посещать раненого Палихина, хорошо, что Лефортовский госпиталь недалеко от Разгуляя. Осколком Палихину разворотило плечо, кость не задета, и он выздоравливал быстро. Выписавшись, зашел прощаться, прихватив приятеля по палате, бутылку спирта, красноармейскую воблу и сухаревские деликатесы — кусок мяса и масло для Лены. Приятель — Степа Буйков — тоже удачно вылечился от ранения в ногу, и оба они заражали оптимизмом: наши везде побеждают, кадетам хана. Правда, Палихин делал поправку на кавказские дела: когда Лена вспомнила о прекрасном Пятигорске, он сказал, что там беляки еще долго продержатся — казачья много.

— Бывал я в ваших краях, — с усмешкой превосходства заявил Буйков, грызя воблу. — Ничего хорошего не видал. Летом — жара, зимой — грязь. Вот у нас на Дону...

Он не был казаком, а вырос в городке на Верхнем Дону, за пределами казачьих земель. Рассказал об огромных сазанах — «чурбаках» и вкуснейшей стерлядке, добываемых в знаменитой реке, об арбузах, которых девать некуда — солят на зиму по несколько бочек.

— Там же белые, — напомнил Стахеев.

— Прогнали! Партизаны в тылу, на правом берегу их поковыряли, а с фронта — Восьмая армия. В парти-

занах мой отец участвовал. Наши все против казаков. Земляк на днях ко мне в госпиталь приезжал. Письмо из дома привез. Командующий армией Тухачевский митинг проводил. Благодарность объявлял партизанам. Теперь у нас советскую власть налаживают. Газету будут выпускать. Вы, Петрович, газетчик — приезжайте к нам. Помогайте. Я обязательно на побывку отпущусь. Штаб фронта — в Харькове. Недалеко от наших мест.

— Поехал бы, Миша, — мечтательно сказала Лена. — Рыбки бы привез, арбуза солененького...

— Я бы поехал — командировку дадут, а ты-то как здесь будешь?

— А я с тобой.

Все посмотрели на ее живот и рассмеялись. Лена громче всех.

— По весне приедете, — сказал Буйков. — Ближе к лету. К тому времени Ростов возьмем. Краснова разбили. Отец пишет — казаки сами бросают фронт и пропускают наших.

— Теперь у белых главный казак — Шкуро, — сказал Палихин. — Это он опять брал и Пятигорск, и Кисловодск. Одиннадцатая армия наша погибла. Отрезали ее от железных дорог, а по калмыцким степям зимой не пройдешь.

— И снова Шкуро! — удивленно воскликнул Стахеев. — Просто какой-то рок! Помните Ставрополь, Григорий Фомич? И из Пятигорска мы с Леной от него бежали...

— Хватит вам о войне да о Шкуро, — перебила Лена. — Лучше расскажите, Степа, про ваш Богучар. Так захотелось рыбки и соленого арбуза.

— Приезжайте по весне. Я родным скажу, чтобы приняли вас. И сам, может быть, постараюсь. Пойдем с Петровичем на чурбака...

Вдруг постучали в дверь. Осторожно, но уверенно.

— Никого не ждем, — забеспокоился Стахеев. — Пойду посмотрю. Разумеется, с такими гостями бандитов нечего бояться.

Из прихожей раздались восклицания, женский голос, и в комнате появилась Маргарита Георгиевна, Марго! В серой беличьей шубке, в мохнатой шапке, закутанная в платок. Под шубой — ярко-синее платье. Объяснила, что едва пробралась из Ростова в родную Москву через фронт под видом медицинской сестры при каких-то немецких пленных.

— Только не рассказывай про войну, про Деникина, про какого-то Шкуро, — предупредила Леца. — Мне нельзя волноваться.

— Никаких Шкуро! — воскликнул Палихин. — Мы же старые друзья. Спиртик вам как разбавить, Маргарита Георгиевна?

— Я ненадолго. Скоро сумерки. Мне не очень далеко — на Домниковку.

— Я провожу, — сказал Палихин и строго взглянул на Буйкова. — На половинку пойдет?

— Наливайте уж. С морозов.

— Вот и дама с нами разделит чашу, а то у Елены Аркадьевны пост. За победу нашей доблестной Красной Армии.

VII

И на этот раз бои за Кавминводы оказались тяжелыми и полными опасных неожиданностей. Пройдя с конницей, пластунами и пушками через знакомые станицы — Бургустанскую, Бекешевскую, Суворовскую, ставшие неузнаваемыми после боев, пожаров и расстрелов 1918 года, Шкуро 11 января начал атаку на Ессентуки. Наступление с ходу было отбито огнем красных. Ночью потянулись к станицам повозки с убитыми и ранеными. Свою волчью сотню генерал берег. И на следующее утро, когда началась густая пурга, после артиллерийского обстрела красных окопов приказал атаковать казакам-баталпашинцам, черкесам и терским добровольцам. Часа полтора сквозь пургу можно было с трудом наблюдать непонятную суету боя, пробивали снежный туман зеленоватые вспышки выстрелов. На-

конец, посланный генералом вестовой привез донесение от полковника Косякина: город и станица Ессентуки взяты.

Забыл генерал Шкуро, что со своей дивизией занял город, и вышло не по его задумке. Железнодорожный мост на дороге к Кисловодску толком не взорвали, боевое охранение не выставили, ессентукские казаки всю ночь рубили и расстреливали пойманных местных большевиков, обозы без приказа устроились на городских улицах, а тем временем красный бронепоезд благополучно прошел по якобы взорванному мосту, открыл огонь по станции, высадил пехоту, бросившуюся в атаку, и станция Ессентуки оказалась захваченной красными. Теперь сумевшие спрятаться большевики рубили сонных казаков, ополченцы Косякина в панике бежали.

Затемно, часов в пять, Шкуро был разбужен пальбой. Поднял своих волков и на рысях повел к станции. Две горные пушки уже развернулись и вели огонь по темной шевелящейся массе наступающих красных. Генерал остановил своих конников и еще не решил, стоит ли гнать в конную атаку волчью сотню, как сзади, совсем рядом, захлопали винтовочные выстрелы: красные находились шагах в тридцати. Раздумывать было некогда. Артиллеристы бежали, бросив пушки. Генерал приказал Колкину спешить сотню, лошадей — в соседнюю улицу, отбить атаку с тыла, вывезти орудия. Сам Шкуро спешился, передал Орлика ординарцу.

Волков не напугаешь, и патронов у них всегда вволю. Загрохотали их винтовки, разрывая мрак слепящими вспышками, и красные исчезли в темных привокзальных кварталах. Сумели казаки подцепить пушки в передки и погнали их в тыл, в гору. «Колкин, по коням!» — скомандовал генерал и оглянулся на своего ординарца. Того не оказалось на месте — сбежал вместе с лошастью. Казаки были готовы скакать, куда прикажут, а генерал топтался на снегу и кричал: «Где лошадь? Ищите, вашу мать!» Напали бы красные из-за угла, что бы осталось от генерал-майора? Кузьменко, Акоев и оказавшийся рядом Артюхов быстро нашли беглеца, прита-

щили вместе с лошастью, стегая его плетками. А красные уже стреляли в топчущуюся на площади сотню и уже кричали раненые казаки. Рассвет наступал, выделяя контуры привокзальных построек...

Шкуро не предполагал, что став генералом, он, словно рядовой казак, попадет в такое положение. За эти несколько минут смятения он расправился с красными. Повел сотню галопом в обход по пустынной улице назад, к своему штабу. Скакал не самым первым — впереди Колкин, казаки, адъютанты — и вдруг обнаружил потерю: где знак? Где знамя атамана Шкуро? Где черный волк с белой волчьей пастью? «Там, у забора, оставили», — вспомнил Борукаев. Не думая ни мгновения, генерал повернул коня и поскакал обратно, за ним несколько человек. Рысью подъехал к злополучному забору, увидел забытый знак и, не останавливаясь, на ходу подхватил его за древко.

Братъ Эссентуки пришлось по своим привычным правилам: Шкуро послал баталпапинцев в тыл красных, к Прохладной, и большевики бежали, оставив город. 19 января, в день Крещения, вошли в Пятигорск, а Шкуро захотел после пережитой опасности почувствовать себя главной властью, единственной властью. Устроил себе торжественный въезд, водосвятие, благодарственное молебствие, парад и, конечно, праздничный ужин.

Сидел генерал во главе стола, в зале гостиницы «Бристоль». Объявившийся хозяин Муразов, сумевший спрятаться от большевиков, не пожалел тайные запасы, и на столе оказались не только вина и щедрые закуски, но и французский коньяк для Шкуро. Рядом с генералом — Шифнер, его штабные, друзья-адъютанты. Главные за столом после генерала — казачьи командиры. Шкуро намеревался праздновать всерьез, решив, что после ночных приключений имеет право успокоить душу коньяком из запасов Муразова, у которого, как оказалось, были припасены и приличные девки.

Не успел Шкуро и пару бокалов осушить, как вдруг выяснилось, что в Кавминводах существует еще некая

власть. Или тень власти. Но большая тень большой власти. Подошел к столу дежурный адъютант Борукаев и передал записку с кратким сообщением о том, что возникло не терпящее отлагательства дело. В этот момент поднялся полковник Козликин с тостом за генерала Шкуро. Выпив, чокнувшись со всеми, как положено, Шкуро подошел к адъютанту и услышал странное и неожиданное:

— Ваше превосходительство, на бывшей даче художника Куинджи появилась откуда-то императрица! И она...

— Ты что? Императрицу расстрелял..

— Другая. Как это... вдовствующая, — пояснил адъютант.

— А-а... Мария Федоровна⁵⁰, — кивнул Шкуро. — Я знал, что она где-то здесь жила.

— ...Прислала своего человека с просьбой, — продолжил Борукаев, — чтобы вы ее посетили. Этот человек сказал — быстро. То есть немедленно. Что-то о пленных она хочет. И о тех, которые комиссары. Она знает, что завтра казнь.

Первый порыв — послать подальше позавчерашнюю императрицу вчерашней империи. Однако поступки генерал-майора Шкуро должны быть решительными, но вызывающими уважение. Приказал:

— Готовь автомобиль. Сейчас выхожу.

— Еще новость есть, Андрей Григорьевич. Хорошая. Врангель взял Святой Крест.

— Да. Это хорошая новость.

Вернулся за стол обозленный — мало того, что не дадут отпраздновать, так еще и Врангель отличился. Если б его там похоронили — это была бы хорошая новость. Негромко спросил Шифнера:

— К завтрашней казни все на площади готово?

— Проверил, Андрей Григорьевич. Мельников поставился. Он и сейчас там, на площади.

— Сколько виселиц? Двадцать четыре, как я говорил? Хорошо. Артабекова поймали? Нет? Лучше бы одного этого мерзавца.

— Но будет казнен Ге. Он здесь устраивал резню вместе с Артабековым.

— А жена Ге?

— С женой неясно. Мельников сказал, что женщину вешать не будет.

— Он не будет, так я повешу. Сейчас мне приходится срочно ехать за город. Командуй здесь, Антон Михайлович.

Автомобиль, сопровождаемый конвоем, промчал по темной подмерзшей дороге, и генерал оказался у ограды роскошной двухэтажной дачи, окруженной старыми деревьями. Черкесская охрана во главе с русским офицером ожидала генерала.

Он вошел в гостиную бывшей императрицы, вдовы Александра III. Шкуро не любил высоких сухих женщин, тем более старух. Датчанке-то уже за 70. Поклонился вежливо, но без подбострастия и великосветский разговор не начинал. Сидел в кресле с голубой шелковой обивкой и вопросительно смотрел на хозяйку, подсчитывая, сколько английских фунтов можно взять за ее ожерелье.

— Господин генерал, мне сообщили, что завтра вы намереваетесь публично казнить пленных большевиков.

— Не я намереваюсь, а исполняется приговор, вынесенный военным судом. Так же поступали с государственными преступниками во время царствования вашего покойного супруга. Вешали цареубийц Перовскую и Желябова, их помощников, а позже — брата Ленина, теперешнего большевистского вождя. Возможно, что он заливал кровью Россию в отместку за брата.

— Это давние истории, господин генерал. Я не собираюсь защищать государственных преступников. Среди приговоренных оказался человек, оказавший мне огромную услугу. Он спас от расстрела моего очень близкого друга. Он заслуживает благодарности. Политические лозунги здесь ни при чем. У меня личная просьба. Этот человек — бывший петербургский студент Ге.

— Ге? Отъявленный негодяй. Один из руководителей Чека. Сам участвовал в кровавых казнях. Я предан

вам, ваше величество, но не имею права освобождать таких большевиков.

На этом аудиенция закончилась. Шкуро покидал дачу довольный собой. Конечно, надо было ее не величать, эту старушку, а назвать госпожой Романовой, но это не всем бы казакам понравилось. Но почему же она не прогнала о жене этого приговоренного. Недалеко ее человеческое колюбие распространяется.

Вернувшись к себе в «Бристоль», Шкуро вызвал Мельникова. Тот сообщил неприятное: жена Ге сбежала.

— Как сбежала? Кто охранял?

— Она сидела в гостинице, что на Виноградской, запертая на втором этаже. Охраняли два казака. Открыла окно, связала простыни и сбежала из номера.

— Найти! Кто там у меня дежурит?

Вошли два адъютанта: Кузьменко сменялся, Медвянов заступал.

— Коля! Только тебе доверяю, — нервно говорил возмущенный генерал. — Бери конвой, сколько тебе надо, и поймай эту б... Расспроси в гостинице, в доме, где они жили. И действуй. Поймаешь — вешай на первом дереве.

Кузьменко сам удивился, как быстро и легко удалось выполнить невыполнимое задание генерала. В гостинице коридорная рассказала, что мадам Ге страдала «по-женскому» и требовала врача, а охранники казаки смеялись, обещали вылечить ее на виселице. Сама она любила такие лечения: знали об ее участии в пытках и казнях. Та же коридорная сообщила, что сбежавшая говорила с ней «о женском» и очень хвалила гинеколога профессора Жилкина. Он живет в Ессентуках. «К Жилкину и поскачем», — решил Кузьменко. На рассвете синеглазая красивая брюнетка была вытащена из постели в доме Жилкина. Сначала та устроила истерику: она больная женщина, никто не имеет права, и вообще она жена генерала Полякова, который сейчас в Сибири...

— Жена генерала с чекистом связалась? — удивился Кузьменко. — И наших расстреливала? И любова-

лась, как нашим генералам головы рубили? Мы тебя навсегда вылечим, черная сука.

Темные женские волосы вызывали у Николая теперь или дикую ненависть, или такую же дикую страсть. Иногда он не мог различить, какое чувство им овладевает. Так и на этот раз. Вешали синеглазую на Казачьей горке, на тополе с хорошим сучком. Женщина впала в прострацию — надевали петлю на почти полумертвую, — лишь на момент очнулась, закричала о муже генерале, о том, что «всех на части разорвут», но казаки поддержали петлю, она задержалась, закачалась и успокоилась навсегда.

Казаки присели отдохнуть и покурить. Кузьменко закурил было французскую папиросу, но плюнул и бросил — никакой крепости. Попросил у казаков солдатской махорки на закрутку. Стало легче. День стоял безоблачный, спокойный, с легким морозцем. Открылись горы на востоке: Бешту, Машук... в последний раз он видел Лену в Пятигорске на площади. Требовала, чтобы он ушел, а над ее головой, над шапочкой, поднимался такой же, как сейчас, темно-синий Машук.

VIII

Наконец, после Кавминвод, Шкуро вернулся в свою дивизию, и далее бои и походы протекали так, как он хотел, планировал, рассчитывал, командовал. Только полоска телеграммы от Романовского могла быть ему указанием. Но эти указы поступали редко и касались новых задач: куда идти, какой город брать. Шли колонной по три, впереди — генерал и его штаб. Волчий знак, конвой, оркестр... Казаки пели:

Впереди генерал молодой
Ведет войско казаков за собой...

Когда дорога пролежала по местам отступления красных, кони тревожно ржали, становились на дыбы, пытались куда-то свернуть — на обочинах лежали сотни, ты-

сячи полураздетых, окровавленных, замерзших, полуогнивших трупов, некоторые в обрывках бинтов. Боясь расправы, бежали и раненые, и тифозные больные, которых в красных частях было больше, чем здоровых. По трупам хозяйски расхаживали жирные вороны, копошились собаки, а возле одного хутора несколько больших раскормленных свиней сосредоточенно пожирали человеческие останки. Казаки плевались: «Как же мы эту свинину есть-то будем?»

Особенно много трупов было по дороге к Нальчику. Сюда дошли с легкими боями. Шкуро хоть и добился свободы от начальства — лишь редкие телеграммы Ставки давали очередное направление наступления, но забот было больше, чем радостей. Кругом все разграблено, а спецзапас атамана истощился. В очередной телеграмме Деникин приказал освободить от большевиков Осетию, Кабарду и Ингушетию, восстановить там власть и порядок. В этих краях в начале 1919 года не разжигались. Однако Нальчик помог.

Большое грязноватое скопление деревянных русских домов и кавказских глинобитных построек — это и есть Нальчик. Казаков встречала восторженная толпа. Руководил встречей ротмистр бывшего Кабардинского полка Даутоков. Он знал, кто такой Шкуро. Скоро узнают все.

Ротмистр подготовил для генерала приличный дом, ранее занятый большевистским Советом. Здесь был дан обед, а затем ротмистр попросил Шкуро принять его для важного разговора. Оказалось, что этот Даутоков многое понимает. Заявив о своей приверженности к идее единой России и вообще к деникинскому делу, об уважении, которое испытывает к генералу Шкуро, как истинно народному герою, вождю кубанских казаков, Даутоков рассказал, что в Кабарде действует состоящая из бывших красных частей банды, разграбившие весь край. Он, Даутоков, мог бы создать большой боевой отряд, но нет денег ни на оружие, ни на снаряжение, ни на довольствие.

— У меня тоже ничего нет, — хмуро сказал Шкуро, — и я не знаю, где взять.

— Мне известно, у кого сейчас есть хорошие деньги, но меня там не знают. Братья Бичераховы в Петровске и в Баку — полная власть⁵¹. Они много собрали у нефтяников, но помимо этого и англичане платят им за помощь. Все эти деньги дают Бичераховым для того, чтоб они освобождали Кавказ от большевиков.

— А мы с тобой, ротмистр, освобождаем, а деньги не получаем. По моим прикидкам, у них миллионы. Большие миллионы. Нефтяники не скупятся, англичане дают фунты. Бичераховых я не знаю, но зато знаю их хорошего друга, который знает тебя.

— Кто же такой?

— Если ты служил в Кабардинском, то знаешь, о ком я говорю. Кто у тебя был командир полка?

— Князь Воронцов-Дашков⁵² Илларион Илларионович. Хорошо меня знает.

— А я его хорошо знаю. Он вышел из своего подполья и живет в Кисловодске. И княгиня с ним. Я у них бывал. О Бичераховых говорили. И сделаем мы так: срочно пиши письма Бичерахову, наверное, Лазарю — он командует, и князю. И я записочку сочиню. Содержание наших писем: финансовая помощь для создания кабардинских полков и полного освобождения Кавказа. Укажи сумму — не меньше десяти миллионов. Я сегодня же посылаю своего человека. Он же и поедет за деньгами в Петровск. Мы с тобой договариваемся без всяких бумаг — мы ж военные люди, у нас — слово чести. Половина суммы идет мне — я тоже содержу войска, я ничего ни от кого не получаю. Согласен?

— Так точно, ваше превосходительство. Иду писать письма.

— Передай там дежурному, чтобы срочно вызвал ко мне хорунжего Кузьменко. Он поедет в Кисловодск и в Петровск.

IX

Кузьменко вернулся дней через десять, в начале февраля, когда генерал Шкуро приступал к выполнению са-

мой сложной и, скорее всего, невыполнимой задачи: ему предстояло утихомирить Ингушетию. Войск теперь было много: кроме своей дивизии — Терская пластунская бригада генерала Расторгуева, три Сунженских казачьих полка, сформированных только что в станицах, и Кубанская пластунская бригада генерала Геймана⁵³. В боях за Прохладную кроме прочих трофеев захватили два бронепоезда. Закрасили названия, написали свои, и вместо «Революции» и «Коммуниста» возникли «Генерал Корнилов» и «Генерал Алексеев». К «Алексееву» Шкуро приказал прицепить свои салон-вагоны. В главном вагоне между окнами уже висели вылепленные екатеринодарским мастером волчьей морды. На станции Беслан, за которой начинается Ингушетия, провел в своем вагоне военный совет с командирами. Надо было выполнять невыполнимую задачу, а тут еще генерал Ляхов прислал из Прохладной приказ немедленно взять Владикавказ. Будто он — это требование Ставки.

— Налево пойдешь — ингуши, голову потеряешь, направо — Владикавказ, осетины, коня потеряешь, — пошутил Шифнер.

— Осетины, считай, все наши, — поправил его Гейман. — Молокане взбесились и вместе с ингушами и большевиками разоряют город.

Гейман — в подчинении у Шкуро. Казак станицы Геймановской, тоже генерал-майор и старше на 20 лет. Уже седина. Он любил поправлять ошибки других. После его объяснений вспыхнул горячий разговор о молочанах-большевиках, об ингушах, постоянно на смерть враждующих с терскими казаками.

Шкуро на таких советах не мешал командирам говорить. Иногда в этих разговорах возникали верные боевые решения, но случалось такое редко. Не было у этих людей воинского таланта, воинского счастья, потому и оказались у молодого генерала в подчинении. На этот раз никто ничего не предложил, и у самого Шкуро не появлялось ничего хитрого. Даже не знал, как закончить совет. Прибывший в это время Кузьменко оказался как нельзя кстати.

— Пусть войдет, — приказал генерал, и, увидев усталое, но довольное лицо хорунжего, мгновенно почувствовал себя уверенно. Тонем, не терпящим возражений, отдал распоряжения.

— Приказ Ставки надо выполнить. Ингушам, засевшим в селе Муртазово, прошу, Антон Михайлович, послать парламентаров с объяснениями нашей политики. Вряд ли они согласятся на мир, и поэтому генерала Геймана прошу подготовить бригаду к наступлению. Я буду с вами, Александр Александрович. А дальше посмотрим, как все обернется.

С нетерпением ждал Шкуро, когда разойдутся. Оставшись с Кузьменко, усадил хорунжего за свой столик и сам достал из секретного отделения французский коньяк и хрустальные бокалы.

— Рассказывай, Коля, что привез? И показывай.

— Видите — растолстел. В черкеске зашито. Чтоб теплее было.

— Сколько?

— Так получилось, Андрей Григорьич, понимаете, часть царскими, а остальное — керенками. Ну и сколько-то английскими фунтами. Вообще я считал пять «лимонов». Так оно, видать, и есть. Ехали со мной бичераховцы до самого Кисловодска, до князя. Он мне помог, конечно. Ему дали фунтов, и бичераховцев отправили домой. А в Нальчик те, что со мной были, те и поехали. Передать вам сейчас или как?

Не мне, а нам с тобой. Фунты — наши. Остальное — Козлову, в денежный ящик дивизии. Часть пусть заприходует. Потом я передаю командование Шифнеру в связи с секретными делами по разведке, собираем своих, и... Медвянов приведет медсестер. Там есть девочки — цимис...

Шифнер никогда не тревожил генерала без крайней необходимости, и для Шкуро ночь прошла спокойно. Проснулся в своем купе рядом с милой блондиночкой Ксюшей. Попрощался с ней ласково, оделся, выпил стакан вина с легкой закуской и перешел в штабной вагон. Судя по звукам боев на востоке и южнее, у Владикавказа,

войска не продвинулись. Дежурный доложил, что с парламентарями ингуши разговаривать не стали. Гейман ведет бой с ингушами. Расторгув — в направлении на Владикавказ.

— Ведут, ведут и никак не дойдут, так их... — выругался генерал. — Только я, генерал Шкуро, приведу своих казаков к победе! Коня и конвой мне!

Самый опасный противник — ингуши: они не сдавались и не отступали. В ту сторону, где вел бой Гейман, и поскакал генерал навстречу винтовочному и пулеметному огню. Командный пункт Геймана — в овражке за большим камнем — обломком скалы. Увидев подъезжающего командира, генерал скомандовал пластунам: «Вперед! За Кубань!» В очередную атаку ринулись пластуны. Толпа темных фигур в папах бежала под огнем на ингушей, укрывшихся на окраине аула. Солнце поднялось над горами впереди, и поблекли вспышки выстрелов. Не только поблекли, но и поредели: пластуны достигли врагов и закрутилась там суeta беспощадного рукопашного боя.

Шкуро спешил, подошел к Гейману, спросил, почему тот не использовал артиллерию.

— Использовал, Андрей Григорьич, но она действует на ингуша только тогда, когда снаряд попадает в него. А теперь сблизилась на рукопашный.

Огонь почти затих. Только один пулемет продолжал непрерывно назойливо строчить очередь за очередью. Шкуро, обладавший командирским счастьем всегда верить в свою победу, смотрел в бинокль в сторону большого камня, служившего хорошим укрытием для пулемета. Казаки были уже рядом. Двое пластунов склонились над камнем, а пулемет все посверкивал голубоватым пламенем. Наконец, резкие понятные движения рук — штыком сверху, и прыгающий огонь погас. Голос генерала Геймана показался громким:

— Наконец-то мы их сбили.

— Со мной, генерал, и дальше пойдем вперед.

Шкуро был исполнен гордой уверенностью в своем герое-атамане, вожде Кубанского казачества. Он всю

Ингушетию утихомирят, и на Москву пойдет победным маршем, и нет другого такого командира у Деникина. Приказав подать коня, Шкуро вместе с конвоем легкой рысью поскакал вперед, к аулу. Оттуда изредка еще постреливали и жужжали-посвистывали на взлете пули. Убитые ингуши лежали головой вперед. Ни один не повернулся спиной к бою. И пулеметчик у камня лежал, вытянув руки вперед, к своему пулемету, которого не было на месте — его утащили, как трофей. Пленных, можно сказать, не оказалось. Два казака с обнаженными пашками вели одного старика-ингуша. Тот был без шапки, на узком черепе торчала грубая седина, глаза злобно посверкивали.

— И чеченцы такие же, — сказал Шкуро ординарцу. — С ними с той стороны Покровский бьется.

Старик был шагах в двадцати от генерала, когда этот ингуш, пригнувшись, волком кинулся на левого конвоира, мгновенно вырвал у него из руки клинок и рубанул казака по голове, затем по-звериному быстро, скачками, побежал по тропе, ведущей в кустарник. Его догоняли, пашки тянулись к его голове, но Шкуро скомандовал:

— Стой! Не троньте его. Он — мой пленник.

— Как же это? — возмутились казаки. — Он же нашего Мишку рубанул. Голову разнес. Не выживет, видать, Мишка...

— Я понимаю вас, казаки, но и вы меня поймите, — объяснился генерал. — Этот старый ингуш защищает свою землю. Он решил бороться до последней минуты своей жизни. Не захотел быть пленником. Решил лучше погибнуть и хоть одного самого своего врага зарубить. Он и всем нам пример. Показал, как надо защищать свою родную землю.

— Верно батяка Шкуро говорит, — поддержал генерала степенный пожилой казак. — Живи, геройский старик.

Ингуш все понял, подошел к Шкуро, прижал руку к сердцу и низко склонился перед ним.

— Благодарю, русский генерал, — сказал старик. — Пусть Аллах пошлет тебе славу на земле.

— Понимаешь по-русски?
— Понимаю — век рядом живем.
— Не живете, а воюете.
— Нашу землю отняли. Воюем за нее. И ты пришел воевать.

— Нет. Я пришел установить мир. И тебя, старик, посылаю к твоим людям, к твоему народу в Назран. Скажи им, что мы не хотим с вами воевать, а хотим договариваться. То, что ваше — отдадим. Пустите нас в Назран. Мы придем, как гости. С подарками.

К вечеру в Ингушетию наступил мир. Казаки вошли в Назран, генерал Шкуро въехал на бронепоезде «Генерал Алексеев». Его встречали с почетом, и вечером, за ужином в своем вагоне, он с сочувственным высокомерием оглядывал своих соратников — разве смогли бы они без него идти по всему Северному Кавказу и везде побеждать. Пил французский коньяк, и с каждым оскалом прибывало уверенности, что и Грозный он возьмет. Однако еще до окончания ужина дежурный адъютант принес расшифрованную телеграмму из Ставки: *«Грозный взят Покровским. Приказываю 1-ю Кубанскую казачью дивизию под вашим командованием передислоцировать на Донской фронт в район Ростова. Погрузку в эшелоны начать немедленно. Деникин».*

Х

Наверное, он бы не стал заезжать в Екатеринодар, но остановив поезд в Кисловодске, посетил князя Воронцова-Дашкова. Его дом-дворец был разгромлен и разграблен, и князь с женой решили на время ремонта выехать в кубанскую столицу. Сын бывшего кавказского наместника, бывший командир Кабардинского полка, крепкий мужчина лет пятидесяти, а молодая жена манерами похожа на играющую девочку. Человеку, подарившему тебе пять миллионов, не отказывают, и Шкуро пригласил князя и княгиню в свой салон-вагон. Вот и пришлось в Тихорецкой передать эшелоны Шифнеру, а свои вагоны повернуть на Екатеринодар.

На вокзале генерала Шкуро встречали представители Кубанской Рады, офицеры, казаки, восторженные екатеринодарцы. Он удивлялся: кроме него нет героя гражданской войны, нет вождя Кубанского казачества. Не Деникин же с Романовским, сидящие над картами. И не Врангель, заболевший тифом. Сквозь толпу продрался журналист из газеты «Свободная речь», успевший в своем блокноте набросать начало статьи:

«Кубанский герой в центре всеобщего внимания. Моложавый, коренастый, словно вырубленный из одного цельного куска, энергичный, живой и подвижный, будто сотканный из одних нервов и мускулов, он одному пожимал руку, с другим целовался, обнимался с третьим, а с четвертым перебрасывался веселым словом, щедро пересыпая свои приветствия сочными, пряными шутками и громким смехом...»

— Ваше превосходительство, прошу вас несколько слов для газеты «Свободная речь». Какова обстановка на Кавказском фронте?

— Кавказский фронт закрывается. Мои войска полностью разгромили Одиннадцатую армию красных и восстановили порядок в Осетии, в Кабарде и в Ингушетии.

— Как к вам относятся ингуши?

— Теперь очень хорошо, — ответил генерал с улыбкой победителя. — Правда, после того, как я сжег у них три аульчика. Выразили полную готовность к сотрудничеству и оказывают нам свое содействие.

— Каково настроение в войсках?

— В моих частях — блестящее.

— Примете ли вы участие в работе Краевой Рады?

— Нет, не могу. Моя дивизия направлена на Дон. Мой штаб уже в Ростове.

— Как вы смотрите на будущее?

— Очень просто. Кончили воевать на Кубани — пойдём на Москву.

Рядом с генералом, лихо отвечавшим газетчику, стояла любящая супруга Татьяна Сергеевна, слушала мужа не только с восхищением, но и с некоторым удивлением: он становится известным всей России героем. Впрочем,

она не очень удивлялась: всегда чувствовала, что судьба ее должна быть особенной, и в мужа поверила после его первых успехов на войне. Теперь с ним приехали князь и княгиня, высшие аристократы России. Татьяна решила, что Нина Воронцова станет ее подругой и в скором будущем введет в московские и петербургские салоны. В супружеской постели была горячей и ласковой, шептала о своей неизменной любви, говорила, что кроме него в ее жизни нет больше никого и ничего, и ему напоминала, что только она у него осталась: отец одной ногой в могиле, сестра Люба вышла замуж за старика американца и уехала с ним через Сибирь, и младший брат где-то исчез. Пьяный от водки и бабьих ласк, генерал, засыпая, растворялся в чудесных видениях, где и для всей России он был единственным и любимым.

На следующий день в Ставке Шкуро долго говорил с Романовским — главнокомандующий выехал на Дон, где все рушилось: казаки открыли фронт красным, с должности атамана Краснова снимали. Махно опять ходил под большевиками и вместе с ними наступал на Донбасс. Против него с трудом обороняется Дроздовская дивизия во главе с генералом Май-Маевским.

— Мы с Антоном Иванычем решили, что только ты, Андрей Григорьевич, можешь помочь Маю отбиться от Махно. Твои казаки посильнее его мужиков.

— Иван Палыч, ты мне, как брат родной, — теперь Шкуро избрал такой тон с высшими начальниками. — Твой приказ — моя служба. Поеду — и этого Махно нет. Могу с ним и подружиться — за нас будет воевать. Могу и повесить.

— Ты его побей, разгрома. Смотри на карте: наступает на Бердянск и Волноваху. Но это карта. А по степям его тачанки с пулеметами носятся везде. Вот тут казаки в самый раз.

— Я тебе говорю, Иван Палыч, с Махно я покончу. Малость еще погуляю дома...

— Недолго, Андрей.

— Недельку мне даешь? Все! Через неделю я — в Ростове и иду на батьку Махно.

В Ростове Шкуро встретили с почестями, днем устраивали приемы и обеды, но он был озабочен поручением Тасиньки: княгиня Воронцова-Дашкова вся в золоте и брильянтах, а ей и надеть нечего. Жена героя-генерала должна блистать.

Маргарита Георгиевна перед отъездом в Москву оказалась в Ростове, и ей «посчастливилось» стать участницей, или, вернее, жертвой операции, проведенной Шкуро в ростовских второразрядных гостиницах. Она жила в такой гостинице, чтобы быть подальше от лишних глаз, опасных для ее путешествия через фронт. Вечером ужинала в ресторане. Несколько пар танцевали под небольшой румынский оркестр. Скрипки выводили модный «шимми» и вдруг...

В Москве Маргарита выбрала время, когда Лена была одна, и рассказала ей:

— Вдруг входит Шкуро. Он теперь генерал. Мундир, сверкают погоны, волчья папаха на голове, из-под нее рыжие космы, усы огромные и сапоги, конечно, сияют, правда, шпор почему-то нет.

— Не знаешь, что ли, что казаки шпоры не носят — лошадей берегут. Твой-то Кирилл, конечно, со шпорами.

— Со шпорами. Ты слушай. С ним офицеры — чело века три, что ли. Одного я, кажется, где-то видела. Осматривает всех с таким наглым выражением лица, будто все мы его солдаты, или лакеи, или не знаю кто. Ручкой эдак сделал знак, и оркестрик умолк. Танцующие остановились, забеспокоились. В зале такой шумок возник. А генерал усмехнулся и говорит: «Вы меня, господа, знаете. Я командир волчьей дивизии. Мои волки освободили от красной заразы весь Северный Кавказ и теперь пройдут на Москву. Нам никто не платит, нам никто не дает оружие, нас никто не снабжает продовольствием. Чтобы мои волки могли продолжать борьбу за Россию, в которой вы будете жить, как прежде, спокойно и богато, им надо помочь. Прошу сдать в пользу моих казаков

все имеющиеся у вас драгоценности и деньги. Склады-вайте на столы. Мой офицер соберет. Тот, кто откажется, попытается что-то спрятать — агент большевиков. А к таким подход один». Что-то вот в таком духе наболтал, напугал всех... Сдавали, конечно. У меня было только обручальное кольцо. Пришлось отдать. Хорошо, что деньги я еще не получила, а то бы...

— А какие деньги ты получила? Кто тебе выдал?

— Ну, я же ехала через фронт. На дорогу.

— К кому-то, наверное, поручение было?

— Зачем ты меня выпрашиваешь?

— А зачем ты мне про Шкуро рассказываешь? Я не знаю такого! По-няла? Никогда не видела, не слышала, и больше мне никогда, ничего! Поняла, бывшая подружка? А то и тебя живо в Чека сдам. Там все расскажешь! Слышишь, ты?..

— Леночка, успокойся. Это у тебя нервное. Ребенок буянит. Видно, крепкий будет мужик.

— Ты меня не успокаивай. Я знаю, что будет дочь, девочка. Ее не погонят на войну, не повесят, не заставят вешать, как там у вас, у белых, вешают. И не рассказывай мне больше ничего про своих, про всяких Шкуро. Скоро наши погонят вас. Слышишь, ты, офицерская жена? Или потому к нам сбежала, что почувствовала, как у вас жареным запахло?

Это была уже не истерика, а озлобленность, опасная для Маргариты.

— Ты сказала Михаилу, что я замужем за офицером?

— Нет. Пока нет, — кинула Лена бывшей подруге, и по лицу ее пробежала злорадная улыбка.

Маргарита пыталась успокоить подругу: предлагала поест сметанки, принесенной ей в подарок с Сухаревки, напомнила, что и ей маслица купила:

— Ты можешь себе представить — пять тысяч за фунт отдала.

— Спасибо, подружка. Это ребенку требуется.

— Я всегда рада помочь тебе. Последние деньги не жалею — приношу вот кое-что.

— Последние? У тебя же много было. Ах да — в Петербург ездила. Прогуляла там.

— Сейчас только и гулять. Михаил скоро придет?

Лена не ответила, сосредоточилась на какой-то мучащей ее мысли и не успокаивалась. Не исчезал ее злобный настрой против Маргариты.

— Ты расскажи, зачем ездила в Петербург? Кому деньги отвозила?

— Ну... Просили меня в Ростове передать родственникам. В Петербурге, знаешь, цены еще выше: хлеб — пятьсот рублей фунт.

— Вдове Веронелли деньги отвезла?

Маргарита долго молчала, вглядываясь в подругу с опасливым удивлением, как на злое существо, готовое совершить нечто непоправимо ужасное.

— Что замолчала? Рассказывай, — злорадствовала Лена.

— Откуда ты узнала эту фамилию?

— У тебя в тетради прочитала, когда ты искала рецепт настойки. Вдова художника Веронелли. У тебя, наверное, и сейчас эта тетрадка в сумке.

— Нет. Я ее порвала.

— Так рассказывай, рассказывай.

— Тебе это лучше не знать. Обыкновенная старушка. Ее сын там. Ну... Ты понимаешь.

— Если ты мне не скажешь правду, то придет Миша, и он у тебя спросит. И твоему Гришке Палихину напишу. И в Чека сообщу! Слышишь? Ты! С Гришкой-то спуталась? Разве ты пропустишь мужика?

Лена вновь была готова разразиться истерикой. Маргарита помолчала, глядя на нее с жалостью и презрением, затем сказала с сочувственным сожалением в голосе:

— Я скажу, но ты пожалей о том, что узнала. Вдова художника Веронелли — это мать генерала Врангеля. Она живет в нищете в Петербурге и работает в музее. Что ж ты замолчала? Хотела узнать — вот и живи теперь с этим. Иди доноси хоть самому Дзержинскому. Ведь ты моя общница.

Маргарита никогда еще не носила ребенка под серд-

цем и считала, что нервные выпадки подруги вызваны ее состоянием и, конечно, удивилась, когда Лена вдруг преобразилась. Другие глазки, другой голос:

— Что ты, Маргошенька? Ты же моя единственная настоящая подруга. Разве могу я сделать что-нибудь плохое тебе. Давай попьем с тобой чайку. У меня настоящий сахар есть...

Вскоре пришел Михаил Петрович, радостно оживленный.

— Что это вы в темноте сидите?

Только теперь подруги заметили, что в комнате сгустились мертвенно-синие февральские сумерки.

— Свет у нас никогда не гаснет, — ответила Лена. — У нас, женщин. Правда, Марго?

Так она умела управлять собой — истерическая озлобленность мгновенно сменилась ровным уютно-домашним настроением.

— Ты сегодня хорошо выглядишь, — сказал Михаил Петрович, целуя жену; он тоже был на редкость благорасположен, будто за стенами дома не пропадает в голоде и холоде Москва. — Как наша Варенька?

— Варенька, Варенька, — с напускным неудовольствием сказала Лена. — Может быть, и не Варенька, а Маргариточка. Риточка.

— Но Лена, мы же в честь единственной любви Лермонтова⁶⁴! — обиделся муж. — Есть речи значенье...

— Вот имение темно и ничтожно. Подождем пока решать. А почему ты такой веселый? Опять в Кафе поэтов был? Есенина слушал?

— Есенин теперь самый модный? — спросила Маргарита. — И в Питере.

— Да, он настоящий поэт, — подтвердил Михаил. — Но я не был в Кафе поэтов, и особых причин для радости у меня нет. Просто размечтался. На службе кое-что затевается... Но сначала дайте чаю и хороший кусок хлеба.

За чаем он рассказал, что группу журналистов командировуют на Южный фронт, в район, освобожденный от белых, — как раз, где Богучар, куда приглашал Степа Буйков. Надо написать о строительстве новой жизни.

— Конечно, я никуда не поеду, — печально говорил Михаил Петрович. — Нельзя же тебя одну оставить. Или Маргарита с тобой поживет? Поездка-то не больше чем на две недели. А я там договорюсь в Богучаре на лето. Что-нибудь в августе. А сейчас бы рыбки привез, арбузов соленых.

— Ой как арбузика соленого хочется, — простонала Лена.

Михаил ухватился за свою идею:

— Вы же, Маргарита, не поедете сейчас в Ростов? Там же белые. Скоро его наши возьмут — тогда уж. Фронт на Северном Донце уже. Это верст пятьдесят.

— Да не знаю как, — неуверенно ответила Марго, испытующе вглядываясь в глаза Лены.

Та отвечала подруге долгим непонятым взглядом. Наверное, этот немой разговор и подсказал решение:

— А я знаю, — решительно сказала Лена. — Я поеду с тобой. Ничего со мной не случится. Еще два месяца носить. Не меньше. И Степа написал, что нас там ждут.

ХII

Штаб корпуса размещался в Ростове, в роскошном дворце Парамонова. Шкуро со свитой приехал на двух автомобилях. С ним — начальник штаба, помощник, адъютанты, конвой. Врангель все еще болел, и корпусом командовал генерал-майор Юзефович⁵⁵, артиллерист, неразговорчивый белорус лет около пятидесяти, всегда старающийся все уладить. С ним легче, чем с Врангелем, только надо сразу дать понять, с кем он имеет дело. Так Шкуро и поступил.

Совещались командиры и начальники штабов кубанских кавдивизий. Шкуро сел у дальнего края стола, потому что Покровский уселся рядом с Юзефовичем.

— Главная наша задача отстоять Донбасс, — говорил начальник штаба корпуса. — Без угля нет армии, нет союзников. Вся надежда на кубанские казачьи дивизии, так славно проявившие себя в боях за Северный Кавказ. Для того чтобы удар по наступающим красным

оказался наиболее эффективным, все три дивизии объединяются под командованием генерала Покровского...

— Тогда я сейчас же подаю в отставку, — сказал Шкуро спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся.

Юзефович растерянно замолчал. Покровский, презрительно поджав губы, смотрел прямо перед собой, словно Шкуро здесь и не было.

— Я не совсем вас понял, Андрей Григорьевич, — осторожно обратился к Шкуро начальник штаба корпуса; он действительно ничего не понимал.

— В Ставке меня понимают, — продолжал Шкуро добывать соперника. — Там знают, что генерал Покровский храбрый военный летчик, но совсем не умеет управлять боями конницы. Это хорошо было видно под Ставрополем. Если он здесь будет командовать всеми нашими казачьими частями, то погибнет и моя дивизия, и вся операция провалится.

Покровский гневно взглянул на Шкуро, начал было что-то резкое отвечать:

— Я не...

Его сразу перебил Юзефович:

— Ну, я улажу это дело как-нибудь иначе. Не надо горячиться и спорить. Все-таки давайте обсудим план операции. На крайнем левом фланге части дивизии генерала Май-Маевского обороняются от войск Махно, наступающих по железнодорожным линиям Токмак—Бердянск и Цареконстантиновка—Розовка—Волноваха. С севера по направлению на Иловайскую, где находится штаб Май-Маевского, наступает Тринадцатая армия красных в составе трех дивизий. У противника большое численное преимущество. У Май-Маевского приходится шесть человек на километр фронта.

— Главная опасность с севера, — перебил Шкуро, он должен был добиться такого плана действий, который нужен ему. — У батяки Махно банда, а здесь — армия. Я ее разгромлю ударами своей дивизии с флангов.

Теперь заговорили сразу все, но предложение генерала Шкуро отвергнуть уже было невозможно. Оно и легко

в основу принятого плана. Почему-то все складывалось в его пользу, исполнялись его желания.

Там — старик ингуш, здесь — болезнь Врангеля. Ведь если б был барон здоров, то сидел бы здесь уже как командующий армией и не только подчинял бы его Покровскому, но и принял такой план, что пришлось бы подавать в отставку. И... прощай радость, жизнь моя. Деникину и Романовскому Шкуро больше не нужен: Кубань освобождена от красных, а генералов, желающих идти на Москву, найдется много. Но Врангель-то болеет! Что-то в этой сумбурной жизни действует в пользу кубанского казака Шкуро. Бег? Вряд ли. Не по его заповедям живет атаман. Военное казачье счастье на его стороне! Как у Стеньки Разина. Да!

Задумался Шкуро обо всем этом, возвращаясь в гостиницу. За обедом оказался рядом со знакомым военным прокурором Калининым. Говорили, конечно, о войне. Прокурор позавидовал генералу:

— Мне так тяжело и даже стыдно, что я по своему положению не могу участвовать в боях. Возьмите меня в свою дивизию, Андрей Григорьевич, ведь вам нужен военный юрист, отвечающий за соблюдение законов, помогающий в ведении военно-полевых судов. Или у вас есть уже такой человек?

— Нет, дорогой Иван Борисович. Не держу я вашего брата юриста. У меня суд длится две минуты. А впрочем, меня самого в конце концов повесят.

ХIII

К Иловайской подъезжали в начале солнечного теплого дня, когда поблескивающий тающий снег и слепящие лужи источают покойную лень и даже не хочется думать о войне. А как не думать? В салон-вагоне Шкуро рассказывал своему верному Кузьменко о грядущем наступлении.

— Этих шахтеров мы изрубим в капусту. Уцелевших повесим. Кое-кого оставим, конечно, для работы в шахтах. Батько Махно подводит. Был бы с нами —

уже к Москве бы шли. От твоего Гринчука что-нибудь слышно?

— Нет, Андрей Григорьевич. Надо мне в Гуляйполе, наверное, махнуть. Здесь близко.

— Подожди. В рейд отсюда пойдем. Трофеи брать. Ты потратил свои желтые?

— Почти. Бабе пришлось отдать. Она из Новочеркасска приезжала.

— Вот пройдемся по этим шахтерским городкам. Там же везде казна. Сумел я это направление для нашей дивизии взять, а то загнали бы в махновские хутора с мужиками воевать. Кажется, подъезжаем. Давай ко мне Шифнера, организуй в гостинной завтрак и сам будь рядом. На всякий случай пусть девочки приготовятся.

Поезд остановился на станции Иловайская на первом пути у перрона, что удивило приехавших.

— А где же поезд его превосходительства? — спросил Шкуро у встречавшего молодого капитана, светловолосого, светлоглазого, официально серьезного, назвавшегося адъютантом его превосходительства.

— Его превосходительство приказал освободить путь для вашего поезда и сейчас к вам пожалует.

— Я намеревался сам доложить ему о прибытии.

— Нет. Он приказал передать вам, что немедленно будет у вас для обсуждения плана действий. Он с начальником штаба полковником Штейфоном⁵⁶ уже идет сюда.

На перроне появилась группа офицеров: впереди — толстый, грузный, большеголовый генерал-майор Май-Маевский, за ним — сухощавый, слегка сутулящийся начальник штаба полковник Штейфон, командир дивизии генерал-майор Витковский⁵⁷ и генерал-майор Агапеев. К генералу Шкуро пожаловало все начальство корпуса, состоявшего пока из одной дивизии. Он встретил их на перроне, у вагона, доложил, представился, пригласил в свой поезд. В штабном вагоне на столе уже была разложена карта, и на ней черными стрелами нанесен маршрут намеченного рейда дивизии Шкуро.

Май-Маевский рассматривал карту, Шкуро рассматривал Май-Маевского. Этот толстый, тяжело дышащий

человек в пенсне, казавшимся маленьким на его круглом пухлом лице, почему-то притягивал к себе и излучал спокойствие. Генерал и раньше слышал о том, как спокойно держится командир корпуса под огнем, а теперь видел, что он вообще спокойно держится. Слово вся жизнь вокруг не вызывает волнений или раздражения. На все и на всех смотрит, слава Богу, доброжелательно, но с заметным равнодушием. Генералу Шкуро во время обсуждения плана хотелось подойти к Май-Маевскому, сблизиться, разговориться. Он то и дело вскакивал, шел к карте, показывал, объяснял. Командир корпуса взглянул на него, снял пенсне, спросил:

— Восьмерочкой делаешь рейд, Андрей Григорыч? Правильно. Уходить надо всегда другой дорогой. Наполеон, вот, не сумел, а у тебя все получится. В Ставрополе слышал о твоих делах. Такой командир мне нужен.

Шкуро сделал знак адъютанту Кузьменко, и когда закончилось обсуждение, смело подошел к Май-Маевскому, хлопнул его по плечу и сказал:

— Ну, отец, пойдем водку пить.

Генерал добродушно улыбнулся, Кузьменко открыл дверь, и все следом за командиром корпуса двинулись в купе-столовую. На скатерти бутылки, тарелочки с семгой, балыком, икрой, омарами, сыром...

— У тебя здесь хорошо, Андрюша, — сказал Май-Маевский, оглядев салон, оформленный наконец так, как мечтал хозяин: на стенах волчьих морды с оскаленными пастьями, в углу — знамя дивизии: стеганая волчья шкура, на ней волчья голова. — У тебя здесь литературно.

— Выпьем, отец, смирновки.

— Смирновка — это хорошо. Господа! Предлагаю за успех операции генерала Шкуро.

Тостов было много — водки хватало, а в заключение завтрака красавицы официантки внесли серебряные ведерки с шампанским во льду. Май-Маевский снял пенсне, разглядывая женщин, как некие достопримечательности, затем вновь прикрыл стеклами глаза и спросил рядом сидящего хозяина:

— Диккенса давно читал?

— Давно, Владимир Зенонович. Наверное, еще в корпусе. Некогда сейчас. Читаю только сводки, приказы, директивы.

— Да. Тебе не до чтения. Тебе, Андрюша, не нужны литературные герои. Ты сам настоящий герой. О тебе будут книги писать. Давай с тобой шампанского по бокалу. Полный наливай. Выпьем за победу над этими грязными плебеями. Ты знаешь, что шахтеры поголовно большевики. Я их расстреливал десятками... нет — сотнями. И ты не жалеешь.

Снова повезло атаману Шкуро: с Маем, как сокращенно звали командира корпуса, можно жить спокойно и быть самим собой. И не его дивизию подчинили Покровскому, а наоборот: для успешного проведения операции в подчинение генерал-майору Шкуро передали Терскую дивизию генерала Топоркова⁵⁸.

XIV

Фронт красных прорвали у Крындачевки, взяв пленных и 12 пулеметов. Однако ночью пришлось отбивать неожиданную контратаку. Пришлось и самому садиться на коня и вести свою волчью сотню в обход. В атаку с обнаженной шашкой, конечно, не помчался, но руководил с близкого командного пункта. Тысячи полторы красноармейцев изрубили «волки» и партизанская бригада. Утром послал донесение в Ростов об успешном начале, но по договоренности шифровки шли только из дивизии Покровского, где была рация. Злопамятный генерал-летчик вдруг прислал выговор: «генерал-майор Шкуро подчинен мне, и обязан направлять донесения мне, как прямому начальнику». Надо было ответить по-русски откровенно, но провинившийся решил соблюдать приличия: «Вам я не подчинен, и вашим подчиненным никогда не буду».

Южнее Горловки Шкуро окружил и разгромил Донецкую сводную дивизию красных. Взял восемь орудий, около ста пулеметов, свыше пяти тысяч пленных. Боль-

шинство — шахтеры. Всех не расстреляешь, как рекомендовал Май-Маевский. Построили пленных в пасмурный день на грязном подтаявшем снегу, и Шкуро вышел проверить, как его казаки наказывают врагов. Он только что слегка позавтракал, опорожнив стакан водки, и был настроен по-боевому. Май-Маевский, вообще все добровольцы никакой жалости не проявляют. И его казаки не должны отставать. Научились же в своих станицах с иногородними справляться. И он сам, генерал Шкуро, один из лучших вождей белой армии, должен внушать страх противнику. Чтобы бежали красные, едва завидев.

Пленные стояли полураздетые, многие босиком, их помертвевшие глаза искали спасения. Казаки с обнаженными пашками выстроились перед ними, злобно изгаляясь, выкрикивая: «Жиды! Комиссары, выходи! А вы, солдате, своих комиссаров и жидов не знаете? А ну, гоните их вперед!»

Адъютанты рядом с генералом, — тот спросил у Кузьменко:

— Где Мельников? Почему здесь нет?

— Ранен вчера из винтовки навылет.

— Проследить, чтобы лечили как надо. А этот казачок мне хорошо знаком. — Шкуро увидел Артюхова и подошел.

— Здравия желаю, ваше превосходительство.

— Чего зря пашкой размахиваешь? Командуй!

— Комиссары и жиды вперед, а то всех порубим.

Несчастных выталкивали из толпы, они кричали, упирались.

Начал Артюхов. По-охотничьи слегка пригнувшись, подскочил к пленному в рваной распахнутой шинели и ловким ударом пашкой рассек его наискось. Отлетела в сторону пола шинели, залитая кровью. Засверкали зеркальные лезвия в багровых пятнах, закричали визгливо-тонкими голосами умирающие, устилала снег скрюченные развороченные трупы, кровь растекалась из-под них.

Казаки кричали: «Жиды, вперед! Нету больше? Найдём! А ну, растегай штаны!...»

Шкуро наблюдал за происходящим с чувством удовлетворения: его долг народного вождя, атамана кубанских казаков вести войска к победам, к убийству врагов. Истинного командира радуют эти изрубленные окровавленные трупы, предсмертные крики, ужас в глазах убитых. Каждая смерть, настигающая врага на его глазах, вызывала горячую дрожь в груди, похожую на сладкую пьяную дурь. Конечно, лучше вешать, но для этого требуется время.

Подустали казаки от рубки, упились кровушкой. Адъютанты находились рядом, кони под ними нетерпеливо рвались, ржали. Шкуро остановил расправу. Приказал:

— Не убирать. Пусть лежат сушатся. Красные этого бояться. Увидят — и в бегство. Остальных высечь. По двадцать плетей. Потом отпустить.

И эту часть наказания он смотрел до конца — ведь каждый удар плети — это и его удар.

— Этих отпустить с предупреждением, что в следующий раз повесим, — приказал генерал. — Кузьменко, за мной.

Шагом поехали к домам, где располагался штаб.

— Не простят они нам, Андрей Григорьич.

— Конечно. И те не простят, — указал плетью на трупы. — Так устроено. Видно, и нас с тобой такой конец ждет. Москва-то далеко. А мы воюем, рубим, побеждаем, а впереди еще сколько боев. Ингушей будто замирили, а там теперь опять война. Правда, об этом я догадывался. Но в Осетии-то Деникин губернатором Даутокова не назначил.

— Как же так, Андрей Григорьич? Он же все сделал.

— Сделал. И нам с тобой сделал. Сразу столько мы никогда еще не брали. Из-за этого, наверное, его и погнало Антон Иваныч на фронт. Кто-то нас продал. Меня-то он теперь не тронет — за мной Кубань, а без меня и армии-то нет. Покровский, что ли? Или Врангель? Он же не казак, а немец, Май — толковый мужик, но он пехота, а до Москвы только верхом можно доехать. Но кто нас продает, надо найти.

В штабе Шифнер со своими помощниками разрабатывал план взятия Горловки. Шкуро не любил прямых атак, боев без какой-нибудь неожиданной хитрости. На этот раз приказал начальнику штаба:

— Атаковать будем ночью. Какие у вас предложения, Антон Михайлович?

— Ночью хорошо. У нас теперь много пулеметов. На тачанки — и впереди казаков.

— По-махновски?

— Не по-махновски, а по-марковски. У Махно тачанки выезжают по одной со всех сторон, чтобы напугать, а генерал Марков выводил батареи тачанок по десять-двадцать повозок, а между ними пушки на прямую наводку. Давайте и мы так сделаем, Андрей Григорьевич.

— Распутица. На руках орудия не потащишь.

— Придется упряжками.

— Это с передков в передки? Что ж. Давайте. Тачанки прикроют передвижение пушек. Но начнем бой с того, что взорвем мост за Горловкой.

Бой удался. Красные были деморализованы уже в самом начале, после взрыва моста в своем тылу. Затем карьером вынеслись около тридцати тачанок и шагов с пятисот-семисот открыли дружный огонь. Под их прикрытием подошли пушки... Красные бежали враспынную. Их догоняли казаки, рубили, брали в плен. На станции захватили платформы с погруженными орудиями. А в городе — отделение госбанка... Так было и в Ясиноватой и в других шахтерских городках и поселках. В начале апреля казаки возвратились в Иловайскую. Обремененные трофеями, измученные боями и переходами, загнавшие по распутице коней, частью поменявшие своих на крестьянских кляч, они жаждали разгульного отдыха. Этого желал и Шкуро. Приказал командирам организовать отдых, сам направился в штаб-вагон Май-Маевского.

Тучный тяжело дышащий генерал поднялся навстречу, обнял, сказал хорошие слова:

— Андрюша, знаю все твои успешные действия. Ты

совершил замечательный рейд. Ты выручил меня. Я теперь могу усилить левый фланг против Махно. Но и здесь, Андрюша, нужны твои казаки. Я вот как раз пытаюсь по карте наметить маршрут. Смотри: до Гуляйполя отсюда...

— Отец, ее ты со своей стратегией, — прервал его Шкуро, развалившись в кресле. — Мои казаки — не твои офицерики, которые за мать ее единую Россию под пули шагают. Если грабить нечего, то кубанцы и терцы туда в бой не пойдут. Вам давай винные заводы, поместья, госбанки, еврейские магазины с подвалами, где желтые лежат. А что, я у махновских мужиков сено буду собирать?

— С тобой, Андрюша, о планах поговорить — удовольствие. Но как сказано у великого Диккенса, сначала дело — потом удовольствие. А дело, это...

Он потряс колокольчиком, лежавшим на столике, и на звон в купе явился знакомый адъютант — светловолосый капитан с внимательными глазами.

— Паша, — сказал ему генерал. — Давай, что там у тебя?

— Коньячок, Владимир Зенонович, сыр, лимончик...

— Ого, отец! У тебя французский? Ты, капитан, стараешься?

— Паша у меня молодец, объяснил Май-Маевский. — Все найдет, все достанет. А этот коньяк официально-торжественный — прислан из Ставки вместе с сообщением о счастливейшем событии в нашей армии: у главнокомандующего родилась дочь. Уже больше месяца. Так что, Андрюша, начнем с тоста за новорожденную Марину Антоновну.

— За новорожденную! — поддержал Шкуро. — Началась жизнь!

Теперь Стахеев обвинял в непростительном легкомыслии. Но кто же знал? А голодать в Москве, рисковать жизнью ребенка — это мудрость? Если он только

легкомыслие, а то ведь еще... Он не был суеверным и даже в дореволюционном детстве скептически относился к маминым и бабушкиным молитвам, но сейчас был готов поклоняться любому богу, просить неведомую внешнюю силу, управляющую всем сущим, соединить его с Леной, простить ему грех. Зачем он позволил себе ту мерзость в Богучаре? Расчувствовался? Вернулось мужское здоровье? Увидел поэтический снег в окнах поезда и ослабла воля?

Началось еще в поезде, когда ели пайковую селедку, пели «Смело товарищи в ногу», рассказывали почти приличные анекдоты и вся журналистская пятерка наперебой ухаживала за женой. Руководитель команды — молодой, но серьезный коммунист-известинец Боря Савкин, его друг и помощник — молодой улыбчивый Митюков. Так славно стояли с ним у окна, синяя метель не могла догнать поезд, но и не отставала. Митюков сказал со своей нагло-виноватой улыбкой:

— Мне говорили, что в Богучаре женщины особенные.

— В каком смысле?

— В том самом. С ними все делается очень просто...

Засыпая, Стахеев смел думать об этом. И когда ехали из Кантемировки в Богучар по еще крепкой санной дороге и снежинки весело сверкали под солнцем, он мечтал о том, о чем не следовало.

В Богучаре Савкин разрешил Стахееву с женой сразу направиться в дом Буйковых, где их ждали. Городок — большое село с площадью. Белокаменных дома два: на одном — красный флаг, на другом — голубая железная вывеска «Гимназия».

Буйков-старший — крепкий, носатый мужик, далеко не старик, с быстрым схватывающим взглядом — умело складывал приличествующие гостеприимные фразы. Хозяйка — растолстевшая баба Поля засуети-лась: «Ох и о-ох!.. А у меня и печка-то...»

Лену напоили молоком, поставили тарелку сметаны. Конечно, были и самогонка и знаменитые соленые арбузы, борщ, сало, сушеная рыба... Хозяин бодро восхвалял советскую власть, рассказывал о боях с белыми в янва-

ре, когда он был в партизанах, о Богучарской дивизии, направленной на фронт к Северному Донцу. Из местных дел — о газетке, которую надо наладить для Совета: Степан говорил ему о Стахееве, как о знаменитом газетчике. Хозяйка продолжала охать, но теперь уже о сыночке Степушке, воюющем где-то «спроть казаков».

Из-за этого «спроть» произошел роковой разговор после обеда, когда Лену уложили отдыхать, и Савкин пришел проверить, как супруги устроились. Михаил с хозяином хорошо выпили, а Савкин был совершенно трезв — ограничился небольшой дозой на доньшке. Услыхав «спроть казаков», попытался уточнить, почему именно так. Ерофей Демьянович объяснил, что в этих местах живут три народа: кацапы, хохлы и казаки. Сам он — кацап, и в Богучаре среди жителей вообще все больше кацапов, есть и хохлы. С хохлами кацапы живут по-всякому, но можно сказать — мирно, а вот с казаками — кося на камень, потому как у тех земли полно. Бери, сколько засеешь, а у кацапов — в обрез. Ниже по Дону, за селом Сухой Донец, где начинаются казачьи земли, и прицаре, бывало, чуть что — и в колья, а нынче, конечно, не обходится без винтарей и пулеметов.

Савкина такая политическая картина не устраивала, и он пытался убедить Ерофея Демьяныча в определяющей роли классовой борьбы, охватившей все народы и страны. Хозяин из вежливости не спорил, но и не соглашался:

— Оно, видать, все и так, но откуда у нас кулаки? Есть вроде которые справные, а другие победнее, но кулаков нет. А казаки и есть кулаки. И за попов они стоят. Опять народ обманывают божественными сказками. Мы своего попа еще в том году погнали — еле ноги унес. А они и теперича, когда наша Красная Армия пришла, церкву в Вешках было открыли. Так наши коммунисты с красноармейцами поехали туда и устроили им лучше театра. Загнали в церкву кобылу и повенчали с ней попа. Потом подожгли. Но казаки, правда, погасили.

Савкин ужаснулся:

— Такое кощунство в церкви совершили? За это же надо судить.

— А ты чего вскинулся-то? Ты ж сам-то некрещеный. Ты ж еврей!

Ох, напрасно так близко к сердцу принимал Боря эти нелепости гражданской войны. Пил он побольше, да закусывал, но вот не принимала его душа самогон. Остался он трезвым и горячо ораторствовал о принципах политики партии в области антирелигиозной пропаганды. Уже тогда, за столом, обещал принять меры, обратиться в один исполком, в другой исполком... Это его и погубило.

А Михаил молча наслаждался столом, отдыхом, покойной тишиной городка. И ночь была прекрасной: он видел в окно искрящийся снег, звезды над ним, а потом сны такие снились, о которых он и забыл. Потому и случился грех.

Утром пятерка собралась и долго со спорами решала, что делать, кому делать и надо ли вообще что-нибудь делать. Савкин взял себе в помощники послушного молчаливого Митюкова и направился в Вешенскую. Стахеев остался в Богучаре помогать выпуску «газетки», остальные — по близлежащим селам.

Михаил Петрович радовался солнечному дню, прогулялся по пустующей площади, подошел к двухэтажному каменному зданию с вывеской: «Богучарская мужская гимназия». Занятия кончились: ни шума, ни движений. Но открылась дверь и вышел подросток лет четырнадцати в форме гимназиста. Как принято в провинции, вежливо поздоровался с незнакомцем.

— Здравствуй, — ответил Стахеев. — Разве у вас гимназия, а не единая трудовая школа?

— Я знаю. Когда белые здесь были, повесили старую вывеску. А вы из Москвы?

— Да. Я журналист Стахеев. Пишу статьи в разные газеты и журналы. Недавно — в «Известиях».

— А рассказы?

— Пишу и рассказы. А тебя как зовут?

— Миша Шолохов. Я из Вешенской. На время учебы

живу здесь на квартире. А почему чекисты казаков расстреливают? Казаки же сами с большевиками замирились, пропустили сюда, а они забирают наших и расстреливают? Почему такое? Из Москвы приказывают?

— Не знаю, Миша. Наверное, судят, разбираются, кто в чем виноват...

Паренек еще что-то говорил, но Стахеев его не слышал — из двери школы вышла она. Глаза — голубое солнце, улыбающиеся губы — солнце алое, грудь рвется из-под мягкой кофты, короткая юбка не прикрывает крепкие икры, блестящие темно-русые волосы шевельнулись под ветерком. Протянула мальчику книжку:

— Вот твоя книжка. Ой, здравствуйте. Ты ее в классе искал, а сам в зале оставил на окне, — проговорила она, не спеша уходила в тень.

— «Войну и мир» читаешь? Серьезная книга, — увидев на обложке название, сказал Стахеев, то и дело бросая взгляд в сторону незнакомки.

— О Бородинском сражении хорошо написано. Только теперь война другая. Я видел... — ответил мальчик.

Знал бы Стахеев, с кем разговаривает!

А Маруся, пожившись от холода, сказала:

— Вы с Москвы? Так заходите сюда. Я вам классы покажу. Теперича никого нету. Занятия кончились.

Она улыбнулась так понятно просто. Правду Митюков говорил: с богучарскими женщинами все делается очень просто. И Ерофей Демьянович подтвердил: «Маруся солдатка. Хорошая бабонька. Я ить тоже с ней... Да... А тебе и Бог велел — жена-то на сносях...» Они разговаривали поздно вечером во дворе, угостившись на ночь самогоном. Красивая тишина с луной, звездами и поблескивающим снегом временами нарушалась непонятными отдаленными звуками — словно что-то падало в глубокий снег. «Не стреляют ли», — забеспокоился хозяин. Долго прислушивались — тишина. Пошли в дом. Лена уже спала. Михаилу постелили отдельно, на лавке. Стыдно вспоминать — засыпал он счастливым сном. Вскоре проснулся — после самогонки хотелось пить. Подошел к Лене, поправил одеяло, сползшее с плеча. Она

открыла глаза, спросила: «Что случилось?» Потом обняла его и поцеловала прежними любимыми губами. Сказала: «Спасибо, что привез меня сюда. Здесь так хорошо...»

И раздался громкий тревожный стук в окно и крик: «Петрович! Открывай! Беда!» Стахеев быстро оделся и выбежал на улицу. Его ждали трое товарищей по командировке, Митюкова едва он узнал — голова у него была чем-то перевязана. Стахеев даже не успел спросить, где Савкин? Митюков, срываясь на крик, запричитал:

— Погиб наш Боря! Убили гады, контры... Я сумел убежать, а он...

— Молчи, — оборвал его старый журналист Ройзман. — С тобой в Чека разберутся. Бросил товарища... или перед казачьем в ногах валялся...

— Чего бросил?.. Чего валялся?..

Другие остановили перепалку. Объяснили Стахееву, что в Вешенской началось контрреволюционное восстание казаков. Там расправились с представителями советской власти, разослали своих по другим станицам и хуторам поднимать мятеж. Савкин и Митюков ехали на санях к Вешенской, когда их встретили казаки. В результате Савкин убит, Митюков избит и теперь оправдывается.

— Да! — кричал Митюков. — Оправдываюсь, что остался жив...

Решили оставить на потом разбирательство случившегося — надо было спасаться самим: казаки могут прийти и сюда. Руководителем выбрали Ройзмана и двинулись в Совет просить лошадей до Кантемировка. Стахеев убедил товарищей, что должен остаться с женой и собираться, предупредил, чтобы без него не уезжали.

Хозяин и хозяйка поднялись, Лена билась в истерику. Ее успокаивали, давали какие-то лекарства.

— Нечего и разбираться, — сказал Демьяныч по поводу смерти Савкина. — Казаки, они жидов бьют напропалую. А этого русского малость поучили и отпустили. Конечно, вам всем надо уезжать. Казаки, может,

сюда и не придут. Может, наши их прищучат, но кто знает. А бабу свою оставь. Она совсем больная. Ее никто не тронет. Скажем: родственница с Воронежа. Больная и на сносях...

Так Стахееву и пришлось бросить Лену. Сначала думал, что это к лучшему: ехали ночью, по дороге встречались конные, к счастью не казаки. А если бы?.. Потом, добираясь до Москвы, сколько дней мучались в теплушках — дорога была занята переброской войск на пошатнувшийся Южный фронт. Когда же Михаил вернулся на Разгуляй, стал проклинать себя за легкомыслие, за грехи, истерично вымаливал прощение у Лены, у Бога, у высшей силы.

Вскоре пришло письмо, и ему стало легче: Лена здорова, в Богучаре советская власть. Главное письмо пришло в апреле:

«Родился сын. Я назвала его Аркадием в честь своего папы...»

Началась жизнь.

ВОЛЧЬИ ЗАБАВЫ

I

«Приказом по Кубанскому казачьему войску за № 263 от 8 марта 1919 г. генерал-майор Андрей Шкуро утверждается в звании почетного старика станицы Воровсколесской».

«Войсковому Атаману казачьего Кубанского войска полковнику Филимонову. Счастлив донести вам о новом блестящем успехе вверенной мне группе, в которой терцы состязались с доблестными кубанцами. Благодаря доблести и исключительному порыву офицеров и казаков группы, 15 апреля, мною наголову разбита группа Махно, следствием чего явилось падение Мариуполя. Порублено в конных атаках и при преследованиях около 1 тысячи красных, захвачено 1500 пленных, бронированный поезд, 3 гаубицы, легкое орудие, 13 пулеметов,

свыше 500 повозок, 2 лазарета и прочая добыча. Поведение, боевая работа и порыв казаков выше всяких похвал. Генерал-майор Шкуро».

На станцию Иловайская прибыл новый поезд Шкуро, увеличившийся еще на два вагона: в одном — духовой оркестр, в другом — оркестр оперетки. К поезду Май-Маевского, остановившемуся неподалеку, направился Шкуро с адъютантами Кузьменко и Медвяновым. Совсем близко рвались снаряды, рокотали пулеметные очереди, но огонь был слишком вялый для хорошего боя. Середина мая в Донбассе — самое время воевать: дороги просохли, трава свежая, сочная, засухи еще нет. Хорошо для кавалерии. Да и для пехоты. Вот и стреляет. Шкуро был не в духе и шел быстро. Спросил Медвянова:

- Федька, автомобиль в порядке? Проверял?
- На ходу, Андрей Григорьевич. Когда поедем?
- Может, и сейчас. За девицами.

К Май-Маевскому вошел один. Генерал уныло рассматривал карту.

- Плохо, отец?
- Сегодня еще продержусь, если красные не будут атаковать. Ты сможешь, Андрюш?
- Не получается, отец. Меня ночью Врангель к аппарату вызывал, я ему сказал, что моим казакам требуется несколько дней отдыха, и люди и кони предельно устали.

— И что он?

— Я сказал ему так, что он сразу согласился и предоставил мне свободу действий. Вот я и пришел к тебе свободный, чтобы ты мне объяснял это!

— Ты, Андрюша, бранишься, а я не понимаю причину. Надо разобраться. Паша нам поможет.

Он позвонил в колокольчик, появился капитан, за ним — денщик с подносом.

Выпили по стакану водки, и Шкуро излился в жалобах:

— Зеноныч! Отец, что это значит? Ты — командующий Добровольческой армией. Правильно! Кого же еще?

Врангель — Кавказской. Пусть его. Но Покровский произведен в генерал-лейтенанты, а я?

— Ты же, Андрюша, стал командиром корпуса.

— Я всегда им был, только называли меня по-другому. Ты мне скажи, я что? Хуже Покровского? — Он решительно поднялся, словно собрался уходить, и продолжал, стоя над сидящим генералом. — И теперь остается одно: завтра к девяти часам произвести меня в генерал-лейтенанты! Иначе, сам знаешь, что я могу сделать. Могу с батюшкой Махно договориться — он меня теперь во как боится. А эта... Ставка доведет меня, что я с корпусом вместо фронта поверну в Екатеринодар и кого надо повешу!..

— Успокойся, Андрюша. Садись, выпьем еще. Ты был представлен вместе с Покровским, но почему-то его произвели раньше тебя. Я сегодня буду говорить по прямому проводу со Ставкой и справлюсь о твоём деле. Ну, давай за твои будущие успехи. Кстати, я слышал, что ты сам производишь своих в офицеры, помимо Ставки? Правда ли это?

— Отец, какое имеет право Деникин производить? Я хуже его, что ли? Я же не произвожу в генералы — это дело Ставки. А в хорунжие, в есаулы я ведь лучше знаю, кого производить. Но твоё дело решить с Деникиным мой вопрос. Когда будешь говорить со Ставкой?

— Часов в девять.

— Тогда я сейчас гоню свою терскую дивизию во фланг твоим красным. Это на карте вот: по линии Моспино—Дебальцево. А после девяти мы с тобой к добрым здешним армянам.

— Разве приглашали?

— Чудишь, отец. А на что у меня Федька? Крикну ему, чтобы брал машину и ехал к армянам. Хочешь — мы к ним. Хочешь — сюда привезет. Все будет: и ликерчики, и девочки на «ять», а музыка у меня своя.

— Ну что ж, вечером и отдохнуть не грех.

— Только после твоего разговора. А сейчас я посылаю дивизию в бой.

После разговора с Май-Маевским Шкуро дал задание

Медвянову, а Кузьменко взял с собой в штаб и отправился к станции Моспино. По дороге напомнил, что надо ехать к махновцам — на их фронте тяжелая для Май-Маевского обстановка, однако известно, что между Махно и командующим Красной Украинской армией Антоновым-Овсеенко⁵⁹ то и дело возникают конфликты. Надо их совсем рассорить.

— Ехать не придется, Андрей Григорыч.

— Чего так?

— Тот человек объявился здесь, в Иловайской. Гринчук. Ждет меня в хате.

— Я с ним не стану говорить. Поручаю тебе. Разберись, что надо сделать, чтобы оторвать Махно от красных. А сейчас давай посмотрим, как Топорков дивизию из эшелонов высаживает.

Вереница светящихся на солнце кирпично-красных теплушек медленно останавливалась, не доезжая до станции. Еще и еще несколько метров протягивал паровоз вагоны по указанию офицеров, сопровождавших машиниста.

— Правильно место выбирают, — сказал Шкуро, чтобы скат насыпи не очень крутой и чтобы гладкий. В четырнадцатом году я так в Галиции выгружался.

Раздвинулись двери теплушек, показались лошадиные головы, сверкнули стремяна, бляшки на уздечках, ржание заглушило звуки близкой перестрелки. Шкуро со свитой стоял почти посреди эшелона, шагах в ста от насыпи. Посмотрел на своих офицеров, спросил:

— Есть такие, что первый раз видят? Смотрите в оба.

Зрелище поражало новичков. Казаки выпихивали оседланных лошадей из теплушки прямо под откос. Те с пугливым ржаньем катились, вскакивали, отряхивались подобно собакам, их быстро хватили за уздечки хозяева, и... можно в бой.

— И с лошадьми никогда ничего не случается, — объяснял Шкуро офицерам.

Дивизия немедленно атаковала фланг красных. С фронта поднялся в наступление Корниловский офи-

церский полк — черно-красные фуражки покрыли цветовую степь. Оркестр играл марш.

— Коля, скачи к «волкам»! — крикнул Шкуро. — Пусть атакуют. Там есть что взять. Потом — о чем говорили...

Еще одна победа. Полторы тысячи пленных, несколько орудий, пулеметы, документы, в том числе секретные. Вечером, когда в вагонах Шкуро готовилось ночное пиршество, генерал Май-Маевский по прямому проводу докладывал Деникину об одержанной победе:

— Этим успехом мы обязаны действиям корпуса Шкуро. Я только что говорил с ним. Его необходимо немедленно, по телеграфу произвести в генерал-лейтенанты. Так будет восстановлена справедливость. Его же представляли вместе с Покровским. Я убежден, Антон Иванович, что это надо сделать.

— «В ближайшие дни, — побежала лента, — к вам направляются английские танки с инструкторами и новое офицерское обмундирование. Относительно Шкуро, я сейчас же отдам распоряжение произвести его в генерал-лейтенанты. Это распоряжение будет передано по телеграфу. Желаю вам полного успеха. Деникин».

Вечером в поезде Шкуро гремели оркестры и пели шансонетки:

У нас теперь одно желанье —
Скорей добраться до Москвы,
Увидеть день коронаванья,
Спеть у Кремля — Аллаверды!..

Шкуро с погонями генерал-лейтенанта на мундире сидел рядом с Май-Маевским, утопая в диванных подушках. Гость был не в духе.

— Придут танки — я дам тебе своих «волков» для их охраны, — сказал Шкуро приятное ему. — С ними до Москвы быстро дойдем.

— Аграрный вопрос надо решить, Андрюша, — озабоченно сказал Май-Маевский. — Ты порол сегодня пленных?

— Всех же не расстреляешь? А пороть я люблю. Сам бы каждому всыпал по двадцать пять горячих — двух рук маловато. Казаки стараются. В ключья рвут.

— Выпорешь и отпускаешь. Они приходят в свои деревни, а там — тот же помещик их ждет и требует налоги, недоимки, штраф за разгром имения. И что же? Они идут к красным.

— Те тоже у них все забирают.

— Уже забирать нечего. А кто их порол, они помнят. И лошадей у мужиков твои «волки» отбирают. Я говорил Деникину, что нужен закон и порядок, но он не хочет этим заниматься. Он ничем не хочет заниматься.

— С ребеночком нянчится.

— Говорю — аграрная реформа нужна, а он на Особое совещание все перекладывает. Говорю: наступать надо, пока Колчака большевики не извели, а он: пусть, мол, они его осадят, а Москву мы сами возьмем.

Шкуро не любил такие разговоры.

— Эй, музыка, стой! — крикнул он. — Хватит куплетиков! Давай мою!

Певцы-казаки знали, что надо петь:

Я с полками своими
Разорю сто городов!
Лейся, лейся, белое вино,
Ты на радость нам дано!..

В двери вагона показался Кузьменко. Увидев происходящее, хотел уйти, но генерал сделал ему знак. Хорунжий пробрался к нему.

— Есть дело? Тогда выйдем. Ты отдыхай, отец, а я займусь. Вышли наружу, но ночной тишины здесь не было: в вагонах и на станции пьяный гул — казаки празднуют третью звездочку командира. У генеральского вагона — трезвый конвой. Шкуро взгляделся в лица, узнал каждого.

— Здорово, земляк. Залечил рану? Еще повоюем. Колкин, почему у нас Климов до сих пор в подхорунжих? Добрый казак. И земляк мой. Пиши представление. А это кто?

— От общественности, ваше превосходительство. Ждут вас.

В свете фонаря стояли трое. Главный из них — высокий бородач в шляпе. В руках — какие-то предметы. Шкуро не любил высоких.

— С чем пришли? — спросил он сердито. — Жаловаться?

— Что вы, ваше превосходительство, — извинительно сказал высокий. — Мы поздравляем вас с чином генерал-лейтенанта и просим вас принять наш подарок.

В руках говорившего объявился поблескивавший поднос, на нем — перевязанные лентами пачки денег.

— Сколько здесь? — спросил Шкуро.

— Эти вот... э-э... императорские, — замешкался даритель, не ожидавший такого приема. — Две тысячи, и еще... А это в керенках, а это наши донские...

— Эй, Климов, подойди, — приказал Шкуро, сгребая деньги. — На тебе, сходишь к б.... Что это вы позоритесь, общественность? Преподнесли мне какие-то несчастные гроши. Я вам обеспечиваю покой, защищаю от красных бандитов, казаки за вас кровь проливают, а вы боитесь раскошелиться. Разве столько требуется мне денег? Идите и думайте.

Шкуро с Кузьменко отошли подальше от вагонов, от шума и фонарей. Их сопровождали конвойные.

— Дистанция десять шагов, — скомандовал им генерал. — У нас разговор.

— Может, на завтра отложим, Андрей Григорьевич?

— Ты что? Думаешь, я захмелел? Да я хоть к Деникину на доклад сейчас. И еще получше его обстановку разберу.

Иногда Шкуро даже сам удивлялся тому, что водка не мешает ему думать, успокаивается, как прежде, радость разливается в груди, а в голове чисто.

— Рассказал мне, значит, Гринчук, что дела у батьки плохи. То, что под Мариуполем мы его растрепали, это ладно: мужиков соберет, оружие есть. С красными у него не складывается: одни за него, другие против. А тут еще Григорьев⁶⁰ против советской власти пошел...

О мятеже Григорьева Шкуро знал: красный командир получил приказ вести свой отряд через Румынию в Венгрию, где будто бы тоже произошла большевистская революция. Григорьев отказался, объявил свою программу: «Украина для украинцев, без коммунистов». Около двадцати тысяч его бойцов захватили Екатеринослав, Кременчуг, другие города. Теперь Махно приказывают идти против Григорьева, а тот самого батьку приглашает в союзники. Вот и прислал Махно человека. Хочет письмо от Шкуро. Такое, чтобы своим людям прочитать. Тогда, мол, будет и решать, в какую сторону ему смотреть.

— Напишу, — сказал Шкуро. — А чтобы понятнее было, с полками в Гуляйполе прогуляемся.

— И еще, Андрей Григорьич, этот Гринчук не хочет обратно к батьке. Просит, чтобы на Кубань помогли добраться. С батькой, говорит, опасно стало: напьется и без причины на тебя с маузером.

— Отправляй!

— И самое, что ни на есть самое. Я вроде как родственник батьке.

— Дочку сосватал?

— У батьки Махно жена — Кузьменко Галина Андреевна. Чужая, конечно, не из наших краев, но... Кузьменко... Андреевна...

II

Махно после нескольких поражений сумел собрать в Гуляйполе отряд необстрелянных мужиков — тысячи две — и погнал их по степи на восток, на холмы, где, как он предполагал, укреплялись деникинцы. Мужики с винтовками рассыпались в цепь и послушно шли вперед. За наступавшими сам батька ехал на автомобиле по дороге. С ним охрана, вооруженная пулеметами «Льюис». Охранников так и звали «льюисами». Навстречу автомобилю из кустарника вышел с поднятыми руками солдат в английско-деникинской форме. Разобрались, выяснили, что он привез письмо батьке. Махно распечатал конверт и крикнул ординарцу:

— Собирай полк! Тех, которые поближе. Буду читать.

Он любил говорить речи, зачитывать политические документы.

— Товарищи революционные бойцы! Генерал Шкуро прислал мне письмо. Слушайте!

«Будучи, как и вы, простым русским человеком, быстро выдвинувшимся из неизвестности, я, генерал Шкуро, всегда с восторгом следил за вашим быстрым возвышением, рекомендуя вас, как незаурядного русского самородка. Но, к сожалению, вы пошли по ложному пути, будучи вовлечены в компанию с советским движением, губящим Россию во славу какого-то несбыточного интернационализма. Это всегда страшно огорчало меня. Но вот на этих днях я с радостью узнал, что вы одумались и вместе с доблестным атаманом Григорьевым объявили лозунг: бей жидов, коммунистов, комиссаров, чрезвычайки! Да иначе и не могло быть: как талантливый русский человек, вы должны были рано или поздно понять свою ошибку. Я нахожу, что с принятием вами этих лозунгов нам не из-за чего будет воевать. Если вы признаете тоже, что наши политические платформы близко сходятся, то вы должны признать, что нам воевать действительно не из-за чего. Я предлагаю вам войти в переговоры, гарантирую вас и ваших уполномоченных от всяких репрессий. Мое имя достаточно известно, и вы можете мне верить. Генерал-лейтенант Шкуро».

Махно потрясал письмом и кричал:

— Поскольку в наше революционное время генералы меня боятся, то я их не боюсь. Я им дам! Буржуи ни перед чем не останавливаются, и меня, старого революционера, бывшего каторжника⁶¹, хотят произвестить в генералы! Да я их!..

Его речь закончилась разрывами снарядов, прицельно упавших в толпу. Крики ужаса, окровавленные куски в тучах вздыбленной земли.

Махно бросился к автомобилю. Мешала шапка, которую он всегда брал с собой вместе с маузером. Шофер

панически кричал: «Камеру осколком пробил!» И вдруг из-за холма начало выползать железное чудовище. Его рычание включалось в общий шум обстрела. Вскоре блеснули чешуей гусеницы, и танк тяжело перевалялся через гребень. Наступавшие махновцы дружно побежали назад. Некоторые бросали винтовки.

Второй танк появился с другой стороны дороги, а на нее сдерживаемым шагом выехали кавалеристы в волчьих папахах. Башлыки с развевающимися волчьими хвостами. Впереди — знамя: стеганая волчья шкура, в центре — серебряная голова волка с разинутой пастью.

— Пулеметы! — кричал Махно. — Скорее пулеметы! Когда конвой наладил два «Льюиса», и их четкие очереди заглушили крики раненых и запаниковавших отступавших, кавалеристы скрылись за холмами, а танки открыли огонь. До них было меньше версты, когда шофер наконец закончил возиться с колесом. Автомобиль рванулся в сторону тыла, за ним галопом — конвой.

— Где же ихняя конница? — оглядываясь, недоуменно спросил ординарца Махно. — И танки сворачивают.

— На наших конных пошли, на Светодухов. Вроде бы уже слышать, как бьются.

Но там не бились, а били. Шкуро со свитой стоял на высоте рядом с волчьим знаменем и наблюдал в бинокль, как его казаки гонялись за конными махновцами и беспощадно их рубили. Обезумевшие лошади без всадников металась по полю.

— Славно рубят, — сказал Шкуро. — В капусту! Федька! Срочно раздобудь киноаппарат и хорошего механика. Чтобы следующий бой сняли. И когда вешать будем. А батько, видно, думать поехал, как на мое письмо ответить.

III

В здании бывшего Александровского военного училища разместился Реввоенсовет республики: чинный порядок, охрана, тишина, прохлада в вестибюле. На стене большой плакат «Пролетарий на коня!» Стахеева сю-

да вызвал сам Троцкий, прочитав его статью «Казачья контрреволюция».

У кабинета кроме охраны никого, однако пришлось ждать: у председателя серьезный посетитель.

Перед Троцким сидел светловолосый голубоглазый красавец со сжатыми губами и опасно прячущимся взглядом. На руках его новой шерстяной гимнастерки — красная звезда и три ромба.

На письменном столе — газеты, документы, топографические карты. За столиком сбоку — верный помощник председателя Склянский.

— Итак махновщину мы ликвидируем, — говорил Троцкий, строго взглядыаясь в собеседника. — Вы согласны, Климент Ефремович?

— Конечно, товарищ Предреввоенсовета, — с горячностью поддержал ликвидацию Ворошилов. — Я и раньше предлагал разгромить эту банду. Но его Антонов-Овсенко поддерживал.

— А что за разговоры о том, будто вы наградили Махно орденом Красного Знамени?

— Клевета! Ложь! — Ворошилов даже покраснел.

— Я тоже так думаю, — согласился Троцкий.

— Наверное, сам Махно распространил эту сплетню, — сказал Склянский.

— Возможно. А кто дал вот это сообщение в «Правде»? — Троцкий развернул газету. — «В связи с добровольным уходом тов. Махно с должности командующего армией, командование армией Махно принял тов. Ворошилов».

— Это глупая ошибка, Лев Давыдович, — сказал Склянский. — Мы же подготовили приказ о формировании новой Четырнадцатой армии и о назначении командармом товарища Ворошилова. Так я и сообщил в Бюро печати.

— Корреспонденты-путаники, — сказал Троцкий. — Есть и грамотные. Одного я пригласил сегодня. А мою статью направили в газету, Эфраим Маркович?

— В газету «В пути», Лев Давыдович.

— У Махно и армии-то никакой не было. — Вороши-

лов все еще переживал ошибочное сообщение. — Его Шкуро разгромил и самое гнездо — Гуляйполе разграбил, мы свои отряды формируем, а они...

— По вопросу Махно я выступал со статьей, — перебил Ворошилова Предреввоенсовета. — Главная мысль: с этим анархо-кулацким развратом пора кончать. — Кончать твердо, раз и навсегда. Так, чтобы никому больше повадно не было.

— Совершенно правильно, товарищ Предреввоенсовета, — с той же горячностью воскликнул Ворошилов.

— Теперь о вашей Четырнадцатой армии, которая пока существует только на бумаге. Сразу после окончания формирования, то есть не позже чем через неделю, армия займет главнейший участок Южного фронта — Донбасс—Харьков. Основная сила деникинцев — кавалерия, и на вашу армию обрушатся массы казачьей конницы.

— Они увеличивают свою кавалерию, Лев Давыдович, — сказал Склянский. — У Шкуро уже корпус.

— Да, — продолжал Троцкий. — Вы, товарищ Ворошилов, должны нацелить бойцов и командиров на борьбу с конницей белых. И создавать свою красную кавалерию.

— В каждом полку будет эскадрон, — пообещал Ворошилов.

— У них корпуса, а у нас эскадроны, — с горечью констатировал Предреввоенсовета.

— Есть же у нас и дивизии, — возразил Ворошилов. — Под Царицыном сводная дивизия Буденного совершила рейд по тылам...

— Я знал о ваших... действиях под Царицыном, — холодно сказал Троцкий. — Итак, товарищ Ворошилов, мы все с вами решили. Эфраим Маркович оформляет приказ о вашем назначении. Выезжайте в Харьков и принимайте командование армией. Желаю боевых успехов.

— Побьем беляков, как под Царицыном.

Троцкий со скептической усмешкой смотрел вслед новому командарму. Сказал Склянскому:

— Помните их подвиги в Царицыне? Пьянствовали и безобразничали со Сталиным. Этот командарм разъезжал в экипаже по городу со своей супругой, наряженной в каракулеву шубу. Командарм с двухклассным образованием. Не знаю, можно ли ему полк доверить. Или только взвод? И Буденный такой же. А по сознанию — почти махновцы.

— Может быть, подождем с приказом, Лев Давыдович?

— Нет. Сталин убедил Владимира Ильича.

— Не убедят ли его Деникин и Шкуро в том, что он ошибся? Как вы считаете, Лев Давыдович?

— Боюсь, что так и случится. Во время войны ошибки стоят очень дорого. Вы в канцелярию? В приемной ждет журналист — пусть входит.

Стахеев не ожидал, что его статья заинтересует самого Предреввоенсовета. Сочинял рассказы, мучался ночами, переписывал по нескольку раз, и никто их не хотел печатать, а написанное в один присест за какие-нибудь полтора часа вдруг замечено на высшем уровне. Наверное, потому что писал свое, пережитое, вымученное — ведь это казачья контрреволюция разлучила его с женой и ребенком. Но как ни стыдно признаться, а холостое положение дает покой и освобождает от забот. И хорошо, что роды происходили без него...

Троцкий поднялся навстречу, пожал руку и немедленно начал о деле:

— Ваша статья своевременно и точно указывает на опаснейшего врага республики — на казачество, оставшееся в своем большинстве контрреволюционным...

Говорил Троцкий о застарелой ненависти казаков к иногородним, к инородцам, о том, что казачья кавалерия — главная сила Деникина, что партия сейчас взяла курс на создание красной кавалерии, что здесь много трудностей... Закончил неожиданно:

— Вы умеете обобщать увиденное и делать выводы из фактов, из встреч с различными людьми. В ближайшее время я выезжаю на Южный фронт и приглашаю вас в свой поезд. Во время поездки вы накопите огром-

ный злободневный материал для новых статей, полезных партии.

Робкие фразы Михаила Петровича о семейных делах были легко опровергнуты:

— Я как раз планирую автомобильную поездку в Богучар — один из центров борьбы против казачьего мятежа. Мои люди помогут вам перевезти семью в Москву. К сожалению, в моем поезде это невозможно: поезд Троцкого — это воинская часть.

Он слегка улыбнулся. После чего, взглянув на часы, высказал несколько мыслей о литературе:

— Формалисты преувеличивают значение работы над словом. Для нас, коммунистов, вначале всегда дело. Слово — лишь звуковая тень дела. А кого из современных наших поэтов вы цените, товарищ Стахеев?

— По-моему, Есенин, — робко сказал Михаил Петрович.

— Согласен с вами. Прекрасный поэт. Свежий, настоящий. Он интимен, нежен, лиричен, а время наше — революция. Вот и приходится ему прикрываться полунаносной грубостью.

Из кабинета Троцкого Стахеев вышел исполненный уверенности в обязательной перемене к лучшему его жизни. И вообще к лучшему во всей Советской республике. В вестибюле кто-то сзади сильно ударил его по плечу. Оглянулся — Степан Буйков. Полуказак, грубиян — разве можно так сильно бить в шутку?

— А я здесь на кавалерийских курсах, — объяснил Буйков. — Пролетарий на коня. Это о моих делах. Батя писал мне о тебе и о Елене Аркадьевне. Поздравляю с сыном. Им там хорошо.

— Казаки рядом. Того и гляди Богучар возьмут.

— Разгромим их вдребезги. Сейчас туда направляются свежие части. А меня вызывали на беседу. Новое назначение предлагают — в кавалерийскую дивизию, в Царицын.

Искренне восхитился успехом Михаила Петровича, разговаривавшего с самим Троцким и приглашенного в поездку.

— Это тебе, Петрович, повезло. Поезд Троцкого — это наш самый главный штаб.

— Лев Давыдович — настоящий вождь! Наша революция приводит к власти самых достойных, самых талантливых. Таких, как Троцкий.

— Да-а, — не очень убежденно согласился Буйков. — Конечно, он умный человек. Но, знаешь... Такой... От него пощады не жди. Ты, наверное, знаешь, как он расстреливал каждого десятого в полку, бросившего позиции?

— Децимации?

— Чего, чего?

— Децимация. Так в Древнем Риме называли казнь, когда убивали каждого десятого legionera.

IV

В Екатеринодаре жаркое солнце, толпы на Соборной площади, офицерские и казачьи шеренги: молебствие и парад. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России с трибуны зачитал свой приказ № 14 от 12 июня 1919 года:

«Безмерными подвигами Добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден Юг России и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.»

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающих перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя выше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий.

Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасение России».

После него вышел вперед генерал Романовский, тучный, большеголовый, мучающийся от неимоверной жары. Он прочитал телеграмму:

«С чувством глубокого волнения приветствую ваше патриотическое решение, продиктованное вам истинной государственной мудростью. Вы в пору государственного распада и морального разложения великого народа один из первых в ряду славных выступили под стягом Единой России. Ныне вашим решением вы подаете пример солдата и гражданина, превыше всего ставящего благо Родины и будущее ее исторических судеб. В великом подвиге служения вашего России да поможет вам Бог. Верховный правитель адмирал Колчак».

Шкуро стоял на трибуне неподалеку, чуть в стороне от других — всегда старался отделиться от скопления людей, чтобы не так заметен был его малый рост. Теперь бы, конечно, можно не смущаться — генерал стал велик своими делами, но привычка осталась.

Конечно, велик — прошли парадным маршем офицеры, рысью проскакали казачьи сотни, парад закончился, опустела трибуна, Шкуро уходил одним из последних, и его ожидала толпа. Дружно кричали: «Слава генералу Шкуро! Слава победителю красных бандитов!»

Он остановился, приветствуя поднятой рукой и улыбкой, стараясь улыбаться по-генеральски. Знал, что это у него плохо получается — Тасинька постоянно одергивала и ворчала: «Улыбаешься, как будто виноват или милостыню просишь». Пробовал перед зеркалом улыбку поправить — черт его знает, как надо улыбаться. Кричать по-генеральски он умел:

— Спасибо, кубанцы! Наши доблестные казаки разгромят всех врагов Единой России и первыми войдут в Москву!

— С Богом! — неистовствовала толпа. — На Москву! На Москву!

После парада — торжественный обед в Атаманском дворце. Шкуро пил на редкость мало и сидел озабочен-

ный. Рядом — Шифнер-Маркевич, уже не начальник штаба, а командир дивизии в его корпусе. Вокруг громкие разговоры о государственной мудрости Антона Ивановича, признавшего верховенство Колчака, о будущих успехах на фронте, а вполголоса — о неудачах колчаковцев, о переброске красных войск с его фронта на Южный, о том, что спектакль о признании «Верховного правителя» поставлен в угоду Ллойд-Джордж⁶², который никак не может решить, поддерживать ли ему белую армию или признать Ленинскую Совдепию.

— Даже здесь приходится задумываться, Андрей Григорьевич? — сочувственно спросил Шифнер. — Вот и я все пытаюсь представить наше движение к Москве. Ведь наш корпус — ударная сила армии.

— Вот у кого ударная сила — у Александра Павловича. — Шкуро через стол приветствовал Кутепова. — Не забывай, Саша, кто тебе протезировал. Если б не я — не видать тебе корпуса.

— Согласен. — Кутепов даже руки вверх поднял. — Сдаваться могу только тебе, Андрей Григорьевич. Впереди у меня Харьков.

— Мы с Антоном Михайловичем дальше смотрим — о Москве думаем.

На самом деле Шкуро думал не о Москве, а о графине Воронцовой-Дашковой, после смерти мужа поселившейся в его доме на правах лучшей подруги Тасеньки, готовящей ее к выходу в большой свет в Москве и Петербурге. Кое-что придумал, с нетерпением ждал окончания этого обеда. Вышел из-за стола абсолютно трезвый — задуманное требовало сосредоточенности.

У выхода столкнулся с Врангелем, тоже чем-то озабоченным. После болезни не отоцал, а округлился, загорел, помолодел, даже как будто стал еще выше. От тифа только солдаты умирают, а генералы отдыхают в Кисловодске. Барон почему-то очень приветливо поговорил о делах на фронте, сказал, что немедленно едет туда:

— Надо брать Царицын. Оттуда начну наступление на Москву. А вы когда едете в свой корпус?

Ответа Шкуро Врангель не услышал: через толпу у дверей к нему протиснулся офицер. Шкуро узнал этого неприятного человека — капитан Гензель. Какие-то важные дела у немцев — отошли в сторону и переговаривались о чем-то серьезном, скорее всего неприятном.

— Есть что-нибудь из Москвы? — спросил Врангель.

— Через перебежчика на словах, Петр Николаевич.

— Говорите же — что там? Удалось.

— К сожалению, пока не удалось. Группу латышей, переправлявших в Ригу, схватили чекисты. Теперь связались с финнами. Это более надежные люди.

— А ваша жена где сейчас?

— Она пока в Москве, но периодически выезжает в Петербург. Готовит переход в Финляндию. Сейчас она сумела обеспечить полную безопасность баронессе. Она живет под другой фамилией с настоящими документами. Ей передаются продукты. Тщательно соблюдается конспирация...

В этот приезд в Екатеринодар Шкуро не узнал своего дома, своих комнат, преобразованных по советам графини Воронцовой-Дашковой. Словно попал в какой-нибудь петербургский дворец на Невском: мебель в стиле ампир, лакей в нитяных перчатках, серебряные и фарфоровые сервизы, вина подаются по французским правилам: какие к мясу, какие к рыбе, какие к овощам... Конечно, графиня Ниночка всему этому научила, но, главное, откуда что взялось. Рейд восьмеркой по северному Донбассу: склады, банки, магазины... А с Ниночкой надо рассчитаться, отблагодарить ее, и он, кажется, придумал, как это сделать.

Домой Шкуро ехал в автомобиле с адъютантами. Спросил Медвянова:

— Тебя, Федя, моя хозяйка вроде не знает?

— Нет. Вы меня в дом не приглашали.

— Еще приглашу. А сегодня вечером попозже сам приедешь по специальному заданию.

Жена ожидала генерала, рассматривая в зеркало свое отражение в новом платье, сшитом по парижской

моды. Шкуро сказал ей с недовольством, соответствующим обстоятельствам:

— Неприятности, Тасенька, на фронте, и я должен безотлучно находиться в своем поезде. Почевать придет-ся там. Может быть, и в корпус прикажут выехать. Врангель сейчас поехал.

Татьяна Сергеевна отнеслась к сказанному с пониманием, а генерал поднялся наверх и без стука вошел в комнату графини. Она кокетливо возмутилась:

— А вдруг я не одета? Как вы так можете?

— Это было бы хорошо. Но я тебя сегодня еще разде-ну, графинчик. Только попозже и не здесь.

— Ой, ну как вы можете? Ведь, Таня...

— Таня ничего никогда не узнает. Я ночью в поезде, а тебя привезет ко мне мой адъютант Федька. Сначала позвонит по телефону и скажет, что тебя приглашают к жене Врангеля. Татьяна с ней незнакома. А в залог дай-ка, графинчик, я тебя потрогаю, поласкаю... Я осторожно, не разобью...

V

Поезд Троцкого — 15 вагонов, 2 паровоза. Главный вагон особенный — длиннее других и не зеленый, а ярко синий. Часть вагонов бронирована. В ярко-синем — сам Предреввоенсовета. В остальных: вагон-ресторан и секретариат, кухня, особый военный отряд, электростанция, типография, телеграф и радиостанция, гараж легковых и грузовых автомобилей, баня, кинотеатр.

Стахееву отвели место в одном из вагонов особого отряда, в купе на двоих. Его сосед — один из командиров отряда с тремя кубиками на рукаве гимнастерки. Высокий серьезный, неулыбчивый, но и не молчаливый. С видимым удовольствием рассказывал попутчик о поездках и вообще о службе под командованием Троцкого.

Из Москвы выезжали под вечер. Летний величественно оранжевый закат раскинулся в полнеба и заливал купе жарким светом. Воронежский с хозяйской гордостью рассказывал о том, что радиостанция поезда держит

связь с 13-ю станциями мира — с Эйфелевой башней, с Лионом, с Лондоном... Во время поездки каждое утро выходит газета поезда с новостями более свежими и полными, чем в московских газетах. По вечерам — кинематограф. Правда, почти всегда только хроника.

— О нашем поезде красноармейцы говорят: приехал Троцкий. Теперь дело пойдет. И дело всегда идет, — вспоминал Воронежский все новые и новые достоинства поезда Предреввоенсовета. — Наш отряд участвовал во многих боях. А как нас встречают! Как слушают Льва Давыдовича!..

Стахееву очень хотелось задать вопросик этому товарищу, но долго не решался. Рассказал и о своих достижениях в журналистике, о семейных сложностях, о том, что Троцкий обещал помочь. Этому Воронежский удивился: Предреввоенсовета обычно избегает заниматься личными делами, как своими, так и чужими. Вскоре и Стахеев это понял. Однако пока знаменитый поезд мчался на юг, он был исполнен надеждами.

Такого ужина, какой подали вечером в вагоне-ресторане, Михаил Петрович не устаивался с тех пор, как покинул Кавказ. Попозже, когда поезд тонул в тревожной тьме с редкими слабыми огоньками, Воронежский провел его в вагон-клуб, на киносеанс. Показывали кинохронику. Героем почти всех сюжетов был Троцкий: его борода, пенсне и резкие четкие движения на трибунах партсъезда, митингов, конференций, на парадах и на прочих общественно-политических мероприятиях. Вот на экране и сам поезд, а рядом, у подножки вагона, сам Предреввоенсовета. Он вручает орден стоящему рядом усатому командиру в папахе, с пашкой на боку.

— Это Чапаев, — объяснил Воронежский. — Начальник Двадцать пятой дивизии. Очень храбрый, и дивизия его хорошо действует, но совершенно необразованный. И даже к учебе не способен — послали в академию — пришлось отчислить. А там, где невежество, там и анархия, и безнравственность. В прошлом году Чапаев застрелил комиссара своей дивизии. Потом назначили Фурманова. Тот приехал с женой. Жена-красавица. Чапаев

в нее влюбился, и... началось там всякое. Трудно прививается к людям революционная мораль.

После кино, укладываясь спать, поговорили с соседом о морали и нравственности, и Стахеев наконец решился спросить:

— Рассказывают, что на Восточном фронте Троцкий какой-то полк подверг децимации, то есть...

— Я знаю, что такое децимации. Спокойной ночи. Завтра у нас трудный рабочий день.

Так и не ответил, но не забыл. Сам напомнил уже на обратном пути, когда для Стахеева все стало гораздо сложнее и тяжелее, чем в начале поездки.

В Харькове после большого митинга Троцкий, направляясь к своему автомобилю, заметил Михаила Петровича, сам подошел к нему, спросил:

— Как идет работа?

— Пишется хорошо, Лев Давыдович, и сейчас я записал интересные наблюдения.

— Сегодня вечером покажите мне готовую статью.

— Простите, Лев Давыдович, я хотел отсюда уехать в Богучар. Поезд идет через Лиски, а там...

— Вечером покажете статью, — сказал Троцкий и направился к автомобилю, но, сделав несколько шагов, он остановился и вновь обратился к Стахееву: — Наша поездка, наша работа на местах имеет огромное значение для победы в гражданской войне. Главный участок работы — Екатеринослав.

Поезд прибыл в Екатеринослав в начале жаркого дня. Первыми на перрон вышли бойцы особого отряда под командованием Воронежского.

В черных кожаных костюмах со сверкающими металлическими значками на груди. За ними оркестр. Под звуки марша на перроне появился Троцкий с конвоєм. Толпа встречавших восторженно шумела. Оркестр заиграл «Интернационал». Когда рядом с тобой тысячи людей поют «Это есть наш последний и решительный бой...», искренне веришь в необходимость и великую значимость происходящего, в необходимость выиграть этот бой. Отдать все свои силы ради победы. И Стахеев

с особенным энтузиазмом работал карандашом, заполняя убористым почерком страницы драгоценного журналистского блокнота. Разумеется, прошел Стахеев и в городской Большой театр, где выступал с докладом Троцкий, и каким-то образом интуитивно догадался, что садиться надо не в партер, а на балкон, в уголок возле двери: Предреввоенсовета говорил... четыре часа. В таком большом докладе фактически не нашлось ни одной фразы, заслуживающей блокнота. Разве что «Екатеринослав — это красная крепость». Все остальное было сказано в прежних выступлениях Троцкого. Тем не менее рабочие, заполнившие театр, восторженно кричали, аплодировали и в конце пели «Интернационал».

Михаил Петрович выдержал часа полтора, затем выbralся наружу. Театр был оцеплен бойцами в черных кожаных костюмах с маузерами на поясах. Вдоль оцепления прохаживались командиры. Среди них и Воронежский. Стахеев видел, что он занят нервным разговором с какой-то назойливой брюнеткой, пытавшейся пройти в театр, и не стал ему мешать — прошел неподалеку. До него доносились отдельные слова: «Но я должна его увидеть... Лев Давыдович приказал сразу в поезд... Но я же...»

После долгого своего доклада Троцкий действительно сразу помчался на вокзал, и поезд немедленно отправился. Воронежский пришел в купе усталый, но довольный: за время пребывания Предреввоенсовета в Екатеринославе особый отряд твердо держал революционный порядок.

— А что это за женщина рвалась в театр?

— Женщина?... А-а... Это вам полезно знать, Михаил Петрович. Родная сестра Льва Давыдовича. Не виделись почти два года. Но у него завтра совещание с командованием Южного фронта в Харькове. Вот так мы работаем. Мы совершили революцию, теперь надо ее защищать. Кстати, вы меня спросили тогда о децимациях. Я не хотел поднимать эту тему — думал, что вы меня не поймете. Теперь, наверное, поймете. В Пятой армии в Петроградском полку зимой по случаю оставления по-

ний во время боя по приговору трибунала расстреливался каждый десятый. И я участвовал. Да. И расстреливался. Нас всех Лев Давыдович научил, как надо к этому относиться. Мы выполняем тяжелую работу во имя защиты революции. И только так оценивать подобные акции. Как-то при мне один бывший генерал допытывался у Троцкого о расстреле царской семьи. Лев Давыдович сказал ему, что знал об этом и поддерживал, а когда операция осуществили, он о ней больше не вспоминал и не интересовался никакими подробностями. И я никогда не вспоминаю об этих децимациях. Я не убивал, работал, защищая революцию.

Воронецкий был твердокаменным коммунистом, учеником Троцкого. Его жена служила где-то под Питером, и он, конечно, не позволял себе просить начальство, чтобы ее перевели в Москву. Правда, в поезд ее бы не взяли — женщинам здесь не место. Незачем об этом думать журналисту Стахееву — у самого жена с ребенком вдалеке, у чужих людей. Оставалось надеяться, что это скоро кончится.

Из Екатеринослава прибыли в Харьков, где стояли несколько часов, пока Троцкий совещался с Гиттисом, Ворошиловым, Якиром и другими командирами Южного фронта. Вернулся Предреввоенсовета не в духе. Это обычно выражалось в молчании и в коротких резких распоряжениях. «Теперь он приказал: «Выезжаем немедленно... Секретаря-шифровальщика ко мне...» Воронежский, наверное, что-то узнал в секретариате и рассказывал Стахееву:

— Считает, что Харьков сдадут. Да и Екатеринослав. Не надеется на командарма Ворошилова. Надежда на кавалерию. Создается конный корпус.

Ночью — Курск, утром — Воронеж, затем знакомая станция Кантемировка. Здесь открылись вагоны-гаражи, и по трапам выкатились четыре легковых и два грузовых автомобиля, предназначенных для поездки в Богучар. Троцкий отлично помнил не только о делах партийных и военных. Покидая поезд, спросил, готов ли Стахеев, и приказал устроить его в одном

из первых автомобилей, предусмотрев место для жены и ребенка.

Летом, конечно, все было вокруг другим: зелень, свежие яблоки у торговки на станции, но здесь не Ставрополь и не Пятигорск, погода пасмурная, временами мелкий дождик, небо в дымных облаках. Степь тревожно молчит.

Въехали в Богучар. Вот и здание школы-гимназии. Михаил Петрович нервно закусил губы и опустил голову, уставившись на свои плохо почищенные сапоги. Ничего не хотел видеть, ничего не хотел помнить. Машины остановились на площади у Совета. Все местное начальство ожидало на улице. Дождя здесь не было, но лужи и грязь не просохли. Представители власти в гимнастерках, сапогах, фуражках с уважением и любопытством вглядывались в едва ли не самого главного человека Советской России. Троцкий вышел из автомобиля, приказал довести Стахеева до его дома и обратно, и не задерживаться более чем на полчаса, затем подошел к встречающим и каждому пожал руку.

К дому Буйковых подъехать не удалось — огромная лужа на всю улицу. Стахеев добирался по узкой вязкой тропинке вдоль заборов. Шагов за сто увидел знакомый дом с облупившейся побелкой на стенах. Сердце налилось тяжестью и потянуло к земле, и вздохнуть было невозможно. Все окна дома заколочены досками. Медленно двинулся к калитке, издали увидел огромный замок. Подошел, остановился, беспомощно оглядываясь. Пусто и тишина. В соседнем дворе калитка открыта. Вошел, поднялся на крыльцо, долго стучал. Наконец загремели засовы, показалась женская голова в платке. Боясь узнать что-нибудь страшное, Стахеев тихо спросил ее о соседях.

— Буйковы-то? Дубы? Мы их дубы зовем — такое, знаешь, у нас уличное дело — каждому прозвище. Вот мы — Рыбаки. А почему так, я и не знаю. А ты кто будешь?

— Я... был у них зимой. От их сына, от Степана я. Он в Москве у меня был. И еще женщина у них с ребенком.

— У дубов-то? Да. Была у них молодуха.

— Где же она?

— Да с ними и поехала. Лошадей на том краю наемали до Кантемировки. Сказывали — в Воронеж. А там кто-то знает. Когда же это? Да. Три дни прошло. Как-то тады было наступали, дак наши их побили. А дубы от испужались и побегли. И молодуха с ребеночком.

Стахеев вернулся на площадь значительно раньше, чем через полчаса. Бродил в задумчивости, не замечая дождя. Шофера натянули на свои машины брезентовые чехлы. Грузовики наполнили мешками с мукой и картошкой.

Троцкий вышел в сопровождении охраны и быстро шагнул к своему автомобилю. Увидев одинокого Стахеева, остановился, подозвал его, спросил, что случилось. Выслушал внимательно, направляясь к автомобилю, оборачиваясь, коротко сказал:

— Что ж. Из Москвы вам проще будет выехать за семьей. Статью дайте на ремингтон и завтра утром мне на стол.

И Михаил Петрович не решился просить разрешения остаться в Воронеже.

VI

В Горловке Шкуро вызвал в свой вагон-штаб нового начальника штаба полковника Соколовского⁶³, немного словенного спокойного генштабиста, приказал выбрать в поселке лучший дом и перевести туда все штабные и вспомогательные службы, затем подготовить приказ по корпусу о боевых задачах в соответствии с директивой Ставки. Уже вскоре он наблюдал в окно, как таскают казаки на повозки документы, ремингтоны, столы, стулья, шкафы... Вызвал Кузьменко, усадил, разговаривал с ним доброжелательно — хоть и много забот, а настроение хорошее.

— Коля, скажи им, чтобы выносили самое необходимое: дней через десять поезд вернется к нам.

— А куда вы его отправляете, Андрей Григорьич?

— Тасенька переезжает в Кисловодск на отдых. Берет с собой мебель и всякое хозяйство. Там теперь высший свет во главе с вдовствующей императрицей. С Тасинькой ее верная подруга, графиня Воронцова-Дашкова. Сокращенно: графинчик Ниночка. И подмигнул адъютанту.

— Нам бы сейчас поезд как раз, Андрей Григорьич. Я разведал хорошее дело. В Славянске — спиртовой завод. С четырнадцатого года гнал спирт и прятал на секретных складах — водку-то Николай тогда запретил. Эти склады пока не тронуты, но не сегодня завтра дознаются. Не казаки, так офицеры или солдаты.

— Славно, Коля. Поднимай «волков». — И Соколовского вызвал: — Мне так надо желтых побольше. Англичане за уголь заплатили — все в Екатеринодаре оставил. Хочу в Кисловодск поехать. Подарки нужны. И людям надо раздать. Да и ты, наверное, поиздержался. Распотрошим этот Славянск. На том пути стоят теплушки. Грузиться туда.

Соколовскому Шкуро приказал провести совещание командиров без него. Главная задача — держать фронт по линии Мелитополь—Александровск—Синельниково—Новомосковск. На Екатеринослав не лезть.

В Славянск едва успели — там уже орудовали офицеры и казаки дивизии Топоркова. Один казак утонул в цистерне со спиртом. «Волки» быстро навели порядок: оцепление, повозки, организованная погрузка. Шкуро с плетью расхаживал меж цистерн и ящиков с бутылками и успокаивал нетерпеливых:

— Успеешь нахлебаться! Брось бутылку, а то плетью отхожу и на дуван не поднимешься...

В Горловку вернулись ночью с песнями. На паровозе рядом с машинистом дежурил сумевший остаться трезвым Кузьменко. Почти все «волки» остались до утра в теплушках. Шкуро сам пришел в новое помещение штаба, пошатываясь — неужели стал слабеть. Приказал не будить, пока сам не проснется, и завалился на диван.

Проспал Шкуро до полудня, а надо бы проснуться раньше — серьезные новости. По обыкновению, он быс-

тро привел себя в порядок — почти никаких следов пьяной ночи, разве что бледность. Адъютант Агоев прошел в новый кабинет, приготовленный генералу, Шкуро одобрил и вызвал Соколовского. Тот о чрезвычайных событиях доложил спокойно, словно ничего особенного не произошло:

— Вчера корпус генерала Кутепова взял Харьков. Сегодня утром Первая дивизия под командованием генерал-майора Шифнера-Маркевича ворвалась в Екатеринослав. Красные в панике оставляют город.

— Был же приказ Деникина не переходить Днепр. Связь есть с дивизией?

— Есть связь. Я только что разговаривал. Антон Михайлович доложил, что казаки в городе, и автомобили красных еще выезжают из города.

— И не мешают друг другу? — Генерал вяло усмехнулся.

— Казакам нашего корпуса никто не может помешать, Андрей Григорьевич.

Нетрудно было представить, чем занимаются казаки в городе.

— Прикажите соединить меня с Шифнером, и пусть немедленно придет есаул Колкин.

Шифнер был у телефона — дисциплинированный командир.

— Антон Михайлович. Победителей не судят. Город окончательно взят?

— Город взят. Но...

— Что молчишь? Что произошло?

— Трепетун погиб. Случайная пуля...

— Трепетун? Мне и город не нужен — отдай Трепетуна. Как же мы без него теперь? Такой артиллерист. Помнишь, бронепоезды били?.. Лучше б ты не лез на этот проклятый Екатеринослав. Но я им устрою виселицу на площади.

— Мы освободили человек двести пленных офицеров. Их должны были расстрелять и утопить. Они находились на барже. Я помнил ваш приказ не переходить Днепр, но так сложилась обстановка. Артиллерия про-

тивника вела огонь из Потемкинского парка, а я вчера перевел конницу правее, к Новомосковскому шоссе, дал отдых на всю ночь лошадям и людям, а с утра...

Получив дивизию и генеральские погоны, Шифнер почему-то стал многословным и подолгу с удовольствием рассказывал о подвигах подчиненных и о своих мудрых решениях.

— Антон Михайлович, когда город будет полностью очищен от противника?

— Не позднее чем часа через два.

— Тогда завтра в середине дня я со своими казаками въеду в Екатеринослав. Встретите меня?

— Будет торжественная встреча, Андрей Григорьевич.

Явился Колкин, и Шкуро приказал ему:

— Самых верных «волков» — человек двадцать — немедленно отправить в Екатеринослав с паровозом. Чтобы ночью были там и поработали. Остальным приготовиться — выезжаем эшелонами с лошадьми, с оркестром, со штабом через два часа. Завтра, примерно в это время торжественно входим в город.

Такой встречи, как в Екатеринославе, Шкуро не удаивался больше никогда и помнил о ней всю оставшуюся жизнь. В обычном порядке — волжье знамя, сам генерал, штаб, оркестр, казаки. Все отдохнувшие за дорогу, улыбающиеся, в парадных летних черкесках, у многих ордена на груди, полученные еще на германской. Мост через Днепр охранялся пластунами, а едва въехали в город, как навстречу кинулась толпа с цветами. Многие стояли на коленях, пели «Христос воскрес», плакали и благословляли казаков. Лошади мотали головами — их засыпали букетами. В нескольких местах, на площадях служили молебны. В церквях звонили колокола.

Генерал был не только потрясен, но и удивлен. В приготовленном для него особняке на Садовой он приказал пригласить на торжественный ужин, назначенный на вечер среди прочих представителей городской общественности и «каких-нибудь профессоров». Шифнер-Маркевич постарался: пришли двое — старый про-

фессор хирург Должинский и его ассистент. Сели скромно с краю, ближе к дверям, поглядывали на офицеров и казаков с опасливым любопытством, почти не пили, но охотно закусывали — стол готовила кухня гостиницы «Франция». Когда начались громкие разговоры и развеселившиеся гости поднимались с мест, чтобы размяться, покурить, подойти к кому-то, Шкуро сам пробрался в уголок, где сиротливо затаились представители интеллигенции, и устроившись рядом с ними на диване, обратился к Должинскому:

— Мне говорили о вас, профессор, что вы очень хороший врач. Когда меня ранят, попрошусь к вам на лечение.

— Благодарю вас, господин генерал, но пусть лучше пули минуют и вас и меня.

— Бог помогает нам в нашей борьбе. Взяли город и освободили вас от большевиков почти без потерь. Жители Екатеринослава пострадали и встречали нас с радостью.

— С огромной радостью, господин генерал, — горячо включился понимающий ассистент. — При большевиках мы жили в страхе. Каждую ночь аресты и расстрелы без всякого суда. Чека — это ужасно...

Он рассказал о чекисте Валявке, бывшем рабочем с завода, занимавшемся ночными расстрелами. В небольшой пустой двор, обнесенный специальной оградой, загоняли 15–20 обреченных, Валявка с помощниками становились в центре и били из револьверов. Каждую ночь люди слышали звуки выстрелов и мотор грузовика, вывозившего трупы за город на свалку.

— А кто был здесь главным комиссаром?

— Секретарь губернского комитета партии Эпштейн.

— А кого расстреливали в Чека?

— Конечно, офицеров, — ответил ассистент. — И ваших, и петлюровских, и вообще бывших офицеров. Священников расстреливали. И просто тех, кто попался, например, без документов. Ведь так все было, профессор?

— Так. Все так, — с неожиданной злостью подтвер-

дил Должинский. — Расстреливал невинных выродок Валявка, а вы, господин генерал, по-видимому, не осматривали сегодня город? Только проехали по центру, где вас встречали? Не успели? Я понимаю. Посмотрите сейчас. Ночь — самое время. Или утром. Вы увидите, что вся торговая часть города, все лучшие магазины, все разграблено, разгромлено. Тротуары усыпаны осколками разбитых витрин. Везде валяются брошенные товары: обувь, одежда, консервы, разбитые бутылки... Город разграблен вашими казаками. За одну ночь. И сейчас это продолжается.

— Подождите, господин профессор, — перебил его Шкуро. — Сейчас еще не время говорить об этом.

— А когда же время? Когда меня застрелит на улице ваш казак за то, что у меня на носу очки? Вчера вечером ко мне прибежали люди и сообщили, что казаки схватили моего старого друга Арьева. Я бросился в вашу комендатуру, и мне там сказали, что Арьев убит при попытке к бегству. Старый больной человек! Я плакал и возмущался, а ваш казак сказал мне: «А чего вы переживаете? Он же ведь жид!»

Шкуро нахмурился, чувствуя, как задержался глаз, и сказал, не глядя на профессора:

— Не забывайте, что Екатеринослав еще фронт, и если нам придется на некоторое время изменить линию обороны, то вы снова окажетесь под властью большевиков.

Вернувшись за стол, Шкуро налил себе полный стакан водки. Хорошая водка — из Славянска. Разлива 1914 года.

VII

Наверное, из-за неприятного разговора с интеллигенцией, он не участвовал в знаменитом харьковском параде 29 июня, о котором потом говорили, что это был великий парад, последний парад. Телеграмму принесли ночью, и дежурный адъютант решил разбудить пьяного Шкуро: телеграмма была подписана Деникиным,

и в тексте указана дата. Чтобы успеть, следовало выезжать немедленно. Проснувшись, генерал прочитал телеграмму, скомкал и бросил на пол, пробормотав: «Не поеду!» Затем потребовал минеральной воды, выпил два стакана и вновь заснул почти до полудня. Поднявшись, услышал канонаду — красные готовили контрудар. Вызвав Соколовского, он приказал дать шифровку в Ставку и в Харьков Деникину, где указать, что положение обострится и командир корпуса не может выехать для участия в параде.

За завтраком Шкуро опохмелился, после чего вызвал Кузьменко с отчетом о финансовых операциях. Продажа спирта и деньги, полученные от французов за уголь, составили такую огромную сумму, что жизнь снова представилась правильной и прекрасной. Кузьменко сказал, что прием у генерала ждет механик с электрокиноаппаратом.

— Давай его сюда, — приказал Шкуро.

Механик, тощий, быстро двигающийся и сверкающий какими-то бешеными собачьими глазами, объяснил, что показывать фильм в кабинете нельзя — слишком маленькое расстояние до стен. Быстро завесили окна в приемной, повесили простыню, Шкуро занял кресло, вокруг — адъютанты и ординарцы. Затрещал аппарат, голубой конус, наполненный мириадами пылинок, уперся в экран.

— Я еще не сделал титры, — сказал механик.

— Какие-то титры, — возмутился Шкуро. — Разговорчики. Давай, крути ленту.

— Надписей нет, — сказал кто-то из адъютантов.

— Будем объяснять, — успокоил Кузьменко.

Сначала Шкуро увидел себя. Глупо улыбающийся маленький человечек на лошади ехал сквозь ликующую толпу. Такая нелепая улыбка: словно он в чем-то виноват. А может, и виноват... Старухи стояли на коленях и молились. Улыбающиеся женщины бросали букеты в лошадей, и те испуганно мотали головами.

Когда лента кончилась, механик сказал:

— Вы приказали, ваше превосходительство, сни-

мать эпизоды казни через повешение. Я снимал сегодня утром...

— Я не назначал казнь на сегодня. Кто дежурил утром? В чем дело?

— Троиш комиссаров поймали, — объяснил Кузьменко. — Вы... отдыхали, и Колков приказал повесить. Я там был. Что еще с комиссарами делать? Прямо на бульваре, у гостиницы «Астория» и повесили.

На экране двое с пустыми лицами, в рваной одежде стояли спиной к металлической ограде бульвара. Один — в нижней рубашке, разодранной до пояса. Третий лежал на тротуаре. У него была оторвана одна нога, и страшный обрубок дергался в черной луже.

— Это секретарь губкома Эпштейн. Ему в бою оторвало ногу, — объяснил Кузьменко.

Казак укрепляли веревки на старых бульварных тополях. Один влез на дерево и возился там.

— Этот слева — Гурсин, — объяснял Кузьменко. — Комиссар по медицине. Больницами командовал. Говорили, что — сын проститутки. А который в рубашке — Трунов, бывший капитан, переметнулся к красным...

Казак спрыгнул с дерева и вместе с другим схватил Гурсина, поднимая его так, чтобы тот стоял на каменном барьере у ограды. Даже на прыгающей черно-белой картинке было заметно, как побелело лицо жертвы. Он сам надел петлю себе на шею, казак ударил его по ногам, и человек задергался, закрутился, превращаясь в труп, бессмысленно покручивающийся на веревке. Одноногий вдруг поднялся и запрыгал, держась за ограду. Добравшись до петли, он вдруг упал навзничь и лежал, не шевелясь.

— Умер, — сказал Кузьменко. — Наверное, заранее принял яд. Но, видите, его все равно повесили.

На экране казаки, быстро шевеля губами, вешали труп. Не трудно было догадаться, какие слова они произносят. Бывший капитан поднял руку, чтобы перекреститься, но казак ударил его так, что тот упал. Поднявшись, оттолкнул казака, шагнул к петле и сам просунул в нее голову.

Шкуро смотрел эту кинохронику с лихорадочным волнением, незаметным для окружающих — только с каждой судорогой повешенного сердце генерала успокоенно замирало. По окончании сеанса он поблагодарил механика и дал ему пачку царских денег.

В Харьков Шкуро приехал, когда Деникина уже не было в городе, тот направился к Врангелю в только что взятый Царицын. На вокзале потребовал у дежурного офицера автомобиль и приказал отвезти в резиденцию генерала Май-Маевского. Командующий армией жил в особняке с цветущим садом неподалеку от Южного вокзала. Охрана пропустила известного казачьего генерала, у входа в дом его встретил знакомый адъютант.

— Здравствуй, Паша, — приветствовал его Шкуро. — Как там Зенонч?

— Поправляется после парада. Вы в самый раз приехали, Андрей Григорьевич.

Май-Маевский сидел за столом с бутылками и закусками без френча, опухший, с растрепанными седыми волосами. Рядом с бокалом — книга. Гостю обрадовался, пригласил за стол, налил, подвинул закуску, упрекнул за то, что не был на параде:

— И парад и банкет были проведены блестяще. Очень жаль, что тебя не было, Андрюша.

— Екатеринослав брал, отец. И капитал свой увеличивал. У тебя как с деньгами? Могу дать. У меня знаешь сколько? Двадцать миллионов золотом.

— О-о!.. Зачем тебе столько?

— Раздавать буду хорошим людям. В Москве попрядную.

— В Москве? Когда же ты думаешь туда попасть?

— Я хоть сейчас с корпусом могу без остановок пройти до Москвы.

Но у Антона Иваныча другие планы.

— Он ждет, когда красные с Колчаком расправятся и все свои армии бросят на нас. А ты тоже шутки шутишь. Ну, прорвешь ты фронт, в чем не сомневаюсь, поедешь вперед, даже славируешь так, что попадешь в Москву, а потом?

— А потом три дня попойка, повешу кого надо, и — пулю в лоб.

— Это по-английски. У Диккенса я читал что-то подобное. Откуда сплин⁶⁴? В поезде девочек нет?

— Поезда нет — жена катается на Кавказе. Сюда приехал в вагоне с адъютантами и денщиком.

— Так я тебе сегодня устрою вечер. — Он позвонил в колокольчик, лежащий на столе, и в комнате появился адъютант.

— Прикажете что-нибудь подать, Владимир Зеноныч?

— Нет, Папа, у нас все есть. Ты позвони в «Версаль» и передай мое распоряжение: вечером банкет в честь прибытия в город генерала Шкуро. Пусть пригласят наших офицеров, дам и из этих, из воротил, которые побогаче.

Капитан поспешил выполнять задание генерала.

— Спасибо, отец. Дадим сегодня жару. Разрешить мне лезгинку сплясать?

— Лезгинку я разрешу, но твой план взятия Москвы не одобряю. Хочешь погибнуть и погубить корпус?

— А для чего мы живем? За сладкие минуты радости я спокойно жизнь отдаю.

— Тебе надо Диккенса перечитать, Андрюша. Тогда ты, может быть, поймешь, что в жизни нужен уют, тишина, сверчок на печи.

— И бутылка.

— Разумеется. Выьем еще, Андрюша.

— За скорое взятие Москвы!

— Ты думаешь, мы туда дойдем? Для этого надо расстрелять семьдесят пять процентов русских мужиков. Правда, Саша Кутепов говорит, что достаточно пятьдесят, но это мелочи. А Диккенс, Андрюша, это, знаешь... великий писатель... Достаточно и пятьдесят... Нам надо поспать и приготовиться... Да. Приготовиться к взятию Москвы...

Из ресторана «Версаль» Шкуро привезли под утро. Он был сильно пьян, но не выпускал из рук портфель с сувенирами и деньгами, подаренными ему на банкете.

Прибавка к двадцати миллионам. В вагоне его ждала телеграмма из Царицына: «Четвертого июля буду в Екатеринославле. Деникин».

VIII

Главнокомандующий войсками Юга России был счастлив: жена чувствовала себя прекрасно, девочка росла здоровенькой, армия побеждала. Ему оставалось праздновать, радоваться и подписывать директивы для новых побед. После парада в Харькове он выехал в Царицын и четвертого июля подписал там и огласил на торжественном обеде у Врангеля приказ, начинавшийся словами: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю...» На следующий день Деникин был уже в Екатеринославле.

Шкуро успел лично проверить подготовку города — убрали с тротуаров следы грабежей, застеклили разбитые окна. На вокзале: почетный караул, оркестр, восторженно ликующие толпы на пути следования главнокомандующего и, конечно, цветы: синие ирисы, белые букеты жасмина, красные гвоздики.

Сам Шкуро рядом с главнокомандующим. На автомобиле привез его в здание Русского общества, где Городская управа приготовила торжественный обед на двести персон. Главнокомандующий был доволен, и Шкуро чувствовал его явную благосклонность. Однако всегда происходит что-нибудь непредвиденное, меняющее настроения, нарушающее праздник. Не успел генерал дать знак оркестру, как поднялись трое с запорожскими чубами в вызывающе широких шароварах и подошли к Деникину с большим серебряным подносом, на котором хлеб-соль и полотенце, расшитое украинским узором. Один из них басом произнес длинное приветствие на украинском языке. Шкуро видел, как добродушная расслабленность на лице главнокомандующего сменяются каменной командирской хмуростью. Останавливал оратора: «Короче разговорчики», но украинец продолжал свое. Деникин, опустив взгляд, рассматривал вышитые

на полотенце слова: «Не той казак, что поборов, а той, что выкрутився». Поблагодарил лишь кивком головы, а поднявшись для произнесения тоста, сказал:

— Вчера я подписал директиву о начале наступления на Москву и хотел об этом рассказать, но подарок господ самостийников вынуждает меня говорить о другом. Эти люди намеревались отделиться от России. Нашли себе вождя, которому место на виселице, и до сих пор не избавились от своих нелепых фантазий. Ваша ставка на Петлюру бита! — и стукнул кулаком по столу. — Да здравствует единая и неделимая Россия! Ура!

Генералу Шкуро нужен был Деникин в хорошем настроении, поэтому он решил сказать настоящую речь:

— Господа! К нам, на Кубань, в глубокую осень пришли добровольцы и на наших полях вступили в жестокую борьбу с подлым врагом. Они защищали часть тела великой России и дали понять кубанцам, что они все русские и что наши враги — большевики вторглись в пределы Кубани. Тогда кубанцы сели на коней и стали выгонять эту красную нечисть. Я это говорю от лица всех кубанских казаков, как их старший представитель. Русский казак не выворачивается, а бьет прямо врагов своей Родины, великой матушки. Лучшее тому доказательство: как только телеграфная проволока приносит приказание нашего главнокомандующего о занятии той или другой части территории, казаки неудержимой лавой бросаются на врага, сметая на своем пути все преграды; так знайте же все те, кто писал: «Не той казак, что поборов, а той, что выкрутився», в нашей Добровольческой армии нет ни правых, ни левых, ни самостийников, а только честные русские люди, идущие к восстановлению великой, славной, богатой России, где не должно быть разницы ни между правыми, ни между левыми, ни между крестьянином, ни между рабочим, чтобы для каждого наступила пора спокойной счастливой жизни. Не должно быть никакой самостийности! Все мы должны быть детьми единой Родины-России! За успех русской армии и за здоровье ее вождя, который породил эту армию и ведет ее на славное, доброе дело к восстановле-

нию единой бывшей нашей красавицы — могущественной России! Ура!

Деникин вновь подобрел и поблагодарил Шкуро за хорошую речь, хотя даже сам выступавший чувствовал, что временами путался, и фразы получались корявыми. Чтобы не допустить других неприятных высказываний, Шкуро решил больше никому не давать слова, и когда поднялись какие-то «представители отечественной промышленности», грубовато скомандовал:

— Хватит разговорчиков! Прошу повернуться к нашей сцене.

Взмахнул генерал рукой, и поднялся занавес, открыв сцену, где уже стоял улыбающийся черноволосый артист, известный в Екатеринославле рассказчик юмористических историй и восточных анекдотов.

После обеда и концерта Шкуро пригласил Деникина в свой особняк, где уже была приготовлена делегация горожан, благодарных главнокомандующему за то, что его войска принесли в город счастье, покой и безопасность. После беседы с делегацией Шкуро уверенно обратился к Деникину с просьбой:

— Антон Иваныч, как отца родного прошу: отпуск нужен, чтоб съездить к жене. Она сейчас в Кисловодске.

— Разумеется, Андрей. Две недели хватит? Тогда собирайся. Сейчас и поедем. В моем поезде до Екатеринодара, а оттуда — в Кисловодск.

IX

Стахееву бы наслаждаться погожим выходным днем, предвкушением картошки, купленной на Сухаревке и уже почти готовой, а он терзал себя, проклиная услужливый интеллигентский разум, позволяющий жить в Москве в покойном одиночестве, притворяясь, будто верит в то, что все будет хорошо: Леночка в письме высказала желание пока остаться в Воронеже, где такой дешевый рынок. Она считала, что Деникина остановят, и до них он не дойдет... Это же лживое самоуспокоение. Вот лежит «Правда» со статьей Ленина «Все на борьбу с Деникиным». И даже Пролеткульт опубликовал обращение: «То-

варищи! Революция и все завоевания ее в опасности. Главная задача момента — борьба с врагом и победа над ним. Президиум Цека Всероссийского совета Пролеткульта призывает все пролеткульты дать максимум своих работников и студийцев для работы на красный фронт...»

Так и осталось непонятно, кстати или некстати явился Палихин. На нем все новое: красноармейский шлем с нашитой звездой, гимнастерка с синими кавалерийскими петлицами и тремя кубиками на рукаве, начищенные сапоги гармошкой с металлическим блеском шпор... Эти шпоры несколько удивили:

— У вас же на Кубани их не носят. Лошадей жалеют.

— Так я ж не на Кубани, а на Высших кавалерийских курсах.

— Вы со Степаном по очереди? Он уехал на фронт, а ты его заменил?

— Я про него знаю. Скоро и я за ним туда же. На Волгу. Царицын взяли, и теперь там силы собирают. Меня — в кавалерийский корпус Буденного. И там еще один корпус такой же формируют. Я слышал, что у тебя сынок родился — куда дел? Хотел за его здоровье выпить. И его угостить.

С пустыми руками гость не пришел: в свертке бутылка водки, бутылка молока и вобла.

Стахеев рассказал ему о том, как все плохо устроилось, как он мучается, думая, действительно ли это плохо. Может быть, и хорошо?

— Сегодня был на Сухаревке. Черный хлеб — сто рублей фунт. А там все дешевле раза в три. Может, не возьмут Воронеж? Ты, Гриша, знаешь больше, чем мы здесь. Ты же где-то в разведке служил.

— Я знаю столько, что, наверное, и сам Троцкий не знает. По Южному фронту, конечно. Кстати, чтобы не забыть, твой бывший знакомый Шкуро награжден английским орденом Бани. Сам король подписал.

— Ну, об этом Троцкий знает.

— Об этом, наверное, знает. Но я-то знаю до подробностей, что в его корпусе происходит. Как пьянствуют, что говорят...

— Откуда ж ты знаешь?

— Откуда, откуда... Наши люди везде есть. И дойдет ли он до Воронежа — это вопрос. Война — дело переменчивое. Но если возьмет, то ненадолго. Готовится наше наступление. Ворошилова с армии сняли. Троцкий требует строго наказать, но Ленин еще не решил.

Сварилась картошка, появились на столе стаканы, бутылка, хлеб, вобла. Разговор становился громче и дружелюбнее.

— Я зна-аю, Гриша, зачем ты ко мне пришел, — говорил Стахеев, хитро подмигивая.

— Ну, чего там... Ну, по-дружески пришел. Проведать, — отвечал Палихин и тоже смеялся.

— Нет, я знаю, но хочу, чтобы ты сам сказал. А, Гриша?.. Или ты, как разведчик, сам все знаешь? Или ты теперь просто пролетарий на коне? Кавалерист.

— Ну, почему так? И в корпусе Буденного есть разведка и особый отдел. Я, знаешь, научился всяким делам.

— Но то, что ты хочешь знать, только я могу тебе сказать. Никакая разведка тебе не поможет.

— Ты вот воблу не так берешь. Ее надо за хвост и побить об тяжелое. Мы на фронте по подметкам бьем. Вот так. А теперича она и помягчела. Вот и допьем.

— За это я тебе скажу о том, что ты так хочешь узнать. Она уехала в Питер, но на днях вернется. Может, даже завтра.

— Я ходил на Домниковку, но там все закрыто и забито. Наверное, с тем своим родственником уехала.

— Она сложная женщина. Ты с ней поосторожней, Гриша. Она же из Ростова приехала. От белых.

— Вот я за ней и смотрю.

— Так ты ж ночами смотришь.

— Я и днем успеваю.

Х

Только трое удостоились такого английского ордена, а если считать по делу, то лишь один он — генерал-лейтенант Шкуро, герой кубанского народа. Деникин и Ро-

мановский получили эти награды как два главных руководителя армии, а когда их попросили представить к награде одного лучшего генерала, одного и нашли — его, Шкуро. Потому что там, где он со своими казаками, там всегда победа.

Узнав о награждении, он разгулялся. Сначала в Кисловодске с верной Тасенькой, почувствовавшей себя где-то на уровне английской королевы, и с ее подружкой Ничочкой-графинчиком, и еще кое с кем. Праздновал и с великим князем Борисом Владимировичем и с Андреем Владимировичем и его супругой знаменитой Кшесинской и с другими известными людьми прошлого мира. Хозяин «Бристоля» Муразов устраивал пиры, каких Шкуро еще и не видывал.

Потом награжденный объезжал станицы, в которых сражался, набирал в свое войско казаков, шедших за ним в бой, на смерть, раздавал деньги вдовам, старикам, увечным. Кому золотые рубли, кому — царские бумажки, кому — деникинские «колокольчики»⁶⁶. В патронате Союза увечных воинов выложил тридцать тысяч золотых рублей. В кубанской газете «Свободная речь» напечатали сообщение: «Впервые после князя Д. И. Шаховского первого министра Государственного призрения кабинета Временного правительства, увечные воины услышали слова долга и чести от первого народного героя воссоединяющейся России». Привели слова героя: «Я имел честь оказать посильную помощь инвалидам и весьма тронут, выслушав столь дорогое для меня мнение русского солдата и офицера, этих великих героев Великой войны и блестящих рыцарей долга и чести».

Гулял Шкуро, конечно, не две недели, а сколько надо. Ставку перенесли в Таганрог, но была связь прямым проводом, и с Романовским легко было договориться. И Кузьменко пришлось ждать, пока он свой дом в Ейской наладит. Собирался после войны жить со своей Машей, а может, и с другой. Жить после войны... Разве они будут жить?

В начале августа Шкуро вызвали в Харьков на совещание командиров корпусов. Проводил совещание сам

Деникин в штабе Май-Маевского, в белом здании кадетского корпуса в зале с портретами царей и полководцев — красные не успели содрать со стен. Романовский, конечно, на хозяйстве в Таганроге. Деникин во главе стола, далее — Юзефович, Май-Маевский, Кутепов, Шкуро. У Врангеля с Деникиным борьба за первое место в новой России, которой еще нет. Барон обиделся, что на Москву идет Саша Кутепов, а он вокруг Царицына копошится.

Перед отъездом из Кисловодска генерал воспользовался сложной системой дамских зеркал и рассмотрел себя в профиль: нос всегда курносый, а сейчас что-то еще сильнее задрался, и губы сложены с усталой высокомерностью. Стареет? Или большим человеком становится?

Деникин, по-видимому, был в хорошем настроении — с женой и дочкой все в порядке, но старался быть серьезным, даже встревоженным: по данным секретной разведки, красные 14 августа начинают наступление с целью окружить Харьков с востока и юга. Командует ими бывший генерал Селивачев. На этом участке сосредоточено десять красных дивизий. Одновременно с ними по линии Камышин — Царицын атакует Десятая армия. В этой группе три стрелковых дивизии и новое соединение — конный корпус Буденного.

— Прошу принять к сведению, господа генералы: Троцкий всерьез взялся за создание сильных крупных кавалерийских соединений. С этим придется считаться.

— Зададим их в колыбели, Антон Иваныч, — вмешался Шкуро. — Пошлите мой корпус к Царицыну, и детище Троцкого погибнет.

— Для того чтобы разбить какого-то Буденного, достаточно нашего Первого Кубанского корпуса, — возразил начальник штаба армии Врангеля Юзефович, сам барон отсутствовал из-за болезни, но, наверное, просто не хотел встречаться с соперником Деникиным.

— Вы оба правы, господа. Каждый на своем месте будет участвовать в разгроме врага. Мы с Иван Пальчем советовались...

На генералов, обычно участвующих в военных советах, этот оборот речи Деникина действовал как сигнал

тревоги: они с Романовским уже все решили, и придется выполнять то, что прикажут.

Корпусу Шкуро, сосредоточенному в районе Лебедина, поручена защита Белгорода. К нему соответственно необходимо перебросить корпус и быть готовым ударить во фланг наступающим войскам Восьмой красной армии. Кутепов наносил упреждающий удар за два дня до начала наступления красных в направлении Старого Оскола.

— Дайте и мне приказ на упреждающий удар, Антон Иванович, — попросил Шкуро. — Я их до Воронежа погоню.

— Ваш план хорош, Андрей Григорьевич, но мы с Иваном Павловичем придумали другой неожиданный и многообещающий маневр, — и Деникин улыбнулся, как удачливый фокусник. — За четыре дня до начала наступления красных 10 августа Четвертый Донской конный корпус генерала Мамонтова прорывает фронт красных в стыке между Восьмой и Девятой армиями в районе Новохоперска и двигается в глубь красного тыла Тамбов — Козлов!

— И до Москвы! — воскликнул Шкуро.

Генералы улыбались, вздыхали, рассматривали карту.

— Надо ставить войскам реальные задачи, — сказал Юзефович.

— Но ведь до самой Москвы там нет серьезных воинских частей.

— Мы с Иваном Павловичем об этом думали и считали. У Мамонтова всего шесть тысяч сабель и три тысячи птыков. Есть двенадцать орудий, семь бронепоездов на линиях, три броневика. До Тамбова сто пятьдесят верст. За время движения колонны Мамонтова красные успеют собрать крепкий заслон. Конечно, благоприятная обстановка и там и здесь на фронте может позволить дальнейшее продвижение. Мы с Иваном Павловичем...

Шкуро был охвачен азартом — это он должен вести свой корпус на Москву. Он удачлив и опытен. Он славит, как выразился Май-Маевский. Он сделает это и без Деникина, который с Иваном Павловичем. Дикое безза-

ветное волчьё стремление мчаться вперед, рвать, рубить врагов и скакать до самой Белокаменной уже рождало мысли о том, как построить корпус, где прорвать фронт, какими проселками обходить большие города — сейчас время сухое, август... Выйдя в зал, пронизанный солнцем, падающим в большие окна, нашел тень, он остановился, глядя в сад с цветущими розами, представляя движение своего корпуса по узким лесным и степным дорогам в несколько колонн. Нельзя коннице вязаться в бой в лесу, надо вырваться в степь и там рубить противника в капусту.

Из соседнего кабинета вышел генерал-майор Плющевский-Плющик⁶⁸, считающийся генерал-квартирмейстером штаба, но Шкуро знал, что тот руководит специальной контрразведкой. Встречались не раз, и с ним говорить было не опасно.

— Хорошо, Андрей Григорьевич, что я вас встретил, а то уж хотел шифровку давать. Ничего особенного пока нет, но имеются подозрения, что кто-то из ваших штабных работает на противника. У красных много знают о вашем корпусе. И о вас. Передвижения, численность... Присмотритесь сами, поручите своим контрразведчикам.

— Найду и повешу, Юрий Николаевич. А вас я хочу спросить, что вы скажете о моем плане броситься сейчас на Москву, на свой страх, невзирая на запрещение главнокомандующего.

— Скажу, что не надо. Об этом говорилось у главнокомандующего. Он и Романовский обсуждали возможность такого шага с твоей стороны и решили, что в этом случае ты будешь немедленно объявлен государственным изменником и предан полемому суду даже в случае полного успеха.

Сказанное дало повод Шкуро всю оставшуюся жизнь строить предположения: не подчинись он и пойдил на Москву, вся история России могла быть написана иначе, и его жизнь была бы другой.

Неужели всему причиной мелочные расчеты? Поход на Москву не начинали, пока Колчак не оказался за Ура-

лом. Неужели боятся, что в Москву ворвутся казаки, а не Антон Иванович на белом коне.

Вернувшись в кабинет, где Деникин что-то обсуждал с Юзефовичем, Шкуро обратился к главнокомандующему по-простецки:

— Извини, Антон Иванович, план хороший получился, но у меня нестыковочка: красные четырнадцатого начинают, и мой корпус вступает, и в этот же день четырнадцатого Филимонов в Екатеринодаре назначил парад в честь годовщины освобождения города. Я должен участвовать. Соколовский справится. И Шифнер опытный генерал. Я им объясню задачу.

— Поезжай, Андрей Григорьевич. Только не задерживайся.

XI

Он оказался главным героем праздника в Екатеринодаре. Парад состоялся 15 августа на Крепостной площади. Принимал парад атаман Филимонов, Шкуро стоял рядом с ним. Казачьи эскадроны шли красивым галопом. На всех — заново сшитые белые черкески, синие с красным галуном шаровары, сверкающие сапоги, лихо надвинутые папахи. Генерал понимал, что это не Филимонов принимает парад, а он, ведь это о нем статьи во всех местных газетах и о победах, и о том, что в Екатеринодаре открыта на его деньги бесплатная читальня имени Шкуро, и все же не ожидал такого триумфа: его на руках несли до автомобиля, причем в этом участвовали не только казаки, но и местная публика, даже несколько дам тянулись к его сапогам и галифе, чтобы хоть дотронуться до героя.

Затем для участников кубанского похода и для казаков — георгиевских кавалеров в городском саду, в летнем зале был устроен торжественный обед. Генерал вошел в сопровождении конвоя и трубачей. Выступил с подготовленной речью:

— Отцы-старика! Спасибо вам за детей ваших, которые в кровавом смертельном бою с недругами Земли Рус-

ской доблестно сражаются за Кубань, за Русь Великую. Я счастлив, что командую вашими сынами, и верю, что придет час, когда дети ваши услышат звон московских колоколов. Спасибо же вам, отцы наши, за то, что сумели воспитать и научить сынов своих, как защищать дорогую Родину. Знайте, что без Кубани не быть России, как Кубани не быть без России. На далеких равнинах Новороссии, в глухих лесах и зыбких топях Поволжья, на великой и широкой московской дороге неувядаемой славой покрыли знамена кубанские ваши сыны, покаяная потом и кровью, железом и сталью свободу великой, единой, могучей и неделимой России, неразрывно связанной с родной нашей матерью Кубанью! В последних боях кубанцами разбиты Девятая и Десятая советские армии, при этом взято шесть бронепоездов, восемьдесят шесть орудий, а пленных нет! Знаете, что значит отсутствие пленных? Это значит, что бой был до такой степени ожесточенный, когда сотни в конном строю бросались на бронепоезд. Эта война беспримерно страшнее германской, ужасы теперешней войны превосходят минувшие. И казаки доблестно выносят на своих плечах труды и лишения освободительной кампании, начатой за благородное дело освобождения матушки-Руси. Позвольте же от имени сынов, безропотно умирающих за великое дело, приветствовать вас, отцов и дедов дорогой нашей Кубани!

Старые вояки были тронуты до слез, до отчаянных выкриков:

— Да здравствует генерал Шкуро!.. Слава Кубани!.. Мы все за тобой пойдём!.. Принимай нас стариков в свой корпус!.. Все пойдём!

Конвой обедал за отдельным столом. Рядом сидели хорунжий Кузьменко, хорунжий Климов, подхорунжий Артюхов.

— Сильно кроет земляк, — сказал Климов. — И в бумажку мало заглядывает. Кто ему пишет?

— Он сам, — заступился Кузьменко за командира. — Ну, другой раз Шифнер подсказывает.

— Все верно у него сказано, — с горечью поддержал

Артюхов. — Старикам добрые слова. А мой старик не слышит.

— Сами-то живем до следующего боя, — сказал Климов. — Теперь на Воронеж пошли — другая война. Лес, мужики. Будем умирать за великое дело. Вот не сказал еще генерал, как мы дуванам славно, что в переметных суммах возим.

— Чего это ты, Климов, не про то завел. Никто тебя силой на дуван не гонит.

— Я, Степаныч, про то, что казаки воюют, покуда есть что заграбастать.

— Ты же у себя на Кубани не грабил?

— Вот оно и выходит, что мы у себя воевали за себя, а теперь и в Донбассе и за Харьковом — на чужой земле. А они все про единую Россию.

— Давай за нее и выпьем. И без разговорчиков, как наш Григорыч приказует.

После торжественного обеда возникли некоторые неприятности. Дома ждала длинная телеграмма из Кисловодска. Жена возмущалась, что он гуляет в Екатеринодаре, а к ней не спешит, не удержалась и от двусмысленного намека: «Если обо мне не скупаешь, то вспомни о графине». А через некоторое время — телефонный звонок от Филимонова: «Андрей Григорыч, обязательно зайдя для разговора». Шкуро надоели эти разговорчики о славной Кубани и нехорошем Деникине. Какой бы он ни был, Деникин дал ему генерал-лейтенанта и на английский орден представил, у кубанского же атамана — одни разговорчики.

Сидели с атаманом вдвоем, пили чай, вино, ели свежий виноград. Филимонов, конечно, твердил свое:

— Скажи, Андрей Григорыч, кто в деникинской армии одерживает победы, освобождает Россию? Кто к Москве походом идет? Казаки. Не мужики, которые сегодня у красных, завтра у белых. Офицеров корниловцев почти не осталось. Вся сила в казаках. Кубанцы и Донцы. Вот Мамонтов сейчас пошел.

— Я предлагал свой корпус направить на Москву — не разрешили. Хотят сами войти в столицу.

— Вот видишь как. С Красновым как он поступил? Тот спас Дон от большевиков, создал армию, а он его прогнал. Одни казаки сражаются за эту его «единую неделимую». Сколько наших головы положили. А кто рядом с ним? Кто командует? Романовский, Май-Маевский, Врангель. А где наши командиры? Тебе дали корпус и послали сражаться.

— Что мне дали? Я сам все взял? Эти добровольцы еще в степях бродили в восемнадцатом, а за мной уже десять тысяч казаков шли, которых я сам собрал!

— Вот. А он тебе — только приказы. Чтобы выручал оставшихся корниловцев. Донбасс ты отстоял. Махно ты разбил. Я ему говорил: почему казаки, не один раз спасавшие Россию, ныне оказались где-то в стороне? Около него должны быть казачьи атаманы и председатели казачьих правительств. Он же сам говорил, что высоко ценит казаков, считает их молодцами. А нам надоело быть молодцами. Мы хотим быть гражданами. Я считаю, что мы имеем полное право быть привлеченными к государственному строительству. Он меня поразил еще за торжественным обедом с союзниками. Помнишь, Григорыч? Он удивился, что поются казачьи гимны и над домом поднят кубанский флаг. Потребовал, чтобы подняли русский трехцветный флаг. Я ему говорил, что даже отдельные войсковые части, даже сотни, имеют свои значки-знамена...

— У меня свое знамя — волчье, — напомнил Шкуро.

— Деникин знает, что без тебя его армия развалится. А сейчас положение осложнится: казаки далеко от своих станиц. Пойдут ли они дальше, если к ним будут так относиться?

Генерал понимал, к чему клонит Филимонов: организовать движение казаков за автономию Кубани, а ударной силой этого движения сделать его корпус. Предвидит атаман, что когда Деникин войдет в Москву, то казаков — по домам, а его фамилию забудет. Или своего атамана назначит. Может, и назначит. Например, генерала Шкуро... Он размышлял обо всем этом, слушая атамана и думая, что ответить Тасиньке, ведь в Кисловодск не поедешь — фронт ждет.

— Поглядим, Александр Петрович, — ответил Шкуро, изображая некоторые тайные мысли. — Пока будем бить красных, а после всякое может случиться...

XII

Лену удивляло, что город и река названы одинаково — Воронеж. Значит, река это он, Воронеж.

В двухэтажном доме сестры Ерофея Кузьмича — дом большевики не трогали, поскольку муж хозяйки служил в Красной Армии, — кроме гостей и хозяев, жил мальчишка пятнадцати лет. Просторно. Со второго этажа видно горку, слева — белые стены церкви с колокольней, а дальше, за слободой — полоска реки. В хорошую погоду ходили купаться, и пятнадцатилетний Павел хулиганил. В августе тучи собирались и на небе, и на грешной земле. Ерофей Кузьмич испуганно говорил: «Мы же в верхнем городе — вот Мамонтов отседа прямо на нас и пойдет. До Стрелецкой улицы!»

11 сентября с утра забили окна и двери и попрятались в погреб. По Липецкой дороге с севера в город вошла конница Мамонтова, возвращавшаяся из рейда через Козлов, Тамбов, Елец. Павел, конечно, несмотря на запреты, пробрался вместе с другими мальчишками к дороге, задушенной пылью, захваченной, затоптанной нескончаемыми колоннами конных казаков в донских фуражках, но в невиданных разноцветных одеждах — в пиджаках, кофтах, мундирах. На ногах у многих — галоши, натянутые на сапоги. Мальчишки прятались от пьяных, дико орущих всадников, убегали, возвращались вновь. К вечеру пошли телеги: с наваленными на них мешками, ящиками, кучами разноцветных одежд, среди этого скарба встречались даже иконы, небрежно обмотанные тряпьем. К телегам привязаны лошади.

Об увиденном Павел рассказывал, вернувшись домой. Страх постепенно исчезал — казаки не трогали окраину. Однако уже в центре постреливали, и народ шептался о том, что на Большой Дворянской идет сплошной

грабеж. «Там все приберут, и до нас доедут», — предрекал Ерофей Кузьмич. «Пуцай все берут — жизни б не решились», — отчаивалась баба Поля. «Чего это все? — не соглашалась хозяйка. — Чай не ты наживала». — «Да я к тому, что б не побили. Еще дознаются, что Иван в красных...»

Следующим утром на западе началась стрельба. Вновь прятались в погреб, прислушивались, когда поутихло, послали Павла на разведку. Он вернулся радостный: «Наши пришли. Красные...»

Наконец-то вылезли из погреба, вернулись к нормальной жизни: топили печи в доме, думали о дровах на зиму, варили борщ, кормили спрятанную корову и кур, а Лена купала сына. Страх еще не совсем прошел, и она повторила несколько раз: «Все. Пошлю телеграмму в Москву. Пусть приезжает за мной».

— «Пошлю», — проворчал Ерофей Кузьмич, — послать-то можно, а кто на вокзал, на телеграф пойдет?

Вызвался Павел, однако все получилось по-другому. В конце дня на их улице появился грузовик и остановился у дома. В кузове — красноармейцы с винтовками и какие-то унылые гражданские. Из кабины вышла женщина в кожаном пальто, в красноармейском шлеме, с револьвером на поясе. За ней из кузова выпрыгнули несколько бойцов.

— Кто хозяин? — грозно спросила женщина, решительно подойдя к двери.

— Заходите, пожалуйста. У нас открыто. Я хозяйка, — засуетилась Анна Михайловна.

Вышли из комнат и Поля, и Ерофей Демьяныч, и Лена с ребенком на руках. Женщины переглянулись и узнали друг друга:

— Лена! Пятигорская подружка.

— Катя Буракова?

— Она самая. А где твой муж? Что с ним?

— У него все в порядке — в Москве. Это я здесь от страха умирала, когда казаки шли. Хочу Мише телеграмму дать, чтобы приехал за мной, а то вдруг опять...

— Ничего не будет опять. Начинается наше наступление. Что ж, товарищи, — повернулась она к своим бойцам, — здесь порядок — наши люди. Я их знаю.

— Ваши, ваши, — подхватила Анна Михайловна. — Муж-то у меня в Красной Армии на Урале где-то. И документ есть.

— А я командир спецотряда Чека, — объяснила Буракова. — Проводим чистку города. Ищем тех, кто Мамонтова с цветами встречал.

— На нашей улице таких не было, — уверенно сказала хозяйка.

— На соседней были, — возразила Катя. — Вон они голубчики скучают в грузовике. Недолго им скучать. А ты, Лена, давай твою телеграмму. Я по своей линии отправлю. До Москвы в момент дойдет. О, какой у тебя мужичок растет. Вырастет — в Красную Армию пойдет. Пойдешь, маленький? Как его зовут? Пойдешь, Аркашенька, белых добывать?

Мальчик не плакал, а как будто даже соглашался.

Прощаясь, Буракова пообещала любую помощь:

— В случае чего — ко мне в Губчека. На Щепную площадь. Там меня знают.

ЗАГОН ВОЛКОВ

I

Сначала погнали казаков Мамонтова. Они не понимали, что это уже загон, считали себя возвращающимися с победой и, главное, с добычей, но Шкуро почувствовал, что пошла другая игра. Еще в Екатеринодаре, когда после праздника он собрался возвращаться на фронт, из Ставки пришел вызов, похожий на выговор: «Приказываю немедленно прибыть на фронт в корпус, в район Старый Оскол». Зачем напоминать, если он выезжает вовремя? Чтобы не забывал, что он не кубанский атаман, а деникинский генерал? Кажется, ничем никогда не проявлял интерес к самостоятельности, и с Филимоновым

говорил осторожно — не дал себя втянуть в интриги. А они все равно не верят.

В Старый Оскол вернулся удачно. Уже прислали «Утро юга» с заметкой «Трофеи генерала Шкуро», гласившей что «за истекшую неделю взято: около 8 тысяч пленных, 8 орудий, 85 пулеметов и огромное количество обозов. Отпущено по домам свыше 50 тысяч мобилизованных, добровольно перешедших на нашу сторону; разгромлено три советские дивизии».

Еще солнечно и жарко, но вдруг повеет на миг ледяным холодом, и ты чувствуешь, что скоро придет несчастье. Штаб Шкуро стоял в селе Коротояке, на правом берегу Дона, где река сворачивает к востоку, на Лиски, когда 18 сентября пришла директива из Ставки: «Приказываю обеспечить выход группы Мамонтова, для чего силами корпуса организуйте прорыв фронта противника на участке Коротояк — Лиски с последующим наступлением навстречу Мамонтову в общем направлении на Воронеж. Деникин».

Не так возвращаются с победой. Участок прорыва назначен большой, и опытный атаман Шкуро не погонит своих казаков форсировать Дон и вязнуть в уличных боях в Лиски. Он пойдет на север по левому берегу Дона, где красные уже разбежались, услышав о приближении Мамонтова. Ночью Шкуро выслал туда разъезды, где они столкнулись с мамонтовцами и чуть не порубили друг друга.

Мамонтова не удалось встретить на своем берегу. Шкуро вел сотню «волков», за ними — Кавказскую дивизию и, едва отойдя от Коротояка, услышал выстрелы где-то впереди и справа — явно на другом берегу. Вскоре хорунжий Климов доложил, что встреченный казаками мамонтовский разъезд сообщил об изменении обстановки: отряду Мамонтова — приказано атаковать Лиски, и он перешел на левый берег Дона.

— Ты сам видел тот отряд? — спросил Шкуро. — Сколько сабель?

— В бинокль, Андрей Григорьевич. Там не более трех тысяч. Но обоз — конца не видно.

— Он и обоз перевел?

— Переводит. Там скоро не переведешь.

Шкуро рысью повел дивизию к переправе, где уже начиналась катастрофа: хилый мост — едва три лошади по ширине пройдут — и на нем под пулеметным огнем красных в панике мечутся люди и лошади. Кто-то поворачивает повозку, мешая другим и цепляя их оглоблями, кто-то в страхе, бросив все, бегом пытается проскочить на берег. Кричат раненые, ржут испуганные лошади.

Шкуро определил, что пулеметы бьют издалека — с холмов, поднимающихся за лугами низкого берега. Версты две, а то и больше. Неприцельный огонь. Порядок можно навести. Скомандовал:

— Колкин! Скачи с полками на мост и разгоняй всех плетью. С того берега обоз будем возвращать.

Казаки решительно ворвались на мост. Лошади поднимались на дыбы, казаки подгоняли их плетками, заодно безжалостно стегая паникеров. Для успокоения самых безумствующих стреляли в воздух. Полетели в воду узлы, ящики, поплыли по реке разноцветные тряпки. Через несколько минут мост был освобожден от обоза.

Пулеметные очереди взбивали песок на дороге, но командиры советовались, не спешиваясь:

— Атаковать надо. Так, начальник штаба? — сказал Соколовский.

— Придется, — согласился Шкуро.

— Давай дивизию на тот берег. Атакуй всех. Красных сбивай с тех холмов, мамонтовцев гони на холмы — пускай сами на пулеметы скачут. Обоз — обратно через мост и вниз по реке.

Решили правильно: вскоре затихли красные пулеметы, потянулся с противоположного берега мамонтовский обоз. Шкуро послал ординарца за своим автомобилем, оставшимся в хвосте колонны, — не хотелось ехать верхом сквозь грязную обозную пыль — и присел подкрепиться со своими штабными и адъютантами. Молодой горец Аликов расставил за придорожными кустами в тени на скатерти бутылки, походные стаканы, рассы-

пал яблоки, абрикосы, гроздья винограда. Шкуро подозвал Кузьменко, усадил рядом.

— Коля, ты знаешь, что Махно взял Мариуполь и Бердянск? Что будем делать? Опять письмо писать?

— Не ко времени, Андрей Григорьич. И он далеко, и у нас здесь не все выходит.

— И ты почувствовал? Вот и я задумался. А где твой махновец, как его?

— Гринчук. В Таганроге. Я его устроил в штаб, в канцелярию. Он грамотный.

— Махно надо предупредить: Москву возьмем — с ним разговора не будет.

— Когда возьмем, — сказал Кузьменко, закусывая яблоком и глядя вниз на тянущуюся вереницу возов. Теперь они шли на Коротояк.

— Да, — согласился Шкуро. — С такими скоро до Москвы не доедем. Грязные небритые казаки на возах. Одеты кто во что: шляпы, кофты, пиджаки.

— Что ж они и божьи лики из церквей тащат? — удивился Шкуро, увидев среди тряпок поблескивающие иконы в окладе. — Они ж крещеные.

— А они и крестятся, когда с иконостаса иконы рвут, — объяснил Медвянов. — Прощеньица у Бога просят.

«Плохой знак», — подумал Шкуро, но тут же отвлекся, увидев, как калмык в чужом офицерском мундире поливает свою лошадь из большого флакона, и сквозь обычные обозные густые запахи пробивается аромат духов.

Наконец, с левого берега перебрался Мамонтов со свитой. Подъехал, спешился с помощью двух ординарцев — сломана нога. Усталый, но побритый. Из-под фуражки — неулыбчивое круглое лицо, настороженное, будто ссориться приехал. Но нет:

— Здорово, Григорьич. Спасибо за помощь.

— Садись, закуси с нами, Константиныч..

— Не откажусь.

— Коля, угощай геройского генерала. Прогнали красных? Пошуровали они обозы ваши?

— Другая картина получилась. Красных-то погна-
ли, а твои казачки наши трофеи дуванить начали. Это
как, Григорьич?

Шкуро и его офицеры рассмеялись: молодцы, мол,
наши ребята, не за спасибо донцов выручали. Мамонтов
оглядел их сердито — и сам засмеялся.

Пугая лошадей, сбивая обозных с дороги, подошел
автомобиль генерала Шкуро. Мамонтов от приглашения
ехать вместе отказался, решил, что должен быть со сво-
ими. Шкуро взял начштаба, Кузьменко и Акоева. Воз-
вращались в Коротояк. Слева обрывисто падали к Дону
горы с меловыми прожилками. Густая пахучая обозная
пыль то накрывала машину, то сбивалась ветром в сто-
рону. До самого Коротояка не могли обогнать мамонтов-
ский обоз с награбленным добром.

— Это ж на сколько верст он тянется? — удивился
Шкуро.

— Примерно шестьдесят верст, — сказал начальник
штаба Татонов. — Мамонтов дал телеграмму, адресован-
ную, наверное, всему донскому казачеству: *«Посылаю
привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, дон-
ской казне 60 миллионов рублей на украшение церк-
вей — дорогие иконы и церковную утварь»*.

— Теперь все узнают, за что он воюет, — сказал
Кузьменко.

— Не он, а мы все, — раздраженно поправил Шкуро.

— Но ведь наши казаки церкви не грабят, — осто-
рожно возразил Татонов.

— Глядишь, и до этого дойдет, — сказал Шкуро
и невесело засмеялся: — У мамонтовцев поотнимали
кое-что. А там и иконы попадались.

Подъехали к Коротояку. Здесь правобережные ска-
лы теряют меловой оттенок и становятся черными. По-
тому у села и название такое, оставленное татарами.
Шкуро приказал шоферу подвезти его к дому священни-
ка, а потом туда же привезти Мамонтова. Соколовский
развернул штаб, приказал налаживать связь с Харько-
вом, и вскоре оттуда пошли директивы, сочиненные
в Таганроге. Задача Мамонтова — взять Лиски, задача
Шкуро — взять Воронеж.

Приехал Мамонтов. Его уложили на лучшую кро-
вать в доме. Шкуро приказал приготовить чай. Вскоре
самовар шумел на столе, Кузьменко и адъютант Мамон-
това доставали припасы. Священник стоял в дверях.
Мамонтов попросил водки — мучили бои в ногу. Его
адъютант не успел отойти в сторону, как комната
вспыхнула ярким бело-голубым светом, и оглушитель-
ный грохот рассыпался вместе с пылью, дымом и облом-
ками мебели, стен, потолка. Мамонтов, сброшенный
с кровати, лежал без движения. Шкуро ударился голо-
вой об угол стены и тоже на какое-то время потерял со-
знание. Очнулся он на полу среди горящего дерева. Ря-
дом лежал и тонким голосом кричал священник с ото-
рванной ногой. Оба адъютанта стонали, но с трудом
поднимались на ноги.

Прибежали казаки, вынесли пострадавших от пря-
мого попадания тяжелого снаряда. Умершего священни-
ка бросили у порога. Едва устроили раненых во дворе
под навесом, как грянул еще такой же взрыв. Отчаянно
кричали искалеченные лошади. Дом горел костром.

Подали лошадей, тачанки и вывезли раненых в поле.
Шкуро пытался встать на ноги, но не смог — сильный
ушиб. А утром надо наступать на Воронеж.

Пошла другая игра.

II

Другая война.

Утром после контузии Шкуро оправился, но ушиб
ноги не позволял садиться верхом, и Воронеж генерал
брал в бричке, тачанке или автомобиле. Брал по-свое-
му: не переправлялся на левый берег, чтобы не завяз-
нуть в сбившихся там частях Восьмой красной армии
и не попасть под огонь бронепоездов, курсирующих по
линии Воронеж — Лиски. Схитрил по-казачьи, дви-
нувшись по высотам правого берега в сторону от це-
ли — Нижнедевицк и Землянок. Разбил красную диви-
зию, взял трофеи и лишь тогда направил свою пехоту
к Воронежу. Мост через Дон оказался взорванным.

До Воронежа — 15 верст. Мост закончили днем 29 сентября. Переправили казачьи дивизии, за ними — артиллерию, тут и красные напомнили, что и у них есть артиллерия: открыли частый прицельный огонь из тяжелых орудий. На деревенской площади Шкуро сидел в автомобиле с начштаба и комдивами. Вокруг толпились верховые и пешие «волки», только что переправившиеся. Снаряд упал рядом. Из автомобиля всех выбросило. Шкуро ударился головой. Новый начальник штаба полковник Татонов получил раны в спину и шею, начальник терской дивизии Агоев, падая, разбил голову, начальник Кавказской дивизии Губин был ранен в ухо. Вокруг стоны и вопли десятков раненых казаков, ржание лошадей. Подсчитали убитых — 8 казаков. «Волки» — мгновенно «по коням» и рысью из деревни в сторону Воронежа.

Для Шкуро вновь подготовили бричку, подложили матрацы, сено, одеяло. Он скомандовал: «За «волками» — вперед!» — и закрыл глаза. Его тошнило, голова невыносимо болела, путались мысли. С ним ехали Акоев и Кузьменко. Они что-то говорили, но он не понимал и не мог отвечать.

Опомнился Шкуро к концу следующего дня в какой-то хате. Опять гремела красная артиллерия, но снаряды падали где-то далеко. Приказал вызвать начальника штаба. Тот доложил, что город укреплен несколькими поясами окопов с густыми проволочными заграждениями, и казачьи полки их трижды неудачно атаковали. Генерал поднялся, походил по хате, покрутил головой и приказал:

— «Волков» и Горско-Моздокский полк готовить к атаке. Мне черкеску, шашку...

— Андрей Григорьевич, неужели вы хотите сами вести в бой? Вам нельзя после контузии, — заволновался начштаба.

— Разговорчики, — остановил его Шкуро. — Я не сотник, чтобы впереди шашкой размахивать. Расскажу им, как надо атаковать. И когда меня увидят здоровым, так у них дело пойдет.

С удовольствием Шкуро сел на своего Серого, и тот нежно проржал, узнав хозяина. Снаряды падали в поле, где окопались пластуны. Далее — темные линии предметов, купола церквей, паровозный дым поднимается и тает.

— Казаки, куда этот поезд идет? — И не один обратился генерал к построившимся конникам. — Верно поняли друзья: поезда идут из Воронежа в Москву. Бегут комиссары. А если бегут, то и одной вашей атаки не выдержат. Проволока? Разговорчики. Броневики с вами войдут. Но не очень на них надейтесь. Рубите колочку шашками! И город ваш.

Так и произошло. 30 сентября Воронеж был взят корпусом Шкуро.

III

Пленные другие. 13 тысяч мужиков, желающих вступить в армию Деникина. Шкуро таких не принимал — задумали получить новую форму английского сукна, чтобы потом вновь перебежать к красным или к каким-нибудь зеленым, приказал разогнать. Но были пленные и полезные. Начальник штаба Восьмой армии бывший капитан Тарасов сдался добровольно, принес с собой документы, карты. Допрашивал его Шкуро вместе со своим начштаба Татоновым. Заняли бывшее здание городского Совдепа и сидели в кабинете главного комиссара.

— Город был хорошо укреплен. Вы убедились в этом, ваше превосходительство, когда казаки безуспешно атаковали наши окопы.

— Это без меня безуспешно, а когда я повел их, ваша оборона полетела.

— Но к этому времени я нарочно начал эвакуацию города, и красноармейцы поняли, что надо драпать. — Тарасов, по-видимому, не врал; я лучший полк направил на юг, он там отбивает атаки вашей пехоты.

— Да, там генерал Гусельщиков застрел, — согласился Татонов.

— И обстрел я прекратил — приказал отгрузить снаряды.

— Я верю вам, капитан Тарасов, — сказал Шкуро. — Надеюсь, Деникин вернет вам звание. Сейчас вам выпишут документы для поездки в Таганрог.

— Я считаю своим долгом, ваше превосходительство, сообщить о новом формировании войск Красной Армии на нашем фронте. Сейчас усиливается конный корпус Буденного. Предполагается, что в дальнейшем будет армия. Сейчас пока две дивизии: Четвертая и Шестая. Формируются на нашем фронте за рекой Усмань, в районе Тулиново. От Воронежа всего верст шестьдесят. Корпусу поставлена задача разгромить ваши войска и корпус генерала Мамонтова.

— О Буденном я уже слышал, — сказал Шкуро. — Численность?

— Более десяти тысяч сабель.

Пленного отпустили, и генерал спросил начальника штаба:

— Красная кавалерия — серьезно или разговорчики?

— Серьезно, Андрей Григорьевич. Буденный успешно действовал под Царицыном. Его конники — это казаки, приставшие к большевикам, и, конечно, иногородние. Хорошо обучены, обмундированы. Кони — с Дона.

— Будем думать, — решил Шкуро.

Отпустив начальника штаба, он вызвал Кузьменко и Медвянова. С ними сподручнее обдумывать генеральские дела. Рассказал им о появлении конницы Буденного.

— Хотите атаковать их, пока формируются? — спросил Кузьменко.

— Подумаю. Пусть пока отдохнут казаки — трудно город брали. И нам надо отдохнуть. Наш поезд стоит в Старом Осколе?

— Теперь можно пригнать сюда через Лиски, — сказал Медвянов.

— Нет. У меня другой план для отдыха. Саша Кутепов взял Курск. Знаете? Но не знаете, что под Курском он взял в плен Плевицкую с мужем. Знаете? Эту знаменитую певицу Саша уже наслушался. Теперь наша оче-

редь. Мчитесь на вокзал, берите любой паровоз, вагон и — в Старый Оскол за нашим поездом. Ты, Федя, поедешь. А ты, Коля, поможешь ему на станции и возвращайся ко мне. Твоя задача, Федя, наладить наш поезд, чтобы все блестело. И в Курск за Плевицкой. Саше я записку напишу. Телеграмму дам. Скажешь ему, что наши казаки мечтают о концерте великой певицы. Туда и обратно — два дня.

Медвянова Кузьменко отправил быстро, но потом задержался у вокзала. Здесь, в садике, происходило давно не случавшееся: митинговали казаки. Немного — сотни три. Офицеров — единицы. В пасмурном безветренном дне казалось — не митингуют, а разговаривают. Выступал один из немногих офицеров — есаул, недавно вернувшийся в корпус после долгого лечения в Екатеринодаре.

— Рябовола летом кто убил? — спрашивал он и сам отвечал: — Мы знаем, а наш командующий будто и не знает. А убили-то его по чьему приказу? А за что убили? За то, что о казаках, о родной Кубани болел. Хотел, чтобы жили вольно и свободно, чтобы московские генералы на нашей земле не командовали. А что сейчас делается? Нашего атамана Филимонова не признают. Какое-то Особое совещание — самая главная власть. А что в армии? Мы, казаки, одни воюем. Московские генералы в Таганроге сидят. Говорят единая Россия, а где она? Говорили, что Россия встанет, когда мы погоним большевиков. Мы их гоним от самых Кавказских гор, а где Россия? Мужики-то против нас воюют. Пока мы до Москвы дойдем, сколько нас останется?..

Оратор был чуть выше всех — наверное, стоял на скамейке или на тумбе. Спрыгнул, и его место занял знакомый казак. Говорил не хуже офицера:

— На нашей Кубани не наша власть, а деникинская. Нашу Раду не признает и грозитя разогнать. А мы тут в чужой земле головы кладем. Сколько надьсь на проволоке осталось? Домой нам надо вертаться. Вот как донцы мамонтовские — разорили красные города, набрали добра и — по своим станицам. А мы...

— А мы у них малость отобрали, — крикнул кто-то, и в толпе засмеялись.

— То-то, что мало, — продолжал казак. — Мы так ничего домой не привезем. Да еще и сами в чужой земле останемся...

Из толпы митингующих выбрался Клименко.

— И ты здесь, «волк»? — удивился Николай. — В самостийники подался?

— Не в том, Коля, дело. Домой казаки хотят. Поняли, что это не для них война. Уже едут. Утром две теплушки загрузили, лошадей взяли, приказали машинисту ехать на Кубань. Человек двадцать. Вот и другие собираются.

— Дезертировать?

— Нет. В отпуск. Гляди, ночью полдивизии уйдет. Стрелять, что ли, будешь?

Кузьменко поспешил к генералу с тревожным докладом, но Шкуро был озабочен другими происшествиями:

— Потом, Коля. Со своими мы разберемся. Город надо успокоить. На Большой Дворянской магазины крушат, на Московской жидов бьют, и на окраинах погромы. Возьми «волков» сколько надо и разгони погромщиков. Пускай склады дуванят — мамонтовцы не все там забрали. Пригрози: вешать буду.

Уже в сумерки, проскакавши, наверное, полгорода, хорунжий с несколькими казаками оказался в верхней части Воронежа. Казалось, всех буянов разогнали, погромы прекратили, но и здесь, где-то среди переулков и деревянных домов возник тот самый опасный гул, сквозь который то и дело пробивалось пронзительное восклицание «бей!».

Посакали по улице, огибающей холм, за церковь с высокой колокольней. Небольшая, но злобная толпа — человек в пятьдесят рвалась в закрытые ворота, била в глухой забор, кидала камни в двухэтажный молчаливый дом.

— Разойдись! — кричал Кузьменко, наезжая на толпу, размахивая плетью. Казаки скакали за ним.

Люди шарахались, разбежались, кричали:

— Здесь красные прячутся... У хозяйки муж в комиссарах...

Они ж против вас, а вы за них!.. Сжечь их!.. Повесить!.. В расход!..

— Разберемся! — кричал Кузьменко, разгоняя буянов. — А ну, прочь! Сто шагов!..

Казаки помогли, покрикивали, орудовали плетками. Толпа отхлынула в глубину улицы. Кузьменко постучал в ворота громко, но так, чтобы не пугались. В ответ — тишина. Пришлось кричать, объясняя, что они не грабить приехали, а порядок устанавливать. Наконец, калитка открылась и появилась хозяйка, закутанная в черный платок, из-под которого еле виделось бледное испуганное лицо. Судорожно крестилась и бормотала:

— Пощадите, Бога ради... Не виноваты ни в чем... живем — никого не трогаем... Пощадите... Хозяин где-то воюет — и не знаю...

Кузьменко спешил, бросил поводья казаку, вошел во двор и увидел на крыльце Лену в старом лиловом платье с ребенком в белом одеяльце на руках. Крикнул казакам:

— Скажите людям, что в этом доме наши. Я их знаю. А хозяин по заданию в дальних краях. Никому о нем знать не надо.

Хозяйка с благодарностью что-то говорила. Николай подошел к Лене, вдохнул ее запах, смешанный с молочным детским ароматом. Ребенок глянул на него яркими светлыми глазками и улыбнулся.

— Здравствуйте, Елена Аркадьевна. Здравствуй, молодой казачок.

— Здравствуй, Коля, — приветствовала его Лена со вздохом озабоченным и покорным.

Николай молча смотрел в ее особенные зеленоватоголубые чистые глаза, едва сдерживаясь от желания прижаться к ее нежно-розовой щеке, впитаться в ее нижнюю пухленькую губку.

— Ты что? — шепнула она, отстраняясь, и громко хозяйке: — Мы еще с Кавказа знакомы. И с Мишей моим знаком.

— Останемся на ночь у вас в поселке, — сказал Кузьменко. — А то эти буяны, глядишь, обратно начнут.

— И то начнут, — кивнула хозяйка.

— Оставайтесь, — послушно согласилась Лена; она примирилась с тем, что должно произойти — такая судьба. — Но где мы вас всех положим?

— Казаки в другие дома пойдут, а я у вас.

Сначала долго ужинали — Николай не помнил, что ели. Разговаривали степенно обо всем, но о войне старались говорить меньше. Только Павел все порывался узнать, какие такие танки и где их увидеть. «Подрастешь — увидишь, — посмеивались казаки. — На твой век войны хватит». Кузьменко уткнулся в тарелку и почувствовал, как вспыхнули его уши, когда Лена вышла из-за стола, села на лавку у окна и, следуя местным нравам, расстегнула пуговичку платья и выпустила на волю налитую белую грудь с нежным напряженным сосочком.

Обедали дотемна. Затем хорунжий послал одного казака с донесением генералу, остальных разослал по домам. Отдал им и свою лошадь, чтобы смотрели. Хозяйка сама повела их — знала, где лучше встретят.

— А я где-нибудь в прихожей, в уголочке, у двери, — сказал Кузьменко. — Ничего мне не стелите. Под голову бросьте чего-нибудь.

— Мы-то все наверху ночуем, — сказал Ерофей. — Только молодуха тут. С дитем ей сподручней — пеленки на крыльце сохнут, и помыться и все...

Ребенок у Лены спокойный — спал крепко. После хмурого дня ночь выдалась теплая, светлая. Высыпали крупные зеленые звезды.

— Подмигивают нам, — сказала Лена, глядя на небо. Обнявшись, они стояли с Николаем на крыльце.

— Даже не стреляют нигде, — сказал Кузьменко. — Знают, что свиданье у нас. Мне бы помыться, Леночка, — цельный день на лошади.

— Так вот же у нас колодец во дворе. И ведро привязано. Снимай все — ночь теплая. Ты ж закаленный. Мыльца принесу. Снимай, снимай. Мы ж с тобой, как брат и сестра. И засмеялась.

— Пусть пока и так.

— Пока помоешься. Давай постираю...

Потом заставила его бежать в прихожую и шлепнула по суховатым кавалерийским ягодицам.

И настала ночь, запомнившаяся Николаю на всю жизнь до страшной смерти, настигшей его на чужой земле, в чужой неласковой реке.

IV

Когда Шкуро чувствовал зависимость от других людей, знал, что кто-то имеет право приказывать ему или что-то запрещать, даже за что-то наказывать, он умел собираться в тугой непроницаемый комок, отказываясь от любых своих прихотей и желаний, чтобы не попасть впросак. Теперь, в Воронеже, не было над ним никакой власти: с Зенонычем, почитай, одна семья, а временное подчинение Донской армии, то есть генералу Сидорину, такое, что не известно еще, кто кому подчинен. И в поезде генерала Шкуро, в главном вагоне, где уже и снаружи глядели на Россию волчьи морды, врезанные между окнами, каждый вечер пела Плевницкая, концерты устраивались опереточных девиц. На станции собирался народ, чтобы послушать знаменитость. Ее обычный репертуар — «Замело тебя снегом, Россия», «Помню я еще молодухой была» и прочее, пополнился и кубанскими песнями, она даже гимн исполняла: «Ты, Кубань, ты наша Родина».

День генерала начинался поздно, у певицы еще позднее. Он оставлял ее в спальном купе и выходил к ожидавшему начальнику штаба, отворачиваясь от вопрошительного взгляда Губина, говорил:

— Пусть нынче казаки отдохнут. Успеет Буденному морду набить.

— Они не отдыхают, Андрей Григорьевич, а уезжают. Их же все боятся. Дают им и паровозы и вагоны, и на железной дороге никто не тронет.

— Погуляют и вернутся, — отвечал Шкуро, чувствуя, как начинает моргать больной глаз, и отдавал рас-

поряжения об усилении дозоров и разъездов и о подготовке хорошего обеда.

Однако война-то уже пошла другая. Однажды утром Губин доложил об атаке красной кавалерии на боевое охранение Терской дивизии. Терцы вначале бежали, затем восстановили положение.

— Генерал Агеев сообщил, что атаквали отлично экипированные красные курсанты, — говорил начальник штаба. — Кожаные куртки, синие галифе с кантом, шлемы с красной звездой, отличные кони. В плен не сдавались. Их отбили с помощью донцов. В городе узнали и предлагают отслужить благодарственный молебен в Митрофаньевском монастыре. Победа все-таки.

— Пусть служат. Кому-нибудь из генералов надо поехать туда. А на обед пригласить священников. Обед, конечно, без музыки.

Музыка была вечером, но ее испортила шифровка из Ставки: «Сидорину, Шкуро. По распоряжению Главнокомандующего 1-ю Терскую дивизию немедленно направить в Таганрог. Романовский». Возмущенный Шкуро перешел в штабной вагон, приказал срочно зашифровать свою телеграмму Романовскому: «В случае снятия 1-й Терской дивизии с фронта буду вынужден оставить Воронеж». Он вернулся к веселью, но было уже не до веселья. Сел за стол, налил себе водки. Девицы пели о том, что без женщин жить нельзя на свете. Одна из них плясала, закручивая короткую юбку вокруг длинных ног.

Плевицкая села рядом, внимательно взглянула, спросила:

— Неприятности, Андрюша?

— На войне всегда неприятности. Начальство сидит за шестьсот верст и командует, а мы... — Он посмотрел в ее темные глаза, не понял, что в них прячется, махнул рукой. — А мы пьем и гуляем. Хватит этой плясать. На улице холод, скоро зима. Спой свою коронную.

Умолкли разговоры — все уже привыкли, что эта песня, исполняемая обычно в конце ужина, стала почти гимном.

Замело тебя снегом, Россия,
Закружило седою пургой,
И холодные ветры степные
Панихиду поют над тобой...

Вошел дежурный адъютант, начал пробираться вдоль стола к генералу, но Шкуро, глянув сердито, остановил его жестом и, лишь дослушав песню, позвал к себе. Адъютант доложил, что генерала вызывает к прямому проводу командующий Донской армией генерал Сидорин.

— Еще один начальничек объявился, — презрительно сказал Шкуро, поднимаясь. — Сейчас будет разговорчик.

Вороха ленты выползали из аппарата, заваливая пол, а генералы никак не могли договориться: Шкуро не мог отдать дивизию и защищать Воронеж, Сидорин был обязан выполнить приказ Ставки. Закончили взаимной договоренностью, конечно, в пользу кубанского атамана: Сидорин направляет на защиту Воронежа корпус Мамонтова, и лишь после его прибытия Терская дивизия будет отправлена в Таганрог.

Мамонтов приехал в Воронеж, но после нескольких дней загула по очереди то в его поезде, то у Шкуро, свалился без памяти, и его отвезли в Лиски. Генерал Шкуро был назначен командующим всей Воронежской конной группы. Его вызвали на совещание в Харьков, назначенное Деникиным на 12 октября. Шифровка с вызовом пришла в Воронеж в ночь на 11-е, в самый разгар веселья. Дружным хором пели «Скакал казак через долины, через кубанские поля...» Шкуро сидел на диване, обняв Плевицкую. Дежурить выпало хорунжему Кузьменко. Когда он вошел в вагон-ресторан, Шкуро сделал ему знак, чтобы остановился, и успокаивающе кивнул рядом сидящей Плевицкой: продолжайте, мол. Сам поднялся из-за стола, прошел к адъютанту.

— Как заспываемо, так обязательно привет из Ставки, — сказал он недовольно. — Подожди, не суй мне бумажку. Давай сядем покурим.

— Из Таганрога, Андрей Григорьич. Только что пришла, сразу расшифровали.

Сидели на диванчике в углу под чучелом волка. Генерал прочитал приглашение-вызов на совещание, сложил бумажку, отдал ее адъютанту.

— В дело ее. Что-то ты, Коля, редко у нас здесь бываешь. Зазнобу в городе завел? Разве после Мамонтова что-нибудь осталось?

— Да нет... Я так... Есть, конечно, знакомые...

— Вызывает начальство на разговорчики. Чтобы успеть, надо сейчас ехать. Вот и песня кончилась. На ночь то плохо ехать. Обстрелять могут. Буденный близко. А у меня Надюша. Ее надо беречь. Сам император слушал. Как она тебе?

— Царица, Андрей Григорьич. Видно, любит вас.

— Разве бабу поймешь? Послушная, но себе на уме. Потихоньку, будто невзначай, расспрашивает о наших генералах: о Кутепове, о Скоблине. Но, знаешь, воровать — так миллион, а это самое — так барыню. Не поедет на ночь. И тебе надо попроститься.

— Так я ж дежурю.

— Вызывай сменщика, скажи, что я тебе дал поручение.

Выехали поздним утром, еще и в Лисках задержались, навещая больного Мамонтова, и в Харьков прибыли вечером, когда совещание давно закончилось, а Деникин уехал в Таганрог.

V

Харьков стал другим — унылый дождик вместо цветов, играющих под солнцем, темные сутулые фигуры на тротуарах вместо сияния светлых дамских платьев, и никаких сверкавших мундиров, парадов, оркестров. За генералом Шкуро прислали автомобиль — новое совещание Май-Маевский назначил у себя в особняке, где встречались летом. Шкуро взял с собой подполковника из штаба и адъютантов Кузьменко и Аликова. Все было другим: похмелье не такое, Кузьменко не такой — глаза прячет. Неужели и ему нельзя доверять?

У Май-Маевского многое успокаивало: тот же хитроглазый адъютант, сам генерал, еще более располневший, с опухшим, но чисто выбритым лицом, сияющим великодушной улыбкой только что опохмелившегося гостеприимного хозяина, генерал Кутепов в мундире с иголки, словно только что от портного.

— Саша, поздравляю тебя с боевыми успехами. До Москвы рукой подать, — сказал Шкуро, сев рядом с Кутеповым.

— Спасибо, Андрей. Орел возьму — приказ главнокомандующего, а до Москвы еще далеко. Да и с Орлом тяжело. Мой корпус будет торчать, как сахарная голова. С любой стороны кусай...

— Господа, начнем, — прервал дружеский разговор Май-Маевский. — Жаль, что вас не было вчера, Андрей Григорьевич...

— Я же докладывал, что на участке Воронеж — Лиски дорога во многих местах повреждена...

— Знаю, знаю. Давайте о деле, а оно заключается, что вчера без вас мы так и не смогли определить роль вашего корпуса и корпуса Мамонтова в продолжении наступления армии.

— Но как мы можем говорить о моем корпусе без генерала Сидорина, которому я сейчас подчинен. И мамонтовский корпус в его подчинении...

Шкуро вообще не хотел, чтобы это совещание приняло какие-нибудь решения. Какое там совещание — просто разговорчики. Нет главнокомандующего, нет и Врангеля, считающего себя вторым человеком в армии, вернее, будущим первым. Барона всегда представляет Юзефович — представительный молчун. И что можно решать, когда осенний нудный дождичек заливает все летние надежды, и война стала другая. Лучшее, что мог бы сделать Зенонич, — это прекратить совещание и пригласить гостей на обед.

Однако генерал Май-Маевский объяснил, что с Сидориным установлена постоянная связь по прямому проводу, и он находится у аппарата. И началось... Все соглашались с тем, что без серьезной поддержки корпус Куте-

пова не сможет продолжать наступление на Москву, но поддержать его могут лишь Шкуро и Мамонтов.

Шкуро объяснил, что корпус Мамонтова еще не оправился после знаменитого рейда⁶⁷, сам Мамонтов болен, а его собственный корпус раздерган — Терскую дивизию вытребовали в Таганрог против Махно и сейчас в нем осталось менее пяти тысяч. Разговор пошел по второму кругу, и все о том же самом: кавалерия Шкуро и Мамонтова должна ударить во фланг Красной Армии перед фронтом корпуса Кутепова и в то же время защищать Воронеж. Кутепов убедительно доказывал, что если Воронеж будет сдан, то обнажится его правый фланг, и придется отступить.

Сделали перерыв для переговоров с Сидориным. Тот ответил: *«Корпусу Шкуро необходимо оставить Воронеж и оборонять Лиски. В противном случае я буду вынужден отозвать из Воронежа корпус Мамонтова для обороны участка Лиски»*.

— Тогда я покачусь к югу, — заявил Кутепов. — Какая там Москва, и Курск придется оставить.

По лицу Май-Маевского можно было определить, что благотворное действие первой утренней дозы проходит: щеки посерели, выделились глубокие складки. Он снял пенсне, протереть стекла, и никто не увидел его глаза. Шкуро понимал, что убеждать его сейчас в чем-нибудь совершенно бесполезно, но говорить-то надо, и, когда вновь все расселись, сделал заявление:

— Мы тут разговорчики разговариваем, а в пятидесяти верстах от Воронежа стоит красный кавалерийский корпус. Его состав — наши казаки и иногородние. Обученные, обстрелянные, прекрасно вооруженные и обмундированные. Командует Буденный. Со дня на день начнет наступать. Корпус и создан был для того, чтобы вывести из строя мои и мамонтовские кавалерийские дивизии. Я готовлюсь к сражению, но у меня против пятнадцати тысяч кавалеристов Буденного только пять тысяч пашек. И мои казаки утомлены после непрерывных боев. Чтобы удержать фронт и затем продолжить наступление, надо немедленно собрать всю нашу конни-

пу в кулак и разгромить Буденного. Тогда мы развяжем себе руки и сможем продолжать широкое наступление.

Никто его прямо не поддержал, хотя почти все осторожно соглашались. Юзефович одобрил создание ударной кавалерийской группы, но считал, что возглавлять ее может только барон Врангель.

Май-Маевский уже проявлял нетерпение, останавливал высказывающихся, просил сокращаться и, изображая непримиримую решимость, сказал:

— Воронеж надо оборонять, используя все силы, все возможности. Если не удастся выстоять против превосходящих сил противника, то надо организованно отходить в западном направлении, прикрывая правый фланг 1-го корпуса.

Шкуро был возмущен — как Зеноныч может обречь его корпус на гибель? Ведь у них дружба не только за столом. Пусть ему Диккенс поможет подсчитать, сколько английских фунтов генерал Шкуро ему отломил. Захотелось расколоть его пенсне и плюнуть в глаза. Опершись на стол, Шкуро приподнялся и кинул громко прямо в лицо Маю:

— Я не умею выполнять невыполнимые приказы и подаю в отставку! Рапорт пишу немедленно. Разрешите покинуть совещание.

— Подожди, Андрей... Подождите, господин генерал-лейтенант. Я не принимаю вашу отставку. И приказываю...

— Невыполнимые приказы не выполняются.

— Идемте на провод и обратимся в Ставку. Пусть решают.

— Но сначала запросите Сидорина, как он отнесется к вашему приказу.

Совещание вновь прервалось, и Май-Маевский успел несколько успокоить свою нервную систему. Обиженный Шкуро угрюмо сидел в одиночестве. Командующий Добрармией подошел и нему и дружески похлопал по плечу, сказал примирительно:

— Я понимаю тебя, Андрей, но не принимай близко к сердцу. Все устроится. Тебе хорошие телеграммы при-

шли: и Филимонов, и Председатель Рады приглашают генерала Шкуро в Екатеринодар. Будут праздники, награды...

Юзефович, разглядывавший в окно унылый садик, мокнувший под дождем, услышал разговор, оглянулся, переспросил:

— В Екатеринодар приглашают, Андрей Григорьевич? Боюсь, что там праздников не будет. Рада опять шумит, самостийники спят и видят Кубанскую республику. Уже заключили международный договор с каким-то горским племенем. Вчера Антон Иванович говорил, что с этим надо покончить.

— Мне все равно домой ехать, — продолжал Шкуро выражать свою обиду. — В отставку. Без меня берите Москву.

Вошел капитан Макаров с телеграфными лентами, бросил внимательный взгляд на Шкуро, передал телеграммы Май-Маевскому.

— Вот такие дела, Андрюша, — сказал Май-Маевский и зачитал: — *«Отставки генерала Шкуро не принимаю. Выезд его в Екатеринодар считаю нецелесообразным ввиду необходимости обеспечить оборону Воронежа и прикрытия правого фланга 1-го корпуса. Деникин».*

Только после генеральского обеда, оставшись вдвоем, Шкуро и Май-Маевский поговорили дружески. Хозяин тяжело дышал, откинувшись в кресле, расстегнув мундир.

— Тяжело, Андрюша.

— Лишнего хватил, отец. Нарзанчику выпей.

— На фронте тяжело. Хоть Саша и наступает, а дело идет к провалу. Потери огромные. Настоящих корниловцев в строю почти не осталось. Большинство — пленные красноармейцы. Сдались, чтобы английское обмундирование получить. Есть такие, что по три раза туда-сюда переходят. Тыл развалился — все продали и пропили.

— Пойдем с тобой оба в отставку, отец. Бросим эту лавочку. В Италию поедем. Там опера... Фунты еще есть? Подкину.

— Не шути, Андрюха. Надо фронт удержать, иначе всему конец. У Саши оба фланга открыты. Справа надежда только на тебя...

— Забудь ты эту стратегию. У меня дело серьезнее, сегодня уезжаю и оставляю тебе великую русскую певицу. Устраиваю ее в «Гранд-отеле». Ты прикажи своему Наше Макарову, чтобы присмотрел.

VI

Генерал Шкуро умел сражаться и побеждать по-казацки лихо и хитро: обойти и неожиданно ударить в тыл или во фланг, напасть ночью, устроить засаду, заманить в ловушку и всегда гнать, настигать, рубить... С весны 1918-го его «волки» гнали красную пехоту. Кавалерия на их пути почти не попадалась. Разве что прошлой осенью под Баталпагинской, когда отряд Кочубея напал на пеших казаков-партизан. Шкуро еще был полковником и сам пошел на выручку.

Развернул «волков» в лаву в один ряд — местность позволяла: поле, небольшой гребень впереди, за которым хутор, где кочубеевцы и пленные казаки. Шел широкой рысью к теплой синеве неба, нависшей над степью. Просторно и просто: перемахнуть приближающийся гребень и карьером ворваться в хутор. Но вдруг оживилась степь, и сверкающе-темная мчащаяся полоса встречной лавы отвязала небо от земли.

Только тот, кто командовал такой атакой и сам скакал в лаве, стремясь быть впереди, и, видя, как навстречу мчатся такие же конники в папахах, размахивая сверкающими клинками, только тот знает, что такое встречный кавалерийский бой. Да и он не знает, потому что не помнит, как прошли эти минуты, или всего одна минута, когда сближались две лавы, две массы людей на лошадях, охваченные звериной страстью рубить, кромсать, топтать, убивать... В эти роковые моменты все решает нечто не объяснимое словами, но отчетливо ощущаемое в груди, в сердце, в душе. Некий неповторимый тон, который нельзя потерять, иначе погибнешь. Так

музыкант держит в своей особенной памяти неслышимый звук: теряет — не возьмет нужную ноту, сфальшивит. И во встречном конном бою надо держать свой тон, горячий, веселый и жестокий, тогда будешь скакать вперед, и расступится перед тобой вражеская лава. Потеряешь тон, сфальшивишь, и лед страха охватит сердце, натянешь вдруг повод, заставляя коня поворачивать вспять, и через какие-то секунды будешь в ужасе скакать прочь с поля боя, чувствуя за спиной погоню, смерть.

Почти никогда две кавалерийские лавы, скачущие навстречу друг другу, не сталкиваются лицом к лицу, голова к голове, клинок на клинок. Одна не выдерживает, рассыпается, уходит в стороны, обращается в бегство. Знатки истории утверждают, что прямое столкновение атакующих масс конницы произошло в Аустерлицком сражении 1805 года, когда кавалерия Мюрата сошлась с русскими кавалергардами. Французы атаковали, восклицая: «Заставим плакать петербургских дам!» Но откуда историки знают, что в действительности происходило в том бою? Лев Толстой в своем знаменитом романе только и смог написать, что «все заволочло дымом», а потом зафиксировал итог: из кавалергардов после атаки осталось лишь восемнадцать человек.

Генералу Шкуро в бою с кочубеевцами удалось выдержать настрой на победу, и шагов за двадцать до столкновения лоб в лоб лава противника вдруг заломилась на две половины, уходящие в разные стороны, освобождая расширяющуюся полосу степи, где метались несколько лошадей без всадников. Тогда он еще был полковником и своими победами доказывал право на генеральские погоны. Теперь он генерал-лейтенант, командир корпуса и не должен лично водить в атаки своих казаков. И не поведет.

Еще в поезде, возвращаясь из Харькова, почувствовал настойчивые уколы, возникшие где-то под сердцем, там, куда не сумела пробиться большевистская пуля в Персии в конце 1917-го. Когда он задумывался о пред-

стоящих боях с кавалерией красных, сердце наливалось тяжестью, и каждый вздох вызывал новую боль.

К Воронежу его поезд подходил утром 15 октября. Когда до города оставалось около часа езды, вдруг справа, совсем близко, шагах в ста от железной дороги, пустынная подмерзшая степь раскололась разрывом снаряда, выбросив к серому небу тучи земли и дыма. Следующий разрыв прямо напротив салон-вагона. Песок, мелкие камушки и даже осколочки сыпанули в окна и в железо стенки. Вот она другая война — впервые снаряды рвались на пути роскошного генеральского поезда с волчьими мордами, скалящимися со стены вагона. Машинист ускорил ход, и разрывы остались сзади.

В Воронеже на вокзале Шкуро встретил генерал Губин. Поезд остановили не у перрона, как полагалось, а среди путей — у перрона стоял смешанный состав из пассажирских вагонов и теплушек, и туда грузили раненых. Губин доложил, что третий день идут бои с кавалерийскими отрядами красных.

— Пока удастся отбивать, — говорил генерал. — Они утром захватывают село, а мы вечером берем обратно. Большие потери. Этот эшелон не сможет взять всех раненых.

— Раненых — в мой поезд, — приказал Шкуро. — И сопровождение. Легкораненым — винтовки. Возможно нападение. Меня обстреляла артиллерия.

— В городе паника, — сообщил Губин. — Боятся красных, Буденного. На совещании командиров начальник Терской дивизии Агеев долго оправдывался — полк в панике бежал от красной конницы — случившееся объяснял действиями мамонтовских казаков, избегающих встречи с противником, уклоняющихся от участия в атаках.

Поправившийся после ранения начальник штаба Тагонов пространно объяснял, что Буденный избрал ошибочную тактику — нападает малыми отрядами — и это следует использовать. Генштабисты любят демонстрировать свои академические знания:

— Такую тактику применял Наполеон, — говорил Татонов. — А у Буденного получается плохо. Я приказал нашим командирам не ввязываться в бои с небольшими отрядами, а отходить, чтобы затем, собрав силы в кулак, обрушиваться на них и уничтожить.

— Мудро, — сказал Шкуро, не выражая особенного одобрения такой тактике. — И удаются такие маневры?

— С переменным успехом, — поспешно ответил Губин.

— На войне все с переменным успехом, — проговорил хмуро Шкуро и так же хмуро продолжал: — А теперь слушайте директиву Ставки.

Естественно, что все были угнетены: поставленные боевые задачи обрекали корпус на поражение. Предстояло защищать Воронеж, а когда атаки красных выметают силы, когда погибнут еще несколько сот казаков, надо будет не отступать, а отходить к Касторной, вдоль фронта, на защиту фланга корпуса Кутепова. Агеев вспомнил, что ему приказано направить всю свою дивизию в Таганрог для защиты Ставки от Махно.

— Завтра атакуете Буденного на участке Горки, а послезавтра грузитесь в эшелоны, — сказал Шкуро и на этом закончил совещание.

В холодный ветреный день 18 октября несколько раз сходились кавалерийские полки Шкуро с буденновцами, и возникали те роковые неуловимые моменты, когда за секунды до столкновения лицом к лицу, шашкой на шашку, у кого-то из кавалеристов вдруг слабеет нервная струна, теряется нота победы, и он сворачивает в сторону и в панике мчится назад, спасаясь от гибели.

Шкуро сидел в поезде у телефона, получая противоречивые донесения: то красные бегут, а то вдруг красный полк приняли за донскую дивизию генерала Секретева, подпустили противника совсем близко и сами обратились в бегство, потом его атака, и еще отступление...

Выслушивая донесения и отдавая короткие приказы, генерал разговаривал с Кузьменко, только что вернувшимся из Таганрога.

— Так что с Махно? — спросил генерал.

Запищал зуммер. Он взял трубку и услышал голос Губина:

— Моя дивизия восстановила положение. По вашему приказу я ударил во фланг красным и обратил их в бегство. Терская дивизия прекратила отход.

— Не отход, а бегство, — озлобляясь, поправил генерал. — Где красные?

— Занимают оборону на окраине деревни Собакино.

— Вы должны взять Собакино. Атаковать вместе с терцами, разгромить противника и захватить Собакино.

Генерал нажал на рычаг, приказал соединить с Агеевым и передал то же, заявив: атаковать, разгромить, взять.

— Тяжелый бой, — сказал Кузьменко, когда генерал закончил телефонные разговоры. — Дайте мне сотню. Не дело мне в тылу сидеть.

— Разговорчики. Так что Махно? Не будет с ним разговора?

— Гринчук к кому-то ездил в Бердянск, и говорит, что с белыми у Махно никаких переговоров не будет. Сейчас у него опять намечается дружба с красными.

— А деникинские дела твой Гринчук может наблюдать? То, что мы не знаем?

— Удастся — интендантство всегда все знает. Передал нам, что Деникин вел переговоры с поляками, с Пилсудским⁸⁸, чтобы вместе ударить на Москву, но не вышло. Не договорились. Теперь красные снимают с польского фронта войска и направляют под Орел.

— На Сашу Кутепова, — вздохнул Шкуро. — Чувствовал он, что дальше Орла не пройдет.

— Андрей Григорьевич, так и у нас здесь паника. Я приехал и не узнал город. Вокзал забит беженцами. Вагонов не хватает.

— Я вчера приказал начать эвакуацию населения и учреждений, кроме банков. Тебя ждал. Документ на тебя подготовлен — немедля ж начинай. Ты эти дела знаешь. Главное — взять свое. Война-то видишь, как оборачивается. Может, в Италию с тобой махнем. И Зеноныча возьмем.

— Гринчук говорил, что на Май-Маевского доносы идут: пьет и армию забросил.

— Не дадим Зеноньча в обиду. А ты давай по банкам.

— Лучше б сотню дали.

Вновь назойливый зуммер. Шкуро взял трубку и, почти не выслушав, закричал:

— Никаких разговорчиков! Атаковать. Сейчас сам приеду! Чтобы ужин для меня был накрыт в Собакино! Положив трубку, сказал недовольно:

— Придется ехать. Пойди, Коля, передай Татонову, чтобы взял полевую связь на себя. Мне — автомобиль и конвой. Сам — в Госбанк. Сделаешь все, как надо, завтра веди сотню. А то и эскадрон.

Шкуро добрался до наблюдательного пункта 1-й Кавказской дивизии, когда ее полки наконец лавой двинулись вперед. На наблюдательном пункте только штабные. В бинокль генерал видел уходящую в туманную степь конную лаву. Пулеметный и ружейный огонь почти затих — на горизонте на фоне неясных пятен — живыми кучками красная конница. Встречная атака, неужели Губин отступит, побежит? Что-то происходило не так: будто в кино остановилась лента. Это остановилась лава. От нее отрывались отдельные казаки, скакали назад, вскоре останавливались, возвращались, спешили. Вглядевшись, Шкуро заметил, что то же самое происходит и у красных. Обе стороны остановили атаку, залегли, начали перестрелку. Зеленоватые вспышки, коноводы уводят в тыл лошадей без всадников. На рысях за ранеными подъезжают тачанки. Атака не удалась, но и красные ничего не добились. Генерал Шкуро был согласен на такой исход. День кончался: туман, сгущаясь, переходил в сумерки.

VII

Кузьменко не мог думать ни о чем, кроме как о судьбе Леночки. Так и полетел бы туда, в слободу, но от Шкуро не отвертись — уже ждали верные казаки из конвоя, но среди них не мог найти ни одного из тех, что ох-

раняли с ним дома в слободе: что они с генералом выехали на позицию Кавказской дивизии? До позднего вечера хорунжий занимался банками, проверял наличность, изымал прямой налог. Брал, конечно, только царские и ценности, только в крайнем случае соглашался на денкинские «колокольчики».

В генеральский поезд Кузьменко вернулся к полуночи. В штабном вагоне шло совещание. Дежурный адъютант Медвянов сказал, что там шумно — генерал получил приказ Сидорина наступать, а остановка-то... Надо было хорунжему немедленно кинуться в Слободу, к Лене, но привыкший к порядку, он все же заглянул в купе. Увидев его, Шкуро сделал знак остаться.

— Они хотят, чтобы я с пятью тысячами пашек разгромил пятнадцать тысяч свежей конницы Буденного! — горячо говорил генерал. — Я, конечно, послал Сидорина куда надо, но, господа генералы, мы должны что-то сделать. Ведь на этом не кончится. Того и гляди придет шифровка из Таганрога.

— Сделаем завтра демонстрацию, Андрей Григорьевич. Атаку по всему фронту. Главное направление — Хреновое. В случае сильного сопротивления остановимся, чтобы не допустить больших потерь.

— Это можно сделать, но надо думать и об отступлении. Вернее, о переходе на участок фронта Орел — Касторное, что предусмотрено Ставкой. Я предлагаю, господа генералы, поручить штабу срочно сделать диспозицию на завтра, а с мостами через Дон начинать немедленно.

Все согласились, и совещание на этом закончилось. Оставшись вдвоем с Кузьменко, Шкуро стал жаловаться хорунжему, словно ища сочувствия:

— Слышал, мать их... Я уж не стал им говорить, что мне в Ставке насчитали. Будто у меня чуть не десять тысяч пашек, две тысячи штыков, сорок орудий, пять бронепоездов, пулеметов больше двухсот. Хоть бы пять тысяч насчитать — на Кубань уезжают казаки. Не хотят за Воронеж драться. Ну, а у тебя что?

— Набрал тысяч на тридцать. Не больше. Мамонтовцы пошуровали.

— Это они успели.

— Я закрыл и опечатал в ящик у знамени волка.

— Хорошо, Коля, а теперь война такая, что не отдыха ни мне, ни тебе. Нас Буденный так может шарахнуть, что в Дону утонем. Поэтому решили немедля строить мост через Дон у Гвоздевки. Кроме тебя некого туда послать.

И в эту ночь Кузьменко ничего не мог узнать: посккал со своими казаками в Гвоздевку. Не спали не только они: по дороге сплошь обозы беженцев, мужская брань, женский визг, детский плач. Деревня тонула во тьме, на реке горели костры. Работы никакой не велось — ждали утра. Хорунжий поднял спящих, пошумел, погрозил, и люди зашевелились. Запрягали лошадей в телеги — ехать за бревнами и досками, застучали топоры, в деревне зажглись огоньки: начались реквизиции.

Лишь к рассвету приехал полковник Михайлюк, специалист по мостам. Его сопровождали казаки. Среди них — Мартынов, один из тех, кто наводили порядок в слободе, обедал за одним столом с Леной. Мартынов, по всему видно, не хотел сам подходить: долго возился с лошадьё, привязывая ее на длинный повод к дереву, где еще можно пощипать подмерзшую травку. Наконец, нехотя, со стыдливо-виноватой улыбкой, подошел, достал трофейные папиросы.

— Закуришь, Николай, слабеньких? А я тебя ищу. Ты ж, видать, интересуешься, как там это все произошло.

— Что произошло?

— Не знаешь? Вон видишь Артюхов с полковником на бережку?

— Знаю я Артюхова. Он-то чего?

— Он за нами приехал в слободу, а народ там злобный. У этой хозяйки, что ты ночевал, нашли письмо хозяина, а он-то у Буденного командир какой-то, и... Артюхов взвился — рубить и сжечь. Да...

— А женщина? Та, Елена Аркадьевна?

— Ее-то мы заранее оттель забрали. Никита повел ее в другой дом. Куда-то далеко, где спокойно. Пришел,

сказал, что в порядке. Дождется, мол, красных, если что...

— Где Никита?

— Убили его вчера в атаке. Пулеметом резануло. Думали в Кавказскую отвезти, но теперь не проедешь — красные обстреливают.

Не помня себя, Кузьменко зашагал к Артюхову с одним желанием — рубануть. Мартынов спешил следом, успокаивал:

— Степаныч, не лезь, не горячись. У него родителей побили...

Артюхов понял, зачем так решительно шагает на него хорунжий, и так же решительно двинулся навстречу.

— Степаныч, не лезь, — кричал Мартынов. — Тебя же наши сейчас уложат.

— Ты чего, хорунжий, взбулгачился? — спросил Артюхов, остановившись шага за два от наступающего Кузьменко. — Краснюков пожалел? А знаешь, как они моего старика-отца расстреливали над ямой? А что с бедной мамой моей было, ты знаешь?

— И тебе надо стариков рубить? Они, что ли, твоих убивали?

— Я и молодого прикончил. Через ограду лез. Там я его и приклеил.

Кузьменко вспомнил, как они лунной ночью стояли у этой ограды с Леной, и она говорила: «И зачем ты воевать пошел? Разве для тебя это дело убивать людей?» И упало все в душе, и сердце заныло, и ослабело напряжение тела, готового к убийству. Хорунжий повернулся и, склонив голову, отошел.

— Так-то лучше, Николай Степаныч, — говорил Мартынов. — А бабоньку эту мы найдем. А нет — так красные ее пригреют. Она ж вроде ихняя.

VIII

Дни и ночи шли бои. Дни и ночи — поиски. Сотника Кузьменко назначили в Кавказскую дивизию в полк, занимающий самый левый фланг Воронежского участ-

ка — сзади предместья, река, липецкая дорога, слободы. Подчиненные казаки — опытные, понимающие — поглядывали в сторону вокзала — не пора ли по домам. В первый же день, в первом же бою проверили нового командира: эскадрон широкой рысью лавой пошел в атаку на окопы красных, темнеющие в бело-зеленой полузаснеженной степи. По окопам била артиллерия из-за реки Воронеж, красные отвечали. То шрапнель вспыхнет вверху, то пулеметная очередь прорычит, прошелестит над головой. Лошади шли плохо — скользили, хромали. Казаки матерились: «Неподкованных погнали мать их...» Кузьменко продолжал скакать впереди своей сотни, растянувшейся в одну лаву, но вдруг почувствовал, что звук сзади изменился. Хорунжий придержал коня и увидел, что сотня останавливается, казаки спешиваются, а пулеметы уже рвут землю, выбивая острые камушки. Казаки спешивались, отдавали лошадей коноводам, залегали. В соседних сотнях и эскадронах происходило то же самое.

— Дальше не пойдём? — спросил Кузьменко своих.

— Пулеметы, господин сотник. И другие залагут.

Пулеметный огонь стал сильнее, донесся заячий вопль раненого, еще минута — и эскадроны лежат в цепях, кови отведены назад.

— Надесь атаковали вон до той ложбины, — сказал один из казаков.

— Теперича он пойдет, Буденный, — сказал другой. Так и пронзило. Поднялись конники с той стороны, скакали с криками «ура!», поднимали красные знамена, но ударили пушки из-за реки, зарокотали пулеметы — и нет атаки. Остановились, спешились, залегли, исчезли.

— Он и не спешит на нас, — говорили казаки. — Знает, что его сила. Ждет, когда сами уберемся.

— А нам, неподкованным, и Бог велел по домам.

Вечером Кузьменко взял троих приглянувшихся казаков, объяснил, что ищет затерявшуюся где-то здесь, в слободе, сеструху и прокатался полночи по улицам и переулкам. Тут не было ни света, ни звука, ни окна, не забитого досками. Вообще не было жизни.

Утром хорунжий искал зазнобу, один, перепугал бабу, осмелившуюся пойти по воду. Та, конечно, ничего не сказала, только тряслась от страха. Он мечтал: найдет, попросит у генерала отпуск, ему Лену не покажет и уедет с ней к себе, в Ейскую. Хату наладит, деньги есть. Ее мальчика вырастит — от такой не мог негожий родиться. Свои пойдут. Говорят, Кубань станет свободной республикой. Начнется жизнь человеческая.

Дни и ночи — бои, дни и ночи — поиски, дни и ночи мечты. 23 октября с утра сыпанул снег, но под солнцем и ветром быстро стаял и открылась чистая, слегка побеленная степь. Шкуро только что получил шифровку, что корпус Кутепова оставил Орел и отступает к Курску. Начинать отступление из города с дальнейшим форсированием Дона на глазах противника нельзя. Ждать, когда Буденный начнет решительное наступление, тоже нельзя. Значит...

Рванулась казачья лава на восток, навстречу солнцу. Кавказская дивизия и части корпуса Мамонтова, приданные Шкуре. Тысяч шесть-семь пашек. Все командиры в строю. Только сам Шкуро с начальником штаба и ординарцами остались в автомобилях на наблюдательном пункте у переправы. Солнце било в глаза, но разве не увидишь темную сверкающую лаву кавалерии Буденного. На рысях или даже на галопе сближались тысячные кавалерийские массы. Подходил тот самый роковой момент. Даже в бинокль видно, что красная лава идет быстрее — казачьи лошади неподкованы. Замедляют казаки ход, останавливаются, крутятся, и...

Через мгновение казачья лава в беспорядке мчится назад. В них стреляют, их догоняют, рубят... Мчатся с ревом и ржанием лошади без всадников... Бой проигран. Красные догоняют и рубят отстающих.

Шкуро переехал на западный берег реки Воронеж, приказал отбить красную конницу артиллерийским огнем, вызвал командиров. Командовал почти спокойно — теперь бесполезно кричать:

— Отступать на Гвоздевку. Мосты там в порядке. Укреплять оборону по правому берегу Дона. Губин, держите Воронеж, пока корпус не закрепится на Дону.

— Удержу, Андрей Григорьевич. Они, по-видимому, сворачивают атаку.

— Да, — мрачно согласился Шкуро. — Не спешит Буденный. Орел они взяли. Лиски взяли — нам самим придется уходить. Им и атаковать не надо.

Наступила морозная ночь. Красные в город не вошли, и Воронеж лежал во тьме, как огромное мертвое животное. Лишь на станции редкие огоньки, Кузьменко уговорил своих пятерых казаков последний раз попытаться найти Лену — проехать еще раз по улицам. Вряд ли можно было надеяться на удачу, однако у казаков был свой интерес, они надеялись чем-либо поживиться на центральных улицах, поэтому согласились. Сначала направились к слободе. Ехали шагом, пытались убедить сотника вернуться. До сожженного дома Назариных далеко было, когда вдруг услышали отчетливую матерную брань. Казаки остановились. Из-за поворота на них поскакали двое с обнаженными клинками. Глаза привыкли к темноте, да и буденновские шлемы ни с чем не спутаешь — мчались на казаков красные с криками:

— Вот они, палачи, мать их... Офицерику я сниму, а ты, Степка, тех гони.

Казаки развернулись и карьером поскакали к окраине.

Кузьменко выхватил пашку. Буденновец приближался с пашкой наголо, но опытный кубанец знал прием. Не простая была встреча: перед ним оказался командир эскадрона Назарин — отец изрубленной семьи. С ним взводный Буйков — прах и его родителей остался в пепле сожженного дома. В эскадроне почти сплошь воронежцы.

— Митька стой, — кричал Буйков. — Я его из нагана положу.

Однако Кузьменко подал коня чуть вправо, пригнулся к седлу, и пашка просвистела мимо. Теперь бы резко вперед и рубить второго, но тот как-то хитро поставил лошадь боком. Лошади столкнулись мордами кусаясь. Сотник почувствовал холод пашки на руке и на левом боку, огонь разлился по телу, хлынул вниз к ногам. Оба буденновца, успокаивая коней, готовились к последним

ударам, но тут же вернулись казаки с криками: «Выручим сотника, ребята!.. Бей краснопузых!..»

Буденновцы рванулись за угол, казаки не стали их догонять, окружили раненого сотника. Кузьменко склонился вперед, бросив пашку, опирался на луку.

IX

Шкуро сам провожал своего незаменимого адъютанта в Екатеринодар, в госпиталь. Сопровождать направил Медвянова и двух казаков. Начальнику санпоезда пригрозил, что тот за все отвечает головой. Кузьменко почти не мог шевелиться, но был в полном сознании. Генерал вручал ему бумажник, набитый деньгами, и дал понять, что остальные сбережения будут в сохранности.

— Сам, Коля, скорее выздоравливай.

— Через Таганрог повезут, — сказал Кузьменко. — Они всегда так ездят. Пусть наши Гринчука найдут. Ему помочь надо.

— Вот Медвянов и найдет, — сказал Шкуро. — Понял, Федя? Николай скажет, как того человека найти. И узнать у него... — посмотри, никого нет возле купе. Да. Узнать, что за дела в штабе, что с Радой будут делать. И вообще, какие планы, какие разговорчики. Выздоровливай, Коля. Мы тебя здесь будем ждать. Буденный не спешит наступать — меня боится.

Конечно, Шкуро понимал, что Буденный не боится, а действует как мудрый командир. Коней содержит по правилам: после каждых двух-трех дней боев отводит полки в резерв, заменяя пехотой и свежим пополнением. А здесь, у Шкуро, даже подков не хватает на всех лошадей.

Выходя из санитарного поезда, генерал споткнулся, почувствовал боль в ноге, ушибленной под Коротояком, по платформе шел, хромая.

В поезд грузили раненых. Слишком много сопровождающих, заметил Шкуро, из них наверняка половина уедет. Надо бы разогнать плеткой, но он же не вахмистр. Шел, прихрамывая, и постепенно утверждался в мысли:

пора и самому в поезд — и на Кубань. Это не его война — атака Буденного, отступление; два дня перерыв и опять то же самое. Решил немедля дать телеграмму в Ставку о необходимости лечения последствий контузии.

На первую телеграмму пришел короткий отрицательный ответ: «Сложная обстановка на фронте не позволяет...»

Через неделю, когда заняли оборону всего верстах в десяти от Касторной, Мартынов, один из казаков, уехавших с Кузьменко, добрался до Касторной и явился в вагон генерала. Все новости передал устно — писать не решились.

— Ну, садись, Мартынов, докладывай. Ничего не забыл?

— Нечего и забывать-то, господин генерал. Только что Рада открывается, ну и в Ставке всякие разговоры.

— И что же Рада? Восьмого ноября открывается?

— Сказали седьмого. Такую вот книжечку выпустили.

Мартынов положил на стол брошюрку с названием «Казачья», напечатанную черной краской, небрежно и грязно. Шкуро полистал.

«...Так что же казачество? станет ли оно на защиту трудового народа, над которым уже вьются арканы, закидываемые помещиками, движущимися вместе с «Особым Совещанием» при Добрармии? Или его опять, как встарь, новоиспеченные цари и их лакеи обманут и приспят, опять обратят в oprичников, в палачей свободы и народа?...»

— Разговорчики звучат по-большевистски, — сказал Шкуро. — А большевики их не примут. Всем один конец: и Раде, и денкинцам. Казаки это читали.

— Многие уже знают. И еще сказали, что Кубань входит вроде как в тыл армии, и там назначается командующим генерал Покровский.

— Знаешь Покровского?

— Весной в Донбассе вместе воевали. Крепкий генерал. Любил шахтеров вешать. А еще, значит, Рада ждет батьку Махно.

— А что Махно? Есть разведка?

— Приходил к нам в поезд мужик. Сказал, что Махно берет Екатеринослав, и в его армии много большевиков. Еще этот человек сказал, что красные скоро возьмут и Харьков, и Таганрог. Надо, мол, думать. Просил, чтобы его не забыли и взяли на Кубань.

— Плохой у нас с тобой разговор, Мартынов.

— Плохой, господин генерал. Такие дела.

— Да. Такая война.

Война такая, что очередная атака буденновцев — и красная артиллерия уже бьет по окраинам Касторной. На очередную телеграмму с просьбой об отъезде на лечение, Шкуро получил тот же категорический отказ: «В связи с активизацией противника на участке Поньри — Касторное...»

15 ноября буденновская кавалерия ворвалась на окраину и взяла Касторное в кольцо. Поезд Шкуро едва успел проскочить на юг, к станции Суковкино. Генерал приказал оставить городок и дал шифровку в Харьков и Таганрог: «Корпус Буденного численностью около 20 тыс. шашек, укомплектованный тремя дивизиями, начал операцию по окружению моего корпуса в районе Касторное. Огромное численное превосходство над моими войсками, составляющими менее 5 тысяч и отступление находящихся слева от меня войск Добрармии по направлению к Курску грозят мне полным окружением. Поэтому сего 15 ноября оставляю Касторное и отхожу в полном порядке на линию Нижнедевицк — Суковкино».

Х

Капитан Гензель в эти дни находился в Харькове, исполняя обязанности офицера связи между Кавказской армией Врангеля, занимавшей участок Царицын — Астрахань и Добрармией Май-Маевского. Жил он в гостинице «Версаль», каждое утро являлся в особняк, занятый Май-Маевским, и каждое утро нагловатый адъютант генерала капитан Макаров объяснял, что «его

превосходительство работает со штабом — сложная обстановка на фронте». О сложной обстановке Гензель знал, но воспользовавшись слабостями сребролюбивого денщика, сумел узнать еще и о том, что командующий Добрармией с утра находится в невменяемом похмельном состоянии, а придя в себя, принимает лишь начальника штаба и контрразведчика.

Карлу Ивановичу этих сведений было достаточно — он имел главную тайную цель пребывания в Харькове. Сюда кружным путем через территории, занятые поляками, вдруг заключившими перемирие с Лениным, приезжали связанные от Маргариты. Содержание ее сообщений пока не удовлетворяло: госпожа Врангель оставалась в Петрограде, а ее опекуны надеялись на захват города Юденичем. Заехавший в Харьков, Врангель, по видимому, остался недоволен, но промолчал, заинтересовался другими вопросами:

— Что нового известно о наших друзьях Шкуро и Мамонтове?

— Нового ничего, Петр Николаевич. Бандиты остались бандитами. Вы же читали телеграмму Мамонтова. А теперь он допился до болезни. Помещен в госпиталь. А о Шкуро мой человек доложил, что Воронеж разграблен до нитки. И Касторное тоже. Награбленное генералом Шкуро исчисляется десятками, если не сотнями тысяч золотом. Он жалуется, что интендантство не дает ему подков на зиму, а сам мог бы всю армию снабжать.

— И даже золотые отлить, — позволил себе улыбнуться Врангель. — Я еду в Таганрог. Держите связь с Москвой и ждите моего вызова.

15 ноября Гензель получил телеграмму от Врангеля с приказом немедленно прибыть в Таганрог и найти его в Ставке. Следующим утром генерал уже разговаривал с ним в штабе, в отведенном для него кабинете. Высокий и самоуверенный барон стал будто еще выше и самоуверенней.

— На Юденича больше не надеемся — красные уже взяли Ямбург. Мне сообщили, что большевики сдаются

цельми ротами и батальонами. Судьба России решается здесь и нами. Я начинаю решительные действия: наводить порядок на Кубани и на фронте. Изменникам, трусам, бандитам в армии места не будет. Сейчас иду к главнокомандующему с предложениями. Пока не знаю, что сказать с Май-Маевским. Дивизию дать ему нельзя. Расстрелять?

— Ваше превосходительство, он больной человек.

— Уйдет в отставку.

— Госпожа Врангель напрасно ждала Юденича. Сейчас она в полной безопасности и всем обеспечена. Маргарита Георгиевна встречалась с ней неделю назад.

— Хорошо. Теперь ее надо переправлять не в Латвию, а в Финляндию. При первом удобном случае. Наверное, и Маргариту Георгиевну?

— Вместе опасно. Маргариту я переправил бы позже.

— Хорошо. Иду к Деникину.

На Верховного главнокомандующего напирала красная, напирала Кубанская Рада, напирал барон Врангель. Сидел перед ним, вытянувшись столбом, — глядишь, еще немного, и потолок проломит. Почти немигающие глаза фанатика, верящего в некие грозные силы.

— То, что позволяет себе Рада, больше нельзя терпеть, — с силой внутренней убежденности говорил Врангель. — Что это за письмо, которое там зачитывали? Классовая диктатура... Политика помещичьего шарашана и карет с графскими и баронскими гербами... Главное, конечно: «баронскими». Председателем признали убитого летом Рябовола, отъявленного самостийника. Заместителем выбрали Макаренко, который позволил себе заявить, что Кубань будто не родила до сих пор ни одного порядочного генерала. И он же кричал с трибуны, что к ним идет батько Махно и несет свободу.

— Что вы предлагаете, Петр Николаевич?

— У меня там Покровский. Я еду в Кисловодск и по дороге приказываю ему арестовать наиболее активных и опасных членов Рады — вот список, и... предать военно-полевому суду.

- Двенадцать человек. Расстрелять?
- Повесить.
- Я подумаю.
- Мне хотелось бы сегодня выехать.
- До отъезда получите мое распоряжение.

— Теперь об армии. Неудачи на московском направлении во многом объясняются полнейшим разложением Май-Маевского. Его никто не видел трезвым в течение многих недель. Кутепов сражается без руководства, а вы же знаете, что при всей своей храбрости и решительности он очень слаб в тактике и стратегии.

— Хорошо. У меня уже были сигналы. Отстраню от командования, кого назначать? У меня нет другой кандидатуры на должность командующего Добровольческой армии кроме вас, Петр Николаевич.

— Тяжелый крест, и я обязан его нести, Антон Иванович.

— И мой крест вы облегчаете.

— Но у меня неперемное условие: Шкуро и Мамонтов в моей армии служить не будут никогда.

XI

Сначала Шкуро подумалось, что генералы ошиблись, не поняли сложившуюся обстановку, не нашли верный ход и, получив наконец разрешение на отпуск, смененный приехавшим генералом Науменко, он поспешил не к дому, не в Кисловодск к Тасиньке, а к начальству. В Харьков приехал 23 ноября и с вокзала на автомобиле поехал к Май-Маевскому. Там его встретил только унылый капитан Макаров, причем заметно выпивший.

— Его превосходительство куда-то уехал прощаться. Без меня, — отвлеченно сообщил он.

— Как прощаться? Куда он едет?

— Его превосходительство отправлен в отставку. Мы с ним едем в Крым. Там тепло.

— Кто назначен?

— Еще не объявлено. Пока начальник штаба. Шампань есть, Андрей Григорьич. Вы вроде уважаете.

— Давай, Пава.

Закусывали виноградом.

— Слышали, Андрей Григорьич, как Деникин куранское правительство разогнал?

— Знаю, что Калабухова Врангель повесил. Троцкий Антон Иванович обещал на Красной площади повесить, но того не достали, а этот рядом. А с остальными что?

— Одиннадцать человек за границу отправил.

— Вот это хорошее наказание. И я бы согласился.

— Вчера в «Версале» ужинали. Гулеско вас вспоминал. Румын. Он боится. Не знает, что делать. Красные уже в Курске. И цыгане там, в «Версале».

— Так я их сейчас и заберу в свой поезд. Звони в «Версаль». Плевицкая не там?

— Ее Скоблин в Таганрог увез.

— А муж?

— Ну и муж с ней, а Скоблин обратно на фронт. Вам с цыганами и без нее будет весело.

В Таганрог Шкуро ехал с песнями, но держался аккуратно: надеялся на серьезный разговор, на правильные боевые решения. Утром был в Ставке, но Деникин его не принял — штабное совещание. Передал приказ: сделать доклад генерал-квартирмейстеру Плющевскому-Плющичу, а затем и Романовскому.

Сначала одному, а потом и обоим Шкуро доказывал, что победить красных можно, только разгромив кавалерию Буденного — теперь это уже Конная армия. Убеждал, что необходимо, не теряя времени, собрать все силы с других участков фронта, даже оголеть весь фронт хоть до Ростова, но собрать все, что есть.

Романовский на этот раз был доброжелателен и вежлив: осыпал Шкуро всяческими комплиментами, сочувствовал контузии, интересовался здоровьем жены, но с предложениями не соглашался.

— Мы знаем, что Буденный — реальная угроза фронту, и готовим ударную группу для операции против него, — говорил начальник штаба. — Но не преувеличиваем его возможностей. В группу Улагая мы сосредото-

чили десять тысяч шашек. Это ваш корпус, мамонтовский и Второй Кубанский корпус. И вам возвращается Терская дивизия.

— Иван Павлович, если у генерала Улагая и будет десять тысяч, ему не одолеть Буденного. Но десятки тысяч там и близко нет. Во Втором корпусе не четыре тысячи, а тысяча двести, и эти-то уже не бойцы, а почти уже дезертиры, потерявшие боевой дух. Пополнений с Кубани нет — казаки разбегаются, не доехав до Тихорецкой, начитавшись брошюрок и воззваний Рады...

— Но вот такие книжечки, наоборот, поднимают дух наших бойцов, — сказал Романовский с аристократически милостивой усмешкой и положил на стол брошюру, на обложке которой синие крупные буквы «ГЕНЕРАЛЬ ШКУРО» и серая волчья голова с оскаленными зубами и прижатыми ушами. Авторами брошюры были Н. Т. Добров, Ник. Туземцев. Поглядывая на это издание «Донской волны», 1919 года, хозяин кабинета мягко произнес: «Это, Андрей Григорьевич, искренний, восторженный рассказ о ваших победах, о преданности кубанского казачества, о великих заслугах, о ваших заслугах в борьбе за единую неделимую Россию. Этот экземпляр я вручаю вам, Андрей Григорьевич, а эту книжечку, пожалуйста, подпишите мне на память».

После такого дружеского эпизода дальнейший спор не получился, да и вряд ли можно было опровергнуть план, уже разработанный в Ставке. Шкуро еще попытался объяснить, что назначение Улагая вряд ли пойдет на пользу — обидится Мамонтов и его казаки. Романовский улыбался все дружелюбнее и загадочнее, словно приберег еще какой-то подарок для гостя. Шкуро, перелистывая книжку, все-таки не удержался от одного предложения:

— Если здесь меня изображают таким героем, так поручите мне формирование новых кубанских полков. От меня казаки дезертировать не будут.

В ответ Романовский посмотрел на часы и любезно передал приглашение на обед к Верховному главнокомандующему.

У выхода из здания штаба топтался немолодой унтер в новой хорошо пригнанной английской шинели. Его лицо показалось знакомым.

— Ваше превосходительство, вы меня не помните? Я Гринчук — мы с Колей Кузьменко...

— Да, помню. Рассказывай, Гринчук, что нового.

— Ничего хорошего, господин генерал. Деникин подписал приказ: вас и Мамонтова снимают с корпусов. Вместо Май-Маевского — Врангель.

XII

Представлялось, что за эти годы сложилось нечто серьезное, сильное, сумеет создать в России какой-то порядок. Надо было лишь присоединиться и воспользоваться тем, чем можно. Он, кубанский атаман Шкуро, так все и сделал: собрал своих казаков и, пройдя с ними по городам и селам, взяв добычу, как полагается казаку, пришел на службу к генералам, объявившим восстановление единой России. Он поверил Деникину, Романовскому и прочим — не со стариком же Филимоновым создавать какую-то выдуманную Кубанскую республику. Ведь там, в Добрармии, не одни генералы — там офицеры, с отчаянной храбростью сражавшиеся против большевиков. И что вышло?

Офицеров-то мало нашлось таких, которые «за единую». В 1918 году в Ростове и Новочеркасске собрались десятки, если не сотни тысяч офицеров, а в поход на красных пошли с Корниловым всего две-три тысячи, в большинстве это были те, кто, как и ты, полковник Шкуро, оказавшись на краю пропасти, боялись солдатской расправы. Да мудрые генералы затеяли свои походы, чтобы избежать наказания за участие в Корниловском мятеже, все, конечно. Саша Кутепов считает большевиков личными врагами. Потому и сражается как положено русскому генералу. И Москву бы он взял, если бы рядом были такие же. Но генштабисты не рядом, а за шестьсот верст, в Таганроге аккуратно вырисовывают карты. Романовский создает ударную группу против Бу-

денного, но что он может создать, если не видел, как скачут две лавы боевой конницы навстречу друг другу? Разведка доносит, что Троицкий на своем поезде выезжает на передовую и наводит там порядок.

Что же делать, атаман? Нет у тебя другого выхода, кроме как вновь создавать казачьи отряды и сражаться. Или... Может быть, на самом деле, махнуть в Италию? Денег хватит. Правда, ненадолго.

На обеде у Деникина Шкуро сидел, погруженный в свои мысли. Почти не пил — в поезде с цыганами свое возьмет. Когда собравшиеся начали подниматься из-за столов, Романовский, о чем-то посоветовавшись с Деникиным, поспешил к Шкуро и, как о награде, сообщил, что присутствующий на обеде начальник английской военной миссии генерал Хольман намеревается торжественно вручить генералу Шкуро орден Бани и просить назначить удобное время.

— Да хоть сейчас, — грубовато ответил Шкуро — надоела дипломатия с людьми, которым он не нужен. — А вечером прошу ко мне в поезд на торжество с музыкой.

Аккуратные англичане назначили церемонию на следующий день. В английской военной миссии был выстроен почетный караул. Генерал Хольман вручил драгоценный орден, похожий на Георгиевский крест с заσεвными у основания хвостатыми львами, и сказал:

— Этот высокий орден жалуетя вам его величеством за ваши заслуги в борьбе с большевизмом как с мировым злом.

— Я очень благодарен его величеству, что моя работа так высоко оценена.

Вечером генерал дал банкет в поезде в честь англичан. Были приглашены из Ставки Плющевский-Плющик и Романовский. Рядом с генералом Шкуро сидел Хольман, по другую сторону — генералы из Ставки, длинных торжественных речей не было. Сырой крепкий ветер бился в стекла и тревожил души собравшихся, не давая забыть о разрушавшейся жизни.

Перед гостями появился со скрипкой в руке изящный брюнет с горящими черными глазами.

— Господа, — объявил Шкуро. — Прошу вашего внимания к знаменитому скрипачу, господину Жану Гулеску, являвшемуся украшением петербургского «Аквариума».

Первые же звуки схватили и потащили в самую высь неизбывных страданий. Романовский заплакал и что-то бессвязно бормотал об одиночестве главнокомандующего и о предчувствиях своей гибели во имя исполнения долга до конца. Плющевский-Плющик почему-то вдруг шепнул, наклонившись к Шкуро: «У вас в штабе кто-то работает на красных. Поищите». Шкуро махнул на это рукой, как на нечто давно прошедшее, и присоединился к песне, воцарившейся над столом по команде волшебника-скрипача:

До-огора-ай, гори моя лучина,
До-огорю-у с тобо-ой и я...

XIII

Мороз добивал переживших годы войны, всеобщего развала, массовых убийств, смертей от эпидемий. Ослабевшие, потерявшие надежду на лучшее и веру в себя, они теперь встретились лицом к лицу с безжалостным морозом, чтобы вновь бороться за жизнь, или... или привалиться к стенке вокзала, как та окоченевшая старуха, и, наконец, заснуть последним сном. Но так просто уходить нельзя — как бы ни было тебе плохо, а ты еще нужен другому, тому, кто страдает больше тебя и надеется, что ты облегчишь его муки. Стахеев бросался в мороз, будто бился в железно-ледяную стену, носился по различным учреждениям, выпрашивая автомобиль. Но повсюду или совсем не осталось бензина, или из-за мороза в моторе не было искры, или не удавалось найти шофера, не мобилизованного на борьбу с Деникиным.

В Пролеткульте пусто — ни машин, ни людей, только полумертвый от холода сторож. И здесь Стахееву вдруг встретился Воронежский, возмущенный безобразиями: приехал с материалами от Льва Давыдовича, а во-

круг — полный развал. Конечно, не надеялся Михаил Петрович, что этот твердокаменный поможет, но все же пожаловался на судьбу, мол, надо встречать жену с ребенком из Воронежа, только что вырвавшуюся от белых, и нужен автомобиль. Воронежский задал только один вопрос: «Когда прибывает поезд?» Узнав, что обещали «около трех», твердо пообещал быть у Казанского в три — в начале четвертого.

В назначенное время Стахеев и Маргарита ждали в толпе внутри вокзала, по очереди выходя на мороз. Вскоре появился Воронежский, и все трое вышли на перрон — стало как будто теплее, солнце утопало в грязном снегу.

— Я уже привыкла к вокзалам, — сказала Маргарита. — Часто езжу в Питер по делам Цекубу⁶⁹. Знаете, конечно?

— Знаю, — сказал Воронежский. — Горький хорошее дело затеял. Продукты возите?

— К сожалению, бумаги. Иногда кое-что перепадает. Твоей, Миша, Леночке собрала и медку, и сахарку, и даже кофейку.

— А я, простите, ничего не смог, — извинился Воронежский. — Паек давно не получал. Мог вон на Сухаревку заехать, но время... На стене вокзала плакат:

«Рабочий!

Глупость беспартийную выкинь!

*Если хочешь жить с другими вразброд —
всех по очереди словит Деникин,
всех сожрет генеральский рот».*

— Стишки так себе, — сказал Стахеев, — Маяковский ищет новый жанр.

— Не до жанру — быть бы живу, — возразил Воронежский. — Лев Давыдович одобряет саму идею этих плакатов РОСТА. А вот и поезд.

Медленно двигался к перрону исходящий седым паром состав. Приходилось ожидать у начала перрона, поскольку неизвестно было, где искать приехавших. Встречающие надеялись, что пассажиров с детьми не так много, и Лену можно будет заметить издали. Стахе-

ев, как и полагается отцу, первым увидел незабываемую фигурку Лены, закутанную в платок, но не потерявшую женской поэтичности. Лена несла ребенка. Рядом несла узлы сопровождавшая ее Буракова, в кожаном пальто с меховым воротником, но тоже в платочке.

Михаил Петрович сумел обнять сразу обоих — и Лену, и сына. Чуть приоткрыв, отделанный кружевом платок, он дотронулся до нежного тепленького личика Аркашеньки. Ребенок запищал.

— Закрой скорее — простудится, — грубо прикрикнула Лена.

Собравшиеся представились:

— Воронежский Леонид Борисович, из команды поезда Троцкого.

— Буракова Екатерина Тимофеевна, заведомом Воронежской Чека.

— В командировку или просто провожаете? — поинтересовался Воронежский.

— Подружку как не проводить? Она меня выручала. На Кавказе от Шкуро прятала. А так я в Москву по делу — на курсы при ВЧК. Языки буду изучать. Я ж гимназию окончила.

У Воронежца все было рассчитано по минутам, и на Разгуляе он только помог по сугробам донести узлы и мешок с вещами и продуктами. В дом даже не зашел. А здесь и натоплено по-праздничному, и полный домашний уют: белоснежная кровать для ребенка, на столе все, что позволяет достать время, даже белые булки.

— Это ты все можешь прятать, — командовала Буракова. — Мы тебе не такое привезли. Даже вино Донское. А такого масла ты никогда не ел.

— А вот такое вы не привезли, — сказал хозяин и подвел к супружеской кровати.

Там лежала белая шерстяная кофточка с красной вышивкой.

— Вот подарочек, — восхищалась Буракова. — Ох и любит тебя муженек. Как это он так тебя одну оставил?

— Катя, я все эти месяцы не жила, мучалась. Смерти ждала.

— Ты, Миша, и не знаешь, как страшно ей там было. Дом сожгли, Назаркиных убили, Буйковых. Вы и их знали, Михаил Петрович...

— Не надо, Катя, — попросила Елена Аркадьевна.

— Она вот такая, — возмущалась Буракова. — Не хочет рассказывать, кто ее хотел вместе с ребенком прикончить.

— Однако ж какой-то добрый казак увел нас, а я его и не знаю.

— Ты и тех не знаешь, которые наших рубили и дом жгли. Чека сама раскопает. Пощады никому не будет. Поймать бы еще самого Шкуро!

Маргарита держалась и вела себя так, как и должна себя вести подруга молодой матери: нянчила, пеленала, ласкала, восторгалась семейным сходством, но и к разговору прислушивалась. Ее заинтересовали курсы, на которые направили Буракову.

— Скажите, Катя, — спросила она, — а меня могли бы туда принять. Я ведь тоже гимназию закончила. И у меня два языка — немецкий и французский.

— Документы надо, происхождение, — строго объяснила Катя. — Ну и чтобы кто-нибудь написал. Какой-нибудь начальник. Там у нас в Чека, знаешь, такие сидят, что глянет один раз и наскрозь тебя видит.

Вскоре Катя ушла туда, где ее ждали. Михаил возился с ребенком — еще не надоело. Маргарита вспомнила о Палихине: «Где он?» Хозяин объяснил, что тот воюет в конной Буденного. «Скоро и мы с Аркашенькой будем буденновцами».

— Нет уж, — резко возразила Лена, — своего сына я на войну не пуцую.

— Адресок бы дал? — попросила Маргарита. — С его письмом и на курсы примут.

— Как же тебя в ВЧК возьмут, если ты с офицерами связана? — сделав удивленное лицо, спросила Лена, когда муж вышел из комнаты.

— А кто узнает? — холодно посмотрев на подругу, проговорила Маргарита. — Ты, подружка, тоже была связана. Еще как.

— Замолчи, дура! Не было ничего! Это я так тебе брехала.

XIV

Он чувствовал, что «волки» уже в загоне, однако без надежды жить нельзя, а кроме надежды оставался еще и поезд с волчьими чучелами и музыкой, оставались и его офицеры и слава на всю Кубань. Выезжал Шкуро в станицы, говорил речи, убеждал разъехавшихся по домам казаков вновь собираться в отряды, назначал командиров, планировал выход на фронт. В своем доме, в Пашковской, на Крепостной улице устраивал ежедневные приемы просителей. Вечерами бывал в театре со своими офицерами — ему оставляли ложу. Жена отдыхала в Кисловодске.

В антракте душещипательной истории «Женщины и вино» он заметил в зале Гринчука в гражданской одежде: тот стал подавать знаки. Шкуро кивком пригласил его в ложу, но Гринчука опередил член Рады Миньков, прилип к генералу с газетой «Утро Юга» в руках. Захлебываясь, торопясь, он обвинял Шкуро в обмане людей. Как будто можно прожить — и тем более провоевать без этого обмана.

— Вот вы говорили журналисту, — возмущался Миньков, — что теперешнее наступление красных — это нажим отчаяния. И вот дальше: «Можно быть уверенным, что нынешнее наступление большевиков является последней конвульсией издыхающего уже большевизма. Это наступление является последней попыткой большевиков преградить нам путь на Москву, и разбив на этот раз большевиков, мы сможем уже без препятствий идти к Москве». Ведь это же... Это же... Красные у Ростова. Таганрог взят...

— Успокойтесь, господин Миньков. Конечно, журналист кое-что преувеличил, но идет война, и газета должна поддерживать боевой дух.

Гринчук подождал, пока Миньков наконец освобождает генерала, и отвел его в сторону.

— Андрей Григорьич, Врангель срывает формирование ваших казачьих частей. Потребовал от Деникина, чтобы тот по всем станицам дал телеграммы, что вы не имеете права формировать части.

— А что ж я имею право?

— Сказано: поднимать казаков на борьбу.

— Одни разговорчики. Да? А командовать будет дядя. Вот как они меня боятся. Врангель здесь, в поезде?

— Рядом с вашим.

— Еду. А ты там читай и слушай побольше. Чтоб не прозевать, когда нам всем драпать придется.

На автомобиле Шкуро доехал до вокзала, зашел в свой поезд, послал адъютанта Аликова в соседний врангелевский поезд. Через некоторое время Аликов вернулся и доложил, что в штабном вагоне едет генерал Шатилов. Шкуро слышал о нем — нечто вроде врангелевского хвоста: где один, там и другой. Великосветский разговор о сложном положении на фронте, о недоразумениях между Врангелем и кубанским геройским генералом Шкуро слушал вполуха, отреагировал, лишь когда услышал нечто серьезное:

— Врангель был неправильно информирован о вашей деятельности на фронте, — сказал Шатилов, — а нам ввиду такого тяжелого положения надо всем объединиться для спасения общего дела. По-моему, вам сейчас следует встретиться с бароном. Шкуро согласился без раздумий.

Перешли в салон. По сторонам от высокого генерала расположились Науменко и Шатилов. Зашел было Улагай, но даже стоять не мог — ухватился за стенку: болезнь. Мало единомышленников.

Разговорчики барона о тяжелом положении были, конечно, лишь вступлением. Что же он задумал? Это выяснилось, когда ушел Науменко.

— Главное командование не понимает обстановки, — заявил Врангель, уставившись холодными расширившимися глазами на Шкуро. — Нас всех ведут к гибели. Против этого надо бороться и искать какой-то выход. Требуется большой серьезный разговор, скоро Рождест-

во, и я собираюсь на два-три дня в Кисловодск. А какие у вас планы, Андрей Григорьевич?

Планы совпадали: жена и друзья Шкуро в Кисловодске, и генерал счел возможным пригласить Врангеля и Шатилова с супругами к себе на сочельник, то есть 24 декабря, а по-новому, по-большевистски — 6 января.

Почти всю ночь до Кисловодска длился ужин с легким вином и тяжелыми разговорами. Врангель пригласил за стол и некоторых доверенных офицеров, в том числе и известного Шкуро капитана Гензеля. Если б его не было, Шкуро чувствовал бы себя свободнее, говорил бы откровеннее.

Врангель был настойчив и самоуверен:

— Вся общественность и армия в лице ее старших представителей совершенно изверилась в генерале Деникине, считав его командование пагубным для дела. Присутствие же генерала Романовского на посту начальника штаба не что иное, как преступление. Настало время заставить во что бы то ни стало генерала Деникина сдать командование другому лицу. С этим согласны донской и кубанский атаманы, генералы Сидорин, Кельчевский, Покровский, Улагай...

Шкуро кивал, соглашаясь и отмечая мысленно, что кубанского атамана через пять дней только еще будут выбирать, что Улагай свалился в тифе, а Сидорин отдал свой Дон красным...

— Остановка за вами, Андрей Григорьевич, — продолжал Врангель, — за атаманом. Если согласие будет полным, то мы предъявим Деникину ультимативное требование уйти, а в случае необходимости не будем оттапливаться ни перед чем.

Так уж не хотелось Шкуро обижать Врангеля, того самого, который считает его бандитом, что сделав виноватое лицо, пробормотал извинительно:

— Не могу я, Петр Николаевич, сразу дать согласие. Это такой рискованный шаг, может весь фронт разрушиться. В сочельник у меня встретимся и решим все окончательно.

Когда Шкуро ушел в свой вагон, Гензель сказал Врангелю:

— Я был прав, Петр Николаевич: бандита можно только купить или запугать. Ему что Россия, что Кубань, что Кавказ — все один разбойничий притон.

— Если придется, то купим.

— Боюсь, Петр Николаевич, что у нас с вами денег не хватит.

И все же они заставили Шкуро задуматься в эту ночь. Он знал себе цену: напасть, изрубить, разогнать, пограбить и назад; и чтобы казаки были довольны. Понимал он, что, когда надо, и державе надо помогать, но если ее развалили, если рухнула держава, то не ему ее возрождать — есть генералы, генштабисты, что вокруг императора и министров терлись. Им и карты в руки. Были Корнилов и Алексеев, теперь — Деникин, Романовский, Врангель... Они повели людей в бой за единую неделимую. Но что-то не так у них выходит.

На «неделимой» Ленин и Троцкий крепко сидят — не сковырнешь. Сюда, на Кубань, уже подходят. А генералы что? Сражаются за неделимую? Костями готовы лечь? Сражаются, только вот не за Россию, а за свое место в этой армии, отступающей под ударами красных. Нет, Андрей Григорьич: не о России единой и неделимой надо нынче думать, а о том, чтобы в Италию не нищим бежать.

Когда утром в сочельник поезд остановился в Пятигорске, Шкуро приказал отцепить свой вагон и в сопровождении адъютантов направился в резиденцию терского атамана генерала Вдовенко. Тот был уже при деле — давал распоряжения офицерам. Еще шестидесяти нет, крепкий, умеющий держаться просто и по-командирски. Генерал-лейтенант, получивший чин еще от императора.

Устроились в кабинете, и Шкуро подробно изложил все врангелевские идеи. Вдовенко ответил мудро:

— Думаю, что это все не так. Тут чувствуется какая-то провокация. Во всяком случае, полагаю, что подобная генеральская революция преступна, и она нас всех погубит. Этого допускать нельзя, и я сейчас же экстренным поездом отправляю своего человека к донскому атаману

и к главнокомандующему. К вечеру мы будем знать точно всю обстановку. Ты же, Андрей Григорьич, никоим образом не соглашайся на ту роль, которая тебе подготавливается, а если придется действовать энергично, я тебе помогу.

— Все правильно, — сказал терский атаман, однако он не почувствовал дыхания ледяного ветра неудачи: генеральский заговор — признак разгрома.

Сочельник просто праздновали. С первых бокалов Шкуро неожиданно захмелел, понес какую-то чепуху, что-то из истории своих подвигов, требовал песен. Врангель и пришедший с ним генерал Эрдели ушли беседовать в соседнюю комнату и вскоре уехали.

Когда остались свои, Шкуро мгновенно протрезвел и сказал хозяйке и ее верной помощнице Графинчику, что надо срочно собираться за границу. «А дом?» — возмутилась Татьяна. Приезжаем в Екатеринодар — и сразу объявление о продаже. Собрать все, что можно, и — в Новороссийск. Через месяц там за место на пароходе будут стрелять.

Вспомнили о знакомых: Великий князь Андрей Владимирович с Матильдой Кпесинской, Великий князь Борис Владимирович с кем-то. И еще могли появиться многие.

— На сборы дня три-четыре, — сказал хозяин.

— Нет, — по обыкновению, возразила хозяйка. — Нам с Ниной надо привести себя в порядок. У нас шьются платья.

Решили выезжать в последний день 1919 года по старому императорскому календарю.

С утра в этот день было сухо и солнечно. Возле салон-вагона толпились некоторые желающие уехать, но не получившие приглашения. Одного Шкуро заметил, глядя в окно, и даже решил выйти к нему.

Перед ним стоял невысокий унылый человек кавказского типа с безбородым бледно-синим лицом, с большими темными глазами, выражавшими безысходное горе. Конвойный казак отгонял его, тот покорно отходил и вновь возвращался.

— Пусть подойдет, — приказал Шкуро.

Кавказец подошел и смотрел на генерала не с надеждой, не с просьбой, а с глубоким безутешным сознанием непоправимого несчастья.

— Что случилось, Муразов? — спросил Шкуро, хорошо помнивший щедрого хозяина гостиницы «Бристоль». — Дети здоровы? Как жена?

— Пока живы, Андрей Григорьевич. Придут большевики — всем конец. Уже обещали. Знаю — вы князей везете, генералов... меня никто не повезет.

— Что за разговорчики, Мураз? Ты же мой кунак. Бери всех и все, что надо — и в мой поезд. Полвагона дам. Мало?

— Хватит, Андрей Григорьевич, великий ты человек. Моя жизнь и жизнь моей семьи спасаешь. Очень мало вещей возьму.

— Бери сколько надо. Отправляюсь часа через полтора.

Генерал Шкуро — человек. Он, как и все нормальные люди, испытывал особенно сладкое чувство, когда помогал другому в беде. Однако не мог он в тот момент предсказать, что вряд ли кто-нибудь поможет ему на Западе больше, чем этот Муразов.

XV

В Новороссийске уже скапливались беженцы, но еще царил порядок: у причала стоял английский пароход «Ганновер» с большой красной трубой, документы у трапа проверяли русские контрразведчики и английские матросы с короткими винтовками и примкнутыми штыками. Дождь, вереницы автомобилей, женский плач и аккуратная работа грузчиков, поднимающих на борт сундуки и чемоданы в веревочных сетках.

Генерал-лейтенант Шкуро, кавалер ордена Бани, попросил встречи с капитаном — вышел помощник. Генерал интересовался условиями, в которых поедет его семья. Офицер показал ему вход в огромный трюм с железными стенами, железными двухэтажными нарами

и различными приспособлениями для пассажиров. Шкуро отрицательно покачал головой и вновь показал орден Бани с приставшей к нему как бы случайно пачкой английских фунтов. Для семьи Шкуро была предоставлена благоустроенная каюта.

Прощание оказалось суетливым и беспорядочным: внезапно объявили выход на буксире за мол в открытое море. Для связи подумали использовать русское посольство в Константинополе. Шкуро просил Муразова помочь семье. Великие князья решили плыть на каком-то военном корабле.

И потащился «Ганновер» в дождливую темнеющую муть волнующегося моря, а генерал Шкуро остался на том кусочке русской земли, где еще можно было существовать генералам. Денег осталось мало — Тасинька большую часть забрала, но еще были свои казаки. В автомобиле ждали Колкин, Аликов, Медвянов и новый начштаба — генерал Стогов. Еще дом, который срочно продавался, и был поезд с музыкой, электричеством, салон-вагоном и, конечно, с ужином.

Гулеско играл на скрипке. Глаша и Маша пели «К нам вернулся наш Григорьич дорогой». Даша сидела у Шкуро на коленях, на море стреляли, но к этому привыкли: англичане вели огонь с миноносцев по прятавшимся в горах «зеленым».

Наутро был опубликован приказ № 45 по Войсковому штабу Кубанского казачьего войска за подписью нового Войскового атамана генерал-майора Букретова об официальном назначении генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро командующим Кубанской армией.

Не пропадет атаман Шкуро — не Деникину теперь будет служить, а Кубанскому казачьему войску. Никакой республики эти новые атаманы, конечно, не создадут, и без Деникина не повоюешь, но все посвободнее. Задача: держать оборону по Маньчу на участке Великокняжеское—Дивное. Все надо делать как положено и, главное, готовиться к ближайшему неведомому будущему. Положено отдать приказ, и его сочинили вместе со Стоговым:

«Родные кубанцы! В грозную минуту, когда казачеству и свободному существованию нашего родного края грозит смертельная опасность, в этот исторический момент, когда красный зверь стоит у наших границ, поднимайся, Кубань! С нами Бог и Правда! Вы же, старики-отцы, благословите нас!»

Сочинили и интервью для «Утра Юга». Корреспондента пригласили вечером на ужин с умеренным количеством вина, включили все лампы, они ослепляли и выделяли достопримечательности покоев генерала — чучела волков. На следующий день в газете можно было прочесть заявление Шкуро:

«Идеалы Добровольческой армии последнего периода потерпели полное крушение. Последняя ставка делается на казачество. Сейчас один лозунг: тесная спайка всего казачества и защита казачьих границ. Но без Деникина казачество окажется бессильно в борьбе. «Вся земля — трудовому народу». Этот принцип должен быть положен в основу земельного вопроса».

Красные готовили очередное наступление. Поезд Шкуро стоял на станции Тихорецкая среди других поездов — санитарных, воинских эшелонов, товарных. В начале хорошего солнечного дня, прямо к завтраку, неожиданно приехал генерал Махров — начальник военных сообщений Кавказской армии. Шкуро не совсем понимал, чем занимается этот серьезный наголо бритый человек с постоянным тревожным вопросом на лице. Однако на всякий случай показал себя, как он думал, с лучших сторон. Скромный завтрак с небольшим количеством вина, деловой разговор. Махров интересовался продвижением красных, начавших наступление вдоль дороги на Ставрополь и по железной дороге на Торговую. Шкуро изображал этакого полевого атамана, не интересующегося штабными премудростями, и рубил прямо: «Здесь у них не главные силы, и я их остановлю. Буденный против Донской армии — вот там и разбейте стратегии. Я в вашей стратегии, господа, ни черта не понимаю. Хороший набег сделать — это я умею. Сформируем армию, а потом, Бог даст, станем

громить большевиков, как я их бил под Екатеринославом и Воронежем».

Заговорили о потерях, и Махров вспомнил о недавней смерти хорошего знакомого своего военного коменданта на станции Калач.

— Осталась вдова с детьми, — сказал генерал, — а пособие такое, что на неделю не хватает.

— Аликов, бумагу и карандаш, — приказал Шкуро.

На клочке бумаги написал: «Дежурному генералу Столетову. Выдать немедленно вдове полковника Михалева 200 тысяч рублей пособия. Генерал Шкуро».

Когда посетитель с благодарностями распрощался, Стогов философски заметил:

— М-да-а... А Верховный главнокомандующий генерал Деникин получает шесть тысяч триста в месяц.

— Ему хорошо, — ответил Шкуро. — Он сам себе назначает.

Солнце оживляло станцию с толпами казаков, солдат, женщин с мешками. Некоторые о чем-то разговаривали, подходили к стене здания станции и читали наклеенный приказ Шкуро и газету «Утро Юга» с его интервью.

Авторское самолюбие — великая вещь: генерал вышел из вагона один, без ординарцев, по-свойски — в шинели нараспашку, подошел к читающим газету нескольким казакам и поздоровался. Ответили ему не в лад, не по чину, но это не насторожило — ведь это разговор дружеский.

— Пора, казаки, обратно в поход собираться, — сказал Шкуро. — Красные на нашу Кубань прут.

— Вот и собирайся, генерал, — с вызывающей грубостью вдруг ответил чернобородый неулыбчивый казак. — Тебе надо — отправил со своей бабой мешки с золотом в Турцию, давай за новыми.

— Нынче он особо не соберет, — заметил другой. — Большевики не дадут. Это в Екатеринославле я сам ему ящики запаковывал. Помнишь, Андрей Григорьич, там сервизы в позолоте?

— Да вы что?.. Казаки! Да разве ж я без вас...

— Без нас, без нас!.. На пароход без нас грузил. А мы тут остаемся. Станицы наши пожгли, родных побили, товарищи наши по всей России косточки свои раскидали, а ты... Пошли, ребята, а то еще повесить прикажет. Он любит это дело...

Ни на кого не глядя, Шкуро вернулся в поезд, ушел в купе-кабинет и потребовал водки. Так просидел до вечера. Как раз в этот вечер вернулся из Ейска Кузьменко — туда тоже подходили красные, и ему пришлось кое-что тащить с собой. Зашел к генералу и не узнал его: пожелтевшее лицо в морщинах, воспаленные глаза провалились — лишь волчьи огоньки посверкивают, волосы растрепаны, истерически дергается большой глаз.

— Андрей Григорьич, что с тобой? Заболел?

— Россия заболела. Садись пей, покуда жив. Скоро нас повесят. Но сперва я их повешу.

XVI

Главные бои шли на фронте Донской армии — от Ростова до Егорлыка. Здесь Первая конная рвалась к Белой Глине, к Тихорецкой и далее — к Екатеринодару. Против войск Шкуро действовала 11-я армия, которая имела задачу захватить Ставрополь. Генералу было приказано выехать в Ставрополь и руководить обороной города, а в случае необходимости организовать эвакуацию.

Подъезжали затемно. В февральской черноте за окнами летели вместе с вагоном спящие лампы в покачивающиеся волчьи чучела. Шкуро хоть и не подстригся, но кое-как причесал свои лохмы. Шел серьезный разговор один на один с генералом Остроуховым, который, как оказалось, понимал дело и умел действовать.

— А я в ту сторону тоже поглядывал, — говорил Шкуро, — но не знал, как подойти.

— Андрей Григорьич, я знаю там все ходы и выходы. Еще в мирное время занимался. Всех шкиперов знаю: и батумских, и сухумских, и многих турецких. А сейчас подходит самый сезон — весна... Знаете, сколько можно взять?.. Ну... Не скажу.

— Главное, давай подбирать казаков, какие с нами пойдут. Ведь эта наша армия сейчас разбежаться начнет...

— Верно, Андрей Григорьич. А в ту мясорубку, в Новороссийск, нам не к чему лезть. Они там друг друга передавят.

— Конечно. Саша Кутенов нас взял бы, — вспомнил Шкуро приятеля.

— Пусть он едет туда, а мы сюда.

В Ставрополе Шкуро ждали вице-губернатор, офицеры, контрразведка — у всех на лицах обреченность. Опытный взгляд генерала определил: город, считай, уже сдан. Пригласив собравшихся в салон-вагон, он приказал подать легкие закуски и заняв председательское место, открыл совещание. Вице-губернатор долго объяснял причины отсутствия губернатора, затем зачитал длинное и бестолковое объявление об эвакуации: «...обязаны при эвакуации Губернского управления выехать из гор. Ставрополя вместе с ним, в противном случае... будут им преданы военно-полевому суду... обязаны сего числа до трех часов дня...»

— Это ваш документ, — остановил Шкуро чтение. — Действуйте в соответствии. Приказ воинским частям мы подготовили. Что еще?

— Очистка тюрем, ваше превосходительство, — сказал худощавый капитан.

— Но вы же подготовили свои предложения?

— Так точно. У меня три списка. Первый — немедленное освобождение. Второй — освобождение в последний момент, а третий... — капитан замолчал, выразительно взглядываясь в генерала.

— Сколько в третьем?

— Шестьдесят восемь человек.

— К повешению?

— Никак нет. Не сможем подготовить. Расстрел в поле у Холодного Родника.

— Покажите третий список.

— Для вас личный экземпляр, ваше превосходительство.

Шкуро бегло просмотрел графу «обвиняется»: учас-

тие в большевистском отряде... агитировал на митинге за комиссаров... семья прятала в хате красноармейцев... были связаны с красной разведкой, сообщали сведения, укрывали разведчиков... служил в контрразведке у красных... служил в отряде Кочубея...

— Подписывать я не обязан, но, в общем, согласен. Действуйте.

Дела были закончены, поезд командующего Кубанской армией направился в Усть-Лабу — отсюда недалеко и до Екатеринодара, где все командование, и до Кавказской, откуда можно рвануться на юг, как предложил Остроухов. Здесь оказался ставропольский прокурор Краснов, однофамилец атамана, пытавшийся добраться до Екатеринодара. Попал к ужину. Его пригласили за стол, яркий свет, закуски, штабные, адъютанты. Шкуро обещал довезти до Екатеринодара, но прокурор оказался слишком въедливым.

— Я, конечно, не поверил, ваше превосходительство, — сказал он, — однако в Ставрополе устроили бойню арестованных и сослались на ваш приказ.

— Врут, — отмахнулся Шкуро. — Я лучше вам расскажу...

— Нет, я прошу вас, Андрей Григорьич, об этом деле. Я же прокурор. Обязан разобраться.

Шкуро недовольно объяснил:

— Когда я там был, мне доложили, что тюрьма разбита на три категории: первую я приказал немедленно освободить, вторую в последний момент, а третью...

Шкуро отвел правую руку в сторону, словно отодвинул что-то мешающее.

— Как это? — переспросил Краснов.

— Ну... Вывезти. У меня и список был.

— Я сейчас принесу, Андрей Григорьич, — услужливо подскочил Аликов, а эта услуга была генералу весьма неприятна.

— Да чего там смотреть, — убеждал Шкуро прокурора. — Все подлежат военно-полевому суду.

— А вот женщина? — нашёл Краснов фамилию в списке.

Шкуро взял список и приказал Кузьменко, сидевшему близко за столом:

— Господин подъясаул, спрячьте этот документ, мы произведем в Ставрополе расследование. Правда, красные его уже взяли, но это ненадолго.

Кузьменко взглянул на список и сразу увидел:

«Жители станицы Темнолесской Сергунин Матвей, его жена Сергунина Катерина, их сын 25 лет Сергунин Павел — имели связь с разведкой красных, принимали у себя разведчиков, давали сведения о войсках Добармии и казаков. Расстрелять».

За столом шел какой-то спор, но потрясенный Кузьменко не сдержался и спросил генерала:

— Андрей Григорьич, помните деда Сергуню из Темнолесской? У него еще сын на фронте ногу потерял.

— Не помню, — ответил Шкуро резко: ишь, мол, подъясаул распустился.

Не помнит! И Лёну не помнит! А она тогда навела на него наган, и палец был на спусковом крючке. Убила — чувствовала, что встретятся. И была теплая ночь в Вороже... И как же теперь жить тебе, Коля, если ты никогда больше ее не увидишь?

XVII

Кузьменко смотрел на своего генерала, и от ноющего сердца к жаркой голове поднималось все гнусное и несчастливое, все непристойное и чудесное, что связывало его с этим человеком и с той, исчезнувшей навсегда. Он бы мог убить Шкуро прямо здесь на пустынной набережной Туапсе. Но тогда бы не осталось ничего.

Такое тихое хитренькое море, словно и нет за горизонтом, на крымской земле армии, готовой вновь продолжать убийства, грабежи, пожары, развал жизни. Шкуро, поглядывая на море, разговаривал с Шифнер-Маркевичем — встретились старые соратники. Другие генералы и офицеры стояли поодаль, возле автомобилей.

— Значит, обоих нас уволил Врангель? — съехидни-

чал Шкуро. — А наша армия-то вот она. И штандарты в Крым отправили. И сами уедем.

Он кивнул в сторону поселка, занимаемого казаками. Более пяти тысяч привели сюда, не считая беженцев, которых не счесть.

— Но что дальше будем делать, Андрей Григорьевич? Сзади Тридцать четвертая дивизия красных, и к ней, по некоторым данным, придан эскадрон конницы Буденного.

— Они после таких боев не скоро соберутся. С Сочинским Комитетом Освобождения у нас перемирие. Так что отдыхай, Антон Михайлович, и за морем посма-тривай. Вдруг господин барон о нас вспомнит.

Шкуро зашагал к своему автомобилю. На ходу кивнул Кузьменко: «За мной, Коля». Возле автомобиля ждал Остроухов, оказавшийся вдруг одним из самых приближенных к генералу людей. Сели втроем, Шкуро, конечно, впереди. Дорогу указывал Остроухов. Остановились у крепкого каменного дома с плоской грузинской крышей. Их ожидал хозяин грузин с аккуратными усами и мудрыми глазами. Его звали Арчил. На столе — густое красное вино и лепешки.

— Рассказывай, Арчил, — сказал Остроухов. — Это те люди, которые все возьмут и за все заплатят. Сколько в Сочи товара?

— В этом году мало. В мирное время по пятьсот тысяч пудов собирали. Сейчас хорошего едва двести, может, двести пятьдесят. Общественный Комитет выпустил боны на табак по двадцать пять, сто и двести пятьдесят руб.

— Это разговорчики, — сказал Шкуро. — Весь табак наш. Ты, Арчил, вместе с моими людьми немедленно едешь в Батум и Сухум, собираешь шхуны, катера... Все, что можно.

— Из расчета на двести тысяч пудов, учитывая разный тоннаж более пятисот судов. И лодки в ход пойдут, и пароходы. Я этим занимался. Главное до Батума, а там кое-что перегрузим. На океанские.

— Упаковка на складах крепкая? — спросил Шкуро.

— Специалисты. Живут этим, — ответил Остроухов.

— Итак, операция начинается, — подытожил Шкуро. — Сегодня уезжают Арчил и Кузьменко с казаками.

— Мне тоже следует поехать, — сказал генерал Остроухов. — Шкипера меня хорошо знают.

— А как же склады? — переспросил Шкуро.

— Войдете в Сочи, поставьте охрану и ждите нас.

Генерал согласился.

Расходились в разные стороны, Шкуро позвонил к своему автомобилю Кузьменко и сказал так, чтобы не слышал больше никто:

— С этих двоих глаз не спускай и слушай все разговоры. Это, Коля, не водочный завод, а не меньше ста миллионов фунтов. В Европу едем.

Следующим утром Шкуро приказал денщику аккуратно побрить и причесать его, позавтракав с Шифнером и адъютантами, и пригласил их вновь на набережную, откуда открывался вид в сторону Сочи. Погода та же пляжная, игрушечная. Генерал навел бинокль на Лазаревку, опустил и сказал Шифнеру:

— Беспорядочки, Антон Михайлович.

— В чем дело, Андрей Григорьевич?

— Красный флаг вижу. Разберитесь и доложите. И на Сочинском маяке.

Сказав это, Шкуро ушел в занятый под штаб дом, проигрывая в уме дальнейшие действия. Вскоре появился Шифнер и доложил:

— Это флаг крестьянского ополчения — на красном поле зеленый крест. Они отказываются его снимать.

— Разговорчики для прикрытия большевистских символов. Телефонная связь с ними есть? Соедините меня.

В Сочи к телефону подошел командующий крестьянским ополчением. Шкуро сказал ему решительно и грубовато:

— Я требую немедленно спустить красный флаг и поднять над маяком трехцветный флаг Добровольческой армии.

— Над Сочи флаг крестьянского ополчения, господин генерал. Ваше требование является нарушением заключенного перемирия. Наш флаг не будет спущен до тех пор, пока Сочи не будет с бою занято вашими войсками.

— Если наше требование не будет вами исполнено, мы сейчас же начнем артиллерийский обстрел Сочи.

Шкуро положил трубку, дал распоряжение Шифнеру начать наступление на Сочи дивизией Агоева и послать «волков» Колкина в дальнюю разведку навстречу красным. Прибывший вскоре разведчик доложил, что красные приближаются и не позже чем завтра, то есть 7 апреля захватят Туапсе.

Приморское шоссе мгновенно преобразилось, Шкуро и Шифнер успели вывести своих казаков на шоссе в колонну по шесть, а за ними — дикий табор лошадей, телег, мешков, орущих баб, матерящихся мужиков. Тысяч пятьдесят кубанских казаков с семьями, отложившихся от Деникина, брошенных своими атаманами, надеющихся неизвестно на что — даже на милость Красной Армии.

Передовые полки Шкуро широкой рысью к вечеру вошли в Сочи. Здесь к их приходу подготовились: большая часть населения с ценными вещами ушла в горы, однако склады табака остались на месте, как имущество общественное, то есть не ничейное. Шкуро приказал немедленно поставить туда двойную цепь охраны, проводить через каждый час смену и личную проверку генералами. Теперь табак стал военным трофеем.

Уже утром появились первые лодки и мелкие шхуны, присланные Остроуховым. На каждой кроме шкипера — казак. Погрузка шла прямо с берега по цепи казаков. Цена — бросовая. Сочинские табачные боны мгновенно превратились в бумажки, замусорившие набережные.

Когда подошла орава казаков-беженцев, пришлось выстроить дополнительную цепь охраны. Защитили склады с табаком и центр с ресторанами, главное — Ривьеру. Здесь ночью пели:

Кто на поле брани
Всем пример давал?
То герой Кубани Шкуро генерал...

Сам герой танцевал лезгинку.

Ворвавшаяся в город масса беженцев грабила окраины, где уже ничего не оставалось.

Когда операция с табаком частично была завершена, то есть товар перевезли в Батуми, там продали по ценам рынка турецким и французским коммерсантам, и потом под строгим контролем Шкуро произвели расчет, радировали в Севастополь, чтобы выслали суда за боевыми частями. Чтобы не взволновать беженцев, местом погрузки выбрали Адлер — Гагры. Конечно, спешили, и не обошлось без беды. Сотни две разведчиков-«волков» остались на берегу. Им могли бы спустить шлюпки, да они сами доплыли бы, но следом примчался эскадрон красных кавалеристов в уже привычных шлемах-буденновках. Командовал эскадроном начальник Особого отдела полка Палихин. Синие петлицы на гимнастерке, четыре кубика на рукаве.

«Волки» не сопротивлялись — неожиданность расслабила. Бросили оружие, выстроились в шеренгу вдоль прибрежного кустарника. Сзади — море солнце, свои казаки — все, что больше никогда не увидишь. Палихин сам обошел шеренгу, рядовым казакам приказывал отойти в сторону и поискать лопаты. Остальным объяснил:

— Приказ Предреввоенсовета Троцкого рядовых казаков не расстреливать. Вас, господ офицеров, это не касается. Сами все знаете, сами все умеете, сами это делали. И я так перед вами стоял. Пускай ваши казаки отроют вам яму поудобнее, а вы пока можете покурить.

Покурили, поматерились, попросили разрешения спеть. Запели: «Ты Кубань, ты наша родина, вековой наш богатырь...» На море штиль — слышимость хорошая, отплывавшие в Крым песню слышали. Потом они слышали пачки выстрелов, несколько вскриков, еще

выстрелы. А через некоторое время донеслось: «По коням! Вперед! Рысью ма-арш!..» И другая песня, совсем новая:

Веди, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит, пускай пожар кругом.
Мы беззаветные герои все!
И вся-то наша жизнь есть борьба!..

ПРОЩАЙ РАДОСТЬ, ЖИЗНЬ МОЯ

I

Когда твою жизнь прекращают с такой расчетливо-мучительной жестокостью, то не мысли мечутся в ужасе, а сами мозги пылают пожаром, выбрасывая языки пламени, прожигающие сердце, душу, весь мир вокруг. И невозможно собраться и задуматься, почему именно тебе предназначена чаша сия, почему тебя превращают в ничто таким страшным и постыдным способом. Где повернул не в ту сторону? Что он сделал не так?

Другие генералы и воевавшие рядом, и командовавшие, приказывавшие тебе идти на Москву и убивать как можно больше красных, избежали такой участи. Сам Деникин сидит за океаном, пишет том за томом, в которых совершенно серьезно повествует о том, как прекрасно он составил приказ номер такой-то. Хитрый мужичок полячок. В сорок лет женился на девушке, которую знал еще грудным ребенком. За всю Гражданскую не участвовал ни в одном бою. Весь «Ледяной» поход проехал в обозе, а в должности командующего сидел в глубоком тылу: фронт под Орлом, а он в Таганроге. Бежал за границу в 1920-м и, чтобы не опоздать, немедленно заявил, что он «морально разбит», политикой заниматься не хочет и просит оставить его в покое.

А генерал Шкуро, народный герой Кубани, оказавшись в эмиграции, не хотел забыть о той России, за которую сражался. Не только не забывал, но и действовал,

как генерал и атаман. Уже осенью 1921-го сидел со своими казаками в берлинской пивной на Курфюрстдамме и говорил там о борьбе против большевиков. Рядом были и Кузьменко, и Колкин, и Артюхов, и другие офицеры, а с ними в том числе и Куманов, обосновавшийся здесь с 1918-го, и те русские, что оказались в Германии в 1917-м, а то и раньше.

Пили много и съели гору сосисок — Берлин перестал голодать с помощью победителей французов, а у генерал-лейтенанта Шкуро еще не иссяк золотой запас. Говорили о неминуемом крахе большевистской России. В Кронштадте не вышло⁷⁰ — в Севастополе удастся. На Волге голод — людей едят. В крестьянских губерниях бунты. В новую экономическую политику никто не верит.

— Ввести туда наш корпус, — сказал Шкуро, — такой, как был в девятнадцатом, и до Москвы на рысях дойдем. Без разговорчиков.

Припоминали кого где искать — в Галлиполи, в Париже, в Турции... Расходились отяжелевшие, разомлевшие, хоть на время вернувшиеся в прошлое, казавшиеся прекрасным. Шкуропил немного — казак старой закалки: смотри в оба и слушай, а напиться успеешь. Вышли на ветерок, он и совсем отрезвел. Спешить в отель, где ждала Тасенька, не хотелось, Куманов, тоже почти трезвый, предложил прогуляться пешком. Пошли вдвоем к центру.

— Бороться с большевиками надо каждый день, каждую минуту, — сказал Куманов. — Не надо ждать, пока соберется ваш корпус.

— А как я еще могу бороться?

— Германия наш союзник более надежный, чем была Франция. Русско-французский союз 1892 года — роковая ошибка Александра III. Из-за нее мы втянулись в большую войну и потом произошло все остальное. И уничтожить власть большевиков нам Франция не поможет. Только Германия наш союзник в борьбе против красных. В германском генштабе уже разрабатывают план войны с Россией. Там знают боевых русских гене-

ралов и, конечно, вас, Андрей Григорьевич. Я могу свести вас с людьми...

На следующий день генерал направился по адресу Унтер-ден-Эйхен, 17. В обычном шестиэтажном жилом доме находилась конспиративная квартира генштаба. Внизу — магазин одежды. Швейцара у дверей нет, но на лестнице чисто, двери напоминают о своей нерушимой прочности. Генерал поднялся на второй этаж. Три условных звонка. Дверь открыл детина в черном костюме и при галстуке. Спросил фамилию и прошел к двери в комнату. Шкуро вошел и увидел сидящего за письменным столом... Гензеля. Тоже в штатском костюме, но темно-синем.

— Здравствуйте, Андрей Григорьевич, — с удивившей генерала доброжелательностью встретил его Гензель. — Очень рад снова увидеть вас. До конца дней буду с благодарностью помнить, как вы спасли меня после Ставропольского восстания.

Почему-то Шкуро помнил как звать этого бывшего русского офицера, может быть, потому, что тот был ему когда-то неприятен.

— Здравствуйте, Кирилл Иванович, и я рад встрече, — ответил генерал.

— Здесь я Карл Иоганн фон Гензель, капитан вермахта. Я пригласил вас по поручению русского отдела генштаба. На совещании отдела высоко оценили ваши военные операции во время Гражданской войны и вашу непримиримую позицию по отношению к большевикам. Германский генеральный штаб считает Советскую Россию одним из опаснейших врагов Германии и осуществляет соответствующую подготовку к уничтожению этого врага. В этой борьбе мы с вами союзники. Мы надеемся, что вы примете участие в этой работе и будете готовить своих людей. По-видимому, следует начать с организации.

— В Берлине что я могу организовать?

Шкуро пока не мог избавиться от недоверия к этому человеку и в то же время чувствовал искреннее, но непонятное расположение с его стороны — словно действи-

тельно рад встрече. Лишь в конце беседы генерал понял причину этой странной радости.

— Сначала вы с нашей помощью создадите союз казаков из числа тех, кто здесь, в Берлине, и вообще где-то близко. Узнав об этом, к вам потянутся казаки из других мест.

— Но потребуются средства.

— Когда появится организация, обязательно найдутся русские состоятельные эмигранты, желающие помочь казакам в борьбе за освобождение России. Мы будем оказывать некоторую поддержку с учетом того, что и ваш союз поможет работе генштаба.

Оказалось, что с этим Гензелем вполне можно говорить и договариваться. Вместе с ним придумали название создаваемой организации: «Союз активных борцов за Россию» — САБЗАР.

— Сейчас и Врангель, и Краснов, и другие генералы пытаются создать подобные союзы, но наш будет самый лучший, — сказал Гензель с той же сияющей улыбкой.

Когда пришло время для приличествующих встрече вопросов о личных обстоятельствах, стала ясна причина радостного настроения капитана вермахта: он совсем недавно стал отцом.

— Мы назвали его Фридрихом, — излучая счастье, говорил Гензель. — В честь нашего великого короля. Он будет офицером вермахта. Моя жена — русская, Андрей Григорьевич, но она русская немка. Ее зовут Маргарита. Помните: Гете, Фауст, Маргарита?..

II

О том, что у далекой подруги родился сын, Елена Аркадьевна узнала не скоро — Маргарита почему-то не решалась воспользоваться почтой и ждала okazji. Письмо на Разгуляй принес молчаливый человек, назвавшийся сотрудником Наркоминдела. Передал письмо и исчез.

Зима с морозцем, выходной день, чистый снежный свет заливал комнату, маленький Аркаша скакал на деревянном коне. Михаил Петрович благодушно шелестел

газетой, а в вазе конфеты «Мишка», на буфете — пачка печенья «Пети-фур», за форточкой на шнурке — пакетик с ветчиной... Неужели всего каких-то два года назад пересохла вобла была лакомством?

— Ее Фридриху еще и двух нет, — говорила Лена, отложив письмо. — А нашему Аркашеньке скоро четыре. Иди ко мне, маленький. Вот мы какие большие. И какой ты у нас высокий, и волосы у тебя красивые, темные как у папы.

— Не хочу! — надул губы мальчик. — Не хочу темные, хочу светлые! — Он закричал сердито.

— У тебя не темные, сыночек, — успокаивал отец. — Светлые, маминны.

— Чем будет старше, тем будут волосы темнее, — возразила Лена.

Она стала самоуверенной, не допускающей возражений.

— Не хочу-у, — уже плакал мальчик.

— Я тебе дам «не хочу»!..

— Хватит, Лена. Что ты из-за пустяка. Лучше расскажи, что еще в письме интересного.

— Можешь сам все прочитать. Секретов нет. Любая цензура пропустила бы. Не знаю, почему она по почте не послала. Наверное, думает, что у нас не разрешают. Возьми, почитай.

— Меня в редакции эти письма замучили. Хоть сегодня отдохну. Есть там у нее что-нибудь любопытное?

— Дает свой берлинский адрес. Ее муж устроился в какой-то фирме. Сидит в конторе. Да... Что тут еще... О Палихине вспомнила, о Грише. Если что-нибудь знаем. А если он в Москве, просит передать привет. — Лена содержательно засмеялась: и насмешка, и удивление, и зависть, и даже восхищение.

— Надо позвонить.

— Надо ли? — усомнилась жена. — Он же в ГПУ. А тут связь с эмиграцией. Ее же тогда исключили с курсов переводчиков.

— Тогда как-то странно все получилось. Но я же сегодня там встречу кого-нибудь.

— Ты все-таки пойдешь?

— Я ненадолго, Леночка, мне нельзя не пойти. Лунначарский будет, Демьян Бедный, наверное, Маяковский, Серафимович — все, кто участвовал в военной печати.

Вечером намечался торжественный сбор высших руководителей армии. А днем собиралась по случаю Пятой годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии писательская общественность.

Аккуратный Троцкий пришел и сюда — считал своим долгом лично общаться с военными журналистами и писателями. После своей правильной речи он не ушел, а участвовал в разговоре с обступившей его толпой. Огромный Демьян Бедный критиковал всех и вся, в том числе поэтов и прозаиков, особенно Маяковского, которого, кстати, на встрече не было. Кто-то восторженно цитировал строчки Пильняка⁷¹, многие заучивали их как стихи: «Знамение времени — кожаные люди, в кожаных куртках большевики! — Каждый в статью, кожаный красавец...» И еще о некоем Архипове, который сидел в исполкоме, бумаги писал, брови сдвигая, и была у него бородачка чуть-чуть всклокочена, а перо он держал топором. На собраниях говорил слова иностранные, выговаривал так: констатировать, энегрично, литефонограмма, фувдировать, буждет, — русское слово «могут» — выговаривал: магуть. В кожаной куртке, с бородой, как у Пугачева.

— Я Архипова видал, — сказал Троцкий. — Он бредется.

Все засмеялись.

— И сюжетов у него нет настоящих, Лев Давыдович, — сказал один из участников литературного разговора.

— Да, — согласился Троцкий. — А сюжет — ось произведения. Осью должна бы служить сама революция, вокруг которой и вертится вконец развороченный и хаотически перестраивавшийся быт.

Стахеев впитывал каждое слово: целью его жизни, той частью, что еще осталось, была идея создания боль-

шого романа о Гражданской войне. Он многое видел, многое знал, многое понял, но... так ли он понял?

Толпа вокруг Троцкого начала расходиться, и Михаил увидел нескольких знакомых, с которыми следовало поговорить. Воронежский — уже с тремя ромбами — направляется следом за своим начальником. Его удалось остановить.

— Как замечательно понимает литературу Лев Давыдович, — сказал Стахеев. — Лучше любого критика.

— Лев Давыдович — гений революции мирового значения, — согласился Воронежский. — О нем говорят — самая блестящая фигура в русской революции.

— Сейчас вышел роман Фурманова «Чапаев». Вы, конечно, читали? Ведь там отношения между Чапаевым и Фурмановым изображаются совсем не так. Вы же мне рассказывали.

— Роман не личное дело, — хмуро ответил Воронежский. — Задача Фурманова — показать боевую картину Гражданской войны. Показать Чапаева как командира. Но будут еще и другие книги. Простите, я должен идти.

В словах Воронежского вырисовывалась некая истина. Конечно, роман — не личное дело. Надо писать о... о чем? О подвигах? Много ты видел подвигов? Нет? Тогда пиши о том, как бежал из Ставрополя, потом из Пятигорска, потом из Богучара... Стахеев так задумался, что когда столкнулся с Палихиным, чуть не забыл передать ему привет от Маргариты. С несмываемым кубанским загаром, с пронизательными зеленоватыми глазами, с двумя ромбами Палихин стал молчаливым и внимательным, но не столько к собеседнику, сколько к чему-то присутствующему здесь же, но непонятному, невидимому.

— Какая Маргарита? — переспросил он. — Которую с курсов погнали? Об ней нечего и вспоминать. Нету ее. И пусть нам не пишет. От Буйкова тебе привет. Был в отпуске в Богучаре. Подправил дом. Женился на какой-то Марусе и снова служит. В Сумах. А вот и мой начальник.

Палихин устремился к высокому, худощавому, даже как-то изгибающемуся подобно ветви, человеку с маленьким светлым добродушно-живым лицом. Знающие

объяснили Стахееву: начальник иностранного отдела ОГПУ Трилиссер⁷².

К нему Палихин подошел, уже не скрывая недовольства.

— Понимаю вас, Гриша, но там уже нечего делать, — успокаивал начальник, — движение пошло резко на убыль. Даже оккупация Рура французами не обострила обстановку. Но вашу агентшу берегите. Возможно, ей придется помочь вам во Франции. Она языком владеет?

— Свободно, товарищ комкор. Но я-то?

— Как раз по вашей специальности. Есть информация, что Шкуро начинает активизироваться.

III

Конечно, не надо было начинать с Германии и вообще не стоило с ней связываться, но все происходит именно так, как происходит. Тогда, в двадцатых, никто ничего и не знал, кроме тех, кому положено по службе. Шкуро открыто жил в Париже с семьей, даже сестрица с мужем нашлась. Он ничего не предпринимал, связанного с эмигрантскими делами, и удивился бы, даже, может быть, возгордился, узнав, что за его простыми начинаниями наблюдают из России.

Сначала был разговор с другом Елисеевым, по-прежнему удивлявшим своей человеческой привлекательностью. Чтобы сказать что-нибудь плохое о Федоре Ивановиче, наверное, надо было часами думать, да и то не придумаешь. На Гражданской был в порядке — от подьесаула поднялся до полковника, командира полка, и разошелся с тамошними начальниками лишь потому, что они не могли терпеть рядом офицера, превосходящего их всех. Оказавшись в Париже, купил в Латинском квартале, где много эмигрантов, ресторан — повар, судомойка, две кельнерши. И разговор со Шкуро начал Елисеев правильно — с Германии:

— Старые враги. Они тебя за своего никогда не примут. Даже Врангель не хочет с ними иметь дела. А там

еще эти гензелю. И у тебя что-то с Врангелем не получается.

— Потому что я был за Деникина, а он интриговал.

— Кроме, как бандитом, тебя и не называет.

— У него все бандиты, кто не с ним. Жаль, что Саша Кутепов у него сейчас.

Даже такой хороший друг не должен знать о тебе все — не только о твоих военных трофеях, но и о связях с немцами. Кто попал в их генштаб, тот и останется там, и его тайную кличку знает только один человек — Гензель.

От политики плавно перешли к разговору о лошадях. Посмотрев во французском цирке выступление всадников, Шкуро искренне удивлялся: разве могут сравняться они с кубанцами?

Елисеев знал все и объяснил: и про арену с диаметром 13 метров, и про центробежную силу, необходимый наклон лошади к центру и про сохранение равновесия акробатом.

— Акробаты, Андрей Григорьич, а у нас джигиты, — говорил Елисеев. — Не годится нам цирк. И лошади у нас другие. Я в Париже знаю многих казаков, умеющих джигитовать: есаул Панасенко из Уманской, сотник Рябчун из Пашковской, Галай из Дятьковской... А я сам? И еще будем искать. Место для тренировки я знаю — Монруж, стадион «Буффало». Двадцать тысяч зрителей. Деньги на стол, — засмеялся Елисеев. — Помимо времени на тренировки, нужны были деньги, чтобы платить за стадион, за содержание лошадей и джигитов, за пошив формы, за рекламу и музыку.

Шкуро безнадежно вздыхал, однако Елисеев знал не только все, но и всех.

— Саказан, — произнес он. — Сириец любит джигитовку и деньги. Возьмем у него два миллиона франков. За месяц представлений получим около десяти миллионов. Потом гастроль. Собирай казаков, Андрей Григорьевич.

Спецкомандировку из Москвы стали готовить давно, когда только возник замысел, но в 1924-м возникло много неожиданных проблем. Позже командировка

стала реальностью, но организовали ее странно: два кавалериста, не знающие французского языка, ехали в Париж под видом инженеров, участвующих в переговорах по закупке автомобилей «Рено». Поездка соединила старых приятелей: работника ОГПУ Палихина и заместителя командира кавдивизии Буйкова. В специально сшитых штатских костюмах, при галстуках, не зная языка, чувствовали они себя неуверенно. Молодой переводчик из посольства успокаивал: «В Париже половина русских, которые успели от вас убежать. В такси о деле не разговаривайте: почти все шофера русские офицеры».

На улицах огромные, в рост человека, афиши сообщали о выступлениях джигитов. Командировочные побывали на этих выступлениях два раза. Восхищались, но по-разному: Буйков обдумывал, как бы ему у себя в дивизии такой праздник устроить, а Палихин вздыхал о том, какие казаки были на Кубани. Но оба сразу поняли, что спецкомандировка была затеяна напрасно: 50 хороших кавалеристов, 100 музыкантов и 100 танцоров не представляют особой угрозы для СССР.

Зрелище — потрясающее. Впереди выезжал Шкуро в черной черкеске без погон, но при пашке и кинжале. За ним — джигиты в белых черкесках и белых папахах. Хор и оркестр, руководимые бывшим полковником царского конвоя Лавровым, исполняли старинные марши. Полковник Елисеев вывел своих джигитов в темно-синих гимнастерках и галифе с красным кантом. Основные исполнители — 20 лучших джигитов.

Блестяще выполнялись обычные номера джигитовки: рубка лозы, снятие шара, укол пикой... Затем следовали сложные: горящий барьер, спасение раненого, танцы на седле... Заканчивалось представление массовым исполнением лезгинки.

Палихин сиял улыбкой восхищения, Буйков думал. После окончания представления переводчик отвел их в сторону и тихо сказал: «Вам, товарищи, повезло. Через час в ресторане на «Плас Терн» состоится ужин, на котором будут присутствовать Шкуро с женой и полковник

Елисеев. Вообще-то они ужинают в отдельном кабинете, но мы будем неподалеку и, может быть, о чем-то догадаемся».

Ужин, проходивший в соседнем кабинете, был обильный, но разговоров через стенку расслышать не удалось, пришлось ограничиваться наблюдением за движениями соседней двери, а в нее кроме официантов никто не входил. Между специалистами кавалеристами уже начался спор об увиденном представлении, но сотрудник посольства Феликс остановил спор: надо было выходить в коридор и, как бы невзначай, прислушиваться к происходящему. Так удалось выяснить, что ужин сервировался на четверых, а явились трое. Кого же нет? «Долго гадать не приходится, — сказал Феликс. — Нет главного хозяина, того, кто финансировал. Банкир Саказан оказался недоволен. И мужчины громко разговаривают, вероятно, между ними нет согласия».

Феликс оказался прав. Он привез гостей из Советской России на другое представление и с удовольствием удачливого предсказателя указывал спутникам на тот факт, что колонну казаков возглавляет теперь не Шкуро, а кто-то другой.

Вместе с Феликсом Палихин и Буйков выработали для начальства оценку увиденного: кавалерийская подготовка казаков Шкуро на высоком уровне, и кстати этого можно добиться и в советской кавалерии — что же касается военного значения этой казачьей группы с ее упражнениями, то, как удалось выяснить, эти артисты совершенно не связаны с военизированными объединениями русских белоэмигрантов.

Командированные собрались в обратный путь, накануне в номере гостиницы дорвались до виски и едва не подрались. Восхищенно вспоминали упражнения кавалеристов, но Палихин слишком превозносил мастерство полковника Елисеева.

— Я бы этого полковника прямо на том стадионе как собаку бы пристрелил, — с неожиданной злобой взревел Буйков.

— Ерофеич, ты чего? Здесь же не война? Водку хорошую пьем, про хороших коней разговариваем. И полковник отличный джигит. Шары колет запросто. Тот еще казак. У нас на Кубани много таких. В царский конвой его брали.

— Много таких? Да? А тебя не брали в конвой?

— Да-к я ж иногородний. И то лошадь у меня была хорошая. А у Буденного мне и эскадрон давали.

— То-то, что иногородний. Разделили людей: эти беленькие, а эти черненькие. Того полковника с детства лелеяли, чтобы он джигитовал, шары колот, а тебя учили за плугом ходить...

— Ну ты уж, Степан, видать, перебрал. Кровь тебе в голову бросилась.

— Давно бросилась. Пока всех этих беленьких не передумим, не будет у людей жизни. Все будут делить: ты джигитуй в свое удовольствие, а ты землю ешь... И Шкуро сволочь поганая! Всю Россию ограбил и еще здесь своих же казаков обдирает.

IV

Он не верил, чтобы за это его настигла божья кара — с этим сирийцем обычное дело — коммерция: один выиграл, другой проиграл. Плохо, что это пошло в тайные сферы, а там оказалась баба. Нешто можно бабе доверять секретные политические дела? А у его единственного начальника немца жена-то русская, которая всегда лезет куда не надо.

На очередной встрече в Берлине Гензель вдруг спросил, какую сумму заработал Шкуро на джигитовке и сколько заработал сириец Саказан. Шкуро отвечал неопределенно — откуда, мол, знать, и хитро улыбался, но выходило скорее трусливо.

Шкуро не мог знать, что супругу Гензеля, Маргариту Георгиевну, не изгоняли с секретных курсов в 1919 году и что она стала секретным агентом советской разведки, агентом очень ценным, поскольку была женой офицера германского генштаба. Ее личным куратором был Пали-

хин. Он кое-чему научился, но немецким языком в нужной мере так и не овладел. В Берлине при необходимости ему давали переводчика, а с Маргаритой они отлично понимали друг друга, тем более что куратор был убежден: в обязанности подопечной входят и функции любовницы. Она посещала его днем в гостинице, а дела обсуждала с ним где-нибудь в парке. В гостинице Палихин сказал ей, что у нее стали толстеть ноги, а в парке спросил, зачем упомянула о нем в письме Ленке Стахеевой.

— Приказано, чтобы как можно больше советских граждан упоминалось в частных письмах. Я же у них числюсь агентом и, кстати, слежу за тобой. Твоя кличка — ты же знаешь — Коневод. Приказано узнать, что вытворял Шкуро в Париже.

— Так и к вам тоже приезжали некоторые джигиты.

— Дело не в джигитах, а в деньгах.

Палихин рассказал Маргарите все, что знал о финансовых махинациях Шкуро на джигитовках.

К своему сожалению, она еще раз убедилась, что ее муж — дисциплинированный офицер генштаба — даже в мыслях не позволит себе посягнуть на какие-то деньги. Удалось договориться с ним на короткую поездку в Париж с подругой. Рассчитывала на два миллиона франков. Нужны были и дом, и хорошая машина, и гувернантка, и слуги. Требовались средства на курорты, на привилегированную школу для растущего мальчика. Если бы так...

Шкуро в ресторане Муразова, вывезенного им из Пятигорска, мог обедать и ужинать ежедневно, но свою компанию приводил лишь изредка.

На этот раз за столом сидели Колкин, Кузьменко, Гринчук, Артюхов, Аликов, Медвянов. Разговор шел злободневный, но нелепый: о притязаниях некоего Игната Билого, выдвинувшего новую теорию происхождения и политических целей казачества. Раньше все было ясно: у кого армия, у того и истина. Теперь же этот Билый пишет что вздумается, опираясь на силу своих слов. Сам кубанский казак, он много хороших слов знает:

«Вольное казачество — это особый народ, образовавшийся в дохристианскую эпоху. Все казаки, идите в наши ряды! Казакция должна простираться от океана до океана...»

— Живет в Праге, — объяснял Шкуро, — издает на польские деньги журнал «Вольное казачество» и хочет стать атаманом всех казаков. Знает, что тогда со всех сторон деньги ему пойдут. А где он был, когда мы на Кубани дрались? Свой станицы от комиссаров спасали?

— Даже самостийники вели себя приличнее, — сказал Гринчук. — Уважали армию.

— А Ставрополь брали без единого выстрела? — захмелевшего Шкуро охватили воспоминания. — Помнишь, Коля, девушку в лиловом? А? Ты ее привез тогда. Не помнил, как звали.

Кузьменко невыносимо хотел всадить сейчас пулю между глаз господину Шкуро, однако во Франции за это, говорят, отрезают голову. Он поднялся, пожаловавшись на удушье.

— Стареем мы, казаки, — вздохнул Шкуро.

Когда Кузьменко оказался на улице, к нему подошли две дамы и сказали, что им надо говорить с генералом Шкуро. Неподалеку покуривали несколько молодых людей особенного ночного парижского вида. После недолгих пререканий переговоры состоялись.

Маргарита и Шкуро беседовали тихо один на один. Остальные заинтересованные стояли поодаль.

— Я готова подождать до завтрашнего утра, — сказала Маргарита, — откроются банки. Два миллиона фунтов. Или чек, который я реализую при вас. Вы получите расписку. Мне известно, что в германском генштабе, в отделе разведки, вы числитесь под кличкой «Лезгин». Если я не получу деньги, об этом узнают и во французском генштабе.

— Со мной уже говорили, дамочка, — по-пьяному развязно ответил Шкуро, — ты меня не путай. Я не лезгин, а кубанский казак. Вон мои ребята! Они меня знают.

Напрасно съездила в Париж Маргарита.

После этого инцидента ничего не происходило. Лишь через несколько месяцев Шкуро вызвали в полицию и предупредили, что он обязан не позднее чем через неделю покинуть пределы Франции.

V

В ресторан Елисеева Шкуро явился утром почти к открытию. Уже сидели любители кофе с круассаном и шелестели газетами: кризис, падение ценных бумаг. Елисеев, по обыкновению, сиял добрым светлым лицом, радуется людям, птицам и модным прическам кельнера. Ранний гость его настолько поразил своим видом, что улыбнулся ему не столько дружески, сколько удивленно, если не насмешливо: Шкуро был в ветхом пальто с поднятым верхом, в черных очках, в шляпе и казался постаревшим. Отчего изменился так быстро — виноватая старческая гримаса на дряблом лице вместо генеральского гонора — и почему пришел в такую рань?

— Позавтракаем, Андрей Григорьевич? — обратился Елисеев к гостю. — Апаши еще спят, и дамы наши спят — не время изменять.

— Сложное дело, Федор Иванович. Скажи сразу: есть у тебя новый полковничий мундир, чтобы сейчас нанести визит великому князю?

— Ну, есть, — удивился Елисеев.

— Договаривайся с Борисом Владимировичем, пока завтракать не сел, надевай мундир — и вперед. Они с Зинкой рано завтракают. Когда-то я эту шлюху вместе с ним из Пятигорска вытаскивал.

— А ты почему так одет?

— Маскировка, Федя. Высылают из Франции.

— Не спрашиваю за что.

— Спроси. От тебя секретов нет. За связь с немцами. Я же там союз казаков хотел создать. Врангель тогда задушил это дело. Теперь вспомнили, и придется в Югославию убираться. Там наших много. Князь должен письмо написать.

— Напишет, — пообещал Елисеев.

Он позвонил и немедленно получил приглашение на завтрак обоих.

— Точно время рассчитали, — сказал Елисеев.

— Мы ж люди военные — опоздаешь рубануть, и самому конец. В передней великого князя Шкуро сбросил свое сомнительное пальто и оказался в роскошном голубом генеральском мундире с сияющими погонами, с Георгиевским крестом, с Анной и прочими знаками. И сам преобразился — помолодел. Хоть сейчас скомандует «Широкой рысью в атаку ма-арш! Без разговорчиков!» Как-то Шкуро сумел принести большой памятный альбом в шелковом переплете. Выразительные фотографии: Шкуро ведет дивизию с волчьим знаменем впереди, в колонну по шесть, Шкуро выступает в Екатеринодарском театре на заседании Рады, Шкуро на общей фотографии со своими полками... и Елисеев прикрыл страницу альбома от хозяйки: «Зина, это вам неинтересно». — «Нет интересно», — возразила подруга князя и сама открыла фото: на ярко солнечной площади десятки повешенных.

— Это же было, — сказал Борис Владимирович. — Такая война. Где это, Андрей Григорьевич?

— Екатеринослав, Горловка, Кисловодск...

За столом великий князь сидел в белой рубашке нараспашку, в модных крагах и коричневых ботинках, Зина — в изящном и ярком платье, открывающем ноги в шелковых чулках. На столе — четырехгранная бутылка водки, 2 бутылки белого вина и глазунья из 12 яиц.

Помянули генерала Кутепова, похищенного и, по-видимому, замученного большевиками.

— Он был лучшим генералом из всех, кто сражался против большевиков, — с искренним чувством сказал Шкуро. — И Москву он мог взять.

— Тебе, Андрей Григорьевич, пожалуй, повезло, — заметил великий князь. — Хорошо, что Врангель не испытывал к тебе особенной симпатии.

— Он меня ненавидел, потому что сам был никудышный кавалерист.

— Вот тебе и повезло. А то включил бы твой САБЗАР в свой РОВС, и большевички бы тебя захватили.

Завтрак закончился для Шкуро удачно: Борис Владимирович собственноручно написал письмо регенту Югославии королевичу Павлу с просьбой принять на службу героя войны против большевиков генерал-лейтенанта Шкуро.

VI

Встретились в Библиотеке Истпарта, в зале для работы с секретной литературой. Палихин был не доволен и не скрывал этого.

— Знаешь, Миша, — говорил он Стахееву, — только по старой дружбе согласился. У меня сейчас совсем другая работа, с заграницей дела не имею...

Все говорил правильно, и работа другая, но пришел, конечно, не по старой дружбе, а потому что приказали: в Цека требуется справка о деятельности белоэмигрантов-казаков в славянских странах Европы.

— Ты ж домой ко мне не заходишь, не звонишь, — упрекнул Стахеев. — Хоть так с тобой видимся.

— Только ненадолго, — сказал Палихин, поглядывая на пачку подшивок с некоторым страхом.

Выходной день, лето, в кинотеатре «Художественный» звуковой фильм «Путевка в жизнь», а ты сиди и читай идиотские газеты.

— Ты, Миша, уже насобачился эти справки делать — садись и сразу пиши. Если чего-нибудь не так, я поправлю. Начинай.

— Может, сначала полистаем?

— Главное начать.

И Стахеев начал:

— Ну вот так: *«Внимательное глубокое изучение издававшихся в Чехословакии и Югославии антисоветских белоказачьих газет и журналов позволяет сделать вывод об их направленности против СССР и о призыве к объединению казаков для вооруженной борьбы в рядах империалистических интервентов».*

— Хорошо, Миша. Теперь цитаты поищи.

— Еще надо показать, что у них раскол, разные позиции.

— Какие там у Шкуро позиции? Ты ж его знаешь — обыкновенный бандит. А что они спорят между собой, так это ж наша агентура.

— Там есть наши?

— Я ничего не знаю, ты ничего не знаешь. Читай, что там за трюк Шкуро придумал.

— Читаю: *«Казачество, проснись! Из дому доносится истошный призыв о помощи, там казачество истекает последней кровью в тяжелой, непосильной борьбе и зовет нас, еще крепких духом, еще не забывших неньку свою — Кубань родную на помощь себе. Мы должны стать дружно, сомкнутым строем, плечом к плечу, воедино. Только в единстве сила, чему с детства учили нас старики, потому я и призываю всех вспомнить этот дедовский завет...»* Здесь я пропущу пустозвонство. Вот, что надо отметить: *«Господа офицеры! Выйдите из своей спячки, оторвитесь от своих будничных, повседневных интересов, бросьте свой взор на Кубань, нам всем дорогую, прислушайтесь к тяжким стонам наших отцов, матерей, братьев и детей. Ведь там «Кубань — ты наша родина» — страдалица, кровью истекающая. Во имя ее поддерживайте и разумляйте рядовое казачество. Подготовка ведется, окончательный расчет с красными палачами приближается. Родина ждет нашей помощи, и мы все должны ее дать...»*

— Сидел бы и молчал, — заметил Палихин. — А то ведь сам лезет. Написано пером. Так, Миша, и зафиксировать: призывает бывших белых офицеров организовываться для борьбы против СССР.

— Теперь надо другую группу — Игната Билого. У него там целая теория в журнале «Вольное казачество». Здесь и этническое братство, и богоизбранный народ, и какое-то особое национальное происхождение... По-моему, Гриша, все сводится к тому, что Шкуро хочет собрать свою армию и командовать ею, как раньше, а этот Билый и все молодые с ним хотят создать свою армию и принимать туда не только кубанцев.

— Вот так и пиши справку, — согласился Палихин. — Две страницы не больше. Там много не любят. И в конце, чтобы, значит, раскалывать эти две группы.

И не придумывать какая лучше, какая хуже, а то сам окажешься хуже.

— Ты, как товарищ Сталин — он тоже говорил, что оба у клена хуже. А я, знаешь, чуть с троцкистами не связался. Такой мужик был крепкий Воронежский. Уговаривал меня на их демонстрацию идти, тогда, помнишь, в двадцать седьмом, что ли... Ничего страшного-то и не было. И «Уроки Октября» неплохая книга. Там же все правильно. Обиделись некоторые, что их ошибки вспомнил Троцкий...

— Миша, ты со своими уроками. Не читал, не слышал, ничего не знаю... И не рассказывай про Воронежского никому, нету его.

— Я о другом, Гриша, меня на эту демонстрацию Лена не пустила. Сказала: «Пойдешь — обратно не пущу, и сразу развод». Серьезно сказала.

— Спасла она тебя дурака. Давай заканчивать.

Вышли на улицу. Женщины были в белых свободных платьях и в сандалиях. Оборванцы-беспризорники пели песню из нового фильма:

Позабыт, позаброшен
С молодых юных лет,
Я остался сиротою,
Счастье доли мне нет...

— Значит, ты из иностранного отдела ушел? — спросил Стахеев.

— С иностранцами больше дел не имею. Внутренняя работа.

— А какая должность?

— У нас так просто не разберешь.

Стахеев понял, что приятель скрывает новую должность. Там они все теперь секретят.

Палихин не имел права назвать свою должность. Почувствовав решительные перемены в ОГПУ, особенно в отделах, связанных с заграничными связями, он через своих кубанцев был приглашен на должность «исполняющего», то есть исполняющего приговор. Теперь уже

стал старшим исполняющим — следил за ходом расстрела, вмешивался по необходимости, делал контрольный выстрел. Воронежский прошел через него — кричал в истерике. А Блюмкин, тот пел «Интернационал»... Новая должность удовлетворяла. Здесь трудно провиниться, тем более совершить политическую ошибку. Следовательно легко было обвинить и ликвидировать — в допросах всегда такое накручено. А здесь — принял человека под расписку, сдал тело под расписку.

— Как твой Аркашка? В шестом? Чем увлекается?

— Футбол, кино.

— В стрелковый кружок определи. Куда-нибудь в тир. Могу я помочь. Время такое, что без стрельбы не обойдешься, — напел бодро: «Возьмем винтовки новые, на штык флажки, и с песнею в стрелковые пойдём кружки...»

VII

Со строительной фирмой «Батиньоль» в Югославии Шкуро вел себя порядочно, и казаки, превратившиеся в рабочих, в 1932 году досрочно закончили насыпь земляного вала почти в 100 км длиной, предохраняющего от разливов Дуная Белград и другие города с юга. Для рабочих белый каменный барак на 100 человек со всеми удобствами, чистые кухни и столовые и... кантины. Не скажешь же в Югославии «кабак».

Здесь отмечали праздники и окончание работ. Шкуро любил сидеть со своими: Колкин, Гринчук, Артюхов, Кузьменко, а из бывших джигитов — Проценко, Рябчун, Галай.

— Ведь верно наш журнал пишет, — проговорил одобрительно Шкуро и зачитал особо понравившееся место из статьи: — «На работах у генерала А. Г. Шкуро сосредоточены главным образом кубанцы, но есть также донцы, терцы, астраханцы и казаки других войск. Были в бригадах и простые русские беженцы. Каждому безотказно предоставлялась возможность заработка. Генерал А. Г. Шкуро добросовестным и безукоризненным

выполнением работы завоевал прочное положение у фирмы «Батиньоль», а своим внимательным и любовным отношением к казакам — заслуживает признательность с их стороны. Искренне желаем дальнейших успехов генералу А. Г. Шкуро, его сотрудникам и казакам». А в этой пражской газетке что пишут? Разговорчики? Какой-то Кундрюрцков — без чарки и не выговоришь. И назвал-то статью «Генерал Шкуро через 12 лет после поражения». Сколько у меня было поражений? А? Коля, скажи. Это Врангель и Деникин терпели поражения. А этот пишет: «Генерал очень опасен, так как выбрасывает боевое знамя, одна сторона которого — казачество, а другая — Россия. С теми, с кем связан генерал Шкуро, и с ним самим все кончено. Они усеяли казачьи края трупами, украсили виселицами, посеяли предательство, своими ошибками они дали возможность торжествовать и белому наемнику и красному палачу...»

— Это, Андрей Григорьич, не иначе человек из Москвы сочинил.

— Пускай разговорчики разговаривает, — сказал Шкуро. — Нам вот что забывать нельзя.

Он указал на прикрепленный к стене плакат: истощенная женщина прижимает к груди умирающего ребенка, под рисунком надпись «Ваши родные и близкие стонут под игом большевистских комиссаров, они мрут от насилия и голода, они зовут вас. Идите же спасти их».

В тридцать третьем кантине праздновали начало работы по новому контракту: насыпь для железнодорожного моста через Дунай в Белграде. И в этой же кантине были устроены переговоры о приостановке работ. Тридцатые годы шли, и вокруг происходили изменения. Вдруг оказалось, что в Европе не все одинаково относятся к строительству нового моста. Летом 1937-го работы почти прекратились, и приехала расширенная комиссия, в которой участвовали представители ряда европейских государств. Шкуро издали узнал старого знакомого Гензеля. Он был в светлом летнем костюме, вел себя скромно, терялся в толпе и лишь после совещания подошел к Шкуро.

В кантине было прохладно, из динамика радиолы изливался голос Шаляпина: «Из-за острова на стрежень...»

Шли переговоры и о сроках, и о замораживании работ, и о войне в Испании, Шкуро за эти годы многому научился, потребовал полный расчет за проделанные работы — аванс на окончание строительства и в случае их замораживания. Возник долгий bestоловый спор. Кузьменко сидел за столом с помощниками генерала и охлаждался ледяными напитками. Вдруг к нему подсел человек в летнем костюме, которого он не сразу узнал: постарел, потолстел, прибавилось важности.

— Господин Гензель! — после некоторой паузы сказал казак.

— Карл Иоганн фон Гензель. А вы Кузьменко. Помните Темнолесскую?

— Чуть не пострелялись, — усмехнулся Кузьменко, не собиравшийся сводить счеты.

— Наверное, придется скоро опять стрелять.

— Наши некоторые казаки в Испанию подались.

— На чью же сторону?

— А им вроде все равно.

— Зачем так далеко? — негромко сказал Гензель, подчеркивая, что знает больше других. — Наш фюрер уже планирует движение на Восток. Да! Я же прошлым летом был в России по приглашению в Крыму. Вот, кстати, у меня фото. Это, конечно, я, — пояснял Гензель, — это моя Маргарита с Фридрихом. Точно на меня похож. А это ее подруга Елена с сыном.

Пышные, прекраснейшие, такие знакомые волосы, откровенная улыбка, кофточка с короткими рукавами. А руки... Так и ощущаешь их податливую нежность.

— Ее сын?

— Да. Закончил школу. Мой еще нет. Скоро будут друг в друга стрелять.

VIII

Жил, страдал, наслаждался, многое видел, многое пережил, вырастил сына, много читал, много думал, и мысли приходили неожиданные, новые, твои собст-

венные, вполне заслужившие того, чтобы найти место в толстых книгах, что могли бы удостоиться чести стоять рядом с Толстым, Достоевским, Шолоховым... Да. Рядом с Шолоховым. Михаил Петрович помнил мальчишку из Богучарской школы, который спросил тогда: «Почему коммунисты расстреливают казаков?» Теперь в книжном шкафу Стахеева стояла толстая книга в синем твердом переплете: «Тихий Дон», том 1-й.

Никому Стахеев не говорил, как мучают его мысли о бессмысленно уходящих годах. Он был убежден, что напишет лучше других о том, что видел, пережил и продумал в годы Гражданской войны. Сначала поразил роман Артема Веселого⁷⁸ «Россия, кровью умытая» — книга о тех событиях, которые происходили у него на глазах в 1918–1919 годах на Северном Кавказе, и Грише Палихину книга понравилась — он ведь тоже там воевал. Григорий помог получить новую квартиру на Таганке в доме, предназначенном для ответственных работников НКВД. В 1937–1938 годах здесь оказалось много свободных квартир, и Палихин помог старому приятелю, тем более что сын Михаила Аркадий окончил Школу НКВД и стал лейтенантом.

Три комнаты, есть место для книжных шкафов. Перелистывали роман Артема Веселого, находили интересные места, заставлявшие вспоминать те жуткие времена. Оба понимали, что под фамилией Чернояров выведен известный анархист-революционер Кочубей. Бестолковый мужик, пытавшийся сражаться и против белых и против красных. От красного трибунала ушел, от белого не удалось — повесили. «Найди-ка, Миш, место, где он кобылу взял», — просил Палихин, и Михаил Петрович находил: «Смотри, кунак... Вон, во-он играет гнедая! — подмигнул. — Сыпь».

«Привыкший к необузданному нраву своего друга и повелителя, адъютант молча отвязал от воротного столба кабардинца, вскочил в седло и собачьим наметом поскакал на нижнюю дорогу. Однако он скоро вернулся и доложил:

— Дербентский полк... Гнедая кобыла ходит под командиром полка Белецким.

Разбалованный войною и уже не имеющий силы сдерживать свой лютый нрав, партизанский вождь выдернул из коробки и положил перед собой на подоконник маузер.

— Сыпь, ахирят, и без кобылы не возвращайся... Застрелю.

...Шалим влетел в хутор.

Те, что гнались за ним, остановились на пригорке, послушали свист низко летящих над головой пуль, и погрозив шашками, повернули обратно.

Чернояров выпрыгнул из окна.

— Люблю, кунак, за хватку, — засмеялся он, перехватывая повод золотисто-гнедой с темными подпалинами в пахах, кобылы. — Так и надо: коли силой не силен, будь напуском смел... А покупка, видать, добрая, — оглаживал он испуганную хрипящую лошадь.

— Зарубыл, — угрюмо буркнул Шалам.

— Кого зарубил?

— Белецкого.

— Бреешь! — Бригадный внимательно посмотрел на кавказца. — Ну?

Шалам молча извлек из-под полы бурки порыжевшую от свежей крови шашку».

Читали и смеялись: «Силен был бандит Чернояров-Кочубей!» И юный курсант школы НКВД Аркадий Стахеев смеялся и приговаривал: «Силен бродяга». Странные поговорки были у того поколения.

А потом как-то пришел друг Палихин мрачный и сказал: «Рви на кусочки и жги своего Веселого. Он больше не Веселый, он враг народа. На его даче заседал Секретариат Союза писателей. Решили исключить и возбудить дело...»

Некоторые дни настолько богаты событиями, словами, мыслями, что так и остаются в памяти определенной датой. Почти исторической. Погложее первое воскресенье сентября 1939-го. Эпиграфом дня стали слова хозяйки Елены Аркадьевны, довольной удачны-

ми пирожками к завтраку и внешней политикой СССР:

— Какая мудрая сталинская политика! Весь мир воюет, а у нас тишина и покой.

За столом рядом с полковником Палихиным сидел молодой лейтенант НКВД Аркадий Стахеев. Его военная судьба уже решена, и полковник вспомнил к случаю:

— Видите, что делается: вся Москва в призывниках. Впервые видел, чтобы русский солдат носил ботинки и обмотки, сапог не хватает. Всех подбирают, и ты ж, Миша, понимаешь, что не для московских парадов. Если б мы не подсустились, Аркадия могли б загнать и на границу, и куда-нибудь в Сиблаг, и в Среднюю Азию. А так — спецбатальон при Первой дивизии НКВД имени Дзержинского, Реутово. Можно домой ночевать ездить — вокзал рядом. И у меня планы на эту дивизию. Вот отделаю квартиру на Шоссе Энтузиастов. Валечка из Ленинграда приедет — и гуляем свадьбу...

Для Михаила Петровича мир состоял из книг и менялся вместе с книгами. Рядом с тарелочкой — свежий выпуск «Роман-газеты» — новый роман нового писателя Первенцева⁷⁴ «Кочубей». Не мог Стахеев промолчать:

— Гриша, мы же с тобой вместе читали о том, что этого Кочубея-Черноярова должны были судить трибуналом за его дела, когда он пытался войти с отрядом в Астрахань. Ведь так?

— Ну, — недовольно отозвался Палихин.

— А теперь у этого Первенцева читаем, что его не пустили в Астрахань незаконно некие враги. А кто там был? Киров. Значит, что! Наверное, и Веселого Первенцев угробил?

— Значит, что? Значит, что? — повторил возмущенно Палихин. — Значит, в старых книжках ошибки.

— Но ведь и в этой новой...

— И в этой новой непонятно...

— Понимай молча. Вот сын у тебя молодец — читает «Милого друга»⁷⁵.

— Я все-таки решил сам начать роман о Гражданской войне, — сказал Стахеев. — Много воспоминаний, впечатлений, материалов.

— Кто же у тебя будет герой? — спросила Лена. — Как будто о всех героях уже написали и кино сняли: Чапаев, Щорс, Буденный, Ворошилов, вот Кочубей.

— Я напишу роман о Шкуро.

— Ты чего, Миша? — возмущился Палихин. — Вроде с утра не пили. У тебя белогвардеец герой?

— А у Шолохова? Последняя часть «Тихого Дона» вышла. Кто у него герой? Григорий Мелехов? Твой тезка. Чем он лучше Шкуро? Белой дивизией командовал. Столько наших порубил. Помнишь, как он матросов рубил?

— Не буду я разбираться, — обиженно сказал Палихин. — Это не разговор за столом. Чтобы писать такую книгу, надо согласовать... — он направил указательный палец в потолок, — и о героях даже не все разрешают писать. Кутяков⁷⁶ написал о Чапаеве, как у них с Фурмановым все на самом деле было. И где теперь Кутяков? Вообще, хватит нам, ребята, про эти книги говорить. Воткни-ка, Аркаша, радио.

На границе тучи ходят хмуро,
Край суров и тишиной объят,
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят...

IX

Тогда, в 1937-м, разговор с Гензелем получился обещающий. Остались вдвоем после безрезультатного совещания, и Гензель сказал, что в ближайшее время германскому генштабу и гестапо потребуется много русских, готовых бороться против Сталина. Шкуро, как опытный генерал, знающий Россию, людей, умеющий управлять казаками, обязательно займет подобающее место. Как будто все к этому и шло, но в начале апреля 1941-го Белград... превратился в развалины. Его уничтожила германская армия.

Что там Белград! Уничтожено было все! Исчезла власть: и покровитель Шкуро принц-регент, и устроив-

ший неудачный переворот в пользу Англии новый король Петр II. Исчезла страна: поделили какие-то куски с Италией, создали «Независимое» государство Хорватию во главе с усташом-фашистом Павеличем. Исчезло то, что строили казаки Шкуро, и то, что собирались строить. Для них, чужаков-эмигрантов, исчезла и надежда на возвращение к привычному укладу и вера в возможность возрождения жизни, их жизни. Многие казаки уходили записываться в какие-то отряды, на какую-то службу — все равно кому.

Конечно, жизнь не исчезает, пока живут люди, но для жизни людям требуются деньги. Лишь немногие знают в такие моменты, где и как взять эти деньги. Шкуро с виноватой улыбкой объяснил своим казакам, что все наличные деньги конфискованы германской армией, что скоро выпустят новые... никому не нужные.

С самыми близкими своими, теми, кто знал несколько больше других, Шкуро с утра располагался в уцелевших или подремонтированных кантинах — подобные заведения почему-то раньше других возникают в любом месте, даже, наверное, появляются с первым жителем на необитаемом острове.

Тема разговоров почти не менялась: о... Нельзя сказать, что речь шла о женщинах, поскольку беседовали о тех женщинах, которых не принято называть — трудно подобрать приличные слова, — но казаки знали, о чем говорили. Почему-то Шкуро очень полюбил эти разговоры, он и раньше их не избегал, но теперь говорил только об этом. Самое пошлое, грязное, извращенное рвалось у него с языка. Компания смеялась. Одни — искренне, другие из уважения к начальству.

Вторая главная тема — деньги. Этой темы собеседники почти не затрагивали: знали, что у генерала есть кое-что, значит, пока и они не пропадут. И вообще все чего-то ждали. Примерно знали, чего именно. Надеялись, что это произойдет, и все встанет на свои места. И дождались.

Грянул бранденбургско-бетховенский марш, источающий грохот сапог, слезы и улыбки женщин. Кадры ки-

нохроник битком набили поникшими стриженными головами пленных красноармейцев, по радио каждые четверть часа — фанфары, и врезающийся прямо в мозг гипнотизирующий немецкие души — Шкуро не стал бы так говорить: «Я не хочу сейчас ничего другого, как быть первым солдатом рейха. Поэтому я снова надел тот мундир, который является самым священным и дорогим. Я сниму его только после победы или... Или я не переживу иного конца!..»

Выходили из кинотеатра, устраивались где-нибудь выпить и поговорить. Вокруг все кипело. Мир изменялся, превращался в нечто новое, и каждый мечтал о собственном месте в этом обновленном мире. Они же казаки — природные воины и еще вполне в возрасте. Ну 40 с лишним, ну пусть даже 50. Самому Шкуро — 55. Им не то что воевать — командовать надо. Те, кто с семьями, еще подумывают, а основная масса готова на все. Особенно те, кого Шкуро считает своими.

Обсуждали слухи, сообщения в местных газетах, мало отличающиеся от слухов. В Париже объявился Казачий совет и уже выпустил обращение: «Казакам приобрести к делу борьбы с большевиками — каждый на своем месте». От кубанцев его подписал генерал-майор Малышенко, первопоходник, прошел всю Гражданскую. В эти же дни по рукам стало ходить частное письмо Краснова: «В данное время немецкому командованию нежелательна никакая лишняя болтовня. Войну с Советами ведут немцы — и в целях пропаганды среди Советских войск и населения, — они тщательно избегают какого бы то ни было участия эмиграции...» Краснов рассматривал три варианта: успешное антикоммунистическое восстание в СССР, оккупация части России, раскол России, одна часть которой пойдет на мир. Мог бы еще десяток вариантов придумать — он же писатель, причем такой, что придуманное им никогда не может осуществиться. Объявился и Владимир Кириллович Романов⁷⁷: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и уг-

нетает народ России в течение двадцати четырех лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма».

— Это все разговорчики, — отмахивался Шкуро. — Вот Штейфон — тот знает, за что надо браться. Помнишь его, Коля? Он одно время был начштаба у Май-Маевского. Он здесь в Югославии назначен командиром Русского Охранного корпуса. Набирает казаков. Будет охранять друзей немцев от братьев-славян. В Югославии в горах восстания. Там и коммунисты под командой какого-то Тито, и Михайлович со своими, а наш генерал Штейфон будет их рубить. А сам-то, между прочим, еврей. Его отец выкрест. Вот фюрер-то узнает. А?

— Нам надо собирать казаков, чтобы сразу на фронт двинуть, — настаивал Гринчук.

Его поддерживали, предлагали разные фантастические варианты, вплоть до делегации к Гитлеру.

Человеку свойственно опираться на опыт прожитой жизни, на опыт войны, где ты умело действовал, ему представляется, что и в изменившейся ситуации произойдет нечто похожее. В 1918-м Шкуро точно определил силу, на которую следовало опереться — армия Деникина. Он не пристал ни к каким самостийникам, добился и понимания и поддержки у тогдашнего командующего. Вот и теперь Шкуро знал силу — германский генеральный штаб. Его там знают, ему найдут дело, и он ждал вести и рассказывал казакам непристойные анекдоты.

Дождлся — телеграммой его вызвали в Загреб в военное министерство. Шкуро выехал поездом, взяв с собой Колкина, Гринчука и Кузьменко. В несуществующей стране существовало военное министерство, стояли часовые, проверяли пропуска. Целый этаж был отведен германскому отделу, который и руководил всем существующим и несуществующим. В отдельном кабинете сидел капитан Гензель в летней форме с погонами. В сторо-

не, на ярком диване — мадам Гензель и молодой человек в форме СС. Младший Гензель.

В кабинет пригласили всех, и в ходе обмена краткими приветствиями Шкуро интуитивно успел все же отметить взгляды, брошенные казаками на Маргариту, и ее ответные движения. Ничего особенного. Разве что намеки на прежнее знакомство. Или в Париже тогда встречались?

— Вот вас я давно не встречал, — сказал Гензель Николаю Кузьменко. — Помните?

— Как же. Темнолесская. Мы там сражались. И теперь готовы сражаться, где прикажет германское командование.

— У вас, Андрей Григорыч, — обратился хозяин кабинета к Шкуро, — есть течение самостийников. Какое-то Казачье национально-освободительное движение. Какой-то Евсиков.

— Мы у себя сражались за единую неделимую Россию, и сейчас поддерживаем политику, проводимую германской армией в России. Мы все готовы встать в строй. Я берусь набрать несколько боевых сотен. Примерно два полка.

— На свои средства? — спросил Гензель с улыбкой, которую сам, по-видимому, считал хитрой.

— Откуда у нас средства, господин капитан?

— Остатки авансов фирмы «Батиньоль», переведенные в золотые динары, и текущие капиталы предприятий Шкуро и Зборовского составляют более миллиона динаров. Здесь есть точная цифра, — мягко улыбнулся капитан.

— Можно сделать проще, — сказала Маргарита. — Господин Шкуро вносит оставшийся капитал в фонд Германских вооруженных сил, а Карл Иоганн способствует назначению генерала Шкуро на должность командира казачьего полка. Туда, конечно, войдут его казаки.

— Господа, но этих денег нет, — воскликнул Шкуро, вполне искренне. — Все сгорело.

— Андрей Григорьевич, — с официальным высокомерием возразила Маргарита, — секретная ревизия от-

дела вооруженных сил была проведена три дня назад. Отчетные суммы должны находиться в вашей финансовой части. Возможно, они похищены...

— Нет, Маргарита Георгиевна, но часть денег была отослана семьям казаков, часть — в Париж, и все уже израсходовано.

— Сколько вы можете внести средств для укрепления могущества германской армии? — спросил Гензель.

— Поймите меня, Карл Иоганн, у меня ничего нет, — сказал Шкуро, сморщившись так, словно сейчас заплачет.

— Сюда бы комиссию СС, и деньги бы сразу нашлись, — высказал свое мнение молодой Гензель.

— Мы хотим сражаться, — сказал вдруг Гринчук. — Мы отдадим свою кровь за победу рейха.

— К сожалению, вы все офицеры, — сказал Гензель. — Отдельные рядовые казаки могут вступать в немецкие воинские части и формировать свои подразделения, но командовать ими могут только немецкие офицеры. Я имел честь слышать фюрера на совещании, когда он говорил, что прочитал столько книг по истории России и, в частности, по истории казачества, сколько не прочитал ни один немец. Фюрер сказал, что казаки не принадлежат к русскому народу — они потомки остготов, то есть являются народом германской крови. В трудные для своего Отечества времена они, как люди высшей расы, становились на сторону патриотов и самоотверженно умирали за царя-батюшку. Поэтому командовать русскими казаками должны немецкие офицеры. Ждите, Андрей Григорьевич. Через несколько недель Россия будет разгромлена, и вам, конечно, найдется работа.

Возвращались от Гензеля в унылом разочаровании. Шкуро, наверное впервые в жизни, почувствовал собственную беспомощность, ненужность другим людям, жестокую зависимость от огромного кипящего мира, для которого человек всего лишь ничтожная пылинка. Хмуро смотрел он в окно поезда на солнечные поля, как будто ничего не знающие о войне, на свежее дерево ре-

монтируемых домов, на черноголовых мальчишек на станциях, торгующих газетами и выпрашивающих папиросы.

Наконец, оторвавшись от пейзажей, генерал оглядел своих спутников, сказал, хмурясь:

— Откуда эта сука узнала о наших запасах? Кто-то продает?

— Подкупила кого-нибудь из наших финансово-строителей, — предположил Гринчук. — Да и подсчет-то неверный. Чуть не полмиллиона лишних накрутила.

— Нам, господа, и всем нашим надо теперь хорошо соображать, — проговорил Шкуро после паузы. — Жить будем потихоньку, расходиться нам рано: кое-что еще есть, и обстановка может измениться. Разговорчики всякие идут. Но не высываться. Желтых мало осталось, но, в случае чего, — к Коле Кузьменко. Мне в Париж надо съездить. Там наши генералы все хотят к фюреру пристроиться. Но мы сами пока сидим тихо. Верно говорю, казаки?

— Верно, Андрей Григорьевич, — сказал Колкин.

— А я бы в Россию рванул, — сказал вдруг Кузьменко. — Погоны хорунжего мне не треба. И пашки к бою.

— Коля, успокойся. Водочки хочешь? Нет? Жарко? Я, твой командир, приказываю действовать по нашему плану. Лето скоро кончится. Задавит Гитлер Сталина — без нас в России порядка никто не наведет. Не получится с ходу — опять же на нас будут рассчитывать.

Поезд шел по чужой земле, вертелись дома, деревья, люди, и сам генерал Шкуро вертелся, как щепка в чужой грязной речке, и все, что должно случиться с ним, совсем от тебя не зависело.

Х

— У нас война особенная, — говорил своим подчиненным командир спецотряда НКВД полковник Палихин. — Как это в кино, забыл название — главное, во время смыться.

— «Праздник святого Йоргена», — подсказал старший лейтенант Аркадий Стахеев.

— Вот-вот. У нас, Аркаша, сегодня новички есть — надо им объяснить, чтоб не труханули с непривычки. Если часть полностью разгромлена, практически уничтожена, мы мгновенно отходим. Грузовики, фургоны с пулеметами на ходу.

Впереди, за лесочком, километрах в двух рвались снаряды. Для тех, кто уже бывал на этих заданиях, — это слабый беспокоящий огонь. Обстановку полковник объяснил: впереди, километрах в пяти — река Березина. Ее немцы форсировали накануне. Стрелковый полк занял оборону на какой-то маленькой речонке за лесом. Приказано держать оборону. Отступающих возвращать на передний край. Первый выстрел поверху. Не действует — бей в голову. Чтобы потом с ранеными не возиться.

— Майор Шерстобитов, расставляйте цепь — огонь усиливается, — приказал Палихин. — Старший лейтенант Стахеев от меня ни на шаг.

У Аркадия, как у всех командиров, в руках автомат, у рядовых — пока карабины. Аркадий такой привилегии не особенно радовался — конечно, автомат это вещь, но Стахеев очень точно стрелял из карабина и винтовки. Из автомата, не целясь, можно очередью уложить, а здесь искусство, точность попадания. Если целился в глаз, то надо попасть в глаз.

До вечера было далеко, и Палихин с опаской ждал событий. Если здесь форсировали Березину, значит, жди серьезное продолжение. Не первый раз стоял он с заградотрядом. Иногда отступающих удавалось остановить. Если немцы не очень нажимали. Чаще приходилось во время смываться.

Артиллерийский огонь усилился, превратившись в непрерывный сводящий с ума грохот. Вот и крики, и бегущие с позиции красноармейцы. Спотыкаются, падают, ломают кусты... Зашевелилась шеренга заградотряда, закричал полковник:

— Сто-ой! Назад! По бегущим огонь!

Некоторые останавливались, падали, уползали в лес. В дальних прогалинах появились чужие серые мундиры, затрещали автоматные очереди.

— Из автоматов по немцам огонь! — кричал Палихин. Оглянулся — нет Аркадия. Палихин закричал, заволновался, но Стахеев мгновенно появился из кустов орешника.

— Григорий Семеныч, — возбужденно сказал он, перебивая очередную команду полковника. — Григорий Семеныч — там немецкие кавалеристы.

На широкой прогалине справа появились три всадника в папахах на крупных рыжих лошадях, на гимнастерках — кресты.

— Это ж казаки! — воскликнул Палихин. — Кубанцы. Сними хотя бы одного живого.

— Только из карабина.

— Бери. Бей в голову лошади.

Три выстрела. Одна лошадь мгновенно упала, другая взвилась на дыбы с отчаянным ржанием, затем упала на колени и забилась.

— Лейтенант Васильев! — крикнул полковник. — Бери людей и бегом за кавалеристами.

— Я одного ранил — не уйдет, — сказал Аркадий. Отступление красноармейцев прекратилось — вернулись на свои позиции. Вновь возобновился редкий артиллерийский огонь.

— Это ненадолго, — вздохнул Палихин.

Подтащили пленного кавалериста-казака. Папаху он потерял, получил ранение в ногу и сидел, держась за сапог.

— Ну, докладывай, Иуда, за сколько казачью честь немцам продал? — спрашивал его полковник. — Докладывай, что за кавалерия?

— Так что казачий дивизион при танковом корпусе Гудериана. Было приказано разведать оборону.

— Для себя ты оборону разведал. А где танки?

— Хотели без танков пройти. Теперь будут ждать.

— Ты-то, Иуда, не дождешься. Какой станицы?

— Усть-Лабинская. У Шкуро я воевал. И в Париже с лошадьми джигитовку показывал. Помолиться дадите? Може, кто будет в Усть-Лабе... Може, кто помнит меня там — Нечипоренко Лексей...

— Ты же, казак, у Шкуро воевал, — коварно ухмыльнулся Палихин. — А Шкуро на нашего брата пуль не тратил. И мы побережем. Вот и осинка хороша. Будешь висеть, как Иуда.

— Вы ж русские, видать, крещеные. Как же вы так меня?..

— Не трясись, казачок. Твой Шкуро любил это дело. Вот и пользуйся. Давай, Аркадий, к шоферам. У них тонкий шнур есть. И займись. Тебе пригодится...

XI

Бессмысленно и бесполезно выискивать причины, обвинять себя и других, пытаться повернуть прошлое и оказаться в другом настоящем, где ты останешься человеком, а не трупом, болтающимся на веревке. Произошло то, что должно было произойти с тобой. В 1918 году он искал силу, присоединившись к которой, он мог бы участвовать в создании новой России и занять в ней достойное место. Рухнула сила. А в 1943-м...

Ранняя весна шумела и бурлила не только на улицах Парижа и Белграда, но и в боевой генеральской душе — этого и сам не ожидал. Собрал своих верных. Мало осталось — человек десять. Белградскую свою квартиру приказал сожигательнице-служанке приготовить как на праздник. На столе тесно от бутылок и закусок, но главное: волчье знамя в углу. Вновь яростно скалит пасть изголодавшийся волк. Сам Шкуро в мундире, подстрижен, причесан, лицо светится от поощрительной генеральской улыбки.

На лицах гостей приятное удивление — сегодня, наконец, разговор будет не про баб. На приставном столике — листовки, газеты.

— Читали? — спросил генерал, кивая на столик.

— Власова-то? — отозвался Гринчук. — За пайку хлеба проданся сталинский генеральчик. Его через два дня шлепнут наши или...

Не нашел слова Гринчук, и за столом засмеялись: а которые, мол, наши-то?

— Власов — это разговорчики, — сказал Шкуро. —

Листовочка хилая. А вы журнал посмотрите. «На казачьем посту», номер один. Издается в Берлине. Десять тысяч экземпляров. Открывается с обращения Краснова: «Идите в Германские войска, идите с ними и помните, что в Новой Европе Адольфа Гитлера будет место только тем, кто в грозный и решительный час последней битвы нелицемерно был с ним и германским народом». Наливайте, друзья. Выпьем за начало нашего похода. Наливайте, наливайте — потом расскажу. Скорее поймете.

Рассказал, что на русской территории, в Таганроге, действует казачий войсковой штаб. Им руководит полковник Белый и формирует казачьи полки. Казаки-то есть, командиров нет — все старики под 70. Полковник Белый, как старший походный атаман, был принят Гитлером. Великий фюрер, любитель круглых дат, принял решение по казачьему вопросу: 1 мая сего 1943 года начнутся перемены; уже формируется 1-я казачья кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Гельмута фон Панвица⁷⁹, — хорошо знает русский язык; фон Панвиц создает Школу юных казаков; дивизия формируется из добровольцев из России, а также из эмигрантов и отчасти из военнопленных; предполагается специальное обращение германских властей к русским казакам.

— Это не разговорчики, — сказал Шкуро. — Я уже договорился с Панвицем о посещении его дивизии представителями наших войск. Да. Это сейчас нас мало, а когда узнают, что мы входим в регулярную дивизию — все кинутся к нам. Итак, господа, составляем список делегации. Форма — кубанская парадная. Папахи, черкески, шашки. Едем в Млаву, а там Варшава рядом. Полячки-кривлячки — они и не знают кубанских «волков». Но, говорят, такое умеют.

Фон Панвиц чем-то напомнил Шкуро Елисеева: тот был друг без изъяна, жизнь спокойно ему доверишь, а этот кавалерийский командир, словно и родившийся таким командиром. Здоровый мужчина — посмотришь и не поверишь, что его можно свалить с ног. На лице только дело, только боевая мысль командира, и вместе с тем видит все, что происходит в полку, в дивизии.

Один взгляд на Шкуро — и разговаривает с ним, словно вместе прошли несколько боев.

— Я рад узнать вас, — сказал Панвиц, — русский язык теперь понимаю. Раньше только польский. Я построил полк, чтобы встретили вас.

На плацу гулял ветер. Не теплый кубанский, конечно, но все же весенний. Теперь пора не любви, а войны. Русские наступают зимой, немцы — весной и летом. С развевающимся волчьим знаменем группа кубанцев под командованием Шкуро объехала строй полка. Оркестр играл «Боже царя храни». Когда официальная часть кончилась и скомандовали «вольно», Шкуро выступил в своем новом амплуа:

— Пора нам русским мужикам до русских баб добраться. А то у них там уже...

— Может быть, напрасно это, Андрей Григорьич, — шепнул Колкин. — Не надо здесь такое.

— Ты погляди, как смеются, — возразил генерал и продолжал: — У нас в Пашковской был случай — баба казака изнасиловала, а он жаловаться атаману пошел. Тот спрашивает: «Ты как...»

Фон Панвиц наблюдал с интересом. Смеются — значит, хорошо.

Однако в штабе дивизии разговор пошел другой.

— Андрей Григорьевич, — тщательно выговаривал русское имя Панвиц. — В Восточном министерстве рейха, которым руководит Розенберг, создано Казачье управление. Его начальник — Гимпель, помощник — Гензель. Мы получили оттуда инструкцию относительно вас, временно воздержаться от назначения генерала Шкуро в дивизию. А я бы сразу дал вам полк.

ХII

ДЕКЛАРАЦИЯ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Казаки!

Казачьи Войска никогда не признавали власти большевиков. Старшие Войска, Донское, Кубанское, бывшее Запорожское, Терское и Уральское, бывшее Яиц-

кое, жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны Московскому государству. Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда вы, Казаки, закаляли себя в боях. Когда большевизм поработил Россию, вы с 1917 года по 1921-й боролись за свою самостоятельность с врагом, во много раз превосходящим вас числом, материальными средствами и техникой. Вы были побеждены, но не сломлены. На протяжении десятка лет, с 1921 по 1933 год, вы постоянно восставали против власти большевиков. Вас морили голодом, избивали, ссылали с семьями, с малыми детьми на тяжкие работы на Крайний Север, где вы погибали тысячами. Вас расстреливали, уничтожали. Вам пришлось скрываться, вести жуткую жизнь постоянно гонимых и ждущих казни людей. Ваши земли были отобраны. Войска ваши уничтожены. Вы ждали освобождения, вы ждали помощи!

Когда доблестная Германская армия подошла к вашим рубежам, вы явились к ней не как пленные, но как верные соратники. Вы с семьями, всем народом, ушли с германскими войсками, связали свою судьбу с ними, предпочитая все ужасы войны, биваки и зимнюю стужу, кочевую жизнь — рабству под большевизмом. Все, кто только мог сражаться, взялись за оружие. Второй год вы сражаетесь плечо к плечу, стремя к стремени с германскими войсками. Вы пережили весь ужас власти большевиков, и вы никогда с ней не примиритесь. Германская армия нашла в вас честных и верных союзников!

В воздаяние заслуг ваших на поле брани, в нынешнюю величайшую войну совершенных, в уважение прав ваших на Землю, кровью предков ваших политую и вам тысячу лет принадлежащую, в сознании прав ваших на самостоятельность, считаем долгом нашим утвердить за вами, Казаками, и теми иногородними, которые с вами жили и с вами доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.

2. Вашу самостоятельность, стяжавшую вам историческую славу.

3. Неприкосновенность ваших Земель, приобретенных столькими трудами.

4. Если бы военные обстоятельства временно не допустили бы вас на Землю предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы под защитой фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности.

Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устройства новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного счастливого труда на многие годы.

Да поможет вам в том Всемогуций!

10 ноября 1943 г.

Германское Имперское правительство. Начальник штаба Верховного командования

Кейтель.

Рейхсминистр Восточных областей

А. Розенберг.

ХІІІ

Из Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии относительно освобожденных советских граждан в Соединенном Королевстве.

Статья 1

Все советские граждане, освобожденные союзными войсками, будут отделяться незамедлительно. После их освобождения от немецких военнопленных и содержать отдельно от них.

Статья 2

Для целей внутреннего управления и дисциплины эти советские граждане будут организованы в соединения и группы, которые будут подчинены советским законам. Внутреннее управление и поддержание дисциплины в советских соединениях, местах и лагерях, о кото-

рых говорится в статье 1, будут осуществляться советскими офицерами...

ХІV

Германское обращение к казакам 1943 года превратилось в помятую, выцветшую, местами порванную грязноватую бумагу. Кто-то из прежних постояльцев гостиницы бросил ее на столе. Шкуро по приказу обергруппенфюрера СС Бергера только что привел сюда свой казачий резерв на юг Австрии в городок Лиенце. Май 1945-го с высокомерным победным спокойствием раскинул пестро-зеленую роскошь над землей.

Шкуро лежал на кровати в сапогах, не раздеваясь, лишь сбросив папаху. Попросил солдата-ординарца пригласить доктора, приехавшего вместе с казаками. Тот вскоре пришел, но в сопровождении английского солдата. С профессором Вербицким Шкуро был знаком.

— Хорошее здесь место, профессор. Я вот смотрю обращение сорок третьего года. Они обещали поселить казаков на восточной территории, в Белоруссии, потом перевезли сюда, бросили. Мне докладывали: шли сто двенадцать эшелонов. Это во время-то войны! Больше двадцати тысяч казаков с семьями. Наши бы бросили и забыли.

— Англичане мне сказали, что теперь с вашими больше сорока тысяч здесь.

— И я при своем слабом здоровье всеми командую. Сапоги снять не могу. Дышать больно.

— Давайте я вас послушаю.

Английский солдат стоял у двери, и на всякий случай Шкуро с Вербицким говорили шепотом.

— Кто сюда приехал и куда их поселяют? — спросил Шкуро.

— Были все. Краснов. Доманов и сейчас здесь. Ничего у нас с вами не получается, Андрей Григорьевич. К здоровью не могу найти претензий.

— На горилке вырос. И выходит мне хана, профессор.

Вербицкий сочувственно попрощался и вышел. Через некоторое время в сопровождении солдат вошел английский полковник Брайарт. Он говорил по-русски.

— Что мне ждать, полковник? — спросил Шкуро.

— Завтра вас арестуют.

— Власова арестовали?

— Еще двенадцатого мая?

— Его расстреляли?

— Будут судить.

— Конечно, надо помучить. Господин полковник, у меня к вам просьба. Расстреляйте меня немедленно! Прямо здесь. Прошу вас.

— На это я не имею права. Сейчас вы еще свободны, но из лагеря выхода нет.

— Выхода нет вообще, — повторил Шкуро, когда англичанин вышел. Да, но сегодня он еще свободен и может пойти к друзьям на застолье. Генералы Доманов и Саломахин с женами ждали его в своих номерах, в гостинице «Золотая рыбка». Шкуро явился, когда только что начали пить, и Доманов пришел в обычное для этого момента умиленно слезливое состояние. Наполовину облысевшая потная голова с растрепанными остатками волос, мятая гимнастерка с расстегнутым воротом и восторженные воспоминания:

— Пей, Андрей Григорьич! Я же рядом с тобой в Пятигорске стоял. Как ты не помнишь. И еще один генерал с тобой был. Я и подходил к тебе... А потом, когда красные пришли, я их окмурил. Глубоко залег, в партию вступил. В сорок втором меня назначили комиссаром подполья, когда альпийские стрелки подходили. Пришли — я сразу к ним. Все НКВД как на ладони. Это было... Как это?.. Звездный час...

— Пятигорск веселый город, — вспоминал Шкуро, закусывая свежей рыбой.

Жена Доманова Валя останавливала мужа:

— Ты бы, Тимофей, лучше забыл об этом.

— Я-то забыл, Валя — они не забудут, — и он заплакал.

— Солнце закатилось, — заметил Саломахин, — надо спеть на прощание.

— Чего на прощание? — начался вдруг у Доманова приступ оптимизма. — Мне точно майор Дэвис сказал, что завтра нас повезут на совещание к Александру и обратно. Две тыщи машин заказано.

— Брось трепаться, Тимофей Иваныч, — сказал Саломахин. — Будут они тебя катать.

— Может, и будут, — сказал Шкуро, подмигивая. — Пусть Тимофей Иваныч поспит с надеждой. Спокойно. Пусть ему приснится Пятигорск. А ты, Валя, давай аккордеон. Что это мы?

— Андрей, тебя кто-нибудь охраняет на улице? — спросил Саломахин, глядя в окно.

— Наверное, охраняют, — сказал Шкуро и грянул на балалайке:

Из-за леса, леса копий и мечей
Едет полк казаков усачей!
Попереди наш Шкуро боевой
Ведет храбрых казаков за собой...

— А ты приказывал кому-нибудь охранять? — снова спросил Саломахин, выглядывая из-за шторы. — Нас хорошо видно на втором этаже.

— И хорошо слышно, — сказал Шкуро. — Давай любимую!

И начал:

Ты прощай, прощай, милая,
Прощай радость, жизнь моя...

Вдоль домов напротив, прячась в тень прохаживался подхорунжий Василий Гринчук. Разглядывал редких прохожих, поглядывал в окно на генеральское веселье. Неожиданно из тени палисадников появилась женщина в одежде лагерной казачки.

— Казак, скажи, ты здесь на охране? — спросила она осторожно, подозрительно.

— А ты кто? Разводящая?

— Смотрящая. Гляжу, как Шкуро веселится.

— Думаешь, тебя там не хватает?
— Может, и не хватает. Вот эту песню мы с ним вместе играли.
— Давно его знаешь?
— С Екатеринодара. С молодости. А ты его охраняешь?
— Да. Я с ним с восемнадцатого года. Жду, чтоб домой проводить. Последнее время лишнее берет. До беспамятства.
— Казак, а как тебя звать?
— Ну, Николай.
— А тебе жалко Андрея? Ведь расстреляют.
— Повесят.
— Выручать надо.
— Надо бы, да как?
— Я знаю как. Меня Катя зовут. Я Андрея с детства знаю. Все сделаю, чтобы выручить. У меня машина в лесу, туда, к Шпитгау. В кустах, в яме. Одежда для него женская, документ хороший швейцарский. И на нас с тобой документы есть. Давай сделаем, а то одной мне тяжелее.
— Сделаем, Катя. У меня здесь сменщики в машине сидят за палисадником. Свои ребята. Поедем с ними потолкуем.
За кустами акаций стоял небольшой автобус с завешенными окнами. Гринчук постучал три раза, в машине погасили свет, затем открыли дверь. Гринчук пропустил впереди себя Катю, захлопнул дверь, и свет зажегся. За столиком сидел Палихин в непонятной английской форме.
— Катька, ты чего здесь? — удивился было Григорий, но Гринчук резко крутанул женщине руку назад и вырвал из-под одежды пистолет.
— Сука твоя Катюха. Примчалась Шкуро выручать. Все приготовила к бегству. И меня завербовала. А вот еще финка у нее.
— Гражданка Буракова, это как понимать? — возмутился Палихин.
— А ты ничего и не поймешь му...

Далее минут пять в автобусе раздавалась лишь беспорядочная нецензурщина. В машине вертелся и Аркадий Стахеев в форме английского солдата.

— Давайте ее пока к этому эсэсовцу посадим, — сказал он. — За полчаса не перегрызутся, пока наши приедут.

Женщину заперли в каморку в хвосте автобуса. Вплотную к ней сидел молодой человек в штатском костюме, но по виду, конечно, солдат.

— Поймали тебя гады чекисты, — сказал он, пытаясь подвинуться.

— Сказали ты эсэсовец.

— Мать русская. Язык понимаю. Отца такие повесили. Хотел в Россию проехать пострелять. Адреса есть. Поймали гады. Видно, завтра прикончат.

— Давай успокою тебя немножко. Хоть и тесно...

— Попробуем...

— Хорошо так?

— Порядок... А ты сговоришься с ними. Их всего трое. Не доложат.

— Что ты! С нашими нельзя договориться. Родную мать продадут. Мне теперь высшая мера — пуля в лоб...

— Эй вы там, — зашумели на них.

И как отголосок — с улицы донеслась песня пьяного Шкуро:

А теперь, моя милая,
Разлучила нас с тобой,
Разлучила, развела
Чужая сторона!

Катя заплакала тихими слезами.

Допел свою песню генерал, с трудом добрался до комнаты, свалился и не успел еще заснуть, когда за ним пришли офицеры полковника Брайара.

Поспать почти совсем не удалось. В пять утра на улице зазвучала торжественная православная литургия. Перекрывая хор певчих, кто-то громко изрекал с искренностью отчаяния:

— И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас...

— Какой сегодня день? — спросил Шкуро кого-то, кто расположился рядом.

— Двадцать восьмое, пятница.

— Пятница! Так чего мы ждем? Она уже пришла за нами.

XV

Первые грузовики подошли к воротам лагеря в 6.30. Литургия закончилась. Полковник Брайар прокричал команду:

— Господа офицеры, в машины! Первые — Доманов и его офицеры!

— Куда? — раздалась нервная выкрики. — К Александеру на совещание? В НКВД? На расстрел? Не поедем!

— Вы все поедете. У меня приказ принять меры.

Майское солнце было уже высоко, открывались окна барачных и небольших домов, где тоже теснились обреченные офицеры. В открытом окне одного из ближайших домов увидели генерала Краснова — измученного старика. Он что-то кричал, но его не слышали.

На поляне, где только что прошла служба, офицеры сели тесными группами, прижавшись друг к другу, крепко держась руками.

— Уотсон, вперед! — скомандовал полковник.

У него все было предусмотрено. Рыжие, длинные, хатоватые солдаты с винтовками с примкнутыми штыками и с заточенными кирками бросились на сидящих офицеров. Крики боли, возмущение, русская отчаянная матерщина. Офицеров кололи, били прикладами, рубили кирками. Посадка на грузовики-фургоны началась. Несколько покалеченных офицеров не могли подняться — их затолкали в машины.

Шкуро и Доманова отвели к дому, где находился Краснов. Туда подогнали пассажирский автобус, засуетились у дверей с какими-то узлами. Шкуро и Доманову пришлось остановиться — в кущах старых разросшихся платанов с матом и выкриками возились казаки: «Высоко, мать их забралась, могли бы и пониже...» Цепляясь за ветви, на землю с неприятным лошадиным грохотом свалилось тело Медвянова. Посиневший язык торчал изо рта, на шее вдавленный в кожу — белый шнур. «На электрошнуре, — объяснил казак. — Вон, второй, полегче». Маленького Аликова сняли руками. Его большие черные глаза смотрели прямо на солнце. Подошел английский офицер. Переводчик доложил ему, что «из трех попыток две удачные».

— Что же это они? — заплакал вдруг Доманов. — Как это они?

— А вот так, — зло ответил Шкуро. — Тебя еще на Лубянке помучают, а они отмучились.

В автобус усадили сначала семью Краснова: сам дряхлый генерал, его жена, брат, племянник. За ними вошли генералы Шкуро, Доманов, Саломехин, Васильев. Краснов, отдышавшись, сказал Шкуро:

— Андрей Григорьевич, у вас же орден Бани. Вы под защитой английского короля.

— Англичанка, сука, продала нас, как всегда, — ответил Шкуро.

— Нет, нет. Что вы. Я напишу письмо. Одно я уже написал. Коля, давай бумагу, чернила. Будем писать...

Подошла легковая машина. Из нее вывели генерала Султана-Келеч-Гирея. Когда-то вместе со Шкуро он прорывал фронт 11-й красной армии. Князь чинно поздоровался, сел, сказал:

— Со своими кавказцами я попрощался. Советовал им: пусть немедленно уйдут и забудут о нашей мечте освободить Кавказ и кавказские народы. Сам я слишком стар, чтобы продолжать борьбу. Сдаюсь на милость победителя.

— У большевиков милости не ищи, князь, — сказал Шкуро. — Они ж нелюди.

Автобус прошел вдоль грузовиков и занял место в голове колонны. Несколько сот машин, около двух тысяч казачьих офицеров. Фургоны открыты, и Шкуро увидел почти всех своих, печально помахал им папашой. Одного не нашел и спросил Доманова:

— Тимофей, а где Гринчук?

— Не знаю. С вечера не видел. Может быть, тоже... — ответил тот и безнадежно махнул рукой.

Машины двинулись навстречу солнцу сквозь невысокие скалы и котловины Восточных Альп. Неужели такая прекрасная дорога ведет к смерти? Некоторые офицеры еще могли утешаться мыслью, что едут на совещание с Александром, или надеялись на другое чудо, и радовались, когда колонна у озера Клагенфурта свернула на юг, к Италии. Однако через несколько минут — крутой поворот на север. Тяжкие камни легли на офицерские сердца — дорога шла к Советской зоне оккупации. С машин через борта полетели погоны, поясные ремни, документы, бумажники, шпоры. Один из казачьих офицеров прыгнул за борт, но неудачно: упал, и английские солдаты схватили его. В это же время с другой стороны несколько офицеров выпрыгнули на дорогу и побежали в лес. Вслед им стреляли, но догонять не стали. Возможно, кто-то из этих людей спасся.

Кузьменко был спокоен — не волновали его ни жизнь, ни смерть, но хотелось увидеть хоть краешек земли, считающейся сейчас русской. Там ждут их русские люди. Он думал о ней, вдруг о н а врач, или медсестра, или просто служит кем-то в армии, вдруг он увидит ее. Если так случится, сам не покажется — только на нее взглянет.

Колонна подъехала к большой реке, покойно текущей среди старого леса. Поредели деревья, открылся городок Юденбург, небольшой поворот и широкий мост через реку. На противоположной стороне, на высоком столбе огромный красный флаг с серпом и молотом. Вдоль моста — английские броневики и пулеметы. Машины медленно въехали на мост и остановились, упершись в шлагбаум, закрывающий въезд на противоположный

берег. Там — шеренга солдат с автоматами, офицеры в голубых фуражках, колючая проволока вдоль берега. Вот она Россия. Кузьменко улыбался — наконец-то увидел. Некоторым офицерам по разным надобностям разрешили выйти из машин на мост. Улыбающемуся Кузьменко тоже разрешили. Он подошел к перилам: вниз — метров пятьдесят, под водой посверкивает каплями крупный камень. Возможно, подводная скала. Заученным еще с кубанского детства движением сиганул через перила и вниз. С адской скоростью ринулась на него вода, камень, смерть!

Первым выехал на берег генеральский автобус. Проверили пассажиров и отправили машину на завод — там было приготовлено место для генералов. Выезжали с моста на берег следующие автобусы, встречающим по списку передавали офицеров, автобусы отправлялись обратно. Офицеров растрепанных, растерянных пытались построить шеренгами. К Колкину подошел советский солдат. Заинтересовался часами:

— Покажь. О, золотые. Шлепнут тебя, паря. На что упокойнику часы? Отдай.

Колкин, не глядя на солдата, отдал часы и потом сунул руку дальше, в рукав. Сверкнуло заостренное стекло, и казак с силой воткнул его в горло. Брызнула кровь, упал казак, дергаясь в судорогах.

Недалеко от него стоял Артюхов. Молча глядел на происходящее.

Когда Колкин рухнул на землю, заливаясь кровью, Артюхов сказал, обращаясь не известно к кому:

— Вот так они взяли меня из дома от отца с матушкой и их погубили, и меня на смерть сюда привели. Прости меня, Боже милостивый, к вам иду я батюшка с матушкой.

В руке Артюхова оказалась бритва с открытым лезвием, и через мгновение, перерезав горло, он в предсмертных судорогах бился на земле.

Палихин и командир стрелковой дивизии генерал-майор Буйков издали наблюдали за долгим процессом передачи казачьих офицеров. В шеренгах толкались ан-

глийские солдаты, выгодно обменивая одну папиросу на часы. Изредка возникала суматоха: кто-то пытался броситься в реку, кто-то резал себе горло стеклом или бритвой.

Друзей это не интересовало — давно не виделись. Вспоминали Дон, Москву, Воронеж. Буйков был исполнен тоскливой ненавистью к казакам, уничтоживших его семью. Просил Палихина:

— Возьми меня ночью на расправу. С душой постреляю.

— Ты что, Ерофеич? Порядка не знаешь? Там спецрота подготовлена. А вон еще знакомый — ты его знаешь?

У входа в цех металлургического завода вместе с охраной стоял Гринчук, надевший наконец свою настоящую форму: голубую фуражку, китель с орденами на груди, с золотыми погонами подполковника.

— Это и наш главный разведчик у Шкуро. Вася Гринчук. И у Деникина в штабе сидел, и за границей.

— Про Махно забыл, — сказал Гринчук. — С восемнадцатого года у чужих. Просил, чтобы после Гражданской оставили дома, так нет же. Сказали: тебе Шкуро доверяет, а за ним нужен глаз. Вот я и смотрел до вчерашнего вечера. Как раз одна сучка хотела моего атамана выпустить. Все у нее было готово. Хорошо, Гриша обещивал. Шлепнули ее?

— Сегодня ночью, — сказал Палихин. — А этого эсэсовца, что к ней прижимался, зачем-то на аэродром повезут. Ну что, пойдём к генералам? Там уж собрались.

— Надоели они мне, — сказал Гринчук. — Мой меня сегодня уже видел, когда его везли. Такую морду сделал — я думал заплачет.

— Да и я бы не пошел, — сказал Буйков, — да Гришка, вот, уговорил.

Генералов устроили в литейном цехе металлургического завода. Здесь было холодновато, болящему Краснову поставили кушетку, натаскали курток и шинелей. Вволю накормили английскими консервами — мясными и бисквитами. Палихин и Буйков пришли, когда бе-

седа уже шла. Центром являлся полулежащий Краснов. Доманова и других генералов-предателей загнали к стене и их не замечали. Какой-то седовласый советский генерал-лейтенант обсуждал с Красновым обстановку на Царицынском фронте летом 1918 года.

— Это была роковая ошибка Деникина, — говорил Краснов. — Если бы мы объединились и нанесли совместный удар, ваш фронт бы не выдержал и путь на Москву был бы открыт.

— Но у нас была возможность флангового удара со стороны Харькова и Воронежа. Я сам готовил эту операцию.

— Атаман Краснов еще тогда хотел немцев в Москву привести, — сказал Буйков. — Тогда не вышло — и сейчас не вышло. И никогда не выйдет.

— Позвольте, мы обсуждаем план операции... — начал было Краснов, но его перебил Шкуро:

— Казаки по бабам — вот и операция.

Он пытался шутить, пытался улыбаться. Его не узнавали даже вчерашние соратники: лицо, изломанное морщинами, нос вдавился кнопкой, седая щетина, а вместо деланной улыбки — щель между почерневшими узкими губами.

— Господин Шкуро мог бы и помолчать со своими стратегическими взглядами, — сказал седой генерал.

— Со своими стратегическими взглядами я вас гнал от Кавказских гор до Воронежа. В капусту рубил!

— А как мы тебя из Воронежа до Касторной гнали, помнишь? — спросил Буйков.

— Помню, — сказал Шкуро и даже улыбнулся по-настоящему. — Помню. Без порток бежали.

Взаимные воспоминания об операциях Гражданской войны закончились хохотом.

XVI

Не казаков, не офицеров пытался веселить Шкуро своими похабными рассказами, а себя хотел обмануть, будто он тот же молодой полковник, рвущийся в генералы и не жалеющий в боях ни себя, ни казаков,

а если нет боя, то есть девки, музыка, песни... Рассказывал он о том прошлом, прибавлял, чего не было, и хоть на короткое время становилось легче. Когда генералов отделили, рассказывать стало некому.

Пасмурным утром 4 июня генералов вывезли на советский аэродром в Бадене. Сорвали погоны и ордена. И знаменитый орден Бани превратился в обыкновенную железку. Командовал операцией полковник Палихин. Объяснил своему помощнику капитану Стахееву:

— Англичане молодцы. Наградили Шкуро своим высшим орденом, а теперь стоило нам мигнуть — и сдали нам голубчика вместе с орденом.

— Чего ждем, товарищ полковник?

— Сейчас будут мероприятия.

Подъехал автобус. Из него двое солдат вывели немецкого генерала в плаще без погон. Краснов, Шкуро и прочие узнали его и приветствовали: сам генерал фон Панвиц. Командир казачьей дивизии. Его подвели к ожидающим. Он взглянул на большой плакат у взлетной дорожки «РОДИНА-МАТЬ ЖДЕТ ТЕБЯ».

— Это не мне, — сказал Панвиц. — Моя родина не там.

— Почему же вы с нами, генерал? — спросил Шкуро.

— Меня хотели взять, как немецкого военнопленного, но я сказал, что воевал с русскими казаками и теперь хочу быть с ними. Вместе сражались — вместе ответим.

— Но вы же не сражались против русских, — сказал Краснов. — Ваша дивизия действовала в Югославии против партизан Тито.

— Так и меня надо оправдывать, — сказал Шкуро. — Я и с югославами-то не воевал — резервы обучал.

— Все они коммунисты — все против нас, — сказал Панвиц. — А мы против них.

— Чего ждем, Григорий Фомич? — спросил капитан Стахеев.

— Начинается главное представление.

Шкуро взглянул на капитана: добрый был бы казак. И глаза смотрят решительно. Не промажет. Помнилось Шкуро, что когда-то и у него были такие же глаза, и не окружали их слезливые морщины.

— Сейчас вас доставят самолетом в Россию, в Советский Союз, — обратился к генералам Палихин. — Я обязан предупредить вас о строгости закона и неизбежности наказания. Неповиновение, попытка побега и прочие подобные нарушения караются следующим образом.

Он сделал знак, и два автоматчика вывели из автобуса Фридриха Гензеля. Теперь он был в своей эсэсовской форме. Его поставили к стене. Автоматчики прицелились.

Гензель взглянул на генералов, помахал рукой, крикнул:

— Лебен зи вольт!⁸⁰

Автоматчики выстрелили. Фридрих забился на земле — плохо стреляли.

— Аркадий! — приказал полковник.

Стахеев подошел к умирающему и несколько раз выстрелил в него из пистолета. Пока молодой эсэсовец не затих.

16 ЯНВАРЯ 1947 г.

В эту зиму, вторую после войны, Москва жила опереттой, причем только Кальманом — никаких Милютинных или Дунаевских. Невероятные очереди у кассы, невероятные цены с рук. Особенно после празднования Нового, 1947 года «Сильва» и «Марица» стали культовыми зрелищами. Некоторые вели счет того, сколько раз им удалось послушать любимую музыку, Кальмана тогда исполняли в резких ритмах особым стилем школы Столярова, и зал, принимая ритм, поддерживал его офицерскими сапогами и дамскими каблучками.

Судебный процесс, на котором слушалось дело группы Краснова-Шкуро, заканчивался 15 января, и Аркадий Стахеев заказал билеты на «Сильву» на 16-е, когда играл первый состав: Лебедева и Качалов, Володин, Ярон. Подруга Инна, дочь генерала, была в восторге, собиралась идти в театр в новом трофейном платье из панбархата.

И вдруг... Вечером 15-го, когда уже готовили скамью и петли для казни, объявили, что разбор дела не закон-

чен и переносится на следующий день. Аркадий бросился к Палихину: «У меня же билеты на завтра». — «Сдавай, — сказал Палихин. — Или пусть она с кем-нибудь еще идет».

— Ага! С кем-нибудь еще, — возмутился Аркадий. — С майором из иностранки. Для него я старался.

— Ничего не сделаешь. Я ж не пойду врать генералу, что ты заболел. И вообще такие задания не пропускаются. Не явишься — минус на всю жизнь.

Инна обиделась, мама удивилась — а что сделаешь? Такая работа. Ни родной матери ни слова, ни любимой женщине ни намека.

Шестнадцатого дневное заседание началось в 11.30. Целый день Аркадий толкался в приемных, в буфете, в библиотеке. За окном сугробы и дежурный солдат с желтым флагом, регулирующий движение конвоев по лестницам Лефортовской тюрьмы.

Заседание — за закрытыми дверями.

— Обвиняемый Панвиц, Шкуро полностью был осведомлен о чинимых казаками зверствах по отношению к мирному населению?

— Да, общаясь с казаками, Шкуро знал о проводимых ими грабежах мирного населения, изнасилований женщин, расстреле крестьян и уничтожении целых деревень. Еще до знакомства со Шкуро я от казачьих офицеров моей дивизии и от старых казаков слышал о его деспотизме, который он проявлял во время Гражданской войны в России, и его непримиримой вражде к советской власти. Шкуро также популяризировал декларацию Розенберга и Кейтеля, содержащую призывы к борьбе против советской власти вместе с немецкой армией. Шкуро всегда называл Гитлера другом, а фашистскую Германию — союзницей казаков.

— Какую работу Шкуро выполнял в качестве начальника казачьего резерва?

— После покушения на Гитлера все тыловые части германской армии перешли в подчинение Гиммлеру. Начальник штаба войск СС Бергер в начале сентября собрал совещание, на котором присутствовал Шкуро. Тог-

да он и получил полномочия создать свой штаб. Он сам и все его вербовщики получили право беспрепятственного посещения лагерей военнопленных и предприятий, где работали казаки, для ведения вербовочной работы в мой корпус.

— Нет ли между вами личной вражды и счетов, из которых можно предположить, что один из вас оговаривает другого?

— Нет. Ничего такого нет, — сразу ответил Шкуро.

— Ваши отношения можно считать нормальными, ровными?

— Даже дружескими, — сказал фон Панвиц.

Шкуро согласился.

— Обвиняемый Панвиц, когда и при каких обстоятельствах вы познакомились со Шкуро?

— В октябре сорок третьего года, когда я прибыл в Югославию со своей казачьей дивизией, белогвардейские генералы пригласили меня на прием, устроенный ими по поводу прибытия дивизии. Там присутствовал Шкуро, и мы познакомились.

Шкуро подтвердил.

— Расскажите о дальнейших ваших встречах с Панвицем, — спросили у него.

— Я посещал казачью дивизию Панвица в течение сорок третьего—сорок четвертого годов. Встречался с ним три или четыре раза. Проводил с казаками беседы.

— Обвиняемый Шкуро, были ли эти беседы антисоветского характера, призывали ли вы казаков к вооруженной борьбе против Красной Армии, призывали ли вы их к верной службе немцам. Выражали ли вы ваши собственные взгляды, которые можно назвать антисоветскими.

— Ну что ж, можно сказать и так, — с безнадежным равнодушием согласился Шкуро.

— Вы знали о зверствах, чинимых казаками дивизии фон Панвица в Югославии?

— Что ж, знал, конечно. Приказы отдавали немецкие офицеры дивизии Панвица, заставляли казаков отбирать продовольствие и лошадей.

— Что вы делали в Берлине?

— С сентября сорок четвертого я работал в Берлине начальником резервного отряда. О назначении на эту должность я впервые узнал в Берлине от Панвица, когда он приезжал из Югославии в Берлин.

— Обвиняемый Панвиц, кто назначил Шкуро на должность начальника казачьего резерва?

— Начальником казачьего резерва запасной армии войск СС генерал Шкуро был назначен в сентябре сорок четвертого года приказом заместителя рейхсфюрера СС Гимmlера Генриха — начальника Главного управления войск СС Бергера. На этой должности Шкуро вербовал в лагерях военнопленных и работавших в немецкой промышленности казаков в добровольческие казачьи соединения.

— Обвиняемый Панвиц, вы имеете претензии к обвиняемому Шкуро?

— Нет. Не имею.

Много времени заняло чтение приговора. Закончили в восемь вечера. Всех шестерых — к повешению.

Надеть халаты! Строиться! В одну шеренгу становись — кричали конвойные. Палихин торопил: «Быстро! Ни секунды задержки!»

— Когда? — отчаянно спросил кто-то из осужденных.

— Молчать! — крикнул конвоир. — Или в зубы!

— Шкуро, вперед шагом марш, — скомандовали конвойные и вдвоем повели осужденного к выходу.

— Какой сегодня день? — спросил Шкуро и, зная, что ответа не будет, сам и ответил: — Шестнадцатое⁸¹, четверг. Без разговорчиков.

На улице, на длинном широком выступе крыльца уже все было готово. Длинная скамья, шесть крепких, пропитанных специальной смазкой шнуров-петель. У каждой трое исполняющих. Шкуро остановили у первой петли. У следующей остановили падающего, рыдающего Доманова. Исполнявшие — в масках, закрывающих лоб и низ лица. Некоторые в очках. Стахеев набросил петлю на Шкуро, двое других охватили руки

генерала наручниками. Шкуро матерился, намеревался плюнуть Аркадию в глаза — тот же без очков, — но капитан успел ударить приговоренного по голове:

— Все готовы? — громко спросил Палихин, и поскольку все молчали, нажал рычаг. Казненные закачались, захрипели, завертелись и успокоились.

Полковник обошел виселицы, приказал солдатам убирать трупы, приблизился к Аркадию, посмотрел на часы, спросил:

— Знаешь, что там сейчас поют? «Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось?»

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА (старый стиль по 1917 г., далее — новый)

1886 год

7 февраля в станице Пашковской (предместье Екатеринодара) в семье подъесаула Кубанского казачьего войска Григория Федоровича Шкуро и Анастасии Андреевны родился сын Андрей.

1907 год

Июнь — Андрей Григорьевич окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге и был произведен в хорунжие, назначен в 1-й Уманский полк в г. Карс.

За казачью ловкость и доблесть награжден орденом Святого Станислава 3-й степени.

1908 год

Переведен в 1-й Екатеринодарский конный полк. Проявляется недисциплинированность на службе и ссоры в семье с отцом.

1910 год

Женился на дочери директора народных училищ Ставропольской губернии Татьяне Сергеевне Потаповой. Молодожены совершают свадебное путешествие в Брюссель на Международную выставку.

1913 год

Выехал в Восточную Сибирь для участия в экспедиции для «отыскания и нанесения на карту золотоносных месторождений».

1914 год

С началом войны из-за опоздания в свой полк Шкуро зачислен младшим офицером в 3-й Хоперский полк сверх комплекта.

За успешное командование взводом в бою под Сенявой награжден орденом Святой Анны 4-й степени.

В ноябре — за успешные действия в бою под Радомом награжден Георгиевским оружием.

Декабрь — ранен оружейной пулей в ногу.

1915 год

В апреле назначен начальником пулеметной команды.

За успешное участие в боях в течение года произведен в есаулы и награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

Вносит предложение руководству корпуса об организации «партизанского отряда» для действий в тылу противника. Приглашается для обсуждения этого предложения в императорскую Ставку в Могилев.

1916 год

В течение года руководит своим «партизанским отрядом»; эффективность действий отряда получает противоречивые оценки.

В июле переходит с отрядом на Южный фронт.

1917 год

Март — находясь с отрядом в Кишиневе, Шкуро вступает в конфликты с революционными солдатами.

Май — отряд пребывает с фронта на Кубань, после краткого отпуска вливается в корпус генерала Баратова в Персии, где еще держался фронт.

Октябрь — Шкуро участвует, как делегат, в работе Кубанской Рады, не признавшей советскую власть.

Декабрь — произведен в полковники и назначен командиром 2-го линейного полка.

26 декабря — получил тяжелое пулевое ранение в грудь, по-видимому, это стало результатом покушения, организованного революционно настроенными солдатами.

1918 год

Весна — вместе с 3-м Хоперским полком Шкуро уехал на Кавказ и вместе с женой конспиративно жил в Кисловодске, где установилась советская власть.

Май — встречается в Кисловодске с командующим Юго-Восточной армией Автономовым, возглавляющим революционные войска, пытающимся примирить революционных солдат с офицерами для совместной борьбы против немецкой оккупации.

Июнь — формирует партизанский казачий антисоветский отряд с центром в Баталпашинской станице (ныне г. Черкесск). В дальнейшем отряд реорганизуется в 1-ю, затем во 2-ю Кубанскую казачью дивизию.

26 июня — налет отряда на Кисловодск и Пятигорск.

20 июля — захват Ставрополя.

20 июля — встреча Шкуро на ст. Тихорецкая с командующим Добровольческой армией Деникиным и начальником штаба Романовским. Примерно с этого времени Шкуро изменяет последнюю букву своей фамилии «а» на «о».

Август — назначается начальником Отдельной Кубанской партизанской бригады.

Октябрь — назначен начальником 1-й Кавказской дивизии.

13 декабря — произведен в генерал-майоры.

1919 год

Весна — дивизия Шкуро успешно действует в Донбассе против Красной Армии и войск Махно.

Май — по ходатайству генерала Май-Маевского Шкуро произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 3-го Кубанского конного корпуса.

Октябрь — под Воронежем и Касторной корпус Шкуро разбит Конным корпусом Буденного.

Декабрь — Врангель, вступая в должность командующего Добровольческой армией, заявляет, что в его армии ни при каких условиях не должны служить Шкуро и Мамонтов.

Декабрь — Шкуро на своем поезде вывозит из Кисловодска в Новороссийск многих эмигрантов.

1920 год

Январь — приказом по Войсковому штабу Кубанского казачьего войска назначен командующим Кубанской армией, практически потерявшей боеспособность.

27 марта — эвакуация белогвардейских войск из Новороссийска; войска Шкуро временно остаются на побережье.

Май — Шкуро эвакуируется в Крым, и, не получив должности в армии Врангеля, выезжает с семьей в Европу.

1921 год

Находясь в Берлине, Шкуро выступает с предложением создать Союз активных борцов за Россию — САБЗАР, однако не встречает поддержки у эмиграции.

1925 год

Проживая в Париже, организует труппу казаков-наездников. Выступления в Париже на стадионе «Буффало» собирали до 20 тысяч зрителей. Позднее представления джигитов проходили в Англии, Германии и других странах.

1930 год

Получает полицейское требование о немедленной высылке из Франции; по некоторым данным — за связь с германской разведкой.

Великий князь Борис Владимирович Романов направляет письмо Регенту Югославии королевичу Павлу с просьбой разрешить Шкуро проживать в Югославии.

1931 год

1 декабря — Шкуро переезжает на постоянное жительство в Югославию.

1932 год

Участвует в журнальной полемике, выступая против новых «самостийников», приписывающих казачеству особые этнические черты, провозглашающих мистическую «Казаксию».

Соглашение со строительной фирмой «Батиньоль», Шкуро возглавляет работы по созданию земляного вала, предохраняющего от разливов Дуная города Земун, Белград, Панчево.

1933 год

Начало работ по сооружению у Белграда нового моста через Дунай.

1939–1942 годы

Контакты с различными немецкими и русскими казачьими организациями, не приведшие к сотрудничеству в борьбе против СССР.

1943 год

10 ноября — Декларация Германского правительства, обращенная к казакам, призывающая их к борьбе против СССР.

Октябрь — знакомство Шкуро с командиром 1-й казачьей дивизии генерал-майором фон Панвицем, в дивизии которого служили русские казаки.

1944 год

Сентябрь — назначен начальником казачьего резерва запасной армии войск СС; на этой должности вербовал в лагерях военнопленных и работавших в немецкой промышленности казаков в добровольческие казачьи соединения.

1945 год

Май — в соответствии с Ялтинским соглашением приказом Английского оккупационного командования все русские казаки, как эмигранты, так и бывшие граждане СССР, собраны в г. Лиенце (Австрия) и переданы Советскому командованию в г. Юденбурге. В их числе Шкуро, Краснов и др.

Июнь — Шкуро и другие арестованные самолетом доставлены в Москву и помещены в Лубянскую тюрьму.

1947 год

15 января — начало закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР.

16 января — в 15.15 суд удалился на совещание, в 19.30 председательствующий огласил приговор. Все шестеро подсудимых — Шкуро А. Г., Краснов П. Н., Краснов С. Н., Султан-Келеч-Гирей, Доманов Т. И., фон Панвиц — приговорены к смертной казни через повешение.

В 20.00 судебное заседание закрыто. В 20.45 приговор приведен в исполнение.

КОММЕНТАРИИ

¹ *Рубин Абрам Израилевич (1883–1918)* — один из руководителей борьбы за советскую власть на Юге России. В 1918 г. председатель ЦИК Кубано-Черноморской, Северо-Кавказской советских республик. Расстрелян контрреволюционерами.

² *Кубано-Черноморская советская республика* — просуществовала с 30 мая по 6 июля 1918 г. Кубанская и Черноморская республики были объединены в единую республику в составе РСФСР по решению 3-го Чрезвычайного съезда Советов Кубани и Черноморья. После наступления армии Деникина на Кубань 1-й съезд Советов Северного Кавказа (5–7 июля) постановил объединить Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую республики в Северо-Кавказскую советскую республику.

³ *Елисеев Федор Иванович (1892–1987)* — подъесаул 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии с июня 1918 г. в отряде Шкуро, с сентября — командир сотни в Корниловском конном полку Кубанского казачьего войска; в 1919 г. стал полковником и получил чин войскового старшины, командовал разными полками. В начале 1920 г. — командовал 2-й Кубанской казачьей дивизией. В апреле 1920 г. под Сочи взят в плен, бежал в Финляндию, потом жил в Париже. В 1938 г. был представителем Кубанского атамана на Дальнем Востоке. С 1940 г. — во Французском иностранном легионе. С 1949 г. жил в США.

⁴ *Чембур* — длинный повод уздечки, за который привязывают или на котором водят верховую лошадь.

⁵ *Слащов Яков Александрович (1885–1929)* — полковник, командовал лейб-гвардии Московским полком. В Добровольческой армии с января 1918 г., с июня — начальник штаба отряда Шкуро, затем был командиром Кубанской пла-

стунской бригады, начальником штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии. В 1919 г. — генерал-майор, командовал пехотной дивизией, армейский корпусом. В декабре 1920 г. эмигрировал, вышел в отставку, через год вернулся в СССР, служил в РККА. Убит в январе 1929 г. в Москве.

⁶ «...немцы прислали... Краснову...» — опираясь на помощь Германии, Петр Николаевич Краснов (1869–1947) создал казачью армию, которая в мае—июне 1918 г. ликвидировала советскую власть на Дону. После поражения Германии в 1-й мировой войне он признал главенство Деникина, но вскоре подал в отставку и уехал в Германию. Во время 2-й мировой войны помогал немецкому командованию в формировании казачьих частей. Был захвачен советскими войсками и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

⁷ *Русский Николай Владимирович (1854–1918)* — генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой и Русско-японской войн. Во время 1-й мировой войны командовал 3-й армией, Северо-Западным фронтом, 6-й армией, Северным фронтом. С апреля 1917 г. в отставке по болезни.

⁸ *Автономов Алексей Иванович (1890–1919)* — в 1-ю мировую войну хорунжий. В феврале 1918 г. назначен командующим Юго-Восточной революционной армией, с мая — главнокомандующим вооруженными силами Кубано-Черноморской республики. В мае 1918 г. отстранен от должности. По просьбе Г. Орджоникидзе возвращен на Северный Кавказ для формирования отрядов из горцев. Командовал бронепоездом и отрядом. Умер от тифа.

⁹ *Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918)* — генерал от инфантерии. С 1915 г. — начальник штаба Ставки; в марте—мае 1917 г. — Верховный главнокомандующий. После октября 1917 г. организовал и возглавил Добровольческую армию.

¹⁰ *Деникин Антон Иванович (1872–1947)* — генерал-лейтенант. После Февраля 1917 г. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, командовал войсками Западного и Юго-Западного фронтов. В 1918 г. возглавил Добровольческую армию, затем стал главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). После разгрома армии и эвакуации в Крым сдал командование и эмигрировал. Умер в США.

¹¹ *Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918)* — генерал от инфантерии (1917). В июле—августе 1917 г. — Верховный главнокомандующий. Один из организаторов Добровольческой армии.

¹² *Сорокин Иван Лукич (1884–1918)* — кубанский казак, участник 1-й мировой войны. В Гражданскую войну за несколько месяцев прошел путь от командира казачьего отряда до главкома Вооруженными силами Северо-Кавказской Республики, командующего войсками Северного Кавказа. Будучи командующим 11-й красной армией в октябре 1918 г. поднял мятеж против советской власти. 2-й Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа объявил Сорокина вне закона. Убит в тюрьме, где содержался до суда.

¹³ *Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939)* — генерал от кавалерии, участник выступления Корнилова. Был представителем Добровольческой армии при Кубанском правительстве. Участвовал в «Ледяном» походе, командовал отдельной конной бригадой, 1-й конной дивизией, с апреля 1919 г. — главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. — начальник Владикавказского отряда. После эвакуации возвратился в Крым в русскую армию. Эмигрировал во Францию.

¹⁴ *Буачидзе Самуил Григорьевич (1882–1918)* — участник революции в 1905–1907 гг. в Западной Грузии, один из руководителей борьбы за советскую власть во Владикавказе. С февраля 1917 г. — член Терского народного совета и председатель коллегии по охране революционного порядка; в 1918 г. — председатель СНК Терской республики. Убит на митинге.

¹⁵ *Фигатнер Юрий Петрович (Яков Исаакович) (1889–1937)* — участник революции 1905–1907 гг. в Варшаве. В 1909 г. учился в парижском кружке В. Ленина. После Февральской революции работал в Московском комитете РСДРП, в Кисловодске был председателем Совета и секретарем комитета РСДРП. С ноября 1917 г. — член Кавказского краевого комитета РСДРП, с 1918 г. — наркомвнудел Терской советской республики. В 1919 г. на подпольной партийной работе в Закавказье. В дальнейшем занимал различные руководящие должности, был делегатом 14–17-го съездов

партии, членом Президиума ЦКК ВКП (б), ВЦИК и ЦИК СССР.

¹⁶ «...отправить к Корнилову» — Л. Г. Корнилов был убит при штурме Екатеринодара, и упомянутое выражение значит-
ло «убить».

¹⁷ *Николай Николаевич (1856–1929)* — великий князь. Участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878), награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость». В 1-ю мировую войну — Верховный главнокомандующий, затем наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией и войсковой на-
казной атаман Кавказских войск. Умер в эмиграции.

¹⁸ *Сейделер Мстислав Николаевич (1886–1939)* — капи-
тан гвардии. Воевал в составе Добровольческой армии и ВСЮР. В 1918 г. — в отряде Шкуро, затем командовал 2-м Кубанским казачьим военно-артиллерийским дивизионом. В 1919 г. получил звание полковника, командовал Кавказ-
ским казачьим конно-артиллерийским дивизионом. Эвакуи-
ровался осенью 1920 г., жил во Франции.

¹⁹ *Веденяпин Петр Александрович (1885–после 1960)* — полковник. С ноября 1917 г. начальник штаба Алексева в Новочеркасске, затем представитель Добровольческой ар-
мии в Минеральных Водах, участник «Ледяного» похода. В мае 1918 г. — представитель армии на Тереке, в ноябре—
декабре — член Главного комитета Общества Белого Креста. В эмиграции в Китае, к 1941 г. — член Офицерского собра-
ния в Шанхае. Затем жил в Парагвае, в Аргентине.

²⁰ *Калнин (Калниньш) Оскар Юрьевич (1895–1920)* — один из руководителей революции 1917 г. в Москве. Во время Гражданской войны член РВС армии, комиссар дивизии и командир бригады. Погиб в бою.

²¹ *Баранта (тюрко-татарск.)* — поход, набег, а также грабеж.

²² «...через нашу Раду» — Кубанская краевая войсковая Ра-
да, созданная в апреле 1917 г. в Екатеринодаре, избрала вре-
менное войсковое правительство, вместо которого в ноябре
было избрано краевое правительство под председательством
Л. Л. Быча. В августе 1918 г. было создано новое правительст-
во, часть которого (т. н. «черноморцы»), поддерживая борьбу

Деникина против советской власти, выступала за автономию Кубани. Правительство, избранное Кубанской Радой после «государственного переворота», устроенного генералом В. Л. Покровским в ноябре 1919 г., было более лояльным по отношению к Деникину. В марте 1920 г. части Красной Ар-
мии заняли Екатеринодар, и вскоре Кубанская Рада, пере-
бравшаяся в Новороссийск, прекратила свое существование.

²³ *Филимонов Александр Петрович (1866–1948)* — пол-
ковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего
войска. В 1917 г. — председатель Кубанской Рады, с октяб-
ря — войсковой атаман Кубанского казачьего войска. Участ-
ник «Ледяного» похода, генерал-лейтенант. Эмигрировал
в Югославию, где и умер.

²⁴ *Глазенап Петр-Владимир-Василий Владимирович (1882–1951)* — из дворян Лифляндской губернии, сын офи-
цера, полковник. Командир особого Ударного отряда, носив-
шего его имя. В Добровольческой армии — командир кавале-
рийского дивизиона, начальник 1-й отдельной Кубанской ка-
зачьей бригады и 4-й дивизии. В 1918 г. — Ставропольский
военный губернатор. С марта 1919 г. — начальник Сводно-
Горской конной дивизии, занимал другие должности. Фор-
мировал, а затем командовал 3-й русской армией в Польше,
участвовал в формировании Русского легиона в Венгрии.
Умер в Мюнхене.

²⁵ *Романовский Иван Павлович (1877–1920)* — участник
Русско-японской и 1-й мировой войн. Георгиевский кавалер.
Генерал-майор (1916). С февраля 1918 г. — начальник штаба
Добровольческой армии, с января 1919 г. — начальник штаба
главнокомандующего ВСЮР. В 1920 г. эвакуирован в Кон-
стантинополь, где был убит.

²⁶ *Покровский Виктор Леонидович (1889–1922)* — капи-
тан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского
авиационного отряда. Сформировал на Кубани добровольчес-
кий отряд, с января 1918 г. — полковник и командующий
войсками Кубанского края, затем Кубанской армией, позд-
нее — генерал-лейтенант и командующий Кавказской арми-
ей. Эмигрировал в Болгарию, где был убит жандармами.

²⁷ *Ковтюх Елифан Иович (1890–1938)* — в Гражданскую
войну во время похода Таманской армии командир 1-й ко-

лонны (изображен А. Серафимовичем в романе «Железный поток» под именем Кожуха). В 1918–1920 гг. в ходе боев на Волге и Кавказе командовал дивизией и корпусом. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

²⁸ *Боровский Александр Александрович (1875–1938 или 1939)* — генерал-майор. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии — организатор и командир Студенческого батальона. В 1918 г. командовал Юнкерским батальоном, затем — Офицерским полком. Занимал должности от начальника дивизии до командующего Крымско-Азовской добровольческой армией, командующего войсками Закаспийской области. Эмигрировал в Югославию.

²⁹ *Калабухов Алексей Иванович* — в Кубанской Раде вместе с Н. С. Рябоволом и Л. Л. Бычем возглавлял группировку «черноморцев», отстаивавших идею автономии Кубани. Был членом парижской делегации, добившейся признания союзниками самостоятельной «Кубанской республики», а в 1919 г. подписавшей союзный договор с межджлисом горских народов, все это стало поводом для обвинения «черноморцев» в государственной измене. 13 июня Н. С. Рябовол был убит. В ноябре Кубанская Рада была разгромлена генералом Покровским, часть «черноморцев» бежала или была выслана, а Калабухов, сдавшийся денкинским властям, 7 ноября был повешен.

³⁰ *Кутепов Александр Петрович (1882–1930)* — генерал от инфантерии. Командовал корпусом в армии Деникина, затем корпусом и 1-й армией во врангелевской армии. Эмигрировал в Болгарию, затем во Францию. С 1928 г. был председателем «Русского общевоинского союза». Вывезен агентами ОГПУ из Парижа. Умер в пути.

³¹ «...в бой «за царя»...» — в Добровольческой армии о расстреле царской семьи узнали только в августе 1918 г.

³² «Получил «клевку»...» — орден Святой Анны, учрежден в 1735 г. Карлом-Фридрихом герцогом Гольштейн-Готторпским в память жены Анны, дочери Петра I. В 1815 г. учреждены 4 степени ордена. Знак ордена 4-й степени — медальончик с красным крестом в центре под короной — прикреплялся к холодному оружию, которое неофициально называлось «аннинским», с 1829 г. на это оружие стали при-

креплять темляк из орденской ленты (красной с желтой каймой), получивший жаргонное название «клековки».

³³ *Баратов Николай Николаевич (1865–1932)* — генерал от кавалерии, командующий русским экспедиционным корпусом в Персии. Воевал в составе Добровольческой армии и ВСЮР на Кавказе. В 1918 г. представитель главнокомандующего в Закавказье, был тяжело ранен в сентябре 1919 г., с декабря — в управлении иностранных дел, весной 1920 г. до эвакуации из Новороссийска — министр иностранных дел Южнорусского правительства. В эмиграции во Франции.

³⁴ «Мы не заключали мира с Вильгельмом...» — Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — германский император и король Пруссии в 1888–1918 гг.

³⁵ *Улагай Сергей Георгиевич (1875–1947)* — участник выступления Корнилова. В Добровольческой армии с 1917 г. Участник «Ледяного» похода. Командовал Кубанским пластунским батальоном, 2-й Кубанской казачьей дивизией, Кубанским корпусом. В 1920 г. возглавлял Кубанскую армию, с июля — группой войск особого назначения. После неудачного десанта на Кубань (август) был отправлен П. Врангелем в отставку. Эмигрировал в Югославию, затем служил в албанской армии. Во время 2-й мировой войны участвовал в формировании казачьих частей. В 1945 г. сдался англичанам, не был выдан советскому командованию, так как являлся албанским подданным. Умер в Марселе.

³⁶ *Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919)* — дворянин. В начале 1918 г. на Румынском фронте сформировал отряд добровольцев, с которым выступил на Дон и 27 мая соединился с Добровольческой армией. Возглавил 3-ю дивизию. Получил чин генерал-майора. В октябре 1918 г. ранен под Ставрополем, 1 января 1919 г. умер от ран.

³⁷ *Шифнер (Шифнер-Маркевич) Антон Мейнгардович (1887–1921)* — подполковник. В 1918 г. участвовал в формировании добровольческих частей на Румынском фронте. В Добровольческой армии — начальник штаба партизанской бригады Шкуро, затем — 1-й Кавказской конной дивизии, с мая 1919 г. — начальник той же дивизии, с сентября — начальник штаба 3-го Кубанского корпуса. В 1920 г. — начальник 2-й Кубанской конной дивизии и отряда группы войск

особого назначения в Кубанском десанте. Дослужился до звания генерал-майора. Умер в Галлиполи.

³⁸ *Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938)* — в гражданскую войну начдив под Царицыном, командовал группой войск в Астрахани, конным корпусом на Юге, кавалерийской дивизией в Закавказье. Репрессирован.

³⁹ «...Самсонов пожертвовал своим корпусом и своей жизнью...» — генерал Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) в начале 1-й мировой войны командовал 2-й армией, которая в ходе Восточно-Прусской операции (1914) потерпела поражение, а часть ее была окружена, что стало следствием бездействия командующего Северо-Западным фронтом генерала Я. Г. Жилинского и предательских действий командующего 1-й армией генерала П. К. Ренненкампа. При выходе из окружения Самсонов погиб (видимо, застрелился).

⁴⁰ *Швальня* — портняжная мастерская.

⁴¹ *Махно Нестор Иванович (1889–1934)* — в апреле 1918 г. создал отряд, который вел партизанскую борьбу с австро-германскими войсками и гетманскими властями. В 1919–1920 гг. Махно воевал против белогвардейцев и петлюровцев, Красной Армии. Трижды вступал в соглашение с советской властью и нарушал его. В августе 1921 г. бежал в Румынию. Жил во Франции. Написал 2 тома воспоминаний.

⁴² «...и захвате Петлюры власти...» — Симон Васильевич Петлюра (1879–1926), член Украинской социал-демократической рабочей партии, был в числе организаторов Центральной Рады (1917), провозгласившей «Украинскую народную республику», и Директории (1918), во главе которой он встал в феврале 1919 г. В 1920 г. эмигрировал. Убит в Париже.

⁴³ «...кот, живущий на средства...» — на жаргоне «кот» — сутенер.

⁴⁴ *Дуван* — сходка для дележа добычи, сама добыча; дуванить — делить добычу после набега.

⁴⁵ *Директория* — правительство Украинской народной республики, созданное в ноябре 1918 г., в январе 1919 г. объявила войну Советской России. С февраля 1919 г. Директорию возглавлял С. В. Петлюра, который после окончания совет-

ско-польской войны своим указом 20 ноября 1920 г. ее ликвидировал.

⁴⁶ *Султан-Келеч-Гирей* — полковник, участник «Ледяного» похода. В 1918 г. — командир Черкесского конного полка, затем 2-й бригады 1-й конной дивизии, с декабря 1918 г. — генерал-майор и начальник Черкесской конной дивизии. Эмигрировал. Во время 2-й мировой войны служил в кавказских национальных частях германской армии. Казнен в Москве 16 января 1947 г.

⁴⁷ *Мажара* — большая телега с решетчатыми боковыми стенками.

⁴⁸ *Левандовский Михаил Карлович (1890–1937)* — участник 1-й мировой войны. В 1918–1920 гг. состоял в партии эсеров. В 1918 г. — наркомвоенном Терской советской республики, командовал Владикавказско-Грозненской группой войск. В 1919–1921 гг. — командовал 11-й армией; кавалерийской и Кубанской стрелковой дивизиями, Терской группой войск. В 1924–1925 гг. — командующий войсками Туркестанского фронта и Кавказской Краснознаменной армии. В 1928–1929 гг. занимал различные командные должности, в 1934–1937 гг. — член Военного совета при НКО СССР. С 1935 г. — командарм 2-го ранга. Был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

⁴⁹ *Май-Маевский Владимир Зенонович (1867–1920)* — генерал-лейтенант (1917). С декабря 1917 г. — начальник 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии; в мае—ноябре 1919 г. — командующий Добровольческой армией. В конце 1919 г. отстранен от должности. Умер в Севастополе во время эвакуации.

⁵⁰ *Мария Федоровна (1847–1928)* — супруга Александра III, вдовствовала с 1894 г.

⁵¹ «...Бичераховы в Петровске и в Баку — полная власть». — Лазарь Федорович Бичерахов (1882–1952) — подъяесаул, Георгиевский кавалер, в 1918 г. возвратившись из Персии, где был начальником партизанского отряда, стал руководителем борьбы с большевиками в Дагестане, командовал войсками «Диктатуры Центрокаспия», затем возглавлял союзное Кавказско-Каспийское правительство. Уфимской директорией назначен командующим войсками Запад-

но-Каспийского побережья и произведен в генерал-майоры. В начале 1919 г. после расформирования его войск англичанами перешел во ВСЮР. Эмигрировал в Германию.

⁵² *Воронцов-Дашков Илларион Илларионович (1877–1932)* — граф. В 1918–1919 гг. находился в резерве чинов при штабе армии и главнокомандующего ВСЮР, затем при штабах Кавказской и Крымско-Азовской добровольческих армий, в 1920 г. — в представительстве ВСЮР в Батуме. Эмигрировал во Францию.

⁵³ *Гейман Александр Александрович (1866–1919)* — генерал-майор. Весной 1918 г. возглавил восстание кубанских казаков Майкопского отдела, в октябре присоединился с ними к частям Покровского. С ноября 1918 г. — начальник 2-й Кубанской пластунской отдельной бригады, генерал-лейтенант.

⁵⁴ «*Варенька... в честь... любви Лермонтова*» — Варвара Александровна Лопухина (1814–1855).

⁵⁵ *Юзефович Яков Давидович (1872–1929)* — из дворян. Георгиевский кавалер. С лета 1918 г. в Добровольческой армии, с января 1919 г. — начальник ее штаба, командир 3-го конного корпуса; затем — начальник штаба Кавказской армии, командир 5-го кавалерийского корпуса. С ноября 1919 г. — числился в резерве чинов при штабе главнокомандующего; в апреле 1920 г. он руководил строительством укреплений в Северной Таврии. В 1921 г. эмигрировал в Эстонию.

⁵⁶ *Штейфон Борис Александрович (1881–1945)* — полковник, штаб-офицер для поручений штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с апреля 1918 г., был начальником штаба Южной армии, затем — 3-й пехотной дивизии, в 1919 г. — командир Белозерского и Архангелогородского полков, занимал другие командные должности. Галлиполиец, комендант города и лагеря русской армии. Был начальником штаба и командиром Русского Корпуса (добровольческого формирования в Югославии, созданного для защиты эмигрантского населения, против которого местными коммунистами был развернут террор).

⁵⁷ *Витковский Владимир Константинович (1885–1978)* — из дворян. Георгиевский кавалер. С весны 1918 г. —

в отряде Дроздовского, командовал солдатским батальоном, офицерским стрелковым полком, бригадой. С февраля 1919 г. — начальник 3-й (Дроздовской) дивизии. В 1920 г. получил звание генерал-лейтенанта; в русской армии — командир армейского корпуса, командующий 2-й армией; затем начальник пехотной дивизии и заместитель Кутепова в Галлиполи. Жил во Франции, в США.

⁵⁸ *Топорков Сергей Михайлович (1881–1931)* — из казаков, произведен в офицеры за боевое отличие. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В 1918 г. командовал 1-м Запорожским полком Кубанского казачьего войска, 2-й бригадой 1-й конной дивизии; в 1919 г. — начальник Терской казачьей конной дивизии, командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 г. — 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. Эмигрировал в Югославию, в 1922 г. — атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви.

⁵⁹ *Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1939)* — в 1917–1919 гг. один из организаторов Красной Армии, командующий советскими войсками Юга России. В 1922–1924 гг. начальник Политуправления РВС СССР, последний пост — нарком юстиции РСФСР (с 1937). Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁶⁰ «...*Григорьев против советской власти...*» — штабс-капитан царской армии Н. А. Григорьев с декабря 1918 г. — петлюровский атаман. Со своими отрядами он перешел на сторону Красной Армии, в феврале 1919 г. был назначен командиром 1-й Заднепровской украинской советской бригады, переформированной в 6-ю украинскую советскую дивизию, но продолжал называть себя «атаманом партизан Херсонщины и Таврии». Отказавшись выполнить приказ командования о перемещении дивизии на Румынский фронт, он 7 мая поднял мятеж в тылу Красной Армии, выдвинув лозунги «власть Советам народа Украины без коммунистов», «Украина для украинцев» и др. К концу мая мятеж был подавлен. Григорьев бежал к махновцам и 27 июля, как сообщает Большая Советская энциклопедия, «был убит Махно, который видел в нем соперника».

⁶¹ «...и меня, старого революционера, бывшего каторжника...» — Нестор Махно во время революции 1905–1907 гг.

вступил в анархистскую группу, участвовал в террористических актах и «экспроприациях». В 1909 г. за убийство полицейского пристава был приговорен к смертной казни, замененной, как несовершеннолетнему, 10 годами каторги. Отбыл заключение в Бутырской тюрьме в Москве.

⁶² *Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945)* — в 1916–1922 гг. премьер-министр Великобритании.

⁶³ *Соколовский Василий Иоаникиевич* — подполковник. Осенью 1918 г. — начальник штаба 1-й конной дивизии, затем — 1-го конного корпуса, с декабря — начальник штаба армейской группы генерала Врангеля. С мая 1919 г. — начальник штаба корпуса Шкуро, затем начштаба 1-й Кавказской казачьей дивизии. Галлиполиец. Умер в 1930-х гг. в Париже.

⁶⁴ *Сплин* — от англ. spleen — хандра, уныние, подавленность, депрессия.

⁶⁵ «*Колокольчики*» — казначейские билеты достоинством в 1000 рублей, выпущенные в 1919 г. Главным командованием ВСЮР, получили название по одному из элементов оформления купюры — изображению московского Царь-колокола.

⁶⁶ *Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877–1926)* — 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., генерал-квартирмейстер штаба армии, затем штаба ВСЮР. В эмиграции с марта 1920 г. Умер в Париже.

⁶⁷ «*...корпус Мамонтова... не оправился после знаменитого рейда...*» — генерал-лейтенант Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869–1920) во главе конного корпуса ВСЮР (9 тыс. сабель и штыков) в августе–сентябре 1919 г. совершил рейд по тылам Красной Армии. Мамонтовцы были разбиты конным корпусом Буденного, сам Мамонтов отстранен от командования и впоследствии умер от тифа.

⁶⁸ «*...переговоры с... Пилсудским...*» — Пилсудский Юзеф (1867–1935) в 1919–1922 гг. — глава Польского государства («Начальник»). В 1920 г. руководил военными действиями против Советской России. В мае 1926 г., осуществив государственный переворот, установил в стране авторитарный режим.

⁶⁹ «*...по делам Цекубу...*» — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР была создана

в 1921 г. в Петрограде по инициативе М. Горького, существовала до 1931 г.

⁷⁰ «*В Кронштадте не вышло...*» — антисоветский мятеж 28 февраля — 18 марта 1921 г. был подавлен частями Красной Армии при участии делегатов 10-го съезда.

⁷¹ «*...строчки Пильняка...*» — герои приводят цитаты из романа «Голый год» Бориса Андреевича Пильняка (Вогау) (1894–1938).

⁷² *Трилиссер Михаил (Меер) Абрамович (1883–1938(1940?))* — за революционную деятельность в 1914 г. был выслан на вечное поселение в Сибирь. 1-й Общесибирский съезд советов в 1917 г. избрал его в ЦИК Центросибирь. В 1921 г. по предложению Дзержинского он был направлен в центральный аппарат ВЧК и назначен на должность закордонной части иностранного отдела ВЧК, в 1922 г. стал начальником этого отдела. Трилиссер возглавлял внешнюю разведку до октября 1929 г., с 1926 г. одновременно являлся и заместителем председателя ОГПУ. В 1930 г. он стал замнаркома РКИ РСФСР, с 1935 г. работал в исполкоме Коминтерна. В 1938 г. репрессирован.

⁷³ *Артем Веселый (Кочкуров Николай Иванович) (1899–1938)* — автор романа «Россия, кровью умытая», репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁷⁴ *Первенцев Аркадий Алексеевич (1905–1981)* — писатель, дважды лауреат Государственной премии (1949 г.), его роман «Кочубей» был опубликован в 1937 г.

⁷⁵ «*...молодец — читает «Милого друга».* — «Милый друг» роман Ги де Мопассана.

⁷⁶ *Кутяков Иван Семенович (1897–1938)* — в Гражданскую войну командир красногвардейского отряда, затем командир бригады в 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаева. В 1919–1920 гг. — начальник Чапаевской дивизии, в 1936–1937 гг. командовал войсками Приволжского ВО.

⁷⁷ «*Объявился и Владимир Кириллович Романов...*» — великий князь Владимир Кириллович (1876–1938) в 1922 г., будучи в эмиграции, объявил себя блюстителем русского престола, в 1924 г. принял титул Императора Всероссийского.

⁷⁸ *Власов Андрей Андреевич (1901–1946)* — генерал-лейтенант. 2-я ударная армия, которой он командовал весной

1942 г. попала в окружение. Власов, оказавшись в плену, возглавил Комитет освобождения народов России (КОНР) и Русскую освободительную армию (РОА). В мае 1945 г. захвачен советскими частями и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР повешен.

⁷⁹ *Панвиц Гельмут фон (1898–1947)* — родился в Селезии. В 1939 г. командир разведывательного кавалерийского отряда в Польше, в 1940 г. — во Франции. В 1941 г. командир Головного ударного отряда 45-й немецкой пехотной дивизии, принимал участие в нападении Германии на СССР, в районе Брест-Литовска, дошел до Курска, был командиром 15-го кавалерийского корпуса войск СС, генерал-лейтенант. Будучи инспектором кавалерии при главном командовании сухопутных войск, «не активно содействовал» расправе немецких солдат над жителями оккупированных советских территорий. В 1943 г. от начштаба сухопутных войск получил приказ сформировать из бывших военных Красной Армии 1-ю казачью дивизию, в декабре 1944 г. на ее основе был создан казачий корпус, включенный в Западную армию войск СС. В 1945 г. Панвиц воевал в Югославии против формирований И. Б. Тито. В справке о реабилитации указано, что он был повешен 19 апреля 1947 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. В 2001 г. Главная военная прокуратура РФ признала собственное решение о реабилитации Панвица, принятое в апреле 1996 г., ошибочным и отменила его, указав, что он был осужден обоснованно.

⁸⁰ «*Leben Sie wohl!*» — нем. «Leben Sie wohl!» — Прощайте!

⁸¹ «*Какой сегодня день... шестнадцатое...*» — в Большой Советской энциклопедии (3-е издание) дата смерти А. Шкуро — 17 января.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Рынкевич. ПОД ЗНАКОМ ВОЛКА. Роман	5
<i>Хронологическая таблица</i>	520
<i>Комментарии</i>	525